

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XI, part 2

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
“Nauka”
2015

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XI, часть 2

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
«Наука»
2015

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.

Т. XI. Ч. 2. Языковое разнообразие в Российской Федерации / Ред. Е. В. Головки, М. З. Муслимов, С. А. Оскольская, А. М. Певнов. СПб.: Наука, 2015. — 760 с.

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-039569-5

РЕДКОЛЛЕГИЯ «ТРУДОВ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),

PhD Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен, (Нидерланды, Амстердамский ун-т), член-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин, д. филол. наук М. Д. Воейкова, член-корр. РАН Е. В. Головки,

PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго), PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь), д. филол. наук В. М. Круглов, к. филол. наук

А. Ю. Кожевников, д. филол. наук С. А. Мызников, д. филол. наук, проф. В. И. Подлесская (Москва, РГГУ), PhD Prof. J. Russell / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т), д. филол. наук А. Ю. Русаков, д. филол. наук, проф.

А. Н. Соболев (заместитель председателя), к. филол. наук С. С. Сай, к. филол. наук А. Ю. Урманчиева, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский, Dr. Habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

Редакторы тома член-корр. Е. В. Головки, к. филол. наук

М. З. Муслимов, С. А. Оскольская, д. филол. наук А. М. Певнов

Ответственный за выпуск от редколлегии к. филол. наук А. Ю. Урманчиева
Рецензенты д. филол. наук А. Л. Мальчуков, д. филол. наук И. В. Недялков

Выпуск подготовлен при поддержке гранта РГНФ 13-04-00416а «Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)» (рук. Е. В. Головки).

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН <http://iling.spb.ru/alp/issues.html>

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-039569-5

© ИЛИ РАН, 2015.

© Коллектив авторов, 2015.

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2015.

**Языковое разнообразие
в Российской Федерации**

Языковое разнообразие на территории России: проблемы документирования и интерпретации

Настоящий том включает преимущественно работы, написанные на основе докладов, сделанных в рамках конференции «Редкие и уникальные явления в языках народов Российской Федерации», состоявшейся 2–4 декабря 2010 года [Типологически редкие 2010]. Между конференцией и выходом этой книги прошло довольно много времени. Несколько изменился и первоначальный состав тома, и его концепция. Уже название конференции указывало на то, что организаторы претендуют на создание своего рода «кунсткамеры», в которой были бы собраны лингвистические редкости, отмеченные в языках России. Такая задача является вполне актуальной¹ и выполнимой², однако организаторы конференции не ставили ее перед собой. На стадии формирования этого тома редакторы сошлись во мнении, что название следует изменить на менее амбициозное, при этом оно должно отражать то, что объединяет все без исключения статьи сборника. Такой общей темой стало «языковое разнообразие».

Сегодня об этом написаны без преувеличения тысячи работ. Достаточно взглянуть на количество ссылок по результатам поиска по запросу *linguistic diversity* в поисковой системе Google³, чтобы судить о популярности темы. Именно по этой причине я не делаю здесь даже попытки обзора соответствующей литературы. Вместо этого позволю себе коротко остановиться на некоторых,

¹ См. [Ревнов 2004: 166–167].

² См. собранный Франсом Планком “grammatische Raritätenkabinett” (<http://typo.uni-konstanz.de/rara/intro/>), а также важные публикации [Wohlgemuth, Cysouw 2010a, b], основанные на материалах конференции, организованной Институтом эволюционной антропологии им. Макса Планка в 2006 году (<http://rara.linguist.de/>). К этому кругу работ тематически при-мыкает «Всемирный атлас языковых структур» [Haspelmath et al. (eds.) 2005]; см. также онлайн-версию: [Dryer, Haspelmath 2013]. Я признателен А. Л. Мальчукову за указание на самые последние публикации в этой области.

³ Поиск по запросу «языковое разнообразие» дает еще более впечатляющие результаты, поскольку это русское словосочетание имеет, по сравнению с английским, несколько более широкое значение.

как кажется, важных и чуть менее популярных аспектах проблемы языкового разнообразия.

За редкими исключениями, среди лингвистов уже не осталось таких, которые бы убежденно доказывали, что число языков на Земле если и не растёт, то, во всяком случае, остается неизменным. В первую очередь под угрозой исчезновения оказываются языки, которыми пользуются самые не защищенные в политическом отношении сообщества — этнические меньшинства. В их число попадают практически все без исключения группы коренного населения. Они составляют всего 4% населения Земли, однако на них приходится до 60% всех зафиксированных на Земле языков [Nettle, Romaine 2000]. В этом отношении ситуация в РФ не отличается от того, что мы видим повсеместно [Kazakevich 2002].

Даже в моем, не самом богатом личном опыте есть, по крайней мере, четыре печальных примера, иллюстрирующих процесс сокращения языкового разнообразия. Можно сказать, на моих глазах ушли последние люди, говорившие на языке сиреникских эскимосов (Чукотка), алеутском диалекте острова Атту, языке эйак (северо-западная Аляска) и керекском языке (север Камчатки и юг Чукотки). Последнюю носительницу сиреникского эскимосского, Валентину Ивановну Выйе, мне посчастливилось встречать лично в поселке Сиреники в 1991 году и даже записать от нее на магнитофон несколько текстов⁴. Джон Голодофф, последний человек, родным для которого был аттуанский диалект алеутского языка, скончался на острове Атка в июне 2008 года, когда я с моим коллегой, носителем другого алеутского диалекта Мозесом Дирксом, дожидался летной погоды в аэропорту, чтобы лететь на Атку. Год спустя умерла последняя носительница языка эйак Мэри Смит Джоунз, с которой я познакомился в г. Анкоридже в конце 1990-х годов, хотя ее родным языком и не занимался⁵. О последних носителях керекского языка я знаю со слов моих коллег Александра Павловича Володина и Александра Семеновича Асиновского, работавших с ними во второй половине 1980-х годов и подробно рассказывавших о результатах этой работы на семинарах в ИЛИ РАН⁶.

⁴ С В. И. Выйе много работал Н. Б. Вахтин, см. [Вахтин 2000].

⁵ Об истории документирования языка эйак см. [Krauss 2006].

⁶ См. [Володин 1991, 1997].

Кажется, уже этих четырех случайных примеров достаточно для того, чтобы опровергнуть чрезмерно оптимистичные утверждения насчет сохранности языков. Конечно, в отличие от конкретных языковых систем, языковая способность, которую человек получает от рождения, не подвергается угрозе и обеспечивает возможность создавать новые системы. Однако, к сожалению, число таких систем, попадающих в учебниках и энциклопедиях в раздел language birth, намного меньше числа тех, которые фигурируют в разделе language death.

Здесь имеет смысл сказать об используемых в данной области терминах и, в частности, о биологических метафорах. Лингвисты всегда любили брать метафоры из биологии (достаточно упомянуть хотя бы знаменитую метафору родословного древа языков). Что касается области, которая включает интересующую нас проблематику, такие метафоры (языковая смерть, рождение языков, языковое разнообразие, языковая деградация, экология языка и т. д.) используются особенно широко и с таким постоянством, что авторы, кажется, иногда забывают о том, что это именно метафоры, а не строгие термины. Поскольку язык вещь не природная, а социальная, то биологические метафоры остаются всего лишь метафорами. Абсолютно все, что происходит с языком, — следствие тех изменений, которые происходят в обществе (это никоим образом не противоречит тому, что устройство любого языка в любой момент его существования обусловлено некоторыми универсальными правилами) — это касается и сокращения числа языков.

Из-за социальных изменений, происходящих в мире, языков и диалектов становится меньше, однако, наверное, можно утверждать, что некий среднестатистический индекс разнообразия (если о нем вообще имеет смысл говорить) сохраняется, поскольку одновременно с сокращением числа языков и диалектов языковое разнообразие растет на индивидуальном уровне. Все чаще люди знают больше языков, чем раньше, изучая их сознательно. Благодаря повышению среднего уровня образования, распространению средств массовой информации и интернета на уровне отдельных индивидов появляется большее стилистическое и жанровое разнообразие — причина этого в том, что, благодаря новым возможностям, происходит перераспределение «символической власти», изменяются условия «контроля» языка — различные жанры и

стили становятся более доступными — см. [Bourdieu 1991]. Из-за возросшей социальной мобильности люди овладевают гораздо большим числом социолектов (в активной или пассивной формах)⁷. По причине той же мобильности (как физической, связанной с возможностью более легкого перемещения в пространстве, так и виртуальной, обеспечиваемой доступом через интернет к ресурсам на различных языках) возникает все большее число ситуаций языковых контактов, следствием чего, опять же, является увеличивающееся внутриязыковое разнообразие — как за счет прямых лексических заимствований, так и за счет интерференционных явлений в грамматике. Здесь попутно стоит заметить, что, вопреки довольно-таки распространенному мнению, заимствования отнюдь не засоряют язык, не ведут к его «деградации», а увеличивают внутриязыковое разнообразие — возрастает избирательность языка, происходит детализация значений⁸. Ставшие популярными биологические метафоры «деградация», «загрязнение», «засорение» в последнее время используются не только, когда речь идет о «малых» языках (наподобие тех, что представлены в настоящем томе), но и о «больших» языках, в частности, о русском. Однако история, кажется, не знает случаев, чтобы какой-нибудь язык умер от «загрязнения», будь этой «грязью» заимствования, клише, жаргонизмы, дискурсивные слова, новые конструкции

⁷ Более свободный доступ к стилям, жанрам и регистрам делает все более трудной задачу отличить «своих» от «чужих» только по языку. Более важными для идентификации оказываются другие признаки. Однако даже тогда, когда конкретный индивид на стадии освоения новых для него жанров, стилей и т. д. делает многочисленные «ошибки» (что выдает его как «чужого»), он не «портит» язык как таковой или даже конкретный социолект (как «портит» природу). Так называемые речевые ошибки (неправильное управление, иностилевые элементы и т. п.), пусть даже допускаемые в массовых количествах и с большой регулярностью никак не отражаются на жизнеспособности языка — это может постепенно привести к языковым изменениям, но не к «деградации» языка.

⁸ Заимствования, конечно, ничуть не хуже искусственных образований на базе «собственных средств», наподобие *мокроступов*, *тенников* и т. п). Если между этими заимствованиями и искусственными словами и есть отличия, то только идеологические.

или что-то еще⁹. Если вернуться к заимствованиям, то смело можно сказать, что способность языка делать чужое своим — это признак несокрушимого здоровья языка. То, что русский язык, следуя, как и полагается языку, за изменениями в обществе, впитал и продолжает впитывать все новые и новые заимствованные элементы, говорит лишь о том, что ему совершенно ничего не угрожает¹⁰ (впрочем, всерьез говорить об угрозах, деградации и т. п. в отношении языка, занимающего пятую позицию в мире по числу носителей¹¹, просто невозможно). В другой ситуации оказываются те языки, на которых говорят упомянутые выше 4 процента населения Земли. Эти языки находятся в опасном положении (а лингвисты считают, что волноваться за судьбу языка можно начинать, если на нем говорит менее 100 тысяч человек): сталкиваясь с большими языками, они просто пасуют перед их мощью, выражающейся как в количественном измерении (число носителей), так и в символическом (политическое доминирование, престижность). По целому ряду социальных (не структурных!) причин малые языки оказываются не способны сделать своими необходимое число чужих элементов этого большого языка: гораздо проще оказывается «сдаться», то есть через стадию двуязычия перейти на другой язык.

Как я пытался показать выше, некая средняя норма языкового разнообразия остается прежней, однако такого рода внутриязыковая компенсация вряд ли может успокоить лингвистов, поскольку сокращается количество именно языковых систем. Это, в свою очередь, ограничивает наши знания о мире, так как сокращение числа языков означает сокращение числа когнитивных механизмов.

Начиная с 1991 года, когда в рамках 65-й ежегодной конференции Американского лингвистического общества состоялся первый симпозиум по исчезающим языкам, число работ, посвященных проблеме языков, находящихся под угрозой исчезновения,

⁹ Борьба за «чистоту» русского языка, которую в последние годы особенно активно ведут «пуристы» (сейчас уже трудно подсчитать число пособий, призывающих говорить «правильно») не имеет отношения к чисто академическим задачам и вполне укладывается в рассуждения П. Бурдьё о языке и символической власти [Bourdieu 1991].

¹⁰ См. сходное мнение в работе [Певнов 2007: 110].

¹¹ Или шестую, если считать арабский язык в качестве одного языка, а не совокупности разных диалектов [Ostler 2005: 526, 530].

неуклонно растет. Возникло новое направление современной лингвистики, получившее название «документирование языков». Помимо очевидных причин (опасность физического исчезновения исследуемого объекта — см. [Krauss 1992]) своим бурным развитием оно обязано прогрессу компьютерных и мультимедийных технологий.

Еще полвека назад, во времена относительного изобилия языкового материала, лингвист, интересовавшийся конкретным языковым явлением (например, залогом или способами выражения временной отнесенности), мог позволить себе ограничиться соответствующими анкетами и не улубляться в такую «далекую» область, как этнография народа, говорящего на языке. Более того, он мог даже не обращать большого внимания на другие языковые категории, не попадающие в сформулированную им сиюминутную задачу. В настоящее время формы и методы полевой работы стали меняться.

Как это часто бывает, новые принципы восходят к существовавшим ранее, но прочно забытым положениям, в частности, к так называемой этнографической теории языка британского исследователя Бронислава Малиновского (1884–1942), суть которой сводится к двум основным положениям: (1) понятие контекста ситуации, в которой происходит говорение; (2) взгляд на язык как на действие, как на форму социального поведения, — см. [Duranti 1997: 215]. Такой подход к языку¹² позволял Малиновскому достигнуть той цели, которую он перед собой ставил и которую сам он формулировал так: «осмысление мировоззрения туземца, отношения аборигена к жизни, понимание *его* взглядов на *его* мир» [Малиновский 2004 (1922): 42]. Малиновский был одним из первых профессиональных антропологов, выучившим язык изучаемого им народа настолько, что мог не только задавать простые вопросы и записывать ответы с помощью добровольных помощников (переводчиков), но также слушать и понимать повседневные разговоры и даже участвовать в них. Здесь следует отметить, что британская антропологическая школа всегда придавала большое значение использованию языка изучаемого народа при сборе антропологических данных. Например, в шестом издании "Notes and

¹² Об этнографической теории языка Б. Малиновского см.: [Малиновский 2004 (1922): 21–44, 423–458; Malinowski 1989 (1923)].

"Queries on Anthropology" есть посвященная этому девятая глава и в ней, в частности, следующий пассаж, посвященный записи языка изучаемого народа:

Запись текстов, имеющая огромное значение для получения лингвистического материала, позволяет получить также важную информацию о культурных фактах. Обширные тексты могут быть записаны под диктовку информанта, которого можно просить рассказать о каком-нибудь случае из его жизни или о каком-нибудь интересном ему занятии, любой рассказ, миф или событие из жизни семьи или сообщества. Информацию, получаемую из таких текстов можно расширить, задавая дополнительные вопросы; в этом случае тексты становятся источником ценных антропологических данных. Более того, следует записывать повседневные разговоры, детские разговоры, разговоры родственников, партнеров по работе и т. д. Если исследователь пока не очень хорошо знает язык, ему следует сразу же получить перевод записанного текста (цит. по: [Duranti 1997: 215]).

И хотя лучшие из российских этнографов во все времена старались освоить язык изучаемого народа¹³, а лучшие из лингвистов никогда не пренебрегали этнографическими сведениями, разделение между этнографической и лингвистической полевой работой в определенный исторический период стало очень заметным. Так, исследователи, работавшие по «разным ведомствам» в советский период, часто даже не фиксировали информацию, которую они считали относящейся к «чужой» области науки. Особенно заметным это разделение стало начиная с 60-х годов XX века (это, в частности, можно проследить и по архивам исследователей того времени, которые поступают в распоряжение ИЛИ РАН).

В последние годы возникло несколько международных программ, посвященных документированию исчезающих языков и диалектов. В основе этих программ — возврат к принципам, которые мы попытались очертить выше. Так, задача Программы документирования исчезающих языков (Endangered Languages Documentation Programme), существующей в Лондонском университете на факуль-

¹³ Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в каждой традиции, в том числе российской, был исследователь (исследователи), сыгравший ту же роль, что Малиновский для британской (и мировой) науки.

тете восточных и африканских исследований, School of Oriental and African Studies — SOAS) — способствовать развитию исследований исчезающих языков и поддерживать документирование максимального числа этих языков ради сохранения культур и языков (циркулярное письмо SOAS от 2 августа 2002 года; см. www.eldp.soas.ac.uk). Одна из заявленных целей этого документирования — «создание банков лингвистических данных для лингвистики и социальных наук и, конечно, для коренного населения». Это документирование должно включать «описания не только формальной структуры языков, но и различных социально-культурных контекстов, в пределах которых эти языки функционируют» ([там же]; см. также [Hill 2006; Himmelmann 2006]).

Качество и разнообразие языковых данных, получаемых в процессе документирования, напрямую зависит от теоретических предпосылок и практических методов, применяемых исследователем. В качестве основы формирования корпуса материала рекомендуется использование мультимедийных средств (аудио и видео — см.: [Himmelmann 1998; Lehmann 2001; Wittenburg 2003; Haviland 2006]). Использование видео записывающих устройств, ставшее неотъемлемой частью современной полевой работы, преследует несколько связанных между собой целей [Ashmore 2008]. Прежде всего, обеспечивается фиксация культурного и языкового события. Далее, видеозапись может быть использована как инструмент, помогающий позже сделать транскрипцию и провести (инструментальный) анализ; она же помогает «разговорить» информанта, что совершенно необходимо также и при элиситации. Кроме того, это ценный ресурс для практического изучения языка и сохранения культурного наследия, а также средство вовлечения языкового коллектива в процесс документирования.

Неотъемлемая часть работы по документированию — создание языковых корпусов. Полноценный корпус должны отличать прежде всего разнообразие и значительный объем [Woodbury 2003]. Материал корпуса должен быть прозрачен и находиться в хорошем состоянии, он должен быть собран с соблюдением этических норм полевой работы, а также должен обладать свойством «транспортабельности». В идеальном случае корпус не только должен отражать репрезентативные ситуации использования языка, но и включать нетипичные случаи его использования. Материал корпуса

должен быть классифицирован в зависимости от того, какими методами получены те или иные данные, а также в зависимости от того, какого рода коммуникативные события они отражают — естественные ситуации, постановочные или элиситации [Himmelman 1998]. Кроме того, должна быть проведена классификация по источнику информации, по тематике (которая должна быть достаточно широкой и включать как бытовые темы, так и темы из области традиционного знания — этноботаника, этнозоология, традиционные культурные практики, фольклор). Разнообразие грамматических структур обеспечивается, с одной стороны, тем, что записываются тексты разных жанров (от фольклорных текстов до бытовых разговоров), а с другой стороны, тем, что полевые сессии с информантами, направленные на элиситацию, также должны быть записаны на аудио- или видеоносители.

Данные, содержащиеся в корпусе, должны отвечать ряду условий, а именно содержать описание, сделанное с использованием стандартной терминологии, они должны быть записаны на стандартных носителях и в стандартных форматах, с тем чтобы все исследователи и члены языкового коллектива (в том числе, те, кому понадобится обратиться к ним в будущем), могли без труда извлекать нужную информацию. Данные должны быть представлены в несегментированном виде и быть снабжены легко читаемыми, синхронизированными транскрипциями, что обеспечит верифицируемость данных, а также позволит другим исследователям проверять уже сделанный анализ и представлять свои варианты анализа. Важнейший аспект документирования — создание цифровых архивов [Nathan 2008]. На их базе могут создаваться интернет-сайты, которые если и не помогут возродить язык, то, по крайней мере, могут способствовать тому, чтобы затормозить процесс его исчезновения, а также выполняют роль инструмента в важном деле культурной и этнической самоидентификации — см. [Ханина 2008].

Нередко серьезная работа по документированию начинается, когда положение уже почти безнадежно. В тех случаях, когда языковой сдвиг зашел очень далеко и язык уже не используется в естественных условиях, может применяться метод «учитель-ученик» [Hinton 2001, 2002].

Следует особо подчеркнуть, что появление и развитие документирования языков и диалектов как направления лингвистики, хотя и было связано с фиксацией именно исчезающих языков и диалектов, однако не ограничивается ими. Те языки, на которых говорят сотни тысяч и даже миллионы носителей и положение которых по этой причине кажется вполне благополучным, заслуживают всестороннего документирования ничуть не в меньшей степени, чем языки, на которых говорит десяток-другой пожилых людей. Социальные изменения, стремительно происходящие в современном мире, меняют не просто внешние атрибуты той или иной культуры, но и оказывают огромное влияние на языки, прежде всего на правила их использования. Это происходит из-за изменений в сфере прагматики. Так, даже в современном русском языке способы реализации речевых актов очень сильно отличаются от того, что было еще в последней четверти XX века. Изменились формулы приветствия и прощания, формы обращения, гендерная и возрастная дистрибуция языковых форм, правила смены очереди в разговоре и т. д.

В случае с языками малочисленных народов, такие вещи, к сожалению, почти не фиксировались ранее — записывались преимущественно нарративы, «сказки», тескты мифологического характера. Традиция концентрировать внимание на такого рода текстах (точнее, рассказах о прошлом в широком смысле слова) восходит еще к Ф. Боасу. Отдавая должное его заслугам в области документирования, нельзя не заметить, что такое гипертрофированное внимание к нарративам повлияло как на этнографов, которые стали пренебрегать «этнографией настоящего» в пользу «этнографии прошлого» [Duranti 1997: 54; Fabian 1983], так и на лингвистов — я хорошо помню рассказы старших коллег еще в 1980-е годы о том, кому сколько «текстов» удалось записать в экспедиции (о диалогах, например, речь не шла никогда). Когда я несколько лет назад вместе с моим коллегой, носителем алеутского языка Мозесом Дирксом, работал над расшифровкой алеутских текстов, записанных российским этнографом В. И. Иохельсоном на восковые валики (самая передовая техника того вре-

мени) в 1909–1910 годах¹⁴, все было захватывающе интересно — произношение, лексика, грамматика. Но самые поразительные вещи обнаружили на стыках разных восковых валиков, точнее в начале и конце каждого валика. Например, запись уже велась, но информант не был уверен, что уже пора начинать рассказывать, и обращался к исследователю с вопросами или шутил по поводу фонографа («что-то ты долго копаешься», «ну что, уже можно, что ли?» и т. п.). Все это происходило ровно век назад, и единственная возможность узнать, как алеуты в живом общении обращались друг к другу, как шутили, как давали обещания, как сердились и т. д. осталась только в этих случайно записавшихся на валики «не относящихся к делу» речевых отрезках. Не будет преувеличением сказать, что все правила речевого поведения, способы реализации речевых актов с той поры полностью заменились на соответствующие правила доминирующего языка (для языков Сибири — это русский, для языков Аляски — английский и т. д.), и мы, к сожалению, вряд ли сможем «вычислить» навсегда утраченную прагматику¹⁵. Необходимость максимально полной фиксации всего контекста коммуникативной ситуации и невозможность игнорирования тех или иных речевых жанров сегодня, к счастью, вполне осознается и даже, как было сказано выше, является необходимым условием для получения финансирования от серьезных фондов для ведения полевой работы.

Еще одно замечание, касающееся специфики значительной части архивных материалов. Тексты, дошедшие до нас, иногда не дают полного впечатления о некоторых языковых особенностях. В данном случае имеются в виду попытки авторов записей «улучшить» записанные тексты, сделать их «более правильными», «гладкими» — это, в конце концов, всего лишь не осознаваемое желание смотреть на них через призму родной культуры. Так, в фольклорных текстах во что бы то ни стало стремились найти сюжет: это обязательно должна была быть «история», логично выстроенный

¹⁴ Работа велась над несколькими текстами на исчезнувшем диалекте о. Атту, которые по разным причинам не попали в издание [Jochelson 1990]. Работа была поддержана грантом U.S. National Science Foundation.

¹⁵ См., впрочем, относительно новое издание, ставящее именно такую цель: Journal of Historical Pragmatics; см. также [Blum-Kulka et al. 2008].

рассказ. Хотя во многих случаях привычной нам логики повествования в записанных тестах просто не могло быть по причине других принципов поэтики; об этнопоэтике см., напр.: [Nymes 1981; Tedlock 1972, 1983]. Другой, довольно распространенный недостаток архивных текстов — вычищение дискурсивных элементов (якобы не значимых повторов, дискурсивных слов, пауз и т. д.).

Еще одна проблема экспедиционной работы (существующая и поныне) — короткие сроки, отводимые на работу в поле. В поздние советские времена и лингвисты, и этнографы могли работать в экспедиции не более двух месяцев. Для лингвиста, стремящегося уяснить только структуру языка, две-три таких поездки (по одной в год) могли помочь решить задачу. Однако для того, чтобы зафиксировать все разнообразие речевых жанров, надо было бы следовать требованиям классической британской антропологической школы — проводить «в поле» 12 месяцев.

У настоящего тома довольно скромная задача. В нем представлен и проинтерпретирован материал некоторых языков, распространенных на территории России, при этом акцент сделан на тех языках, которые находятся под угрозой исчезновения. Обращение к анализу материала этих языков (как правило, собранного самими авторами в полевых условиях) позволяет полнее осмыслить структурные особенности уходящей «языковой натурь». Не все языки, оказавшиеся в центре внимания авторов, находятся в одинаковом положении. В то время как положение одних поистине катастрофическое (ительменский, кетский, нивхский, юкагирский, алюторский, энецкий, нанайский, почти все прибалтийско-финские языки), другие выглядят чуть более благополучно (эвенкийский, чукотский) — хотя разница здесь совсем невелика (примерно как между полуразрушенным зданием и руинами). Что касается таких языков, как тувинский, якутский, адыгейский, то их существованию в ближайшем будущем, кажется, ничего не угрожает. Однако, если учесть, что численность носителей меньше 100 тысяч считается уже критической и не обеспечивает витальность языка, не будет преувеличением сказать, что будущее всех языков, представленных в этом томе, не самое безмятежное. Авторы тома надеются, что их скромный вклад в документирование и интерпретацию материала поможет сохранить если не языковое разнообразие, то память о языках и культурах.

От лица редакторов этого тома благодарю рецензентов — доктора филологических наук, профессора Игоря Владимировича Недялкова и доктора филологических наук Андрея Львовича Мальчукова — за ценные замечания, которые мы постарались учесть в нашей работе.

Литература

- Вахтин 2000 — Н. Б. Вахтин. Язык сиреникских эскимосов. Muenchen: Lincom–Europa, 2000.
- Володин 1991 — А. П. Володин. Проспект описания грамматик керекского языка (чукотско-камчатская группа) // Е. И. Убрятова, М. И. Черемисина (отв. ред.). Языки народов Сибири. Грамматические исследования: Сборник научных трудов. Новосибирск: Наука, 1991. С. 200–201.
- Володин 1997 — А. П. Володин. Керекский язык // А. П. Володин (ред.). Языки мира: Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1996. С. 53–60.
- Малиновский 2004 (1922) — Б. Малиновский. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004.
- Певнов 2007 — А. М. Певнов. Язык на грани смены // Н. Б. Вахтин (ред.). Языковые изменения в условиях языкового сдвига: Сборник статей. СПб.: Нестор, 2007. С. 99–115.
- Типологически редкие 2010 — Е. В. Головки (отв. ред.). Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России. Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2–4 декабря 2010 года. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Ханина 2008 — О. В. Ханина. Интернет-сайты, посвященные миноритарным языкам: зарубежный опыт // Е. И. Кузьмин, Е. В. Плыс (сост.). Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт. Сборник аналитических материалов. М.: МЦБС, 2008. С. 96–103.
- Ashmore 2008 — L. Ashmore. The role of digital video in language documentation // P. K. Austin (ed.). Language Documentation and Description. Vol. 5. London: SOAS, 2008. P. 77–102.
- Blum-Kulka et al. 2008 — S. Blum-Kulka, M. Blondheim, J. House, G. Kasper, J. Wagner. Intercultural pragmatics, language and society // P. van Sterkenburg (ed.). Unity and Diversity of Languages. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 155–173.
- Bourdieu 1991 — P. Bourdieu. Language and Symbolic Power. Oxford: Polity Press and Basil Blackwell, 1991.

- Dryer, Haspelmath (eds.). 2013 — M. S. Dryer, M. Haspelmath, (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2013. (<http://wals.info/>).
- Duranti 1997 — Duranti, A. *Linguistic Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Fabian 1983 — J. Fabian. *Time and the Other: How anthropology makes its object*. New York: Columbia University Press, 1983.
- Haspelmath et al. (eds.). 2005 — M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Haviland 2006 — J. Haviland. *Documenting lexical knowledge* // J. Gippert, N. P. Himmelmann, U. Mosel (eds.). *Essentials of Language Documentation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 129–162.
- Hill 2006 — J. H. Hill. 2006. *The ethnography of language and language documentation* // J. Gippert, N. P. Himmelmann, U. Mosel (eds.). *Essentials of Language Documentation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 113–128.
- Himmelmann 1998 — N. P. Himmelmann. *Documentary and descriptive linguistics* // *Linguistics*. Vol. 36 (1). 1998. P. 161–195.
- Himmelmann 2006 — N. P. Himmelmann. *Language documentation: What is it and what is it good for?* // J. Gippert, N. P. Himmelmann, U. Mosel (eds.). *Essentials of Language Documentation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 1–30.
- Himmelmann 2012 — N. P. Himmelmann. *Linguistic data types and the interface between language documentation and description* // *Language Documentation and Conservation*. Vol. 6. 2012. P. 187–207.
- Hinton 2001 — L. Hinton. *The Master-Apprentice language learning program* // L. Hinton, K. Hale (eds.). *The Green Book of Language Revitalization in Practice*. London: Elsevier, 2011. P. 217–282.
- Hinton 2002 — L. Hinton. *How to keep your language alive*. Berkeley: Heyday Books, 2002.
- Hymes 1981 — D. Hymes. *“In Vain I Tried to Tell You”: Essays in native American ethnopoetics*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Jochelson 1990 — K. Bergsland, M. Dirks (eds.). *Aleut Tales and Narratives. Collected 1909–1910 by W. Jochelson*. Fairbanks: University of Alaska, 1990.
- Kazakevich 2002 — O. A. Kazakevich. *Education of indigeneous minorities of Russia in the 1930s and 1990s: mother tongue at school* // K. Matsumura (ed.). *Lectures on Language Situation: Russia, Estonia, Finland*. (ICHEL Linguistic Studies Vol. 6). Tokyo: University of Tokyo, 2002. P. 1–34.
- Krauss 1992 — M. E. Krauss. *The world's languages in crisis* // *Language*. Vol. 68 (1). 1992. P. 4–10.

- Krauss 2006 — M. E. Krauss. A history of Eyak language documentation and study: Fredericae de Laguna in Memoriam // *Arctic Anthropology*. Vol. 43. No. 2. 2006. P. 172–217.
- Lehmann 2001 — C. Lehmann. Language documentation: A program // W. Bisang (ed.). *Aspects of Typology and Universals*. Berlin: Akademie Verlag, 2001. P. 83–97.
- Malinowski 1989 (1923) — B. Malinowski. The Problem of Meaning in Primitive Languages // C. K. Ogden, I. A. Richards. *The Meaning of Meaning*. Introduction of U. Eco. San Diego, etc.: A Harvest/ HBJ Book, 1989 (1923). P. 296–336.
- Nettle, Romaine 2000 — D. Nettle, S. Romaine. *Vanishing Voices: The extinction of the world's languages*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Ostler 2005 — N. Ostler. *Empires of the Word: A language history of the world*. New York, etc.: Harper Perennial, 2005.
- Pevnov 2004 — A. M. Pevnov. Language endangerment: five generations of speakers and linguists // O. Sakiyama, F. Endo, H. Watanabe, F. Sasama (eds.). *Lectures on Endangered Languages: 4 — From Kyoto Conference 2001 (ELPR Publications Series C004)*. Osaka, 2004. P. 159–168.
- Tedlock 1972 — D. Tedlock. *Finding the Center: Narrative poetry of the Zuni Indians*. New York: Dial, 1972.
- Tedlock 1983 — D. Tedlock. *The Spoken Word and the Work of Interpretation*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1983.
- Wittenburg 2003 — P. Wittenburg. The DOBES model of language documentation // P. K. Austin (ed.). *Language Documentation and Description*. Vol. 1. London: SOAS, 2003. P. 122–139.
- Wohlgemuth, Cysouw 2010a — J. Wohlgemuth, M. Cysouw. *Rara and Rarissima: Documenting the fringes of linguistic diversity*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2010.
- Wohlgemuth, Cysouw 2010b — J. Wohlgemuth, M. Cysouw. *Rethinking Universals: How rarities affect linguistic theory*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2010.
- Woodbury 2003 — T. Woodbury. Defining documentary linguistics // P. K. Austin (ed.). *Language Documentation and Description*. Vol. 1. London: SOAS, 2003. P. 35–51.

Е. Головки

Т. Б. Агранат
ИЯз РАН, Москва

О ТРЕХ РАРИТЕТНЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

1. Введение

Как известно, в прибалтийско-финских, как и в большинстве уральских языков, стандартное отрицание² чаще всего выражается с помощью специального спрягаемого отрицательного глагола, при котором смысловой глагол стоит в нефинитной (коннегативной) форме. Очень большие колебания в распределении выражения грамматических категорий между отрицательным и смысловым глаголом могут наблюдаться даже по диалектам одного языка: например, для диалектов финского языка это было показано в детальном исследовании [Savijärvi 1977].

Наибольшая глубина словоформы отрицательного глагола (время, лицо, число) засвидетельствована в эстонских диалектах; в то же время на другом полюсе находится эстонский литературный язык, где отрицание уже перестало спрягаться и превратилось в частицу. Смысловой глагол при этом продолжает оставаться в нефинитной форме, а лицо и число выражаются аналитически с помощью местоимений³. Сохраняется, правда, различие форм императива и неимператива в отрицании, что согласуется с иерархией глагольных категорий в [Comrie 1980].

В статье речь пойдет о трех, насколько можно судить, раритетных явлениях, представленных в отрицательной парадигме. Первое — довольно экзотическая форма имперфекта⁴, присутству-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 11-04-18012е.

² О термине «стандартное отрицание» см. [Payne 1985], а также [Miestamo 2000].

³ Тем не менее, во всех прибалтийско-финских языках стандартное отрицание асимметрично (в терминах [Miestamo 2000]).

⁴ Традиционно данные формы называются имперфектом; в более ранних работах и некоторых современных используется термин «пре-

ющая в большинстве прибалтийско-финских, а также некоторых саамских идиомах. Второе — использование в одной отрицательной парадигме для одних лиц одних залоговых форм, а для других лиц — других залоговых форм (это явление представлено в некоторых прибалтийско-финских языках). Третье — «странная» парадигма прохибитива, присутствующая в настоящее время, видимо, только в сойкинском диалекте ижорского языка.

2. Отрицательный имперфект

Для выражения отрицания в так называемом имперфекте (= претерите) прибалтийско-финские языки реализуют две возможности: а) отрицательный глагол стоит в претерите, смысловой глагол — в неизменяемой форме; б) отрицательный глагол не содержит показателя времени, за ним следует перфектное причастие смыслового глагола (см. [Honti 1997: 89]).

Исторический переход от форм типа а) к формам типа б) подробно описан в [Korhonen 1973]. Исторически первичен тип а), который сохранился лишь в некоторых идиомах, вытеснившись почти повсеместно типом б). Примеры на оба типа: а) — эстонский диалектный (1) и б) — финский литературный (2) — приведем из [Хакулинен 1953: 232], мы дадим их с поморфемной нотацией:

- ЭСТОНСКИЙ (ДИАЛ.)
- (1) *e-si-n* *anna*
NEG-IPF-1SG давать.CON
'я не дал'
- ФИНСКИЙ
- (2) *e-n* *anta-nut*
NEG-1SG давать-PTCP.PF.SG

Интересно, что при отрицании в так называемом имперфекте в качестве нефинитной формы используется перфектное причастие, т. е. то же самое причастие, которое употребляется для образования аналитических форм перфекта и плюсквамперфекта.

терит», что представляется более адекватным, так как эти формы выражают общую идею предшествования моменту речи без каких-либо аспектуальных характеристик.

По мнению М. Корхонена, первоначально связка в перфекте отсутствовала в праприбалтийско-финском и саамском и появилась под германским влиянием. Если отсутствие связки в перфекте в вепском языке объясняют ее исчезновением под влиянием русского языка, то в южно-саамском ее отсутствие русским влиянием объяснить нельзя. М. Корхонен же считает, что в вепском языке сохранилось первоначальное состояние, поскольку он находится на периферии контактного скандинавско-германского ареала (см. [Korhonen 1973: 179]).

Номинативное предложение без связки по сравнению с глагольным предложением морфологически несовершенно, поскольку к именному предикату, в отличие от глагольного, не может присоединяться морфема финитного спряжения. С помощью связки номинативное предложение достигает такого же морфологического уровня, как глагольное. Таким образом, в языке, в системе которого имеется спрягаемая связка, предложения типа *minä kuullut* ‘я слышал’, *tüttö kuullut* ‘девушка слышала’⁵ воспринимаются несовершенными. Соответствующие отрицательные предложения, напротив, воспринимались абсолютно нормальными, поскольку морфема, маркирующая финитную категорию, присутствует в отрицательном глаголе и связка для этой функции становится ненужной. Отсюда следует, что когда появились конструкции со связкой, в отрицательном спряжении возникли две конструкции с перфектным причастием: старая:

- (3) *e-n kuul-lut*
 NEG-1SG слышать-PTCP.PF.SG
 ‘я не слышал’

и новая:

- (4) *e-n ole kuul-lut*
 NEG-1SG быть.CON слышать-PTCP.PF.SG
 ‘я не слышал’⁶

[Korhonen 1973: 182].

⁵ i. *mina kuul-lut* ii. *tüttö kuul-lut*
 я слышать-PTCP.PF.SG девушка слышать-PTCP.PF.SG
 ‘я слышал’ ‘девушка слышала’

Здесь и далее примеры из [Korhonen 1973] — финские.

⁶ Перевод и глоссирование примеров везде мои. — Т. А.

Двум формам прошедшего времени в утвердительном спряжении — перфекту и претериту — соответствуют теперь три конструкции отрицательного спряжения, из них тип *minä en ole kuullut* — перфект, а *minä esin kuule* — претерит.

(5) *minä e-n ole kuul-lut*
я NEG-1SG быть.CON слышать-PTCP.PF.SG
'я не слышал'

(6) *minä e-si-n kuule*
я NEG-IPF-1SG слышать.CON
'я не слышал'

Тип, построенный без связки, *minä en kuullut* был действительно больше похож на претерит без связки, *minä kuulin*, чем на перфект со связкой *minä olen kuullut*⁷.

(7) *minä e-n kuul-lut*
я NEG-1SG слышать-PTCP.PF.SG
'я не слышал'

(8) *minä kuul-i-n*
я слышать-IPF-1SG
'я слышал'

(9) *minä ole-n kuul-lut*
я быть-1SG слышать-PTCP.PF.SG
'я слышал'

Эти конструкции: *minä en kuullut* и *minä esin kuule* — стали конкурировать между собой, и в большинстве прибалтийско-финских языков победила конструкция *minä en kuullut* [Korhonen 1973: 182–183].

Какова же причина победы этой конструкции и устойчивости асимметричной парадигмы в большинстве прибалтийско-финских языков?

Как показали исследования М. Миестамо, «существует семантическая и прагматическая асимметрия между ассерцией и негацией. Эта асимметрия может присутствовать во многих семантических и прагматических сферах. В частности, к ним относятся время/аспект, модальность, референциальность, квантификация и статичность vs. динамичность. В отрицательных предложениях из-за дискур-

⁷ Насколько можно понять, М. Корхонен имеет в виду, что в сознании носителя претерит связки не имеет, а перфект — имеет.

сивного контекста отрицания в меньшей степени необходимо точно определять темпоральные и аспектуальные характеристики ситуации, в меньшей степени необходимо индивидуализировать участников события; отрицание более статично, чем утверждение. Кроме наличия маркера отрицания, семантико-прагматическая асимметрия может отражаться различными способами в морфосинтаксическом кодировании вышеуказанных категорий. В некоторых языках маркирование времени/аспекта может быть различным в утвердительных и отрицательных предложениях. Часто видо-временные противопоставления, имеющие место в утвердительных конструкциях, нейтрализуются в отрицательных» [Miestamo 2000: 69–70].

Он также пишет, что «отрицательные предложения обычно более статичны, чем утвердительные. Утверждение о том, что произошло событие, отражает изменение положения дел. Отрицание события, т. е. то, что что-то не происходит, напротив, отражает состояние. Итак, отрицательные предложения обычно кодируют состояние, в то время как утвердительные могут кодировать как состояние, так и события» [Miestamo 2000: 78].

Таким образом, объяснение процессу, описанному в [Korhonen 1973] дают исследования по типологии отрицания.

3. Отрицание и залог

В карельском, вепском⁸ и водском⁹ языках, а также во многих нижнелужских ижорских говорах¹⁰ исконная форма ЗРЛ была вытеснена специальной формой имперсонала, что повлекло за собой изменения в отрицательной парадигме. Приведем примеры отрицательного имперфекта карельского¹¹ и вепского¹² языков.

⁸ В вепском языке в имперфекте в ЗРЛ синонимично употребляются обе формы (см. [Хямяляйнен 1966]).

⁹ В водском языке в сохранившихся до настоящего времени говорах омонимия форм ЗРЛ и имперсонала наблюдается в большинстве случаев, при этом старая форма ЗРЛ может встречаться факультативно только у некаузативных глаголов, имеющих каузативный коррелят, и только в презенсе индикатива (подробно см. [Агранат 2002]).

¹⁰ См. [Laanest 1986: 128].

¹¹ Пример из тихвинского говора собственно карельского диалекта по [Рягоев 1993].

¹² Пример из [Зайцева 1993].

Таблица 1. Отрицательный имперфект карельского и вепсского языков

	(карельск.) ‘давать’		(вепсск.) ‘давать’	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>en anda-n</i>	<i>emmä anda-n</i>	<i>en anda-nd</i>	<i>emei ant-tud</i>
2 л.	<i>et anda-n</i>	<i>että anda-n</i>	<i>ed anda-nd</i>	<i>etei ant-tud</i>
3 л.	<i>ei anda-n</i>	<i>ei anne-ttu</i>	<i>ii anda-nd</i>	<i>ii ant-tud</i>

Изначально отрицательный имперсонал в имперфекте выражался с помощью отрицательного глагола в 3SG и пассивного причастия¹³ смыслового глагола. В карельской парадигме в 3PL, как видим, именно такая форма. В вепсском языке во множественном числе во всех лицах по аналогии — пассивное причастие.

Для водского языка приведем парадигмы двух синхронных срезов: XIX в. и современного:

Таблица 2. Отрицательный имперфект водского языка

	[Ahlquist 1856: 70]		современное состояние ¹⁴	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>en upo-nnu</i>	<i>emmä upo-nnu-t</i>	<i>en uppo-nu</i>	<i>emmä uppo-nu</i>
2 л.	<i>et upo-nnu</i>	<i>että upo-nnu-t</i>	<i>ed uppo-nu</i>	<i>että uppo-nu</i>
3 л.	<i>eb upo-nnu</i>	<i>ewät upo-nnu-t</i>	<i>eb uppo-nu</i>	<i>eväd uppo-stu</i>

В примере намеренно дан непереходный глагол со значением ‘тонуть’, имеющий, тем не менее, пассивное причастие.

В XIX в. в ныне вымершем говоре, описанном А. Алквистом, судя по текстам, формы имперсонала (в утвердительном спряжении) в функции 3PL встречаются спорадически, а исконные формы преобладают (подробно см. [Агранат 2009]). Отрицательная парадигма в этом синхронном срезе архаична, причастия, кроме того, имеют показатели множественного числа.

Имперсонал в отрицательной парадигме в имперфекте в водском языке изначально выражался отрицательным глаголом в 3SG и пассивным причастием смыслового глагола в единственном числе,

¹³ Так называемые пассивные причастия в прибалтийско-финских языках имеются у всех глаголов, независимо от переходности, подробно см. [Агранат 2008].

¹⁴ Полевые данные автора.

т. е. было полное совпадение с формой отрицательного имперфекта 3SG. Пример (10) с глоссами автора см. в [Ahlquist 1856: 71].

- (10) *e-b uro-ttu*
NEG-3SG тонуть-PTCP.PF.PASS
'не тонули' (имперсонал)

В современном языке в отрицании формы имперсонала и 3PL оказали друг на друга взаимное влияние и перестали различаться; отрицательный глагол стал употребляться в форме 3PL, но причастие — пассивное, т. е. форма смешанная. При этом у отрицательного глагола в водском языке отсутствует специальная имперсональная форма.

4. Ижорский прохибитив

Коннегативная форма во всех наклонениях, кроме императива, в прибалтийско-финских языках чаще всего во всех лицах и числах не имеет эксплицитно выраженного показателя, т. е. совпадает с основой глагола¹⁵. Так обстоит дело, например, в ижорском: *en, eD, ei, emmä, että, eväD kuo* ('шить') ([Лаанест 1966]). Императив в 2SG также показателя не имеет: *kuo!* 'шей!' ([Лаанест 1966]), и эти две формы омонимичны¹⁶. В других лично-числовых формах императива присутствуют эксплицитно выраженные показатели.

¹⁵ Однако в вепском, например, это не так: отрицательные формы мн. числа в вепском языке строятся при паритетном участии отрицательного и основного глагола. При образовании отрицательной формы в вепском языке участвуют а) отрицательный глагол, к которому присоединяются лично-числовые окончания, как это происходит в других прибалтийско-финских языках; б) специфическая форма смыслового глагола, которая выступает лишь в отрицательных конструкциях и включает в себя формант *-koi, -goi* [Зайцева 2002: 69–70].

¹⁶ Исторически как в коннегативе, так и в императиве присутствовал показатель *-k*, отпавший по фонетическим причинам, об этом см., например, в [Korhonen 1973]. По данным, приведенным в [Porkka 1885], в хэвском диалекте ижорского языка этот показатель сохранялся (по [Лаанест 1978]), сохраняется уже только в центре ареала распространения хэвского диалекта, в остальных говорах отпал). Таким образом, и до отпадения показателя эти формы были омонимичны.

В прибалтийско-финских языках на территории РФ, очевидно, под влиянием русского языка, в 3 лице исконная форма императива и прохибитива вытеснилась аналитической конструкцией, состоящей из частицы со значением ‘пусть, пускай’ (по происхождению из императива глагола ‘пускать, пустить’) и смыслового глагола соответственно в 3SG или 3PL настоящего времени индикатива (см., например, в вепсском [Зайцева 1981], в водском [Агранат 2007]). В сойкинском диалекте ижорского языка старые формы императива и прохибитива также сохраняются только во втором лице обоих чисел.

В очерке [Лаанест 1966], который составлен на базе сойкинского диалекта, написано:

⟨...⟩ подобно настоящему времени изъявительного наклонения образуются отрицательные формы условного и возможного наклонений, состоящие из отрицательного глагола в соответствующем лице и числе и основы условного или возможного наклонений. При образовании отрицательных форм повелительного наклонения отрицательный глагол спрягается следующим образом: в единственном числе 2 л. *elä*, 3 л. *elkää*; во множественном числе — 2 л. *elkää*, 3 л. *elkässe* [Лаанест 1966: 111].

Как видим, здесь, тем не менее, даны формы и 3 лица. О том, в какой форме стоит смысловой глагол, ничего не сказано.

В [Лаанест 1978] формы 3-го лица прохибитива приводятся только со ссылкой на [Porkka 1885].

В синхронном срезе, описанном в [Porkka 1885], находим следующее: в 3SG и во 2PL и 3PL императива смысловой глагол стоит в инфинитиве: *elkää(n) männä(k)* ‘пусть не идет’, *elkäässe höö panna(k)* ‘пусть они не кладут’ [Porkka 1885: 93].

В [Лаанест 1978] об ижорском прохибитиве говорится следующее:

Во 2SG в повелительном наклонении используется отрицательный глагол *elä*, основной глагол имеет ту же форму, что в изъявительном наклонении настоящего времени: *elä iDe* ‘не плачь’. Во 2PL отрицательный глагол *elkä*. Форма основного глагола в сойкинском и хэваском диалектах идентична инфинитиву на *-t* [Лаанест 1978].

А. Лаанест дает историческое объяснение происхождения формы 2PL:

Форма основного глагола, идентичная инфинитиву, была обобщена по аналогии со случаями, где смычный в признаке *-ka, -kä* после гласного безударного слога закономерно пал, например, **laulakak* > *laulaa*(G) ‘петь’ [Лаанест 1978: 295].

В работе Эве Саар [Saar 2008] даны примеры из сойкин-ского диалекта:

- (11) *el-kää* *tul-la* *tänne*
 NEG-IMP.2PL приходить-INF сюда
 ‘не приходите сюда’,

el-kää too-vva, ‘не приносите’, *elä lää* ‘не ходи’, *el-kää lähti-ä* ‘не ходите’. Как можно видеть, в единственном числе смысловый глагол не имеет показателя, во 2PL коннегатив везде совпадает с инфинитивом.

Как показывают собственные полевые данные автора, императив в 3-м лице в сойкинском диалекте ижорского языка полностью исчез. Во 2SG в прохибитиве все без исключения информанты употребляют немаркированную форму смыслового глагола:

- (12) *Elä* *lie*
 NEG.IMP.2SG читать.CON/IMP
 ‘Не читай!’

Возможна двоякая трактовка формы смыслового глагола прохибитива 2SG: как коннегатив, так и императив (в глоссировании отражена возможность двоякой трактовки).

Во 2PL встречается два варианта: инфинитив смыслового глагола (13а), а также форма, где наклонение, лицо и число маркируются дважды: в словоформе отрицательного глагола и в словоформе смыслового глагола, независимо от того, считаем ли мы последнюю коннегативом или императивом (13б).

- (13а) *El-kä* *lukki-a*
 NEG-IMP.2PL читать-INF

- (13б) *El-kä* *lugi-ga*
 NEG-IMP.2PL читать.CON-2PL/IMP.2PL

(В (13б) глоссирование также отражает возможность двоякой трактовки; несовпадение на поверхностном уровне основ смыслового глагола вызвано морфонологическими причинами).

Было опрошено 11 носителей сойкинского диалекта, однако собранный корпус примеров пока не позволяет понять дистрибуцию этих форм. Для некоторых глаголов информанты допускали обе формы, для некоторых — допускали одну и запрещали другую, причем в разных идиолектах дистрибуция не была одинаковой. Не удалось пока понять, зависит ли дистрибуция от возраста информанта и/или от говора. При выравнивании парадигмы и вытеснении одной формы другой скорее бы ожидалась их свободная дистрибуция.

5. Заключение

В статье было рассмотрено три явления в отрицательном спряжении в прибалтийско-финских языках, которые можно было бы назвать раритетными. Во всех случаях нарушилась стройность парадигмы в результате исторических системных изменений.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CON — коннегатив; IMP — императив; INF — инфинитив; IPF — имперфект; NEG — отрицательный глагол; PASS — пассив; PF — перфект; PL — множественное число; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Агранат 2002 — Т. Б. Агранат. Живые процессы в вымирающем языке // Материалы 3-й международной школы-семинара по лингвистической типологии и антропологии. М.: РГГУ, 2002. С. 95–96.
- Агранат 2007 — Т. Б. Агранат. Западный диалект водского языка. MSUA 26. Москва-Гронинген: Rijksuniversiteit Groningen, 2007.
- Агранат 2008 — Т. Б. Агранат. О двух типах пассивных конструкций в водском языке // Типология аргументной структуры и синтаксических отношений. Казань: КФУ, 2008. С. 4–14.
- Агранат 2009 — Т. Б. Агранат. О связи отрицания с аспектом, залогом и семантическими ролями в прибалтийско-финских языках // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик, 2009. С. 424–435.
- Зайцева 1981 — М. И. Зайцева. Грамматика вепсского языка. Л.: Наука, 1981.
- Зайцева 1993 - М. И. Зайцева. Вепсский язык // Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 36–48.
- Зайцева 2002 — Н. Г. Зайцева. Вепсский глагол. Петрозаводск: Периодика, 2002.

- Лаанест 1966 — А. Лаанест. Ижорский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966.
- Лаанест 1978 — А. Х. Лаанест. Историческая фонетика и морфология ижорского языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Таллин: Институт языка и литературы АН ЭССР, 1978.
- Рягоев 1993 — В. Д. Рягоев. Карельский язык // Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 63–76.
- Хакулинен 1953 — Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. 1. Фонетика и морфология. М.: Издательство иностранной литературы, 1953.
- Хямяляйнен 1966 — М. М. Хямяляйнен. Вепский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966.
- Ahlquist 1856 — A. Ahlquist. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. V. I. Helsingforsiae, 1856.
- Comrie 1980 — B. Comrie. Negation and Other Verb Categories in the Uralic Languages // Congressus quintis internationalis fenno-ugristarum VI. Turku: Suomen kielen seura, 1980. P. 350–355.
- Honti 1997 — L. Honti. Die Negation im Uralischen I // Linguistica Uralica, 1997, XXXIII, 2. S. 82–96.
- Korhonen 1973 — M. Korhonen. Zur Geschichte des negativen Präteritums und Perfekts im Ostseefinnischen und Lappischen // Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Erkki Itkonen sexagenarii die XXVI mensis aprilis anno MCMLXXIII. Erkki Itkonen 60. Helsinki: MSFOu 150, 1973. S. 174–195.
- Laanest 1986 — A. Laanest. Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn: Valgus, 1986.
- Miestamo 2000 — M. Miestamo. Towards a typology of standard negation // Nordic journal of linguistics, 23. P. 65–88.
- Payne 1985 — J. R. Payne. Negation // T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description. Vol. I. Clause Structure. Cambridge: Cambridge University Press, P. 197–242.
- Porkka 1885 — Y. Porkka. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
- Saar 2008 — E. Saar. Isuri keele soikola murde verbi muutmissüsteem. Magistritöö. Tartu: Tartu ülikool, 2008.
- Savijärvi 1977 — I. Savijärvi. Itämerensuomalaisten kielten kieltoverbi, I. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1977.

О. И. Беляев

МГУ им. М. В. Ломоносова — МГГУ им. М. А. Шолохова, Москва

ПСЕВДОСОЧИНЕНИЕ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Термины «псевдосочинение» и «псевдоподчинение» были впервые предложены в работе [Yuasa, Sadock 2002] для обозначения синтаксических конструкций, обладающих смешанными сочинительно-подчинительными свойствами. «Псевдосочинительными» называются такие конструкции, которые, будучи сочинительными с точки зрения структуры составляющих («синтаксически сочинительными»), обнаруживают ряд синтаксических и семантических свойств, характерных для подчинительных конструкций, то есть являются, по мнению Э. Юаса и Дж. Сейдока, «семантически подчинительными». «Псевдоподчинительными», в свою очередь, называются такие конструкции, для которых верно обратное несоответствие.

Примером псевдосочинительной конструкции является следующая конструкция в английском языке, которую Д. Куликовер и Р. Джэкендофф [Culicover, Jackendoff 1997] назвали «Left-subordinating AND»:

- (1) *One more can of beer and I'm leaving.*
‘Ещё одна банка пива, и я пойду’.

Несмотря на то, что данная конструкция оформляется сочинительным союзом *and* ‘и’, она обладает семантикой, близкой к условной. Д. Куликовер и Р. Джэкендофф показали, что синтаксические свойства этой конструкции, связанные с Ограничением

¹ Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России, тема НИР 2685 «Параметрическое описание грамматических систем», и РГНФ, проект № 13-04-00342. Я благодарен М. В. Дарчиевой, З. К. Дзущевой и Ф. К. Агузаровой за данные осетинского языка. Кроме того, я благодарен участникам конференции «Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России» (Санкт-Петербург, 2–4 декабря 2011 г.) за ценные замечания. Все ошибки — на моей совести.

на сочинительную структуру Дж. Росса [Ross 1967], свидетельствуют в пользу подчинения. По мнению исследователей, это объясняется тем, что данная конструкция является синтаксически сочинительной, но семантически подчинительной.

Примером псевдоподчинительной конструкции, рассмотренной в [Yuasa, Sadock 2002], является т. н. комитативное сочинение²:

(2) *В комнату вошли Петя с Васей.*

Несмотря на то, что в данной конструкции ИГ *Петя с Васей* выглядит как подчинительная — предлог *с* приписывает творительный падеж второму конъюнкту — она обладает рядом свойств, характерных скорее для сочинения. В частности, глагол согласуется с такими ИГ по множественному числу, как при сочинении, но не по единственному числу, как можно было бы ожидать при полностью подчинительном анализе. Руководствуясь этими и другими синтаксическими фактами, Э. Юаса и Дж. Сейдок приходят к выводу о том, что данная конструкция, будучи синтаксически подчинительной, с семантической точки зрения является сочинительной.

В данной статье будут подробно рассмотрены две конструкции в осетинском языке, в которых союз *æмæ* ‘и’ используется в нетипичной для себя функции: для маркирования придаточных причины и пропозициональных сентенциальных актантов³. Свойства, демонстрируемые этими конструкциями, различны: если конструкции с пропозициональным *æмæ*, действительно, можно считать псевдосочинительными в понимании [Yuasa, Sadock 2002], то конструкции со значением причины являются сочинительными по всем рассматриваемым мною параметрам. Это означает, что «семантически подчинительная» конструкция совсем не обязательно обладает какими-либо подчинительными свойствами. Иными словами, уровень «абстрактного синтаксиса» необходимо отличать от уровня семантики высказывания, а то, что в [Yuasa, Sadock 2002] и [Culicover, Jackendoff 1997] называется «семантическим сочинением/подчинением», скорее следует считать «глубинно-синтаксическим сочи-

² В статье подробно рассматривалось комитативное сочинение в языке идиш, однако его свойства в целом совпадают со свойствами похожих конструкций в славянских языках, включая русский.

³ Для удобства я буду называть все подобные конструкции «псевдосочинительными», хотя их синтаксические свойства различны.

нением/подчинением» (или f-подчинением, если считать, что уровень «абстрактного синтаксиса» — это нечто вроде f-структуры, используемой в Лексико-функциональной грамматике).

Данная статья построена следующим образом. В разделе 2 дается общий обзор псевдосочинительных употреблений союза *æмæ* ‘и’ в осетинском языке. В разделе 3 две псевдосочинительные конструкции с этим союзом — причинная и пропозициональная — анализируются с точки зрения их сочинительно-подчинительных свойств. В разделе 4 свойства осетинских конструкций рассматриваются в свете существующих подходов к псевдосочинению; делается вывод о необходимости определения понятий «сочинение» и «подчинение» независимо на трех уровнях структуры предложения. Раздел 5 представляет собой заключение.

2. Псевдосочинение в осетинском языке — общий обзор

В осетинском языке союз *æмæ* ‘и’ используется в следующих не вполне типичных для сочинения контекстах:

1. Сентенциальные актанты при глаголах *фæндын* ‘хотеть’, *æнхъæл уæвын* ‘думать’⁴ (*æмæ*):

(3) *Маен фæнд-ы, æмæ æрба-цæу-ай.*
1SG.GEN хотеть-PRS.3SG и PV-идти-SBJV.2SG
‘Я хочу, **чтобы** ты пришел’.

(4) *Ды æнхъæл да, æмæ афтæмæй*
2SG.NOM (думать) быть.PRS.2SG и так
а-хицæн уы-дзыстæм?
PV-отдельный быть-FUT.1PL
‘Ты думаешь, **(что)** мы так разойдемся?’

[Ахвледиани 1969: 322]

2. Целевые предложения (*æмæ, кæд æмæ*):

(5) *Зæрдаæхъæлдзæг-æй кус, æмæ*
радость-AVL работать[IMP.2SG] и

⁴ Глагол *æнхъæл уæвын* является сложным глаголом, состоящим из именной части *æнхъæл* и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’. Именная часть в независимом употреблении значит ‘надежда’, поскольку значение сложного глагола непосредственно не выводится из значения именной части, я буду условно глоссировать последнюю как ‘(думать)’.

бæзз-ай *лæг-æн!*
 годиться-SBJV.2SG человек-DAT
 ‘Работай с радостью, **чтоб** человеком стать!’
 [Кулаев 1959: 57]

- (6) *Уырызмаæдж-ы* *агур-ын,* *кæд æмæ стæр-ы*
 Урузмаг-GEN искать-PRS.1SG если и набег-IN
а-хæт-иккам.
 PV-бродить-SBJV.1PL
 ‘Ищу Урузмага, **чтобы** постранствовать’.
 [Ахвледиани 1969: 337]

3. Придаточные причины (*уымæн æмæ, уый тыххæй æмæ*):

- (7) *Æз* *бар* *нæ* *дæтт-ын* *дæу-æн*
 1SG.NOM право NEG давать-PRS.1SG 2SG-DAT
куыст-мæ *а-цæу-ын-мæ,* *уымæн* *æмæ*
 работа-ALL PV-идти-INF-ALL 3SG.DIST.DAT и
рынчын *дæ.*
 больной быть.PRS.2SG
 ‘Я тебе не даю право выходить на работу, **потому что** ты болен.’
 [Кулаев 1959: 20–21]

- (8) *Иуане-имæ* *хицæу-ттæ* *лымæн* *уыд-ысты,*
 Иуане-ALL хозяин-PL друг быть-PST.INTR.3PL
уый ***тыххæй*** ***æмæ*** *ис-кæй*
 3SG.DIST.GEN для и INDEF-кто.GEN
æхца *æфстау* *куы* *ба-хъуыд-и*
 деньги заем когда PV-быть.нужным-PST.INTR.3SG
гæртам-ы *тыххæй,* *уæд* *ын* *уым-æй*
 взятка-GEN для тогда 3SG.ENCL.DAT 3SG.DIST-ABL
ис-ын *код-т-ой.*
 братъ-INF делать-TR-PST.3PL
 ‘С Иуане начальство дружило, **потому что**, когда кому-нибудь нужны были деньги займы на взятки, оно (начальство) рекомендовало ему братъ их у него’.
 [Кулаев 1959: 21]

Здесь необходимо заметить, что элементы *уымæн* (3SG.DIST.DAT) и *уый тыххæй* (3SG.DIST.GEN ‘для’) не являются частями «сложного союза», как их называют в осетинских грамматиках, а относятся к главной клаузе. Антецедентом местоимения *уымæн/уый* в этих

случаях является зависимая клауза. Это следует из того, что в случае, если зависимую клаузу необходимо сделать фокусом высказывания, то в предглагольную фокусную позицию помещается именно *уымæн / уый тыххæй*:

- (9) *Æз ацы рæ-тт-æм дæр уымæн*
 1SG.NOM этот место-PL-ALL PTCL 3SG.DIST.DAT
æр-хауд-тæн, æмæ бар-ын нæ
 PV-падать-PST.INTR.1SG и прощать-INF NEG
зон-ын.
 знать-PRS.1SG
 ‘Я **потому** до такого состояния докатился, **что** не умею прощать’.
 [Ахвледиани 1969: 340–341]

4. Придаточные степени, ‘так — что’ (*æмæ*):

- (10) *Алан ахæм расыг уыд-и æмæ дзеу-дзеу*
 Алан такой пьяный быть-PST.INTR.3SG и (кататься)
кæн-гæ-йæ цыд.
 делать-PTCP-ABL идти[PST.INTR.3SG]
 ‘Алан был **такой** пьяный, **что** шел качаясь’.

5. Наконец, следует сказать и о конструкции, ранее не упоминавшейся в грамматиках осетинского языка, которую я буду условно называть «*æмæ*-инверсией» (“coordinating inversion” в [Belyaev 2014]). Практически любое коррелятивное придаточное предложение в осетинском языке может быть переформулировано путем перестановки придаточного в конец предложения и соединения главного и придаточного союзом *æмæ* ‘и’:

- (11) *Æз æй æрмæст дæр ды куы*
 1SG.NOM 3SG.ENCL.GEN только PTCL 2SG.NOM когда
‘рба-цыд-тæ, уæд фед-т-он.
 PV-идти-PST.INTR.2SG тогда PV:видеть-TR-PST.1SG
 ‘Я его увидел только **тогда, когда** ты пришел’.

- (12) *Æз æй æрмæст уæд*
 1SG.NOM 3SG.ENCL.GEN только тогда
фед-т-он, æмæ ды куы
 PV:видеть-TR-PST.1SG и 2SG.NOM когда

‘рба-цъид-тæ.

PV-идти-PST.INTR.2SG

‘Я его увидел только **тогда, когда** ты пришел’.

К сожалению, пока в моем распоряжении слишком мало данных, чтобы иметь возможность точно установить условия появления этой конструкции. Можно предположить, что она используется в тех случаях, когда по каким-то прагматическим или синтаксическим причинам зависимую клаузу необходимо поместить в конец предложения. В коррелятивной конструкции зависимая клауза не может следовать за коррелятом, и поэтому единственной возможностью оказывается использование *æмæ*-инверсии.

Не все из этих конструкций одинаково допустимы для носителей осетинского языка. Поэтому для подробного синтаксического анализа я выбрал две конструкции, которые бесспорно признаются как грамматически правильные большинством носителей языка: конструкцию с сентенциальным актантом при глаголе *æнхъæл уæвын* ‘думать’ (4) и конструкцию причины с *уымæн æмæ* (7), (9). Первую конструкцию я буду далее называть «пропозициональным псевдосочинением», вторую — «причинным псевдосочинением».

3. Причинное и пропозициональное псевдосочинение в сопоставлении с каноническим сочинением и подчинением

3.1. Каноническое сочинение и подчинение в осетинском языке

В данном разделе сочинительно-подчинительные свойства двух рассматриваемых конструкций будут сопоставлены с соответствующими свойствами двух других конструкций — канонического сочинения и подчинения. Понятие канонического сочинения в комментариях не нуждается: это соединение двух и более финитных клауз посредством союза *æмæ*, при котором описываемые в них события либо одновременны, либо происходят последовательно, причём во втором случае линейный порядок клауз отражает темпоральный порядок событий.

Что касается канонического подчинения, то в осетинском языке оно имеет свою специфику, связанную с тем, что подавляющее большинство подчинительных конструкций в осетинском языке явля-

ются подвидами т. н. коррелятивной конструкции⁵. Эта конструкция, традиционно относимая к конструкциям относительного предложения, устроена следующим образом. Зависимая клауза находится в самом начале предложения; семантическая функция зависимой клаузы маркируется предглагольным показателем, как правило, омонимичным соответствующему вопросительному слову (*чи* ‘кто’, *цы* ‘что’, *куыд* ‘как’ и т. п.). Синтаксическая функция зависимой клаузы в главной обозначается указательным местоимением или наречием, соответствующим значению клаузы (для референции к объектам и ситуациям используется указательное местоимение дальнего дейксиса *уый*, для референции к времени — *ухед* ‘тогда’ и т. п.), которое принято называть *коррелятом*. Использование коррелята, как правило, обязательно, однако при определённых условиях (пока не вполне ясных) он может быть опущен. Зависимая клауза и коррелят не образуют составляющей, что видно из того, что они могут быть отделены друг от друга любыми составляющими главной клаузы.

- (13) [*Сæ-хи-мæ* **куы** *’рба-цыд-и*] *мах*
 3PL-REFL-ALL когда PV-идти-PST.INTR.3SG 1PL.NOM
уый *размæ* *а-цыд-ыстæм.*
 3SG.DIST.GEN перед PV-идти-PST.INTR.1PL
 ‘Мы ушли **до того, как** он пришёл’.

Существует и альтернативная конфигурация коррелятивной конструкции, когда зависимая клауза непосредственно примыкает слева к корреляту. В таком случае зависимая клауза и коррелят образуют составляющую, поскольку они не могут быть разорваны. Кроме того, два сочетания «зависимая клауза + коррелят» могут быть сочинены, что было бы невозможно, если бы каждое из них не было составляющей:

- (14) *Алан* *кас-ы* [DP [*цы* *чиныг* *ын*
 Алан читать-PRS.3SG что книга 3SG.ENCL.DAT
ба-лаевар *код-т-а* *Аслан*], **уый**],
 PV-подарок делать-TR-PST.3SG Аслан 3SG.DIST
æмæ [DP [*цы* ***статья*** *ны-ффыст-а* *Зауыр*],
 и что статья PV-писать-PST.TR.3SG Заур

⁵ Подробнее о коррелятивной конструкции в осетинском языке см. [Беляев 2011; Belyaev 2014].

уый].

3SG.DIST.NOM

‘Алан читает **ту книгу, которую** ему подарил Аслан, и **ту статью, которую** написал Заур’.

Помимо предглагольных подчинительных показателей, участвующих в образовании коррелятивных конструкций, в осетинском также имеется ограниченный класс «плавающих» [Erschler 2012] союзов. К этому классу относится всего четыре союза: *цæмай* ‘чтобы’, *кæд* ‘если’, *цыма* ‘будто’, *цалынмæ* ‘пока’. Такие союзы могут находиться либо в начальной позиции в клаузе, либо в предглагольной позиции. При этом перед «плавающими» союзами в начальной позиции могут также находиться вынесенные влево составляющие; таким образом, союз может находиться в любой позиции от начала клаузы и до предглагольной:

(15а) *Маен фæнд-ы, [цæмай ды дзул*
 1SG.GEN хотеть-PRS.3SG чтобы 2SG.NOM хлеб
ба-лхæн-ай].
 PV-купить-SBJV.2SG

(15б) *Маен фæнды, [ды дзул цæмай балхæнай]*.

(15в) *Маен фæнды, [ды цæмай дзул балхæнай]*.
 ‘Я хочу, **чтобы** ты купил хлеб’.

В большинстве конструкций с «плавающими» союзами местоимение-коррелят допустимо, но не обязательно (ср. (15), где коррелята нет, и (16), где он есть).

(16) *Дæу уый фæнд-ы, [цæмай*
 2SG.GEN 3SG.DIST.NOM хотеть-PRS.3SG чтобы
Чермен-æн у-а йæ-хиц-æн мулк,
 Чермен-DAT быть-SBJV.3SG 3SG-REFL-DAT власть
зæхх-ытæ æмæ фæс].
 земля-PL и скот
 ‘Ты **того** хочешь, **чтобы** самому Чермену принадлежали власть, земли и скот’.

3.2. Ограничения на линейный порядок клауз

В осетинском языке в канонической сочинительной конструкции ни одна из клауз не может быть вложена в другую (17а), и

линейный порядок клауз не может быть произвольно изменен: он должен соответствовать их временной последовательности (17б) [Haiman 1985: 216].

(17а) **Зауыр, ама с-хуыссыд,* *сæ-хи-мæ*
 Заур и PV-лежать[PST.INTR.3SG] 3PL-REFL-ALL
æрба-цъд-и.
 PV-идти-PST.INTR.3SG
 ‘Заур пришёл домой **и** лег спать’.

(17б) ??*Зауыр с-хуыссыд,* *ама сæ-хи-мæ æрба-цъд-и.*
 ‘Заур пришёл домой **и** лег спать’.

Напротив, в коррелятивной конструкции допустимо гнездование зависимой клаузы внутри главной. Однако при этом за ней обязательно должно следовать местоимение-коррелят, поэтому такая зависимая клауза не может находиться в абсолютном конце предложения:

(18а) *Гуыба ба-зъд-т-а,* [Джерихан
 Губа PV-знать-TR-PST.3SG Джерихан
Алимæрза-имæ кæй фæ-бадт-и],
 Алимурза-COMIT COMPL PV-сесть-PST.INTR.3SG
уый.
 3SG.DIST.NOM
 ‘Губа узнал **то, что** Джерихан просидел с Алимурзой’.

(18б) **Гуыба базъдта уый,* [Джерихан Алимæрзаимæ кæй фæбадти].
 ‘Губа узнал **то, что** Джерихан просидел с Алимурзой’.
 [Багаев 1982: 388]

Что касается зависимых клауз с «плавающими» подчинительными показателями, то их позиция внутри главной клаузы совершенно свободна — они могут находиться в начале, в середине и в конце предложения:

(19) *Маен,* [цæмæй ды дзул
 1SG.GEN чтобы 2SG.NOM хлеб
ба-лхæн-ай], фæнд-ы.
 PV-купить-SBJV.2SG хотеть-PRS.3SG
 ‘Я хочу, **чтобы** ты купил хлеб’.

По данному признаку обе псевдосочинительные конструкции скорее относятся к сочинению. В пропозициональном псевдосочинении «зависимая» клауза всегда следует за «главной», а союз находится посередине между ними (20)–(21):

- (20) **Æмæ йæ Алан сай-ы,*
и 3SG.ENCL.GEN Алан обманывать-PRS.3SG
Зауыр æнхъæл у.
Заур (думать) быть.PRS.3SG
(‘Заур думает, **что** Алан его обманывает’.)
- (21) **Зауыр, æмæ Алан уымæ а-цыд-ис,*
Заур и Алан 3SG.DIST.ALL PV-идти-PST.INTR.3SG
æнхъæл у.
(думать) быть.PRS.3SG
(‘Заур думает, **что** Алан к нему пошёл.’)

При каузальном псевдосочинении гнездование также невозможно (22), но возможен любой линейный порядок клауз: чаще всего придаточное причины следует за главной клаузой (7)–(8), но возможен и порядок, отражающий темпоральную последовательность ситуаций (23). Однако при этом союз обязательно должен находиться между двумя клаузами, что сближает эту конструкцию с сочинением. Какая из клауз является «главной», а какая — «зависимой», определяется исключительно позицией местоимения-коррелята *уымæн*:

- (22) **Зауыр уымæн, æмæ йын æххормаг*
Заур 3SG.DIST.DAT и 3SG.ENCL.DAT голод
уыд-и, æнæхъæн фыдджын
быть-PST.INTR.3SG целый фыдджын
ба-хорд-т-а.
PV-есть-TR-PST.3SG
(‘Заур съел целый фыдджын, **потому что** был голоден’.)
- (23) *Æххормаг Зауыр-æн уыд-и, æмæ*
голод Заур-DAT быть-PST.INTR.3SG и
уымæн уый æнæхъæн фыдджын
3SG.DIST.DAT 3SG.DIST.NOM целый фыдджын

ба-хорд-т-а.

PV-есть-TR-PST.3SG

‘Заур был голоден, и поэтому он съел целый фыдджын’.

Замечу, что дательный падеж в осетинском языке не используется для выражения причины вне этой конструкции, и поэтому (23) нельзя считать простым сочинением клауз, подобным русскому «...и поэтому...».

3.3. Позиция союза

Как уже было сказано выше, в осетинском языке подчинительный показатель всегда находится либо в начале клаузы, либо в предглагольной позиции. При этом в начале клаузы ему может предшествовать топикализованная составляющая (15в). Союз *æмæ* в обеих псевдосочинительных конструкциях не относится ни к классу предглагольных союзов, ни к классу «плавающих» союзов — он всегда находится строго между двумя клаузами, и ему не может предшествовать никакая составляющая семантически зависимой клаузы:

- (24) **Зауыр æнхъæл* у [Алан *æй*
 Заур (думать) быть.PRS.3SG Алан 3SG.ENCL.GEN
æмæ сай-ы].
 и обманывать-PRS.3SG
 (‘Заур думает, что Алан его обманывает’.)

- (25) **Зауыр æнæхъæн фыдджын уымæн*
 Заур целый фыдджын 3SG.DIST.DAT
ба-хорд-т-а, [*æххормаг ын æмæ*
 PV-есть-TR-PST.3SG голод 3SG.ENCL.DAT и
уыд-и].
 быть-PST.INTR.3SG
 (‘Заур съел целый фыдджын, потому что был голоден’.)

Это свидетельствует о том, что союз *æмæ* в обеих псевдосочинительных конструкциях занимает позицию сочинительного союза, то есть находится между двумя клаузами, не входя ни в одну из них. Таким образом, по крайней мере с точки зрения структуры составляющих, псевдосочинительные конструкции следует считать подклассом сочинительных.

3.4. Ограничения на анафору

В осетинском языке, как и во многих других языках [Haspelmath 1995], в канонически сочинительных предложениях катафора (т. е. предшествование анафора antecedенту) в большинстве случаев невозможна (26), а в подчинительных — возможна, если анафор находится в зависимой клаузе (27).

(26) *Æз æй_i фæд-т-он, æмæ
 1SG.NOM 3SG.ENCL.GEN PV:видеть-TR-PST.1SG и
 мæм Алан_i ба-дзырд-т-а.
 1SG.ENCL.ALL Алан PV-говорить-TR-PST.3SG
 (*‘Я его_i увидел, и Алан_i меня позвал’.)

(27) Æз æй_i куы фæд-т-он,
 1SG.NOM 3SG.ENCL.GEN когда PV:видеть-TR-PST.1SG
 уæд Алан_i мæм ба-дзырд-т-а.
 тогда Алан 1SG.ENCL.ALL PV-говорить-TR-PST.3SG
 ‘Когда я его увидел, Алан меня позвал’.

Проверить этот признак возможно только для каузального псевдосочинения, где взаимное расположение клауз свободно. В этой конструкции катафора из семантически зависимой клаузы невозможна, что говорит о сочинительном характере конструкции:

(28) *Æххормаг ын_i уыд-и, æмæ
 голод 3SG.ENCL.DAT быть-PST.INTR.3SG и
 уымæн Зауыр_i æнæхъæн фыдджын
 3SG.DIST.DAT Заур целый фыдджын
 ба-хорд-т-а.
 PV-есть-TR-PST.3SG
 (‘Потому что он_i был голоден, Заур_i съел целый фыдджын’.)

3.5. Островные ограничения

В осетинском языке сочинительные конструкции подчиняются т. н. Ограничению на сочинительную структуру Дж. Росса (Coordinate Structure Constraint) [Ross 1967]. Никакая из составляющих одного из конъюнктов не может быть мишенью синтаксического правила, применяемого извне сочиненной группы. В частности, нельзя использовать в коррелятивной конструкции две сочиненные клаузы, только одна из которых содержит вопро-

сительно-относительное местоимение, маркирующее мишень релятивизации:

- (29) [Алан хæдзар-мæ кæй æрба-цъид-ис **æмæ**
 Алан дом-ALL COMPL PV-идти-PST.INTR.3SG и
 *(кæй) с-хуыссыд], уый
 COMPL PV-спать[PST.INTR.3SG] 3SG.DIST.NOM
 зон-ын
 знать-PRS.1SG
 ‘Я знаю, что Алан пришёл домой и лёг спать’ (букв. ‘Что Алан пришёл домой и что лёг спать, это я знаю’).

При этом релятивизация участника главной клаузы (но не зависимой) при подчинении допустима:

- (30) *Æз фæд-т-он, [[æххормаг (*цц)
 1SG.NOM PV:видеть-TR-PST.1SG голодный кто.NOM
 кæй уыд-и] уый тыххæй
 COMPL быть-PST.INTR.3SG 3SG.DIST.GEN для
 æнæхъæн фыдджын цц ба-хорд-т-а],
 целый фыдджын кто.NOM PV-есть-TR-PST.3SG
 уыцы лæппу-йы.
 DIST мальчик-GEN
 ‘Я видел того мальчика, который съел целый фыдджын, потому что был голоден’.*

По отношению к этому признаку две псевдосочинительные конструкции проявляют разные свойства. Релятивизация из семантически главной клаузы в пропозициональном псевдосочинении возможна (31), тогда как в каузальном псевдосочинении релятивизация невозможна ни в каком виде (32):

- (31) [Афтæ æнхъæл куы уыд-аин, **æмæ**
 так (думать) если быть-CNTRF.1SG и
 мæ сай-гæ (*куы) кæн-ыс],
 1SG.ENCL.GEN обманывать-PTCP если делать-PRS.2SG
уæд демæ ныхас нæ код-т-аин.
 тогда 2SG.COMIT речь NEG делать-TR-CNTRF.1SG
 ‘Если бы я думал, что ты меня обманываешь, я бы с тобой не разговаривал’.

- (32) **[Залина-йы уымæн кувь фæнд-ы*
 Залина-GEN 3SG.DIST.DAT если хотеть-PRS.3SG
мæн-мæ чындз-ы 'р-цæу-ын, æмæ хъæздыг (кувь)
 1SG-ALL невеста-IN PV-идти-INF и богатый если
дæн], уæд æз разы
 быть.PRS.1SG тогда 1SG.NOM согласный
нæ дæн.
 NEG быть.PRS.1SG
 ('Если Залина хочет выйти замуж за меня только потому,
 что я богатый, то я не согласен'.)

3.6. Отрицание «скрытой» предикации

Важным отличием обстоятельственных подчинительных конструкций от канонических сочинительных конструкций является тот факт, что ассертивная часть подчинительной конструкции включает в себя, помимо главной предикации (а также, в некоторых конструкциях, зависимой), также и компонент значения, передающий связь между двумя ситуациями. Это видно из того, как ведут себя предложения с обстоятельственными придаточными при помещении их в сферу действия внешнего отрицания (например, предиката 'неверно, что...'). В таком случае возможна интерпретация, при которой ситуации, выражаемые главной и зависимой клаузами, обе истинны, а отрицанию подвергается лишь отношение между этими ситуациями:

- (33) *Неправда, что ты проснулся, когда рассвело. Ты проснулся значительно позже!*
 (34) *Неправда, что он женился на ней, потому что она богатая. Он женился по любви!*

Очевидно, что в предложении (33) и главная, и зависимая клаузы являются истинными, а отрицанию подвергается лишь их одновременность. Аналогичным образом в (34) не отрицается ни факт женитьбы, ни факт богатства невесты — отрицанию подвергается лишь связь этих фактов между собой.

С другой стороны, в сочинительных конструкциях внешнее отрицание может затрагивать либо обе ситуации, либо (что реже) только одну из них, но само отношение между ситуациями (при истинности обеих) в сфере действия отрицания находится не

может. Интересно, что это относится не только к конструкциям с союзами *и* и *а* (35), но и к противительным конструкциям (36), где, казалось бы, семантическое отношение между двумя клаузами выражено достаточно явно.

(35) ??*Неправда, что я пообедал, а потом сходил в паспортный стол. Всё было наоборот: сначала я сходил в паспортный стол, а потом пообедал.*

(36) **Неправда, что она умная, но красивая. Эти качества не противоречат друг другу!*

Объяснение этому различию между сочинением и подчинением будет предложено ниже. Важным является тот факт, что в осетинском языке причинная псевдосочинительная конструкция, в остальном относящаяся скорее к сочинению, по данному признаку демонстрирует подчинительные свойства:

(37) *Маенг у, æмæ Зæлинаæ Алан-мæ*
 неправда быть.PRS.3SG и Залина Алан-ALL
чындз-ы 'р-цыд-и, уымæн æмæ
 невеста-IN PV-идти-PST.INTR.3SG 3SG.DIST.DAT и
уый хъæздыг у. Уый
 3SG.DIST.NOM богатый быть.PRS.3SG 3SG.DIST.NOM
йæ уарз-ы!
 3SG.ENCL.GEN любить-PRS.3SG
 'Неправда, что Залина вышла замуж за Алана, потому что он богатый. Она его любит!'

Этот тест неприменим к конструкциям с сентенциальными актантами по той причине, что в последних «скрытый» предикат, связывающий две клаузы, отсутствует. Клаузы в таких конструкциях связываются через главную предикацию, актантом которой является зависимая клауза.

3.8. Использование местоимения 'это'

Применим другой тест на сочинение/подчинение, предложенный в работе [Пекелис 2008]. Суть теста состоит в том, что местоимение *это*, антецедентом которого является предложение, может использоваться как одна из частей сложного предложения только в

том случае, если связь между двумя частями этого предложения является подчинительной. Ср. следующие примеры:

(38) *Современная фотография стала банальной, приторной и неинтересной, и всё это, потому что мнит себя искусством.*

[Пекелис 2008: 34]

(39) *Маша была занята подготовкой к экзамену и к тому же простужена. *Это! *Всё это, и мы не взяли её с собой.*

[Пекелис 2008: 35]

В (38) антецедентом местоимения *это* является предложение *Современная фотография стала банальной, приторной и неинтересной*, а само местоимение заменяет главную клаузу при придаточном причины. В (39) *это* аналогичным образом относится к предложению *Маша была занята подготовкой к экзамену и к тому же простужена*, но выступает в качестве одного из конъюнктов в сочинительной конструкции, и поэтому пример (39) не является приемлемым.

Очевидно, этот тест применим только к обстоятельственным придаточным: сентенциальные актанты по определению являются неотъемлемыми частями главной клаузы (это — определяющий признак актантов), и поэтому использование местоимения для референции к главной клаузе, не содержащей одного из своих актантов, невозможно по независимым причинам.

Данный тест был сформулирован О. Е. Пекелис на материале русского языка, и есть все основания полагать, что применение его в других языках может быть затруднено из-за отличного от русского поведения анафорических местоимений. Однако для осетинского языка данный тест оказывается вполне применимым и даёт для канонических конструкций те же результаты, что и в русском языке:

(40)	<i>*Ды</i>	<i>ба-фæстиат</i>	<i>дæ.</i>	Уый,
	2SG.NOM	PV-опоздание	быть.PRS.3SG	3SG.DIST.NOM
	<i>æмæ</i>	<i>дæ</i>	<i>урок</i>	<i>дæр не с-ахуыр</i>
	и	POSS.2SG	урок	PTCL NEG PV-учёба
		<i>код-т-ай.</i>		
		делать-TR-PST.2SG		
		(*‘Ты опоздал. Это, и ещё ты урок не выучил’.)		

Но несмотря на то, что использование конструкции с ‘это’ при сочинении невозможно, оно оказывается допустимым в причинной псевдосочинительной конструкции:

- (41) *Уый* *уымаен*, *æмæ* *Цæрæтæли æппæт*
 3SG.DIST.NOM 3SG.DIST.DAT и Цæрæтæли весь
йæ *цард* *æмæ* *йæ* *сфæлдыстад*
 POSS.3SG жизнь и POSS.3SG творчество
с-нывонд *код-т-а* *йæ* *адам-æн*.
 PV-жертва делать-TR-PST.3SG POSS.3SG народ-DAT
 ‘Это потому, что Цæрæтæли всю свою жизнь и всё своё творчество пожертвовал своему народу’
 [Г. Г. Бестаев, *Произведения, том 3*]

4. Анализ

4.1. Обобщение результатов и проблемы для двухуровневого анализа

Результаты применения вышеприведённых тестов можно суммировать в виде следующей таблицы:

Таблица 1. Результаты применения тестов на сочинение/подчинение

Признак	Причинный <i>æмæ</i>	Пропозициональный <i>æмæ</i>
Порядок клауз	сочинение	сочинение
Позиция союза	сочинение	сочинение
Анафора	сочинение	—
Островные ограничения	сочинение	подчинение
Отрицание	подчинение	—
Использование местоимения ‘это’	подчинение	—

Как видно из таблицы, в целом рассмотренные конструкции хорошо укладываются в схему, предложенную в работе [Yuasa, Sadock 2002]: по таким «поверхностным» признакам, как линейный порядок и позиция союза, обе конструкции являются сочинительными, в то время как по большинству «глубинных» признаков (анафора, относительный временной дейксис и островные ограничения) причинная конструкция проявляет сочинительные свойства, а пропозициональная — подчинительные. Принимая в

расчёт только эти признаки, можно прийти к выводу о том, что причинная конструкция относится к классу канонических сочинительных, а пропозициональная является псевдосочинительной, т. е. синтаксически сочинительной, но семантически подчинительной.

Однако характеристика причинной конструкции как «семантически сочинительной» выглядит достаточно спорной в виду большинства подходов к тому, чем является семантическое сочинение/подчинение. Общепризнанной трактовки понятий «сочинения» и «подчинения» не существует, однако практически все подходы к этому вопросу обычно сводятся к тому, что сочинительные конструкции являются симметричными, а подчинительные — асимметричными. Конечно, вопрос о том, насколько даже канонические сочинительные конструкции, обозначающие последовательность событий, можно считать «семантически симметричными», является спорным. Однако представляется довольно очевидным, что такие значения, как причина, условие или цель должны однозначно относиться к классу семантически подчинительных, так как отношения, стоящие за этими понятиями, бесспорно являются асимметричными. Таким образом, если отнести причинную конструкцию к классу «семантически сочинительных», то концепция Д. Куликовера и Р. Джэкендоффа лишается предсказательной силы: понятия «семантического» сочинения и подчинения определяются чисто формально исходя из синтаксических свойств конструкции, и предсказать, к какому из этих двух классов относится та или иная конструкция, исходя из одного лишь её значения, невозможно. Но в таком случае не вполне понятно, какое отношение эти понятия имеют к собственно семантике.

Другая проблема для двухуровневого анализа осетинского материала состоит в том, что признаки для конструкций образуют не два класса, как можно было бы ожидать, а три. Это видно из того, что тесты на отрицание и на конструкцию с местоимением *это* дают для причинной конструкции результат «подчинение», хотя по всем остальным признакам она является сочинительной. Это вынуждает постулировать не два, а три уровня, на которых определяются понятия «сочинение» и «подчинение». По-видимому, первые два уровня («синтаксис» и «семантика») у предшествующих исследователей оба относятся к синтаксису, тогда как третий уровень относится к семантике, будучи напрямую зависимым от значения конструкции.

4.2. Семантическое сочинение и подчинение

В данном разделе я продемонстрирую, почему последние два теста относятся именно к семантическому уровню, а не к синтаксическому.

Тест на отрицание служит для выявления того, имеется ли в ассертивной части высказывания «скрытый» предикат, связывающий две клаузы. Очевидно, речь идёт исключительно об уровне семантики, а не об уровне синтаксиса: с синтаксической точки зрения вершиной всего предложения является предикат главной клаузы, а не союз.

То же можно сказать о конструкции с ‘это’. Значение этой конструкции состоит в том, чтобы подчеркнуть наличие связи между некоторой уже заданной в контексте ситуацией и некоторой другой ситуацией. Если такая связь явно не выражена в значении предложения, то конструкция не может быть употреблена. Такое объяснение предпочтительнее предлагаемого О. Е. Пекелис коммуникативного объяснения, потому что сфера употребления конструкции с *это* не ограничивается сложными предложениями. Эта конструкция также используется с не-сентенциальными сирконстантами предложения, при этом с актантами она использоваться не может:

(42) *Замерзает не только взлётная полоса, но и сам Йошкар-Олинский аэропорт. И это в преддверии большой даты — 80-летия гражданской авиации в России <...>* [И вновь заледенела полоса (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.16]

(43) **Фёдор приехал. И это в Москву!*

Это свойство конструкции с *это* также объясняется наличием в предложениях с сирконстантами скрытой предикации (*аэропорт замерзает в преддверии большой даты* содержит две семантические предикации: ‘аэропорт замерзает’ (X) и ‘время X — в преддверии большой даты’), тогда как актант с глаголом, к которому он относится, не связывает никакое самостоятельное отношение (*Фёдор приехал в Москву*, очевидно, не содержит в качестве самостоятельной ассерции предикацию ‘место X — Москва’). О том, что сирконстанты, в отличие от актантов, вводят собственные семантические предикаты, см. тж. [Тестелец 2001: 190–191].

По-видимому, наличие самостоятельной ассерции, связывающей главную и зависимую предикации, — это и есть ключевой признак, отличающий семантическое сочинение от семантического обстоятельственного подчинения. Несмотря на то, что связь между клаузами в сочинительной конструкции также часто обладает вполне конкретной семантикой (особенно в случае союзов типа *но*), эта семантика не принадлежит к собственно пропозициональному уровню высказывания, т. е. не относится ни к логической ассерции, ни к логической пресуппозиции. Так, в работе [Урысон 2011] центральным компонентом значения противительных союзов считается «пресуппозиция» ожидаемого порядка вещей. Но очевидно, что здесь понятие пресуппозиции не используется в собственно логическом смысле: например, для оценки истинности высказывания *Она умная, но красивая* вовсе не обязательно соглашаться с тем, что умные женщины обычно некрасивы.

По-видимому, отношение между частями сочинительной конструкции описывается понятием *прагматической пресуппозиции* [Stalnaker 1973, Sellars 1954, Падучева 1981]. В отличие от логической, прагматическая пресуппозиция не выражает объективно истинное суждение, а отражает мнение говорящего. При этом для признания высказывания с прагматической пресуппозицией истинным необязательно признавать это мнение истинным. Так, по мнению Е. В. Падучевой, понятие прагматической презумпции является удобным формальным средством для описания семантики таких частиц, как *даже*, *ведь*. Действительно, истинность высказывания *Даже Вася приехал!* связана исключительно с фактом приезда Васи; неожиданность этого события, выраженная частицей *даже*, есть исключительно мнение говорящего. Такое же рассуждение действует и для сочинительных конструкций. Представим себе следующий диалог: *Серёжа написал статью, но она, как ни странно, получилась хорошей. — Это неправда!* Здесь второе высказывание может означать как отрицание обеих пропозиций, так и отрицание только одной из них (например, того, что статья получилась хорошей, или того, что Серёжа вообще писал статью). Но ни при какой интерпретации второго высказывания произносящий его не обязан соглашаться с прагматической пресуппозицией *Обычно Серёжа пишет плохие статьи*.

Это утверждение несложно проверить. Действительно, если считать, что соответствие/несоответствие ожиданиям является прагматической пресуппозицией, и если моя интерпретация тестов на отрицание и на использование конструкции с ‘это’ является правильной, то любая конструкция, значение которой включает в себя этот компонент, должна вести себя в соответствии с этими двумя тестами аналогично сочинительным конструкциям. Это предсказание подтверждается: в синтаксически подчинительной конструкции с союзом *хотя*, значение которой, аналогично значению союза *но*, описывается в терминах «обманутых ожиданий» [Урысон 2011], невозможно отрицание отношения между двумя клаузами, равно как и использование конструкции с *это*:

- (44) **Неправда, что статья получилась хорошей, хотя её написал Серёжа. Серёжа — хороший учёный!*
- (45) **Статья получилась хорошей. Это хотя её написал Серёжа.*

Тем самым было показано, что отношение между двумя предикациями в сочинительной конструкции не оказывает никакого влияния на истинность предложения и недоступно для каких-либо внешних семантических операторов. Таким образом, понятие сочинения с точки зрения семантики «в узком смысле» (т. е. условий истинности) сводится к конъюнкции двух пропозиций, тогда как понятие подчинения (за исключением релятивизации) неоднородно: либо одна из пропозиций включает другую в качестве аргумента (сентенциальные актаны), либо помимо двух пропозиций конструкция содержит также третью, связывающую их (обстоятельственные предложения). Относительные предложения обычно трактуются как конъюнкция двух ситуаций, в которых есть общий участник (т. е. предложение вида *Я видел того, кто пришёл* имеет значение «пришёл (X) & видеть (я, X)»⁶). Такое разнообразие полипредикации с точки зрения семантики наводит на мысль, что понятие «семантическое подчинение» не имеет большого теоретического смысла. Действительно, даже тесты,

⁶ Ранний пример такого подхода ср. в [Rodman 1972]; впоследствии представление семантики относительных конструкций в виде конъюнкции двух ситуаций использовалось практически во всех работах по формальной семантике, посвящённых этой теме.

противопоставляющие обстоятельственное подчинение и сочинение, не действуют для сентенциальных актантов и относительных предложений. В связи с этим следует признать, что понятия «сочинение» и «подчинение» являются исключительно синтаксическими, а семантику конструкций следует описывать при помощи более дробной классификации: ср. в этом отношении понятие «соподчинение» в [Foley, Van Valin 1984] или многофакторный подход к полипредикации в [Bickel 2010]. Однако пока такой классификации не разработано, я буду придерживаться традиционного бинарного противопоставления также и на уровне семантики.

4.3. Выводы

Таким образом, псевдосочинительные конструкции в осетинском языке по-разному характеризуются с точки зрения понятий сочинения и подчинения. Пропозициональное псевдосочинение является сочинительным только на уровне структуры составляющих. На уровне «глубинного» синтаксиса и на уровне семантики данная конструкция является подчинительной. Причинная конструкция, напротив, является сочинительной на обоих синтаксических уровнях, но, в полном соответствии со своим значением, является подчинительной на уровне семантики.

Предлагаемое решение требует наличия в грамматике как минимум трёх отдельных уровней: структуры составляющих, «глубинного» синтаксиса (уровня грамматических отношений) и семантики. Именно такое представление о структуре предложения характерно для Лексико-функциональной грамматики (ЛФГ) [Kaplan, Bresnan 1982], где этим уровням соответствуют с-структура, f-структура и семантическая структура (s-структура) [Dalrymple 2001, Lev 2007]. Подробная формализация предлагаемых понятий и обоснование предпочтения именно этой теоретической парадигмы другим уровневым теориям выходят за рамки данной статьи. Однако для удобства, следуя терминологии ЛФГ, я предлагаю использовать сокращённые названия для сочинения и подчинения на каждом из этих уровней: с-сочинение и подчинение, f-сочинение и подчинение и s-сочинение и подчинение.

Для наглядности предлагаемую классификацию псевдосочинительных и канонически подчинительных и сочинительных конструкций можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 2. Классификация сочинительных, подчинительных и псевдосочинительных конструкций

	с-структура	f-структура	s-структура
Сочинение	соч.	соч.	соч.
Подчинение	подч.	подч.	подч.
Причинное псевдосочинение	соч.	соч.	подч.
Пропозициональное псевдосочинение	соч.	подч.	подч.

Подробная и эксплицитная формализация данного анализа предложена в статье [Belyaev, в печати].

5. Заключение

В статье были рассмотрены две полипредикативные конструкции осетинского языка, в которых используется сочинительный союз *æма* 'и'. В одной из этих конструкций второе предложение является с семантической точки зрения придаточным причины, в другом — сентенциальным актантом. Подобные конструкции часто демонстрируют смешанные сочинительно-подчинительные свойства и были ранее достаточно подробно изучены на материале европейских языков. Одной из известнейших работ, посвящённых данному типу сложных предложений, является работа [Culicover, Jackendoff 1997], в которой смешанные свойства английских конструкций такого типа трактуются как результат несоответствия (*mismatch*) между синтаксисом и семантикой. Впоследствии этот подход получил развитие в работе [Yuasa, Sadock 2002], где для подобных конструкций в языках мира были предложены термины *псевдосочинение* и *псевдоподчинение*. Первый термин обозначает синтаксически сочинительные, но семантически подчинительные конструкции, второй — наоборот, синтаксически подчинительные, но семантически сочинительные.

Однако данные осетинских псевдосочинительных конструкций говорят о том, что данный подход должен быть пересмотрен. Дело в том, что применение к осетинским конструкциям синтаксических тестов обнаруживает не два, а три уровня, на которых должны определяться понятия «сочинение» и «подчинение». А именно, причинная конструкция, являющаяся полностью сочинительной

по всем традиционным тестам, оказывается подчинительной по двум признакам: по признаку использования в конструкции с 'это' [Пекелис 2009] и по признаку возможности попадания отношения между клаузами в сферу действия отрицания. В то же время пропозициональная псевдосочинительная конструкция является подчинительной не только по этим двум признакам, но и по всем признакам, ранее относимым к «семантическому» уровню. В то же время по тестам «синтаксического» уровня (таких, как тест на гнездование) она является сочинительной.

Таким образом, если пропозициональная конструкция является псевдосочинительной в соответствии с исходным определением в [Yuasa, Sadock 2002], то причинную конструкцию, вопреки её значению, следовало бы признать полностью сочинительной, если бы не два теста, относящих её к подчинению.

На мой взгляд, проблему описания псевдосочинения в осетинском языке можно решить, предположив, что между уровнем «поверхностного» синтаксиса, т. е. структуры составляющих, с одной стороны, и уровнем семантики, с другой стороны, имеется также промежуточный уровень «глубинного синтаксиса». Уровень структуры составляющих отвечает за свойства конструкций, связанные с линейным порядком клауз и позицией союза, на уровне же «глубинного» синтаксиса задаются грамматические отношения, ограничения на анафору и на возможность выноса элементов одной клаузы в другую. Оба эти уровня существуют отдельно от уровня семантики, на котором задаётся собственно значение конструкции.

Таким образом, каждая полипредикативная конструкция должна характеризоваться не по одной шкале «сочинение ↔ подчинение», а по двум таким шкалам, относящимся к уровням «поверхностного» синтаксиса (структуры составляющих) и «глубинного» синтаксиса (грамматических отношений). При этом эти шкалы не представляют собой континуум: понятия «сочинения» и «подчинения» чётко дифференцированы и определяются на основании известных синтаксических тестов (см. раздел 3). Это не отменяет того факта, что у разных конструкций могут быть разные степени «подчинительности»: в рамках понятия подчинения, безусловно, могут существовать различные градации, синтаксические эффекты которых должны быть подробнее исследованы. Наличие таких градаций

не делает общее понятие подчинения менее чётко очерченным на каждом из этих уровней.

Эти две шкалы существуют отдельно от семантики конструкции, которая в общем случае не связана с её позицией на этих шкалах, хотя определённые корреляции в этой области существуют. Семантический тип конструкции в спорных случаях определяется на основании особых диагностик, таких как тест на отрицание и на конструкцию с 'это', использованные выше.

При таком подходе к сочинению и подчинению причинную конструкцию можно охарактеризовать как синтаксически сочинительную как на уровне структуры составляющих, так и на уровне грамматических отношений, но при этом семантически подчинительную.

Предлагаемое здесь решение требует формализации в рамках теории, подразумевающей наличие как минимум трёх независимых уровней представления предложения: структуры составляющих, «глубинного» синтаксиса и семантики. Именно такое представление структуры высказывания предлагается в теории Лексико-функциональной грамматики, где центральное значение имеет противопоставление уровня с-структуры (структуры составляющих), уровня f-структуры («глубинного» синтаксиса, представляющего собой множество пар «признак-значение») и уровня семантики. Таким образом, данные осетинского языка свидетельствуют в пользу выделения уровня, подобного f-структуре, как самостоятельного уровня представления структуры высказывания.

Для понятий сочинения и подчинения на трёх вышеназванных уровнях языковой структуры предлагаются следующие сокращённые названия: с-сочинение и подчинение, f-сочинение и подчинение, и s-сочинение и подчинение.

Безусловно, скорее всего, далеко не все из предсказываемых в рамках данного подхода восьми типов полипредикативных конструкций реально встречаются в языках мира. Пределы вариативности в данной области предстоит выяснить, применяя данный подход к большему количеству языков.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; ABL — аблатив; ALL — аллатив; COMIT — комитатив; COMPL — союз, вводящий сентен-

циальный актант; CNTRF — контрафактив; DAT — датив; DIST — указательное местоимение дальнего плана; ENCL — энклитическое местоимение; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; IN — инэссив-иллатив; INDEF — показатель неопределённого местоимения; INF — инфинитив; INTR — непереходное спряжение глагола; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — притяжательное местоимение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; PV — проверб; REFL — показатель рефлексивного местоимения; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; TR — переходное спряжение глагола.

Литература

- Ахвледиани 1969 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. II. Синтаксис. Орджоникидзе: НИИ при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969.
- Багаев 1982 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. 2. Синтаксис. Орджоникидзе: Ир, 1982.
- Беляев 2011 — О. И. Беляев. Коррелятивность в коррелятивах: связывание переменной или анафора? (на материале осетинского языка) // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 7, Ч. 3. СПб.: Наука, 2011. С. 261–269.
- Кулаев 1959 — Н. Х. Кулаев. Союзы в современном осетинском языке. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.
- Падучева 1981 — Е. В. Падучева. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // Автоматизация обработки текста 2 (11), 1981. С. 23–30.
- Пекелис 2008 — О. Е. Пекелис. Сочинение и подчинение: коммуникативный подход // Русский язык в научном освещении 2 (16), 2008. С. 21–57.
- Пекелис 2009 — О. Е. Пекелис. Сочинение и подчинение в контексте причинной семантики. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2009.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Урысон 2011 — Е. В. Урысон. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Belyaev 2014 — O. Belyaev. Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining // P. Suihkonen, L. J. Whaley (eds.). On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 275–310.
- Belyaev, в печати — O. Belyaev. Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar // Journal of Linguistics 51 (2). В печати.

- Bickel 2010 — B. Bickel. Capturing particulars and universals in clause linkage: A multivariate analysis // I. Bril (ed.). *Clause linking and clause hierarchy: Syntax and pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 51–102.
- Culicover, Jackendoff 1997 — P. W. Culicover, R. Jackendoff. Semantic subordination despite syntactic coordination // *Linguistic Inquiry* 28, 1997. P. 195–217.
- Dalrymple 2001 — M. Dalrymple. *Lexical Functional Grammar*. New York: Academic Press, 2001.
- Erschler 2012 — D. Erschler. From preverbal focus to preverbal “left periphery”: The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective // *Lingua* 122 (6), 2012. P. 673–699.
- Foley, Van Valin 1984 — W. Foley, R. D. Van Valin, Jr. *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Haiman 1985 — J. Haiman. *Natural syntax: Iconicity and erosion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. The converb as a cross-linguistically valid category // M. Haspelmath & E. König (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 1–55.
- Kaplan, Bresnan 1982 — R. Kaplan, J. Bresnan. *Lexical-Functional Grammar: A formal system for grammatical representation* // J. Bresnan (ed.). *The mental representation of grammatical relations*. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1982. P. 173–281.
- Lev 2007 — I. Lev. *Packed computation of exact meaning representations*. PhD dissertation, Stanford University, 2007.
- Rodman 1972 — R. Rodman. The proper treatment of relative clauses in Montague Grammar // R. Rodman (ed.). *Papers in Montague Grammar. Occasional Papers in Linguistics 2*, Los Angeles: UCLA, 1972. P. 80–94.
- Ross 1967 — J. R. Ross. *Constraints on variables in syntax*. PhD dissertation, Massachusetts Institute of Technology, 1967.
- Sellars 1954 — W. Sellars. Presupposing // *Philosophical Review* 63 (2), 1954. P. 197–215.
- Stalnaker 1973 — R. Stalnaker. Presupposition // *Journal of Philosophical Logic* 4, 1973. P. 447–457.
- Yuasa, Sadock 2002 — E. Yuasa, J. M. Sadock. Pseudo-subordination: A mismatch between syntax and semantics // *Journal of Linguistics* 38, 2002. P. 87–111.

Н. Я. Булатова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ СУФФИКСЫ ИМЕННЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В эвенкийском языке можно выделить несколько суффиксов, придающих именным и глагольным словам эмоционально-окрашенные характеристики: уменьшительность, ласкательность, жалость, пренебрежительность, увеличительность, сравнение, усиление, выделение. Эти суффиксы в именных и глагольных словоформах занимают позицию после основы перед словоизменятельными суффиксами. Специалистами, занимающимися проблемами морфологии эвенкийского языка, эти суффиксы были выделены ранее, но рассматривались они чаще применительно только к именным и очень редко применительно к глагольным формам.

1. Суффикс *-к̄ан (-к̄эн, -к̄өн)*¹

Г. М. Василевич писала, что данный суффикс употребляется (...) при именной основе на конце слова или перед суффиксом падежа. Суффикс уменьшения: **бира** река — **бирак̄ан** речка; **ая** добро, хороший — **аяк̄ан** хорошенький; **дага** близко — **дагак̄ан** очень близко [Василевич 1958: 759].

О. А. Константинова к значению уменьшительности этого суффикса добавляет еще значение ласкательности [Константинова 1964: 80]. Для говоров эвенков Подкаменной Тунгуски она приводит также вариант *-к̄ак̄ан*, что не встречается, например, в говорах восточного наречия эвенкийского языка. Анализ фольклорных материалов показывает, что именные словоформы с суффиксом *-к̄ан (-к̄эн, -к̄өн)* весьма употребительны и отмечены почти во всех многочисленных говорах эвенкийского языка в значении как уменьшительности, так и ласкательности.

¹ Здесь и далее эвенкийские слова даны при помощи практической орфографии.

Следует отметить, что этот суффикс может входить в состав самостоятельных лексических единиц, утратив оценочную семантику, ср. *атыркāн* ‘старуха’, *этыркэн* ‘старик’, *асаткāн* ‘девочка’, *эңнэкэн* ‘оленёнок’, *муннука̄н* ‘заяц’, *хутака̄н* ‘мешок’ и др. Для выражения уменьшительности или ласкательности подобные слова присоединяют суфф. *-чāн*, при этом конечный *-н* выпадает: *атыркā-чāн* ‘старушечка’, *этыркэ-чэн* ‘старичок’, *асаткā-чāн* ‘маленькая девочка’, *эңнэкэ-чэн* ‘маленький оленёнок’, *муннука̄-чāн* ‘зайчишка’, *хутака-чāн* ‘мешочек’. Особенно часто эти формы встречаются в говорах восточного наречия. О. А. Константинова для говоров южного наречия эвенкийского языка суфф. *-чāн* характеризовала как «суффикс, образующий существительные со значением пренебрежительности, уничижительности: *Атыркāчāн нэнэдечэн-дэ, нэнэдечэн* ‘Старушонка всё шла и шла...’» [Константинова 1964: 80]. Г. М. Василевич представила его ранее еще и в варианте *-кйчāн*: *дү* ‘дом’ — *дү-кйчāн* ‘домишко’ [Василевич 1958: 762]. В говорах восточного наречия словоформы с этим суффиксом не зафиксированы.

2. Суффикс *-кāкūн, -кбкūн, -кэкūн*, образованный путем сложения суфф. *-кāн*, имеющего уменьшительное или ласкательное значение, и суфф. *-кūн*, выражающего усилительное значение

Г. М. Василевич так характеризовала этот суффикс, отмечая, что он присоединяется к именным основам и деепричастным формам:

Суффикс усиления признака, выраженного в данной основе: **горо** даль, далекий, далеко — **горокбкūн** очень далеко, очень далекий; **ая** хороший — **аякāкūн** очень хороший; **асй** женщина — **асйкāкūн** настоящая женщина; **бй** я — **бйкэкūн** я (в значении: зрелый человек); **бкин** когда — **бккāкūн** когда уже (т. е. давно); **хэгэденэ** распевая — **хэгэденэкэкūн** громко распевая; **долбо** ночь, ночью — **долбокбкūн** полночь, в самую полночь [Василевич 1958: 759].

О. А. Константинова для говоров южного наречия отметила его только для имени существительного в значении увеличительности [Константинова 1964: 79].

По нашим наблюдениям этот суффикс в зависимости от контекста и речевой ситуации может выражать увеличительность,

уменьшительность или ласкательность (жалость). Кроме этого, он оформляет не только все именные словоформы, но и глагольные слова.

Например:

сущ.

- (1) *Бэе-кэжкүн эмэ-рэ-н.*
человек-EVAL приходит-PST1-3SG²
'Человечище пришел'.
- (2) *Долбонй-кажкүн хактырама.*
ночь-EVAL темный
'Ноченька-то темная'.
- (3) *Бира-кажкүн гудеймэмэ.*
река-EVAL красивый
'Реченька очень красивая'.

прил.

- (4) *ая-кажкүн асаткан*
хороший-EVAL девушка
'прекрасная девушка'
- (5) *гугда-кажкүн урэ*
высокий-EVAL гора
'очень высокая гора'

числ.

- (6) *Дюрй-кэжкүн кухй-дерэ-Ø.*
вдвоем-EVAL драться-PRS-3PL
'Только вдвоем борются'.
- (7) *Гэ-кажкүн доколок.*
один.из.двух-EVAL хромой
'Второй (с оттенком жалости, ласкательности) хромой'.

² Глоссирование выполнено А. М. Певновым.

мест.

- (8) *Сй-кэ̄күн э-тэ̄-нни тэрэ̄-рэ.*
ты-EVAL NEG-FUT-2SG выдерживать-CNG
'Ты-то (с оттенком жалости, ласкательности) не выдержишь'.
- (9) *Тар-ка̄күн тукса-ра-н.*
тот-EVAL бежать-PST1-3SG
'Тот большой прибежал'.

прич.

- (10) *Хавал-ка̄күн-дярй-ва улй-кэллу!*
работать-EVAL-PTCP.PRS-ACC кормить-IMP1.2PL
'Работающего (с оттенком ласкательности) накормите!'
- (11) *āчин ḡ-ка̄күн-чā*
нет становится-EVAL-PTCP.PST
минңй акин-ми
мой старший.брат-POSS.1SG
'умерший (с оттенком жалости, ласкательности) мой старший брат'

нар.

- (12) *Эрдэ-кэ̄күн ил-чā-вун.*
рано-EVAL вставать-PST2-1PL.EXCL
'Ранёхонько встали (мы)'.
- (13) *дагалй-ка̄күн илтэн-чэ̄-л.*
Близкое.расстояние-EVAL миновать-PTCP.PST-3PL
'Близёхонько прошли мимо (они)'.

дееприч.

- (14) *Хавā-ви этэ-кэ̄күни-кэ̄,*
работа-REFL.SG заканчивать-EVAL-CVB.PREC
мучу-чā-н.
возвращаться-PST2-3SG
'Свою работу закончив (с оттенком ласкательности, жалости), вернулся'.

- (15) *Соҗо-кѡкѡн-дяна, җэнэ-дерэ-н.*
плакать-EVAL-CVB.SNCH идти-PRS-3SG
'Плача (с оттенком ласкательности) идет'.
- (16) *Ā-хин-кĀкѡн-дĀ-ви хуллĀ-хин-э-н.*
спать-ASP-EVAL-CVB.PURP-REFL.SG лежать-ASP-PST1-3SG
'Чтобы уснуть (с оттенком жалости, ласкательности), лёг'.
- (17) *Нулги-кѡкѡн-дэлэ-н эдѡ би-де-гѡт!*
кочевать-EVAL-CVB.LIM-3SG здесь быть-ASP-IMP1.1PL.INCL
'Пока не откочует (с оттенком ласкательности), здесь поживем-ка!'

глагол.

- (18) *Горово би-кѡкѡн-дерэ-Ѳ.*
долго быть-EVAL-PRS-3PL
'Долго живут (с оттенком жалости или ласкательности)'.
- (19) *Аят хавал-кĀкѡни-гин!*
хорошо работать-EVAL-IMP1.3SG
'Хорошо пусть работает (с оттенком ласкательности)!'
- (20) *Горово онĳкта-кĀкѡн-дя-чĀ-тын.*
долго искать.оленей-EVAL-ASP-PST2-3PL
'Долго искали оленей они (с оттенком жалости, ласкательности)'.

Хотим обратить внимание и на то, что в глагольных словоформах этот суффикс не имеет четко фиксированного положения (чего нельзя сказать об именных): например, можно сказать *хавал-кĀкѡн-дярĳ* и *хавал-дярĳ-кĀкѡн* 'работающий', *этэ-кѡкѡни-кѡсэ* и *этэ-кѡсэ-кѡкѡн* 'закончив', *би-кѡкѡн-де-мĳ* и *би-де-кѡкѡн-мĳ* 'жить'. При этом значение слова остается неизменным. На эту особенность ранее никто из исследователей не обращал внимания.

Об интересующих нас значениях в токкинском говоре (восточное наречие) А. В. Романова пишет следующее: «При именной основе суфф. *-кĳкĀн*, *-кĀчĀн*, *-чан*, *-кĀн*, *-кикин*: выражают значение уменьшительности и ласкательности: *айа-кĀчĀн* ~ *айа-чĀн*, *айа-кĀн* ~ *айа-кикин* 'хорошенький'. Суфф. *-кикин* отмечен в соседних зейско-учурском и томмотском говорах» [Романова, Мыреева 1962: 26].

В южном и северном наречиях эти варианты суффиксов уменьшительности и ласкательности не засвидетельствованы.

Суффикс *-кăкүт* (*-кэ́күт*, *-кõкүт*), усиливающий значение действия. О. А. Константинова этот суффикс морфологически членила на «...-ка (обозначает усиление) + ку(н) (аффикс увеличительности) + -т (аффикс продолженного вида)» [Константинова 1964: 197].

По нашему мнению, этот суффикс не только по происхождению, но и по значению похож на предыдущий суффикс. В говорах эвенков восточного наречия мы отметили в семантике суфф. *-кăкүт* не только значение увеличительности, но и ласкательности, а также жалости.

Например:

- (21) *Укчак-ви* *химăмият*
 верховой.олень-REFL.SG *очень.быстро*
хукты-в-кэ́күт-чэрэ-н.
 бежать-PASS.CAUS-EVAL-PRS-3SG
 ‘Своего верхового оленя очень быстро заставляет бежать’.
- (22) *Умун буга-дү* *би-т-чэ-кэ́күт-чэнэ,*
 один место-DAT.LOC *быть-ASP-ASP-EVAL-CVB.SNCH*
оңко-ви мана-ра-н.
ягель-REFL.SG уничтожать-PST1-3SG
 ‘На одном месте живя (с оттенком жалости), свой ягель уничтожил’.
- (23) *Он би-кэ́күт-чэрэ-с?*
 как *быть-EVAL-PRS-2PL*
 ‘Как поживаете?’ (с оттенком ласкательности)
- (24) *Тэпкэ-кэ́күт-чэ-де-чэ-тын,*
кричать-EVAL-ASP-ASP-PST2-3PL
нуңар<ва>тын э-хи-Ø дõлды-ра.
они<ACC> NEG-PRS-3PL слышать-CNG
 ‘Кричали-кричали, их не слышат’.
- (25) *Тар аңадякән аят сир-кăкүт-чара-н.*
 тот сирота *хорошо доить-EVAL-PRS-3SG*
 ‘Та сиротка хорошо доит’. (с оттенком ласкательности)

В учурском говоре А. Н. Мыреева зафиксировала в глагольных основах суффиксы *-күт*, *-кӱт*: «*А-д'а-күт-чарй-ва хэригчэл* 'Они разбудили спящего (пренебрежение)» [Романова, Мыреева 1964: 29]. В описании томмотского говора А. Н. Мыреева отмечала, что «суфф. *-күт* наряду с усилением значения действия может выражать, в зависимости от контекста, неодобрение, недовольство: *омолгихал пулӱнмар эчэл д'алувкүтта* 'парни-то план (свой) не выполнили'...». Дальше читаем: «... глаголы с суфф. *-кӱт* выражают сочувствие, жалость: *буссэд'эри куңӱкӱн эхилэ айат ахикӱттан* 'больной ребёнок наконец-то хорошо заснул'» [Романова, Мыреева 1962: 70].

3. Показатель *-кӱн*

Г. М. Василевич характеризовала его как «суффикс, усиливающий признак, выраженный в основе: **би я** — **бикӱн я** большой; **бэе** человек — **бэекӱн** настоящий человек; **нгӱним** длинный — **нгӱнимкӱн** предлинный» [Василевич 1958: 765]. О. А. Константинова суффикс *-кӱн* с данной семантикой в говорах эвенков Подкаменной Тунгуски не отмечает. Приведенные примеры показывают нам, что этот суффикс оформляет только имена. Это не совсем так. В большинстве говоров восточного наречия суффикс *-кӱн* встречается в составе как именных, так и глагольных словоформ, при этом он усиливает, уточняет, выделяет значение основы слова. Чаще употребляется в речи при утвердительном ответе на вопрос.

Примеры:

сущ.

- (26) *Тар урэ=гӱ?* — *Урэ-кӱн.*
тот гора=PART гора-ЕМРН
'Это гора? — (Да,) гора, конечно'.

прил.

- (27) *Гудей-кӱн хунӱт.*
красивый-ЕМРН девушка
'Красивая, конечно же, девушка'.

мест.

(28) *Сй=гӯ эмэ-Ө-нни? — Бй-кӯн.*
ты=PART приходить-PST1-2SG я-EMPH
'Ты, что ли, пришла? — Я, конечно'.

(29) *Нуңа-кӯн бокон-дөңө-н.*
он-EMPH догонять-FUT-3SG
'Конечно же (только он), он догонит'.

числ.

(30) *Дюрй-кӯн би-чэ-хун.*
вдвоем-EMPH быть-PST2-2PL
'Вдвоем, конечно же, были (вы)'.

(31) *Кэтэ-кӯн би-нэ-л, бн*
много-EMPH быть-CVB.SNCH-PL как
э-чэ-хун хавā-ва этэ-рэ?
NEG-PST2-2PL работа-ACC заканчивать-CNG
'Будучи в очень большом количестве, как работу не завершили (вы)?'

нар.

(32) *Тар горо э-чэ-Ө би-рэ,*
тот далеко NEG-PRS-3SG быть-CNG
дага-кӯн-ма нулги-кэ-л,
близкое.расстояние-EMPH-ACC кочевать-CVB.PREC-PL
āнңа-чā-вун.
ночевать-PST2-1PL.EXCL
'Это недалеко, совсем близко откочевав, заночевали (мы)'.

прич.

(33) *Хавал-дярй-кӯн аят би-дең-н.*
работать-PTCP.PRS-EMPH хорошо быть-FUT-3SG
'Именно работающий хорошо будет жить'.

дееприч.

(34) *Суру-денэ-кӯн нуңан<мā>н*
уходить-CVB.SNCH-EMPH он<ACC>

бакалды-чā-в.

встретиться-PST2-1SG

‘Именно когда (я) шел, его (я) встретил’.

глагол.

(35) *Гирки-т* *эмэ-деңэ-н?* — *Эмэ-күн.*
друг-POSS:1PL.INCL приходит-FUT-3SG приходит-EMPH
‘Наш друг придёт? — Придет обязательно’.

(36) *Укчак-ки* *бака-Ө-нни=зу?*
верховой.олень-REFL.SG находить-PST1-2SG=PART
– *Бака-күн.*
находить-EMPH
‘Верхового оленя своего (ты) нашёл? — Нашёл, конечно’.

(37) *Ирэмэ-күн* *ө-кэ,*
приходить.в.гости-EMPH становиться-CVB.PREC
эда *улокичи-Ө-нни?*
почему обманывать-PST1-2SG
‘Пообещав обязательно прийти в гости, почему обманул?’

Как мы видели раньше, этот суффикс в сочетании с уменьшительным суффиксом *-кāн* (речь идёт о суфф. *-кāкүн* и его фонетических вариантах) может в зависимости от контекста выражать как уменьшительность, ласкательность, так и увеличительность. Только ситуация или контекст позволяют определить значение этого составного суффикса.

4. Суффикс *-мй*

Г. М. Василевич отмечала, что этот суффикс в именных основах подчеркивает ветхость, древность [Василевич 1958: 773]. На это же значение указывала и О. А. Константинова, когда писала «посредством аффикса *-мй* образуются имена существительные со значением изношенных, старых негодных предметов: *зүлэмй* ‘старый негодный дом’, *сумй* ‘старое пальто’, *платьемй* ‘старое платье’, *каламй* ‘старый котёл’, *коколломй* ‘старые рукавицы’, *атыркāmй* ‘дряхлая старуха’, *этиркэмй* ‘дряхлый старик’» [Константинова 1964: 81]. Наряду с указанным значением в большинстве говоров эвенкийского языка этот суффикс придаёт словам пренебрежительный оттенок.

Эту же семантику обнаружила А. Н. Мыреева в томмотском говоре. Она писала:

Пренебрежение выражается суфф. *-мй*, который распространен очень широко и присоединяется не только к существительным, но и к другим знаменательным частям речи: *эр д'у-ми тубэ ицин бивкй* 'этот домишко зимой бывает холодным', *хокток бэйэ эмэ-мй-чэ* 'пришел пьяный человек', *авунмй горопты-мй* 'шапка (моя) старенькая' [Романова, Мыреева 1962: 69–70].

При этом мы должны подчеркнуть, что этот суффикс может оформлять все именные и глагольные основы, на что ранее не обращали внимания, например:

сущ.

(38) *Бэе-мй* *эмэ-рэ-н.*
человек-EVAL приходит-PST1-3SG
'Плохой человек пришел'.

(39) *Тэты-мй* *локуча-дяра-н.*
одежда-EVAL висеть-PRS-3SG
'Ветхая одежда висит'.

прил.

(40) *Сагды-мй* *би-нэ,*
старый-EVAL быть-CVB.SNCH
бн *э-хи-н* *сā-рэ?*
как NEG-PRS-3SG знать-CNG
'Старым (с оттенком пренебрежения) будучи, почему не знает?'

мест.

(41) *Сй-мй* *аят* *б-дяңā-с=то?*
ты-EVAL хорошо делать-FUT-2SG=PART
'Ты (с оттенком пренебрежения) хорошо сделаешь разве?'

числ.

(42) *Дюрй-мй-л* *нямй-л* *эмэ-рэ-Ø.*
двоем-EVAL-PL важенька-PL приходит-PST1-3PL
'Две (с оттенком пренебрежения — 'плохонькие'; может также иметь значение 'только') важеньки пришли'.

прич.

- (43) *Ā-хин-чā-мī-ва* э-кэллу
спать-ASP-PTCP.PST-EVAL-ACC NEG-IMP1.2PL
мēли-в-ра!
просыпаться-PASS.CAUS-CNG
'Уснувшего (с оттенком пренебрежения) не будите!'

дееприч.

- (44) *Мулй-мй-кэ̄=дэ,* бэлэ-чи-гин!
носить.воду-EVAL-CVB.PREC=PART помогать-ASP-IMP1.3SG
'Хоть воды поносив (с оттенком пренебрежения), пусть по-
может!'
- (45) *Бэ̄ѡктэ-де<мй>нэ* мй-чэ̄-ѡ.
охотиться-CVB.SNCH<EVAL> заблудиться-PTCP.PST-3SG
'Охотясь (с оттенком пренебрежения), заблудился'.

глаго.

- (46) *Горово тэгэ-т-чэ-де<мй>рэ-н.*
долго садиться-ASP-ASP-PRS<EVAL>-3SG
'Долго сидит'. (с оттенком пренебрежения)
- (47) *Тыматна нэнэ-мй-деңэ-н.*
завтра идти-EVAL-FUT-3SG
'Завтра уйдёт'. (с оттенком пренебрежения)

К особенностям употребления этого суффикса можно отнести следующее:

а) употребление с числительными открывает им возможность образования формы множественного числа, хотя, как мы знаем, числительные не имеют формы множественного числа,

б) данный суффикс в глагольных основах, как и в случае с суффиксом *-кākūn*, также может менять свою позицию в слове. Как известно, в агглютинативных языках все суффиксы в слове занимают обычно строго определенную позицию. Наши материалы показывают употребление следующих вариантов употребления слов с этим показателем: *нэнэ-мй-кэ̄-де-рэ-н*, *нэнэ-кэ̄-мй-де-рэ-н* и *нэнэ-кэ̄-де-мй-рэ-н* 'идти-пытается-он (с оттенком пренебрежения)'. Сравним словосочетания:

- (48) *Нуҕан ҕэнэ-мӣ-дерэ-н.*
 он идти-EVAL-PRS-3SG
 ‘Он (с оттенком пренебрежения) идет’.
- (49) *Нуҕан ҕэнэ-де<мӣ>рэ-н.*
 он идти-PRS<EVAL>-3SG
 ‘Он идет’. (с оттенком пренебрежения)
- (50) *Эдā бэе горово*
 зачем мужчина долго
тэгэ-мӣ-т-чэ-дерэ-н?
 садиться-EVAL-ASP-ASP-PRS-3SG
 ‘Зачем мужчина (с оттенком пренебрежения) долго сидит?’
- (51) *Эдā бэе горово*
 зачем мужчина долго
тэгэ-т-чэ-де<мӣ>рэ-н?
 садиться-ASP-ASP-PRS<EVAL>-3SG
 ‘Зачем мужчина долго сидит?’ (с оттенком пренебрежения)

Как видим, в первом случае суффикс *-мӣ* выражает отрицательное, пренебрежительное отношение к субъекту действия, во втором же — к самому действию. При этом заметим, что в первом случае этот суффикс находится непосредственно после корневой морфемы, во втором же он разрывает показатель настоящего времени *-дерэ-*, выступая при этом в качестве инфикса внутри составного суффикса (*-де<мӣ>рэ-*). Более того, он может удваиваться в словоформе, выражая тем самым негативное отношение как к субъекту действия, так и к самому действию. Таким образом, можно сказать:

- (52) *Бэе хавал-мӣ-дя<мӣ>ра-н.*
 мужчина работать-EVAL-PRS<EVAL>-3SG

В этом предложении констатируется, что и человек плохой, и работает плохо. Такие словоформы в описаниях не встретишь, но в речи при необходимости большей экспрессивности такие формы слов возможны. Данное утверждение нами проверено с тремя информантами, — представителями говоров восточного наречия, все они подтвердили наше наблюдение. Носители же южного наречия отрицали возможность употребления подобных словоформ. Следует уточнить, что употребление рассматриваемого суффикса

в глагольных основах в говорах эвенков Подкаменной Тунгуски действительно очень ограничено. Представители старшего поколения эвенков этого региона, хорошо знающие язык, в моей речи сразу распознавали значение данного суффикса, как в именных, так и в глагольных основах, но говорили: «Мы так не говорим, но всё понятно». В именных основах, как мы указали раньше, он обозначает изношенные, старые, негодные предметы.

5. Суффикс *-ма*

О. А. Константинова отмечала, что он «чаще присоединяется к основам имен прилагательных со значениями увеличительности, например: *Таре асй-чури гүнденкй: ёкур ичэбдерэ эвэнкймэмэл?* ‘Та женщина-карлица говорит: что это за огромные люди виднеются?’» [Константинова 1964: 80]. Однако приводимый здесь пример не совсем соответствует, на наш взгляд, этому утверждению. Вторую часть примера следовало бы перевести: *...кто (во мн. числе) виднеются точно как эвенки*. Г. М. Василевич так характеризовала этот суффикс:

Суффикс приблизительности, соответствующий в переводе словам “почти”, “только”: *дяпка* берег — *дяпкамälä* почти до берега (дойти); *умүкэн* один — *умүкэмэ* почти один; *минэмэлэ* почти до меня (дойти); 3, *Алд*³ при числительном — суффикс ограничительности: *дюмэ* только два, *илäмä* только три [Василевич 1958: 770].

По нашим материалам этот суффикс, который часто редуплицируется, имеет значение уточнения, усиления значения слова, например:

сущ.

(53) *Хунäт-ма-ва-в* *сйнма-ра-н.*
девушка-ЕМРН-АСС-POSS.1SG выбрать-РST1-3SG
‘Именно дочь мою выбрал’.

(54) *Иңä-ма-лä* *тык-тэ-н.*
камень-ЕМРН-LOC падать-РST1-3SG
‘Прямо на камень упал’.

³ 3 — зейский говор, Алд — алданский говор.

прил.

- (55) *Сагд̄ы̄-ма-д̄ӯ* *б̄ӯ-кэл!*
 старый-EMPH-DAT.LOC давать-IMP1.2SG
 Только (именно) старому дай!

числ.

- (56) *Илалла-ма-д̄ӯ* *иманна ӯн-деңэ̄-н.*
 три.дня-EMPH-DAT.LOC снег таять-FUT-3SG
 ‘Только за три дня снег растает’.

мест.

- (57) *Минэ-мэ-вэ* *хавали-вк̄ан-дяра-н.*
 я.OBL-EMPH-ACC работать-CAUS-PRS-3SG
 ‘Именно (только) меня работать заставляет’.

прич.

- (58) *Соңо-д̄өр̄й̄-ма* *ō-ч̄ā-Ø.*
 плакать-PTCP.PRS-EMPH статья-PTCP.PST-3SG
 ‘Только (совсем) плачущей стала’.

дееприч.

- (59) *Ю̄-де-мэ-рэки-в*
 выходить-ASP-EMPH-CVB.COND-1SG
тыгдэ-л-чэ-н.
 «дождить»-INCH-PST2-3SG
 ‘Именно когда (я) выходил, пошёл дождь’.

глагол.

- (60) *тыгдэ-мэ-л-лэ-н=дэ*
 «дождить»-EMPH-INCH-PST1-3SG=PART
тыгдэ-л-лэ-н.
 «дождить»-INCH-PST1-3SG
 ‘Непрерывно задождил да задождил’.

Суффикс *-гда*, *-гдэ*, *-гдо*, а также *-р̄йгда*, *-р̄йгдэ*, *-р̄йгдо*, *-р̄āгда*, *-р̄эгдэ*, *-р̄бгдо* (составной суффикс, имеющий в своем составе суфф. *-гда*), придают словам значение ограничительности или исключительности. Например:

сущ.

- (61) *амңа-гда* ‘только рот’
амңа-рйгда ‘имеющая(-ий) только рот’ (отрицательная характеристика болтливого человека)

прил.

- (62) *Ая-гда-ва* *синма-кал!*
хороший-EMPH-ACC выбрать-IMP1.2SG
‘Только хорошее выбирай!’

числ.

- (63) *Тунңа-гда эмэ-рэ-Ө.*
пять-EMPH приходить-PST1-3PL
‘Только пятеро пришли’.

мест.

- (64) *Сй-гдэ тарā б-дяңā-с.*
ты-EMPH тот.ACC делать-FUT-2SG
‘Только ты это сможешь сделать’.

прич.

- (65) *икэ-дерй-гдэ асаткāн*
петь-PTCP.PRS-EMPH девочка
‘только поющая девочка’
- (66) *икэ-де<гдэ>рй асаткāн*
петь-PTCP.PRS<EMPH> девочка
‘только постоянно поющая девочка’

глагол.

- (67) *Э-кэл омңо-ро,*
NEG-IMP1.2SG забывать-CNG
дуку-дя-гда-кал!
писать-ASP-EMPH-IMP1.2SG
‘Не забывай, пиши (постоянно, часто)!’

Суффикс *-йэ̄т, -йāт, -йōт* передает интенсивность действия.

Примеры:

- (68) *дев-де-й̄э̄т-чэрэ-н*
есть-ASP-EVAL-PRS-3SG
'много ест'
- (69) *хавал-й̄а̄т-та-Ø*
работать-EVAL-PST1-3PL
'поработали (они) хорошо (много)'

6. Суффикс *-ндя̄, -ндē, -ндē̄*

Г. М. Василевич зафиксировала его только в отдельных говорах восточного наречия в именных словоформах в двух значениях: «1) суффикс почтительного отношения (чаще в обращении): *эк̄нде* тётушка; *ах̄андя̄* женщина; 2) суффикс увеличительной формы: *āмут* озеро — *āмутынде* огромное озеро» [Василевич 1958: 781]. В первом значении в настоящее время существительные почти не употребляются, если говорят *ах̄а̄-ндя̄*, то скорее имеют ввиду высокий рост или полноту, грузность фигуры, зато весьма употребительны формы во втором значении.

Суффиксы уменьшительности *-к̄ан, -к̄эн, -к̄он*, пренебрежительности (уничижительности) *-м̄и*, увеличительности *-ндя̄, -ндē, -ндē̄*: часто употребляются с собственными именами, придавая эмоциональную характеристику людям: *Егор-к̄ан* 'Егорушка', *Наст̄а-к̄ан* 'Настенька', *Ботур-м̄и* 'Пётр' (с пренебрежительным отношением), *Евд̄э-ндē̄* 'Евдокия' (большая, высокая, тучная), *Гильг̄о-ндē̄* 'Григорий' (высокий, большой и т. п.) и др.

Как видим, именные и глагольные формы с рассматриваемыми суффиксами неодинаково употребляются в многочисленных говорах эвенкийского языка. Они могут оформлять только именные основы или только глагольные, или же те и другие (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Употребление эмоционально-оценочных суффиксов

суффиксы	сущ.	прил.	мест.	числ.	нар.	прич.	дееприч.	глагол.
-к ^а н, -к ^э н, -к ^о н	+	+	+	+	+	-	-	-
-к ^а к ^у н, -к ^о к ^у н, -к ^э к ^у н	+	+	+	+	+	+	+	+
-к ^а к ^у т, -к ^э к ^у т, -к ^о к ^у т	-	-	-	-		+	+	+
-к ^й к ^а н, -к ^а ч ^а н, -к ^й к ^й н	+	+	+	+	+	-	-	-
-к ^у н	+	+	+	+	+	+	+	+
-к ^у т, -к ^а к ^у т	-	-	-	-		+	+	+
-м ^и	+	+	+	+	+	+	+	+
-н ^д я, -н ^д е	+	+	+	+		+	-	-
-й ^э т- -й ^а т- -й ^о т-	-	-	-	-	-	-	-	+
-г ^д а, -г ^д э, -г ^д о, -р ^й г ^д а, -р ^й г ^д э, -р ^й г ^д о, -р ^а г ^д а, -р ^э г ^д э, -р ^о г ^д о	+	+	+	+	+	+	-	+

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ASP — аспект; CAUS — каузатив; CNG — коннегатив; COND — условие; CVB — деепричастие; DAT — датив; EMPH — эмфаза; EVAL — эвалюатив (эмоционально-оценочное значение); EXCL — эксклюзив; FUT — будущее время; IMP — императив; INCH — инхоатив; INCL — инклюзив; LIM — лимитатив; LOC — локатив; NEG — отрицание; OBL — основа косвенных падежей; PART — частица; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PREC — предшествование; PROL — пролатив;

PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PURP — цель; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SNCH — одновременность.

Литература

- Василевич 1958 — Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. С приложениями и грамматическим очерком эвенкийского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.–Л.: Наука, 1964.
- Романова, Мыреева 1962 — А. В. Романова, А. Н. Мыреева. Очерки токкинского и томмотского диалектов. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
- Романова, Мыреева 1964 — А. В. Романова, А. Н. Мыреева. Очерки учурского, майского и токкинского говоров. М.–Л.: Наука, 1964.

А. П. Володин

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

«МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ РАРИТЕТЫ» В ИТЕЛЬМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Раздел 1

1.1

Вопрос о характере связей ительменского языка с чукотско-коряжскими (генетические или контактные) до сих пор остается предметом дискуссии. Сторонники генетического единства указывают, в частности, на то, что всем этим языкам свойственна **гармония гласных**, но при этом в ительменском она подверглась довольно сильному разрушению.

В чукотском гармония гласных выдерживается наиболее последовательно. Как установил еще В. Г. Богораз, чукотские гласные делятся на две иерархически организованные серии [Bogoras 1922: 675]:

- (1) *i e u* — рецессивные (слабые) гласные
e a o — доминантные (сильные) гласные¹

В связи с двойственной ролью /e/, который функционирует и как доминантный и как рецессивный, была выдвинута диахроническая гипотеза о том, что в «прачукотско-керекском» их было два: доминантный /e/, коррелирующий с /i/, и рецессивный /ε/, коррелирующий с /a/ [Муравьева 1986: 157]. В современных чукотско-коряжских языках существует только одна фонема /e/.

Иерархическая организация сингармонизма связана с тем, что линейный состав словоформ в чукотско-коряжских языках предполагает нефиксированную позицию корня (возможны префиксы). Поэтому сингармоническими парами могут быть представлены любые морфемы, как аффиксальные (ср. *ine-* / *ena-*, *re-* / *ra-*, *-qin* / *-qen* и т. д.), так и корневые (*kupre-* / *kopra-* ‘сеть’, *tumye-* / *tomya-* ‘товарищ, друг’ и т. д.). Сингармонических пар не имеют морфемы с доми-

¹ В чукотско-коряжских языках выделяется также фонема /ə/. Она не имеет сингармонической пары.

нантным вокализмом, чаще всего с /a/, например, *ya- /-/-ma* циркумфикс комитатива, *jara-* 'дом', и т. д. Можно сказать, что /a/ в этой системе — «самый сильный».

1.2

Состав гласных в ительменском такой же, как в чукотско-корякских языках: /i, e, u, o, a, ə/. В ительменском языке довольно широко распространены случаи «сингармонизма» чукотско-коряцкого типа, ср. *isx-enk* 'у отца' — *esx-anke* '(к) отцу' — *esxe-xʔal* 'от отца'; *nuç-enk* 'у двери' — *noç-anke* 'к двери' — *noç-xʔal* 'от двери'; в то же время — *aʔasx-ank* 'в гнезде', *aʔasx-anke* 'в гнездо' и т. д. Как видно из этих примеров, налицо все те же чередования, которые фиксируются в чукотском: *i/e, e/a, u/o*. Но следует подчеркнуть, что они характерны для именных, падежных словоформ. В глагольных словоформах гармония гласных не выдерживается. Хотя и отмечаются сингармонические пары типа *-qzu/-qzo* (показатель имперфективного вида), *-knen/-knan* (показатель III инфинитива²) и некоторые другие, но их вариативность не определяется характером сингармонической организации словоформы; кроме того встречаются варианты *i/a* — в чукотско-корякских языках такого чередования нет. В качестве примера приведем пару *-kiļx/-kaļx*, показатель II инфинитива: *nu-kiļx* 'тот, кто ест' — *jasakaʔt-kaļx* 'тот, кто собирает налоги'. Если во втором случае алломорфа *-kaļx*, очевидно, навязана корнем *jasak-*, то в первом случае *-kiļx* требуется корнем *nu-*; но почему та же алломорфа — в словоформах, где в корне есть /a/: *wetat-kiļx* 'тот, кто работает', или *aneçpaʔt-kiļx* 'тот, кто учит'? Что же касается чередования *i/a*, то оно с высокой степенью регулярности фиксируется в формах III инфинитива биперсональных (переходных) глаголов³:

(2)	<i>kkzu-ʔin</i> 'он-подождал-его'	<i>kʔan ʔçp-ʔan</i> 'он-научил-его'
	<i>kpiŋʃf-ʔin</i> 'он-кончил-это'	<i>kʔnaʃ-ʔan</i> 'он-согнул-это'
	<i>kʃin ʔlu-ʔin</i> 'он-спросил-его'	<i>kʔajtat-ʔan</i> 'он-выгнал-его'
	<i>kəʃku-ʔin</i> 'он-увидел-его'	<i>kəŋqaʔm-ʔan</i> 'он-обидел-его'
	<i>kmet ʔel-ʔin</i> 'он-потерял-это'	<i>kəntxwa-ʔan</i> 'он-забыл-это' и т. д.

² Термин «инфинитивы» относится к подклассу нефинитных глаголов, см. [Володин 1976: 278–309].

³ Эта форма — циркумфиксальная: *k-/k'-/- /-ʔin/-ʔan*, см. [Володин 2003: 47–48].

Как видим, в данном случае алломорфа *-ʔan* требует, чтобы /a/ было и в корне, тогда как *-ʔin* этого не требует. Если в корне имеется /o/ — обычно требуется *-ʔan*: *k'nomə-ʔan* 'он-нагрел-это', *ksop-ʔan* 'он-закрыл-это'; исключения — *k'oç'-ʔin* 'он-позвал-его', *k'omt-ʔin* 'он-связал/завязал-это'. Ср. в этой связи: *ktpəl-ʔin* 'он-избил-его' — *ktpəlzo-ʔan* 'он-выпорол-его' (*-zo* в данном случае — суффикс многократности действия). Гласный /o/, ср. ниже 2.3.2, как и /a/, может быть охарактеризован как «сильный». Но надо подчеркнуть, что чередование *i/a* к сингармонизму никакого отношения не имеет.

1.3

Предметом данной статьи будут чередования *i/e*, *u/o*, наблюдаемые в корневых морфемах глаголов ительменского языка. Речь пойдет прежде всего о корнях семантики процессуального признака⁴, которые естественным путем образуют словоформы финитных глаголов, но они также способны оформляться как нефинитные глаголы или отглагольные имена. То же касается корней семантики качественного признака, которые образуют глагольные словоформы сравнительно легко. В моей первой грамматике ительменского языка этот факт отмечен в разделе «Гармония гласных» [Володин 1976: 48–50, §§02.40–02.44], хотя и констатируется: «К сингармоническому выравниванию это чередование явного отношения не имеет» [там же: 50]; указано также, что «чередование подобного типа в других чукотско-камчатских языках не отмечается» [там же]. В немецкоязычной грамматике, написанной в соавторстве с молодым (тогда) лингвистом Штефаном Георгом в Бонне, этот факт получил определение «аблаут» [Georg, Volodin 1999].

Термин «аблаут» ассоциируется с индоевропейскими языками, но, как мне представляется, он довольно точно характеризует суть наблюдаемого в ительменском явлении. Аблаут (или апофония) определяется как «разновидность чередования гласных, *фонетически необусловленного* и выражающего (самостоятельно или *вместе с аффиксацией*) словоизменительные и словообразовательные значения» [Виноградов 1990: 9, выделено мною — *А. В.*]. Действительно,

⁴ Под процессом понимается действие и состояние, которое может начинаться, продолжаться и заканчиваться, в отличие от качества, которое этими признаками не обладает.

ительменские чередования *i/e*, *u/o* выполняют именно эту функцию, так же как, напр. англ. *sing/sang/sung* (глагольные словоформы) — *song* (именной дериват). Если в корневой морфеме имеется /i/ или /u/ — речь идет о финитных формах глагола, т. е. о тех формах, которые способны функционировать как независимый предикат; если в тех же корнях выступает /e/ или /o/ — речь идет о формах, не способных функционировать как независимый предикат: это формы так. наз. I инфинитива или отглагольные имена.

Раздел 2

2.1. Чередование *i/e*

По-видимому, необходимо еще раз подчеркнуть, что гармонии гласных в ительменском языке как системного явления не существует: приведенные выше (1.2) примеры форм локативных падежей я склонен трактовать как результат контактного влияния. Тем не менее, в данном случае чередование *i/e* материально — такое же, как в чукотско-корякских языках: /i/ рецессивное — /e/ доминантное. Но это только внешнее сходство, уже хотя бы потому, что алломорфы с /i/, выступающие в финитных формах глагола, вряд ли могут быть охарактеризованы как «рецессивные».

Рассмотрим несколько примеров⁵.

- (3) *t-wil-kiçen* 'я-попил', *q-wil-xç* '(по)пей', *k-wil-knen* 'он-попил/напился' — *wel-kas* 'пить', *wel-nom* 'питье, напиток'
- (4) *t'-iļ-kiçen* 'я-ушел', *q'-iļ-xç* 'уходи', *k'-iļ-knen* 'он-ушел' — *eļ-kas* 'уходить', *eļ-nom* 'уход (отъезд)'
- (5) *t-ŋikļ-qzu-kiçen* 'я-спал', *°q-ŋikļ-xç* 'спи', *°k-ŋikļ-knen* 'он-по-спал' — *°ŋekļ-kas* 'спать', *°ŋekļ-nom* 'место, где спят, спальня (совр.)'
- (6) *t'-iļfs-kiçen* 'я-послушал(ся)', *k'-iļfs-knen* 'он-послушал(ся)' — *eļfs-kas* 'слушать(ся)', *eļfs-nom* 'послушание'
- (7) *k'-isx-knen* 'он-умер' — *esx-kas* 'умирать', *esx-nom* 'смерть'

⁵ Финитные глаголы приводятся в формах 1Sg (индикатив), 2Sg (императив), 3Sg (так наз. III инфинитив, отмечаемый в прошедшем времени чаще других личных форм).

Полагаю, дополнительных комментариев приведенные примеры не требуют. Надо сказать, что подобное чередование характерно не только для субъектных («непереходных») глаголов, но и для глаголов как I, так и II субъектно-объектного спряжения, напр.:

(8) *q'-ŋiti-x* 'береги-это' — *ŋete-s* 'беречь что-либо', I спряжение

(9) *t-çki-kiçen* 'я-нашел-это' — *çke-kas* 'находить что-л.', II спряжение

Связочный элемент *eļe-s* (условный перевод 'делать что-л. '), выступающий в качестве грамматического компонента в аналитических глаголах, обнаруживает такое же чередование при словоизменении:

(10) *mel t'-iļ-qzu-s-çen* 'я-всегда-уважаю-его' —
mel eļe-s 'уважать кого-л.'

По этой модели образовано довольно много глаголов, заимствованных из русского: *terpet eļe-s*, *zapretit eļe-s*, *naznaçit eļe-s* и т. д.; ср. форму императива *terpet q'-iļ-qzu-s-x* 'всегда-терпи-это'.

Рассматриваемое чередование надо оценить как регулярное. По данным школьного словаря [Словарь 2001] подобных глаголов насчитывается около 70⁶. Замечу, что чередование *i/e* обнаруживают не только корни, но и, к примеру, префикс каузатива *jin-/ļen-*, напр.:

(11) *q-ļin-txil-mij* 'напомни-мне' — *ļen-txele-s* 'напоминать что-л. (кому-л.)', и т. д., ср. ниже, пример (46) и комментарий к нему, сноска 6.

2.1.1. Отсюда следует, что ительменские глаголы в исходной, словарной форме (I инфинитив) не имеют /i/, но только /e/. Интересен в этом смысле глагол:

(12) *ewl-se-kas* 'удлиниться, становиться длиннее' — *iwl-se-zen* '(это)-удлинняется', *k'-iwl-se-knen* '(это)-стало-длиннее'.

Он образован от качественного корня *iwl* (<*iwl-lax* 'длинный'), где фиксируется /i/, как в финитных формах. На мой взгляд, это

⁶ Сплошной проверки по Большому ительменскому словарю (который пока находится в картотеке) я не делал — виноват, еще не успел. Но вряд ли это принципиально изменит картину.

является свидетельством того, что первичной функцией ительменских «прилагательных» является функция *предиката*, а не атрибута.

По-видимому, правил без исключений (по крайней мере, в языке) не бывает в принципе. В ительменском есть два процессуальных корня, которые сохраняют огласовку /i/ во всех возможных формах: *ksxlit-* 'голодать' и *piŋlf-* 'кончать' — последний образует как переходный, так и непереходный глаголы, ср.:

- (13) *t-ksxlit-s-kiçen* 'я-голодаю', *x-ksxlit-knen* 'он-голодал' — *ksxlit-kas* 'голодать'
(14) *t-piŋlf-çen* 'я-кончил-это', *k-piŋlf-ʔin* 'он-кончил-это' — *piŋlf-es* 'кончать-что-л.'
(15) *k-piŋlf-knen* 'это-кончилось' — *piŋfaʔ-kas* 'кончатся', ср. *piŋlf-nom* 'конец'

2.2. Чередование u/o

Материал демонстрируется в той же последовательности, что и в предыдущем случае.

- (16) *t'-nu-s-kiçen* 'я-ем', *q'-nu-s-xç* 'ешь'⁷, *k'-nu-knen* 'он-поел' — *no-kas* 'есть', *no-nom* 'пища', *no-s* 'юкола' (повседневная еда)
(17) *t-sun'ʔ-qzu-kiçen* 'я-жил', *k-sun'ʔ-qzu-knen* 'он-жил' — *son'ʔ-kas* 'жить', *son'ʔe-s* 'жизнь, судьба', *son'ʔ-nom* 'жизнь (как время)'
(18) *t-əʎçku-s-çen* 'я-вижу-это', *k-əʎçku-ʔin* 'он-увидел-это' — *ʎçko-s* 'видеть-что-л.'
(19) *lu-z-ən* 'горит-это', *k-lu-knen* 'сгорело-это' — *lo-kas* 'гореть'
(20) *t-qzu-s-çen* 'я-жду-его', *x-qzu-miŋ* 'подожди-меня', *x-qzu-ʔin* 'он-подождал-его' — *kzo-s* 'ждать-кого-л.'
(21) *q-çumst-xç* 'выходи', *k-çumst-knen* 'он-вышел' — *çomst-kas* 'выходить', *çomst-nom* 'выход'.

Чередование *u/o* также оценивается как регулярное; количество подобных глаголов доходит до 40. Как и в случае с *i/e*, ср.

⁷ Императив момента речи: 'ешь немедленно', обычно это говорили детям, сидящим за столом.

выше, чередованию подвергаются не только гласные корня, но и префикса совместного действия *lu-/lo-*:

- (22) *k-lu-wne-knen* 'они-встретились' — *lo-wne-kas* 'встречаться (случайно, неожиданно)'
- (23) *lu-kelə-zə-ʔn* 'они-перекликаются' — *lo-kel-kas* 'перекликаться, аукаться', и т. д.

2.2.1. Встречаются глаголы, где в корневых морфемах отмечается оба чередования, как *i/e*, так и *u/o*:

- (24) *q'-unmi-xç* 'стой, остановись', *k'-unmi-knen* 'он-остановился' — *onme-kas* 'останавливаться', *onme-nom* 'остановка, стоянка (место)'
- (25) *t'-iʔnuxt-çen* 'я-отобрал-это', *k'-iʔnuxt-ʔin* 'он-отобрал-это' — *eʔnohte-s* 'отобрать-что-л. силой'
- (26) *t'-uk'ili-kičen* 'я-промахнулся' — *ok'ele-kas* 'промахиваться'.

Так же, как и в случае с *i/e*, ср. выше пример (12), ведут себя глаголы, образуемые от корней качественной семантики, напр.:

- (27) *ol'o-se-kas* 'уменьшаться', *n-ol'o-ʔas* 'уменьшать-что-л.' — *k'-ul'u-se-knen* 'это-уменьшилось', *k'-ul'u-ʔin* 'он-уменьшил-это', ср. *ul'u-l'aç* 'маленький'.

Рассмотрим еще один глагол, который образован от корня предметно-вещественной семантики. Чередование *u/o* в финитных и нефинитных формах распределяется в соответствии с общим правилом:

- (28) *q'-uji-xç* 'затопи (печь), разожги (костёр)', *k'-uji-knen* 'он-затопил' — *oje-kas* 'топить (печь), разжигать (костёр)', *oje-lat-nom* 'печь, кострище (место, где зажигают огонь)'

Ср. также *uji-knen* 'топливо, дрова' — огласовка корня /u/ предполагает, что это такая же финитная форма, как и напр. императив *q'ujixç*. Собственно, так оно и есть: *ujiknen* — это форма так наз. IV инфинитива [Володин 1976: 301–302] с предзначительным значением: 'для того, чтобы топить'. Обращает на себя внимание то, что исходный корень имеет вид *uʔ* 'дерево', мн. *uʔi-ʔn* 'деревья, дрова', ср. также *uft* 'лес'.

2.2.2. Как и в случае чередования *i/e* (ср. выше, 2.1.1), чередование *u/o* должно предполагать, что глагольные корни в нефинитных формах не будут иметь /u/, но только /o/. Все вышеприведенные примеры подтверждают это. Пожалуй, единственным исключением является заимствованный из русского глагол *uberaʔʔkas* 'прибирать, делать уборку'. Ожидаемая по правилу форма **oberaʔʔkas* не подтверждается⁸, хотя в финитных формах все чередования налицо: *q'ubiraʔʔxç* 'прибери', *k'ubiraʔʔknen* 'он(а)-прибрал(а)' и т. д. В полном соответствии с правилами образована и словоформа *k'ubiraʔʔ-ʔan* 'уборщик(ца)'.

2.3

То, что /i/ и /u/ не фиксируются (за некоторыми исключениями) в нефинитных формах, не предполагает, что они являются «рецессивными» членами чередований в парах /e/ и /o/ соответственно, как мы наблюдаем в чукотско-корякских языках, ср. выше, пример (1). Тем не менее, в ительменском языке фиксируются глаголы, имеющие в корне огласовку /e/ и /o/, которая никаким чередованиям не подвергается. Существует сильный соблазн охарактеризовать эти /e/ и /o/ как «сильные гласные», хотя, повторяю, к сингармонизму это никакого отношения не имеет.

2.3.1. «Сильный» /e/. Приведу несколько примеров.

- (29) *t'-efse-s-kiçen* 'я-подымаюсь', *q'-efs-xç* 'подымись', *k'-efs-knen* 'он-поднялся' — *efs-kas* 'подыматься', *efs-nom* 'подъём'
- (30) *t-welet-kiçen* 'я-заплатил', *q-welet-xç* 'заплати', *k-welet-knen* 'он-заплатил' — *welet-kas* 'платить', *welet-nom* 'плата'
- (31) *t-kelə-s-kiçen* 'я-кричу', *kelə-s-ç* 'ты-кричишь', *k-kel-knen* 'он-закричал' — *kel-kas* 'кричать', *kelkel* 'крик'. Ср. выше, пример (23), *lokelkas* 'перекликаться'
- (32) *k'eneze-z-en* 'он-думает', *°k-k'eneze-knen* 'он-придумал' — *°k'eneze-kas* 'думать', *°k'eneze-nom* 'размышление'.

Ср. также дериват от корня качественной семантики:

- (33) *ktwe-z-en* 'это-чернеет', *k-ktwe-knen* 'это-почернело' — *ktwe-kas* 'чернеть' < *ktwe-laç* 'черный'.

⁸ Скорее всего, потому, что это заимствование сравнительно новое, из лексикона школьного быта.

Таких глаголов насчитывается около 40, список — явно не полный.

2.3.2. «Сильный» /o/:

- (34) *t'-omt-çen* 'я-связал-это', *q'-omt-x* 'связажи-это', *k'-omt-ʔin* 'он-связал-это' — *omte-s* 'связывать-что-л.', *omt-sx* 'вязанка'
- (35) *kojosə-z-en* 'он-сомневается', *zaq kojós-kaq* 'не сомневайся' — *kojos-kas* 'сомневаться'
- (36) *t-lot-kiçen* 'я-выстрелил', *q-lot-xç* 'стреляй', *k-lot-knen* 'он-выстрелил' — *lot-kas* 'стрелять', *lot-nom* 'выстрел'
- (37) *sollo-z-en* 'он-лежит', *°q-sollo-xç* 'лежи', *°k-soʎo-knan* 'он-полежал' — *°sol-kas* 'лежать', *°sol-nom* 'место, где лежат (лежанка, ложе)'

Дериваты от корня качественной семантики:

- (38) *om-sa-z-en* 'теплет', *k'-om-sa-knan* 'потеплело', *q'-n-oma-x* 'нагрей-это', *k'-n-oma-ʔan* 'он-нагрел-это' — *om-sa-kas* 'теплеть, нагреваться', *n-oma-s* 'нагревать-что-л.' < *om-laç* 'тёплый'

Список таких глаголов несколько меньше, ср. 2.3.1 — их около 20.

2.3.3. Немало в ительменском глаголов, имеющих в корне /a/. Этот гласный, как уже было сказано (см. 1.2), может быть охарактеризован как «сильный» — он не вступает в какие-либо чередования того типа, которые были уже рассмотрены. Не удержусь от демонстрации нескольких примеров:

- (39) *q-maʔl-xç* '(по)играй', *k-maʔl-knan* 'он-(по)играл' — *maʔl-kas* 'играть', *maʔle-s* 'игра', *majʔa-nõŋ* 'игрушка'
- (40) *t'-nas-kiçen* 'я-спустился', *q'-nas-xç* 'спустись', *k'-nas-knan* 'он-спустился' — *nas-kas* 'спускаться', *nas-nom* 'спуск'
- (41) *t-kansa-s-kiçen* 'я-курю', *zaq kansa-kaq* 'не кури', *k-kansa-knan* 'он-покурил' — *kansa-kas* 'курить', *kansa* 'курительная трубка'

Дериваты от корней качественной и локально-темпоральной семантики:

- (42) *atx-sa-z-en* 'светлеет, светает', *k'-atx-sa-knan* 'рассвело' — *atx-sa-kas* 'светать, светлеть' < *atx-lax* 'белый, светлый (ср. *atx?atx* 'свет')'
- (43) *n-lam-st-qzu-k* 'мы «летовали» (проводили лето)', *k-lam-st-knan* 'они-провели-лето' — *lam-st-kas* 'проводить-лето', *lam-st-nom* 'летник' < *lamʃ* 'летом'.

Количество глаголов, имеющих в корне /a/, превышает сотню.

2.4

Тем не менее, обнаружено два случая, когда можно ставить вопрос о существовании чередования *a/e*, которое, вероятно, является реликтом более раннего состояния. Первый случай касается глагола *ʃme-kas* 'убивать (на охоте), добывать кого-л.':

- (44) *t-ʃme-kiçen* 'я-добыл', *k-ʃme-knen* 'он-добыл', *qaʔm ʃme-kaq* 'не добыл' (здесь не маркировано лицо, оно устанавливается из контекста) — *ʃme-kas* 'добывать', *ʃme-nom* 'процесс добычи, охоты'.

Как видим, этот случай может быть трактован как «сильный» /e/, ср. выше, 2.3.1, если бы не словоформа *ʃma-s* 'добыча, результат охоты'. Таким образом, налицо чередование *ʃme-/ʃma-*.

Второй случай можно трактовать как «обратный» — в большинстве словоформ фиксируется /a/ и только в одной /e/:

- (45) *ʃaqan ʃ-kas* 'злиться, сердиться', *ʃʏqankit ʃaqan-s-ç* 'из-за-чего ты-злишься?', *k-ʃaqan ʃ-knen* 'он-рассердился'; *ʃaqan ʃe-s* 'злиться-на-кого-л., ненавидеть-кого-л.', *t-ʃaqan-s-çen* 'я-ненавижу-его'; *ʃʏqankit kəmta ʃakan-s-miŋ* 'из-за-чего меня ты-ненавидишь-меня?'.

Всюду «сильный» /a/. Но исходный корень качественной семантики имеет форму *ʃeqe* 'плохой, злой, дурной'. Налицо чередование *ʃaqə-/ʃeqe-*.

2.5

С. Н. Стебницкий в своем очерке фонетики и грамматики ительменского языка (первая русскоязычная работа) пишет, между прочим, следующее: «Можно отметить чередования *i-e-a* и *u-a-o*» [Стебницкий 1934: 89]. К сожалению, это замечание не подтверж-

дается примерами. Тем не менее, высказанное Стебницким замечание о «двухступенном чередовании» (определение П. Я. Скорика, см. [Скорик 1961]) и даже о «трехступенной гармонии гласных и/э/а» [Жукова 1972: 58, сноска] было воспринято специалистами, разделяющими идею генетической общности чукотско-камчатских языков. Однако дальнейшего развития это соображение не получило, да и не могло получить. Упоминаемое А. Н. Жуковой «чередование и/э/а» увязывается с существованием в корякском языке словоформ ретрипликативного типа: *ла-ла-л* 'роса', *йа-йа-й* 'бубен' и т. д. [там же]. В ительменском подобные структуры тоже изредка фиксируются, напр., *хӛр-вӛр-вӛр* 'шум (продолжительный, непрерывный)' — явное звукоподражание. Что же касается собственно «чередования *i/e/a*», то в ительменском обнаружены следы этого явления; правда, никакого отношения к гармонии гласных оно не имеет, как и в предыдущем случае, ср. 2.1–2.2. Следов упоминаемого Стебницким «чередования» *u/o/a* в ительменском не обнаружено.

Как и в случае с *e/a*, «трехступенное чередование» *i/e/a* представляет собой реликтовое явление. Я обнаружил всего 4 случая его реализации; продемонстрирую их все. Речь идет о чередовании гласных в корнях процессуальной семантики в зависимости от грамматической принадлежности словоформы, образованной от данного корня: финитная форма — нефинитная форма — именной дериват. Иными словами, ситуация в структурном отношении ровно такая же, как с чередованиями *i/e* и *u/o*, ср. выше.

- (46) *ʃkzi-z-en* 'он-оставляет-следы', *k-ʃkzi-knen* 'он-наследил' — *ʃkze-kas* 'оставлять-следы' — *ʃkza-nom* 'след (человека или животного)'
- (47) *q-tim-x* 'крой-крышу', *timə-z-nen* 'он-кроет-её (крышу)' — *teme-s* 'крыть-крышу' — *tamə-s* 'крыша'
- (48) *t-qti-s-kiçen* 'я-собираю-ягоды', *x-qti-knen* 'она-собрала-ягоды' — *qte-kas* 'собирать-ягоды' — *qta-nom* 'ягодное-место'.

Приведённые примеры демонстрируют, можно сказать, регулярное чередование: /i/ — финитные формы, /e/ — инфинитив, /a/ — отглагольное имя. Все три корня относятся к древнейшим пластам лексики, связанным с традиционными занятиями ительменов:

выслеживать зверя⁹, крыть крышу (зимнего жилища, *kist*, и летнего, *met*; её делали из травы и покрывали слоем земли), а также собирать ягоды (точнее, всякие дикоросы, употребляемые в пищу и с лекарственными целями; этим занимались исключительно женщины). Упомянутый выше четвёртый случай чередования *i/e/a* связан с самоназванием народа. Он заслуживает отдельного рассмотрения.

2.5.1. Слово *itənmən* 'ительмен' информанты (отдельные глубокие знатоки родного языка, в 60–70-е гг. XX века) объясняли как 'тот, кто есть, кто существует': *itə-z-en* 'он-есть', *it-qzu-z-e?n* 'они-всегда-есть', корень *it-* 'быть'. В современном языке общеизвестен и общеупотребителен глагол *!-kas* 'быть, существовать'. Глагол с корневой морфемой *it-* известен в составе аналитической конструкции *əŋqan et-kas* 'вести себя странным, непонятным образом'; наиболее употребительна форма 2 л., используемая в вопросе *əŋqan ite-s-ç?* 'что с тобой (происходит)?' (информанты обычно дают перевод: 'ты чего?'). Употребительна также конструкция с 3 л.: *əŋqan-ta k'itknen* 'что-то случилось (стряслось)'. Итак, перед нами чередование *it-/et-* 'быть', причем вариант *it-* мы видим в финитных формах, *et-* — в инфинитиве (что ожидаемо), однако вариант *it-* фиксируется также в именном деривате *itənmən*, что нарушает правило. Но, кроме того, существует и дериват *at-nom* 'посёлок', это — современное толкование, первоначально *atnom* означало 'место, где живут, находятся', 'родной дом'. Недаром же широко употребимые формы локативных падежей понимаются как *atno-k* 'дома', *atno-ke* 'домой', *atno-x?al* 'из-дому'. Итак, перед нами чередование *i/e/a* (четвёртый случай, возможно, самый древний): /i/ маркирует финитные формы глагола в противопоставлении *e/a*, маркирующим нефинитные формы и отглагольные именные дериваты.

2.6

Рассмотренные нами факты ительменского языка, без сомнения, могут быть оценены как раритетное (если не уникальное) явление для языков Сибири. Уж для чукотско-корякских языков эта система чередований гласных аблаутного типа (ср. выше, 1.3) абсолютно чужда. Чередования *i/e*, *u/o* в глагольных корнях чукотско-корякских

⁹ В (46) представлен монопersonальный глагол: 'следить, т. е. самому оставлять следы'; но есть и каузативный дериват *!en-!kze-s* 'выслеживать-кого-л.'; здесь наблюдается чередование *i/e*, ср. выше, пример (11).

языков — требование сингармонического выравнивания словоформы, которое предусматривает еще и чередование е/а, ср. выше, 1.1. пример (1). В чукотско-корякских языках эти чередования служат для противопоставления «слабого»/«сильного» вокализма, в ительменском — чередования *i/e*, *u/o* характерны, во-первых, только для процессуальных корней, во-вторых, они служат для противопоставления «финитные/нефинитные глаголы» (в том числе и отглагольные именные дериваты). В этой связи чрезвычайно показателен пример так наз. «инфинитивного спряжения» в ительменском языке [Володин 1976: 283–288].

Это «спряжение» представляет собой формы I инфинитива на *-kas* в сочетании с личными префиксами *t-* ‘я’, *n-* ‘мы’, а также с императивными *m-* ‘1Sg’, *q-* ‘2Sg’, *mən-/xān-* «формы совместного действия», т. е. аффиксами, заимствованными из чукотско-корякских языков; таким образом, «инфинитивное спряжение» отражает период первичных контактов ительменов с чукчами и коряками. Это отдельная проблема, которая не является нашим нынешним предметом, она интересует нас здесь потому, что эти формы инфинитива, получающие личные префиксы, меняют функцию: они становятся *финитными* и меняют огласовку корня в соответствии с выявленным здесь правилом, напр.: *çasit bi t-k'-wil-kas* ‘сейчас бы я-бы-попил’¹⁰ — инфинитив *wel-kas*, ср. пример (3), *kza q-sun'ɫ-kas* ‘ты живи’ — инфинитив *son'ɫ-kas*, ср. пример (17) и т. д. Формы «инфинитивного спряжения» отмечаются почти исключительно в фольклорных текстах; правда, императивные формы с префиксом *q-* были распространены и в живой речи. Полагаю, что и сегодняшним ительменам, еще помнящим родной язык, известна словоформа *q'-iɫç-kas* ‘молчи, молчать’, ср. *t'-iɫçə-s-kiçen* ‘я-молчу’, *k'-iɫç-knen* ‘он-молчал’, но — инфинитив *eɫç-kas* ‘молчать’, *eɫç-nom* ‘молчание’, всё — в соответствии с чередованием *i/e*, ср. выше 2.1.

¹⁰ Здесь мы видим два показателя конъюнктива, оба заимствованы: префикс *k'-* из чукотско-корякских языков и русская частица *bi* ‘бы’. Это единственное русское заимствование в ительменской глагольной системе, см., в частности [Володин 1994].

Раздел 3

Ещё один «раритет морфонологического типа» также наблюдается в ительменском глаголе: речь пойдёт о «чередовании» /t+s>Ø. Казалось бы, данное явление относится к сфере морфонологии: «использование фонологических различий в морфологических целях» [Кубрякова 1990: 315]. Существует целая группа ительменских глаголов, у которых корень имеет в конце *-l*, напр.:

- (49) *k'o-l-kas* 'приходить', *el-kas* 'уходить', *son'l-kas* 'жить', *maʔl-kas* 'играть', *temp-l-es* 'носить, возить что-л.', *axl-es* 'снимать, собирать что-л.', *ʕ'eʔl-es* 'быть-совместно с кем-л.', и т. д.

У всех этих глаголов *-l* является неотъемлемой частью корневой морфемы. Таких глаголов насчитывается около 20 (список открытый). Среди этих глаголов следует особо отметить *l-kas* 'быть', уже упоминавшийся выше (1.5.1); его корень — только *l*-. Наряду с глаголами, перечисленными в (49), имеются глаголы, где *l*- является элементом глагола 'быть', напр., *ʒaqaŋ'l-kas* 'злиться', ср. выше, пример (45); его буквальное значение — 'быть злым' (*ʒaqaŋ'-l-kas*). Глаголов такой структуры как в (49), тоже свыше 20, среди них довольно много русских заимствований, напр.:

- (50) *swataʔ-l-kas* 'свататься', *deleʔ-l-kas* 'делиться', *dewowaʔ-l-kas* 'удивляться', *leceʔ-l-kas* 'лечиться', *resowaʔ-l-kas* 'рисовать' и т. д.

В формах настоящего времени, которое имеет показатель *-s/-z*, конечный *-l* корня (или «основы» как в /50/) регулярно выпадает:

- (51) *t-k'o-s-kiçen* 'я-прихожу', *i-s-ç* 'ты-идешь', *sun-s-ən* 'он-живёт', *tiŋp-s-nen* 'он-носит/возит-это' и т. д.

В случае с глаголом *l-kas* 'быть' наблюдается полная личная парадигма с нулевым корнем:

- (52) *t-Ø-s-kiçen* 'я-есмы', *Ø-sə-ç* 'ты-еси', *Ø-sə-n* 'он-есть', *n-Ø-s-kiçen* 'мы-суть', *Ø-sə-sx* 'вы-суть', *Ø-sə-ʔn* 'они-суть'.

Стебницкий, вслед за Богоразом, трактовал эту парадигму как «неправильный глагол» [Стебницкий 1934: 89]. Должен сказать, что ничего «неправильного» в нем нет; отсутствие материального экспонента корневой морфемы вызвано регулярно выполняемым правилом.

«Уникальность» этого случая заключается в том, что «чередование» /+s>Ø имеет место исключительно в том случае, если /s/ представляет собой **показатель настоящего времени**. В случае, если /s/ входит в состав другой морфемы, никаких преобразований не происходит, /ʃ/ и /s/ беспрепятственно соседствуют друг с другом. Такая ситуация характерна, напр., для личных форм 2Pl, показатель -sx:

(53) *k'oʃ-sx* 'вы-пришли', *iʃ-sx* 'вы-ушли'¹¹, *maʃʃ-sx* 'вы-(по)играли',
ср. *timʃʃ-sxen* 'он-привёз-вас'

Все эти формы так же регулярны, как и формы настоящего времени, где /ʃ/ отсутствует.

4. Заключение

Рассмотренные данные ительменской морфонологии приводят к выводу о тесной связи её с грамматической системой. Различная огласовка глагольного корня в зависимости от функциональной принадлежности словоформы, что было рассмотрено в разделе 2, может быть охарактеризована как «чередование аблаутного типа», что для языков Сибири нехарактерно. То же можно сказать и о «чередовании» /+s>Ø (раздел 3): в данном случае специальное выделение получают формы настоящего времени.

Проблема поисков генетических связей чукотско-камчатских языков (или, точнее, отдельно чукотско-корякских и ительменского) с аборигенными языками Америки, которая в свое время была сформулирована П. Я. Скориком как перспективная, всё ещё ждёт своих исследователей. Невольно вспоминается Степан Петрович Крашенинников, который ещё в XVIII в. говорил: «о том искуснейшим рассуждать оставляется» [Крашенинников 1949: 365]. В данном случае я имею в виду наших молодых специалистов (и тех, кто ещё придёт), которые вплотную займутся этой проблемой. Сейчас я только выскажу гипотезу: если подобные генетические связи обнаружатся, то американо-индейские языки, сближающиеся с чукотско-корякскими языками и ительменским, будут относиться к разным языковым семьям.

¹¹ Перфективная форма *sunʃ-sx* 'вы-жили', точнее, 'вы-прожили', ср. (51), а также выше (17) — информантами подтверждалась как «правильная», но так, мол, не скажут: *sunʃsx* значит, что вы уже больше не живёте, т. е. вы мертвы.

Литература

- Виноградов 1990 — В. А. Виноградов. Аблаут // В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 9–10.
- Володин 1976 — А. П. Володин. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976.
- Володин 1994 — А. П. Володин. О влиянии русского языка на ительменский // *Russian Linguistics*. №18. 1994. С. 323–340.
- Володин 2003 — А. П. Володин. Ительменский язык в таблицах. Учебное пособие для ительменских школ, педколледжей, вузов. СПб.: Дрофа, 2003.
- Жукова 1972 — А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Л.: Наука, 1972.
- Крашенинников 1949 — С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. 4-е изд. М.-Л.: Издательство Главсевморпути, 1949.
- Кубрякова 1990 — Е. С. Кубрякова. Морфонология // В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 315–316.
- Муравьева 1986 — И. А. Муравьева. Реконструкция фонологической системы прачукотско-корякского языка // Е. И. Убрятова (отв. ред.). Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск: Бердская типография, 1986.
- Словарь 2001 — А. П. Володин, К. Н. Халоймова. Словарь ительменско-русский и русско-ительменский. Ок. 4000 слов. Издание второе, дораб. СПб.: Просвещение, 2001.
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Чукотский язык. Фонетика и морфология именных частей речи. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Стебницкий 1934 — С. Н. Стебницкий. Ительменский (камчадальский) язык // Е. А. Крейнович (ред.) Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М.-Л.: Гос. уч. пед. изд.-во, 1934. С. 85–104.
- Bogoras 1922 — W. Bogoras. Chukchee // F. Boas (ed.). *Handbook of American Indian Languages*, part II, Washington, 1922.
- George, Volodin 1999 — St. Georg, A. P. Volodin. *Die Itelmenische Sprache. Grammatik und Texte*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.

А. П. Володин

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

О КАТЕГОРИИ РОДА В ЯЗЫКАХ СИБИРИ

Раздел 1

1.1

Категория рода характеризуется как (а) классифицирующая, (б) согласовательная. Вместе с тем, многие считают ее одной из «наиболее загадочных» категорий — с этого утверждения начинается книга Г. Корбетта “Gender” [Corbett 1991: 1]. Далее сообщается, что в одних языках категория рода является «центральной и всепроникающей», в других же она отсутствует напрочь [там же]. У других авторов встречаются утверждения, что категория рода «иррациональная», «палеонтологическая» (нечто вроде рудимента хвоста) и т. д. По моему мнению, категория рода является *обязательной* для языковой системы, поскольку человека окружают предметы как минимум двух принципиально различных классов: живые (одушевленные) и неживые (неодушевленные). Уж это-то противопоставление должно находить свое выражение в языковой системе. Затем, живые делятся на «разумные/неразумные» (человек/животное), а дальнейшее членение дает противопоставления: «мужчина/женщина», «самец/самка». Что касается класса «неживой», то здесь естественно ожидать противопоставления «естественные/искусственные (артефакты)». Все семантические группировки, получаемые в результате этой классификации, теоретически должны иметь и специальную маркировку. Поскольку речь идет о предметах, то в языке эту маркировку должны получать словоформы предметно-вещественной семантики, т. е. имена (существительные). Эта их маркировка есть выражение классифицирующей функции категории рода. Что касается согласовательной функции, то, в зависимости от характера языка, она будет выражаться в разного рода синтагмах: сочетания атрибутивного типа (существительное+ прилагательное) или предикативного типа (существительное+ глагол).

1.2

Наряду с категорией рода известна категория *именных классов*, которую ввели в научных обиход специалисты по африканским языкам; кроме того, термин «именные классы» характерен для описаний многих языков североамериканских индейцев, языков Кавказа (нахско-дагестанские), Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. В. А. Виноградов совершенно справедливо пишет об именных классах, что они «вместе с категорией *рода* образуют более общую категорию *согласовательных классов*» [Виноградов 1990: 173, выделено автором. — *А. В.*]. Ниже замечено, что именные классы «отличаются от рода *иными основаниями* классификации» [там же, выделено мною. — *А. В.*], но следует иметь в виду, что классифицируются *одни и те же* противопоставления, ср. выше, 1.1: живые/неживые, разумные/неразумные, мужчины/женщины, самцы/самки и т. д. В одних языках все вышеперечисленные пары могут получать специальную маркировку, в других они будут сведены к противопоставлению «мужчина/женщина» (мужской/женский род), а может быть реализовано противопоставление «человек / нечеловек», предполагающее не только «разумный/неразумный», но и «разумный/живой (человек) // все остальное (неразумный/неживой)». Наконец, среди класса «неживые» (естественные/артефакты) могут выделяться и получать специальную маркировку предметы разного качества — длинные, короткие, круглые, шарообразные, твердые (прочные), хрупкие, парные и т. д. с любой степенью детализации. В итоге количество именных классов в разных языках может доходить до нескольких десятков (свыше 40, но это лишь эмпирический, а не теоретический максимум). С другой стороны, в языках, где есть категория *рода* (прежде всего — это индоевропейские языки), количество членов парадигмы этой категории обычно равно трём: мужской, женский (противопоставление «мужчина/женщина») и «средний» (предположительно, первичное противопоставление «живой/неживой»). В языке бурушаски родовая парадигма состоит из четырёх членов: помимо мужского и женского рода (противопоставление «разумные/неразумные» здесь игнорировано), специально выделяется формальная группировка, маркирующая растения и их плоды. Это представляется в высшей степени логичным, поскольку растения — *живые*, только не способны двигаться, а их плоды употребляются в пищу, так же, как и мясо животных

(способны двигаться, но неразумные). Четвёртый «род» противопоставляется трём вышеназванным как «неживые предметы». В описаниях этого языка принято говорить о категории *класса*, например [Эдельман 1997: 208 сл.].

1.3

Если определять грамматическую категорию вообще как *противопоставление*, то в случае с родом и (именным) классом речь идет об одной категории, только называемой по-разному. Г. Корбетт предлагает называть ее родом (*gender*). Я всецело разделяю его мнение, поэтому всюду говорю «род». Возможно, термин «(именные) классы» является более адекватным для характеристики этой грамматической категории с типологической точки зрения; в этом случае следовало бы отказаться от термина «род» и говорить «класс» применительно к любому языку. Но индоевропейцы, я уверен, никогда с этим не согласятся.

1.4

Наконец, нельзя не упомянуть о языках, в которых категории рода нет. К их числу относится подавляющее большинство аборигенных языков Сибири — уральские, тюркские, тунгусо-маньчжурские, монгольские, эскалеутские, а также корейский и японский. Все они характеризуются линейной моделью словоформы типа $R+(m)$ — фиксированная позиция корня (левая терминальная); подобная модель определяется как «односторонняя агглютинация» или «агглютинация алтайского типа» [Володин 2001: 131]. На территории Америки (как Северной, так и Южной) аборигенные языки характеризуются линейной моделью словоформы типа $(m)+R+(m)$ — нефиксированная позиция корня, «агглютинация американского типа или двусторонняя». Среди этих языков обращает на себя внимание язык кечуа (Колумбия, Перу, Эквадор, Боливия), для которого характерна линейная модель словоформы типа $R+(m)$; в нем категории рода тоже нет, как и в вышеупомянутых языках Сибири. Отсюда напрашивается следующая импликация: *если в языке нет категории рода — он имеет линейную модель словоформы $R+(m)$, обратное также верно*. При этом нельзя сказать, что в этих языках вообще нет никаких противопоставлений, формирующих категорию рода — они манифестируются в выражении вопроса. Во всех вышеперечисленных языках выделяются как минимум два

вопросительных местоимения, *кто* и *что*, которые выражают противопоставления типа «живой/неживой» или «человек/не-человек». Таким образом, утверждения, что в данных языках категории рода нет, вряд ли можно рассматривать как абсолютно адекватные.

Но если даже считать их адекватными, то следует указать на исключение — дравидийские языки (тамильский, телугу, каннада, малаялам и др., общее число носителей — ок. двухсот млн. человек). Н. В. Гуров пишет о них: «Преобладающий тип морфемной связи — суффиксальная агглютинация (префиксация отсутствует)» [Гуров 1990: 139], иными словами, линейная модель словоформы — $R+(m)$. Далее читаем: «Имя характеризуется грамматич. категориями числа $\langle \dots \rangle$ рода, падежа [там же, выделено мною. — А. В.]. Из дальнейшего изложения явствует, что это несомненная категория рода, построенная именно на тех противопоставлениях, которые перечислены выше, см. 1.1. Итак, сформулированная нами эмпирическая импликация, во всяком случае универсалией не является¹.

Раздел 2

2.1

Если линейная модель словоформы характеризуется нефиксированной позицией корня (т. е. возможны префиксы) — категория рода может быть представлена в языке такого типа либо в явной, либо в скрытой форме. Индоевропейские языки характеризуются именно такой линейной моделью. Необходимо уточнить, что это — *флективные* языки, что предполагает наличие в линейной модели двух обязательных элементов: R(корень) и F(флексия или окончание). Таким образом, линейная модель индоевропейской словоформы имеет вид $(m)+R+(m)+F+(m)$, см. [Володин 2007: 52]. Категория рода (Genus) была выделена именно в результате изучения

¹ Возникает сильное желание разобраться: почему такая ситуация наблюдается в дравидийских языках, но это — не наша тема. Все же выскажу предположение, что категория рода могла сформироваться вследствие контактных влияний индоарийских языков, тем более что дравидийские языки имеют достаточно длительную письменную традицию. В этой же статье Н. В. Гурова упоминаются некоторые малочисленные дравидийские языки, в которых *категории рода нет*, при этом отмечено, что они бесписьменные.

и описания индоевропейских языков². Именно для этих языков категория рода характеризуется как «иррациональная», ср. выше 1.1. В самом деле, почему, например, в русском языке *потолок* — мужского рода, *стена* — женского рода, а *окно* — среднего рода? Все три относятся к группировке артефактов, следовательно, должны бы маркироваться одинаково. С другой стороны, почему русск. *дом* — мужского рода, франц. *la maison* — женского, а немецк. *das Haus* — среднего? Г. Корбетт объясняет это тем, что категория рода в индоевропейских языках — *формальная*, ее семантическое ядро было размыто в результате эволюции системы. Индоевропейские языки движутся к аналитизму; английский, ушедший в этом направлении дальше других, практически уже утратил категорию рода. Последнее, что осталось в английском — это так наз. «анафорический род»: *he, she — it* [Corbett 1991: 32].

2.2

В русском языке сохраняется сравнительно богатая морфология, и согласовательный характер категории рода прослеживается весьма наглядно, например:

- (1а) *больш-ой/маленьк-ий* (*мальчик/дом* и т. д.) — мужской род
(1б) *больш-ая/маленьк-ая* (*девочка/книга* и т. д.) — женский род
(1в) *больш-ое/маленьк-ое* (*поле/окно* и т. д.) — средний род

В этих синтагмах наблюдается ярко выраженное согласование: мужской род имеет нулевую маркировку (существительные оканчиваются на согласный), женский род имеет маркировку *-а*, средний *-о/-е*. Ср. также словосочетания *он-Ø* (*этот*) *был-Ø* — *он-а* (*эта*) *был-а* — *он-о* (*это*) *был-о*. В данном случае наблюдается морфологический механизм агглютинативного типа. Особенно отчетливо проявляется он в глагольных формах прошедшего времени: (*Мальчик*) *чита-л-Ø* — (*Девочка*) *чита-л-а* — (*Общество*) *чита-л-о*, где выделяются показатели

² Кстати об исключениях. В армянском языке, который относится к индоевропейским, категории рода нет, о чем прямо заявляется в описаниях. Например: «Грамматический род в современном (армянском — А. В.) языке исчез» [Туманян 1966: 567, выделено мною. — А. В.]. Отсюда следует, что раньше он все таки существовал.

-л (время) и -Ø/-a/-o (род)³. В русском языке род маркировался еще и во множественном числе, ср. пушкинские строки:

- (2) *и завидуют оне*
государевой жене.

Но уже и во времена Пушкина словоформа *оне* (множ. число жен. рода) была архаизмом. Увы, грамматическая система русского языка в ходе своей эволюции склонна «избавляться от излишних красот».

Формальный характер категории рода в русском языке (как представителе индоевропейской семьи) выражается в маркировке -Ø/-a/-o ~ (-e), первоначально соответствовавшей мужскому, женскому и среднему родам: *муж-Ø — жен-a — чад-o* (т. е. ‘ребенок, младенец’, ср. немецк. *das Kind*, тоже средний род). Специальной маркировки не получают в этой системе неживые предметы; имена, обозначающие их, квалифицируются по роду фактически произвольно, здесь связь семантики и формы отсутствует (либо ее и не было, не могу судить, ибо я не индоевропеист).

Раздел 3

3.1

Обратимся наконец к теме, заявленной в названии статьи, а именно: категория рода в языках Сибири. Собственно, об этом уже было сказано (1.4.): в подавляющем большинстве этих языков категории рода нет. Но помимо вышеназванных на территории Сибири известны еще так наз. *палеоазиатские* языки. Для этих языков характерна линейная модель словоформы типа (m)+R+(m) [Володин 2001]; следовательно, наличие категории рода ожидаемо, ср. выше, 2.1. Действительно, эта категория обнаруживается в кетском языке — это единственный язык на территории Сибири, где есть род. Не могу не добавить с глубоким сожалением, что

³ Разумеется, эти морфологические сегменты маркируют не только род: в соответствии с требованиями системы, это — *флексии*, представляющие в данном случае «сплав» рода, числа (единственное) и падежа (номинатив). Не случайно в формах других падежей мы не находим экспоненциальных следов этих показателей, хотя «сплав» род-число-падеж сохраняется по всей парадигме.

кетский — также единственный (еще) живой язык енисейской семьи, которая в XVIII веке включала в свой состав 6 языков.

Интересующая нас категория по своему характеру относится не к формальным, а к семантическим категориям [Corbett 1991]; собственно, именно это и составляет разницу в основании для классификации, о чем говорит В. А. Виноградов, ср. выше, 1.2. Отсюда и разные наименования этой категории в разных описаниях кетского языка. К. Доннер и А. П. Дульзон говорят о *rode*, Е. А. Крейнович, Г. К. Вернер, Г. Т. Поленова — о классе; посвященная этой категории монография Вернера так и называется: «Классная система в енисейских языках» [Werner 1994]. Я предпочитаю термин «род», как уже было сказано; им и буду пользоваться, тем более что в кетском различается всего три рода: мужской, женский и вещный.

3.2

Семантический характер категории рода в кетском проявляется в том, что имена в своей исходной, «словарной» форме не имеют никаких маркеров, как мы наблюдаем в индоевропейских языках (ср. данные русского языка в 2.2). Сопоставим кетск. *op* ‘отец’ (муж. род), *am* ‘мать’ (жен. род), а также личное местоимение 3 л.: *bu* ‘он, она’. Различие по роду отчетливо маркируется в косвенных падежах:

- (3а) *ob-d-a-ŋt* ‘у отца’ *am-d-i-ŋt* ‘у матери’
(3б) *ob-d-a-ŋal* ‘от отца’ *am-d-i-ŋal* ‘от матери’
(3в) *ob-d-a-ta* ‘для отца’ *am-d-i-ta* ‘для матери’

То же обнаруживают местоименные формы:

- (4) *bu-d-a-ŋt* ‘у него’, *bu-d-i-ŋt* ‘у нее’, *bu-d-a-ta* ‘для него’,
bu-d-i-ta ‘для нее’, и т. д.

Все эти словоформы демонстрируют, можно сказать, классический агглютинативный механизм; линейный состав: корень — число (*-d*, ед.) — род (*-a* муж., *-i* жен.) — падеж (показатели стандартные). Оппозиция «мужской/женский» предполагает деление в рамках класса «живой»; ей противопоставляется класс «неживой» (вещный род). В падежных формах этот род маркируется тем же суффиксом *-i*, что и женский (напр., *quis'-d-i-ta* ‘для чума’), но деление имён на «живые/неживые» (причем «неживых» — ок. 90%)

осуществляется на семантических основаниях. Е. А. Крейнович полагал, что для деления имен на «классы» были существенны следующие признаки 1) активность денотата, 2) его социальная значимость, 3) его размеры, 4) одушевленность, 5) целостность [Крейнович 1968]. При этом, оппозиции «живой/неживой», «мужской/женский» перекрещиваются, а класс «женский» отнюдь не совпадает с классом «неживой».

Имена, относящиеся к тому или иному роду, кетологи обычно дают списками, они есть у Е. А. Крейновича и Г. К. Вернера; последняя публикация, где приведен подобный материал — это [Поленова 2011]. Например, к мужскому роду относятся наименования предметов из класса «неживой»: жерди для установки каркаса чума и тому подобные, социально значимые вещи [Поленова 2011: 27]. Что касается растений (которые в языке бурушаски выделяются в отдельный класс, ср. выше, 1.2), то, входя в класс «живые», они, в зависимости от размера, относятся либо к мужскому роду (*oks* ‘дерево’, *xaj* ‘кедр’, *ej* ‘сосна’, и т. д.), либо к женскому роду (*qo* ‘сарана’, *bol’ba* ‘гриб’ и т. д.). Интересно, что к классу живых относится и слово ‘огонь’ (что впрочем, ожидаемо). В кетском ‘огонь’ женского рода. Ср. следующий пример: *boʔk aʔk dər* ‘дрова горят’, букв. ‘огонь дерево она-ест’. Последнее явствует из сопоставления глагольных словоформ: *di-p* ‘я-ем’, *du-p* ‘он-ест’, *də-p* ‘она-ест’, ср. ниже, 3.3, примеры (6, 8).

3.3

Противопоставления «живой/неживой» и «мужской/женский» отмечаются и в кетских вопросительных местоимениях: *bits’e* ‘кто (муж.)’ / *bes’a* ‘кто (жен.)’ — *aks* ‘что (неживое, вещный род)’⁴. Три материально различных родовых показателя отмечаются и в глаголах, точнее, в предикативных формах, в отличие от имен, где противопоставлены мужской (-*a*) и женский/вещный (-*i*). Таким образом, в личном спряжении в единственном числе различаются пять форм, ср. предикативные формы «прилагательного» *aqta* ‘хороший’:

⁴ Кроме того, существует и местоимение *an’a* ‘кто’ независимо от половой принадлежности, таким образом, пара *an’a* ~ *aks* противопоставлена по признаку «одушевленный/неодушевленный».

- (5) *aqta-di* ‘хороший-я’, *aqta-γu* ‘хороший-ты’, *aqta-du* ‘хороший-он’,
aqta-da ‘хорошая-она’, *aqta-m* ‘хорошее-это’

Когда речь идет о глаголе, количество личных форм уменьшается до четырёх, поскольку в 3-м лице различаются только ‘он/она’:

- (6) *di-γaraq* ‘я-живу’, *qu-γaraq* ‘ты-живешь’, *du-γaraq* ‘он-живет’,
də-γaraq ‘она-живет’

Морфологический сегмент *m-/b-/p-/v-*, служащий показателем вещного рода, в личных формах моноперсонального глагола отмечается весьма редко — только в тех случаях, когда речь идет о состояниях, в которых может пребывать и неодушевленный предмет, относящийся к вещному классу. Ярким примером для данного случая является глагол *aq* ‘гнить’. В словарях указывается, что формы 1 и 2 л. для этого глагола неупотребительны; зато в приводимой форме 3 л. показатель вещного рода выступает в редуцированном варианте: *bimb-aq* ‘это-гниет’ (нечто неживое). Приводится и форма 3 л. муж. рода *du-j-aq* ‘он-гниет’ (речь не обязательно идет о человеке — это может быть и какое-либо дерево, которое относится к мужскому роду, ср. выше, 3.2).

В парадигме биперсонального глагола маркер вещного рода регулярно присутствует в ряду показателей пациенса (объекта), что также совершенно логично, поскольку агенс может воздействовать не только на него/нее, но и на нечто (неживое). Ср. несколько словоформ глагола *tar* ‘бить’:

- (7) *di-γu-tet* ‘я-тебя-бью’, *di-γa-tet* ‘я-его-бью’, *di-i-tet* ‘я-ее-бью’⁵,
di-p-tet, вар. *di-vi-tet* ‘я-это-бью’.

Ср. также:

- (8) *ku-p-tet* ‘ты-это-бьешь’, *du-p-tet* ‘он-это-бьет’, *də-p-tet* ‘она-это-бьет’ — все формы парадигматически регулярны.

3.4

Во множественном числе различие по роду игнорируется, ср. *ob-n-a-ta* ‘для-отцов’, *am-n-a-ta* ‘для-матерей’ — здесь представлен показатель мн. числа *-n*, род же маркирован мужским *-a* в обоих

⁵ Обращаю внимание на суффиксы *-(γ)a* (муж. род), *-i* (жен. род), ср. 2.2, примеры (3, 4).

случаях. Кетологи считают, что для имен в единственном числе *-a* маркирует мужской род, *-i* — женский и вещный род, а во множественном числе наблюдается противопоставление «одушевленный/неодушевленный», «живой/неживой» — те же суффиксы *-a/-i* соответственно [Поленова 2011: 29, табл. 1]. Вообще, категории лица (рода) и числа в кетском существуют как бы автономно друг от друга. Личные местоимения множественного числа маркированы регулярным показателем *-n/-ŋ*: *at* ‘я’ ~ *ət-n* ‘мы’, *uk* ‘ты’ ~ *ək-ŋ* ‘вы’, *bu* ‘он/она’ ~ *bu-ŋ* ‘они’. Множественное число субъекта (у моноперсональных глаголов) и агенса (у биперсональных глаголов) маркируются показателем *-in/-in*, занимающим правую терминальную позицию в словоформе: *di-γaraγ-in* ‘мы-живем’, *ku-γaraγ-in* ‘вы-живете’, ср. выше, пример (6), а также: *di-γu-teγ-in* ‘мы-тебя-бьем’, *ku-p-teγ-in* ‘вы-это-бьете’, *du-p-teγ-in* ‘они-это-бьют’ (различие по роду снято, ср. примеры (7, 8)). Алломорфы множественного числа *-n/-ŋ* Вернер связывает с наличием в кетском языке (в прошлом) оппозиции «множественность: коллективность (или собирательность)» — она выражалась показателем *-n*, если речь шла об однородных одушевленных предметах; в остальных случаях употреблялись собирательные формы с показателем *-ŋ*. Этим объясняется то, что форму на *-ŋ* принимают и имена класса «живой»: так, слово *kεʔ* ‘человек’ имело форму мн. числа *kʌʔʔ*⁶ и собирательную *dʼeʔŋ*, которая в современном кетском языке означает ‘люди’, а форма *kʌʔʔ* сузила свое значение до ‘дети (одной матери)’ [Werner 1994: 51].

3.5

В системе спряжения глагола различаются личные аффиксы двух рядов (или серий), обозначаемые как Д и Б. Выше (примеры (6), (8)) были представлены глаголы серии Д. Существование этих двух серий связано с противопоставлением «активный/инактивный», недаром же морфологический сегмент *b-* (и его алломорфы) служит показателем вещного рода, см. выше, 3.3. Существование этих двух

⁶ Обращаю внимание читателя: здесь мы наблюдаем *внутреннюю флексию*, хорошо знакомую нам по индоевропейским языкам. Случай в кетском отнюдь не единственный, ср. *tip* — *tap* ‘собака’, *s'es* — *s'as* ‘река’, ед. — мн. Это не является предметом данной статьи, но входит в предмет данного сборника: *raritetety*; для языков Сибири явление внутренней флексии — вещь во всяком случае редкая.

серий связывается с тем, что диахронически кетский язык был языком активной типологии, и показатели серии Б оформляли глаголы «инактивные», напр.:

- (9) *ba-yissal* ‘я-ночую’, *a-yissal* ‘он-ночает’, *i-yissal* ‘она-ночает’ — в 3 л. выступают уже известные нам показатели мужского и женского рода.

В современном языке это правило уже не выдерживается: по «серии Б» спрягаются и глаголы, означающие вполне активные действия, напр.:

- (10) *bo-yotn* ‘я-иду’, *o-yotn* ‘он-идет’, *u-yotn* ‘она-идет’.

Показатели мужского и женского рода в данном случае материально иные. Кроме того, надо подчеркнуть, что аффиксы серии Б, как видно из примеров (9)–(10), могут функционировать в роли субъекта (состояния или действия), но никогда не выступают в роли агенса, при этом роль пациенса для них не запрещена.

3.6

По единодушному мнению кетологов, категория рода «класса» восходит к древнейшему состоянию языковой системы, которая характерна для языка *классной* типологии. Следующим этапом эволюции был переход к активному строю, завершившийся в настоящее время переходом к нейтральному строю (термин предложен А. Е. Кибриком для языков, в которых агенс и пациенс выражаются одной падежной формой): Противопоставления по роду сохраняются как у имен, так и у глаголов: *-a* — мужской род, *-i* — женский род. Показатель вещного рода наиболее отчетливо фиксируется в глагольной системе — суффикс *b-/m-* и его алломорфы. Согласование по роду существительных и прилагательных (в роли определения), характерное для индоевропейской категории рода (ср. выше, 2.2) в кетском языке отсутствует. Эта проблема рассматривается, в частности, в работе [Крюкова 2005].

В настоящее время Г. К. Вернер и Э. Вайда исследуют возможные древние генетические связи енисейских и североамериканских (алгонкинских) языков. Работы находятся в начальной стадии, но сулят в высшей степени интересные результаты, в том числе и в сфере категории рода (класса). Высказанная А. П. Дульзоном гипотеза о структурных связях енисейских языков и бурушаски (см. [Дульзон 1968])

пока, к сожалению, не нашла дальнейших исследователей, а между тем, на мой взгляд, можно ставить вопрос об их генетическом единстве, см. [Володин 2001: 136–137].

Раздел 4

4.1

«В скрытой форме» рассматриваемая здесь категория рода может быть усмотрена в других палеоазиатских языках, в частности, в языках чукотско-камчатского ареала. Чукотско-камчатские языки представлены группой генетически связанных чукотско-корякских языков (чукотский, корякский, алюторский, керекский) и изолированным ительменским языком, элементы общности которого с первыми являются результатом контактных влияний.

4.2

В чукотско-корякских языках выделяется категория определенности/неопределенности. Вернее, в описании чукотского [Скорик 1961] ее нет, а в описании корякского читаем: «Категория определенности/неопределенности сопряжена в корякском языке с различием человек/не-человек (лицо/не-лицо)» [Жукова 1972: 97, выделено автором. — А. В.]. Те же (материально совпадающие) факты в описании чукотского трактуются как формы выражения числа. Речь идет о суффиксах, которые маркируют не просто единственное и множественное число, а еще и определенность: *-ne/-na* (маркирует определенность и единственное число в эргативе), *-rək/-ri*⁷ (маркирует определенность и множественное число во всех падежах, кроме абсолютива).

Число в сфере неопределенности имеет следующие формы: ∅ (и некоторые нестандартные показатели) ед. число ~ *-t* мн. число⁸. Суффикс *-t* маркирует как именные (чук. *tumɣə-t* ‘друзья, товарищи’), так и глагольные словоформы (*ɕejwə-rkə-t* ‘они-идут’, *tə-ʃu-ne-t* ‘я-увидел-их’). В линейной цепочке словоформы показатели

⁷ В корякских языках *-jək* (маркирует определенность и двойственное число во всех падежах, кроме абсолютива).

⁸ В корякском, алюторском и керекском языках *-t* является показателем *двойственного* числа; множественное число маркируется морфемами, которых в чукотском нет. Существует мнение, что система числа в «корякских языках» возникла вследствие иноязычного влияния.

числа для определенности/неопределенности занимают разные позиции и в одной словоформе они несовместимы.

Вышеприведенные показатели числа в сфере определенности обнаруживаются у личных местоимений, ср. данные чукотского:

- (11) *γət* ‘я’ *muri* ‘мы’
γət ‘ты’ *turi* ‘вы’
ətʃon ‘он’ *ətʃri* ‘они’

Морфологический сегмент *-ri* никогда раньше не выделялся как показатель множественного числа (в корякских языках, повторяю, он маркирует дв. число: *-ri/-ji*, но это принципиального значения не имеет). Он же фиксируется и в формах «первопадежа» (диахронически самого древнего): *mo-rə-k* ‘наш, у нас’, *to-rə-k* ‘ваш, у вас’, *ə-rə-k* ‘их, у них’ — и затем в формах эргативного падежа личных местоимений: *mo-rγə-nan* (< *morək-nan*) ‘мы’, *to-rγə-nan* ‘вы’ и т. д. [Богораз 1937: 27]. Суффикс *-rγə* (коряк. *-çγə*) маркирует здесь мн. число в сфере определенности; в формах ед. числа — нулевой показатель: *γət-nan* ‘я’, *γə-nan* ‘ты’, *ə-nan* ‘он’ (эргативный падеж, показатель стандартный). Морфологические сегменты *-na* и *-rək* (коряк. *-jək*) функционируют также как показатели эргативного падежа единственного и множественного числа в сфере определенности у имен, напр., чук.:

- (12a) *Dawʔelʔo-na* *ine-neʔʔek-wʔi*
 тетя-ERG INV-будить-PFV
 ‘тётка (родная) меня разбудила’

- (12б) *Dawʔelʔo-rək* *ne-neʔʔew-γət*
 тетя-ERG.PL INV-будить-1SG.P
 ‘тётки (родные) разбудили меня’

Эргативный падеж для сферы неопределенности совмещен с показателем инструменталиса. По числу он (как и все косвенные падежи в этой сфере) не различается, число опознается из контекста:

- (13a) *Tuty-e* *kejŋə-n* *təm-nen*
 товарищ-ERG медведь-ABS убивать-3SG.P
 ‘Товарищ медведя убил-он-его’.

- (136) *Tumy-e* *kejŋə-n* *ne-nmə-n*
товарищ-ERG медведь-ABS INV-убивать-3SG.P
'Товарищи медведя они-убили-его'.

В случае употребления эргатива сферы определенности в (136) мы увидим словоформу *tumyə-rək* 'товарищи (известные мне)'.

Воздерживаясь от подробностей (которые могли бы украсить изложение, но не уточнить), констатируем, что в качестве «скрытой» категории в чукотско-корякских языках можно назвать категорию рода, которая реализуется в противопоставлении «человек/не-человек», ибо имена, означающие не-человека, входящих в сферу определенности форм не принимают никогда. Это касается и животных, в противном случае нужно было бы говорить о противопоставлении «одушевленный/неодушевленный». Впрочем имена собственные (клички) поднимают животных до уровня «человек», ср. следующие варианты употребления вопросительных местоимений *meŋin* 'кто' / *rʔenut* 'что' (чук.):

- (14) *ʔəttʔə-n* *ŋət-γʔi*. — *Məŋin?* — *Wutəl*.
собака-ABS.SG срываться-PFV кто Вутыл
'Собака сорвалась (с привязи) — Кто? — Вутыл'. (в данном случае собеседники хорошо знают своих собак по именам).

- (15) *Req-ʔəttʔə-n* *ŋət-γʔi?* — *N-iʔyə-qin*.
что.за-собака-ABS.SG срываться-PFV ADJ-белый-3SG
'Что за собака сорвалась? — Белая'.

В (15) спрашивающий не видит, но слышит, что собака сорвалась, и квалифицирует ее как неопределенную, не имеющую собственного имени. Вопросительное местоимение *rʔenut* 'что' здесь инкорпорировано в именную словоформу *ʔəttʔən* 'собака'.

В чукотско-корякских языках относящееся к категории рода противопоставление «человек/не-человек» тесно связано с противопоставлением «определенный/неопределенный», что и затрудняет его квалификацию как проявление интересующей нас категории. Кроме того, квалификации данного противопоставления как категории рода препятствует отсутствие каких-либо согласовательных механизмов, ср. выше, 1.1.

4.3

4.3.1. В ительменском языке, помимо различия вопросительных местоимений *k'e* 'кто' и *əŋqa* 'что' (по-видимому, это является универсалией, ср. выше, 1.4), выделяется группировка словоформ, которые маркированы показателем *-l̥x* — все они означают исключительно *живые существа*, но без противопоставления «человек/не-человек». В настоящее время эта группировка формально размыта: в «первозданном» виде от нее осталось только два слова: *ç'amzan'l̥x* 'человек' и *ʔ'i'l̥x* 'гость'. При сочетании с показателем мн. числа суффикс *-l̥x* фонетически преобразуется: *ç'amzan-la-ɳn* 'люди' и *ʔ'i-la-ɳn* 'гости'. Нужно отметить, что слова, означающие человека и некоторых представителей фауны, сохраняют показатель *-l̥x*, вар. *-lx* и его рефлекс *-x/-x̣/-l̥*: *i̯xl̥x* 'мужчина' (мн. *i̯xl̥xe-ɳn*), *ip̥l̥x* 'друг, товарищ' (мн. *p̥l̥xa-ɳn*), *ʔl̥aq-l̥x* 'ворон' (мн. *ʔl̥aq̣l̥xa-ɳn*); ср. также *isx* 'отец', *la̯x̣x̣* 'мать', *minsx* 'женщина', *mitx* 'дед/бабка', *sillatumx* 'брат', *lilix̣l̥* 'сестра', *lufsx* 'племянник'. Можно также отметить *klam!* (диал. вар. *klamlx*) 'муха', *wəqa ʔŋt̥l̥* 'старый медведь', *ʔosx* 'собака'; к этой же формальной группировке относится и *xim̥l̥x* 'огонь' (мн. *xim̥l̥xe-ɳn* 'огни, костры').

4.3.2. Наряду с этим в глагольной системе выделяется так наз. II инфинитив с показателем *-ki'l̥x/-ka'l̥x*, определяемый как «чужое очевидное действие» [Володин 1976: 288 сл]. Этот показатель членится: *-ki-l̥x* — морфологический сегмент *-k(i)* маркирует принадлежность словоформы к классу глагола. Современное употребление II инфинитива в сочетании с вышеупомянутыми именами на *-l̥x* демонстрирует полное согласование:

(16а) *Təʔçkus-çen ʔ'i-l̥x ʔŋikl̥-ki-l̥x* 'я-вижу-его (что) гость спит'

(16б) *Təʔçkus-çe ɳn ʔ'i-la-ɳn ʔŋikl̥-ki-la-ɳn* 'я-вижу-их (что) гости спят'

В формах II инфинитива варианты *-l̥x* (ед. ч.) ~ *-la ɳn* (мн. ч.) регулярны. Напрашивается предположение, что на ранних этапах формирования грамматической системы ительменского языка синтагмы типа *ç'amzan'l̥x sun ʔ-ki-l̥x / ç'amzan-la-ɳn sun ʔ-ki-la-ɳn* трактовались как 'человек живет / люди живут', но данные современного языка этого не подтверждают. Формы на *-ki'l̥x/-ka'l̥x* легко номинализируются, что отмечал еще В. Г. Богораз: формы типа *nu-ki'l̥x* 'едок' (от *no-kas* 'есть') и *wetat-ki'l̥x* 'работник' (от *wetat-kas* 'работать') отмечаются уже в его материалах (более чем столетней давности).

В наших материалах 60–80-х годов XX века подобные формы очень широко представлены, напр.: *anse ʔ-kilʃ* (мн. *anse ʔ-kilaʔn*) ‘учащийся, ученик’, *aneɕpa ʔ-kilʃ* ‘учитель’, *ʔale-kaʃ* ‘животное’ (букв. ‘тот кто ходит’, от *ʔale-kas* ‘ходить’) и т. д., вплоть до *jasaka ʔ-kaʃ* ‘сборщик налогов, мытарь’ (от *jasaka ʔ-kas* ‘собирать ясак’) — слово понадобилось при переводе Евангелия.

Итак, можно констатировать, что в ительменском выделяется класс «живых/активных» (маркированные), противопоставляемый классу «неживые/неактивные» (немаркированные). Он обладает и согласовательными характеристиками (имя+глагол), которые необходимы для категории рода. При этом глагольные словоформы (на *-kiʃ*) сохранились в современном языке практически целиком (в функции «чужое очевидное действие»), в то время как именные (на *-ʔ*) подверглись почти полному разложению. Это лишний раз доказывает, что при разрушении живого языка (а ительменский, к сожалению, пребывает именно в таком состоянии) самое стойкое сопротивление оказывает глагол. Мне уже приходилось писать об этом [Володин 1994].

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABS — абсолютив; ADJ — адъективизатор; ERG — эргатив; INV — инверсив; P — Пациенс; PFV — перфектив; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

- Богораз 1937 — В. Г. Богораз. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.–Л.: Глав. уч.-пед. изд-во, 1937.
- Виноградов 1990 — В. А. Виноградов. Именные классы // В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 173–174.
- Володин 1976 — А. П. Володин. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976.
- Володин 1994 — А. П. Володин. О влиянии русского языка на ительменский // *Russian Linguistics*. №18. 1994. С. 323–340.
- Володин 2001 — А. П. Володин. Мысли о палеоазиатской проблеме // *Вопросы языкознания*. N4. 2001. С. 129–141.
- Володин 2007 — А. П. Володин. Эссе об инкорпорации // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. III. Ч. I. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 50–60.

- Гуров 1990 — Н. В. Гуров. Дравидийские языки // В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 139–140.
- Дульзон 1968 — А. П. Дульзон. Кетский язык. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968.
- Жукова 1972 — А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Л.: Наука, 1972.
- Крейнович 1968 — Е. А. Крейнович. Глагол кетского языка. Л.: Наука, 1968.
- Крюкова 2005 — Е. А. Крюкова. Класс слов-определителей в енисейских языках (сопоставительный анализ на материале кетского, югского, коттского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. ТГПУ, Томск, 2005.
- Поленова 2011 — Г. Т. Поленова. В поисках истоков языка (Юбилейный сборник избранных трудов). Таганрог: ТГПИ им. А. П. Чехова, 2011.
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. I. Фонетика и морфология именных частей речи. М.–Л.: Наука, 1961.
- Туманян 1966 — Э. Г. Туманян. Армянский язык // Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 562–598.
- Эдельман 1997 — Д. И. Эдельман. Бурушаски язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 204–220.
- Corbett 1991 — G. Corbett. Gender. Cambridge University Press, 1991.
- Werner 1994 — H. Werner. Das Klassensystem in den Jenissej-Sprachen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1994.

А. П. Выдрин

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЛЕГКО И ТРУДНО ОСУЩЕСТВИТЬ ДЕЙСТВИЕ. ОСЕТИНСКАЯ МОДАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ¹

1. Введение

Несмотря на то, что грамматикализация основных значений динамической модальности [Nuys 2005; 2006] (другие термины — ситуативная [Palmer 2001], агентивная [Bybee et al. 1994], ирреальная модальность [Плунгян 2009]), таких как возможность и необходимость, достаточно хорошо изучена [Bybee et al. 1994; van der Auwera, Plungian 1998; Palmer 2001; Traugott 2006], рассмотрение путей грамматикализации других, более частных значений этого вида модальности обычно остается за рамками типологически ориентированных исследований.

Модальное значение ‘легко/трудно осуществить действие’, которому посвящена статья, в языках мира нередко передается с помощью грамматических средств. Например, в русском языке это значение может возникать у квазипассивных конструкций с рефлексивным глаголом, ср. *Это интересная книга, она легко читается*. В английском и многих других европейских языках это значение передается так называемой Tough Movement Construction, например, *These books are easy to read* ‘Эти книги легко читаются’. Однако, как кажется, крайне редко (не только на языковой карте России, но и далеко за ее пределами) это значение имеет специализированные средства выражения. Например, в конструкции с рефлексивным глаголом в русском языке, помимо наречия ‘легко’ и ‘трудно’, могут употребляться другие оценочные наречия, ср. рус.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (МК-1920.2014.6), Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика», а также гранта РГНФ № 13-04-00342. Автор статьи признателен М. В. Дарчиевой, а также другим носителям осетинского языка, от которых были получены примеры, цитирующиеся в статье.

Деньги быстро тратятся, ср. также англ. *This room is pleasant to sleep in* ‘В этой комнате приятно спать’.

В связи с вышесказанным заслуживает внимания материал осетинского языка, где обнаружены специализированные средства выражения значения ‘легко/трудно сделать’ — так называемая фацилитивно-дифицитивная конструкция. Исследование основано главным образом на данных письменных и устных текстов современного осетинского языка, а также на моих полевых материалах. В ходе работы использовался Осетинский национальный корпус (далее ОНК, 5 млн. словоупотреблений на момент написания статьи, корпус находится в Интернете в свободном доступе онлайн, <http://corpus.ossetic-studies.org>) и устный корпус иронского диалекта (около 50000 словоупотреблений на момент написания статьи; корпус также доступен в Интернете <http://ossetic-studies.org/ru/texts>). Полевые материалы собраны у информантов в период с 2010 по 2013 гг. в Республике Северная Осетия–Алания. Осетинские примеры, взятые из ОНК, обозначаются [ОНК + ссылка на источник]; примеры из устных текстов имеют название устного текста и номер предложения; примеры, полученные от информантов, оставлены без ссылки на источник.

1.1. Терминология

В статье будет использоваться следующая терминология, предложенная по большей части в работе [van der Auwera, Plungian 1998]. *Динамическая модальность* — статус ситуации по отношению к реальному миру (например, является ли ситуация в реальности возможной или невозможной, необходимой или ненеобходимой и т. д.). Основными значениями динамической модальности, которые в языке чаще всего выражаются грамматически, являются возможность и необходимость. Динамическая возможность и необходимость подразделяются на внутреннюю, внешнюю и частный случай внешней — деонтическую возможность и необходимость. Под *внутренней возможностью* имеется в виду умение, способность (физическая или вербальная) контролирующего участника ситуации (чаще всего подлежащего) выполнить действие (*Вася может съесть полкило жареного мяса за раз*). Под *внешней возможностью* понимаются обстоятельства, окружающая обстановка, моральные нормы, позволяющие или не препятствующие участнику, контролирующему ситуацию, совершить действие (*Сейчас пробок нет, и мы можем*

доехать до аэропорта всего за полчаса). Под *деонтической возможностью* (которая является частным значением внешней возможности) подразумевается разрешение или запрещение, обычно исходящее от говорящего, как правило, обусловленное моральными или общественными нормами (*Здесь нельзя курить; Можете сесть*). Как и возможность, второе основное модальное значение — необходимость — также разделяется на внутреннюю и внешнюю. Однако, так как в настоящей статье не упоминается значение необходимости, термины *внутренняя, внешняя и деонтическая необходимость* рассматриваться не будут. Интересующийся читатель может обратиться к доступной литературе (например, [van der Auwera, Plungian 1998; Плунгян 2009, 2011]).

2. Образование и морфосинтаксические особенности осетинской фацитивно-дифицитивной конструкции (ФДК)

В ходе исследования грамматических способов выражения динамической возможности в осетинском языке² была обнаружена не отмечавшаяся ранее ни в грамматиках ([Гагкаев 1952; Абаев 1959; Ахвледиани 1963, 1969; Багаев 1965, 1982] и др.), ни в грамматических исследованиях осетинского языка (наиболее значимыми являются работы [Техов 1970; Таказов 1992]) конструкция, состоящая из имени *зын* ‘трудность’, ‘трудный’ или *аенцон* ‘удобство’, ‘легкий’, отглагольного имени на *-аен* и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’. При переходном глаголе вспомогательный глагол согласуется с пациентивным участником (который находится в форме номинатива³ и выполняет функцию подлежащего), агентивный участник маркируется дативом (1)–(2)⁴. При непереходном глаголе вспомогательный глагол

² Исследовался, главным образом, иронский диалект осетинского языка, взятый за основу литературной нормы.

³ Морфологический номинатив выделяется только в форме множественного числа, в единственном числе номинатив представлен нулевой морфемой.

⁴ При стандартном падежном маркировании актантов в осетинском языке единственный участник непереходного глагола обычно стоит в номинативе, первый участник переходного глагола (подлежащее) маркируется номинативом, второй участник переходного глагола (прямое дополнение)

находится в неизменяемой форме 3SG, единственный участник (который может быть как агентивным, так и пациентивным) маркируется дативом (3). Для обозначения «дативного участника» в случае образования конструкции от переходного или непереходного глагола далее будет использоваться гиперроль Принципал⁵. В зависимости от того, какое из двух имен употребляется, конструкция передает значение ‘легко осуществить действие’ или ‘трудно осуществить действие’ (1)–(2). Далее конструкция будет называться фацитивно-дифицитивной конструкцией (от лат. *facilis* ‘легкий’ и *difficilis* ‘трудный’) или сокращенно ФДК.

(1) *нәл фыс-ы дымәг-ау әнцон*
 самец баран-GEN курдюк-EQU легкий
кәрд-ән сты
 резать.PRS⁶-NMLZ быть.PRS.3PL
 ‘Их легко резать как бараний курдюк’. [Абаев 1959: 112]

(2) *Ацы фыс-тә нын зын*
 этот баран-PL.NOM 1PL.ENCL.DAT трудный
әрц-ахс-ән сты
 PREF-ловить.PRS-NMLZ быть.PRS.3PL
 ‘Нам трудно поймать этих баранов’.

(3) *Әнә дәу мын зын цәр-ән*
 без ты.GEN 1SG.ENCL.DAT трудный жить.PRS-NMLZ
у
 быть.PRS.3SG
 ‘Без тебя мне трудно живется’.
 [ОНК. Кокаев Т.А. Небесный ключ. Владикавказ, 2004, 91]

При образовании конструкции от переходного глагола согласование вспомогательного глагола возможно только с пациентивным

маркируется генитивом или номинативом в зависимости от одушевленности и определенности участника.

⁵ Принципал является гиперролью, введенной А. Е. Кибриком, и понимается как «главный участник, “герой” события, который в первую очередь ответствен за то, что событие имеет место» [Кибрик 2005: 147].

⁶ Здесь и далее глоссы PRS и PST используется для обозначения глагольных основ настоящего и прошедшего времени.

участником. Ср. следующий пример, где глагол согласуется с адресатом; пример оценивается информантом как неправильный.

- (4) *уыдон æнцон гæртам ратт-æн
они легкий взятка дать.PRS-NMLZ
сты
быть.PRS.3PL
Ожидаемый перевод ‘Им (адресат) легко дать взятку’.

При образовании конструкции от трехместных глаголов выражение третьего актанта (адресата) невозможно в ФДК (ср. рус. *нам трудно было подарить ей подарок*). Бывшее подлежащее (Принципал) при образовании ФДК, смещаясь в необязательную («дативную») позицию косвенного дополнения, блокирует появление еще одного «дативного» участника (адресата).

Потеря агентивности Принципалом и его понижение до статуса «дативного» участника в ФДК, а также возможность образования ФДК от непереходных глаголов не позволяет считать ФДК частным случаем пассивной конструкции (о пассивных конструкциях осетинского языка см. [Выдрин 2011]).

При образовании конструкции от переходных глаголов вспомогательный глагол всегда согласуется с пациентивным участником по лицу, однако не всегда по числу. Возможно употребление вспомогательного глагола во множественном числе при единственном числе пациентивного участника. Например, см. (5), а также (14).

- (5) Зын дар-æн уыдысты утæппæт
трудный держать.PRS-NMLZ быть.PST.3PL столько
цот
потомство
‘Трудно было содержать столько потомства’ (букв. «столько потомства были трудносодержимыми»).
[ОНК. Бирагова Л. Х., Агкачева Л. Т. Сборник диктантов. Владикавказ, 2005, 127]

Однако нужно заметить, что такое нарушение согласования по числу не является особенностью ФДК и встречается в осетинском языке (а также во многих других иранских языках [Смирнова 1974]), например, в случае, если в функции подлежащего выступает собирательное имя [Ахвледиани 1969: 123].

Рассмотрим более подробно составляющие ФДК: отглагольное имя на *-æн*, имена *зын* и *æнцон* и вспомогательный глагол *уæвын*.

2.1. Отглагольное имя на *-æн*

В осетинских грамматиках и исследованиях нет единого мнения относительно того, как называть форму на *-æн* (см. подробную дискуссию в диссертации Х. А. Таказова [Таказов 1992: 108–137]). Здесь отглагольные формы с суффиксом *-æн* я буду называть отглагольным именем, а суффикс *-æн* условно глоссировать NMLZ.

Происхождение отглагольного суффикса *-æн* подробно обсуждается в диссертации Х. А. Таказова [Таказов 1992: 108–137]. Ссылаясь на Вс. Ф. Миллера [1962] и Э. Бенвениста [1965], Х. А. Таказов возводит *-æн* к индо-иранскому отглагольному суффиксу *-apā* (ср. авест. *-apā*, санскр. *-apā́*, хотаносакск. *-na* [Чёнг 2008: 188]).

Отглагольное имя на *-æн*, помимо ФДК, может также употребляться независимо в функции определения, например, *фысс-æн дзаума-тæ* ‘письменные принадлежности’ (писать.PRS-NMLZ вещь-PL.NOM), или в качестве субстантивированного имени *хиз-æн* ‘пастбище’ (пасти.PRS-NMLZ). Кроме ФДК отглагольное имя на *-æн* может употребляться еще только в одной конструкции — в конструкции внешней возможности (об этом речь пойдет ниже, в разделе 5).

2.2. Имена *зын* и *æнцон*

Этимологически слово *зын* ‘трудный’ сближается с согдийским **žin-* ‘тяжелый; тягостный’ и скорее всего связано с авестийским *zuyā-* ‘вредить’ [Абаев 1989: 322]. *Æнцон* ‘легкий’ является «параллельной формой» к слову *æнцой* ‘покой, отдых’, которое восходит к **ham-č(y)āna* от *č(y)ā* ‘покоиться’, ‘наслаждаться’ + преверб *ham* [Абаев 1958: 151–152].

Имена *зын* и *æнцон*, участвующие в ФДК, независимо могут употребляться в качестве вершины именной группы (*зын* ‘трудность’, *æнцон* ‘удобство’) или в качестве определения (*зын* ‘трудный’, *æнцон* ‘легкий; удобный’).

Кратко охарактеризуем особенности осетинской определительной конструкции. В осетинском языке определение всегда предшествует определяемому; определение не может присоединять падежные или числовые показатели; посессивные показатели всегда присоединяются к первому определению, посессивный показатель не может присоединяться к вершине именной группы, имеющей

определения; между определением и определяемым невозможна вставка автономных языковых единиц, не относящихся к этой именной группе, или полуавтономных единиц (клитик, частиц). К определению возможно присоединение только компаративного суффикса *-дæр*, например:

- (6) *Сырдон та йæ цард-ы [зын-дæр*
 Сырдон CONTR POSS.3SG жизнь-GEN трудный-COMPAR
*бон-т-æм]*иг *æр-хæццæ...*
 день-PL-ALL PREF-достигнутый
 ‘Сырдон опять достиг наиболее сложных дней своей жизни’.
 [ОНК. Джусойты Н.Г. Слезы Сырдона. Владикавказ, 2004, с. 640]

Судя по корпусным материалам и данным, полученным от информантов, *зын* и *æнцон* в ФДК располагаются контактно с отглагольным именем на *-æн* и могут занимать позицию только перед формой на *-æн*⁷. Ср. следующие примеры:

- (7а) *Уый зын р-амбул-æн*
 он трудный PREF-выиграть.PRS-NMLZ
уыди
 быть.PST.3SG
 ‘Его было трудно победить’.
- (7б) **зын уый р-амбул-æн*
 трудный он PREF-выиграть.PRS-NMLZ
уыди
 быть.PST.3SG
- (7в) *??Уый р-амбул-æн зын*
 он PREF-выиграть.PRS-NMLZ трудный
уыди
 быть.PST.3SG

⁷ Лишь несколько информантов допускают постановку *зын* или *æнцон* в постпозицию к отглагольной форме на *-æн* (в частности, пример (7в) оценивается ими как правильный). Другие информанты оценивают такие примеры как неграмматичные. При этом все информанты не допускают отдаление *зын* или *æнцон* от отглагольной формы на *-æн* (7г), (8б).

- (7г) *Уый *р-амбул-æн* уыди **зын**
 он PREF-выиграть.PRS-NMLZ быть.PST.3SG трудный
- (8а) Знон **зын** *р-амбул-æн*
 вчера трудный PREF-выиграть.PRS-NMLZ
уыди уый
 быть.PST.3SG он
 ‘Вчера его было трудно победить’.
- (8б) *зын *знон* *р-амбул-æн*
 трудный вчера PREF-выиграть.PRS-NMLZ
уыди уый
 быть.PST.3SG он

Комплекс *зын* или *æнцон* + отглагольная форма на *-æн* не может разрываться не только автономными лексемами, но и клитиками (например, фокусной клитикой *дæр*, которая обязательно ставится только перед или после всего комплекса (9)). Ваккернагелевские местоименные энклитики также не могут разрывать комплекс *зын/æнцон* + отглагольная форма на *-æн*. Ср. (10), где местоименная энклитика *дзы* обязательно ставится после всего комплекса, а не после первого слова.

- (9) Чи *зон-ы* *æмæ зын*
 кто знать.PRS-PRS.3SG и трудный
ба-уырн-æн **дæр** *уа,* *фæлæ*
 PREF-верить.PRS-NMLZ FOC быть.CONJ.3SG но
цард-ы бирæ диссæг-тæ
 жизнь-GEN много чудо-PL.NOM
æр-цæу-ы.
 PREF-идти.PRS-PRS.3SG
 ‘Возможно, [в это] и трудно поверить, но в жизни много чудес происходит’. [ОНК. Мах дуг, № 6, 2001, с. 27]
- (10) *Æнцон кус-æн* **дзы**
 легкий работать.PRS-NMLZ 3SG.ENCL.INESS
у?
 быть.PRS.3SG
 ‘В нем (во фраке) легко работать?’
 [ОНК. Мах дуг, №5, 2003, с. 130]

Зын ‘трудный’ и *æнцон* ‘легкий’ в ФДК допускают присоединение суффикса компаратива *-дæр*. Например:

- (11) *Зæхх-ы æмæ фос-ы куыстæг-тæ*
 земля-GEN и скот-GEN работа-PL.NOM
хæхбæст-ы уæлдай
 горная.область-INESS особенный
зын-дæр кæн-æн уыдысты.
 трудный-COMPAR делать.PRS-NMLZ быть.PST.3PL
 ‘Сельскохозяйственные и скотоводческие работы, особенно в горах, было сложнее вести’.

[ОНК. Мах дуг, № 8, 2004, с. 91]

Зын и *æнцон*, употребляясь в ФДК, могут иметь наречное зависимое, например, *тынг* ‘очень’:

- (12) *Талындж-ы хæхбæст-ы*
 тьма-INESS горная.местность-INESS
тынг зын цæу-æн у,
 очень трудный идти.PRS-NMLZ быть.PRS.3SG
тæссаг
 опасный
 ‘В темноте в горах очень трудно идти, опасно’.

[ОНК. Мах дуг, № 11, 2003, с. 94]

В рассматриваемой конструкции *зын* и *æнцон* не допускают присоединения никаких других морфем, свойственных именам (падеж, число, деривационные суффиксы).

Таким образом, можно подытожить, что *зын* и *æнцон* в ФДК выполняют функцию определений к отглагольной форме на *-æн*. Сам комплекс *зын* и *æнцон* + отглагольное имя на *-æн* в рассматриваемой конструкции представляет собой именную группу.

Нужно также заметить, что при самостоятельном употреблении *зын* и *æнцон* могут образовывать с отглагольной формой на *-æн* сложные слова. Например: *æнцон-æмбар-æн* ‘отчетливый, понятный, легко понимаемый’ (легкий-понимать.PRS-NMLZ), *зын-быхс-æн* ‘труднопереносимый, невозможный’ (трудный-терпеть.PRS-NMLZ), *зын-фæраз-æн* ‘труднопереносимый, невыносимый’ (трудный-выносить.PRS-NMLZ). Такие сложные слова могут функционировать как зависимые элементы в именной группе (например, *зын-фæраз-æн*

æнтæф ‘труднопереносимая жара’ (трудный-выносить.PRS-NMLZ жара)) или как вершины именной группы (см. пример ниже).

- (13) *Нæ рог ми-т-æй*
POSS.1PL легкий дело-PL-ABL
зын-æвзар-æн-тæ
трудный-испытывать.PRS-NMLZ-PL.NOM
фид-ыңц...
платить.PRS-PRS.3PL
‘За наши легкомысленные деяния расплачиваются тяжелыми испытаниями...’ (букв. «расплачиваются тяжелые испытания»)
[ОНК. Галаванова Л. Г. Осенняя чаша. Владикавказ, 2005, с. 115]

2.3. Вспомогательный глагол

Вспомогательный глагол *уæвын* ‘быть’ в ФДК может изменяться по всем лицам, числам, временам и наклонениям, включая императив; при этом в настоящем времени 3SG используется форма у (в некоторых других модальных конструкциях в этом случае употребляется экзистенциальная связка *и(с)*). Ниже приводится пример на употребление вспомогательного глагола в форме императива (императив в данном случае передает значение пожелания).

- (14) *Нæ фос зымæдж-ы æнцон дар-æн,*
POSS.1PL скот зима-INESS легкий содержать.PRS-NMLZ
æнцон хæсс-æн фæ-уæнт!
легкий содержать.PRS-NMLZ PREF-быть.IMP.3PL
‘Пусть зимой наш скот станет легко содержать, легко кормить’.
[ОНК. Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р. Пословицы. Владикавказ, 2005, с. 606]

Помимо вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’ в конструкции может употребляться хабикулярный глагол бытия *вæйын*, имеющий только форму настоящего времени индикатива. Например:

- (15) *Финнаг горæт Куопио-йы университет-ы*
 финский город Куопио-GEN университет-GEN
психолог-тæ куыд с-бæрæг
 психолог-PL.NOM как PREF-известный
код-т-ой, афтæмæй, дам,
 делать.PST-TR-PST.3PL так мол
пессемист-т-æн нæ, фæлæ оптимист-т-æн
 пессимист-PL-DAT NEG но оптимист-PL-DAT
зын-дæр цæр-æн вæйй-ы.
 трудный-COMPAR жить.PRS-NMLZ быть.PRS-PRS.3SG
 ‘Как выяснили психологи финского университета города
 Куопио, тяжелей живется не пессимистам, а оптимистам’.
 [ОНК. Мах дуг, № 8, 2002, с. 163]

Частицы отрицания в ФДК всегда занимают позицию перед вспомогательным глаголом. Например:

- (16) *Нæ, нырма дохтыр-ы сæр нæ-ма*
 нет пока.еще доктор-GEN голова NEG-EMPH
хъуыди Марус-ы,
 быть.нужным.PST.3SG Марус-GEN
йæ мæт, йæ сагъæс-ы сæр
 POSS.3SG дума POSS.3SG тревога-GEN причина
цы у, уый æнцон
 что быть.PRS.3SG 3SG легкий
ра-хат-æн нæ уыдзæн
 PREF-понимать.PRS-NMLZ NEG быть.FUT.3SG
 ‘Нет, пока еще Марусе не нужен был врач; в чем причина
 ее переживаний и тревог, не просто будет узнать’.
 [ОНК. Бицоев Г.Х. Вечерняя звезда. Владикавказ, 2003, 156]

Позиция вспомогательного глагола в рассматриваемой конструкции не закреплена по отношению к комплексу *зын/æнцон* + отглагольная форма на *-æн*. Вспомогательный глагол может находиться как перед (17), так и после (см. примеры выше) комплекса *зын/æнцон* + отглагольная форма на *-æн*.

- (17) *Фæлæ айнæддж-ы сæр-т-ы маргъ-æн*
но скала-GEN голова-PL-GEN птица-DAT
у æнцон а-тæх-æн,
быть.PRS.3SG легкий PREF-летать.PRS-NMLZ
адæм, гал-тæ æмæ уæрдæ-ттæ цы
человек бык-PL.NOM и повозка-PL.NOM что
кæн-ой тæх-ын нæ зон-ынц!..
делать.PRS-CONJ.3PL летать.PRS-INF NEG знать.PRS-PRS.3PL
‘Но птица легко перелетает (= может перелететь) через скалу, а что делать людям, быкам и повозкам — они ведь не умеют летать!’
[ОНК. Джусойты Н. Г. Слезы Сырдона. Владикавказ, 2004, с. 472]

Вспомогательный глагол также может отрываться от комплекса *зын/æнцон* + отглагольная форма на *-æн*. Например:

- (18) *Кæд Хуыцау ис, уæд рæстдзинад афтæ зын*
если Бог EXT то правда так трудный
ар-æн цæмæн у?
найти.PRS-NMLZ почему быть.PRS.3SG
‘Если Бог существует, почему так сложно найти истину?’
[ОНК. Агънаты Гæстæн. Темыры кæстæр чызг. Владикавказ, 2013]

Перечисленные свойства вспомогательного глагола свидетельствуют о том, что ФДК не представляет собой частного случая сложных глаголов, которыми богат осетинский язык. Рассмотрение всех особенностей сложных глаголов осетинского языка выходит за рамки настоящей статьи. Кратко сложные глаголы осетинского языка можно охарактеризовать как словосочетания, состоящие обычно из имени и глагола, и обладающие следующими свойствами: неотделимость, неразрывность, цельнооформленность и единое ударение [Выдрин 2014]. ФДК не обладает как минимум свойствами неотделимости и неразрывности.

2.4. Другие грамматические средства выражения значения ‘легко/трудно сделать’

Фацилитивно-дифицитивное значение в осетинском языке может также передаваться другой конструкцией, состоящей из смыслового глагола в форме инфинитива (основа настоящего времени

глагола + суффикс *-ын*), имени *зын* ‘трудный’ или *æнцон* ‘легкий’ и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’ в неизменяемой форме 3SG; экспериенцер при этом маркируется дативом. Например:

- (19) *Нæ сæ æрба-ийæфт-он*
 NEG 3PL.ENCL.GEN PREF-догнать.PST-PST.TR.1SG
æмæ мын зын у
 и 1SG.ENCL.DAT трудный быть.PRS.3SG
сæ ном дзур-ын
 3PL.ENCL.GEN имя говорить.PRS-INF
 ‘Я их не застала, и мне сложно произносить их имена’.
 [Устный текст. Загниева_Хабалова_2. 71.1]

ФДК и конструкция, представленная в последнем примере, различаются по крайней мере морфосинтаксически и лексически. Морфосинтаксические различия: вспомогательный глагол имеет лично-числовую парадигму только в ФДК; согласование вспомогательного глагола с пациентивным участником происходит только в ФДК; в ФДК имена *зын* и *æнцон* употребляются контактно с отглагольным именем, в конструкции примера (19) имя *зын* располагается дистантно с инфинитивом. Лексические различия: в конструкции, представленной в последнем примере, нет ограничения на употребление только имен *зын* ‘трудный’ и *æнцон* ‘легкий’, ср. (20), где в той же конструкции употребляется прилагательное *æхцон* ‘приятный’; в ФДК *зын* ‘трудный’ или *æнцон* ‘легкий’ не могут быть заменены никакими другими именами.

- (20) *Асимо-имæ ныхас кæн-ын адаеймаг-æн*
 Асимо-СОМ слово делать.PRS-INF человек-DAT
æхцон у
 приятный быть.PRS.3SG
 ‘С Асимо (имя робота) человеку приятно разговаривать’.
 [ОНК. Мах дуг, № 5, 2003, с. 152]

3. Употребление ФДК

ФДК может образовываться от каузативных глаголов. Каузативные глаголы в осетинском языке состоят из инфинитива смыслового глагола и вспомогательного глагола *кæнын* ‘делать’. Например:

- (21) *Дзоньгъ йæ мид-бынат-ы*
 сани POSS.3SG внутри-место-INESS
а-салд æмæ, æвæццагæн,
 PREF-мерзнуть.PST.3SG и вероятно
уыцы æнæ-бон цонг-æн зын
 тот без-сила рука-DAT трудный
фе-нкъуыс-ын-гæн-æн *уыд.*
 PREF-сдвигаться.PRS-INF-делать.PRS-NMLZ быть.PRS.3SG
 ‘Сани замерзли на месте и, видимо, их было сложно сдвинуть
 с места той слабой рукой’.
 [ОНК. Бестаев Г. Г. Произведения, 3 том. Владикавказ,
 2004, с. 449]

В нашем корпусе нет примеров на употребление в ФДК реципрокального местоимения *кæрæдзи* ‘друг друга’ (имеющего падежную парадигму) и рефлексивного местоимения *хи* (изменяющегося по лицам, числам и падежам). Информанты допускают употребление в ФДК реципроков (23), но не рефлексивов.

- (22) *Уыдон кæрæдзи-йы ахс-ынц*
 они друг.друга-GEN ловить.PRS-PRS.3PL
 ‘Они ловят друг друга’.
- (23) *Уыдон кæрæдзи-йæн æнцон ахс-æн*
 они друг.друга-DAT легкий ловить.PRS-NMLZ
сты
 быть.PRS.3PL
 ‘Им легко ловить друг друга’, букв. «они легколовимые
 друг для друга» (например, дети играют в игру, где нужно
 ловить друг друга).

В немодальном предложении с глаголом *ахсын* ‘ловить’ и реципрокальным местоимением подлежащим является личное местоимение *уыдон* ‘они’, а прямым дополнением — реципрокальное местоимение (22). Примечательно, что при образовании ФДК личное местоимение сохраняет свою синтаксическую роль подлежащего, а реципрокальное местоимение, которое выполняло роль прямого дополнения в немодальной конструкции, смещается в позицию косвенного дополнения. Как было показано в разделе 2, обычно при образовании ФДК в дативную позицию смещается

бывшее подлежащее (т. е. *уыдон* ‘они’ в предложении (22)), а не бывшее прямое дополнение. Ожидалось, что в предложении с реципрокальным местоимением дативную позицию займет личное местоимение *уыдон* ‘они’, а согласование вспомогательного глагола будет происходить с реципрокальным местоимением *каерæдзи* ‘друг друга’, как это показано в (24); однако информанты считают (24) неграмматичным. Неграмматичность (24) объясняется тем, что местоимение *каерæдзи* не имеет формы номинатива и не может функционировать в качестве подлежащего, согласующегося с предикатом.

- (24) **Уыдонæн каерæдзи æнцон ахс-æн*
они.DAT друг.друга легкий ловить.PRS-NMLZ
у
быть.PRS.3SG
букв. ‘им друг друг легколовимый есть’.

ФДК может употребляться в разных типах предложений: утвердительных, вопросительных (при этом фокусом общего вопроса не может быть только отглагольное имя на *-æн*), контрастивных предложениях. См. примеры ниже.

Общий вопрос

- (25) *Уыдон зын ныв кæн-æн*
они трудный рисунок делать.PRS-NMLZ
сты?
быть.PRS.3PL
‘Их трудно рисовать?’ (‘их или кого-то другого?’; ‘их трудно или легко рисовать?’; *‘их трудно рисовать или лепить?’)
- (26) *Уымæн уыдон зын с-ныв*
он.DAT они трудный PREF-рисунок
кæн-æн сты?
делать.PRS-NMLZ быть.PRS.3PL
‘Ему их сложно нарисовать?’ (‘ему или кому-то другому?’)

Контрастивные предложения

- (27) *Ацы лæппу зын ныв кæн-æн*
 этот мальчик трудный рисунок делать.PRS-NMLZ
у уыцы лæппу та нæ-у
 быть.PRS.3SG тот мальчик CONTR NEG-быть.PRS.3SG
 ‘Этого мальчика трудно нарисовать, а того — нет’.
- (28) *Æнæ дау мын зын цар-æн*
 без ты.GEN 1SG.ENCL.DAT трудный жить.PRS-NMLZ
у, демæ та— æнцон
 быть.PRS.3SG ты.COM CONTR легкий
 ‘Без тебя мне трудно жить, а с тобой — легко’.

При переходном глаголе может опускаться Принципал⁸ (см. примеры ниже) и пациентивный участник (см. пример (1)); при непереходном глаголе также может опускаться Принципал. В ФДК может также опускаться вспомогательный глагол. Например:

- Эллипсис Принципала при непереходном глаголе
- (29) *Талындж-ы хæхбæст-ы тынг*
 тьма-INESS горная.местность-INESS очень
зын цау-æн у, таессаг
 трудный идти.PRS-NMLZ быть.PRS.3SG опасный
 ‘В темноте в горах очень трудно идти, опасно’.
 [ОНК. Мах дуг, № 11, 2003, с. 94]

- Эллипсис вспомогательного глагола
- (30) *Телефон зын уадз-æн у,*
 телефон трудный проводить.PRS-NMLZ быть.PRS.3SG
тынг зын уадз-æн
 очень трудный проводить.PRS-NMLZ
 ‘Телефон (телефонную линию) трудно проводить, очень трудно’.
 [ОНК. Агнаев Г. А. Длинной осенней дорогой. Владикавказ, 2003, с. 27]

⁸ В нашем корпусе современных текстов в большинстве примеров с переходным глаголом опущен Принципал. Однако при работе с информантами не было обнаружено запретов на выражение Принципала.

ФДК может употребляться не только в простых предложениях, но и в сложных (как в главной части, так и в придаточном). Ниже приводится пример на употребление конструкции в придаточном целевом предложении.

- (31) *Цамаей уый æнцон-дæр*
 чтобы он легкий-COMPAR
ра-мбул-æн уа уый
 PREF-выигрывать.PRS-NMLZ быть.CONJ.3SG 3SG.GEN
тыххæй хъæу-ы тынг бирæ
 ради быть.нужным.PRS-PRS.3SG очень много
архай-ын
 трудиться.PRS-INF
 ‘Чтобы его было легче победить, нужно очень много тренироваться’.

Конструкция не имеет ограничений, связанных с синтаксической позицией Принципала. Принципал может находиться перед пациентивным участником (26) или после него (32), а также перед или после (35) комплекса *зын* или *æнцон* + отглагольное имя на *-æн*.

- (32) *Ардыгон кæй дæн, уый сын*
 здешний что быть.PRS.1SG он 3PL.ENCL.DAT
мæ уынд-мæ гæсгæ цас-тæ
 POSS.1SG вид-ALL по сколько-PL.NOM
зын ба-мбар-æн у.
 трудный PREF-понимать.PRS-NMLZ быть.PRS.3SG
 ‘То, что я местный — что стоит им понять это по моей внешности?’ [ОНК. Мах дуг, № 3, 2003, с. 128]

4. Семантика

Семантически ФДК передает значение ‘легко/трудно совершить действие’. При этом иногда в значении конструкции усматривается динамическая возможность, ср. пример (17). При переходном глаголе ФДК выражает свойства пациентивного участника, которые создают трудности для осуществления ситуации (дифицилитив) или, наоборот, делают возможным («легким») осуществление ситуации (фацилитив). При непереходном глаголе конструкция описывает ситуацию, осуществление которой является трудным (дифицилитив) или

легким (фацитив) для единственного участника ситуации (при его эксплицитном выражении).

При эксплицитном выражении Принципал может быть как одушевленным (см. примеры выше), так и неодушевленным (см. пример ниже).

- (33) *æмæ исты ницæйаг æфхæр-æн*
 и что.нибудь ничтожный оскорблять.PRS-NMLZ
ныхас-æн дæр æнцон
 слово-DAT FOC легкий
фæ-знæт-гæн-æн *куы уа,...*
 PREF-взбешенный-делать.PRS-NMLZ что быть.CONJ.3SG
 ‘[Он боялся, что...] какие-нибудь ничтожные, оскорбительные
 слова легко приведут его в бешенство...’
 [ОНК. Гусалов Б. М. И воздастся каждому. Владикавказ,
 2003, с. 102]

Глагол в форме на *-æн*, который употребляется в ФДК, может выражать как контролируруемую, так и неконтролируемую ситуацию. Ср. примеры ниже, где употребляются неконтролируемые глаголы *рох кæнын* ‘забывать’ и *улаффын* ‘дышать’.

- (34) *Сыгъдæг зæрдæ-йы æнкъар-æн-тæ*
 чистый сердце-GEN чувствовать.PRS-NMLZ-PL.NOM
афтæ æнцон рох-гæн-æн *не*
 так легкий забытый-делать.PRS-NMLZ NEG
сты
 делать.PRS.3PL
 ‘Чувства, исходящие от чистого сердца, не так легко забыть’.
 [ОНК. Мах дуг, № 9, 2003, с. 79]

- (35) *Ра-йхъал дæн, зын*
 PREF-бодрствующий быть.PRS.1SG трудный
улаф-æн мын кæй уыд,
 дышать.PRS-NMLZ 1SG.ENCL.DAT что быть.PST.3SG
уымæ гæсгæ.
 он.ALL по
 ‘Я проснулся, потому что мне было трудно дышать’.
 [ОНК. Мах дуг, № 4, 2001, с. 131]

5. Происхождение конструкции

Так как осетинский язык долгое время был бесписьменным, а о языке-предке осетинского известно крайне мало, не представляется возможным проследить достоверный путь возникновения ФДК в современном осетинском языке. Тем не менее, можно сделать несколько наблюдений.

В первую очередь нужно заметить, что отглагольная форма на *-æн*, используемая в ФДК, употребляется также в конструкции внешней возможности. Конструкция внешней возможности, так же как и ФДК, состоит из отглагольного имени на *-æн* и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’ или хабитуального глагола бытия *вæййын* (более подробно про эту конструкцию см. мою статью [Выдрин 2013]). В отличие от ФДК, вспомогательный глагол в этой модальной конструкции всегда находится в неизменяемой форме 3SG; в настоящем времени индикатива используется экзистенциальная связка *и(с)*. Принципал в конструкции внешней возможности, так же как и в ФДК, маркируется дативом. Ниже приводятся примеры на употребление конструкции внешней возможности с непереходным (36) и с переходным глаголом (37).

- (36) *Бараташвили-йы хъомысджын курдиат-æн*
 Бараташвили-GENмощный талант-DAT
пассивон романтизм-ы къуындаг
 пассивный романтизм-GEN тесный
фæлгæт-т-ы ба-цæу-æн нæ уыд
 оправа-PL-INESS PREF-идти.PRS-NMLZ NEG быть.PST.3SG
 ‘Мощный талант Бараташвили не мог войти в тесные рамки пассивного романтизма’.
 [ОНК. Бестаев Г. Г. Произведения, 3 том. Владикавказ, 2004, с. 226]

- (37) *Адæм-æн адæм мар-æн нæ-й*
 человек-DAT человек убивать.PRS-NMLZ NEG-EXT
 ‘Людам нельзя убивать людей’.

Эта модальная конструкция выражает внешнюю возможность (36), а также частный случай внешней возможности — деонтическию возможность (37).

ФДК связана с конструкцией внешней возможности не только формально (только в этих конструкциях употребляется отглагольная форма на *-æн*), но и семантически (в ФДК иногда усматривается значение динамической возможности, ср. пример (17)).

Однако морфосинтаксически ФДК и конструкция внешней возможности сильно различаются (в частности, в ФДК обязательно употребляется *зын* или *æнцон* и в случае образования от переходного глагола вспомогательный глагол согласуется с пациенсом), что практически сводит на нет вероятность непосредственной грамматикализации ФДК из конструкции внешней возможности. Скорее ФДК развилась в осетинском языке независимо от конструкции внешней возможности.

Вызывает удивление, почему в ФДК возможно употребление только двух имен *зын* ‘трудный’ или *æнцон* ‘легкий’; почему невозможно употребление этой конструкции для выражения оценки ситуации по другим параметрам (например, ‘долго’, ‘страшно’, ‘приятно’ и т. д.). Неясно, был ли когда-то список имен, способных употребляться в ФДК, открытым или хотя бы более многочисленным, чем сейчас, а затем сузился только до двух имен, *зын* ‘трудный’ и *æнцон* ‘легкий’; или, наоборот, конструкция только начинает «вбирать в себя» оценочные имена и со временем станет возможным употребление в этой конструкции не только *зын* и *æнцон*, но и других имен.

Хочется верить, что дальнейшее изучение осетинского языка и привлечение большего объема осетинских текстов прольет свет на происхождение ФДК.

6. Фацитив и дифицитив в иранских и кавказских языках

В других иранских языках не обнаружено специализированных средств выражения ни фацитивного, ни дифицитивного значения. Из территориально близких к осетинскому кавказских языков грамматикализация значения ‘легко/трудно сделать’ отмечается только в одном языке — в адыгейском⁹, где для выражения фацити-

⁹ Примечательно, что в кабардинском языке, который в отличие от адыгейского находится в географическом контакте с осетинским, фацитивные или дифицитивные суффиксы отсутствуют (см., например,

тива используется суффикс *-гъошлу*, а для выражения дифицилитива — суффикс *-гъуае/-гъуай* [Рогава, Керашева 1966: 297–298; Летучий 2006]. Например:

- (38) *Ар боу шлэ-гъошлу, ац*
 3SG.ABS очень делать-FCL 3SG.ERG
хэ-плъэ-жьы-гъуае-п
 LOC-смотреть-REFACTIVE-DFC-NEG
 ‘Это очень легко сделать, это не трудно пересмотреть’.
 [Рогава, Керашева 1966: 298]

Фацилитивный и дифицилитивный суффиксы в адыгейском языке не могут употребляться со статическими глаголами. В отличие от осетинской ФДК, где не было обнаружено ограничений, связанных с выражением Принципала, при употреблении фацилитивного или дифицилитивного суффикса в адыгейском языке затруднено выражение эргативного агенса или абсолютного субъекта.

Суффиксы фацилитива и дифицилитива в адыгейском языке восходят к сочетанию корня *гъо* ‘время’ с *шлу* ‘добро’ (для фацилитива) и *ей* ‘зло’ (для дифицилитива) [Рогава, Керашева 1966: 297].

Нужно заметить, что в европейских языках существуют конструкции, структурно похожие на осетинскую ФДК. Например, в английском языке это так называемая *Tough Construction*, в которой так же, как и в осетинской конструкции, происходит согласование с пациентивным участником, при этом агентивный участник маркируется предлогом, основное значение которого связано с экспериенцером: *John is tough (for Mary) to please* — *Linguists are tough to please* [Hicks 2009: 536]. Тем не менее, в типологической литературе не отмечается языка, в котором семантика такой конструкции была бы ограничена оценочным параметром ‘легко/трудно осуществить действие’ и невозможно было бы употребление конструкции для выражения, например, значения ‘приятно осуществить действие’ (ср. англ. *This room is pleasant to sleep in* [Comrie, Matthews 1990]).

[Абитов, Балкаров 1957]). Данное обстоятельство сильно снижает вероятность ареального влияния адыгских языков на появление специализированной фацилитивно-дифицилитивной конструкции в осетинском языке.

7. Выводы

В статье были описаны особенности фацитивно-дифицитивной конструкции в осетинском языке, являющейся специализированным грамматическим средством выражения значения 'легко/трудно осуществить действие'. Морфосинтаксически конструкция не является уникальной и похожа, например, на Tough Movement Construction в английском языке. Особенностью осетинской конструкции является ее семантическая ограниченность только значением 'легко/трудно осуществить действие'. Среди родственных и территориально близких к осетинскому языков грамматикализация значения 'легко/трудно осуществить действие' обнаружена только в адыгейском языке, где это значение выражается двумя специализированными суффиксами.

Неясным остается не только путь грамматикализации самой осетинской фацитивно-дифицитивной конструкции, но и то, является ли такая семантическая специализированность конструкции результатом сужения ее семантики, или же семантическая специализированность возникла вследствие недавнего образования конструкции, и в дальнейшем станет возможным включение в конструкцию других оценочных слов и расширение семантики конструкции.

Сокращения

ИГ — именная группа; ФДК — фацитивно-дифицитивная конструкция.

ABL — аблатив; ABS — абсолютив; ALL — аллатив; CAUS — каузатив; COM — комитатив; COMPAR — компаратив; CONJ — конъюнктив CONTR — контрастив; DAT — датив; DFC — дифицитив; EMPH — эмфатическая клитика; ENCL — энклитика; EQU — экватив; ERG — эргатив; EXT — экзистенциальная связка; FCL — фацитив; FOC — фокус; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; INESS — инессив; INF — инфинитив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PREF — глагольный префикс / преверб; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; TR — показатель переходности.

Литература

Абаев 1958 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.—Л.: Издательство академии наук СССР, 1958.

- Абаев 1959 — В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.
- Абаев 1989 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. Л.: Наука, 1989.
- Абитов, Балкаров 1957 — М. Л. Балкаров, Б. Х. Абитов. (ред.). Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Наука, 1957.
- Ахвледиани 1963 — Г. С. Ахвледиани. (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963.
- Ахвледиани 1969 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. II. Синтаксис. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969.
- Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Часть I (фонетика и морфология). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.
- Багаев 1982 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Часть II (синтаксис). Орджоникидзе: ИР, 1982.
- Бенвенист 1965 — Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. М.: Наука, 1965.
- Выдрин 2011 — А. П. Выдрин. Система модальности осетинского языка в сопоставительном освещении. Дис. ... канд. филол. наук. СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2011.
- Выдрин 2013 — А. П. Выдрин. Две конструкции возможности в осетинском языке // Вопросы языкознания 2013, № 2. С. 121–142.
- Выдрин 2014 — А. П. Выдрин. Глагол в осетинском языке // Востокведение. Историко-филологические исследования. Межвузовский сборник статей. Вып. 30 (заключительный). Памяти акад. М. Н. Боголюбова. Санкт-Петербург, 2014. С. 25–81.
- Гагкаев 1952 — К. Е. Гагкаев. Очерки грамматики осетинского языка. Дзауджикау: Севосгиз, 1952.
- Кибрик 2005 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. Санкт-Петербург: Алетейя, 2005.
- Летучий 2006 — А. Б. Летучий. Фасилитив и дифисилитив. Экспедиционный отчет 2006 (рукопись).
- Миллер 1962 — Вс. Ф. Миллер. Язык осетин. М.–Л.: Издательство академии наук СССР, 1962.
- Плунгян 2009 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.

- Рогава, Керашева 1966 — Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Смирнова 1974 — И. А. Смирнова. Формы числа имени в иранских языках. Л.: Наука, 1974.
- Таказов 1992 — Х. А. Таказов. Категория глагола в современном осетинском языке. Дис. ... д-ра. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 1992.
- Техов 1970 — Ф. Д. Техов. Выражение модальности в осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
- Чёнг 2008 — Дж. Чёнг. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ–Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2008.
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1994.
- Comrie, Matthews 1990 — B. Comrie, S. Matthews. Prolegomena to a typology of Tough Movement // W. Croft, K. Denning and S. Kemmer (eds.). *Studies in Typology and Diachrony. Papers presented to Joseph H. Greenberg on his 75th birthday*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1990. P. 44–58.
- Hicks 2009 — G. Hicks. *Tough* Constructions and their Derivation // *Linguistic Inquiry* 2009, Vol. 40, No. 4. P. 535–566.
- Nuyts 2005 — J. Nuyts. The modal confusion: on terminology and the concepts behind it // A. Klinge, H. H. Müller (eds.). *Modality: studies in form and function*. London: Equinox, 2005. P. 5–38.
- Nuyts 2006 — J. Nuyts. Modality: overview and linguistic issues // W. Frawley (ed.). *The expression of modality. The expression of cognitive categories I*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. P. 1–26.
- Palmer 2001 — F. R. Palmer. *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Traugott 2006 — E. C. Traugott. Historical aspects of modality // W. Frawley (ed.). *The expression of modality. The expression of cognitive categories I*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2006. pp. 107–140.
- van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. Plungian. Modality's semantic map // *Linguistic Typology* 1998 (2). P. 79–124.

Ю. Е. Галямина
НИВЦ МГУ, Москва

ИНКОРПОРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Предварительные замечания

Кетский язык, последний представитель енисейской языковой семьи, нельзя считать эталонным полисинтетическим языком. Однако в его строе прослеживаются некоторые черты, сближающие его с «классическими» представителями этой типологической группы²: вершинное маркирование основных актантов, высокое значение индекса синтеза, рекурсивность [De Reuse 2006]. К одним из таких грамматических явлений, сближающих кетский язык с полисинтетическими языками, можно, по мнению некоторых авторов, отнести и инкорпорацию (например, [Baker 1996: 2], [Mithun 2009: 6]). Впрочем, инкорпорация может описываться независимо от полисинтетического статуса кетского языка, так как некоторые исследователи, наоборот, рассматривают данные явления как не связанные друг с другом (см. обзор [Ландер 2011]).

2. Глагольная словоформа кетского языка

В данной статье при описании глагольной словоформы кетского языка я пользуюсь порядковой моделью [Решетников, Старостин 1995, Vajda 2004]. Каждая позиция заполняется грамматическим/словообразовательным маркером или лексической основой. Существует два порядка, которые могут быть заполнены полнозначными лексическими основами: так называемое ядро (база — по [Vajda 2004])

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, 2014–2016, № 14-06-00449 «Корпусное исследование синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров бассейнов Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)».

² Таковыми можно считать некоторые языки американских индейцев, например, на-дене. Кстати, генетическую связь кетского с последними пытается доказать Э. Вайда [Vajda 2000].

и модификатор (инкорпорируемое). Наличие в глаголе ядра обязательно, в то время как модификатор встречается не во всех глаголах. В обоих типах основ (см. выше) существуют такие, которые не встречаются в самостоятельном употреблении, и об их значении «мы можем только догадываться» [Решетников, Старостин 1995]. И если ядро может содержать в себе только глагольные корни (пусть и с максимально обобщенным значением, вплоть до идеи семейфактивности, итеративности или переходности), то в позиции модификатора находятся основы любой частеречной принадлежности (например, неопределенные местоимения).

Общая формула глагольной словоформы кетского языка:

8	7	6	5	4	3	2	1	0	-1
S1	MOD	S3/O3	DET	T	S2/O2	PRS/PST	S2/O2	√	S1

В позиции 8 указывается только лицо и класс субъекта, а число (кроме некоторых исключений) — в позиции -1. Позиции 6, 3, 1 — занимают показатели субъекта или объекта в зависимости от типа глагола. В позиции 3 при этом располагаются показатели 3 лица, а в позиции 1 — первого и второго. Минимально обязательными являются ядро (корень) в позиции 0, маркер времени в позиции 2 и один из актанных показателей (в любой позиции).

3. Инкорпорация в кетском языке

Инкорпорация — это один из тех грамматических механизмов, изменения в употреблении которого носителями кетского языка можно проследить, даже не прибегая к реконструкции, на реальных примерах, собранных за последние 50 лет. Так, в масштабном труде Е. А. Крейнвича «Глагол кетского языка» представлены интересные образцы употребления инкорпорации. При этом сам термин «инкорпорация» Крейнвич понимает в узком смысле — как включение в глагольный комплекс имени, обозначающего объект³. «Сущность инкорпорирования состоит в том, что в переходных глаголах, имеющих в своей структуре местоименный показатель объекта, последний вытесняется существительным, вклинивающимся в глагол.

³ По вопросу о том, какие включения в глагольный комплекс стоит считать инкорпорацией, имеется большая литература. Прототипическим инкорпорируемым чаще всего считается именно объект.

В связи с этим в языке объектному словосочетанию, образованному прямым дополнением и объектным переходным глаголом, может противостоять еще сложный инкорпорированный глагол», — писал Е. А. Крейнович [Крейнович 1968: 113]. В его книге приведено несколько примеров⁴, подтверждающих наличие в кетском языке инкорпорации как продуктивного механизма (на момент его работы с информантами).

- (1а) аңын' ди-в-л:
aŋ-y-n *di-b-∅-ə-∅*
 веревка-EP-PL S1.1-O2.3SG.TH-PRS-вить-S1.SG
 'Веревки вью'.
- (1б) д-аң-ы-н'-иј-л:
d-aŋ-y-n-ij-ə-∅
 S1.1-веревка-EP-PL-EP-вить-S1.SG
 'Веревки вью'
- (2а) кип' эла-дл:т бау
qi:b ella-dat *baq*
 дед дверь-BEN чурбак
 д'эс'-а-б-дак
d-es-a-b-∅-daq-∅
 S1.3M-вверх-Т.PRS-O2.3SG.TH-PRS-положить-S1.SG
 'Дед поверх двери чурбак положит'.
- (2б) кип' эла-дл:т
qi:b ella-dat
 дед дверь-BEN
 д'-бау-эс'-æ-дак
d-baq-es-o-∅-daq-∅
 S1.3M-чурбак-вверх-Т.PRS-PRS-положить-S1.SG
 'Дед поверх двери чурбак-положит'.

⁴ Примеры приводятся в кириллической записи Е. А. Крейновича и снабжаются транскрипцией в латинице и глоссингом в соответствии с системой, разработанной рабочей группой НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова.

Как видно из примеров, существительное могло инкорпорироваться в позицию, примыкающую к позиции модификатора⁵, которая фактически совпадает с позицией модификатора в случае простого (однокорневого) глагола. При инкорпорации объекта глагол, в котором объект маркировался в позиции O2, мог менять тип парадигмы, становясь непереходным глаголом, в котором в позиции объекта отсутствует какой-либо показатель. Другой вариант изменения первоначального глагола, как отмечал Е. А. Крейнович, — не исчезновение, а десемантизация показателя объекта

Разделяя инкорпорацию и образование сложных глаголов, Крейнович рассматривает процесс лексикализации глаголов с инкорпорацией как один из источников их образования⁶: «Не отметить возможность образования сложных прерывных глаголов посредством инкорпорирования невозможно, поскольку сложные глаголы могли формироваться в языке разными способами» [там же: 114].

Как уже было сказано, Крейнович не склонен был рассматривать вовлечение в позицию модификатора единиц, имеющих не объектную, а иную синтаксическую функцию и семантику (например, инфинитивов или наречий [там же: 112]⁷) как инкорпорацию. Однако, как он сам отмечает, этот процесс для некоторых, в основном десемантизированных, ядерных корней⁸ также являлся довольно продуктивным [там же: 114].

Отличия инкорпорации в ее традиционном понимании (инкорпорирование в глагол прямого объекта) от образования сложных глаголов, состоящих из базового глагольного ядра (или легкого глагола, как его иногда называют [Harris 2002]) и дополнительного элемента, исследователи постулируют по нескольким направлениям.

⁵ У разных авторов различные слоты в позиционной модели кетского глагола называются по-разному.

⁶ Под сложными глаголами Е. А. Крейнович понимает глаголы, основа которых состоит из двух корневых морфем, а не из корневой морфемы и деривационного аффикса.

⁷ Сам Е. А. Крейнович не употреблял по отношению к таким сочетаниям основ термин «инкорпорация».

⁸ Ввиду их десемантизации Е. А. Крейнович называл их деривационными аффиксами. Однако такая терминология представляется нам неверной в силу того, что многие из этих «аффиксов» на самом деле являются единственными основами глаголов.

Первый критерий — чисто формальный: является ли инкорпорируемое именем или представляет собой другую часть речи. Второе направление анализа — затрагивается ли при инкорпорации актантная структура глагола (при инкорпорации прямого объекта изначально транзитивный глагол становится интранзитивным, а другие инкорпорируемые не меняют актантную структуру глагола) [Rosen 1989]. Третье различие между инкорпорацией и сложным глаголом — продуктивность процесса: является ли соединение двух (или более) корней в одном предикате явлением лексическим (словообразовательным) или синтаксическим [Baker 1988], [Mithun 1984], [Harris 2002]. Использование одного и того же механизма для более продуктивной, затрагивающей актантную структуру глагола и имеющей синтаксическую природу именной инкорпорации и для создания лексикализованных, идиоматичных сложных глаголов встречается в языках мира (ср., например удинский язык [Harris 2002: 93]).

В кетском языке, как будет показано ниже, продуктивность и лексикализованность процесса включения того или иного слова в глагольный комплекс с ядерным глагольным корнем не зависит от частеречной принадлежности инкорпорируемого элемента, а также от степени актантной перестройки исходного глагола.

Процесс лексикализации⁹ глагольных комплексов с инкорпорацией, как было сказано выше, шел уже в тот момент, когда инкорпорация оставалась продуктивной. В процессе языкового сдвига живой механизм продуцирования новых слов¹⁰ был окончательно разрушен, а сочетания модификатора и ядра (или инкорпорируемого-модификатора-ядра) были лексикализованы. Сегодня,

⁹ Лексикализация выражается не только в снижении продуктивности, но и в таких процессах, как закрепление устойчивых пар «модификатор — ядро» и появление у них идиоматизированного значения, появление переносного значения или десемантизация ядра и модификатора.

¹⁰ В данном случае мы не рассматриваем вопрос о значении термина «слово» и о границе слов в кетском языке. Для кетского языка, в отличие от эталонных полисинтетических языков, вопрос о границах слова и о грамматическом статусе слов не стоит, т. к. вполне очевидно, что сочетания ядра и модификатора, хотя и являвшиеся на определенный момент продуктивным механизмом, тем не менее могут рассматриваться в рамках традиционной словообразовательной терминологии в силу все-таки существующих в языке разнообразных ограничений на сочетаемость.

как показывают полевые исследования¹¹, носители не могут свободно построить семантически корректные, но не закрепленные в лексике сочетания большинства корневых морфем¹².

Таким образом, хотя при описании кетской глагольной парадигмы некоторые исследователи до сих пор используют понятие инкорпорации (ср. слот инкорпорируемого в [Vajda 2004]), инкорпорация как системное явление в кетском языке уже не существует. Не вызывает сомнения, что утверждение о лексикализованности является верным для подавляющего большинства глагольных комплексов (в связи с этим задача, невозможная для полноценных полисинтетических языков, — построение глагольного словаря — для кетского языка вполне решаема, см. [Вайда-Зинн 2004]). Однако в ходе корпусно-ориентированных исследований спонтанных (а не прецедентных) устных текстов выявляются интересные примеры продуктивной именной инкорпорации, затрагивающей актантную структуру глагола. На ее основе развивается продуктивный механизм создания окказиональных, нелексикализованных сложных глаголов с неименными инкорпорируемыми элементами. При этом используется та же морфологическая схема, что и при именной инкорпорации. Однако, в отличие от предыдущего периода в истории языка использование инкорпорации в современном языке ограничивается только одним глагольным корнем и не может считаться системным.

Речь идет о глагольном корне *-bet-* ‘делать’¹³. Продуктивность модели, имеющей изначально функцию именной инкорпорации,

¹¹ В частности, об этом говорится в [Решетников, Старостин 1995]: «Кетское инкорпорирование характеризуется как явление чисто лексическое. Набор основ, для которых возможно объединение с глагольной словоформой, строго определен. Это было окончательно выяснено нами в экспедиции. <...> Проведенная нами “проверка на инкорпорирование” не увенчалась успехом» [Решетников, Старостин 1995]. О том же пишет и Г. К. Вернер [Werner 1997].

¹² Такую лексикализованную «инкорпорацию» (которая по сути перестала ей быть) можно сравнить, например, с гораздо менее масштабным, но по сути похожим лексическим явлением в русском языке, представленным лексемами *землемер*, *водовоз* и др., где компоненты сложного слова находятся в синтаксических отношениях.

¹³ В [Решетников, Старостин 1995] утверждается, что определенной продуктивностью обладает инкорпорация предикатов с корнем *t-*, употребляемым в сочетании с превербом *q-* и обозначающим однократное

с корнем *-bet-* буквально бросается в глаза, так как на данном этапе он активно используется для грамматического вовлечения в кетский язык русской лексики¹⁴. Интересно, что, по всей видимости, такую функцию этот глагольный корень имеет уже довольно давно. Так, в тексте 1937 года зафиксировано употребление корня *-bet-* именно в этой функции:

- (3) *d-sobranij-Ø-bet-Ø*
 s1.1-собрание-Т.PRS-делать-s1.SG
 ‘Мы собрание проведем’. [Серкина 1940–41]

К сожалению, для более раннего периода мы не имеем беспрецедентные тексты, которые отражали бы грамматическое освоение лексически не закрепленных кодовых переключений. Однако сохранившееся в языке довольно старое закрепленное в лексике заимствование с русским по происхождению словом *lobet* ‘работа’ подтверждает тот факт, что и в прошлом, возможно, этот корень имел ту же функцию, однако употреблялся в ней значительно реже из-за того, что кетское языковое сообщество не находилось в ситуации языкового сдвига¹⁵.

Стоит отметить, что даже в период продуктивной инкорпорации в кетском языке существовали некоторые правила семантической сочетаемости корня и модификатора. Однако в случае с глаголом *-bet-* из-за возможности сочетания его с не встроенными в лексическую систему языка кодовыми переключениями логично говорить в некоторых случаях о его полной десемантизации, вплоть до обобщенной семантики указания на финитность. Одновременно с десемантизированным употреблением глагола *-bet-* как вербализатора русских корней он до сих пор употребляется в прямом фактитивном значении, т. е. обозначает создание в результате действия нового объекта. Также

переходное действие. Кроме того, возможно, что определенной продуктивностью обладает глагольный корень *ta-* ‘длиться’ при употреблении со звукоподражательными основами.

¹⁴ Использование такого механизма для заимствованных корней наблюдается также, например, в удинском языке.

¹⁵ Интересно было бы изучить в этом аспекте грамматическое оформление заимствований в кетский язык из селькупского и эвенкийского языков, контакты с которыми в прошлом были гораздо интенсивнее, чем контакты с русским языком, см. работы [Василевич 1969], [Казакевич 2005].

он имеет ряд переносных и грамматических (аспектуальных и пр.) значений. При этом сочетания с модификатором в некоторых случаях носят идиоматизированный и лексикализованный характер, а в некоторых — являются результатом применения продуктивной инкорпорации в ее прототипической функции (включение объекта в предикатную словоформу). Интересно проследить этапы, с одной стороны, десемантизации глагольного корня *-bet-*, а с другой — лексикализации сочетаний с ним, которые, хоть и проходили параллельно, зависели друг от друга не напрямую, а более сложным образом.

Для такого анализа я использовала только современные unprecedentedные тексты, записанные от представителей разных поколений. Впрочем, мы не располагаем достаточными данными, чтобы судить о речевом поведении молодых носителей (до 50 лет) и полужычных членов кетского языкового сообщества. В исследовании современного употребления глагольного корня *-bet-* я опиралась на материалы 8 текстов, записанных в основном в экспедиции 2005 года под руководством О. А. Казакевич и расшифрованных в последующих экспедициях, в том числе и с участием автора данной статьи. Большинство из этих текстов пока не опубликованы¹⁶.

4. Употребление глагола с корнем *-bet-* без модификаторов и инкорпорации

Глагольный корень *-bet-* может употребляться в простом глаголе без модификатора. При этом глаголы с *-bet-* без инкорпорации также могут иметь разные значения, различающиеся степенью десемантизации: от прямого фактитивного значения до общего перифрастического выражения. Пример на фактитивное значение:

- (4) *alijus uže d-b-i-l-bet-i-n*
полдома уже s1.3-O2.3TH-EP-PST-делать-EP-S1.PL
'Полдома они уже сделали'.
[Записано О. А. Казакевич от Н. Ф. Корзухиной, д. Мадуйка 2006]

Десемантизация глагольного корня в переходном употреблении может происходить за счет употребления его для обобщенного обо-

¹⁶ Опубликованы только 2 текста в [Казакевич и др. 2008].

значения намеренного агентивного действия над прототипическим объектом.

- (5) *syʹn d-b-i-l-bet-∅*
 куропатка S1.3-O2.3TH-EP-PST-делать-S1.SG
d-a-q-∅-ej-∅
 S1.3M-O3.3M.SG-DET-PRS-добывать-S1.SG
 ‘Куропатку он (делал) добывал¹⁷’.
 [Записано Казакевич О. А. от Тыгановой Н. Х., п. Келлог 2005]

В примерах (4) и (5) представлен простой переходный глагол, объект действия выражается в глаголе с помощью показателя *-b-* (3 лицо вещного класса). Однако в случае дальнейшей десемантизации глагол может обозначать намеренное агентивное действие, не направленное ни на какой объект. Так, при употреблении этого глагола с инфинитивом или отглагольным именем объект в его структуре уже не индексируется, т. е. глагол имеет непереходное употребление.

- (6) *kyns qim buŋ kide ostygen qan*
 русский женщина 3PL этот кетский речь
d-iterŋ-qus du-∅-bet-i-n
 3TH.SG.POSS-письмо-братъ S1.3-PRS-делать-EP-S1.PL
 ‘Русские женщины [=русская женщина], они этой кетской речи запись делают’.
 [Записано О. А. Казакевич от Я. И. Серкова, д. Сургутиха 2005]

Наибольшую степень этот процесс десемантизации простого глагола с ядерным корнем *-bet-* приобретает при употреблении глагола с неинкорпорированным иноязычным (русским) глаголом.

- (7) *kyns qim tude fotograf-as*
 русский женщина тот фотограф-INST
nu š’olkat’ da-a-∅-bet-∅
 ну щелкать S1.3F-T.PRS-PRS-делать-S1.SG
 ‘Русская женщина, эта с фотоаппаратом [=с фотографом], ну, щелкает [=щелкать-делает]’.
 [Записано О. А. Казакевич от Я. И. Серкова, д. Сургутиха 2005]

¹⁷ Здесь употребляется нарративное настоящее, которое часто появляется в рассказах о жизни в прошлом.

Процесс подобной десемантизации глагола со значением ‘делать’ является типологически распространенным. В частности, сочетание русского слова с кетским глаголом ‘делать’ в непереходном употреблении является типичным примером употребления перифрастического спряжения при грамматическом освоении кодовых переключений [Резникова 2006]:

(8а) осетинск.: *краска кæнын* ‘красить’ [Габараев 1977: 140];

(8б) кумыкск.: *приказ эт* ‘приказывать’ [Егоров 1971: 106];

(8в) лезгинск.: *klassificirovat’ awun* ‘классифицировать’ [Haspelmath 1993: 180].

5. Инкорпорирующий глагол *-bet-*

5.1. Продуктивная инкорпорация в фактитивном употреблении

Корень *-bet-* в своем прямом фактитивном значении может включать в себя существительное в позицию модификатора в прототипической функции инкорпорации, и этот комплекс подвергается похожим семантическим процессам. Иными словами, глагол может использоваться в прямом значении, свободно инкорпорируя прототипический объект; может подвергаться общим процессам лексикализации и идиоматизации глаголов с модификатором, а также может не только подвергаться десемантизации¹⁸, но и идти дальше — в сторону грамматикализации (выражения дополнительных грамматических значений).

Как было сказано выше, в прямом фактитивном значении глагол может инкорпорировать в позицию модификатора прототипический объект. Из-за этого позиция объекта (O2) не может заполняться, и глагол на поверхностном уровне становится непереходным. Функционально инкорпорация объекта происходит по типологически хорошо засвидетельствованным причинам: снижение его референциального статуса, вынесение его из фокуса внимания и другие коммуникативные мотивы.

¹⁸ Сложные глаголы с *-bet-* в десемантизированной функции используются в речи значительно чаще, чем простые. Так, перифрастическое использование простого глагола с корнем *bet* встретилось один раз в речи одного информанта.

При этом в спонтанной речи чаще используются уже закрепленные в лексике, частотные сочетания глагола *-bet-* с модификатором.

- (9) *at d-bogdet-i-l-bet-Ø tul*
 1SG S1.1-костер-Т.PST-PST-делать-S1.SG так
 ‘Я костер так разожгла’.
 [Записано О. А. Казакевич от У. П. Котусовой, п. Келлог 2005]

В то же время при проведении лингвистических тестов носители могут инкорпорировать в глагол почти любой прототипический объект (данные экспедиции 2009 года, полученные автором).

- (10) *bu d-kirpiči-Ø-bet-Ø*
 он S1.1-кирпичи-PRS-делать-S1.SG
 ‘Он делает кирпичи’.
 [Пример Е. Будянской, записанный в п. Келлог в 2009 году от нескольких носителей]

5.2. Лексикализованные сочетания инкорпорируемого с корнем *-bet-*

Некоторые сочетания ядра *-bet-* с модификатором, обозначающим объект действия, особенно если этот объект имеет отклонения от прототипа, могут идиоматизироваться, а следовательно, и лексикализироваться, что отражает общие процессы, происходящие в глагольной системе языка.

- (11) *qā suka d-en-o-l-bet-i-n*
 домой здесь-LOC S1.3-клин-Т.PST-PST-делать-EP-S1.PL
 ‘Обратно домой разъехались’.
 [Записано О. А. Казакевич от Н. Х. Тыгановой, п. Келлог 2005]

Лексикализованные сочетания ядра *-bet-* с модификаторами зачастую являются не индивидуально идиоматизированными, как в примере (11), а имеют более регулярные и типологически объяснимые семантические сдвиги, связанные с изменением семантических и синтаксических отношений с инкорпорированным актантом (см. ниже). В сочетании с непрототипическим объектом (ментальным объектом, обозначением места, процесса, состояния) первоначальное значение глагольного корня *-bet-* (‘делать’, ‘создавать’) также теряет прототипические характеристики (факитивность, намеренность, агентивность, предельность).

Приведем несколько примеров на регулярные лексикализованные сочетания ядра *-bet-* в непрототипическом значении в сочетании с непрототипическим объектом.

Нефактитивные предельные агентивные употребления:

Объект — обозначение места

(12) *əγ-ə-n bat*

вошь-EP-PL бывало

d-ig-o-b-n-bet-i-n

S1.1-сюда-Т.PST-ОЗ.ЗТН-PST-делать-EP-S1.PL

‘Вшей мы собрали’.

[Записано О. А. Казакевич от Я. И. Серкова, д. Сургутиха 2005]

Объект — обозначение состояния

(13a) *kys-n deŋ-na dəq*

русский-PL человек.PL-GEN.PL жизнь

d-haq-o-n-bet-i-n

S1.3-испорченный-Т.PST-PST-делать-EP-S1.PL

‘Русские людям жизнь испортили’.

Ср.

(13б) *deŋ-na dəq*

человек.PL-GEN.PL жизнь

d-haq-t-o-n-aq-∅

S1.ЗТН-испорченный-DET-Т.PST-PST-LV-S1.SG

‘Жизнь людей испортилась’.

[Записано О. А. Казакевич от В. А. Романенковой, п. Келлог 2005]

В текстах, собранных и отгlossированных в экспедициях НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова, встречается один пример, в котором в сложный глагол с модификатором, обозначающим состояние, инкорпорируется объект действия, который встраивается в позицию перед модификатором¹⁹. В современном языке это встречается крайне редко, но как было показано выше, было зафиксировано Е. А. Крейновичем как продуктивный механизм:

¹⁹ Как и в примерах Е. А. Крейновича, позиция модификатора может заполняться более, чем одним корнем или сочетанием корня с аффиксами.

- (14) *tik qim bu*
 снег женщина 3SG
da-tik-us-o-l-bet-Ø
 S1.3F-снег-теплый-Т.PST-PST-делать-S1.SG
 ‘Снег женщина она топила’.
 [Записано О. А. Казакевич от В. А. Романенковой, п. Келлог 2005]
- Нефактитивные неопредельные агентивные употребления
 Ментальный объект
- (15) *nu his tude keʔt d-an-s-i-Ø-bet-Ø*
 ну всё тот человек S1.3M-ум-Т.PRS-EP-PRS-делать-S1.SG
 ‘Ну, всё равно тот человек думает’.
 [Записано О. А. Казакевич от Я. И. Серкова, д. Сургутиха 2005]
- Объект — обозначение процесса или действия
- (16) *ton d-iteŋ-i-l-bet-i-n*
 так S1.3-аргиш-Т.PST-PST-делать-EP-S1.PL
 ‘Так аргишили (кочевали)’.
 [Записано О. А. Казакевич от У. П. Котусовой, п. Келлог 2005]
- (17) *dun deʔ-dinŋen atn*
 тихий озеро.GEN.SG.NM-DATLOC 1PL
an d-dun-a-bet-i-n duʔb-asʔ
 обычно S1.1-удить-Т.PRS-делать-EP-S1.PL удочка-INST
 ‘На тихом озере мы, бывало, удили удочкой’.
 [Записано О. А. Казакевич от Н. Ф. Корзухиной, д. Мадуйка 2006]
- Нефактитивное неагентивное предельное действие
 Объект — обозначение состояния
- (18) *da des d-aqta-o-bet-n*
 3SG.M.GEN глаза S1.3TH-лучше-Т.PST-делать-S1.PL
 ‘Его глаза поправились [=улучшились]’.
 [Записано О. А. Казакевич от У. П. Котусовой, п. Келлог 2005]
- Объект — обозначение звука
- (19) *tude na-hystenej-bet*
 этот 3PL.POSS-треск-делать
 ‘Это их (вшей) трещание’.
 [Записано О. А. Казакевич от Я. И. Серкова, д. Сургутиха 2005]

Выше приведены примеры не на все возможные семантические сдвиги в значениях глагольного корня и модификатора. Однако в целом в них отражены направления их семантического развития, которые в итоге приводят к грамматикализации глагольного корня со значением ‘делать’.

5.3. Грамматикализация -bet-: выражение аспектуальных значений

В кетском языке наблюдается довольно продуктивное и семантически регулярное употребление корня *-bet-* с глагольным корнем или сочетанием глагола и объекта²⁰ в позиции модификатора. В данном случае сочетание корня *-bet-* с элементом в позиции модификатора носит грамматикализированный характер и выражает аспектуальные значения²¹. Происхождение такой модели из механизма инкорпорации можно считать типологически редким явлением. При этом сама грамматикализация глагола со значением ‘делать’ в сторону аспектуальности является довольно распространенным явлением [Резникова 2006].

Наиболее распространенным является употребление этой модели для выражения хабитуального значения.

- (20) *hig-en* *kāt*
мужчина-PL зима
d-san-qo-o-l-bet-i-n
S1.3-белка.PL-добывать-Т.PST-PST-делать-EP-S1.PL
‘Мужчины зимой белок обычно добывали’.
[Записано О. А. Казакевич от В. А. Романенковой, п. Келлог 2005]

- (21) *pekarn'a* *kisaŋ tən* *ət* *binden*
пекарня здесь NEG 1PL RFL.1PL
d-nan-bet-i-bet-i-n
S1.3-хлеб-делать-Т.PRS-делать-EP-S1.PL
‘Пекарни здесь нет, мы сами печем хлеб’.
[Записано О. А. Казакевич от С. Н. Жижиной, п. Келлог 2005]

²⁰ Здесь мы можем говорить об уровне фрагмента в порядковой модели кетского глагола. В позицию модификатора попадает не отдельная лексема, а словосочетание.

²¹ О процессе грамматикализации корня *-bet-* с выражением видовых значений писал еще Е. А. Крейнович [Крейнович 1968].

Однако конструкции с *-bet-* и модификатором могут маркировать и другие аспектуальные значения, связанные с выражением идеи интенсивности, многократности действия:

- (22) *qade əpɣes ton on*
 потом вдруг так много
d-qət-∅-bet-i-n
 S1.3-дать-PRS-делать-EP-S1.PL
 ‘Потом вдруг так много дают’.
 [Записано О. А. Казакевич от Я. И. Серкова, д. Сургутиха 2005]
- (23) *tude d-kyj-bet-o-l-bet-∅*
 тот S1.3-начальник-делать-Т.PST-PST-делать-S1.SG
 ‘Тот (Сталин) был у власти’.
 [Записано О. А. Казакевич от Я. И. Серкова, д. Сургутиха 2005]
- (24) *no bu qaɣolyp t’ehnik-as’*
 но 3SG большинство техника-INSTR
d-bet-l-i-bet-∅
 S1.3M-делать-PST-EP-делать-S1.SG
 ‘Но он (Гитлер) большую часть техникой делал’.
 [Записано О. А. Казакевич от Я. И. Серкова, д. Сургутиха 2005]

5.4. Вербализатор: включение кодовых переключений и корректировка некомпетентности

Другим направлением грамматикализации становится, как и в случае аналитического употребления простого глагола *-bet-*, десемантизация до значения вербализатора, носителя финитной информации. При этом модель с модификатором намного продуктивнее и частотнее модели с простым глаголом. В современном языке может происходить включение в состав глагола практически любого слова с глагольным значением в позиции модификатора. При этом такой механизм используется в двух случаях: с исконно кетскими корнями (или хорошо освоенными заимствованиями) для корректировки грамматической некомпетентности носителя, с одной стороны, и для грамматического освоения русских слов (что также может, помимо всего прочего, происходить вследствие неполной языковой компетентности говорящего). При этом первое

употребление, по всей видимости, свойственно более молодым носителям²².

- (25) *anat-i e bo-k-o-n-tñ*
раньше-день HES S3.1SG-DET-Т.PST-PST-идти
morduška loŋl= loŋlu=
мордушка проверить= проверить=
morduška loŋl=
мордушка проверить=
d-loŋl-u-Ø-bet-Ø
S1.1-проверить-O2.3SG.TН-PST-делать-S1.SG
‘Раньше, э-э, я пошел мордушку про=, про=, мордушку,
про= проверку делаю’.
[Записано О. А. Казакевич от Г. М. Бальдина (1963 г. р.),
п. Келлог 2005]

В современном языке развивается продуктивный механизм: включение в состав глагола с ядерным корнем *-bet-* с помощью исконного механизма инкорпорации элементов, практически не имеющих ограничений на семантику и морфологию. При этом *-bet-* употребляется как в переходной, так и в непереходной форме. Это также связано с отсутствием ограничений на «инкорпорируемое».

- (26) *nu v s'ed'mom klas'e*
ну в седьмом классе
d-uč'itsa-o-l-bet-i-n
S1.1-учиться-Т.PST-PST-делать-EP-S1.PL
‘Ну, в седьмом классе я учился’.
[Записано О. А. Казакевич от Я. И. Серкова, д. Сургутиха 2005]
- (27) *kartoš-n bat d-sadili-o-l-bet-n*
картошка-PL бывало S1.1-сажали-Т.PST-PST-делать-S1.PL
‘Мы картошку сажали’.
[Записано О. А. Казакевич от У. П. Котусовой, п. Келлог 2005]

²² Эта гипотеза еще требует своей проверки, однако она подтверждается не только моими наблюдениями, но и замечаниями в [Решетников, Старостин 1995].

Из-за того, что при таком употреблении в состав глагола входит обозначение действия или процесса, глагол имеет нефактивное и неопредельное значение с оттенком хабикуальности²³.

6. Выводы: причины необычного явления

В статье было показано, что по крайней мере в течение последнего столетия в кетском языке происходит развитие вторичной модели создания сложных глаголов на основе механизма, изначально использовавшегося для инкорпорации прямого объекта. При этом данная модель продуктивна только для одного глагольного ядра и непродуктивна для всех остальных, в том числе и тех, которые участвовали в процессе инкорпорации в прошлом. При этом продуктивность данного механизма для корня *-bet-* гораздо выше, чем продуктивность инкорпорации объекта в предикаты с другими корнями, которая наблюдалась в прошлом. Можно предположить, что в раннем праенисейском периоде в языке наблюдалась более широкая сочетаемость полнозначных корней в рамках глагольной словоформы по аналогии с реконструируемыми чертами полисинтетичности [Решетников 1999]. Следы широкой сочетаемости ядерных корней и модификаторов также наблюдаются в лексикализованных глагольных единицах, которые употребляются в современном языке.

Можно предположить, что механизм создания новых слов на базе прототипической именной инкорпорации с участием заимствованных русских слов развивается в ситуации языкового сдвига, отчасти — благодаря определенному «сопротивлению» ему со стороны кетского языка. Этот процесс демонстрирует, что при языковом сдвиге активизируются скрытые грамматические ресурсы, позволяющие снять существующие ограничения на освоение иноязычной лексики. Это, с одной стороны, в какой-то степени позволяет ускорить процессы языковой интерференции, а с другой — охраняет язык от глубокой перестройки его структуры. При этом для введения в языковой оборот кодовых переключений был выбран глагол со значением 'делать', что типологически хорошо засвидетельствовано [Wohlgemuth 2009]. Для таких глаголов характерна

²³ Возможен ли такой механизм для освоения кодовых переключений без дополнительного оттенка хабикуальности, пока не проверено.

десемантизация (вплоть до получения функции вербализатора²⁴) и грамматикализация, что отчасти происходит и в кетском языке. В связи с этим, как было показано выше, употребление глаголов со значением ‘делать’ во многих языках используется при кодовых переключениях.

Особенность ситуации в кетском языке состоит в том, что для включения в речь русских слов используется не аналитический механизм перифрастического спряжения, а восстанавливается и развивается почти утраченный механизм инкорпорации. Во многом редкость такого явления обусловлена случайным совпадением двух происходящих в языке процессов: языкового сдвига и начавшейся еще до него перестройки глагольной системы.

Можно сделать еще несколько выводов. Прежде всего, они связаны с поведением глагола со значением ‘делать’. Справедливо считается, что этот глагол более других подвержен грамматикализации. Ситуация в кетском языке показывает, что он также более устойчив к процессам лексикализации и идиоматизации по сравнению с другими глагольными корнями.

Кроме того, мы видим, что в ситуации языкового сдвига в языке начинают происходить процессы «выравнивания» разрушенных грамматических механизмов, приведение их в более логичный вид, позволяющий запоминать меньше информации и экономить усилия при овладении и пользовании языком, пусть и за счет уменьшения возможностей более детального и семантически тонкого описания действительности, за счет потери лексического богатства языка. Полную типологию таких компенсаторных механизмов, которые актуализируются в языке в ситуации языкового сдвига, лингвистам только еще предстоит создать.

²⁴ Грамматикализация глаголов ‘делать’ может привести к пересмотру их статуса — из полнозначных корней в частицы или аффиксы. Однако в кетском языке этого не происходит из-за того, что глагол *-bet-* занимает позицию ядра, в которой всегда находится корневая морфема. Для превращения *-bet-* в универсальный вербализатор необходимо, чтобы произошла кардинальная перестройка системы кетского глагола (что отчасти и происходит в речи полуязычных носителей (см. [Решетников, Старостин 1995])).

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 3 — третье лицо; BEN — бенефактив; DATLOC — датив-локатив; DET — детерминатив; EP — эпентеза; F — женский класс; GEN — генитив; HES — гезитация; INST — инструменталис; LV — легкий глагол; M — мужской класс; MOD — модификатор; NEG — отрицание; NM — немужской класс; O2 — объект второй серии; O3 — объект третьей серии; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; RFL — рефлексив; S1 — субъект первой серии; S2 — субъект второй серии; S3 — субъект третьей серии; SG — единственное число; T — тематический показатель; TN — вещный класс.

Литература

- Вайда-Зинн 2004 — Э. Вайда, М. А. Зинн. Морфологический словарь кетского глагола (на основе южно-кетского диалекта). Томск: ТГПУ, 2004.
- Василевич 1969 — Г. М. Василевич. Эвенки. Л.: Наука, 1969.
- Габараев 1977 — Н. Я. Габараев. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
- Егоров 1971 — В. Г. Егоров. Словосложение в тюркских языках // Э. В. Севортян (отв. ред.). Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 95–107.
- Казакевич 2005 — О. А. Казакевич. Языковое и этнокультурное взаимодействие в северной таежной зоне Западной и Центральной Сибири // М. Е. Алексеев, Д. И. Эдельман, В. Ю. Гусев (ред.). Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность). М.: Наука, 2005. С. 78–91.
- Казакевич и др. 2008 — О. А. Казакевич, Е. М. Будянская, Ю. Е. Галямина. Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов. Публикация 1-я // Вестник РГГУ, №6/08 / Серия «Языкознание», МЛЖ, №10. М., 2008. С. 246–285.
- Крейнович 1968 — Е. А. Крейнович. Глагол кетского языка. М.: Наука, 1968.
- Ландер 2011 — Ю. А. Ландер. Подходы к полисинтетизму // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание» / Московский лингвистический журнал. 2011. Т. 13. № 11 (73). С. 102–126.
- Резникова 2006 — Т. И. Резникова. Грамматикализация конструкций с глаголом *делать*: типология и семантика. Диссертация на соиск. уч. ст. к. ф. н. МГУ, М., 2006.
- Решетников 1999 — К. Ю. Решетников. Морфология праенисейского глагола: некоторые результаты грамматической реконструкции // *Studia Linguarum*, II, 1999. С. 304–480.

- Решетников, Старостин 1995 — К. Ю. Решетников, Г. С. Старостин. Структура кетской глагольной словоформы // Кетский сборник: лингвистика. М.: Наука, 1995. С. 7–21.
- Серкина 1940–1941 — Н. А. Серкина. Материалы Г. М. Корсакова, записанные его аспиранткой Н. А. Серкиной (Косман) во время занятий с ним кетским языком в зиму 1940–1941г. (рукопись). Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
- Baker 1988 — M. Baker. *Incorporation. A Theory of Grammatical Function Changing*. Chicago: University of Chicago, 1988.
- Baker 1996 — M. Baker. *The Polysynthesis Parameter*. New York: Oxford University Press, 1996.
- Harris 2002 — A. C. Harris. *Endoclititics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Mithun 1984 — M. Mithun. The evolution of noun incorporation // *Language*. Vol. 60, 1984. P. 847–894.
- Mithun 2009 — M. Mithun. Re(e)volving complexity: Adding intonation // T. Givón, M. Shibatani (eds.). *Syntactic Complexity. Diachrony, Acquisition, Neurocognition, Evolution*. Amsterdam: John Benjamins. 2009, P. 53–80.
- De Reuse 2006 — W. De Reuse. Polysynthetic language: Central Siberian Yupik // K. Brown (ed.). *Encyclopedia of Language & Linguistics, Second Edition*, vol. 9. Oxford: Elsevier, 2006. P. 745–748.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. *A Grammar of Lezgian*. Berlin/New-York: Walter de Gruyter, 1993.
- Rosen 1989 — S. T. Rosen. Two Types of Noun Incorporation: a Lexical Analysis, *Language* 65, 1989. P. 294–317.
- Vajda 2000 — E. Vajda. Ket verb morphology and its parallels with Athabaskan-Eyak-Tlingit: evidence of a genetic link // *Athabaskan Language Conference, Moricetown, British Columbia*, 2000. P. 1–6.
- Vajda 2004 — E. Vajda. *Ket*. Muenchen: Lincom Europa, 2004.
- Werner 1997 — H. Werner. *Die Ketische Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997.
- Wohlgemuth 2009 — J. Wohlgemuth. *Typology of verbal borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.

Д. С. Ганенков

Институт языкознания РАН, Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ПАДЕЖНОГО МАРКИРОВАНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАТУС ЭКСПЕРИЕНЦЕРА В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Как известно, с точки зрения падежного маркирования субъекта глагольная лексика в нахско-дагестанских языках распадается на три неравных по объему класса: непереходные глаголы, переходные глаголы и экспериенциальные (аффективные) глаголы, из которых первые два охватывают подавляющее большинство глаголов, тогда как третий класс включает лишь небольшое число лексем. Определяющим признаком экспериенциального класса считается так называемое «неканоническое» падежное маркирование субъекта, где под неканоническим понимается любое маркирование, кроме абсолютива и эргатива, маркирующих, соответственно, S/P и А аргументы. Несмотря на ограниченный размер, экспериенциальный класс является весьма устойчивым в отношении инвентаря входящих в него глаголов — его ядро составляют глаголы со значением ‘находить’, ‘видеть’, ‘слышать’, ‘знать’, ‘забывать’, ‘понимать’, ‘любить’, ‘хотеть’, субъект которых имеет семантическую роль экспериенцера (или близкую к ней) и стандартно оформляется либо дативом, либо одним из локативных падежей, как показано в примерах (1) и (2) из лезгинского и аварского языков.

(1) ЛЕЗГИНСКИЙ ЯЗЫК [Haspelmath 1993: 281]

za-z sa ktab žǵa-na.

Я-DAT один книга(ABS) находить-AOR

‘Я нашел книгу’.

(2) АВАРСКИЙ ЯЗЫК [Бокарев 1949: 34]

dī-je ha-j jas j-ol'-ula.

Я-DAT этот-F девушка(ABS) F-любить-PRS

‘Я люблю эту девушку’.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант №14-18-02429.

Исключение из общего правила составляют лишь удинский и даргинский языки, где (в зависимости от языка и диалекта) экспериенциальный класс либо полностью утрачен, либо заметно деградировал. Наиболее интересными в рассматриваемом отношении являются диалекты даргинского языка, демонстрирующие значительное варьирование в маркировании субъекта экспериенциальных глаголов. Во-первых, аргументы глаголов с одним и тем же значением могут иметь различное падежное оформление в разных диалектах. Так, например, глагол со значением ‘видеть’ в чирагском диалекте требует субъект в дативе, в муиринском диалекте — в эргативе, а в мегебском диалекте — в одном из локативных падежей (интерлативе), см. примеры (3)–(5).

(3) ЧИРАГСКИЙ ДИАЛЕКТ

dami it j-añ-un-da.

я:DAT ЗР(ABS) М-видеть:PF-PST-1

‘Я увидел его’.

(4) МУИРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

nu-ni it č̣i <w> a-i-ra.

я-ERG ЗР(ABS) <М>видеть:PF-PST-1

‘Я увидел его’.

(5) МЕГЕБСКИЙ ДИАЛЕКТ

ḍi-ze it g-ub-ra.

я-LOC ЗР(ABS) видеть:PF-PST-1

‘Я увидел его’.

Во-вторых, часто в рамках одного диалекта экспериенциальные глаголы также не ведут себя единообразно, ср., например, локативное оформление субъекта глагола ‘видеть’ в мегебском диалекте (пример (5)) с дативным маркированием субъекта глагола ‘хотеть’ в том же диалекте, пример (6).

(6) МЕГЕБСКИЙ ДИАЛЕКТ

nab it dursi d-ig-uwe le-r.

я:DAT ЗР девушка(ABS) F-любить-CONV COP-F

‘Я люблю эту девушку’.

В-третьих, в ряде диалектов один и тот же глагол допускает и неканоническое, и каноническое маркирование субъекта. Так,

например, в тантынском диалекте глагол ‘находить’ сочетается с субъектом как в эргативе, так и в дативе.

- (7) ТАНТЫНСКИЙ ДИАЛЕКТ
rasul.li-ž || rasul.li arc d-arc-ib.
 Расул-DAT Расул(ERG) деньги(ABS) NPL-находить:PF-PST
 ‘Расул нашел деньги’.

В диахроническом отношении «неканоническое» маркирование субъекта экспериенциальных глаголов, несомненно, является исходным, а использование эргатива в этой функции представляет собой инновацию (см. обсуждение аналогичного диахронического сдвига в удинском языке в [Harris 2002]). В статье [Ganenkov 2013] опубликованы данные по кодированию субъекта семи экспериенциальных глаголов (‘находить’, ‘видеть’, ‘слышать’, ‘забывать’, ‘знать’, ‘понимать’, ‘любить, хотеть’) в даргинских диалектах, воспроизведенные ниже в Таблице 1, и на основании диалектного варьирования сделана попытка реконструкции диахронического сдвига от дативного к эргативному маркированию.

Таблица 1. Кодирование субъекта экспериенциальных глаголов в диалектах даргинского языка (полу жирным выделен более привычный/частотный вариант)

	Чираг	Худуц	Цудахар	Танты	Ицари	Губден
‘находить’	DAT	DAT ERG	DAT ERG	DAT ERG	ERG	ERG
‘видеть’ ‘слышать’	DAT	DAT	DAT ERG	DAT ERG	DAT ERG	ERG
‘забывать’	DAT	DAT	DAT ERG	DAT ERG	DAT ERG	ERG
‘знать’	DAT	DAT	DAT	DAT ERG	DAT ERG	ERG
‘понимать’	DAT	DAT	DAT	DAT ERG	DAT ERG	ERG
‘хотеть’	DAT	DAT	DAT	DAT	DAT	DAT

Основной вывод состоит в том, что процесс утраты класса экспериенциальных глаголов представлял собой постепенный процесс. Во-первых, как видно из Таблицы 1, можно предположить, что вытеснение датива эргативом при каждом конкретном глаголе

происходило в несколько этапов: (i) проникновение эргатива в экспериенциальную зону и параллельное использование эргатива и датива с преобладанием последнего, (ii) переключение на эргатив как основной вариант с сохранением возможности оформить субъект дативом, (iii) утрата дативного маркирования. Разные этапы этого процесса можно наблюдать на примере управления глагола ‘забывать’ в даргинских диалектах. В чирагском и хуцуцком диалектах сохранено исходное дативное маркирование. Этап (i) представлен в цудахарском и тантынском диалектах, где, наряду с дативом, в качестве дополнительной возможности допускается и эргатив. В ицаринском диалекте, иллюстрирующим этап (ii), эргатив представляет собой основную опцию, тогда как датив сохраняется в качестве остаточного варианта в речи носителей среднего и старшего поколения. Наконец, в губденском диалекте, как и литературном даргинском языке, эргатив является единственной возможностью, этап (iii).

Во-вторых, утрата экспериенциального класса происходила постепенно также и в том смысле, что поэтапный переход от дативного маркирования к эргативному не охватывал все рассматриваемые глаголы одновременно. Наблюдаемое диалектное варьирование, а именно, степень распространения эргативного маркирования субъекта при данном глаголе по диалектам, позволяет заключить, что экспериенциальные глаголы вовлекались в процесс утраты дативного субъекта в определенном порядке (ср. порядок следования глаголов в Таблице 1): сначала глагол ‘находить’, наиболее склонный к эргативному оформлению субъекта, затем ‘видеть’, ‘слышать’ и ‘забывать’, еще позже глаголы ‘знать’ и ‘понимать’. Наконец, глагол ‘хотеть’, демонстрирующий наибольшую стабильность, не был вовлечен в этот процесс и сохранил исходное дативное маркирование во всех диалектах. Описанная последовательность утраты дативных субъектов при разных глаголах, по-видимому, указывает на семантические свойства участника ситуации (например, степень контроля за ситуацией) как на основной параметр, влияющий на эргативный сдвиг при данном глаголе (хотя *a priori* непонятно, в чём именно субъект, например, глагола ‘забывать’ ближе к прототипическому переходному агенту по сравнению с субъектом глагола ‘знать’). Неясным также остается вопрос о синтаксических свойствах экспериенциальных субъектов. В работе

[Cole et al. 1980] (см. также [Haspelmath 2010]) был предложен сценарий, согласно которому изменениям в падежном оформлении аргумента (неканоническое сменяется стандартным субъектным маркированием) предшествуют изменения синтаксического поведения соответствующих аргументов: аргумент приобретает синтаксические свойства, аналогичные свойствам «канонически» маркированных субъектов². В применении к обсуждаемому выше материалу данный сценарий, если он верен, предсказывает, что в диалектах с (частичным) сохранением дативных субъектов имеет место одна из двух ситуаций. С одной стороны, такие диалекты могут находиться на этапе А по [Cole et al. 1980], то есть субъекты экспериенциальных глаголов еще не приобрели необходимых субъектных свойств, а значит не могут быть уподоблены каноническим субъектам в падежном маркировании. С другой стороны, такие диалекты могут находиться на этапе В: синтаксические свойства канонических и неканонических субъектов уже полностью унифицированы, однако различие в поверхностном маркировании сохраняется. Диалекты с утратой дативного маркирования достигли этапа С, на котором субъекты экспериенциальных глаголов уподоблены каноническим транзитивным субъектам не только в синтаксическом поведении, но и в падежном маркировании.

В настоящей статье ставится цель проверить предсказания, делаемые гипотезой Коула и его соавторов о соотношении синтаксического поведения аргумента и перехода от дативного к эргативному маркированию. Эмпирическим материалом служат данные о синтаксисе субъектных аргументов в чирагском, муиринском и мегебском диалектах даргинского языка, собранные в ходе полевой работы с информантами. В разделе 2 приводится краткая справка о типологии субъектных свойств. В разделах 3 и 4 обсуждается синтаксическое поведение аргументов в диалектах даргинского языка. В Заключении подводятся итоги исследования.

² “[A]t an early stage in the development of the construction (Stage A), the NP in question displays no subject properties, either behavioral or coding. At a later time (Stage B), the analogous NP exhibits behavioral, but no coding, properties. If coding properties are found at any stage, they are acquired subsequent to behavioral properties (Stage C). We propose that such a sequence is the unmarked (and perhaps universal) order of acquisition of subject properties” [Cole et al. 1980: 720].

2. Типология субъектных свойств

Результатом типологического исследования языков с различными системами маркирования центральных аргументов, прежде всего эргативной, стало осознание того, что синтаксические свойства, обычно рассматриваемые в качестве признаков подлежащего, распадаются на два типа [Dixon 1994, Manning 1996, Falk 2006], суммированные в Таблице 2.

Таблица 2. Типологическая классификация подлежащих свойств

	Тип I	Тип II
	контроль анафоров адресат императива контролируемый аргумент (PRO)	релятивизация фокус вопрос невыраженный аргумент при сочинении
Dixon 1994	subject	pivot
Manning 1996	a-subject	gr-subject
Falk 2006	θ и/или GF	PIV

Свойства первого типа включают способность контролировать рефлексивы и реципроки, быть (обязательно) невыраженным в зависимой клаузе и быть адресатом императива. Эти свойства выделяют аргумент клаузы, находящийся наиболее высоко на иерархии семантических ролей, и, по-видимому, универсально ориентированы на S/A аргумент. В литературе аргумент с такими свойствами именуется «субъект» (subject) [Dixon 1994], «а-субъект» (*a-subject*) [Manning 1996], θ и/или GF [Falk 2006].

Второй тип включает способность подвергаться опущению в сочинительной конструкции, а также свойства, объединяемые под названием «извлечение» (*extraction*), то есть способность образовывать относительное предложение, вопросительные конструкции и участвовать в конструкции грамматического фокуса. Выбор аргумента, обладающего этими свойствами, представляет собой параметр межъязыкового варьирования. В аккузативных языках свойствами второго типа обладает тот же аргумент, на который ориентированы и свойства первого типа, S/A аргумент. В (синтаксически) эргативных языках свойства второго типа, напротив, закреплены за P аргументом. Тем самым, в языках этого типа

возникает конкуренция между двумя центральными аргументами переходной клаузы, и ни один из них не может быть обозначен как «подлежащее», то есть синтаксически наиболее приоритетный аргумент. Наконец, подобное распределение субъектных свойств зафиксировано и в языках филиппинского типа с большим количеством «залогов», в которых свойства второго типа обычно ориентированы на так наз. «топик» [Falk 2006]. Именная группа, обладающая свойствами второго типа, обозначается как «ось» (*pivot*) в работе Б. Диксона [Dixon 1994], как «грамматический субъект» (*gr-subject*) у К. Маннинга [Manning 1996] и как PIV у Й. Фалька [Falk 2006]. В последующих разделах мы рассмотрим, как эти синтаксические свойства распределены между аргументами в диалектах даргинского языка.

3. Свойства второго типа

Все свойства второго типа, связанные с извлечением аргумента из его исходной синтаксической позиции, в даргинском языке оказываются нейтральными: к любому аргументу клаузы можно задать вопрос, любой аргумент может быть подвергнут релятивизации и фокусирован при помощи конструкции грамматического фокуса. Примеры (8)–(13) из хуцуцкого диалекта демонстрируют отсутствие асимметрии между субъектом и объектом.

РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ

(8) *gal.li* *b-elč'-un* *kniga*
 мальчик(ERG) N-читать:PF-PST(PART) книга(ABS)
 'книга, которую прочитал мальчик'

(9) *kniga* *b-elč'-un* *gal*
 книга(ABS) N-читать:PF-PST(PART) мальчик(ABS)
 'мальчик, который прочитал книгу'

ВОПРОС

(10) *hi-l* *sika* *kax-ub-i ?*
 кто-ERG медведь(ABS) убивать:PF-PST-Q
 'Кто убил медведя?'

(11) *ča* *rasul.li* *kax-ub-i ?*
 кто(ABS) Расул(ERG) убивать:PF-PST-Q
 'Кого убил Расул?'

ФОКУСНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

(12) *rasul.li ca-b sika kax-ub-ci.*
Расул(ERG) COP-N медведь(ABS) убивать:PF-PST-PART
'РАСУЛ убил медведя'.

(13) *sika ca-b rasul.li kax-ub-ci.*
медведь(ABS) COP-N Расул(ERG) убивать:PF-PST-PART
'Расул убил МЕДВЕДЯ'.

Что касается поведения аргументов в сочинительных конструкциях, то здесь имеется лакуна, поскольку сочинение финитных клауз в даргинском языке отсутствует. Употребляемые вместо него деэпричастные конструкции не могут быть использованы для диагностики подлежащих свойств, пока их внутренняя синтаксическая структура остается неисследованной, ср. [Falk 2006: 89–92]. Таким образом, указанные выше свойства второго типа никак не помогают нам выявить аргумент, обладающий наибольшим синтаксическим приоритетом в даргинском языке, а значит и бесполезны при исследовании синтаксического поведения дативного аргумента при экспериенциальных глаголах.

4. Свойства первого типа

Обращаясь к свойствам первого типа, следует сказать, что два из них — способность выступать в качестве адресата императива и способность быть контролируемым аргументом (PRO) в конструкциях облигаторного контроля — в даргинском языке строго ориентированы на S/A аргумент, поскольку только он, но не P аргумент, обладает этими свойствами. Подобным образом, в клаузах, возглавляемых экспериенциальными глаголами, обоими указанными свойствами обладает только именная группа с ролью экспериенцера, как показано в примерах (14)–(17) из хуцуцкого диалекта.

АДРЕСАТ ИМПЕРАТИВА

(14) *ramazan č̣i <w> ag-a !*
Рамазан(ABS) <M>видеть:PF-IMP
'Посмотри на Рамазана!' (букв. 'увидь Рамазана')

(15) *il qumert-a !*
ЗР(ABS) забывать:PF-IMP
'Забудь её!'

КОНСТРУКЦИИ ОБЛИГАТОРНОГО КОНТРОЛЯ

- (16) *rasul.li-j_i* [Δ_i *uci* *či < w > ag-araj*]
 Расул-DAT DAT брат(ABS) <M>видеть:PF-SUBJ.3
b-ik-ul ca-b.

N-хотеть:IPF-CONV COP-N
 ‘Расул хочет увидеть брата’.

- (17) **rasul.li-j_i* [Δ_i *aba-j* *či < w > ag-araj*]
 Расул-DAT ABS мать-DAT <M>видеть:PF-SUBJ.3
b-ik-ul ca-b.

N-хотеть:IPF-CONV COP-N
 Предполагаемое прочтение: ‘Расул хочет, чтобы мама его увидела’.

Единственным исключением из этого обобщения является глагол *bik-* ‘хотеть, любить’, не имеющий морфологических форм инфинитива/конъюнктива, используемых в конструкциях облигаторного контроля, и формы императива.

Таким образом, императив и конструкции облигаторного контроля отличают аргументы с ролями агенса и экспериенцера от аргументов с ролями пациенса и стимула. Однако, как кратко изложено выше, оба свойства универсально ориентированы на семантический субъект, а значит вряд ли могут быть приняты как свидетельство того, что экспериенцер приобретает субъектные свойства.

Большее разнообразие обнаруживается при взгляде на конструкции со связыванием анафорических местоимений в диалектах даргинского языка. В некоторых диалектах в переходной клаузе только эргативный аргумент может связывать анафорическое местоимение в абсолютиве, но не наоборот, пример (18). В других диалектах, как, например, в ицаринском, ситуация ровно противоположная, что показано в примере (19). Наконец, в некоторых диалектах допустимы обе возможности, как в мегебском, пример (20).

ЧИРАГСКИЙ ДИАЛЕКТ: только эргатив может связывать абсолютив, но не наоборот

- (18) а. *rasul-le ci-ne ce-j elx-un-ne.*

Расул-ERG сам-ERG сам-М(ABS) убивать:PF-PST-RES

b. **rasul ci-ne ce-j elχ-un-ne.*

Расул(ABS) сам-ERG сам-М(ABS) убивать:PF-PST-RES
'Расул совершил самоубийство'.

ИЦАРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ: только абсолютив может связывать эргатив, но не наоборот

(19) a. *uc-bi cal-li ca ka ix-ub.*

брат-PL(ABS) REC-ERG REC(ABS) <HPL>убивать:PF-PST

b. **uc-ba-lli cal-li ca ka ix-ub.*

брат-PL-ERG REC-ERG REC(ABS) <HPL>убивать:PF-PST
'Братья убили друг друга'.

МЕГЕБСКИЙ ДИАЛЕКТ: обе возможности равно грамматичны

(20) a. *uz-be-ni ca.li-ni ca b-aʔbʔ-ib.*

брат-PL-ERG REC-ERG REC(ABS) HPL-убивать:PF-PST

b. *uz-be ca.li-ni ca b-aʔbʔ-ib.*

брат-PL(ABS) REC-ERG REC(ABS) HPL-убивать:PF-PST
'Братья убили друг друга'.

В большинстве диалектов аргумент с ролью экспериенцера, как кажется, ведет себя аналогично эргативному аргументу с ролью агенса. Так, в чирагском диалекте только экспериенцер может связывать стимул, тогда как в ицаринском, напротив, только стимул обладает способностью связывать анафорические местоимения с ролью экспериенцера. В мегебском диалекте, аналогично переходным клаузам, обе возможности связывания допустимы. Примеры (21)–(23) иллюстрируют возможности связывания в клаузе, возглавляемой экспериенциальным глаголом.

ЧИРАГСКИЙ ДИАЛЕКТ: только дативный экспериенцер может связывать абсолютив, но не наоборот, ср. пример (18)

(21) a. *rasul-li ci-ni ce-j j-añ-un-ne.*

Расул-DAT сам-DAT сам-М(ABS) М-видеть:PF-PST-RES

b. **rasul ci-ni ce-j j-añ-un-ne.*

Расул(ABS) сам-DAT сам-М(ABS) М-видеть:PF-PST-RES
'Расул увидел себя'.

ИЦАРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ: только абсолютив может связывать дативный экспериенцер, но не наоборот, ср. пример (19)

- (22) а. *uc-bi cal-li ca qumert-ur.*
 брат-PL(ABS) REC-ERG REC(ABS) забывать:PF-PST
- б. **uc-ba-lli cal-li ca qumert-ur.*
 брат-PL-ERG REC-ERG REC(ABS) забывать:PF-PST
 ‘Братья забыли друг друга’.

МЕГЕБСКИЙ ДИАЛЕКТ: обе возможности равно грамматичны, ср. пример (20)

- (23) а. *iti.li-ze ca.li-ze ca g-ub.*
 3P.PL-LOC REC-LOC REC(ABS) видеть:PF-PST
- б. *iti ca.li-ze ca g-ub.*
 3P.PL(ABS) REC-LOC REC(ABS) видеть:PF-PST
 ‘Братья увидели друг друга’.

Таким образом, в конструкциях со связыванием анафорических местоимений аргумент в дативе с ролью экспериенцера в целом ведет себя аналогично аргументу в эргативе с ролью агенса. Отметим, что чирагский и мегебский относятся к диалектам, хорошо сохраняющим неканоническое падежное маркирование экспериенцера, тогда как ицаринский диалект практически полностью утратил дативные экспериенцеры.

Такое сходство в поведении агенса и экспериенцера, несмотря на то, что не всегда синтаксически приоритетными являются именно эти аргументы, теоретически можно было бы считать одним из факторов, повлиявших на унификацию их падежного оформления. Данные муиринского диалекта, однако, показывают, что это не так. В этом диалекте в переходной клаузе только абсолютивный аргумент может связывать эргативную именную группу, но не наоборот, пример (24). При экспериенциальных же глаголах связывать анафорическое местоимение может только именная группа в дативе, тогда как связывание датива абсолютивом невозможно, как показано в примере (25).

- (24) а. *it sun-ni sa-j ka <w> š-ib.*
 3P(ABS) сам-ERG сам-M(ABS) <M>убивать:PF-PST

- b. **it-ili sun-ni sa-j ka <w> š-ib.*
ЗР-ERG сам-ERG сам-М(ABS) <М>убивать:PF-PST
'Он совершил самоубийство'.
- (25) a. *rasul.li sun-ni sa-j č̣i <w> aʔ-ib.*
Расул(ERG) сам-ERG сам-М(ABS) <М>видеть:PF-PST
- b. **rasul sun-ni sa-j č̣i <w> aʔ-ib.*
Расул(ABS) сам-ERG сам-М(ABS) <М>видеть:PF-PST
'Расул увидел себя'.

Расхождение в синтаксическом поведении агенса переходного глагола и экспериенцера тем более примечательно, что муиринский относится к тому типу диалектов, где унификация падежного оформления агенса и экспериенцера продвинулась максимально далеко (губденский тип в Таблице 1), а значит, согласно гипотезе Коула и др., их синтаксическое поведение также должно быть одинаковым.

5. Заключение

Таким образом, подытоживая обсуждение, можно заключить, что утрата дативного и распространение эргативного маркирования экспериенцера в даргинском, вопреки гипотезе Коула и др., никак не связаны с унификацией синтаксического поведения переходного агенса, маркируемого эргативом, и экспериенцера, исконно оформлявшегося дативом, поскольку эти два аргумента не обладают сколько-нибудь значительным количеством общих свойств, которые можно было бы связать со сменой падежного маркирования: часть свойств нейтральна в синтаксическом отношении и лишь два свойства, ориентированные в первую очередь на одушевленность, объединяют переходный агент и экспериенцер. Наконец, связывание анафорических местоимений показывает, что даже в диалектах с эргативным маркированием экспериенцера переходный агент и экспериенцер могут вести себя по-разному. Кроме того, еще раз подтверждается высказанная А. Е. Кибриком идея о том, что в нахско-дагестанских языках нельзя говорить о подлежащем, если понимать его как именную группу, обладающую всеми субъектными свойствами или хотя бы их значительной частью; конструкции могут быть ориентированы на какой-либо конкретный аргумент,

однако для разных конструкций он разный, см. [Kibrik 1997, Кибрик 2003]. Тем самым сценарий Коула и др., согласно которому унификации падежного маркирования предшествует унификация в синтаксическом поведении, в общем случае, по-видимому, должен быть признан неверным — на самом деле, «канонизация» падежного маркирования может происходить и без предшествующей унификации синтаксического поведения переходного агенса и экспериенцера.

Список условных сокращений

ЗР — третье лицо; ABS — абсолютив; AOR — аорист; CONV — деепричастие; COP — глагол-связка; DAT — датив; ERG — эргатив; F — женский согласовательный класс; HPL — одушевленный согласовательный класс во множественном числе; IMP — императив; IPF — основа HCB; LOC — локативный падеж; N — неодушевленный согласовательный класс; NPL — неодушевленный согласовательный класс во множественном числе; M — мужской согласовательный класс; PF — основа CB; PART — причастие; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; Q — показатель вопроса; REC — реципрок; PL — множественное число; RES — результатив; SUBJ — конъюнктив.

Литература

- Бокарев 1949 — А. А. Бокарев. Синтаксис аварского языка. М. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Cole et al. 1980 — P. Cole, H. Wayne, H. Gabriella, S. N. Sridhar. The acquisition of subjecthood // *Language* 56(4), 1980. P. 719–743.
- Dixon 1994 — R. M. W. Dixon. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Falk 2006 — Y. Falk. *Subjects and Universal Grammar: An Explanatory Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Ganenkov 2013 — D. Ganenkov. Diachrony of experiencer subject marking in East Caucasian // I. A. Serzant, L. Kulikov (eds.). *The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 231–256.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. *A Grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Haspelmath 2010 — M. Haspelmath. The Behaviour-before-Coding Principle in syntactic change // F. Floricic (ed.). *Mélanges Denis Creissels*. Paris: Presses de L'École Normale Supérieure, 2010. P. 493–506.

- Harris 2002 — A. Harris. Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Kibrik 1997 — A. E. Kibrik. Beyond subject and object: Towards a comprehensive relational typology // *Linguistic Typology* 1(3), 1997. P. 279–346.
- Manning 1996 — Ch. D. Manning. Ergativity: Argument Structure and Grammatical Relations. Stanford, Calif.: CSLI Publications, 1996.

Е. Ю. Груздева

Хельсинкский университет, Хельсинки

ДЕМОНСТРАТИВЫ В НИВХСКОМ ЯЗЫКЕ

Нивхский язык (один из палеоазиатских) принадлежит к числу так называемых «пространственных» языков, для которых характерно исключительно детализированное представление пространственной семантики, см. [Крейнович 1960, 1986; Панфилов 1965; Beffa 1982; Gruzdeva 2006, 2008]. Одним из основных классов слов, в которых лексикализуются пространственные значения, являются демонстративы, указывающие на близкое, далекое и т. п. расположение референта относительно говорящего и/или слушающего, см. [Бюлер 1993; Fillmore 1982, 1997; Anderson, Keenan 1985; Himmelmann 1996; Diessel 1999; Dixon 2003 и др.].

Демонстративы относятся к разным морфосинтаксическим классам слов и используются в различных прагматических функциях. В настоящей статье на материале восточно-сахалинского (вост.-сах.) и амурского (амур.) диалектов обсуждаются грамматические и семантические свойства нивхских демонстративов в экзофорической (дейктической) функции.

1. Типология нивхских демонстративов

Грамматика и семантика нивхских демонстративов может быть проанализирована в соответствии со следующими параметрами, ср. [Hanks 1990, 1992; Diessel 1999]: (i) морфосинтаксические свойства, (ii) тип референта, к которому делается отсылка (объект vs. место), (iii) характеризующие свойства, а именно отсутствие/наличие указания на такие характеристики референта, как качество, размер, количество и определенность/неопределенность положения в пространстве, (iv) другие семантические и прагматические свойства, а именно видимость/невидимость референта, большее/меньшее количество референтов и степень вежливости, (v) дейктические свойства (см. раздел 2). В Таблице 1 представлены характеристики различных демонстративов, которые более подробно рассматриваются в разделах 3–7.

Таблица 1. Типология нивхских демонстративов

Морфосинтаксический класс	Референциальный тип	Характеризующие свойства	Дополнительные семантич. и прагматич. свойства	Дейктическая система
Демонстративные местоимения	объектные	неспециализированные	видимость	множествен. (первичная)
		качествен.	вежливость	бинарная
		параметрич.	—	бинарная (?)
		количеств.	величина	бинарная
	локативные	определенные	—	множествен. (первичная & вторичная)
		неопределенные	—	множествен. (первичная & вторичная)
Демонстративные детерминанты		неспециализированные	видимость	множествен. (первичная)
		качествен.	вежливость	бинарная
		квазидемонстратив	—	—
		качествен.	вежливость	бинарная
Демонстративные глаголы		параметрич.	—	бинарная (?)
		квазидемонстратив	—	—
		качествен.	вежливость	бинарная
Демонстративные наречия		локативные	—	множествен. (первичная)
		качествен.	вежливость	бинарная
Демонстр. частицы		неспециализированные	—	множествен. (первичная)
Демонстративные связки		квазидемонстратив	—	—

В нивхском языке зафиксировано более семидесяти демонстративов, которые по своим морфосинтаксическим свойствам могут быть отнесены к шести классам: (1) местоимения, (2) детерминанты, (3) глаголы, (4) наречия, (5) частицы, (6) связки. Некоторые из этих классов включают так называемые квазидемон-

стративы, которые не употребляются в дейктической функции, а используются только для передачи эндофорических отношений, а именно дискурсной анафоры. В настоящей статье квазидемонстративы не рассматриваются

В плане морфологической структуры многие демонстративы двуморфемны и состоят из дейктического корня и суффикса, который обычно различается у того или иного морфосинтаксического класса.

2. Дейктические свойства демонстративов

В нивхском языке демонстративы образуют дистантно ориентированную систему, дейктическим центром которой является говорящий. Эта система подразделяется на бинарную и множественную системы.

Бинарная дейктическая система характеризуется противопоставлением проксимальной и непроксимальной пространственных зон, см. Схему 1. Различия между этими зонами, с одной стороны, базируются на конкретном расположении референтов относительно говорящего, а, с другой стороны, включают такие факторы, как фокус внимания говорящего, а также физические свойства и персональное восприятие пространства, в котором происходит коммуникация, ср. [Enfield 2003: 83, 91; Levinson 2003: 68].

Схема 1. Начальные согласные демонстративов, кодирующие бинарную дейктическую систему

	проксимальная (зона) <i>t-</i>	непроксимальная (зона) <i>h-</i>
---	--------------------------------------	--

Если проксимальные демонстративы, начинающиеся с согласного *t*, указывают на референт, находящийся вблизи от говорящего, в сфере его действий и внимания, то непроксимальные демонстративы, начинающиеся с согласного *h*, указывают на референт, отдаленный от говорящего и находящийся за пределами зоны его текущего внимания.

Множественная дейктическая система объединяет первичную и вторичную системы.

В основе первичной системы лежит противопоставление пяти радиальных пространственных зон, которые расположены на разном расстоянии от говорящего, см. Схему 2.

Схема 2. Корни демонстративов, кодирующие первичную множественную дейктическую систему

♀	прокси- мальная (зона) <i>tu-</i>)	близ- кая (зона) <i>hu-</i>)	средин- ная (зона) <i>ey-/e-</i>)	отдален- ная (зона) <i>au-/a-</i>)	далекая (зона) <i>aiy-/ai-</i>
---	--	---	--------------------------------------	---	---	---	--	---	--------------------------------------

Периметр каждой из пространственных зон достаточно условен и может меняться в зависимости от речевой ситуации. Более того, как и в случае бинарной системы, существенным оказывается не только конкретное расстояние референта от говорящего, но и различные прагматические факторы.

Проксимальная зона, обозначаемая корнем *tu-*, характеризуется теми же чертами, что и соответствующая зона в бинарной системе, образуя внутренний круг по отношению к говорящему. В пространственном плане проксимальная зона может быть довольно обширной: некоторое закрытое пространство, хотя бы и значительное по размерам, может восприниматься как единая проксимальная зона.

Близкая зона, маркируемая корнем *hu-*, располагается за пределами проксимальной зоны, однако достаточно близко от говорящего — обычно в пределах десяти метров, и вместе с другими зонами образует внешний круг по отношению к говорящему. Близкий демонстратив может быть использован и в непроксимальном смысле, указывая на референт за пределами зоны говорящего. В этом случае говорящий как бы использует бинарную систему внутри множественной системы.

Срединная, отдаленная и далекая зоны образуют внешний круг по отношению не только к говорящему, но и к слушающему. В этом случае дейктический центр концептуализируется как единая область, охватывающая обоих собеседников, ср. [Diessel 1999: 41]. В целом, однако, нивхская множественная дейктическая система не чувствительна к расположению слушающего в пространстве, что в типологическом плане представляет собой редкое явление, поскольку считается, что в системах демонстративов, включающих четыре

или пять терминов, один из демонстративов всегда указывает на референт вблизи от слушающего, ср. [Diessel 2005: 6].

Периметр внешнего круга зависит от физических свойств пространства. В открытом пространстве срединная зона, обозначаемая корнем *ey-/e-*, начинается где-то за пределами десяти метров от говорящего и находится обычно в зоне видимости. Отдаленная зона, передаваемая корнем *au-/a-*, расположена еще дальше и может быть уже плохо видимой, например, скрытой в виднеющемся вдаль лесу. Далекая зона, обозначаемая корнем *aiy-*, располагается на линии горизонта. В закрытом пространстве, например в комнате, все пять демонстративов могут указывать на положение референтов, расположенных на различном расстоянии от говорящего.

Встроенная в первичную вторичная система указывает на противопоставление близкой, срединной и отдаленной зон в пределах каждой первичной зоны. Эти внутренние зоны обозначаются соответственно суффиксами *-s/-kř*, *-ŋa* и *-jo*, см. Схему 3.

Схема 3. Суффиксы демонстративов, кодирующие вторичную множественную дейктическую систему

☿ ...) ...)	близкое (место)	срединное (место)	отдаленное (место)) ...)
определен. (место)	дейктический корень- <i>s</i>	дейктический корень- <i>z-ŋa</i>	дейктический корень- <i>z-ŋa-jo</i>	
неопределен. (место)	дейктический корень- <i>kř</i>	дейктический корень- <i>kr¹-ŋa</i>	дейктический корень- <i>kr-ŋa-jo</i>	

3. Демонстративные местоимения

Демонстративные местоимения изменяются по числам и падежам и могут выступать в функции подлежащего и дополнений, а также определения и именной части предиката. По своим референциальным свойствам этот класс демонстративов подразделяется на два подкласса: (а) объектные местоимения и (б) локативные местоимения.

3.1. Объектные демонстративные местоимения

Референтом данных местоимений является объект (в широком понимании этого термина). Можно выделить четыре группы объ-

¹ Глухой *ř* озвончается под воздействием последующего носового консонанта.

ектных местоимений, различающихся по своим характеризующим свойствам: (i) неспециализированные местоимения, (ii) качественные местоимения, (iii) параметрические местоимения, (iv) количественные местоимения.

3.1.1. *Неспециализированные объектные демонстративные местоимения.* Данные местоимения указывают на объект без какой-либо отсылки к его свойствам. Противопоставление демонстративов, входящих в данный класс, базируется на первичной множественной дейктической системе и на признаке видимость/невидимость референта, как показано в Таблице 2. В амур. диалекте отсутствуют видимые срединные местоимения. Ср. примеры рассматриваемых местоимений *təḏ* ‘это (видимое проксимальное)’ в (1) и *eγd* ‘то (видимое срединное)’ в (2).

Таблица 2. Неспециализированные объектные демонстративные местоимения

вост.-сах. д.	амур. д.	
<i>tu-d, tu-nt, tə-nt²</i>	<i>tə-ḏ</i>	видимый проксимальный (объект)
<i>hu-d, hu-nt, hə-nt</i>	<i>hə-ḏ</i>	видимый близкий (объект)
<i>eγ-d, ehə-d, ehə-nt</i>	—	видимый срединный (объект)
<i>aγ-d, ahu-d, au-d</i>	<i>a-ḏ, ahə-ḏ</i>	видимый отдаленный (объект)
<i>aiγ-d, ai:x-nt</i>	<i>ae:hə-ḏ</i>	видимый далекий (объект)
<i>ku-d, ku-nt</i>	<i>ku-ḏ</i>	невидимый (объект)

(1) *T'i tətḏ—xna-l?*³
ты-[NOM] видим.прокс.об.-[SG-NOM]—красить-INTER
‘Ты это красил?’ (амур.) [Крейнович 1934: 212]

(2) *Eγd ñ-iγm-ve!*
видим.средин.об.-[SG-NOM] 1SG-дать-IMP:2PL
‘Дай мне то!’ (вост.-сах.)

3.1.2. *Качественные объектные демонстративные местоимения.* Эти местоимения указывают на объект и его качества, которые специально не упоминаются, но могут быть понятны из контекста или ситуации. В обоих диалектах используется бинарная

² Здесь и далее приводятся варианты местоимений из различных говоров.

³ В приводимых в статье примерах между морфемами ставится дефис, а между частями полисинтетического комплекса — тире.

дейктическая система, однако только в вост.-сах. диалекте противопоставлены ‘менее вежливые’ и ‘более вежливые’ местоимения, см. Таблицы 3 и 4. Ср. *təmɕid* ‘этакое (по качеству)’ в (3) и *hujrəɕ* ‘такое (по качеству)’ в (4).

Таблица 3. Качественные объектные демонстративные местоимения в вост.-сах. диалекте

<i>təmɕi-d, təmɕi-d</i>	проксимальный по качеству (объект) (менее вежливо)
<i>təmra-d</i>	проксимальный по качеству (объект) (более вежливо)
<i>həmɕi-d, həmɕi-d</i>	непроксимальный по качеству (объект) (менее вежливо)
<i>həmra-d</i>	непроксимальный по качеству (объект) (более вежливо)

Таблица 4. Качественные объектные демонстративные местоимения в амур. диалекте

<i>toɣo-ɕ, toɣa-ɕ, tova-ɕ, tujrə-ɕ</i>	проксимальный по качеству (объект)
<i>hoɣo-ɕ, hoɣa-ɕ, hova-ɕ, hujrə-ɕ</i>	непроксимальный по качеству (объект)

- (3) *Ñi təmɕid—aɣzu-d.*
я-[NOM] кач.прокс.об.-[SG-NOM]—любить-IND-[SG]
‘Мне нравится этакое [платье]’. (вост.-сах.)
- (4) *Hujrəɕ—vo-ɕ*
кач.непрокс.об.-[SG-NOM]—братъ-NML-[NOM]
uiyi-ɕ-ra.
быть.грехом-IND-[SG]-FOC
‘Такое братъ грех’. (амур.) [Панфилов 1965: 244]

3.1.3. *Параметрические объектные демонстративные местоимения.* Данные местоимения указывают на объект и его размер, который говорящий показывает с помощью жестов. В рамках данной группы демонстративов зафиксированы только проксимальные местоимения, см. Таблицу 5. Ср. *tuna/tunak/tunək* ‘этакую (по размеру)’ в (5).

Таблица 5. Параметрические объектные демонстративные местоимения

вост.-сах. д.	амур. д.	
<i>tu-n, tu-nə, tu-na, tu-nək, tu-nak, tu-naŋ, tu-ñira, tu-ñijeq, tu-ñeq, tu-ñijeqnər, tu-ñeqnər, tə-ñivargr</i>	<i>tə-n, tə-ñi, tə-ñin, tə-nda, tə-ñira, tə-ñinda</i>	проксимальный по размеру (объект)

- (5) *Tuna/tunak/tunək—so—xu-d.*
 парам.прокс.об.—рыба-[SG-NOM]—убить-IND-[SG]
 ‘[Я] этакую рыбу поймал’. (вост.-сах.)

3.1.4. Количественные объектные демонстративные местоимения. Эти местоимения указывают на объект и его количество. В обоих диалектах используется бинарная дейктическая система. При этом только в амур. диалекте существуют отдельные демонстративы для указания на меньшее или большее количество референтов, см. Таблицы 6 и 7. Ср. *tuŋs* ‘этакое (по количеству)’ в (6) и *huŋs* ‘такое (по количеству)’ в (7).

Таблица 6. Количественные объектные демонстративные местоимения в вост.-сах. диалекте

<i>tu-ŋs, tu-ŋks, tu-ŋř</i>	проксимальный по количеству (объект)
<i>hu-ŋs, hu-ŋks, hu-ŋř</i>	непроксимальный по количеству (объект)

Таблица 7. Количественные объектные демонстративные местоимения в амур. диалекте

<i>tu-ŋs</i>	проксимальный по небольшому количеству (объект)
<i>tu-ŋrəmk</i>	проксимальный по большому количеству (объект)
<i>hu-ŋs</i>	непроксимальный по небольшому количеству (объект)
<i>hu-ŋrəmk</i>	непроксимальный по большому количеству (объект)

- (6) *Ñi tuŋs—añ*
 я-[NOM] колич.прокс.об.-[NOM]—год-[SG-NOM]
ha-d.
 быть.таким-IND-[SG]
 ‘Мне этакое [количество] лет (говорящий показывает количество лет на пальцах)’. (вост.-сах.)
- (7) *Shkol-dox vi-rot*
 школа-[SG]-DAT go-CONV:TEMP:2SG

huŋs—po-ja.

колич.непрокс.об.-[NOM]—взять-IMP:2SG

‘В школу пойдя, возьми такое [количество книг] (говорящий указывает на книги, находящиеся на некотором удалении от говорящего)’. (амур.) [Панфилов 1962: 245]

3.2. Локативные демонстративные местоимения

Референтом локативных местоимений является место. В обоих диалектах местоимения различаются по признаку определенности/неопределенности. В амур. диалекте используется только первичная множественная система, в которой отсутствует срединный демонстратив, см. Таблицу 9. В вост.-сах. диалекте демонстративы данного подкласса противопоставлены как в рамках первичной, так и вторичной множественной дейктической системы, см. Таблицу 8. Ср. *hu-jn* ‘в том (определенном близком) месте’ в (8) и *aiγz-ux* ‘в том (определенном далеком) месте’ в (9).

(8) *Ñi hu-jn lət-ŋ.*
я-[NOM] опред.близк.место-LOC делать-IND-[SG]
‘Я делал [это] в том месте’. (амур.) [Крейнович 1960: 82]

(9) *Aiγz-ux taf jiv-d-ra.*
опред.далек.место-ABL дом-[SG-NOM] быть-IND-[SG]-FOC
‘В том месте есть дом’. (вост.-сах.)

Таблица 8. Локативные демонстративные местоимения
в вост.-сах. диалекте

Первичная множеств. дейктич. система	Определенность/неопределенность	Вторичная множественная дейктическая система		
		близкое (место)	срединное (место)	отдаленное (место)
проксим. (место)	опред.	<i>tu-s</i>	<i>tu-z-ŋa</i>	<i>tu-z-ŋa-jo</i>
	неопред.	<i>tu-kř</i>	<i>tu-kr-ŋa</i>	<i>tu-kr-ŋa-jo</i>
близкое (место)	опред.	<i>hu-s</i>	<i>hu-z-ŋa</i>	<i>hu-z-ŋa-jo</i>
	неопред.	<i>hu-kř</i>	<i>hu-kr-ŋa</i>	<i>hu-kr-ŋa-jo</i>
срединное (место)	опред.	<i>eγ-s</i>	<i>eγ-z-ŋa</i>	<i>eγ-z-ŋa-jo</i>
	неопред.	<i>e-kř</i>	<i>e-kr-ŋa</i>	<i>e-kr-ŋa-jo</i>
отдален. (место)	опред.	<i>au-s</i>	<i>au-z-ŋa</i>	<i>au-z-ŋa-jo</i>
	неопред.	<i>a-kř</i>	<i>a-kr-ŋa</i>	<i>a-kr-ŋa-jo</i>
далекое (место)	опред.	<i>aiγ-s</i>	<i>aiγ-z-ŋa</i>	<i>aiγ-z-ŋa-jo</i>
	неопред.	[?] <i>ai-kř</i>	[?] <i>ai-kr-ŋa</i>	[?] <i>ai-kr-ŋa-jo</i>

Таблица 9. Локативные демонстративные местоимения в амур. диалекте

Первичная множественная дейктическая система	Определенность/неопределенность	
проксимальное (место)	определенное	<i>tu-r</i>
	неопределенное	<i>tu-kr</i>
близкое (место)	определенное	<i>hu-r</i>
	неопределенное	<i>hu-kr</i>
срединное (место)	определенное	—
	неопределенное	—
отдаленное (место)	определенное	<i>a-r</i>
	неопределенное	<i>a-kr</i>
далекое (место)	определенное	<i>ae:-r</i>
	неопределенное	<i>ʔae:-kr</i>

4. Демонстративные детерминанты

Демонстративные детерминанты выступают только в атрибутивной функции и по своей морфологической структуре сходны с причастиями. В соответствии со своими характеризующими свойствами они делятся на (i) неспециализированные детерминанты и (ii) качественные детерминанты.

4.1. Неспециализированные демонстративные детерминанты

Неспециализированные детерминанты указывают на референт, выраженный именем, которое они определяют. При этом не делается отсылки к каким-либо свойствам референта. Данные демонстративы используют первичную множественную дейктическую систему, а также различаются по признаку видимости/невидимости референта, см. таблицу 10. В амур. диалекте отсутствует видимый срединный детерминант. Ср. *hə* ‘те (видимые близкие)’ в (10) и *auŋ* ‘тот (видимый отдаленный)’ в (11).

Таблица 10. Неспециализированные демонстративные детерминанты

вост.-сах. д.	амур. д.	
<i>tu-ŋ, tə-ŋ</i>	<i>tə</i>	видимый проксимальный
<i>hu-ŋ, hə-ŋ</i>	<i>hə</i>	видимый близкий
<i>eŋ-ŋ</i>	—	видимый срединный
<i>au-ŋ, au-ŋ</i>	<i>a</i>	видимый отдаленный
<i>aiŋ-ŋ</i>	<i>aɛh</i>	видимый далекий
<i>ku-ŋ</i>	<i>ku</i>	невидимый

- (10) *Hə—bitʲə-gu—bo-ve.*
 видим.близк.DET—книга-PL-[NOM]—братъ-IMP:2PL
 ‘Возьмите те книги’. (амур.) [Савельева, Таксами 1970: 436]

- (11) *Auŋ—ñiγvŋ* *hoqlhoql-t.*
 видим.отдал.DET—человек-[SG-NOM] хромать-IND-[SG]
 ‘Тот человек хромает’. (вост.-сах.)

4.2. Качественные демонстративные детерминанты

Качественные детерминанты указывают на качества или свойства референта, которые обычно понятны из контекста или ситуации. В обоих диалектах используется бинарная дейктическая система, см. таблицы 11 и 12. В вост.-сах. диалекте различаются менее вежливые и более вежливые детерминанты, см. таблицу 11. Ср. *tuŋrə* ‘этакая (по качеству)’ в (12) и *həmɕiŋ* ‘такой (по качеству)’ в (13).

Таблица 11. Качественные демонстративные детерминанты
 в вост.-сах. диалекте

<i>təmɕi-ŋ, təmɕi-ŋ</i>	проксимальный по качеству (менее вежливо)
<i>təmra-ŋ</i>	проксимальный по качеству (более вежливо)
<i>həmɕi-ŋ, həmɕi-ŋ</i>	непроксимальный по качеству (менее вежливо)
<i>həmra-ŋ</i>	непроксимальный по качеству (более вежливо)

Таблица 12. Качественные демонстративные детерминанты
 в амур. диалекте

<i>toɣo, toɣa, toka, tuŋrə</i>	проксимальный по качеству
<i>hoɣo, hoɣa, hova, huŋrə</i>	непроксимальный по качеству

- (12) *Ñi tuŋrə—bos—ɕ'mo-ɕ.*
 я-[NOM] кач.прокс.DET—ткань-[SG-NOM]—любить-IND-[SG]
 ‘Мне нравится этакая ткань’. (амур.) [Панфилов 1962: 244]
- (13) *Ñi həmɕiŋ—daf—aγñi-d.*
 я-[NOM] кач.непрокс.DET—дом-[SG-NOM]—хотеть-IND-[SG]
 ‘Я хочу такой дом’. (вост.-сах.)

5. Демонстративные глаголы

Демонстративные глаголы обладают основными глагольными свойствами, изменяясь по временам и факультативно по числам,

и по своим характеризующим свойствам подразделяются на два подкласса: (i) качественные глаголы и (ii) параметрический глагол.

5.1. Качественные демонстративные глаголы

Как и другие качественные демонстративы, глаголы указывают на некоторые контекстно или ситуативно заданные свойства или качества референта и используют бинарную дейктическую систему, см. Таблицы 13 и 14. В вост.-сах. диалекте релевантным оказывается также признак вежливости, см. Таблицу 13. Ср. *toya-nə-ǵ* ‘будет таким (по качеству)’ в (14) и *hoya-nə-ǵ* ‘будет таким (по качеству)’ в (15).

Таблица 13. Качественные демонстративные глаголы
в вост.-сах. диалекте

<i>təmǵi-d, təmǵi-d</i>	быть проксимальным по качеству (менее вежливо)
<i>təmra-d</i>	быть проксимальным по качеству (более вежливо)
<i>həmǵi-d, həmǵi-d</i>	быть непроксимальным по качеству (менее вежливо)
<i>həmra-d</i>	быть непроксимальным по качеству (более вежливо)

Таблица 14. Качественные демонстративные глаголы в амур. диалекте

<i>toyo-ǵ, toya-ǵ, toqa-ǵ, tuǵrə-ǵ</i>	быть проксимальным по качеству
<i>hoyo-ǵ, hoya-ǵ, hova-ǵ, huǵrə-ǵ</i>	быть непроксимальным по качеству

(14) *Təf* *toya-nə-ǵ.*
дом-[SG-NOM] кач.прокс.-FUT-IND-[SG]
‘Дом будет таким’. (амур.) [Отаина 1978: 16]

(15) *Təf* *hoya-nə-ǵ.*
дом-[SG-NOM] кач.непрокс.-FUT-IND-[SG]
‘Дом будет таким’. (амур.) [Отаина 1978: 16]

5.2. Параметрический демонстративный глагол

В нивхских материалах зафиксирован только один параметрический глагол, указывающий на размеры референта, см. Таблицу 15. Ср. *tuna-d-lu* ‘этакую (по размеру) (букв. будучи этакой (по размеру))’.

Таблица 15. Параметрический демонстративный глагол
в вост.-сах. диалекте

<i>tuna-d</i>	быть проксимальным по размеру
---------------	-------------------------------

- (16) *T'i*
ты-[NOM]
t'ana—gi—xiz-d-ara?
какой—обувь-[SG-NOM]—носить-IND-[SG]-INTER:DEF
Tuna-d-lu? *Tuna-d-lu?*
парам.прокс.-IND-[SG]-INTER парам.прокс.-IND-[SG]-INTER
'Обувь какого размера ты носишь? Этакую? [Или] этакую?'
(вост.-сах.)

6. Демонстративные наречия

Демонстративные наречия выступают в функции обстоятельств и по своим характеризующим свойствам делятся на два подкласса: (i) качественные наречия и (ii) локативные наречия.

6.1. Качественные демонстративные наречия

Качественные наречия представляют собой застывшие деепричастные формы, образованные от соответствующих качественных демонстративных глаголов, и функционируют как обстоятельства образа действия. В обоих диалектах наречия противопоставлены в рамках бинарной дейктической системы, см. Таблицы 16 и 17. В вост.-сах. диалекте, кроме того, классифицирующим признаком является вежливость/невежливость, см. Таблицу 16. Ср. *togur* 'этак (по качеству)' в (17) и *hɔŋgur* 'так (по качеству)' в (18).

Таблица 16. Качественные демонстративные наречия
в вост.-сах. диалекте

<i>təmɖi-ř/təmɖi-t/təmɖi-n,</i> <i>təmɖi-guř/təmɖi-gut/təmɖi-gun</i>	проксимально по качеству (менее вежливо)
<i>təmra-ř/təmra-t/təmra-n</i>	проксимально по качеству (более вежливо)
<i>həmɖi-ř/həmɖi-t/həmɖi-n</i> <i>həmɖi-guř/həmɖi-gut/həmɖi-gun</i>	непроксимально по качеству (менее вежливо)
<i>həmra-ř/həmra-t/həmra-n</i>	непроксимально по качеству (более вежливо)

Таблица 17. Качественные демонстративные наречия в амур. диалекте

<i>to(ŋ)-gur/to(ŋ)-gut, toŋa-gur/toŋa-gut</i>	проксимально по качеству
<i>ho(ŋ)-gur/ho(ŋ)-gut</i>	непроксимально по качеству

- (17) *Togur* *k'erqos—po-ja!*
 кач.прокс.ADV:2SG удочка-[SG-NOM]—братъ-IMP:2SG
 'Этак удочку держи!' (амур.) [Савельева, Таксами 1970: 356]
- (18) ... *jar* *hoŋgur*
 почему:2SG кач.прокс.непрокс.ADV:2SG
nə-ŋa?
 делать-IND-[SG]-INTER:INDEF
 '... почему так делаешь?' (амур.) [Панфилов 1965: 230]

6.2. Локативные демонстративные наречия

Локативные наречия употребляются, по-видимому, только в вост.-сах. диалекте. Они выступают в функции обстоятельств места и используют первичную множественную систему, см. Таблицу 18. Ср. *tunx* 'здесь (проксимально)' в (19) и *aunx* 'там (отдаленно)' в (20).

Таблица 18. Локативные демонстративные наречия в вост.-сах. диалекте

<i>tu-nx</i>	проксимально
<i>hu-nx</i>	близко
<i>eŋ-nix, eŋ-nx</i>	срединно
<i>au-nx</i>	отдаленно
<i>aiŋ-nix</i>	далеко

- (19) *Ñi tunx k'eq—nřə-d.*
 я-[NOM] лок.прокс.ADV лиса-[SG-NOM]—видеть-IND-[SG]
 'Я видел здесь лису'. (вост.-сах.) [Крейнович 1986: 162]
- (20) *Aunx nařŋŋ qavr-ŋar-d.*
 лок.отдал.ADV никто-[SG-NOM] NEG-COMPL-IND-[SG]
 'Там никого нет'. (вост.-сах.)

7. Демонстративные частицы

Демонстративные частицы могут либо начинать, либо завершать предложение. Для них, очевидно, характерна первичная

множественная дейктическая система, хотя в материалах вост.-сах. диалекта встретилось только три типа частиц, см. Таблицу 19, а в материалах амур. диалекта — четыре, см. Таблицу 20. Ср. *hoññi* ‘вон (близко)’ в (21) и *eγñi* ‘вон (срединно)’ в (22).

Таблица 19. Демонстративные частицы в вост.-сах. диалекте

<i>tə-ñeq, tə-ñira</i>	проксимальная
<i>hə-ñeq</i>	близкая
<i>eγ-ñi, eγ-ñeq</i>	срединная

Таблица 20. Демонстративные частицы в амур. диалекте

<i>to-ñi, to-ññi, tə-ññi, tə-ñin, to-nda</i>	проксимальная
<i>ho-ññi, hə-ññi, ho-nda</i>	близкая
—	срединная
<i>a-ñi, a-ññi, ahə-ññi, a-nənda</i>	отдаленная
<i>aəhə-ññi</i>	далекая

- (21) *Hoññi* *umumz—ñivx*
 близк.PTL быть.храбрым:PTC—человек-[SG-NOM]
təγivuv-d.
 войти-IND-[SG]
 ‘Вон храбрый человек пришел’. (амур.) [Панфилов 1962: 246]
- (22) *ʔ'-eγlɟ* *t'añi ha-ra?*
 2SG-ребенок-[SG-NOM] где так.делать-COORD:3SG
Eγñi *ha-ra.*
 средин.PTL так.делать-COORD:3SG
 ‘Где твой ребенок? — Вон [он]’. (вост.-сах.)

8. Заключение

Подводя итог, отметим, что в нивхском языке функционирует типологически редкая дейктическая система, в которой дейктические и характеризующие свойства демонстративов оказываются сбалансированными следующим образом. Если при указании на какой-либо референт говорящий хочет одновременно указать на какие-либо его свойства, он использует один из специализированных демонстративов, а именно: качественный, параметрический или количественный. Для этих демонстративов характерна бинарная дейктическая система, которая дает самое общее представление о

расположении референта относительно говорящего. В том случае, если при указании на референт его свойства являются, с точки зрения говорящего, иррелевантными, используется один из неспециализированных демонстративов, которым присуща первичная множественная дейктическая система, гораздо более точно определяющая положение референта относительно говорящего. Очевидно, что информация о пространственном расположении референта оказывается наиболее существенной тогда, когда этим референтом является место, т. е. в случае локативных демонстративных местоимений. В рамках этого класса демонстративов действует как первичная, так и вторичная множественная дейктическая система. Обе эти системы в совокупности позволяют наиболее точно указать на местонахождение референта.

Список условных сокращений

1SG — 1 лицо единственное число; 2PL — 2 лицо множественное число; 2SG — 2 лицо единственное число; 3SG — 3 лицо единственное число; ABL — аблатив; ADV — наречие; COMPL — комплетив; CONV — деепричастие; COORD — однородный; DAT — датив; DEF — определенный; FOC — фокус; FUT — будущее время; IDENT — идентификатор; IMP — императив; IND — индикатив; INDEF — неопределенный; INTER — вопросительный; LOC — локатив; NEG — отрицание; NML — номинализатор; PL — множественное число; PTL — частица; TEMP — временной.

Литература

- Бюлер 1993 — К. Бюлер. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993.
- Крейнович 1934 — Е. А. Крейнович. Нивхский (гиляцкий) язык // Е. А. Крейнович (ред.). Языки и письменность народов Севера. Том III. Языки и письменность палеоазиатских народов. Л.: Институт Народов Севера, Учпедгиз, 1934. С. 181–222.
- Крейнович 1960 — Е. А. Крейнович. Выражение пространственной ориентации в нивхском языке (К истории ориентации в пространстве) // Вопросы языкознания 9 (1), 1960. С. 78–89.
- Крейнович 1986 — Е. А. Крейнович. Об именах пространственной ориентации в нивхском языке // П. Я. Скорик (ред.). Палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1986. С. 157–167.
- Отаина 1978 — Г. А. Отаина. Качественные глаголы в нивхском языке. М.: Наука, 1978.

- Панфилов 1962 — В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка 1. М., Л.: Наука, 1962.
- Панфилов 1965 — В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка 2. М., Л.: Наука, 1965.
- Савельева, Таксами 1970 — В. Н. Савельева, Ч. М. Таксами. Нивхско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970.
- Anderson, Keenan 1985 — S. R. Anderson, E. L. Keenan. Deixis // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 259–308.
- Beffa 1982 — M.-L. Beffa. L'organisation de l'espace et son parcours // Études mongoles et sibériennes 13, 1982. P. 117–137.
- Diessel 1999 — H. Diessel. Demonstratives: Form, function, and grammaticalization. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1999.
- Diessel 2005 — H. Diessel. Distance contrasts in demonstratives // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). World Atlas of Language Structures. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 170–173.
- Dixon 2003 — R. M. W. Dixon. Demonstratives: A cross-linguistic typology // Studies in Language 27 (1), 2003. P. 61–112.
- Enfield 2003 — N. J. Enfield. Demonstratives in space and interaction: Data from Lao speakers and implications for semantic analysis // Language 79 (1), 2003. P. 82–117.
- Fillmore 1982 — Ch. J. Fillmore. Towards a descriptive framework for spatial deixis // R. J. Jarvella, W. Klein (eds.). Speech, place, and action: Studies in deixis and related topics. Chichester: John Wiley, 1982. P. 31–59.
- Fillmore 1997 — Ch. J. Fillmore. Lectures on Deixis. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Gruzdeva 2006 — E. Gruzdeva. 'How far from *origo*?' or what the distance means for Nivkh demonstrative reference // M. Suominen et al. (eds.). A Man of Measure. *Festschrift in Honour of Fred Karlsson on his 60th Birthday*. Special Supplement to SKY Journal of Linguistics 19, 2006. P. 190–199.
- Gruzdeva 2008 — E. Gruzdeva. How to orient oneself on Sakhalin: A guide to Nivkh locational terms // A. Lubotsky et al. (eds.). Evidence and Counter-Evidence. Linguistic Essays in honour of Frederik Kortlandt. Volume 2: General Linguistics, Amsterdam-New York: Rodopi, 2008. P. 169–189.
- Hanks 1990 — W. F. Hanks. Referential practice: Language and lived space among the Maya. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1990.
- Hanks 1992 — W. F. Hanks. The indexical ground of deictic reference // A. Duranti, Ch. Goodwin (eds.). Rethinking context: Language as an

- interactive phenomenon. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 43–76.
- Himmelman 1996 — N. Himmelman. Demonstratives in narrative discourse: A taxonomy of universal uses // B. Fox (ed.). *Studies in Anaphora*. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 206–254.
- Levinson 2003 — S. C. Levinson. *Space in language and condition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Е. А. Крюкова

ТГПУ, Томск

КАК ИЗМЕНЯЮТСЯ ТРАДИЦИОННО НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ¹

1. Введение

Языкам енисейской семьи — кетскому, югскому и коттскому, материалы по которым собраны в таком объеме, чтобы по ним можно было проводить лингвистические исследования, — присуще неразделение атрибутов в широком смысле (приименных и приглагольных определителей) на два традиционных класса: прилагательные и наречия.

В статье на материале енисейских языков рассматривается группа приглагольных слов-определителей (далее СО), которые, в отличие от традиционно выделяемых неизменяемых наречий в индоевропейских языках, могут употребляться в предикативной функции и маркироваться при этом специальными аффиксами, указывающими на род/класс, лицо и число определяемого слова.

2. Предикативная парадигма слов-определителей в енисейских языках

2.1. Класс слов-определителей

В наших исследованиях мы рассматриваем приименные и приглагольные атрибуты как единый класс слов-определителей, который отличается от других классов слов по своим функциональным признакам, выступая в качестве атрибута в широком смысле, и морфологическим признакам, оставаясь неизменяемыми в этой функции (см. подробнее [Крюкова 2005]).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Исследование проблем контактного взаимодействия автохтонных языков и культур Западной Сибири в условиях языковой ассимиляции с использованием электронной мультимедийной базы данных по исчезающим языкам Сибири», проект № 11-06-00371-а.

Внутри класса СО можно выделить три базовые семантические группы: это темпоративы — слова-определители с временным значением, локативы — слова-определители с пространственным значением и квалитативы — слова-определители с качественным значением. Рассмотрим примеры.

В кетском примере (1) качественное СО *hən'a* ‘маленький’ выступает в функции приименного атрибута, занимая позицию перед определяемым словом и оставаясь морфологически неизменяемым.

- (1) *aq-na* *inbal'ga* *hən'a* *ke't*
деревья\PL-POSS.PL между маленький/маленько человек
d-a-t-o-lon
1SG.SBJ-3SG.M.OBJ-TN-PST-видеть
‘Между деревьями я маленького человека видела’.
[Полевые записи 2006]²

В примере (2) этот же кетский квалитатив *hən'a* ‘маленький’ выступает в качестве приглагольного определителя в позиции перед определяемым словом.

- (2) <...> ол *h'ne* *mäi'uYa* <...>
śə'j' *hən'a* *t-a-j-ga'*
снаружи маленький/маленько ТН-PRS-EP-ходить
‘<...> снаружи немного похожу’ [CHCC 1972: 39]

Такие же функциональные характеристики наблюдаются у квалитативов в югском языке.

Югский пример (3) демонстрирует употребление слова-определителя с пространственным значением *χotkej* ‘впереди’ в функции приименного атрибута.

² Полевые записи автора данной статьи.

³ Перевод записи из кириллицы в транскрипцию IPA и поморфемное членение всех примеров сделаны автором данной статьи.

- (3) *χotkej* *atóu*
 вперед/передний угол
d-εs-a-g-a-b-daχ.
 1SG-вверх-3SG.M.OBJ-EP-PRS-INT-бросать
 ‘В передний угол чума брошу я его’. [Werner 1997с: 259]

В примере (4) то же СО с пространственным значением функционирует как приглагольный определитель.

- (4) *χotkej*
 вперед/передний
da-ejs-k-ɔ-b-in-daχ.
 3SG.F.SBJ-вверх-ТН-PST-3INAN.OBJ-PST-бросать
 ‘Вперед бросила’. [Werner 1997с: 347]

В предложениях (3), (4) СО находится в препозиции по отношению к определяемому слову и морфологически никак не маркируется. Подобные примеры со словами-определителями с пространственным значением можно найти и в кетском языке.

2.2. Предикативные суффиксы слов-определителей

Часть слов-определителей, а именно — больша́я группа квали- тативов и небольшая группа локативов, может выполнять еще одну — предикативную функцию, которая является, таким образом, вторичной по отношению к атрибутивной.

Следующие качественные СО способны выполнять предика- тивную функцию:

кет. *hàt* ‘густой, тесный/тесно’, *his(a)* ‘кривой/криво’, *kəʔn* ‘свет- лый/светло’, *Pamtaŋ* ‘сломанный, рваный/вдребезги’, *anun* ‘умный/ умно’, *aliŋ* ‘быстрый/сильно/очень’, *aruŋ/adeŋ* ‘сильный/ сильно/ очень’, *aqta* ‘хороший/хорошо/очень’, *qà* ‘большой/очень’, *həŋʹa* ‘маленький/немного’, *alo, aloto* ‘просторный/просторно’, *anuntu* ‘ум- ный/умно’ и т. д.;

юг. *ε^h:t* ‘спокойный/спокойно’, *ɔ^h:n* ‘много’, *χeilʹ* ‘широкий/ широко’, *χegit* ‘дорогой/дорого’, *χūk* ‘тихий/тихо’, *sʹáə* ‘тяжелый/ тяжело’, *lɔcɔuŋ* ‘грязный/грязно’ и т. д.;

котт. *t^hui* ‘легкий/легко’, *p^hal* ‘теплый/тепло’, *čal* ‘холодный/хо- лодно’, *kasak/kasax* ‘здоровый/здорово’, *koaš* ‘красивый/красиво’, *fača* ‘большой/очень’, *kišla* ‘маленький/маленько’, *hama* ‘хороший/ хорошо’ и т. д.

Следующие пространственные СО способны выполнять предикативную функцию:

кет. *kis'έη* 'здесь/здешний', *oηta* 'сзади/задний', *bil'* 'далеко/далекий', *qasέη* 'там/тамошний', *tus'έη* 'тут/тутошний', *qā* 'дома/домашний', *sōη/su:η* 'там/тамошний';

юг. *χār* 'дома/домашний', *bi^h:r* 'далеко/далекий', *kadagej* 'там/тамошний', *kidagej* 'здесь/здешний', *tudagej* 'тут/тутошний';

котт. *pil* 'далеко/далекий', *ini* 'здесь/здешний', *uni* 'там/тамошний', *hučareaj* 'дома/домашний'.

Слова-определители, способные употребляться в предикативной функции, получают специальные аффиксы, указывающие род/класс, лицо и число определяемого слова.

Предикативные аффиксы, которыми оформляются енисейские СО, полностью или частично совпадают с личными показателями глаголов (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Личные показатели глаголов и предикативные аффиксы СО в енисейских языках

	Кетский		Югский		Коттский	
	лич. показат.	пред. афф.	лич. показат.	пред. афф.	лич. показат.	пред. афф.
1 л. ед. ч.	di-	-di	di-	-di [?]	-aη	-taη
2 л. ед. ч.	ku-	-ku	ku-	-ku [?]	-u	-u
3 л. м.р. ед. ч.	du-	-du	du-	-du [?]	∅	-tu
3 л. ж.р. ед. ч.	da-	-da	dλ-	-da [?]	∅	-ta
3л. неодуш. (ед. и мн. ч.)	dλ-	-am	dλ-	-ε [?]	∅	-a
1 л. мн. ч.	di- ... -n	-daη	di- ... -n	-dλη	-toη	-toη
2 л. мн. ч.	ku- ... -n	-kaη	ku- ... -n	-kλη	-oη	-oη
3л. мн. ч.	du- ... -n	-aη	du- ... -n	-eη	∅	-aη

Личные показатели глаголов ряда [*di-*, *du-*] в кетском языке занимают крайнюю левую позицию в структуре финитной слово-

формы, являясь, таким образом, префиксами [Werner 1997a: 154]. Аффиксы СО в предикативной функции, напротив, замыкают словоформу и являются суффиксами [Werner 1997a: 305].

Как видно из Таблицы 1, личные показатели глаголов и предикативные аффиксы в кетском языке по форме совпадают в единственном числе. Исключение составляют аффиксы для неодушевленных лиц, которые имеют одни и те же формы для единственного и множественного числа.

Личные показатели глаголов не способны выражать значение множественного числа, оно передается суффиксально с помощью показателя *-n*, замыкающего словоформу. В отличие от них предикативные аффиксы СО в кетском языке выражают синкретически значения лица, класса и числа.

Примеры предикативных парадигм локатива *kis'éŋ* 'здесь' и глагольная парадигма глагола *ta:l* 'мерзнуть' ряда [*di-*, *du-*] в кетском языке подтверждают сказанное выше:

1 л. ед. ч.	<i>kis'éŋ-di</i> 'Я здесь'.	<i>di-ta:l</i> 'Я мерзну'.	<i>d-on-ta:l</i> 'Я замерз'.
2 л. ед. ч.	<i>kis'éŋ-ku</i> 'Ты здесь'.	<i>ku-ta:l</i> 'Ты мерзнешь'.	<i>k-on-ta:l</i> 'Ты замерз'.
3 л. м.р.	<i>kis'éŋ-du</i> 'Он здесь'.	<i>du-ta:l</i> 'Он мерзнет'.	<i>d-on-ta:l</i> 'Он замерз'.
3 л. ж.р.	<i>kis'éŋ-da</i> 'Она здесь'.	<i>da-ta:l</i> 'Она мерзнет'.	<i>da-on-ta:l</i> 'Она замерзла'.
3л. ед. и мн. ч.	<i>kis'éŋ-am</i> 'Это здесь'.		
неодуш.			
1 л. мн.ч	<i>kis'éŋ-dan</i> 'Мы здесь'.	<i>di-ta:l:[iŋ]-in</i> 'Мы мерзнем'.	<i>d-on-ta:l:[iŋ]-in</i> 'Мы замерзли'.
2 л. мн.ч	<i>kis'éŋ-gan</i> 'Вы здесь'.	<i>ku-ta:l:[iŋ]-in</i> 'Вы мерзнете'.	<i>k-on-ta:l:[iŋ]-in</i> 'Вы замерзли'.
3 л. мн.ч	<i>kis'éŋ-an</i> (одуш.) 'Они здесь'.	<i>du-ta:l:[iŋ]-in</i> 'Они мерзнут'.	<i>d-on-ta:l:[iŋ]-in</i> 'Они замерзли'.
		<i>in-ta:l!</i> 'Замерзай!'	
		<i>in-ta:l:[iŋ]in!</i> 'Замерзайте!'	

Сравнив парадигмы, можно еще отметить, что в предикативных словоформах СО не маркируется категория времени в

отличие от глагольных словоформ, где прошедшее время выражается суффиксом *-(o)n*.

Предикативные аффиксы и личные показатели глаголов в кетском языке в основном совпадают с югскими (Таблица 1).

Примеры ниже демонстрируют положение в югской словоформе предикативных аффиксов (5), (6) и личных показателей глагола (7), (8) в первом лице единственного и множественного числа.

(5) *at* $\chi\epsilon^h$:-*di*
1SG большой-1SG
'Я большой'. [Werner 1997c: 209].

(6) *ɛ̄tn* $\chi\epsilon^h$:-*dɬ^h:ŋ*
1PL большой-1PL
'Мы большие'. [Werner 1997c: 209].

(7) *dʃ[j]-tə:r* (8) *dʃ[j]-tɬriŋ-in*
1-стынуть 1-стынуть-PL
'Я стыну'. 'Мы стынем'.

Различие в кетских и югских предикативных формах наблюдается только в третьем лице единственного числа для неодушевленных существительных, в котором кетские СО получают суффикс *-am*, а югские — суффикс *-ε²* (Таблица 1).

Коттский язык отличается от кетского и югского тем, что и личные показатели глагола, и предикативные аффиксы СО замыкают словоформу, т. е. являются суффиксами.

Интересно отметить наличие нулевого глагольного показателя в третьем лице единственного и множественного числа, что также противопоставляет коттский язык кетскому и югскому.

Сопоставим употребление личных показателей в составе слов-определителей (9), (10) и глагольных словоформ (11), (12) в коттском языке:

(9) *hama:-taŋ* (10) *hama:-toŋ*
хороший-1SG хороший-1PL
'Я хороший'. 'Мы хорошие'. [Werner 1997b: 142]

(11) <i>ajaŋa:k-ŋ</i>
играть-1SG
'Я играю'. | (12) <i>ajaŋa:k-an-toŋ</i>
играть-PL-1PL
'Мы играем'. |
|---|---|

[Werner 1997b: 98]

Примеры (9)–(12) иллюстрируют одинаковое расположение личных показателей глаголов и предикативных аффиксов СО в коттских словоформах. Положение показателя множественного числа в коттском глаголе перед личным показателем, который замыкает словоформу, является еще одним коренным отличием, противопоставляющим коттский язык кетскому и югскому.

Таким образом, во всех трех языках предикативные суффиксы в целом совпадают, различаясь лишь в первом лице единственного числа, где кетская и югская формы [-*di*] и [-*di*^ʔ] противопоставлены коттской форме [-*taŋ*].

Коттская глагольная парадигма выделяется наличием нулевых показателей в третьем лице единственного и множественного числа, однако в парадигме СО предикативные суффиксы в этих же формах (3 л. ед. и мн. ч.) формально выражаются.

Интересно также отметить наличие консонанта в предикативном суффиксе (3 л. неодуш. ед. ч. и мн. ч.) в кетском языке и его отсутствие в соответствующих формах в югском и коттском языках. Для всех трех языков, как очевидно из Таблицы 1, характерно отсутствие маркировки множественного числа в предикативных формах 3-го лица имен неодушевленного класса.

Позиция личных показателей в глагольных словоформах кетского и югского языков отличается от их позиции в коттском языке. Однако личные показатели в предикативных словоформах СО занимают одинаковую крайнюю правую позицию во всех трех языках и синкретически выражают грамматическое значение лица, рода/класса и числа.

3. Употребление слов-определителей в предикативной функции

Порядок слов в предикативной синтагме отличается особенной жесткостью: слова-определители в этой функции всегда стоят после слова, с которым они согласуются. Анализ языкового материала показал, что отклонений от этой нормы не наблюдается.

Отсутствие текстов по коттскому языку не позволяет показать употребление СО в предикативной функции даже в минимальных контекстах.

Далее в статье исследование опирается в большей мере на материалы по кетскому и в меньшем объеме по югскому языку.

Частотность употребления предикативных форм слов-определителей невысокая. Тем не менее, указанные формы встречаются как в текстах, записанных в середине XX века А. П. Дульзоном и его учениками, так и в текстах, записанных в наши дни в местах проживания кетского населения.

Можно выделить некоторые типичные синтаксические конструкции, в которых употребляются предикативные формы.

Они встречаются в диалогической речи в кетских текстах, записанных в середине прошлого века (13):

- (13) <...> *de bis'ep dat'pi:* “акъс’ ?е:тууу?” <...> “?едди”
de bis'ep
3SG.M.POSS брат
d-a-t-'p-i:
3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ-TN-3INAN.OBJ-спрашивать
aksⁱ etu-yu? ed-di
что живой-2SG живой-1SG
‘<...> брат его спрашивает: «Ты чего, живой?» <...> «Я жив».
[Дульзон 1962: 150]

Предикативные формы в диалогах встречаются в югском языке (14):

- (14) *tuda bir-ε[?] - bān' bir-ε[?]*
DEM.3INAN далекий-3INAN NEG далекий-3INAN
‘Это далеко? — Недалеко’. [Werner 2002(1): 125]

В экспедициях последних лет тоже зафиксированы предикативные формы слов-определителей в собранных кетских текстах (15):

- (15) *ūk hi[?]p biseŋ-du?— qā-ru.*
2SG.POSS сын где-3SG.M дома-3SG.M
‘Твой сын где? — Дома’. [Полевые записи 2004]

Вопросительное слово *biseŋ* ‘где’ в кетской диалогической речи тоже оформляется предикативным аффиксом (15), (16):

- (16) *ūk bis'eq-gu? — āt kis'eq di'ged-as'!*
 2SG где-2SG 1SG здесь дети\PL-COM
 'Ты где? — Я здесь с детьми!' [Полевые записи 2010]

В примере (16) СО *kis'eq* 'здесь' не занимает крайнюю правую позицию в синтагме и не маркируется предикативным суффиксом.

Если СО *kis'eq* 'здесь' занимает крайнюю правую позицию в синтагме, то оно обязательно маркируется предикативным суффиксом, как в (17).

- (17) *āt buŋ-naŋa bat d-es^j-ol-ij:*
 1SG 3SG-DAT.PL.AN PART 1SG-кричать-PST-STEM
āt kis'eq-di, in-us-in əye!
 1SG здесь-1SG IMP-прийти-PL сюда
 'Я им кричу: «Я тут, идите сюда!»' [Полевые записи 2010]

Предикативные конструкции со словами-определителями были зафиксированы в кетских предложениях с существительным в исходном падеже для выражения значения сравнительной степени (18).

- (18) *ад укиль ке:ри.*
ād uk-il qa-ri
 1SG 2SG-ABL большой-1SG
 'Я тебя старше'. [Бибикова 1971: 136]

В конструкции для выражения значения превосходной степени со словом кет. *bi'da*, юг. *bilda* 'все' в исходном падеже СО тоже оформлено предикативным аффиксом, как в югском примере (19).

- (19) *кид окси былъданаңар тыңалду.*
kid oksi bi'da-naŋar tiŋal-du
 DEM.M дерево все-ABL высокий-3SG.M⁴
 'Это дерево выше всех'. [Бибикова 1971: 137]

В текстах, записанных в последние годы, подобные конструкции с выражением сравнительной и превосходной степени не были отмечены.

Другие примеры использования предикативных форм слов-определителей в кетском (20) и югском предложениях (21):

⁴ Живое, растущее дерево относится в енисейских языках к мужскому классу.

- (20) *тибдь ду? бе?к бил'ам.*
tip-da dūy be?k bil'-am
 собака-POSS.М голос всё далекий-3INAN
 'Собачий лай все далеко'. [КФТ 2001: 24]⁵

- (21) *da-χem-in χaf-eŋ*
 POSS.М-жена-PL дома-3PL
 'Его жены — дома'. [Werner 1997с: 279]

На современном этапе предикативные формы слов-определителей с локативным и качественным значением опознаются носителями кетского языка.

В современных текстах на кетском языке такие предикативные формы хоть и с низкой частотностью, но встречаются в речи информантов разных говоров во всех диалектах (15)–(17).

Все информанты, работа с которыми проводилась в экспедициях, употребляют предикативные формы слов-определителей; наиболее частотные из них — *aqta-m* (хороший-3INAN) 'хорошо' (22), *bil'am* (далекий-3INAN) 'далеко'.

- (22) *ab ab qip bere kəmal*
 1SG.POSS 1SG.POSS дед 3SG.М.говорить там
aqte-m aqte-m
 хороший-3INAN хороший-3INAN
 'Мой дед говорит: Хорошо там в лесу'⁶.
 [Казакевич et al. 2008: 285]

В кетских текстах, собранных в первое десятилетие XXI века, встречаются и другие СО в предикативной функции (23), (24).

- (23) *s'ə:-ru, halerski, jele, jele*
 тяжелый-3SG.М холера еле, еле
d-ogd-a-v-il-tan
 1SG.SBJ-вдоль-3SG.OBJ.М-EP-PST-тянуть
 'Тяжелая она (росомаха⁷), холера, еле доташил⁸'.
 [Гришина 2003: 190]

⁵ Текст был записан в 1972 году.

⁶ Сохранен перевод источника.

⁷ В тексте речь идет о росомахе-самце.

⁸ Сохранен перевод источника.

- (24) *dilʔget toʔ-an-t-o-v-ilʔ-tet* <дай Бог> *teʔ eti-aŋ*
 дети\PL палец-PL-ТН-РСТ-ЕР-РСТ-бить ну живой-3PL
 ‘Детей пощупала, дай Бог, ну живые’.

[Полевые записи 2010]

Слова, заимствованные из русского языка, при употреблении в предикативной функции по аналогии с другими СО оформляются кетскими предикативными аффиксами (25).

- (25) *eʔ, ugde-raʔ, tiŋal-de, kisʔ-aŋ hitl*
 да длинный-3SG.F высокий-3SG.F нога-PL внизу
bən-saŋ taŋa kruklaj-de
 NEG-NMZ только круглый-3SG.F

‘Да, длинное, высокое. Ног внизу нет, только круглое’.

[Полевые записи 2010]

Для сравнения обратимся к материалам языков, в окружении которых находится кетский язык.

В енисейских языках исследование проводилось по смешанному классу ‘прилагательное+наречие’, поэтому по другим языкам отслеживалось наличие или отсутствие предикативных форм как у прилагательных, так и у наречий.

В южных диалектах селькупского языка и прилагательные, и наречия представляют собой неизменяемый класс слов [Беккер и др. 1995: 68, 154].

В тазовском диалекте селькупского языка прилагательные не могут употребляться в предикативной функции без глагола *ēqo* ‘быть’, *esyqo* ‘стать’ или глаголов, содержащих формы *ε-*, *esy-* (26).

- (26) *Na qur pirqy ēŋa (pyrqēŋa).*

DEM человек высокий быть\PRS.3SG

‘Этот человек высок’.

[Кузнецова et al. 1980: 266]

Что касается наречий в тазовском диалекте селькупского языка, то они являются неизменяемыми [Кузнецова и др. 1980: 280].

В восточных диалектах хантыйского языка для выражения предикативной функции качественных определителей используется специальный суффикс, однако хантыйский предикативный аффикс

⁹ Речь идет об аллале — покровителе, хранителе очага: это слово относится к женскому классу.

-*aki* маркирует все формы независимо от рода, лица и числа слова, с которым оно употребляется (27) vs. (28).

(27) *juγ jəm-aki*
3SG хороший-PRD
'Он/она хороший/ая'. [Kryukova et al. 2006: 28]

(28) *tʃəkə jəm-aki*
очень хороший-PRD
'Это очень хорошо'. [Filchenko 2010: 177]

В чулымско-тюркском языке предикативное употребление имеется только у субстантивов (29).

(29) *aq qan kyz-ы-män*
белый хан дочь-3SG.POSS-1SG
'Я белого хана дочь'. [Лемская 2010].

В чулымско-тюркском есть также небольшая группа прилагательных, которые могут употребляться в предикативной функции, принимая в этом случае показатели лица и числа.

Следует отметить, что в отличие от тюркских языков кетские имена существительные и субстантивированные части речи не способны принимать предикативные аффиксы.

4. Заключение

Слова-определители в енисейских языках — это большой смешанный класс слов, члены которого служат приименными и приглагольными определителями.

Часть СО может выполнять предикативную функцию, которая маркируется специальными суффиксами, они указывают на род/класс, лицо и число слова, с которым согласуются.

Несмотря на формальное совпадение некоторых предикативных суффиксов и личных показателей глагола, существует самостоятельная парадигма предикативных показателей слов-определителей, которая объединяет восемь форм.

В рамках парадигмы только одна форма служит для маркирования предикативной функции при неодушевленном участнике, единственное и множественное число в данном случае не противопоставляется.

Остальные семь форм относятся к лицам одушевленного класса, они противопоставлены друг другу по лицу и числу. В третьем лице единственного числа в оппозиции находятся формы женского и мужского класса.

Случаи употребления слов-определителей в предикативной функции зафиксированы в текстах, записанных в XX веке, и хоть и с низкой частотностью, но встречаются в современных текстах, собранных при проведении экспедиционных исследований за последние десять лет. Случаи оформления имен существительных в основной форме предикативными аффиксами были засвидетельствованы только М. А. Кастреном, однако никому из других исследователей таких примеров обнаружить не удалось.

Таким образом, в енисейских языках есть группа слов-определителей, которые употребляются в предикативной функции, они занимают крайнюю правую позицию в синтагме и маркируются специальными суффиксами, указывающими на род/класс, число и лицо слова, с которым они согласуются. Предикативные суффиксы приглагольных определителей качественного и тем более локативного значения (слова 'здесь', 'дома', 'сзади') являются редким типологическим явлением, которое не встречается в языках народов, находящихся в длительном контакте с кетским этносом и населяющих бассейны рек Обь и Енисей.

Список сокращений

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо; ABL — исходный падеж; AN — одушевленный; COM — совместный падеж; DAT — дательный падеж; DEM — указательное местоимение; EP — соединительный гласный/согласный; F — женский род; IMP — императив; INAN — неодушевленный; INT — интенсив; M — мужской род; NEG — отрицание; NMZ — номинализатор; OBJ — объект; PART — частица; PL — множественное число; POSS — посессив; PRD — предикативный суффикс; PRS — настоящее время; PST — past, прошедшее время; SBJ — субъект; SG — единственное число; STEM — основа (часть составной основы или основа с обобщенным значением); TH — тематический звук.

Литература

- Беккер и др. 1995 — Э. Г. Беккер, Л. А. Алиткина, В. В. Быконя, И. А. Ильяшенко. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Часть II. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ин-та, 1995.
- Бибикова 1971 — В. С. Бибикова. Образование и употребление имен прилагательных в кетском языке. Дисс.... канд. филол. наук. Томск, 1971.
- Гришина 2003 — Н. М. Гришина. Северный диалект кетского языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 184–191.
- Дульзон 1962 — А. П. Дульзон. Кетские сказки и другие тексты // Ученые записки. Т. XX. Вып. 2. Томск: Изд-во Томского университета, 1962. С. 149–152.
- Крюкова 2005 — Е. А. Крюкова. Функционально-семантическое поле класса слов-определителей в енисейских языках // Вестник ТГПУ. Серия: гуманитарные науки (филология). Томск: ТГПУ, 2005. С. 93–97.
- Кузнецова и др. 1993 — А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, Л. Ю. Иоффе, Е. А. Хелимский. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. Тексты. Словарь. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
- КФТ 2001 — Кетские фольклорные и бытовые тексты. Томск: ТГПУ, 2001.
- Лемская 2010 — В. М. Лемская. Семинары по чулымско-тюрокскому языку. Томск, 2010.
- СНСС 1972 — Сказки народов сибирского Севера. Вып. 1. Томск: Изд-во ТГУ, 1972.
- Filchenko 2010 — A. Filchenko. Aspects of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk: TSPU-Press, 2010.
- Kryukova et al. 2006 — E. Kryukova, A. Filchenko. Approaches to the problem of adjectives and adverbs in Ket and Khanty // Иностранные языки и межкультурная коммуникация в развивающемся образовательном пространстве: теоретические и прикладные аспекты (материалы международной конференции). Томск: «Ветер», 2006. С. 27–30.
- Werner 1997a — H. Werner. Die ketische Sprache. (TUNGUSO SIBIRICA B. 3) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997.
- Werner 1997b — H. Werner. Abriß der kottischen Grammatik. (TUNGUSO SIBIRICA B. 4) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997.
- Werner 1997c — H. Werner. Das Jugische (Sym-Ketische). (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 50) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997.
- Werner 2002 — H. Werner. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen / H. Werner: in 3 Bänden. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002.

Н. В. Кузнецова
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ДВЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕДКОСТИ В ДИАЛЕКТАХ ИЖОРСКОГО ЯЗЫКА¹

1. Введение

1.1. Типология фонологических и морфонологических систем финно-саамских языков

Прибалтийско-финские и саамские языки известны своими сложными морфонологическими системами чередования ступеней, которое развилось из чисто количественных и в основном фонетических альтернатив. На синхронном уровне в этих языках представлены крайне разнообразные по устройству системы количественных фонемных оппозиций и морфонологических чередований.

На одном конце континуума располагаются системы типа вепских диалектов, где исконное чередование ступеней было утрачено полностью. Количественные оппозиции гласных и согласных в системе фонем здесь маргинальны (долгие фонемы встречаются крайне редко), а морфонологические чередования кратких и долгих согласных в основе отсутствуют [Зайцева 1981: 17, 35].

На другом конце континуума помещаются системы типа ливской. В ливском языке представлена одна из самых сложных прибалтийско-финских систем чередований в основах словоформ.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 11-04-00172а «Системное описание фонологии, морфонологии и синтаксиса прибалтийско-финских языков Ингерманландии» и проект 13-04-00416 «Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)» и фонда Альфреда Корделлина. Я хотела бы выразить признательность профессору Тартуского университета Т.-Р. Вийтсо, который в 2009 году обратил мое внимание на возможность существования тернарного контраста в современном сойкинском диалекте и предложил провести фонетические исследования. Также выражаю благодарность Е. Маркус, М. Колеру, А. Урманчиевой и редакторам сборника, высказавшим ценные замечания к рукописи данной статьи.

Количественные оппозиции (в том числе и тернарные) сопровождаются контрастом по наличию/отсутствию глоттализации [Viitso 1975; Lehiste et al. 2008]. Сходным является устройство многих саамских языков, генетически близких к прибалтийско-финским. Например, тернарные количественные контрасты согласных и гласных и оппозиции по наличию/отсутствию глоттализации и фарингализации согласного участвуют в морфонологических чередованиях в северосаамских диалектах [Sammallahti 1998: 39–60; Bals et al. 2007; McRobbie-Utasi 2007: 179–180].

Отметим, что для описания языков в этой части континуума релевантна такая просодическая единица, как **стопа** — последовательность от одного до трех слогов, связанных общим начальным стопическим ударением и рядом других просодических характеристик. Чем дальше те или иные финно-саамские идиомы отстоят от полюса сложных фонологических систем, тем ниже становится значимость стопы для их фонетики и фонологии.

1.2. Фонология и морфонология ижорских диалектов на фоне родственных языков

Ижорский язык² в целом помещается в той части континуума, которая содержит более сложные по устройству системы, т. е. он ближе к языкам типа ливского и саамских.

При этом фонологические и морфонологические системы ижорских диалектов существенно различаются между собой по степени сложности. Основные различия как раз и связаны с варьированием структуры количественных оппозиций в фонологии и количественных чередований — в морфонологии.

Наиболее простым образом устроены количественные контрасты и чередования в нижнелужском диалекте. Он более всего отличается от остальных диалектов и имеет среди них самую инновационную фонологию и морфологию. Все это связано с тем, что он подвергся мощному контактному влиянию соседних близкородственных языков ареала Нижней Луги — водского, ингер-

² В настоящее время на сохранившихся диалектах ижорского языка — сойкинском и нижнелужском — говорит около 100 человек, за отдельными исключениями, 1920–1940-х годов рождения. Еще два диалекта, хэваский и оредежский, к настоящему моменту исчезли.

манландского финского, отчасти эстонского [Лаанест 1966а: 146, 150–151; Муслимов 2005: 5, 13]³.

Наиболее сложными по структуре являются количественные контрасты и чередования в сойкинском диалекте. Между нижнелужской и сойкинской располагаются системы ныне исчезнувших ижорских диалектов — оредержского (более простая система) и хэ-ваского (более сложная система; см. о них [Лаанест 1966а]).

1.3. Две типологические редкости в фонологии ижорских диалектов

В настоящей работе рассматриваются два типологически редких фонологических явления, связанных с развитием продления и редукации звуков. Первое из них наблюдается в сойкинском диалекте — это фонологически значимый тернарный количественный контраст согласных. Второе явление представлено в южной группе говоров нижнелужского диалекта — это фонологическая оппозиция нередуцированных модальных⁴ и редуцированных глухих гласных. Эти два феномена не находятся между собой в непосредственной связи и объединены в одной статье именно в силу своей типологической редкости. Статья посвящена характеристике различных аспектов этих явлений на типологическом фоне. Будет рассмотрено, в какой степени уникальны или типичны их фонетическая реализация и фонологическое устройство, а также история возникновения и дальнейшая эволюция.

В разделах 2 и 3 дается краткая фонетическая, фонологическая и типологическая характеристика этих явлений. В разделах 4 и 5 представлен анализ вероятных путей их дальнейшего развития, подкрепляемый примерами из родственных и неродственных

³ В этом смысле нижнелужский диалект может служить иллюстрацией к типологической гипотезе о наличии прямой зависимости между степенью интенсивности и длительности языкового контакта и степенью структурной простоты языков, участвующих в нем. Чем дольше и активнее язык участвует в ареальных контактах, тем проще становится его структура [Trudgill 2001; Gil et al. 2009].

⁴ Гласные в языках мира обычно являются модальными (modal), т. е. реализуются через периодические колебания голосовых связок. Обсуждаемые ниже глухие гласные являются собой редкий пример немодальных (non-modal) гласных, где колебания голосовых связок отсутствуют или являются непериодическими [Gordon 1998; Laver 2001].

идиомов. Раздел 6 посвящен вопросу об устойчивости указанных контрастов. Наконец, в разделе 7 говорится о значении этих контрастов на фоне общего направления просодического развития сойкинско-го и нижнелужского диалектов.

2. Сойкинский диалект — тернарный контраст количества

2.1. Тернарный контраст согласных в сойкинском диалекте

В системе сойкинско-го диалекта представлено редкое явление, обычно называемое тернарным количественным контрастом согласных. Проиллюстрируем его в интервокальной позиции перед долгим/продленным гласным: [ka·nā]⁵ ‘курица:SG:NOM’ — [ka·ñnà] ‘курица:SG:PART/ILL’ — [li·nnà ~ li·ñnà] ‘город:SG:PART/ILL’. На Рисунках 1–3 приводятся примеры спектрограмм произнесения данных словоформ информанткой AJF 1933 г. р. из дер. Гамолово. Были подобраны произнесения, сопоставимые по месту во фразовой позиции и общей длительности.

В Таблице 1 показана средняя длительность каждого из звуков ядра стопы⁶ в словоформах указанных структурных типов. Для данного исследования из спонтанной речи AJF (в основном из переводных фраз) подбирались словоформы с интервокальным сонантом (*n*, *l* или *m*) и вторым закрытым слогом⁷. Для сравнения приводится также структура типа [li·nnān] ‘город:SG:GEN’, где третий количественный класс согласного⁸ представлен перед кратким гласным второго слога. Прочие количественные классы согласных

⁵ Для фонетической записи примеров используется финно-угорская фонетическая транскрипция.

⁶ Ядром двух- и трехсложной стопы считается последовательность звуков от гласного первого слога до гласного второго слога включительно.

⁷ Следует отметить, что длительность второго гласного в закрытом слоге в среднем на 20–30 мс меньше длительности гласного в открытом слоге. Кроме того, в идиолекте AJF оппозиция продленных и кратких гласных в начальных слогах фактически заместила контрастом кратких и редуцированных гласных. Результаты измерений фонетического материала от данной информантки представлены также в работах [Markus 2010: 46 (информант 5); Кузнецова 2012: 49].

⁸ О вариантах наименования трех количественных классов согласных, входящих в тернарный контраст, см. раздел 2.3.

не встречаются перед краткими гласными в двусложных структурах (о трехсложных см. примечание к позиции 4 в разделе 2.2).

В таблице также дается фонологическая транскрипция для каждого из структурных типов. Здесь я следую системе стопических акцентов, представленной в работах [Кузнецова 2008, 2009а: 171–173, 2009b, 2012]. Сегментный количественный контраст согласных считается бинарным: сильные (оба «долгих класса») vs. слабые (краткий класс), — а все неначальные гласные рассматриваются как фонологически краткие. Оппозицию двух «долгих» классов согласных, а также все количественные контрасты неначальных гласных я описываю как часть реализации трех супraseгментных стопических акцентов (легкого /', тяжелого /˘/ и сверхтяжелого /˘˘/). Такая концепция позволяет сохранить последовательность фонологического и морфонологического описания языка (см. [Кузнецова 2009а, b]). Она также подчеркивает существующую взаимосвязь между редукциями и продлениями отдельных сегментов стопы и их зависимость от стопического ударения⁹.

Тернарный контраст количества в сойкинском диалекте был впервые отмечен финским исследователем А. Совиярви, который основывался на собственном фонетическом исследовании 1930-х годов [Sovijärvi 1944: 12, 14]. Существование этой оппозиции в современном сойкинском диалекте было подтверждено в работах [Кузнецова 2009а; Markus 2010, 2011], также опирающихся на инструментальные измерения.

Таблица 1. Пример тернарного контраста согласных в речи AJF

структурный тип	V ₁ ¹⁰ , мс	σ, мс	C/Ā, мс	σ, мс	V ₂ , мс	σ, мс	кол- во
<i>k'anan</i> [ka·nān] 'курица:SG:GEN'	82	18	74	12	109	23	56
<i>s'īnin</i> [ši·ñnìn] 'синий:SG:NOM'	116	30	120	24	91	16	50
<i>l'īnas</i> [li·ñnàš] 'город:SG:IN'	117	22	185	26	88	16	51
<i>l'īnan</i> [li·nnān] 'город:SG:GEN'	115	24	161	27	64	10	49

⁹ Новые исследования некоторых фактов сойкинской фонологии, возможно, дадут основания для пересмотра трактовки оппозиции «долгих» классов на супraseгментном уровне и, соответственно, трехакцентной системы, см. примечание к позиции 4 в разделе 2.2.

¹⁰ Список сокращений и условных обозначений см. в конце статьи.

Рисунок 1. [ka·nã]

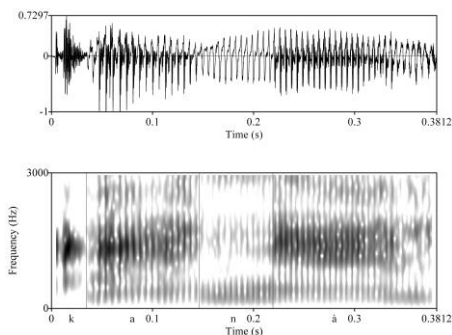

Рисунок 2. [ka·ñnã]

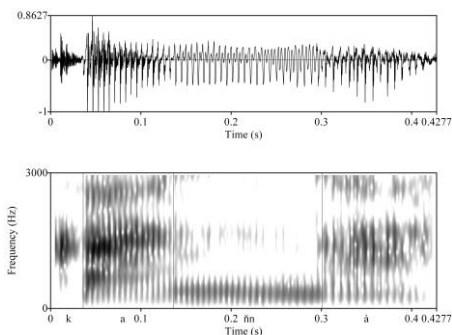
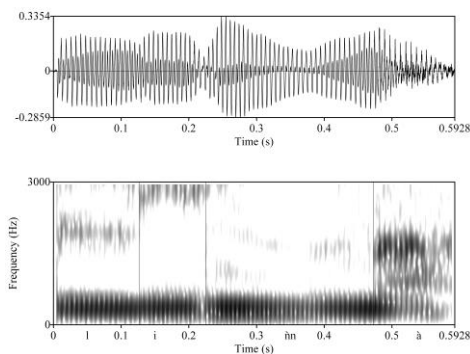

Рисунок 3. [li·ñnã]

2.2. Типы позиций сойкинского тернарного контраста

В современном сойкинском диалекте для смычных *p*, *t*, *k* и фрикативного *s* по совокупности фонетических, фонотактических и исторических факторов выделяется **четыре основных типа позиций**, в которых представлен тернарный контраст согласных. Для остальных типов согласных основных позиций всего две — (1) и (3) из списка ниже. Перечислим позиции для смычных и *s*:

- 1)** в ядре вида $V\bar{C}V_2/V\bar{C}V_2$ в двусложной стопе:
 [ta·bã ~ ta·vã] ‘убивать:IMP:2SG’ vs. [ta·řpã] ‘поймать:PRS:3SG’
 vs. [ta·ppã ~ ta·řpã] ‘убивать:INF’;

2) в ядрах вида $VRCV_2/VR\bar{C}V_2$, $VVCV_2/VV\bar{C}V_2$ ¹¹ в двусложной стопе:

[ka·Dàš] ‘карта:SG:IN’ vs. [ka·rtà ~ ka·rtà ~ ka·rřtà] ‘жесть:SG:PART/ILL’ vs. [ka·rttà ~ ka·rřtà] ‘карта:SG:PART/ILL’,

[mā·Dà] ‘спать:PRS:IPS’ vs. [hū·tà ~ hū·tà ~ hū·řtà] ‘веник:SG:PART/ILL’ vs. [ř·řttà] ‘полагаться:INF’;

3) в ядре вида $VCV_2/V\bar{C}V_2$ в трехсложной стопе:

[ka·Dājā] ‘можжевелик:SG:PART/ILL’ vs. [ka·tājā ~ ka·tājā ~ ka·řtājā] ‘можжевелик:SG:NOM’ vs. [ka·ttojā ~ ka·řttojā] ‘крыша:PL:PART’,

[ma·Giā] ‘сладкий:SG:PART/ILL’ vs. [šu·kkia ~ šu·kkia] ‘1) расческа:PL:PART; 2) расчесывать:INF’ vs. [šu·kkia] ‘носок:PL:PART’;

4) в ядрах вида $VRCV_2/VR\bar{C}V_2$, $VVCV_2/VV\bar{C}V_2$ в трехсложной стопе:

[ka·rDālě] ‘карта:SG:ALL’ vs. [ka·rtojā ~ ka·rřojā ~ ka·rřřojā] ‘жесть:PL:PART’ / [ke·rtāmā ~ ke·rřāmā ~ ke·rtāmā] ‘сучить:PRS:1PL’ vs. [ka·rřřojā ~ ka·rřřojā] ‘карта:PL:PART’ / [so·rřtūmā ~ so·rřtūmā ~ so·rřtūmā] ‘сортировать:PRS:1PL’,

[sū·dāmā] ‘кормить:PRS:1PL’ vs. [rī·tělě ~ rī·tělě ~ rī·řtělě] ‘:PRS:1PL’ / [lā·tīmā ~ lā·tīmā ~ lā·tīmā] ‘собираться:PRS:1PL’ vs. [ū·řtělě ~ ū·řtělě] ‘ждать:IMP:2SG’ / [sū·řtīmā ~ sū·řtīmā ~ sū·řtīmā] ‘кормиться:PRS:1PL’.

Примечание к позиции 4: Система трех стопических акцентов, предложенная в моих предыдущих работах, не учитывала того факта, что в ядрах $VR\bar{C}V_2$, $VV\bar{C}V_2$ трехсложных стоп в сойкинском диалекте в существующих источниках 1930–1960-х гг. зафиксировано не тройное, как во всех прочих случаях, а четверное противопоставление типов распределения долгот:

- 1) ‘первичная гемината + краткий гласный’ (*ūttele, karttoja*);
- 2) ‘первичная гемината + долгий гласный’ (*sūtīmā, sorttūma*);
- 3) ‘вторичная гемината + краткий гласный’ (*rřttele, karřtoja*);
- 4) ‘вторичная гемината + долгий гласный’ (*lāřtīmā, kerřtāma*).

¹¹ Ниже даются примеры только на структуры с долгим гласным такого типа; аналогичные примеры, содержащие дифтонги, отдельно не приводятся.

Краткие геминаты перед кратким *vs.* перед долгим гласным возможны и в ядре $VVR\check{C}V_2$ трехсложной стопы: *pīntara* ‘грядка :SG:NOM’ *vs.* *kāltīmā* ‘отказываться:PRS:1PL’. О том, что вторичная гемината в этих самых длинных типах стоп, в отличие от более коротких структур, может быть представлена перед кратким гласным, вскользь упоминается и в более ранних исследованиях [Porkka 1885: 39; Kettunen 1930: 184; Sovijärvi 1944: 14–15, 26].

Система трех акцентов не допускает возможности оппозиции краткого и долгого гласного после краткой геминаты. Однако в силу активно протекающих в сойкинском диалекте редуccionных процессов (см. ниже) четверная оппозиция могла к настоящему моменту трансформироваться в иной тип противопоставления. В настоящее время мы с И. В. Бродской и Е. Б. Маркус проводим фонетическое исследование, отдельно посвященное этому вопросу. Только после получения результатов можно будет однозначно ответить на вопрос о пересмотре системы акцентов. Если четверная оппозиция подтвердится и для современного сойкинского диалекта, тернарный контраст согласных придется полностью перенести на сегментный уровень (т. е. ввести в систему фонем краткие согласные, краткие геминаты и долгие геминаты). На супraseгментном уровне останется оппозиция двух акцентов, тяжелого и легкого, аналогичных нижнелужским (см. [Кузнецова 2012]) и описывающих, в частности, долготные противопоставления неначальных гласных и дифтонгов.

Абсолютная длительность гласных и согласных в ядре стопы варьирует в зависимости от структуры. Это объясняется фонетической тенденцией к изохронности стопы, характерной для сойкинского диалекта [Кузнецова 2009a: 63, 2009b: 34; Markus 2010: 48, 50]. Эта тенденция активна и в других «стопических» прибалтийско-финских языках (см. раздел 1.1), в т.ч. в эстонском, водском, ливском. Изохронность стопы предполагает, что речевая ритмика стремится уравнивать по общей длительности отрезки между стопическими ударениями вне зависимости от количества сегментов в каждом из этих отрезков (см., например, [Lehiste 1977]). В описываемом случае ее действие проявляется в том, что чем больше в стопе содержится сегментов, тем меньше абсолютная длительность каждого из них.

В частности, под действием этой тенденции в позициях (2)–(4) на первый план выходит несколько иной, по сравнению с (1), дис-тинктивный признак, различающий два «долгих» класса согласных.

В позиции (1) интервокальный согласный всегда воспринимается на слух как долгий как в словоформах типа [ta·p̥rɑ̃], так и в словоформах типа [ta·p̥rɑ̃]. В позициях (2)–(4), согласный второго количественного класса (вторичная гемината, см. Таблицу 2) часто слышится как краткий глухой. Можно сказать что его основное отличие от согласного третьего количественного класса (первичной геминаты) заключается в том, что его реализация варьирует между «краткой» и «долгой», в то время как реализация третьего класса обычно является «долгой» [Laanest 1987: 290–291; Кузнецова 2009а: 67]).

Отметим, однако, что в последние несколько десятилетий в сойкинском диалекте действует особенно сильная редуцирующая тенденция [Кузнецова 2009b: 33–34, 43; Markus 2011: 117]. Поэтому в синхронном состоянии указанное различие между вторым и третьим классами в позициях (2)–(4), особенно в последней, размывается. Об этом, помимо слуховых впечатлений, свидетельствуют некоторые фонетические измерения [Кузнецова 2009а: 67–68], а также имеющиеся данные по восприятию этих классов информантами (см. раздел 6.1.1). В двухстопных словоформах эта оппозиция стирается уже и в позиции 1 (см. раздел 4.5.1).

2.3. Существующие обозначения типов согласных в составе сойкинского тернарного контраста

Входящие в тернарный контраст типы согласных имеют разнообразные наименования, основанные на признаках различной природы. Используемая терминология зависит от того, в рамках какой теоретической парадигмы выполнено то или иное исследование, а также какой именно аспект согласных хотят подчеркнуть авторы. На первое место могут ставиться особенности фонетической реализации, характер фонологической оппозиции или же происхождение. В рассуждении ниже я также буду использовать различные названия, в зависимости от того, о каких конкретно аспектах согласных будет идти речь. Для удобства понимания дальнейшего изложения основные варианты названий типов согласных сведены в Таблице 2.

Таблица 2. Варианты обозначений трех классов согласных в составе сойкинского тернарного количественного контраста

класс согласных	этимол. термины	фонетические термины
класс 1	краткие /одиночные	1) для всех согласных: краткие/одиночные; 2) дополнительно для смычных и s: (полу)звонкие [D/d]
класс 2	вторичные геминаты	1) для всех согласных: геминаты/удвоенные/долгие; 2) конкретные типы аллофонов: краткие/ кратконачальные геминаты [t̥t̥] ~ полудолгие/продленные одиночные [t̥]; 3) дополнительно для смычных и s: глухие (могут также реализовываться как одиночные глухие [t])
класс 3	первичные геминаты	1) для всех согласных: геминаты/удвоенные/долгие; 2) конкретные типы аллофонов: долгие/полнодолготные геминаты [tt] ~ сверхдолгие геминаты [t̥t̥]; 3) дополнительно для смычных и s: глухие

Примечания. «Класс согласных» — обычно используемые для количественных классов согласных условные номера. Также частотны названия «первая», «вторая», «третья степень долготы» соответственно. «Этимол. термины» — общепринятые в прибалтийско-финском языкознании названия, характеризующие типы согласных по их происхождению. Так, «первичными» называются геминаты, восходящие к прибалтийско-финскому прауровню, а «вторичными» — геминаты, которые развились из кратких согласных в ряде прибалтийско-финских идиомов уже после распада праязыка. «Фонетические термины» — аллофонические классы абсолютной длительности, с помощью которых могут реализоваться три типа согласных. Через тильду приводятся фонетические варианты реализации той или иной согласной фонемы в разных структурах и позициях.

2.4. Типологические сведения относительно тернарного количественного контраста

В современных типологических работах перечисляется всего лишь около пяти языков, для которых тернарная количественная оппозиция предполагается с наибольшей степенью надежности. Три контрастных степени долготы согласных указывается только для близкородственных ижорскому языков. Наиболее известны

в типологической литературе эстонский и саамские языки [Ladefoged, Maddieson 1996: 93; Blevins 2004: 201]; аналогичное явление существует и в ливском [Viitso 1997: 231]. В качестве языков, имеющих три степени долготы гласных, называют прежде всего эстонский, а также динка (кир-аббайская семья; Южный Судан), явапай (юманская семья; США) и диалекты низинного михе (семья михе-соке; Мексика) [Ladefoged, Maddieson 1996: 320; Blevins 2004: 201; McRobbie-Utasi 2007: 185–193].

Типологическое предположение о том, что в языках может быть противопоставлено только две контрастные степени сегментной долготы, было впервые сформулировано Н. С. Трубецким [Трубецкой 2000 (1939): 206] и затем повторялось в работах многих авторов. Обобщая, можно сформулировать эту гипотезу следующим образом. Если какой-либо количественный контраст сегментов представляется тернарным, то в действительности он всегда сопровождается дополнительными оппозициями по другим фонетическим признакам тех же или иных сегментов, либо же по просодическим признакам. Поэтому тернарный контраст количества не является единственным дистинктивным признаком фонем и не может быть целиком приписан сегментному уровню¹².

Впоследствии данные экспериментальных фонетических исследований полностью подтвердили типологическую гипотезу Трубецкого на материале эстонского, ливского и саамских языков. Понятие стопы, о котором уже упоминалось выше, очень важно для описания фонетической и фонологической системы всех этих языков.

¹² В частности, Н. С. Трубецкой интерпретировал известные ему по работе Е. Д. Поливанова эстонские данные как сочетание контрастов длительности и тонического контура словоформы в случае гласных и сочетание длительности с интенсивностью в случае согласных [Трубецкой 2000 (1939): 210]. Сам Поливанов, постулировавший в 1928 г. оппозицию 4 степеней количества эстонских гласных, также отметил, что различие долгот «зависит не только от чередований количества, (...) но и от музыкально-акцентуационных чередований, сопровождающих названные количественные различия: именно, каждая из степеней долготы (...) служит субстратом для осуществления своеобразной мелодии голосового тона» [Поливанов 1991 (1928): 213–214].

Для эстонского языка тернарный контраст как гласных, так и согласных заключается в пропорциональных отношениях длительностей элементов всего ядра стопы. Три основных количественных типа первого слога находятся в строго обратном соотношении с тремя типами длительности гласного второго слога. Соответственно, представлены следующие три варианта сочетаний типов первого слога и типов аллофонов неначальных гласных: сверхдолгий — краткий, долгий — краткий/продленный, краткий — продленный/долгий. В составе первого слога при этом может быть следующее соотношение гласных аллофонов и следующих за ними согласных: 1) в кратком слоге: краткий — краткий; 2) в долгом слоге: краткий — долгий, краткий — сверхдолгий, сверхдолгий — краткий, долгий — краткий, долгий — долгий (см. результаты измерений, например, в [Eek, Meister 2003–2004]).

Кроме того, в случае наличия в первом слоге долгих гласных или дифтонгов в качестве вспомогательного признака различения «трех долгот» выступает еще и характер тонирования стопы (плавно падающий для первой и второй, резко падающий — для третьей долготы). Все это было показано в ранних фонетических исследованиях эстонского языка [Lehiste 1960; Liiv 1961]¹³. Впоследствии их результаты были подтверждены и уточнены многими авторами, среди которых прежде всего следует упомянуть А. Ээка и Э. Мейстера, Д. Круль, Э. Л. Асу(-Гарсиа), П. Липпуса. Эти более поздние работы в числе прочего выявили, что в противопоставлении «долгот» участвует и качество гласных, а также интенсивность [Eek 1973; Lippus 2011].

Для группы смычных и *s*, кроме этого, релевантна и второстепенная оппозиция по звонкости/глухости. Аллофоны первого количественного класса в различительных для «трех долгот» позициях являются звонкими или полувзвонкими, в то время как аллофоны обоих «долгих» классов всегда глухие.

Сходная ситуация представлена в ливском и в саамских языках. Так, в ливском краткие и полудолгие согласные аллофоны возможны только перед продленным гласным второго слога, а долгие согласные

¹³ Самыми ранними являются фонетические исследования эстонского языка 1910–1930-х гг. Л. Кеттунена, П. Аристе, Э. Пылдре, М. Дюрана, Э. Лагеркранца, см. обзор в [Lehiste 1960: 22–23].

аллофоны — только перед вторым кратким гласным. Кроме того, глоттализация в двусложной стопе сочетается только с долгим согласным аллофоном [Viitso 1997: 231; Tuisk 2006; Lehiste et al. 2008].

Фонетические экспериментальные исследования саамских языков также отчетливо демонстрируют взаимозависимость количества элементов либо первого слога, либо всего ядра стопы. Например, в колтта-саамском (восточная группа саамских языков) представлены три типа отношений между гласным аллофоном первого слога и следующим за ним согласным аллофоном: долгий — краткий, краткий — долгий, полудолгий — полудолгий. Длительность гласного второго слога не влияет на эти соотношения [McRobbie-Utasi 1996: 29]. Исследование северосаамского диалекта Каутокейно показывает сходные результаты. Представлены четыре основных варианта сочетаний гласных аллофонов первого слога и следующих за ними согласных аллофонов: долгий — краткий, краткий — долгий, полудолгий — полудолгий и краткий — краткий [Bals et al. 2007: 16] (длительность гласного второго слога в данном исследовании не измерялась). Фонетическое исследование инари-саамского языка, также относящегося к восточной группе, продемонстрировало в целом аналогичную взаимозависимость между длительностью первого гласного и следующего за ним согласного. Кроме того, были также выявлены взаимозависимости между длительностью этого согласного и гласного второго слога. Так, например, если гласный первого слога краткий и второй слог открытый, то были отмечены следующие соотношения согласного и гласного второго слога: долгий — краткий, полудолгий — долгий, краткий — долгий. В других структурах отмечались несколько иные соотношения согласного и гласного второго слога, однако во всех случаях те или иные корреляции были найдены, см. [Bye et al. 2009].

Таким образом, по крайней мере в случае всех языков, имеющих тернарный контраст согласных, оказывается, что оппозиция относится к уровню слога или стопы, но не к уровню отдельного сегмента (см. аналогичное утверждение в [McRobbie-Utasi 2007: 194–196]). Гипотеза Н. С. Трубецкого в этом отношении не опровергается. В таких системах представлен сложный по устройству тернарный контраст количества (*three-way quantity contrast*), который З. Мак-Робби-Утаси типологически противопоставляет простому тройному контрасту сегментной длительности (*three-way length contrast*).

Во многих случаях для подобного сложного контраста наиболее адекватным фонологическим описанием будет представление через систему супрасегментных акцентов (слоговых или стопических). При этом на сегментном уровне количественное противопоставление либо следует считать бинарным, либо вообще не постулировать (как это сделано, например, для ливского в работе [Кулешов 2012]).

В качестве языков с предполагаемым тернарным контрастом гласных в начале раздела были перечислены эстонский, динка, явапай и михе. Положение дел с «долготами» в эстонском уже было обрисовано. Что касается остальных трех языков, то здесь имеется больше оснований считать, что долгота гласного может быть единственным признаком, противопоставляющим словоформы [Ladefoged, Maddieson 1996: 320]. Однако, во всех таких случаях для безусловного доказательства необходимы экспериментальные исследования. Относительно михе и явапай такого рода работы неизвестны, поэтому наличие сегментного тернарного контраста остается здесь на уровне гипотезы. Но для языка динка было выполнено детальное фонетическое исследование, достаточно убедительно подтверждающее тернарный контраст [Remijssen, Gilley 2008]. В указанной работе показано, что долгота гласного в синхронном состоянии языка не находит надежных коррелятов ни в долготе «коды» (финального согласного в односложных словах), ни в тональном контуре словоформы, ни в качестве и интенсивности гласного.

Некоторые параллели между путями эволюции количественного тернарного контраста в сойкинском ижорском и в динка обсуждаются далее в разделах 4.8 и 6.2.2.

2.5. Сойкинский тернарный контраст на типологическом фоне

Как уже было сказано, в эстонском, ливском и саамских языках количественные классы согласных не могут в одиночку различать значение словоформ. Тернарную оппозицию согласных всегда сопровождают те или иные вспомогательные фонетические противопоставления. Сойкинский диалект в этом смысле также не представляет из себя чистого случая тройного контраста сегментной длительности. Здесь тоже имеется определенный набор второстепенных противопоставлений, «поддерживающих» тернарный контраст согласных.

Во-первых, как и в эстонском языке, краткие аллофоны смычных и *s* дополнительно противопоставлены двум классам «долгих» аллофонов как звонкие или полувзвонкие глухим: [ta·bā ~ ta·vā] ‘убивать:IMP:2SG’ vs. [ta·p̥p̥à] ‘поймать:PRS:3SG’, [ta·ppà ~ ta·r̥p̥à] ‘убивать:INF’. Таким образом, для *p*, *t*, *k* и *s* количественная оппозиция не чисто тернарна, потому что в противопоставлении трех классов участвует и признак звонкости/глухости. Однако этот признак не задействован в случае других групп согласных, где длительность является единственным различительным признаком (см. примеры с *n* на Рисунках 1–3).

Во-вторых, в стопическом ядре с первым кратким слогом (структуры VCV₂, как в [ta·vā]) гласный второго слога подвергается существенному просодическому продлению. Данное продление (в отличие от всех прочих продленных гласных в неначальных слогах) является автоматическим. Оно всегда представлено во втором слоге ядра структуры VCV₂. Сойкинский ижорский не отличается в этом отношении от многих других прибалтийско-финских языков — эстонского, финского (в некоторых его диалектах), водского, ливского.

Автоматически продлеваемый гласный в ядре VCV₂ имеет большую длительность, чем продленные неначальные гласные других типов ([ta·p̥p̥à], [ta·ppà] и др.). Подобный гласный аллофон называется в работе [Markus 2011: 109] «сверхдолгим», однако более логичным представляется называть его просто «долгим». Во многих идиолектах он не отличается по своей абсолютной длительности от долгих гласных первого слога. Развитие в языке подобного аллофона, по-видимому, связано с действием тенденции к изохронности стопы. В наиболее короткой структуре второй гласный максимально продлевается, чтобы общая длительность короткой стопы приблизилась к длительностям стоп более длинной сегментной структуры.

Таким образом, противопоставление структуры с кратким согласным классом структурам с двумя «долгими» классами основано не только на длительности интервокального согласного. Различие в длительности последующего гласного (а, возможно, и предшествующего, см. данные в Таблице 1) также играет здесь важную роль.

Однако тернарный контраст сойкинского диалекта все же отличается от перечисленных выше случаев других языков. Его уникальное положение на известном типологическом фоне заключается в том, что здесь **оппозиция двух долгих классов (2 и 3) может быть контрастивной и без участия вспомогательных фонетических противопоставлений**. Например:

[ta·řpà] ‘поймать:PRS:3SG’ vs. [ta·ppà] ‘убивать:INF’;
[le·řpà] ‘отдыхать:IMP:2SG’ vs. [le·ppà] ‘ольха:SG:PART/ILL’;
[ła·kkà] ‘месты:IMP:2SG’ vs. [ła·kkà] ‘сеновал:SG:PART/ILL’;
[šu·kkà] ‘1. гребень:SG:PART/ILL; 2. совсем (нет)’ vs. [šu·kkà] ‘носок:SG:PART/ILL’.

Результаты моих собственных фонетических исследований (см. Таблицу 1 и [Кузнецова 2009а: 64; 2012: 48]), а также детальных измерений в работах [Markus 2010, 2011] показывают, что по крайней мере двусложные словоформы с ядром $V\bar{C}\bar{V}$ могут быть противопоставлены только с помощью оппозиции «долгих» классов согласных. Длительность гласных первого и второго слогов не имеет здесь значимых статистических различий (см. результаты измерений в указанных работах).

В целом можно сказать, что в сойкинском диалекте мог бы быть представлен сегментный тройной контраст количества в позициях (1) и (3), если бы гласный второго слога в ядре $V\bar{C}\bar{V}_2$ не отличался по длительности от продленных неначальных гласных в ядрах типа $VCCV_2$. В позициях (2) и (4), в свою очередь, продленный неначальный гласный имеет сопоставимую длительность во всех трех типах структур. Однако в этих позициях тернарный контраст есть только у смычных и *s*, а у них краткий согласный аллофон является дополнительно (полу)звонким. Поэтому как в позициях (1) и (3), так и в позициях (2) и (4) сегментный тернарный контраст оказывается не вполне чистым, хотя и по различным причинам.

Все же сойкинский диалект находится ближе к чистому случаю тройного сегментного контраста длительности, чем эстонский, ливский или саамские языки. Этот идиом демонстрирует, что **два «долгих» класса согласных принципиально могут быть единственными дистинктивными признаками**, различающими словоформы какого-либо языка. Представляется, что это важное типологическое открытие, отчасти косвенно опровергающее гипотезу Трубецкого.

2.6. Количественные контрасты сойкинских гласных

На чисто фонетическом уровне в сойкинском диалекте существует и тернарный контраст гласных — как в начальных, так и в неначальных слогах.

В неначальных слогах в сумме представлено три четко отграниченных друг от друга количественных класса гласных аллофонов: краткий/редуцированный, полудолгий и долгий: [le·ppǎ] ‘ольха:SG:NOM’ vs. [le·ppǎ] ‘ольха:SG:PART/ILL’ vs. [ta·vā] ‘убивать:IMP:2SG’. Однако долгий класс возможен исключительно во втором слоге ядра стопы структуры VCV₂, притом что никакие другие типы аллофонов в данной позиции невозможны. Таким образом, долгий класс не находится в фонологическом противопоставлении с кратким и полудолгим классами. Последние два, в свою очередь, могут противопоставлять словоформы: [le·ppǎ] vs. [le·ppǎ]. Поэтому их оппозиция — это фонологическое явление.

Долгий неначальный гласный в [ta·vā] теоретически возможно объединять в одну фонологическую сущность как с краткими, так и с продленными неначальными гласными. Обычно для ижорского (как для эстонского или водского) этот аллофон считается реализацией краткой гласной фонемы. В настоящей работе, как уже говорилось, принято описание через стопические акценты, и поэтому любые неначальные гласные считаются фонологически краткими.

В начальном слоге также имеется три основных количественных класса гласных аллофонов. С точки зрения абсолютной длительности, их можно назвать «краткими», «долгими» и «сверхдолгими» (наглядно представлены в [Markus 2011: 111]). Однако ситуация здесь во многом совпадает с описанной выше для саамских языков и эстонского. Краткий гласный аллофон возможен перед любыми количественными типами согласных: [ta·vā], [ta·ǰpǎ], [ta·ppǎ], [le·ppǎ] и т. д. В свою очередь, полудолгий и долгий аллофоны находятся в строгом дополнительном распределении. Долгий представлен только перед «долгими» классами согласных (вторым и третьим): [hū·tǎ] ‘веник:SG:PART/ILL’, [ʃ·ūt̪tǎ] ‘полагаться:INF’, [vū·ttǎ] ‘год:SG:PART’ и др. Сверхдолгий же встречается только перед кратким согласным: [mǎ·Dǎ] ‘спать:PRS:IPS’, [sǎ·Da] ‘получать:INF’ и др. Подобное распределение возникло под действием тенденции к изохронности стопы. Долгие и полудолгие гласные аллофоны в начальном слоге естественным образом объединяются в единую фонологи-

ческую сущность — долгую гласную фонему, противопоставленную краткой.

Таким образом, в отличие от тернарного контраста согласных, тройное противопоставление гласных в сойкинском диалекте полностью соответствует общим финно-саамским моделям и является фонетическим явлением. Фонологическая оппозиция гласных бинарна как в начальных, так и в неначальных слогах, а появление третьего класса — это одно из проявлений действия фонетической тенденции к изохронности стопы¹⁴.

3. Нижнелужский диалект — глухие гласные фонемы

3.1. Фонологический контраст модальных кратких и глухих редуцированных гласных в южных нижнелужских говорах

Из всех ижорских территориальных вариантов редукция неначальных гласных представлена на наиболее продвинутом этапе в нижнелужском диалекте. Самыми инновационными в этом смысле являются нижнелужские южные говоры, непосредственно граничащие с ареалом распространения эстонского языка. Можно сказать, что редукция в этих говорах «шагнула» на целых три шага вперед по сравнению с сойкинским диалектом (см. схематическое представление в [Kuznetsova 2011: 192; Кузнецова 2012: 96]). На первом этапе краткие неначальные гласные, подвергающиеся количественной редукции, начали выпадать в определенных позициях в беглой речи. На втором этапе часть кратких неначальных гласных (*a*, *ä*, иногда *e*) стала подвергаться не проясняемой в тщательной речи качественной редукции, что привело к формированию особой фонемы шва (*ə*). Продленные неначальные гласные, в свою очередь, стали нередко реализовываться как краткие. На третьем этапе из рефлексов кратких неначальных гласных в тех позициях, где возможно их окказиональное выпадение в речи, сформировалась

¹⁴ Фактически и каждый из «долгих» классов согласных под действием той же тенденции к изохронности стопы имеет несколько разную длительность перед краткими и долгими гласными. Поэтому можно считать, что у согласных, по крайней мере в позиции (1), имеется целых пять фонетических классов абсолютной длительности (см. их иллюстрацию в [Markus 2011: 112]), изоморфных трем фонетическим классам длительности гласных аллофонов.

подсистема редуцированных гласных (*ĩ, ě, ŷ, ǫ, ǫ̃, ŷ̃, ə*). В свою очередь, все продленные неначальные гласные (кроме второго гласного в ядре VCV₂) полностью сократились.

Таким образом, в южных нижнелужских говорах в начальных слогах корневых морфем представлена оппозиция кратких и долгих гласных, а в неначальных — контраст кратких и редуцированных. Например: *tuli* ‘огонь:SG:NOM’ vs. *tūli* ‘ветер:SG:NOM’ vs. *sūt’i* ‘судить:PRS:3SG’. При этом неначальные краткие гласные фонетически реализуются как продленные во втором слоге ядра VCV₂ ([tu·li̯]) и как краткие — во всех остальных позициях ([sū·t’i̯] и т. д.). Поскольку ни в каких фонологических контекстах три количественных класса гласных не могут быть противопоставлены одновременно, оппозиция является тернарной исключительно на фонетическом уровне. Эта ситуация аналогична положению дел с гласными в сойкинском диалекте (см. раздел 2.6).

Редуцированные гласные южных говоров нижнелужского диалекта представляют собой типологическую редкость в том отношении, что они часто произносятся как **глухие** ([tū·li̯]). При этом они являются самостоятельными фонемами, которые находятся в оппозиции к кратким модальным гласным (*i, e, ŷ, ǫ, o, u, a, ä*). Так, например, сойкинская оппозиция [ku·kkǫ̃] ‘петух:SG:NOM’ vs. [ku·kkǫ̃] ‘петух:SG:PART/ILL’ реализуется в южных говорах нижнелужского диалекта как [ku·kkǫ̃ (~ku·k̄)] vs. [ku·kko]. Характер реализации гласного второго слога является единственным дистинктивным признаком, противопоставляющим словоформы этой минимальной пары. Примеры их произнесения информантом NDP 1924 г. р. из деревни Ванакюля приведены на Рисунках 4 и 5.

Рисунок 4. *ku̯ǫ̃* [ku·kkǫ̃]

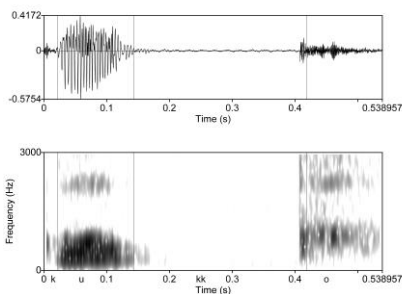
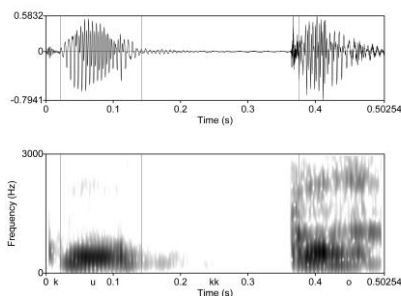

Рисунок 5. *ku̯o* [ku·kko]

С артикуляторной точки зрения форма резонатора при «глухой» фонации аналогична его форме при обычной (модальной) фонации. Однако голосовые связки при этом не работают, и звук возникает за счет трения воздушного потока о края приоткрытой голосовой щели. В зависимости от величины ее раствора, «глухая» фонация располагается на континууме от нулевой (nil), через придыхательную (breathy) и до шепотной (whisper) [Laver 1994: 189–191]. С акустической точки зрения, нулевая форманта F_0 у таких гласных отсутствует. Имеющиеся у придыхательной и шепотной фонации первая и вторая форманты располагаются в тех же полосах частот, что и у модальных гласных, но колебания являются непериодическими. Следует все же отметить, что ижорские редуцированные гласные полностью оглушаются не в каждом произнесении, особенно в медленной речи. В начале произнесения такого гласного может быть представлен небольшой участок модальной фонации (периодических колебаний).

Глухие гласные в южных нижнелужских говорах были обнаружены эстонским исследователем Ю. Мягисте [Mägiste 1925: 82, 85]; они также упоминаются в работах П. Аристе [Ariste 1965a, 1965b, 1969: 173].

3.2. Типологические сведения о глухих гласных фонемах

До настоящего времени не установлено языков, в которых фонологический контраст глухих и модальных гласных был бы надежно подтвержден. Подобная оппозиция, возможно, существует в таких диалектах восточнокересского языка (кересская семья, США), как кева (или санто-доминго) и тамаия (или санта-ана), а также в малто (или пахариа; дравидийская семья, Индия). Ее реконструируют и для пракересского языка. Кроме того, в качестве возможных кандидатов на наличие такой оппозиции часто называют ик (культякская семья; Восточный Судан), языки ниши (или дафла; сино-тибетская семья; Индия), а также, с меньшей степенью уверенности, юте (или южный паюте) и команче (юто-ацтекская семья, США) [Mahapatra 1979: 203–205; Jakobson, Waugh 1987: 138–139, со ссылкой на работы Дж. Гринберга; Ladefoged, Maddieson 1996: 315; Gordon 1998; Blevins 2004: 199–201]. Глухие гласные фонемы с нулевой фонацией, возможно, представлены в позиции абсолютного начала словоформы в языке ачуар-шивиар (хиварская семья, Эквадор) [Kohlberger 2014]. Согласно [Kohlberger, устное сообщение], они реализуются только

через артикуляторный жест, соответствующий тому или иному гласному, но без какой-либо реальной фонации. Фонация начинается только на этапе акустического переходного участка к следующему согласному. Однако и для этого случая необходимы подтверждающие его экспериментальные исследования.

3.3. Нижнелужские глухие гласные на типологическом фоне

Дж. Блевинс описывает два основных пути возникновения глухих гласных. Первый вариант — это оглушение модальных гласных в соседстве с глухими согласными (шумными, особенно *h*). Второй вариант — это оглушение редуцированных аллофонов, обычно происходящее в позиции исхода словоформы или фразы [Blevins 2004: 199].

Глухие гласные, возникшие первым способом, т. е. через полное или частичное оглушение в позиции перед преаспирированными смычными, представлены, например, в северогерманских и саамских языках. Некоторые исследователи даже считают, что в упоминавшемся выше колтта-саамском, а также в исландском, фарерском, некоторых норвежских и шведских диалектах имеются контрастные глухие гласные, однако в большинстве работ это предположение опровергается [Liberman 1982: 90–117; McRobbie-Utasi 1991].

В нижнелужском ижорском представлен второй путь развития глухих гласных. Нижнелужский, как и другие ижорские диалекты, имеет стопическую структуру, хотя просодическое единство стопы здесь уже не так отчетливо выражено. Глухие редуцированные гласные обычно представлены в позиции исхода конечной или неконечной стопы. Например: [tũ·t̥õ] ‘девушка:SG:NOM’, [a·vãhtũ] ‘открываться:PST:3SG’, [su·k̥ũri:š] ‘сахар:SG:IN’, [li·sãh'ũmi:ne] ‘прибавляться:NMLZ:SG:NOM’.

Редкой чертой нижнелужского ижорского на типологическом фоне является тот факт, что глухие гласные встречаются здесь и в **неконечной** позиции второго слога трехсложной стопы. Например: [i·hm̥sed] ‘человек: PL:NOM’, [jã·hũtefã:] ‘охлаждать:IPS:PRS’, [ki·skõ·humi:nè] ‘сдираться:NMLZ:SG:NOM’. Подробная схема возможных для этих гласных позиций представлена в работах [Kuznetsova 2011: 189; Кузнецова 2012: 59–60].

Основная проблема в том, чтобы постулировать глухие гласные фонемы в тех случаях, когда они развились независимо от соседства тех или иных согласных, заключается в том, что такие гласные обычно являются еще и редуцированными. Поэтому

с фонологической точки зрения их можно считать как редуцированными, так и глухими. Таково положение дел и в нижнелужском ижорском. Я предпочитаю фонологически трактовать ижорские гласные как редуцированные. Фонема шва встречается здесь и в тех позициях, где по структурным причинам она не может выпадать, например: [ʌ·m̩əz] ‘овца:SG:NOM’. В таких случаях шва произносится как фонетически редуцированный, но не глухой гласный. На этом примере видно, что редуцированный характер гласных и в синхронии проявляет себя как основной признак, обуславливающий их оглушенность в некоторых, но не во всех контекстах.

Таким образом, нижнелужский диалект также не представляет абсолютно чистого случая фонологически значимых глухих гласных фонем.

4. Пути эволюции тернарного контраста

4.1. Два основных пути развития тернарного контраста

На примерах различных языков выявляется два основных варианта трансформации тернарного контраста. Это либо восстановление бинарности оппозиции, либо переход тернарного контраста с сегментного на супraseгментный уровень. Рассмотрим каждый из случаев применительно к ижорскому более подробно.

4.2. Восстановление бинарности оппозиции

Авторы статьи о языке динка высказывают следующее суждение о судьбе тернарных оппозиций:

Языки могут развивать тернарный контраст гласных, но единственный путь вперед в диахроническом смысле — это путь назад: если тернарный контраст развился, он может сохраняться, находясь под давлением угрозы реорганизации, но всякое дальнейшее увеличение количества контрастов маловероятно, поскольку фонетическая дистанция между категориями может оказаться слишком мала [Remijsen, Gilley 2008: 340–341].

Дж. Блевинс сформулировала еще более определенную типологическую гипотезу, что наиболее вероятный диахронический переход в случае тернарного контраста — это слияние второй и третьей по длительности категорий в одну «долгую» [Blevins 2004: 202].

Эволюция тернарной оппозиции по ижорским диалектам будет рассмотрена ниже в свете данной гипотезы. В разделе 4.3

говорится о наиболее вероятной исходной ситуации в праижорском языке. В разделе 4.4 ижорское междиалектное варьирование в отношении тройного противопоставления рассматривается на фонетическом уровне, а в разделе 4.5 — на фонологическом. Раздел 4.6 посвящен особенностям развития ижорского тернарного контраста на типологическом фоне. В разделе 4.7 дополнительно затрагивается вопрос о взаимовлиянии ижорского и водского языков в отношении развития тернарной оппозиции.

4.3. Вопрос о наличии тернарного контраста в праижорском языке

Для того, чтобы проследить путь развития тернарной оппозиции по ижорским диалектам, необходимо ответить на вопрос, какова была в этом отношении ситуация на праижорском уровне. Отталкиваясь от этой гипотетически исходной ситуации, можно затем описать развитие контраста в каждом из диалектов вплоть до их синхронного состояния.

Время развития тернарного контраста в ижорском языке связано со временем появления т. н. «вторичных» геминат, которые дали второй количественный класс согласных в позициях (1)–(4) в современном сойкинском диалекте (см. Таблицу 2).

А. Лаанест предполагает, что возникновение вторичных геминат произошло не позже праижорского периода. При этом в позиции (1) геминаты могли развиваться раньше, чем в остальных случаях ([Лаанест 1966а: 23–29; 1978: 136, 320–323], см. также предположения А. Совиярви и Л. Кеттунена в [Sovijärvi 1944: 84–90]). Вторичная геминация в позициях (2)–(4) представлена в большинстве вариантов ижорского языка. При этом очевидных контактных влияний, которые могли бы вызвать ее возникновение в ижорском, не прослеживается. В позиции (2) такая геминация встречается в юго-западных диалектах финского языка, а в позиции (3) — в некоторых эстонских диалектах. И те, и другие не примыкают непосредственно к территории распространения ижорского языка (о водском см. раздел 4.7). Вторичная геминация в позиции (4) характерна из всех прибалтийско-финских языков, по-видимому, только для ижорского [Лаанест 1966а: 25, 29–30].

Более того, случаи, где вторичная геминация в синхронии отсутствует в ижорских диалектах, находят достаточно убедительное объяснение (см. 4.6). Поэтому отнесение развития вторичных геминат

к праижорскому периоду представляется вполне обоснованным. Возможно, праижорская вторичная геминация была еще фонетическим явлением [Лаанест 1978: 123]. Впоследствии она фонологизовалась по ижорским диалектам различным образом.

Не во всех случаях детали устройства и развития количественных контрастов в ижорских диалектах понятны до конца (прежде всего в силу недостатка данных по исчезнувшим идиомам). В следующем разделе собраны все известные сведения на эту тему про каждый из диалектов.

4.4. Фонетическая реализация вторичных и первичных геминат в ижорских диалектах

Прежде чем обратиться к вопросу о фонологическом устройстве количественных контрастов в ижорских диалектах, следует вначале осветить фонетическую составляющую вопроса.

Рассмотрим количественные типы согласных аллофонов, которые зафиксированы по ижорским диалектам в четырех позициях сойкинского тернарного контраста, приведенных в 2.2. Для сойкинского и нижнелужского диалекта я использую собственные полевые материалы, особо отмечая расхождения с более ранними описаниями. В случае исчезнувших хэваского и оредежского диалектов я опираюсь на данные А. Лаанеста¹⁵ и П. Аристе, прежде всего на работы [Лаанест 1966а: 20–30, 1966b, 1978¹⁶: 71–73, 121–136; Ariste 1960: 66, Laanest 1960, 1968, 1987: 288–291]. В настоящем разделе я отталкиваюсь от происхождения согласных и поэтому оперирую теми названиями классов, которые отражают их этимологическую характеристику (см. Таблицу 2).

Во всех ижорских диалектах в указанных четырех позициях в определенных случаях сохранились этимологически краткие со-

¹⁵ Фонетическая верификация сведений Лаанеста теоретически возможна, поскольку в архивах Центра исследования языков Финляндии в Хельсинки и Института эстонского языка в Таллине хранится достаточно много сделанных им аудиозаписей хэваского диалекта; в таллинском архиве имеется также одна запись оредежского диалекта.

¹⁶ Докторская диссертация А. Лаанеста была впоследствии дополнена и издана на эстонском языке как [Laanest 1986]. В настоящей работе ссылки приводятся на русскоязычный текст диссертации, однако тот же самый материал можно найти и в эстоноязычной монографии.

гласные (класс 1). Различается лишь ситуация с набором «долгих» количественных классов (2 и 3). Поэтому в Таблице 3 представлено только такое междиалектное варьирование типов аллофонов, которое этимологически соответствует сойкинским «долгим» классам. Вначале приводится пример на сойкинскую пару словоформ, содержащих вторичную vs. первичную геминату. В последующих столбцах даются аллофоны, которые зафиксированы в тех же структурах на месте сойкинских вторичных и первичных геминат в других диалектах.

Таблица 3. Варьирование противопоставления вторичных и первичных геминат по ижорским диалектам в позициях (1)–(4)

№	втор. vs. перв. гем. (сойк.)	хэв.	оред.	н.-л.
(1)	[ta·p̃pà] (по Лаанесту, ~ [ta·ppà ¹]) vs. [ta·ppà]	pp (~ p̃p редко)	pp	pp
(2)	[ka·rtà ~ ka·rt̃à ~ ka·rt̃t̃à] vs. [ka·rt̃t̃à ~ ka·rt̃t̃à]	t̃ ~ tt	d ² / t̃ ~ t̃ ~ tt vs. tt	t ³ vs. tt
(3)	[ka·tājā ~ ka·t̃ājā ~ ka·t̃tājā] vs. [ka·ttōjā ~ ka·t̃tōjā]	tt (~ t̃t редко)	d ² / tt (~ t̃t редко) vs. tt	t / (tt редко ⁴) vs. tt
(4)	а) современная ситуация: [ka·rtōjā ~ ka·rt̃ōjā ~ ka·rt̃tōjā] vs. [ka·rt̃tōjā ~ ka·rt̃tōjā]; б) по Совиярви и Лаанесту ⁵ : t̃ ~ t̃ (~ tt редко) vs. tt	t̃ ~ tt	d ² / t̃ (~ t̃) vs. tt	t ³ vs. tt

Примечания. «№» — номер позиции в соответствии со списком, приведенным в 2.2. «Втор. vs. перв. гем. (сойк.)» — примеры на фонетическую реализацию вторичных vs. первичных геминат в сойкинском диалекте (отличия современной ситуации от зафиксированных ранее отмечаются особо). «Хэв.», «оред.» и «н.-л.» — аллофоны, зафиксированные в тех же структурах на месте сойкинских вторичных и первичных геминат в хэваском, оредешском и нижнелужском диалектах. Жирным выделены наиболее частотные типы аллофонов. Тильда (~) передает фонетическое варьирование аллофонов одной фонемы. Отсутствие значка «vs.» в клетке таблицы означает, что противопоставление первичных и вторичных геминат в данном случае полностью отсутствует. Для хэваского и оредешского диалектов дается транскрипция, приводимая А. Лаанестом и П. Аристе.

¹«Кратконачальные геминаты характерны преимущественно для сойкинского диалекта. Но и там могут выступать геминаты с полной

долготой, особенно в восточной части ареала; в говоре деревни Косколово, ⟨...⟩ который по некоторым чертам сходен с нижнелужским диалектом, почти регулярно произносятся геминаты с полной долготой» [Лаанест 1978: 123]. ²В данных позициях в ордежском диалекте наличие вторичных геминат на месте кратких представлено непоследовательно. ³В данных позициях в нижнелужском диалекте не произошло развития вторичных геминат из кратких. ⁴В данной позиции вторичные геминаты представлены в единичных случаях, см. 4.5.3. ⁵Аллофоны, зафиксированные в работах [Sovijärvi 1944: 15; Лаанест 1966а: 29–30, 1978: 131–135].

Первичные геминаты образовали долгий класс согласных во всех ижорских диалектах. Что касается вторичных геминат, то развитие долгого класса на месте краткого последовательно произошло во всех четырех позициях только в сойкинском и хэваском диалектах. В ордежском диалекте в позициях (2)–(4) появление долгого класса было менее регулярным. В нижнелужском диалекте вторичные геминаты последовательно сформировались только в позиции (1). Вопрос о фонологической бинарности или тернарности контраста в каждом из диалектов будет рассмотрен в следующем разделе.

4.5. Структура фонологического количественного контраста по ижорским диалектам

На основе имеющегося фонетического материала попытаемся представить картину фонологического устройства количественных контрастов согласных по ижорским диалектам. Рассмотрим последовательно каждый из диалектов.

4.5.1. Сойкинский диалект. Безусловный тернарный контраст согласных в синхронии представлен только в сойкинском диалекте. Если считать, что такой контраст существовал уже в праижорском, то сойкинский диалект является в этом отношении наиболее консервативным вариантом ижорского языка.

А. Лаанест делает эксплицитный вывод о том, что вторичные сойкинские «кратконачальные геминаты ~ полудолгие» (т. е. согласные класса 2) следует считать особыми фонологическими единицами. Они противопоставлены как кратким согласным (т. е. классу 1), так и «полнодолготным геминатам» (т. е. классу 3) [Лаанест 1987: 291].

При этом Лаанест указывает на полное исчезновение тернарного контраста по крайней мере в переходном сойкинско-нижнелужском говоре деревни Косколово, а также в восточной части

сойкинского ареала [Лаанест 1978: 123] (имеются в виду говоры по р. Систа, отличающиеся от собственно-сойкинских и по другим изоглоссам). По-видимому, то же самое можно сказать и о самых южных сойкинских деревнях, непосредственно примыкающих к говору Косколово. Подробного исследования этих говоров на предмет наличия тернарного контраста не проводилось. Однако, например, М. Гордон, исследовавший архивные записи 1960-х годов спонтанной речи информантки из д. Югантово, не обнаружил в данном идиолекте тернарной оппозиции согласных [Gordon 2009: 96]. Различие двух «долгих» классов оказалось практически нивелировано и в идиолекте информантки из д. Пахомовка из той же южной зоны в исследовании [Markus 2010: 42–44; информант 4].

Кроме того, тернарный контраст имеет тенденцию к исчезновению из длинных структур и в той части сойкинского диалекта, где он еще сохраняется в более коротких структурах. Так, например, по данным Е. Б. Маркус, в двустопных словоформах оппозиция двух «долгих» классов нейтрализуется даже в позиции (1). Длительность геминаты оказалась одинаковой в словоформах, состоящих из двусложной и односложной стопы — типа [kaːt̪ɑmɑː] ‘накрывать: SUP’ (первичная гемината) и типа [maːkɑmɑː] ‘спать: SUP’ (вторичная гемината) [Markus 2010: 48–49].

По данным А. Совиярви, еще в 1930-е годы тернарный контраст был представлен дальше границы первого и второго слогов (см. пример на границу третьего и четвертого слогов в [Sovijärvi 1944: 12, 14]). В современном сойкинском диалекте на границе как второго-третьего, так и третьего-четвертого слогов противопоставление размыто или, возможно, уже исчезло. Здесь вторичные геминаты, а иногда (в случае фонем, для которых отсутствует вспомогательный признак звонкости/глухости) и первичные нередко реализуются вообще как краткие. Особенно это касается позиции после дифтонга или сонорного (подробнее см. [Кузнецова 2009а: 178, 240–242])¹⁷.

¹⁷ Это предварительные заключения, основанные на слуховых впечатлениях. В настоящее время мы с Е. Б. Маркус проводим специальное фонетическое исследование относительно контраста геминат в позициях дальше границы первого и второго слога. Однако, например, уже у А. Лаанеста имеются примеры варьирования кратких и долгих согласных на месте этимологических первичных геминат в суффиксах аллатива имен, I лица множественного числа глаголов и номинатива множественного

Примеры на границу второго и третьего слогов:

[na·GrojDǎ] ‘смешить:IMP:2SG’ (краткий) vs. [na·Grojǎ ~ na·Grojǎ] ‘смешить:INF’ (первичная гемината) vs. [a·vǎntò ~ a·vǎntò] ‘проручь:ILL’ (вторичная гемината);

[a·jǎmǎ] ‘гнать:SUP’ (краткий) vs. [a·jǎmǎ ~ a·jǎmǎ] (первичная гемината) ‘гнать:PRS:1PL’.

Примеры на границу третьего и четвертого слогов:

[ku·Dòmǐžè:l] ‘ткать:NMLZ:SG:AD’ (краткий) vs. [o·p̃p̃ihũšǎ: ~ o·p̃p̃ihũšǎ:] ‘учиться:IPS:PRS’ (первичная гемината) vs. [aj·gǎhi:šǎ] ‘старинный:PL:PART’ (вторичная гемината);

[o·ñněttǒmǎ:l] ‘несчастный:SG:AD’ (краткий) vs. [ũ·ttělemǎ: ~ ũ·ttěle:mǎ ~ ũ·ttěle:mǎ] ‘ждать:PRS:1PL’ (первичная гемината) vs. [ũ·ttělomǎ: ~ ũ·ttělomǎ:] ‘ждать:SUP’ (вторичная гемината).

Во всех основных позициях при исчезновении тернарного контраста в сойкинском диалекте, согласно гипотезе Дж. Блевинс, происходит совпадение классов 2 и 3 в один «долгий»¹⁸.

4.5.2. *Хэваский диалект*. Исчезнувший хэваский диалект был достаточно основательно изучен А. Лаанестом. Он пришел к выводу о том, что постулировать здесь три количественных класса согласных нет оснований. В случае позиции (1) не наблюдается различий в реализации первичных и вторичных геминат — и те, и другие, как правило, произносятся как «полнодолготные» (т. е. как класс 3). В позиции (2), с одной стороны, хэваские вторичные геминаты часто произносились не как полудолгие или краткие согласные, а именно как геминаты (т. е. долгие). С другой стороны, в длительности первичных геминат в этой позиции, наоборот, наблюдались колебания в сторону появления более кратких вариантов [Laanest 1987: 291]. Лаанест сделал вывод, что, по-видимому, и в этой позиции два количественных «долгих» класса совпали

числа активных причастий прошедшего времени в [Лаанест 1966а: 68–69, 72, 124–125, 135].

¹⁸ В позициях дальше границы первого и второго слогов, как видно из примеров выше, есть тенденция к слиянию обоих долгих классов (особенно второго) с кратким. Это связано, по-видимому, с тем, что редукция в начальных слогах значительно сильнее, чем в начальных. Окончательные выводы о динамике трансформации геминат в этих позициях можно будет сделать только после анализа результатов фонетического исследования (см. предыдущую сноску).

в один: «в хэваском диалекте вторичные геминаты фонетически похожи на первичные» [Лаанест 1966b: 20]. Отрицая наличие тернарного фонологического контраста в системе хэваского диалекта, Лаанест, очевидно, имплицитно подразумевал совпадение «долгих» классов и для прочих позиций (ср. тж. запись примеров из хэваского диалекта на позиции (3) и (4) в работе [Лаанест 1978: 72, 131–135]).

Специального фонетического исследования, подтверждавшего бы выводы Лаанеста относительно хэваского диалекта, никогда не проводилось. В любом случае направление развития тернарного контраста здесь аналогично сойкинскому: во всех случаях совпадают в один два «долгих» класса.

4.5.3. *Нижнелужский диалект.* Тернарный контраст полностью отсутствует в наиболее инновационном нижнелужском диалекте. Здесь в синхронии существует бесспорно бинарное противопоставление кратких и долгих согласных.

Можно добавить, что для смычных и *s* произошло дополнительное расщепление единой в других диалектах оппозиции по долготе/краткости и глухости/звонкости (ср. 2.5). На ее месте появились две бинарные оппозиции: звонких кратких vs. долгих согласных и глухих кратких vs. долгих согласных [Кузнецова 2008, 2009a: 174–176]. Ср., например, пары [sa·t̪à] ‘сто:SG:NOM’ — [sa·tt̪à] ‘сто:SG:PART/ILL’, [sa·d̪à] ‘сад’ — [sa·dd̪à] ‘сад:SG:PART/ILL’. Те же самые формы в сойкинском диалекте будут выглядеть как [ša·D̪à] — [ša·tt̪à] и [šã·d̪ũ] — [šã·t̪ũ] (ILL) / [šã·t̪ua] (PART).

Интересно, однако, направление развития тернарного контраста в нижнелужском диалекте. «Вторичные» геминаты последовательно развились здесь только в позиции (1). Ср., например, нижнелужскую пару [ta·p̪ã] ‘убивать:IMP:2SG’ vs. [ta·pp̪ã] ‘поймать:PRS:3SG’ и ‘убивать:INF’, с сойкинским тройным контрастом, приведенным в 2.2.

В позициях (2)–(4) практически во всех случаях на месте сойкинских и хэваских вторичных геминат представлены краткие согласные. Ср. нижнелужские примеры (приводятся по северным нижнелужским говорам): [mã·t̪à] ‘спать:PRS:IPS’ — [lõ·t̪à] ‘веник:SG:PART/ILL’, [ka·t̪aj̪à] ‘можжевельник:SG:PART/ILL’ — [ka·t̪aj̪ã] ‘можжевельник:SG:NOM’, [pe·rt̪ille] ‘комната:SG:ALL’ — [ke·rt̪õj̪ã] ‘раз:PL:PART’. В сойкинском диалекте первая словоформа каждой пары содержала бы краткий согласный (класс 1), а вторая — вторичную геминату (класс 2).

А. Лаанест высказал неоднозначное мнение относительно подобных случаев отсутствия вторичной геминации в нижнелужском диалекте. Он считает, что либо геминация могла исчезнуть под контактным влиянием финских и водских говоров района Нижней Луги, либо же здесь ее «вообще никогда не существовало» [Лаанест 1966а: 28]. В более поздней диссертационной работе он, по-видимому, склоняется к первому предположению [Лаанест 1978: 307, 311].

Мне оно также представляется более вероятным. Вторая гипотеза противоречила бы правдоподобному тезису о том, что вторичная геминация развилась не позднее праижорского периода¹⁹. Кроме того, в нижнелужском диалекте все же отмечены редкие примеры вторичных геминат не только в позиции (1). Во всех таких случаях геминация представлена непоследовательно по говорам и даже внутри идиолектов. В Таблице 4 приводятся структурно сопоставимые примеры на несколько типов позиций из северных, восточных, западных и южных нижнелужских говоров.

Таблица 4. Появление вторичных геминат в нижнелужских говорах за пределами позиции (1)

пран.-л. реконструкция	сев.	вост.	зап.	южн.
* <i>olisi</i> ~ * <i>olijaisi</i> ‘быть:CND:3SG’, * <i>mānisi</i> ‘уходить:CND:3SG’, * <i>tulisi</i> ‘уходить:CND:3SG’, * <i>varaine</i> ‘панний’	oliz ~ olijaṣ, varraṣ	olliz tulliz	olliz tulliz	männiz tulliz
* <i>olisit</i> ~ * <i>olijaisit</i> ‘быть:CND:2SG’, * <i>olisin</i> ‘быть:CND:1SG’, * <i>mānisit</i> ‘уходить:CND:2SG’	olisid ~ olijaṣid	olisid olisin	ollisid männi- sit	olisid

¹⁹ Эта гипотеза все же может быть правдоподобной в том случае, если не считать нижнелужский диалект одним из исходных вариантов ижорского языка. Нижнелужский диалект, возможно, является идиомом, возникшим в процессе смены водью своего родного водского языка на ижорский (этот процесс наблюдался и в XX веке, см. раздел 4.7). В таком случае нижнелужский мог возникнуть значительно позже, чем остальные ижорские диалекты, и исходно представлять ту систему вторичной геминации, которая сложилась в локальных водских идиомах к моменту перехода воды на ижорский.

* <i>eläjäsittä</i> ‘жить:CND:2PL’, * <i>olijaisivat</i> ‘быть:CND:3PL’, * <i>mänisimmä</i> ‘уходить:CND:1PL’	eläjäsittä olijaisi- vad	mänisiim	männi- siim’	männi- siim
* <i>varemmas</i> ~ * <i>varempī</i> ‘рано:СМР’	varëmmäs	var’ëmpi	var’ëm- p’i	varrap’i
* <i>onnettomā</i> ‘несчастный:SG:PART/ILL’, * <i>prāvittamā</i> ‘чинить-SUP’	onnetto- mā	prāvittomā ~ prāvittomā	onnet- tomma	onnet- tomma

Примечания. В первой колонке реконструируемые словоформы приводятся в условно-фонологической транскрипции, в прочих колонках — в фонетической. Жирным шрифтом выделены вторичные геминаты. «Пран.-л. реконструкция» — реконструкции и глоссы форм, приведенных в каждой из строк. В данном случае реконструируется фонологический облик словоформ не ранее пранижнелужского периода. «Сев.» — идиолект информантки ZPS 1933 г. р. из дер. Липово. «Вост.» — идиолект информанта PMF 1923 г. р. из дер. Краколье. «Зап.» — идиолект информантки NPŠ 1927 г. р. из дер. Большое Куземкино. «Южн.» — идиолект информанта NDP 1924 г. р. из дер. Ванакюля.

Интересно отметить, что в приведенных примерах вторичные геминаты встречаются в позициях как совпадающих, так и не совпадающих с другими диалектами. В первых двух строках представлены примеры на позицию (3), а в последней — на позицию на границе третьего и четвертого слогов перед исходно долгим гласным в четырехсложных словоформах (ср. 4.5.1; см. тж. [Кузнецова 2012: 56–57]). В этих случаях вторичные геминаты имеются и в других ижорских диалектах. Однако наличие таких геминат в примерах третьей и четвертой строки — уникальный для ижорского языка случай. Поскольку в синхронии во всех приведенных нижнелужских примерах представлено варьирование наличия и отсутствия геминаты, в фонологической пранижнелужской транскрипции формы условно реконструированы без вторичных геминат. Долгие согласные в формах третьей, четвертой и, возможно, второй строки — это скорее всего действительно позднее явление, связанное с развитием отдельных нижнелужских говоров. Однако в части случаев нижнелужские геминаты вполне могут быть наследием праижорского периода. Это можно предполагать по крайней мере относительно форм

первой и последней строки, где геминация представлена наиболее последовательно.

В любом случае интересен тот факт, что, несмотря на сравнительную редкость вторичной геминации в нижнелужском диалекте, она отчасти является в диалекте живым явлением. Вторичные геминаты продолжали формироваться здесь даже уже после того, как произошло разделение нижнелужского диалекта на отдельные говоры. С одной стороны, этот процесс мог происходить под влиянием морфонологического выравнивания по аналогии с другими формами парадигмы. Однако он может служить и одним из косвенных свидетельств того, что фонетическая вторичная геминация была распространена в самых различных позициях уже на праижорском этапе. Впоследствии же она исчезла из нижнелужского диалекта в большинстве позиций, по-видимому, под воздействием контактного влияния (см. 4.6.1).

4.5.4. Оредежский диалект. Ситуация с оредежским диалектом наименее понятна. А. Лаанест застал его практически исчезнувшим и исследовал значительно более поверхностно, чем остальные ижорские диалекты. На основе имеющегося материала он все же предполагает отсутствие тернарного контраста и для оредежского диалекта. «В хэваском, оредежском и в нижнелужском диалекте количественная оппозиция между первичными и вторичными геминатами практически или полностью исчезла» [Laanest 1987: 290].

О позиции (1) Лаанест пишет, что в оредежском, как и в нижнелужском диалекте, вторичные геминаты наиболее последовательно реализуются как «полнодолготные» (т. е. как класс 3) [Лаанест 1966а: 23].

Что касается прочих позиций, то способ фонетической записи Лаанестом оредежских примеров на первичные и вторичные геминаты (см. Таблицу 3) мог бы заставить предположить, что в их произношении существует такая же разница, как и в сойкинском диалекте. Первичные геминаты Лаанест всегда записывает как долгие, а вторичные, особенно в позициях (2) и (4), — то как долгие, то как полудолгие, то иногда как краткие. Однако в ранней статье [Laanest 1960: 182] эксплицитно указывается, что вторичные геминаты в оредежском диалекте обычно реализуются именно как долгие согласные в том числе и после долгого первого слога (т. е. как раз в позициях (2) и (4)). В своей поздней работе об ижорской

фонологии Лаанест пришел к выводу, что в ордежском диалекте, как и в нижнелужском, вторичные геминаты, по-видимому, совпали в произнесении с первичными [Laanest 1987: 289] (в тех случаях, где они вообще развились из кратких согласных)²⁰. Таким образом, очевидно, тернарный контраст исчез (или почти исчез) и в ордежском диалекте.

При этом в позициях (2)–(4) в ордежском диалекте вторичная геминация развилась не вполне последовательно (однако значительно в большем объеме, чем в нижнелужском диалекте). В данных позициях зафиксировано варьирование наличия и отсутствия геминат по различным лексемам и грамматическим формам.

В случае ордежского диалекта, однако, не вполне понятно, возникла ли такая ситуация по внутри- или внеязыковым причинам. С одной стороны, по предположению Лаанеста, непоследовательность ордежской геминации свидетельствует о том, что диалект начал обособляться тогда, когда «этот тип геминации в ижорском языке еще полностью не сформировался» [Лаанест 1966а: 28]. По-видимому, имеется в виду, что геминация в этих позициях была тогда еще фонетическим явлением и процесс ее фонологизации не был завершен.

Кроме того, вторичная геминация была, очевидно, в целом слабее фонетически выражена в ордежском, чем в других диалектах. В. Поркка, оперировавший ижорскими данными конца XIX века, указывает, что даже в позиции (1) ордежская вторичная геминация «в некоторых случаях слышалась очень слабо», а в позиции (3) часто отсутствовала [Porokka 1885: 37–38].

Таким образом, в ордежском диалекте второй количественный класс мог впоследствии частично совпасть обратно с первым классом по той причине, что он не успел отдалиться от него на достаточную фонетическую дистанцию. В эстонском, на основании которого делает выводы об эволюции тернарного контраста Дж. Блевинс, длительность второго класса, наоборот, значительно ближе к длительности третьего класса, чем первого. Поэтому исходя

²⁰ В некоторых работах Лаанест все же указывал, что в хэваском и ордежском диалектах вторичные геминаты иногда произносятся как «кратконачальные» [Laanest 1960: 182, 1966а: 23, 1966b: 20] — в отличие от нижнелужского диалекта, о котором он никогда не писал, что здесь возможна «кратконачальная» реализация вторичных геминат.

из эстонского материала более логично считать вероятным слияние двух «долгих» классов в один, как это и предполагает Блевинс [Blevins 2004: 202].

Одновременно, как уже говорилось, П. Аристе и А. Лаанест в 1960-е годы застали ордежский диалект на грани исчезновения (а в работе [Porkka 1885] о нем имеются лишь очень отрывочные сведения). Компетенция лучших информантов 1950–1960-х годов по этому диалекту существенно уступала компетенции тогдашних носителей других территориальных вариантов ижорского языка. Поэтому отсутствие вторичной геминации может частично являться и поздним явлением, связанным с утратой ордежского диалекта. В парадигмах всех лексем со вторичной геминацией в ижорских диалектах всегда имеются и формы без геминации. Потому здесь легко может возникать парадигматическое выравнивание по аналогии, элиминирующее закономерную геминацию. П. Аристе указывает на распространенное отсутствие ожидаемой вторичной геминации в позиции (2) в партитиве ордежских имен. Такие формы были порождены, по-видимому, под влиянием форм номинатива без геминации [Ariste 1960: 66]. И наоборот, случай гиперкорректной вторичной геминации в ордежском аллативе, возникший по аналогии с другими формами парадигмы, приводится в работе [Laanest 1960: 183].

4.6. Особенности восстановления бинарности тернарного контраста ижорских согласных на типологическом фоне

В разделе 4.2 была процитирована типологическая гипотеза Дж. Блевинс о том, что наиболее вероятный путь развития тернарного контраста — это слияние второго и третьего количественных классов в один «долгий». История развития по ижорским диалектам тернарного контраста, предположительно сформировавшегося уже в праижорский период, в целом подтверждает эту гипотезу.

Тернарный контраст согласных отчетливо представлен только в сойкинском диалекте, и то не во всем ареале его распространения и не во всех типах структур. В остальных случаях оппозиция согласных по долготе бинарна. При этом второй и третий количественные классы (этимологические вторичные и первичные геминаты) совпали в один «долгий» в подавляющем большинстве случаев (ср. тж. [Лаанест 1978: 124]).

Однако в нижнелужском и ореджском диалектах представлены случаи, где предполагаемые праижорские вторичные геминаты совпали не с долгим, а обратно с **кратким** классом. Подобное развитие отчасти опровергает типологические прогнозы Дж. Блевинс. Суммируем основные особенности эволюционного пути праижорских вторичных геминат в этих двух диалектах.

4.6.1. Особенности развития вторичной геминации в нижнелужском диалекте. Нижнелужский диалект сохранил вторичную геминацию в наименьшей степени. Последовательно она представлена только в позиции (1), чуть менее последовательно — в упоминавшейся выше позиции на границе третьего и четвертого слогов. В остальных случаях зафиксированы лишь спорадические примеры вторичных геминат и только в интервокальной позиции.

Нижнелужский диалект находится в особой ситуации, потому что он входит в союз языков, находящихся в очень близком родстве. Поэтому давление аналогичных структур со стороны крайне похожих во всех отношениях идиомов могло легко нарушить в нижнелужском диалекте естественный ход развития. А. Лаанест так характеризует нижнелужский языковой союз:

Можно утверждать, что в районе Нижней Луги существует языковой союз местных ижорских, водских и финских говоров. По-видимому, и для союза родственных языков характерно то, что в нем не происходит амальгамирования входящих в него языков в новый структурный тип, а наблюдается 1) элиминирование некоторых структурных черт или 2) появление общих инноваций, объяснимых историей одного из входящих в данный союз языков [Лаанест 1978: 307].

По-видимому, в нижнелужском диалекте под влиянием языкового союза как раз и произошло «элиминирование некоторых структурных черт», т. е. обратное исчезновение вторичной геминации в тех позициях, где ее нет в водском и в ингерманландском финском. Исчезновению мог также способствовать тот факт, что на праижорском этапе, когда будущий нижнелужский диалект вступил в контакты с близкородственными языками, предполагаемый тернарный контраст мог быть еще чисто фонетическим явлением.

Интересен и тот факт, что в нижнелужском диалекте вторичные геминаты последовательно сохранились в позиции (1). Возможно, это связано с тем, что данный тип геминации фонологизовался в праижорском раньше, чем все остальные типы. Кроме

того, вторичная геминация именно в этой позиции имеется и в ингерманландских финских говорах, контактировавших с нижнелужским диалектом и оказавших на него наибольшее влияние [Лаанест 1978: 311]. Однако, возможно, свою роль сыграло и то, что согласный второго количественного класса именно в этой позиции реализуется как безусловно долгий — при том, что в позициях (2)–(4), а также в позициях дальше второго слога такой согласный фонетически стоит на грани долгого и краткого (ср. 2.2).

4.6.2. Особенности развития вторичной геминации в ордежском диалекте. Как уже было сказано, не вполне понятны механизмы развития геминации в позициях (2)–(4) в ордежском диалекте, где она представлена широко, но непоследовательно.

Одно из вероятных предположений, что на момент выделения этого диалекта из праижорского вторичная геминация была еще фонетическим явлением, по крайней мере в позициях (2)–(4). Второй количественный класс был фонетически ближе к первому классу, чем к третьему, и с фонологической точки зрения от него еще не обособился (см. 4.5.4).

Ордежский диалект, в отличие от нижнелужского, не был затронут контактным влиянием ни финских, ни водских говоров. Однако он оказался географически изолирован и от прочих ижорских диалектов. Поэтому в плане дальнейшего развития и фонологизации вторичной геминации в позициях (2)–(4) он не мог получить «поддержки» от других вариантов ижорского языка.

Непонятно, однако, почему в совершенно одинаковых фонетических условиях в одних случаях фонологические геминаты впоследствии все же развились (и затем совпали с третьим количественным классом), а в других исчезли, совпав обратно с краткими. Картину распределения случаев наличия и отсутствия геминат затемняют факты парадигматического выравнивания по аналогии в языке последних носителей ордежского языка. Поэтому едва ли когда-либо будет возможно однозначно ответить на вопрос о причинах непоследовательности ордежской вторичной геминации.

4.7. Этимологическое соотношение ижорской и водской вторичной геминации

Одним из контраргументов относительно развития вторичной геминации уже на раннем праижорском этапе может быть предположение о том, что она возникла в ижорских диалектах под

влиянием водского языка и поэтому является поздним явлением (ср. [Pajusalu 2012]). Поэтому в завершение анализа путей восстановления бинарной оппозиции из тернарной в ижорском языке будет кратко затронут и этот вопрос. Значительно большее число фактов говорит в пользу того, что водская вторичная геминация, наоборот, появилась под ижорским влиянием.

Во-первых, вторичная геминация широко представлена в ордежском диалекте, о прямых контактах которого с водским языком неизвестно. Одновременно, в водском языке вторичные геминаты имеются как раз только в тех говорах, которые контактировали с ижорским. При этом фонетический облик этих геминат в каждом из этих водских говоров совпадает с положением дел в соседних ему ижорских идиомах [Viitso 1964: 33]. Т.-Р. Вийтсо отмечает, что вторичные геминаты совпали по длительности с первичными в западноводских говорах дер. Понделево и района Нижней Луги. Все эти говоры примыкают к территории распространения нижнелужского ижорского диалекта, где ситуация такая же. Тернарный контраст согласных, аналогичный сойкинскому, в свою очередь имелся в восточноводском диалекте и в западноводских говорах окрестностей д. Маттия²¹ [Kettunen 1913; Viitso 1964: 25]. Эти говоры находились в контакте с систинскими говорами сойкинского диалекта ижорского языка, где в свое время, очевидно, тоже существовал тернарный контраст. Вторичная геминация при этом полностью отсутствует в водских говорах района д. Котлы, не контактировавших с ижорским языком.

Во-вторых, в водском языке вторичные геминаты представлены только в интервокальных позициях, т. е. условия геминации значительно более ограничены, чем в ижорском языке. Из основных случаев геминации (см. 2.2) она последовательно представлена в водском языке только в позиции (1). Имеются отдельные примеры на позицию (3) и некоторые другие. Ср., например, такие случаи в парадигмах условного наклонения водских говоров Краколя и Лужиц: [eŋeiz ~ eŋiz] ‘быть:CND:3SG’ (и др. лично-числовые формы бытийного глагола в условном наклонении), [panneiz̥in]

²¹ Эти водские говоры к настоящему моменту исчезли, но имеется несколько их аудиозаписей, хранящихся в Центре исследования языков Финляндии в Хельсинки и в Институте эстонского языка в Таллине, так что верификация наличия в них тернарного контраста в принципе возможна.

‘клясть:СND:1SG’ [Рожанский, Маркус 2011: 169–170]. Однако такие исключительные примеры геминации за пределами позиции (1) представлены в тех же самых формах тех же глаголов, что и в соседних нижнелужских ижорских говорах (ср. Таблицу 4 в 4.5.3).

Кроме того, даже в тех водских говорах, где вторичная геминация вообще развилась, она во всех случаях отличается непоследовательностью. В сойкинском и хэваском диалектах ижорского геминация, наоборот, крайне последовательна.

Т.-Р. Вийтсо на основе анализа водских текстов разного времени отмечает, что в более ранних текстах на некоторых западноводских говорах геминация вообще не представлена (дер. Маттия) или же представлена в значительно меньшем объеме, чем в поздних текстах (дер. Краколье). На основе этих данных он делает вывод о том, что по крайней мере в части западноводских говоров вторичная геминация появилась только во второй половине XIX века [Viitso 1964: 32–33]. Если учитывать и тот факт, что уже как минимум на начало XX века имеются данные о меньшей престижности водского языка по сравнению с ижорским, и о тенденции к переходу вожан на ижорский язык [Kettunen 1915: 4], то ижорский язык представляется вероятным источником водской вторичной геминации (ср. аналогичное мнение и в [Аристэ 1947: 46; Лаанест 1966а: 23]). По крайней мере это касается западноводских говоров.

Наоборот, для доказательства того, что вторичная геминация проникла в ижорские диалекты из водского языка, основания найти достаточно трудно. Фактически единственным аргументом такого рода в работе [Rajusalu 2012] является тот факт, что согласные аллофоны второго количественного класса («краткие геминаты») более распространены в южных прибалтийско-финских языках (эстонском, водском, ливском), чем в северных (к которым традиционно относят и ижорский язык).

Кроме того, если более типично слияние второго количественного класса с третьим, не вполне понятно, каким образом можно было бы естественно объяснить развитие водской вторичной геминации к ее современному состоянию, считая ее ранним праводским явлением. В такой концепции окажется, что вторичные геминаты должны были совпасть обратно с краткими согласными в большинстве водских говоров (а потом снова развиться в начале XX века в некоторых западноводских вариантах). Для обоснования подобного

пути развития требуются крайне веские аргументы, учитывая, что в документированной истории развития водских говоров отмечены только случаи слияния вторичных геминат с первичными, но не с кратким классом. Так, например, тексты показывают, что, по-видимому, в конце XIX века второй количественный класс совпал с третьим в говоре дер. Понделево [Viitso 1964: 33].

4.8. Альтернативный путь развития тернарного контраста — переход оппозиции на супraseгментный уровень

З. МакРобби-Утаси отмечает второй общий путь, по которому может пойти эволюция тернарного контраста:

Несмотря на то, что фонологические системы могут прекрасно функционировать и с тернарным контрастом, представляется, что как только система становится тернарной, возникает противонаправленная тенденция к восстановлению бинарной структуры или же к перенастройке системы в сторону того, чтобы сделать смысловоразличительным другой просодический признак [McRobbie-Utasi 2007: 197].

В качестве одной из возможных причин сохранения в языках редких фонологических оппозиций (подробнее см. раздел 6.2) Дж. Блевинс называет наличие или развитие «сосуществующих фонетических контрастов, которые выделяют или поддерживают» редкий контраст в отношении порождения или восприятия речи [Blevins 2004: 209–211].

Как говорилось в разделе 2.4, Н. С. Трубецкой считал, что тернарный контраст вообще возможен в языках только при наличии такого рода коррелирующих с ним вспомогательных противопоставлений. Исключения из этого правила, по-видимому, имеются — в частности, это язык динка. Сойкинский ижорский также близок к такого рода случаю. Однако наличие в языке чистого тернарного контраста длительности на сегментном уровне в целом представляется переходной фазой развития (ср. также [McRobbie-Utasi 2007: 196]). По-видимому, в динамической перспективе развитие поддерживающих второстепенных оппозиций — это практически неизбежная альтернатива полному исчезновению тернарного контраста и восстановлению бинарности количественной оппозиции.

Развитие в этом направлении эстонского и саамских языков подробно рассмотрено в работе [McRobbie-Utasi 2007]; см. также раздел 2.4 выше, где упоминается и ливский. Сходные процессы

протекают и в языке динка, где представлен тернарный количественный контраст гласных. Здесь, во-первых, намечается развитие качественного различия между самым кратким типом гласного и двумя более долгими: краткие гласные становятся более «центральными». Во-вторых, в динка формируется различие в длительности согласной «коды», обратно пропорциональное длительности предшествующего гласного. Все эти дополнительные оппозиции здесь еще статистически незначимы и не стабильны по информантам. Они не являются фонологическим явлением, в отличие от ключевой тернарной оппозиции гласных [Remijsen, Gilley 2008: 334–336, 338, 341]. Однако общее направление развития здесь сходно с другими случаями эволюции тернарного контраста.

Тенденции такого же типа наблюдаются и в сойкинском ижорском. Как уже говорилось в разделе 2.5, для группы согласных *p, t, k, s*, имеющих тернарный контраст в наибольшем количестве позиций, развилось дополнительное противопоставление краткого класса аллофонов двум «долгим» как (полу)звонкого глухим. В этом смысле ситуация здесь полностью идентична эстонской.

Интересно отметить, что это дополнительное противопоставление по звонкости существует для данной группы фонем только в тех позициях, где у них есть и оппозиции по долготе (т. е. между гласными и в кластере после сонорного). В позициях нейтрализации количественных противопоставлений смычные и *s* или всегда глухие (в кластере перед шумным), или всегда звонкие (в кластере перед сонорным). Они также могут быть то глухими, то звонкими, в зависимости от сандхи с последующим или предшествующим словом (позиция исхода или начала словоформы).

Оппозиция по звонкости является одной из фонетических инноваций ижорского языка на прибалтийско-финском фоне, при этом существует тенденция ко все большему ее укреплению в диалектах. В нижнелужском диалекте она уже отделилась от противопоставления по долготе и стала самостоятельным фонологическим контрастом (см. 4.5.3). В других ижорских диалектах звонкие аллофоны с течением временем стали более частотными, чем полувзвонкие аллофоны [Лаанест 1966а: 20–21; Laanest 1987; Кузнецова 2009а: 176–177]. В сойкинском диалекте началось развитие противопоставления звонких и глухих аллофонов в позиции абсолютного начала словоформы. Звонкие начальные аллофоны, не

обусловленные контекстом, начали появляться в исконной экспрессивной лексике и в русских заимствованиях [Кузнецова 2009а: 188–189]. В позициях (2)–(4) функциональная нагрузка контраста между первым и вторым количественными классами смычных и *s* все больше смещается в сторону чистой оппозиции по звонкости. Как говорилось в разделе 2.2, аллофоны второго класса в этих позициях часто реализуются как полностью краткие (но всегда глухие).

В ядре стопы типа VC(C)V₂ противопоставление краткого класса согласных двум «долгим» классам поддерживается также различием в длительности продленного гласного второго слога. В разделе 2.5 говорилось, что длительность гласного после краткого согласного существенно больше, чем после «долгих» классов ([ta·vā̃] vs. [ta·řpà̃], [ta·ppà̃]). Это различие, по-видимому, является достаточно молодым явлением. Его развитие связано с тенденцией к редукции неначальных гласных, особенно прогрессирующей в сойкинском диалекте в последние десятилетия (см. 2.2). Продленные гласные в структурах после первого долгого слога под действием редукции сократились, а в структуре после краткого слога — нет.

Более того, по результатам исследования [Markus 2010: 45–46], продленные неначальные гласные в позиции после вторичных геминат у двух из шести информантов оказались в целом длиннее, чем после более долгих первичных геминат. Тенденция является нестабильной, статистически незначимой и, по-видимому, находится в процессе формирования. Однако если бы она окончательно сформировалась, то сойкинская система еще на шаг приблизилась бы к системе эстонского языка. Тернарный контраст согласных оказался бы в жесткой обратно пропорциональной корреляции с тернарной количественной оппозицией гласных аллофонов второго слога.

4.9. Общая характеристика путей эволюции сойкинского тернарного контраста

Подытоживая, можно сказать, что развитие тернарного контраста в ижорских диалектах в целом следует обоим естественным путям эволюции этого противопоставления.

С одной стороны, по диалектам прослеживается тенденция обратного восстановления бинарной количественной оппозиции. Особенность ижорской ситуации на типологическом фоне заключается в том, что в двух из четырех диалектов в части случаев

представлено слияние второго количественного класса с первым, а не с третьим.

С другой стороны, в сойкинском диалекте, сохраняющем тернарный контраст, представлена и тенденция к развитию вспомогательных оппозиций, усиливающих и поддерживающих это редкое количественное противопоставление. Будучи поначалу чисто фонетическими явлениями, второстепенные контрасты постепенно начинают принимать участие в смысловоразличении. По такому пути развития тернарный контраст все больше переходит на супрасегментный уровень слога, стопы или словоформы.

5. Пути эволюции глухих гласных фонем

5.1. Эволюция нижнелужских глухих гласных на типологическом фоне

Контраст модальных и глухих гласных типологически редок как фонологическое явление, однако глухие гласные достаточно частотны как явление фонетическое. Одной из наиболее вероятных причин редкой встречаемости их как фонем Дж. Блевинс считает утрату глухих редуцированных гласных, рано или поздно происходящую в языке [Blevins 2004: 199]. Уже говорилось о том, что в нижнелужском ижорском такие гласные тоже часто выпадают в беглой речи. В части случаев информанты не признают наличие глухого редуцированного гласного в словоформе и не восстанавливают его до полного даже в медленной речи. Так, наличия шва информанты не осознают практически никогда, особенно в конечной позиции стопы. При этом в их речи шва часто произносится. Другие гласные часто не осознаются носителями нижнелужского диалекта во втором слоге трехсложной стопы, где представлена их максимально сильная редукция [Кузнецова 2012: 63–64; Kuznetsova 2012].

Таким образом, если бы развитие южных нижнелужских говоров продолжилось, то высока была бы вероятность полного исчезновения этих гласных. В синхронии при исчезновении в речи редуцированный *ĩ* часто оставляет после себя палатализацию, *õ*, *ỹ* — лабиализацию, а *ĩ* и отчасти *õ* — одновременно лабиализацию и палатализацию согласного. Можно сказать, что подсистема редуцированных гласных стремится к пределу, в котором существует два бинарных противопоставления: по ряду и по лабиализации. Фактически, такую систему уже можно описывать через палатализацию

и лабиализацию как признаки согласных фонем (см. тж. раздел 5.2). Все же в настоящий момент противопоставление лабиализованных гласных по подъему в целом еще сохраняется по южным нижне-лужским идиолектам. Направление развития системы глухих редуцированных гласных схематически представлено в Таблице 5.

Отметим, что в соседнем эстонском языке с еще более инновационной фонологией произошло исчезновение рефлексов прибалтийско-финских кратких гласных почти в тех же самых позициях, где в ижорских говорах представлены выпадающие в речи глухие редуцированные аллофоны. Очевидно, и эстонский язык прошел в своем развитии через стадию глухих гласных перед их последующей утратой. Об этом свидетельствуют данные тех эстонских диалектов, где еще сохраняются редуцированные глухие гласные аллофоны [Tauli 1956: 66–84]. В литературном эстонском при отпадении последующих гласных переднего ряда у некоторых типов согласных фонем сохранилась палатализация. Например: *kott* [koṯ] ‘мешок:SG:NOM’ vs. *kott* [koṯ] ‘опорок:SG:NOM’ (ср. формы генитива с сохранением исконного гласного: *koti* [ko·ṯti] vs. *kota* [ko·ṯtä] соответственно). Однако лабиализации согласных в позициях перед отпавшими лабиализованными гласными в эстонском не сохранилось.

Таблица 5. Направление развития глухих редуцированных гласных

подъем \ ряд	передний		средний	задний
	лабиализ.	нелабиализ.		
верхний	ǔ [ǔ] ĭ [ĭ]		ũ [ũ]	
нижний	õ [õ] ě [ě]		ə [ə] (<[ǎ/ǎ̃/ě])	

ряд \ лабиализация	нелабиализованные	лабиализованные
	ĩ [ĩ] ü [ü] (<[ǔ])	
	ə [ə] (<[ǎ/ǎ̃/ě]) ɵ [ɵ] (<[ũ/õ/ǔ])	

палатализация \ лабиализация	нелабиализованные	лабиализованные
	[t̥ʲ] > t'	
	[t̥ʲ] > t' [t̥ʲ] > [t°] > ?t'	
непалатализованные		[t̥] > t [t̥] > [t°] > ?t

5.2. Глухие гласные в сибирском ингерманландском идиоме

В заключение анализа эволюции глухих редуцированных гласных упомянем об интересном ингерманландском идиоме, где представлен промежуточный между южным нижнелужским и литературным эстонским этап их утраты. В 1803–1804 году из района распространения южных нижнелужских ижорских говоров и находившихся с ними в тесном контакте местных ингерманландских финских говоров по р. Россонь была выслана в Западную Сибирь группа крестьян (современные Омская и Тюменская область; подробнее см. [Сидоркевич 2012]). Выяснилось, что их потомки до сих пор сохранили свой язык — смешанный ижорско-финский ингерманландский идиом. Д. В. Сидоркевич, выполнившая полевое исследование этого говора, обнаружила в нем глухие редуцированные гласные в тех же позициях, что и в южных нижнелужских ижорских говорах. Здесь подобные гласные в неначальных слогах также противопоставлены кратким и (в ядре стопы VCV₂) продленным аллофонам. Однако Д. В. Сидоркевич делает вывод, что в сибирском идиоме к настоящему моменту редукция этих гласных зашла чуть дальше, чем в южных нижнелужских ижорских говорах, оставшихся на его «родине». Так, например, здесь уже совсем не различаются рефлексy прaприбалтийско-финских *o, *õ и *u, а также *a, *ä и *e. Фактически здесь представлена четырехчленная система, изображенная на втором этапе развития в Таблице 4. Д. В. Сидоркевич предпочитает трактовать ее уже как признаки согласных, что подтверждается и восприятием этих звуков самими носителями сибирского идиома [Сидоркевич 2013а, б].

Для настоящего изложения интересен тот факт, что данный идиом оказался в полной изоляции от родственных ему говоров уже в начале XIX века. При этом в данный момент мы наблюдаем в нем систему вокализма, практически аналогичную южной нижнелужской. Это является серьезным основанием считать, что глухие редуцированные гласные могли существовать в южных нижнелужских говорах уже на момент отделения сибирского идиома в 1803 году. Если эта гипотеза верна, то это значит, что глухие редуцированные гласные просуществовали в нижнелужском ижорском уже как минимум два века. Это указывает на тот факт, что данные фонемы не обязательно исчезают сразу же, как только появляются

в языке, а могут сохраняться достаточно длительное время. О возможных причинах сохранения редких контрастов говорится в разделе 6.

6. Неустойчивость и причины сохранения редких фонологических контрастов

6.1. Неустойчивость редких фонологических контрастов

6.1.1. Неустойчивость тернарного количественного противопоставления. Дж. Блевинс в рамках своей теории эволюционной фонологии объясняет редкость тех или иных фонологических контрастов в том числе и типичностью определенных звуковых переходов, которые способствуют их исчезновению [Blevins 2004: 198]. Такая концепция предполагает, что редкие контрасты являются неустойчивыми в языке.

О неустойчивости тернарного количественного контраста красноречиво свидетельствует его эволюция по ижорским диалектам, рассмотренная в разделе 4. Из четырех ижорских диалектов он сохранился только в сойкинском, да и то частично.

Причина неустойчивости тернарного контраста — по-видимому, излишняя для человеческого восприятия близость количественных категорий друг к другу [Blevins 2004: 202]. Что касается сойкинского ижорского, то специальных перцептивных экспериментов относительно тернарного контраста до сих пор не проводилось. Однако некоторые материалы устного анкетирования позволяют предполагать, что сами носители языка не вполне осознают количественное отличие второго класса от третьего.

Если один из двух «долгих» аллофонов смычных и *s* представлен в позициях (3), (2) и (4), особенно в последних двух, информанты часто говорят, что звук здесь краткий глухой («одно ‘т’» и т. д.) — как в случае класса 2, так и в случае класса 3. Например, информантка EMV (1927 г. р. из дер. Вистино) членит словоформу [pīːr̥k̥k̥ä] ‘пирог:SG:NOM’ (с первичной геминатой) как [pī.ir.ka]. Однако есть и противоположные интерпретации, как видно, например, из диалога (1) с уже упоминавшейся информанткой AJF из деревни Гамолово (гемината вторичная)²²:

²² В диалогах (1) и (2) в скобках при каждом произнесении указывается длительность смычного в мс.

- (1) 'Овцы' как будет? (соб.) — [ʎa·mpāt] (120). — [ʎam...]? (соб.) — [ʎa·mpāt] (190). — [ʎa·mppāt]? (соб.) — Два 'п'. [ʎa·mppāt] (205).

В качестве интересного примера можно также привести слоговое деление словоформы [ʎe·j̥p̥i] 'хлеб:PL:ILL' (гемината «вторичная») информанткой АИФ (1926 г. р. из дер. Вистино), в диалоге (2). Вначале она говорит, что там «одно 'п'», но затем сама сравнивает произнесение этой словоформы со словом «лепит» и говорит, что в [ʎe·j̥p̥i] все-таки «два 'п'» (из разговора не вполне понятно, имеет ли АИФ в виду именно русское слово 'лепит' или же его заимствованный ижорский эквивалент):

- (2) 'Они воткнули ножи в хлеба?' (соб.) — А h'ū p'istelit v'eitset [ʎe·p̥i] (275). — [ʎe·p̥i], да? (соб.) — [ʎe·j̥p̥i] (200). — А [ʎe·p̥i], там одно 'п' или два? (соб.) — [ʎe·pp̥i] (265), одно. — Одно, ага (соб.). — Подожди ка, [l̥e·p̥i] (154) и [ʎe·j̥p̥i] (212), наверно, два! — Два, да? (соб.) — Да. [ʎe·p̥i] (167)... [ʎe·p̥i] (142) — одно, это 'лепит' (145), слово русское, 'лепит' (150). — 'Лепит', да? (соб.) — Да. Там два, [ʎe·j̥p̥i] (218), [ʎe·p̥i] (161), ага. Потому что это множество, [ʎe·j̥p̥i] (190). Да, два, [l'eip̥i] (250).

Одновременно информантка АИФ, будучи спрошенной напрямую, различается ли произнесение словоформ [ka·t̥d̥j̥ä] 'жест:PL:PART' (вторичная гемината) и [ka·t̥d̥j̥ä] 'карта:PL:PART' (первичная гемината), все же сказала: «Ну тут немножко какая-то одна буква должна меняться».

Подобные данные все же являются крайне разрозненными, и для надежных выводов необходимы специальные перцептивные исследования. Возможность проведения таких экспериментов при этом находится под вопросом в силу крайне преклонного возраста говорящих и их немногочисленности.

6.1.2. Неустойчивость глухих гласных фонем. Как уже говорилось в разделе 5.1, одна из причин редкости оппозиции модальных и глухих гласных — тот факт, что глухие гласные обычно являются редуцированными и имеют тенденцию исчезать из языка. В данном случае оказывается, что контрасту «модальные vs. глухие» сопутствует такая оппозиция («нередуцированные vs. редуцированные»), которая способствует не сохранению этого контраста, а исчезновению (ср. с разделом 4.8).

Специальных перцептивных экспериментов, исследующих восприятие носителями языка глухих редуцированных гласных,

также не проводилось. Однако данные о том, как некоторые говорящие пишут на своих идиомах [Kuznetsova 2012], а также обращение к их интроспекции во время устного анкетирования свидетельствуют, что современные носители языка иногда осознают по крайней мере редуцированный характер глухих гласных. Кроме того, они все же обычно воспринимают эти звуки именно как гласные, а не как признаки согласных (палатализацию и лабиализацию). Приведем в качестве примера диалоги (3)–(5) с уже упоминавшимся информантом NDP из деревни Ванакюля (в последнем также участвует его жена RVP 1923 г. р., родилась на мызе Приречье недалеко от деревни Волково):

- (3) *‘Люди’ как сказать? (соб.) — Да, ‘люди’, да, [i·y’m’ise:d], [I·h’msed] — это в множественном числе ‘человеки’, ‘люди’. — А там после «м», там «и», да, есть еще? (соб.) — [I·h’mi·s... lh]... Да, «и», [i·h’m’ise:d], [I·h’m’i·sed]. — Ага. А можете быстро сказать это слово? (соб.) — [I·h’m’sed]. Но это «и» как бы потеряется немножко, [i·h’msed].*
- (4) *[P’i·kàr̥j̥], ‘рюмка’ — это [p’i·kàr̥j̥]. — [P’i·kàri], да? (соб.) — [p’i·kàr]. «И», слабенький «и» сзади.*
- (5) *‘Он сел в лодку?’ (соб.) — Hä [i·stuz, i·stus̥j̥] veñeš. — Hä [i·stuz]... как? (соб.) — [I·stus̥j̥]. — А там [i·stus’], там есть «и» на конце или нету? (соб.) — [I·stus̥j̥]. Может, «и», да, как тоже какой-то половинный такой, [i·stus̥j̥]. (...) [I·stus], вот, мало, как вот я говорю, [i·stus]. [I·stus’], häñ [i·stus̥j̥] veñeš. Какой-то вот половинный «и» там есть. — Ну то есть, там, может быть, просто как по-русски мягкий знак или нет? (соб.) — [I·s.tu·s], наа, там «с», «с» крепкий, [i·stus], [i·stus̥j̥]. Не, мягкий вряд ли. (...) Это какой-то половинный «и», как вот слышит, [i·stus̥j̥]. (жене) Mitä? ‘Что?’ — Придумываешь половинки! «И», «с», «т», «у», «с», [i·stus] (жена). — [I·stus]’ — Да, никаких половинок там точно (жена). — Ну это Приречье так, Приречье так говорят, а Ванакюля говорит [i·stus̥j̥] (смеется).*

Будучи напрямую спрошен о том, различается ли произношение словоформ *kikõ* [ku·kkõ] ‘петух:SG:NOM’ и *kiko* [ku·kko] ‘петух:SG:PART/ILL’, NDP не смог отчетливо сформулировать разницу. Вначале он утверждает, что в одном случае на конце есть *o*, а в другом нет. Затем он признает, что в [ku·kõ] на конце тоже есть *o*, и говорит: «*Sürt räznitsa ei uo, a mikäle nīku vot, mie en tiĵe*

saño, ударение» ‘Большой разницы нет, а что-то как бы вот, я не знаю, как сказать, ударение’. Отметим, что NDP самостоятельно разработал систему письменности на своем говоре. В этой системе он отражает неконечную фонему шва как «ы» (наличие шва в конце стопы он вообще обычно не осознает). Однако прочие редуцированные гласные он записывает абсолютно тем же способом, что и модальные.

Таким образом, оппозиция глухих и модальных гласных, как и тернарный контраст количества, возможно, неустойчива и по перцептивным причинам. Однако и здесь необходимы исследования, которые могли бы предоставить этому более надежные статистические подтверждения.

6.2. Причины сохранения в языках редких контрастов

Дж. Блевинс в своей работе задается вопросом, почему неустойчивые и редкие контрасты все же удерживаются в языках, по крайней мере какое-то время [Blevins 2004: 209–211]. Одной из движущих сил, способствующих сохранению таких оппозиций, является развитие сопутствующих им вспомогательных контрастов. Данный аспект уже обсуждался выше на ижорском материале.

Вторая важная причина — это функциональная нагрузка контраста, как фонологическая, так и морфологическая. Фонологическая нагрузка включает в себя, в частности, количество минимальных пар, различаемых при помощи редкого контраста, набор фонетических признаков его реализации, количество таких путей трансформации, которые, позволяют избежать его исчезновения [Blevins 2004: 204–205; с отсылкой к работе У. Лабова]. Морфологической нагрузкой контраста Блевинс называет его способность напрямую выражать морфологические значения в парадигме [там же]. О составляющих фонологической нагрузки анализируемых контрастов уже много говорилось в предшествующем изложении. Рассмотрим более подробно их морфологическую нагрузку.

6.2.1. Морфологическая нагрузка сойкинского тернарного контраста. В сойкинском ижорском регулярными в глагольных и именных парадигмах являются чередования первого количественного класса со вторым, а также третьего класса с первым. Например: [ka·nã] ‘курица:SG:NOM’ vs. [ka·ñnã] ‘курица:SG:PART/ILL’, [le·ppã] ‘ольха:SG:NOM’ vs. [le·vãñ] ‘ольха:SG:GEN’. Наоборот, минимальные пары, где были бы противопоставлены второй и третий классы

согласных, крайне редки в языке, и практически всегда содержат разные лексемы²³.

Таким образом морфологическая нагрузка у контраста «долгих» классов в сойкинском диалекте практически отсутствует. В этом смысле ситуация здесь кардинально отличается от положения дел в эстонском языке, который упоминает Блевинс (см. тж. [Eek, Meister 2004: 350]). В эстонском «вторая» и «третья степени долготы» регулярно противопоставляют, например, именные формы генитива и партитива/иллатива: *kuke* [ku·kkè] ‘петух:GEN’ vs. *kukke* [ku·kkë] ‘петух:PART/ILL’.

В сойкинском ижорском морфологический фактор, наоборот, можно считать действующим в пользу слияния долгих классов в один. В парадигматике частотны минимальные пары типа [ka·nà] vs. [ka·ñnà], и неудивительно было бы существование осознанной или неосознанной тенденции говорящих как можно сильнее противопоставить члены таких пар друг другу. Поскольку ключевым смысловоразличительным признаком здесь является именно длительность согласного, то чем больше количественное различие между кратким и долгим согласным, тем отчетливее становится оппозиция словоформ.

В этом смысле морфологический фактор может быть одной из важных предпосылок удлинения вторичных геминат до уровня первичных, произошедшего в части сойкинского ареала и во всех прочих ижорских диалектах. А. Лаанест на материале хэваского диалекта сделал интересное замечание о том, что в истории развития ижорских диалектов произошло перераспределение функциональной парадигматической нагрузки с неначальных гласных на согласные:

Первичные геминаты фонологически противопоставлены единичным согласным, например, *seBän* /*sepän*/ ‘кузнеца’ и *seppän* /*seppän*/ ‘как кузнец’ (эссив). Легко убедиться, что это относится и ко вторичным геминатам. Одной из характерных черт современного хэваского диалекта является то, что в непервых слогах первоначально долгие гласные часто выступают короткими или полудолгими,

²³ Редчайшие примеры неполных максимально близких по структуре минимальных пар, содержащих формы одной лексемы: [tu·ñèt] ‘приходить :PC:PST:ACT:PL’ vs. [tu·ñòt] ‘приходить:PRS:3PL’, [mä·nnèt] ‘уходить:PC:PST:ACT:PL’ vs. [mä·ñnòt] ‘уходить:PRS:3PL’.

так что долгота гласных непервых слогов может довольно свободно колебаться. Поэтому во многих случаях, где долгота гласного имела раньше смыслоразличительную функцию, эта функция перешла на долготу согласного, например в парах слов: *paDa* (номинатив) — *patta* (партитив) ‘горшок’, *siGa* (номинатив) — *sikka* (партитив) ‘свинья’, *kūlān* ‘деревни’ (генитив) — *kūllān* ‘в деревню’ (иллатив). Таким образом, здесь налицо оппозиция единичного согласного и вторичного двойного согласного [Лаанест 1966b: 21].

Развитие реорганизации системы в сторону современного Лаанесту хэваского диалекта можно проиллюстрировать приблизительно следующим образом (жирным шрифтом выделены сегменты, несущие основную функциональную нагрузку в противопоставлении форм): [**pa·ta* ~ *pa·tā*] ‘горшок:SG:NOM’ vs. [**pa·tā*] ‘горшок:SG:PART/ILL’ > [**pa·Dā*] vs. [**pa·t̃tā*] > [*pa·Dā*] vs. [*pa·ttā*]. Функциональная нагрузка, связанная с регулярным противопоставлением форм в именной парадигматике, перешла от неначальных гласных к согласным (сходные примеры легко найти и для глаголов). Лаанест считает этот процесс предпосылкой интенсивного развития редукции неначальных гласных не только в ижорском, но и в водских и финских говорах Ингерманландии [Лаанест 1967: 36]. Одновременно, как уже было сказано, такая реорганизация системы могла способствовать и исчезновению тернарного контраста согласных в большинстве ижорских диалектов.

6.2.2. *Морфологическая нагрузка нижнелужского контраста модальных и глухих редуцированных гласных.* Оппозиция редуцированных глухих и нередуцированных модальных гласных в южных нижнелужских говорах, напротив, несет существенную морфологическую нагрузку. Она противопоставляет большое количество пар в парадигмах имен и глаголов (ср. пример с формами номинатива и партитива/иллатива лексемы *kukkõ* ‘петух’ в 3.1).

Однако важный нюанс здесь заключается в том, что если редуцированные гласные исчезнут, формы не станут омонимичными. В таком случае функциональная нагрузка переместится на оппозицию отсутствия и наличия гласного. Подобную ситуацию можно наблюдать на примере более инновационного эстонского языка. В частности, оппозиция отсутствия и наличия гласного противопоставляет здесь формы номинатива vs. генитива и партитива/ил-

латива многих имен. Например: *kukk* [ku·k̄] ‘петух:SG:NOM’ vs. *kuke* [ku·kk̄è] ‘петух:SG:GEN’ и *kukke* [ku·kk̄è] ‘петух:SG:PART/ILL’.

В этом смысле нижелужская ситуация отличается от рассматриваемой Дж. Блевинс для эстонского и динка, где исчезновение тернарных противопоставлений привело бы к массовой омонимии определенных форм в парадигмах. Поэтому в случае нижелужских ижорских говоров наличие функциональной морфологической нагрузки у оппозиции глухих и модальных гласных не обязательно должно способствовать сохранению этого контраста.

7. Заключение

Нижелужский диалект, находящийся в составе языкового союза близкородственных языков, имеет самую инновационную фонологическую систему среди всех ижорских диалектов. При этом наиболее инновационными в его составе являются южные говоры. Редукция неначальных гласных достигает в этих говорах максимальной степени и даже по сравнению с другими говорами того же диалекта выходит на качественно новый уровень.

Сойкинский диалект, в свою очередь, в целом имеет наиболее консервативную ижорскую фонологическую систему. Однако в этой системе (как и в системах исчезнувших хэваского и оредежского диалектов) имеется ряд инноваций, неизвестных нижелужскому диалекту. Они, наоборот, связаны с более интенсивным развитием продлений гласных и согласных в определенных позициях.

Можно сказать, что на том этапе, когда складывался современный фонологический облик сойкинского и нижелужского диалектов, «векторы» их фонетического и фонологического развития были направлены отчасти в противоположные стороны. Сойкинский диалект более активно развивал продления, а нижелужский диалект — редукцию.

Это ярко проявляется на примере рассмотренных в настоящей работе типологически редких явлений в фонологии указанных диалектов. Фонологическая система сойкинского диалекта с типологической точки зрения представляет собой крайнюю точку развития долготы — более трех фонологически значимых «степеней долготы» в языках мира не зафиксировано. Развитие тернарного контраста может быть только путем назад, к бинарному противопоставлению, либо же смещением оппозиции на супraseгментный уровень.

Система южных говоров нижнелужского диалекта, напротив, демонстрирует крайнюю возможную степень развития редукции — сверхкраткие оглушенные гласные. Следующим этапом развития подобных гласных является полное их исчезновение.

Можно также сказать, что фонология диалектов ижорского языка сама по себе является своеобразной типологической редкостью — она демонстрирует уникальную по своей широте степень типологического разнообразия в территориальных вариантах одного языка.

Список сокращений и условных обозначений

С — краткий согласный; \bar{C} — долгий согласный; R — краткий сонант; V — краткий гласный; \bar{V} — продленный гласный; V_1 — гласный первого слога; V_2 — гласный второго слога; VV — долгий гласный или дифтонг; 1 — 1 лицо; 2 — 2 лицо; 3 — 3 лицо; АСТ — активный залог; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; IPS — имперсонал; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; PC — причастие; PART — партитив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SUP — супин.

Литература

- Аристэ 1947 — П. Аристэ. Происхождение водского языка // Ученые записки Тартуского государственного университета. Филологические науки 4. Советское финно-угроведение 3, 1947. С. 35–47.
- Зайцева 1981 — М. И. Зайцева. Грамматика вепского языка (фонетика и морфология). Л.: Наука, 1981.
- Кузнецова 2008 — Н. В. Кузнецова. Сравнительно-типологический анализ фонологических систем сойкинского и нижнелужского диалектов ижорского языка // Acta linguistica Petropolitana IV, 2. СПб.: Наука, 2008. С. 104–110.
- Кузнецова 2009а — Н. В. Кузнецова. Фонологические системы ижорских диалектов. Дисс. ... канд. филол. наук. ИЛИ РАН, СПб., 2009.
- Кузнецова 2009б — Н. В. Кузнецова. Супрасегментная фонология сойкинского диалекта ижорского языка в типологическом аспекте // Вопросы языкознания 5, 2009. С. 18–47.
- Кузнецова 2012 — Н. В. Кузнецова. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка // Acta linguistica Petropolitana VIII, 1. СПб.: Наука, 2012. С. 43–103.
- Кулешов 2012 — Вяч. С. Кулешов. Ливская акцентная система // Acta linguistica Petropolitana VIII, 1. СПб.: Наука, 2012. С. 104–131.

- Лаанест 1966а — А. Лаанест. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин: Институт языка и литературы АН СССР, 1966.
- Лаанест 1966б — А. Лаанест. О взрывных в фонологической системе хэ-ваского диалекта ижорского языка // Советское финно-угроведение II, 1966. С. 19–21.
- Лаанест 1967 — А. Лаанест. Об истории долгих гласных непервых слогов в ижорском, водском и финском языках (тезисы) // Всесоюзная конференция по финно-угорскому языкознанию: Тезисы к докладам и некоторые доклады. Ижевск: Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете министров Удмуртской АССР, 1967. С. 35–36.
- Лаанест 1978 — А. Лаанест. Историческая фонетика и морфология ижорского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Институт языка и литературы АН СССР, Таллин, 1978.
- Маркус, Рожанский 2011 — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк. Т. II. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Муслимов 2005 — М. З. Муслимов. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. ... канд. филол. наук. ИЛИ РАН, СПб., 2005.
- Поливанов 1991 (1928) — Е. Д. Поливанов. Избранные работы по восточному и общему языкознанию. М.: Наука, 1991.
- Сидоркевич 2012 — Д. В. Сидоркевич. Ингерманландцы в Сибири: этническая идентичность в многоэтничном окружении // Acta linguistica Petropolitana VIII, 1. СПб.: Наука, 2012. С. 194–285.
- Сидоркевич 2013а — Д. В. Сидоркевич. Фонологическая система сибирского ингерманландского идиома // Acta Linguistica Petropolitana IX, 2. СПб.: Наука, 2013. С. 657–702.
- Сидоркевич 2013б — Д. В. Сидоркевич. Язык ингерманландских переселенцев XIX в. в Сибири (структура, диалектные особенности, контактные явления). Дисс. ... канд. филол. наук. ИЛИ РАН, СПб., 2013.
- Трубецкой 2000 (1939) — Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Ariste 1960 — P. Ariste. Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused V, 1960. Lk. 7–67.
- Ariste 1965a — P. Ariste. Reduktion der Stimmhaftigkeit als morphologischer Faktor // Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1965. S. 15–17.
- Ariste 1965b — P. Ariste. Etwas über das Ižorische // Советское финно-угроведение III, 1965. С. 183–186.
- Ariste 1969 — P. Ariste. Vanakülä isuri murrakust // Emakeele seltsi aasta-raamat 14–15, 1968–1969. Lk. 173–180.

- Bals et al. 2007 — B. A. Bals, D. Odden, C. Rice. The phonology of gradation in North Saami. www.ling.ohio-state.edu/~odden/SaamiGradation2007.pdf.
- Blevins 2004 — J. Blevins. *Evolutionary phonology: The emergence of sound patterns*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Bye et al. 2009 — P. Bye, E. Sagulin, I. Toivonen. Phonetic duration, phonological quantity and prosodic structure in Inari Saami // *Phonetica* 66, 2009. P. 199–221.
- Eek 1973 — A. Eek. Observations in Estonian palatalization: An articulatory study // *Estonian Papers in Phonetics*, 1973. P. 18–36.
- Eek, Meister 2003–2004 — A. Eek, E. Meister. Foneetilisi katseid ja arutlusi kvantiteedi alalt I–II // *Keel ja Kirjandus* 11, 2003. Lk. 815–837. 12, 2003. Lk. 904–918. 4, 2004. Lk. 251–271. 5, 2004. Lk. 337–357.
- Gil et al. 2009 — D. Gil, P. Trudgill, P. Sampson (eds.). *Language complexity as an evolving variable*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Gordon 1998 — M. Gordon. The phonetics and phonology of non-modal vowels: A cross-linguistic perspective // *Berkeley Linguistics Society* 24, 1998. P. 93–105.
- Gordon 2009 — M. Gordon. Prominence and gemination in Ingrian // *Linguistica Uralica* 45, 2, 2009. P. 81–100.
- Jakobson, Waugh 1987 — R. Jakobson, L. R. Waugh. 1987. The sound shape of language // R. Jakobson. *Selected writings VIII. Completion vol. 1: Major works, 1976–1980*. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter. P. 1–316.
- Kettunen 1913 — L. Kettunen. Itävatjan geminoitumis-ilmioistä // *Suomalais-ugrialaisen seuran aikakauskirja XXX*, 1913–1918. S. 1–7.
- Kettunen 1915 — L. Kettunen. *Vatjan kielen äännehistoria*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1915.
- Kettunen 1930 — L. Kettunen. *Suomen murteet: II. Murrealueet*. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia 188). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1930.
- Kohlberger 2014 — M. Kohlberger. Non-nasal nasals: Reinterpreting nasalisation in Shiwiar (Jivaroan) // *Sound Change in Interacting Human Systems: 3rd Biennial Workshop on Sound Change*. University of California, Berkeley, May 28–31, 2014. Доступно по адресу: http://linguistics.berkeley.edu/SCIHS/abstracts/4_FridayMorning/Kohlberger.pdf.
- Kuznetsova 2011 — N. Kuznetsova. Typology of prosodic systems in Low Luga Izhorian varieties // P. K. Austin, O. Bond, M. Charette, D. Nathan, P. Sells (eds.). *Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory 2*. London: SOAS, 2011. P. 185–192.
- Kuznetsova 2012 — N. Kuznetsova. Vowel reduction in Lower Luga Ingrian: scientific description and “folk” perception. // E. V. Golovko, M. L. Lurie, M. Z. Muslimov, S. A. Oskolskaya (eds.). ‘Folk linguistics’: Language

- from speakers' perspective. Paper abstracts for the conference, St. Petersburg, November 19–21, 2012. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2012. P. 85–87.
- Laanest 1960 — A. Laanest. Isuri keele Oredeži murdest // *Emakeele seltsi aastaraamat VI*, 1960. P. 179–195.
- Laanest 1968 — A. Laanest. Nykyisen Hevahan murteen luonteenomaisia piirteitä // *Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum: Helsingae habitus 23.–28.VIII.1965. Pars 1: Acta linguistica*. Helsinki: Societas Fenno-Ugrica, 1968. P. 290–292.
- Laanest 1986 — A. Laanest. Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn: Valgus, 1986.
- Laanest 1987 — A. Laanest. Zur Phonologie der ingrischen // *Studien zur Phonologie und Morphonologie der uralischen Sprachen: Eisenstadt, 28. Juni — 1. Juli 1984: Akten der dritten Tagung für uralische Phonologie*. Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs, 1987. S. 285–293.
- Ladefoged, Maddieson 1996 — P. Ladefoged, I. Maddieson. The sounds of the world's languages. Oxford; Cambridge: Blackwell Publishers, 1996.
- Laver 1994 — J. Laver. Principles of phonetics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Lehiste 1960 — I. Lehiste. Segmental and syllabic quantity in Estonian // *American Studies in Uralic Linguistics*. (Indiana University Publications; Uralic and Altaic Series 1). Bloomington: Indiana University, 1960. P. 21–82.
- Lehiste 1977 — I. Lehiste. Isochrony reconsidered // *Journal of Phonetics* 5, 1977. P. 253–263.
- Lehiste et al. 2008 — I. Lehiste, P. Teras, V. Ernštreits, P. Lippus, K. Pajusalu, T. Tuisk, T.-R. Viitso. Livonian prosody. (Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia 255). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 2008.
- Liberman 1982 — A. Liberman. Germanic accentology. Vol. 1: The Scandinavian languages. Minnesota: University of Minnesota Press, 1982.
- Liiv 1961 — G. Liiv. Eesti keele kolme vältusastmevokaalide kestus ja meeloodiatüübid // *Keel ja Kirjandus* 7, 1961. Lk. 412–424. *Keel ja Kirjandus* 8, 1961. Lk. 480–490.
- Lippus 2011 — P. Lippus. The acoustic features and perception of the Estonian quantity system. (Dissertationes philologiae Estonicae Universitatis Tartuensis 29). Tartu: Tartu University Press, 2011.
- Mägiste 1925 — J. Mägiste. Rosona (Eesti Ingeri) murde pääjooned. (Acta et commentationes Universitatis Tartuensis; B, Humaniora 7, 3). Tartu: E.K.Ü. "Postimehe" trükk, 1925.
- Mahapatra 1979 — B. P. Mahapatra. Malto: An ethnosemantic study. (CIIL Occasional Monograph Series 15). Mysore: Central Institute of Indian Languages, 1979.

- Markus 2010 — E. Markus. Primary and secondary geminates in Ingrian // *Linguistica Uralica* 46, 1, 2010. P. 38–52.
- Markus 2011 — E. Markus. The phonetics and phonology of a disyllabic foot in Soikkola Ingrian // *Linguistica Uralica* 47, 2, 2011. P. 103–119.
- McRobbie-Utasi 1991 — Z. McRobbie-Utasi. Preaspiration in Skolt Sami // *Simon Fraser University Working Papers in Linguistics*. Vol. 1, 1991. P. 77–87.
- McRobbie-Utasi 1996 — Z. McRobbie-Utasi. An acoustic analysis of durational interdependences in Skolt Saami // *Congressus Octavus Fenno-Ugristarum: Jyväskylä 10.–15.8.1995. Pars III: Sessiones sectionum: Phonologia & Morphologia*. Jyväskylä, 1996. P. 28–32.
- McRobbie-Utasi 2007 — Z. McRobbie-Utasi. The instability of systems with ternary length distinctions: The Skolt Saami evidence // I. Toivonen, D. Nelson (eds.). *Saami linguistics*. (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science IV, 288). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 167–205.
- Pajusalu 2012 — K. Pajusalu. Phonological innovations of the southern Finnic languages // R. Grünthal, P. Kallio (eds.). *A linguistic map of prehistoric North Europe*. (Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia 266). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 2012. P. 201–214.
- Porkka 1885 — W. Porkka. Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn, 1885.
- Remijsen, Gilley 2008 — B. Remijsen, L. Gilley. Why are three-level vowel systems rare? Insights from Dinka (Luanyjang dialect) // *Journal of Phonetics* 36, 2008. P. 318–344.
- Sammallahti 1998 — P. Sammallahti. *The Saami languages: An introduction*. Kárášjohka: Davvi Girji, 1998.
- Sovijärvi 1944 — A. Sovijärvi. Foneettis-äännehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeroisurteesta. (Suomi-kirjan eripainoksia 5). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1944.
- Tauli 1956 — V. Tauli. *Phonological tendencies in Estonian*. PhD diss. (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser 29). Copenhagen, 1956.
- Trudgill 2001 — P. Trudgill. Contact and simplification: Historical baggage and directionality in linguistic change // *Linguistic Typology* 5, 2001. P. 371–374.
- Tuisk 2006 — T. Tuisk. *Kestussuhted liivi keeles*. Magistritöö. Tartu: Tartu ülikool, 2006.
- Viitso 1964 — T.-R. Viitso. Hilisgeminatsioonist vadja keeles // *Töid läänemeresoome ja volga keelte alalt*. Tallinn: Eesti NSV teaduste akadeemia; Eesti keele instituut, 1964. Lk. 24–35.

- Viitso 1975 — T.-R. Viitso. Outlines of Livonian phonology // Symposium Phonologische Analyse der uralischen Sprachen Berlin 17.–20. September 1974. (Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 22). Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, 1975. P. 83–113.
- Viitso 1997 — T.-R. Viitso. The prosodic system of Estonian in the Finnic space // I. Lehiste, J. Ross (eds.). Estonian prosody: Papers from a symposium: International Symposium on Estonian Prosody, Tallinn, Estonia, October 29–30, 1996: Proceedings. Tallinn: Institute of Estonian language, 1997. P. 222–234.

Т. А. Майсак
(ИЯз РАН, Москва)

**ДУБЛИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ:
корпусные данные и попытки интерпретации***

1. Введение

В агульском языке, одном из языков лезгинской группы нахско-дагестанской семьи, встречается конструкция, в которой местоименный субъект выражается при финитном глагольном сказуемом дважды. Так, в примере (1) главную клаузу можно буквально перевести как ‘я говорю я’: местоимение 1-го лица *zun* ‘я’ в форме абсолютива/эргатива присутствует здесь как перед, так и после глагола ‘говорить’ в форме презенса. Главная клауза в данном примере вводит цитату, однако оба вхождения местоимения *zun* ‘я’ к цитате не относятся — в зависимой клаузе имеется свой субъект, причем в другом падеже (дативе, как это предписывается вершиной зависимой клаузы, экспериенциальным глаголом ‘видеть’).

- (1) *zun* *к.а-а* *zun*, “*ha-mi-šti*
я говорить.IPF-PRS я EM-DEM-ADV(GEN)
še? *ag.u-ne* *za-s*”.
вещь видеть.PF-AOR я-DAT
‘Я говорю, что, мол, такую вещь я видел.’

Далее мы подробнее рассмотрим эту конструкцию, которую мы будем называть конструкцией с дублированием местоимения, на материале корпуса устных текстов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-02624 «Корпусные исследования предикатно-аргументной структуры предложения в нахско-дагестанских языках». Мы благодарны С. Р. Мердановой за обсуждение описываемого явления, а также В. С. Мальцевой и анонимному рецензенту за плодотворные замечания к первой версии статьи.

Дублирование местоимений не является частотным, хотя встречается в спонтанной агульской речи у носителей разных поколений и не расценивается как речевая ошибка; в письменных текстах¹ и при элицитации (например, переводе предложений с русского) дублирование не отмечено. В существующих грамматических очерках агульского языка, к которым относятся прежде всего [Дирр 1907; Шаумян 1941; Магометов 1970; Тарланов 1994; 2013; Мерданова 2004], существование конструкции с дублированием не упоминается. Последнее может быть связано с тем, что агульский синтаксис и тем более дискурсивные явления в соответствующих работах практически не затрагиваются (исключение частично представляют собой две монографии З. К. Тарланова). Кроме того, примеры, которыми мы располагаем, относятся прежде всего к одному из диалектов агульского языка — хпюкскому, который служит предметом рассмотрения только в книге С. Р. Мердановой; о степени распространенности дублирования в других диалектах судить пока трудно (ниже мы вернемся к этому вопросу в разделе 5). Так или иначе, на данном этапе представляется существенным рассмотреть все задокументированные случаи использования конструкции с дублированием в имеющихся образцах естественной, неподготовленной речи хпюкцев.

Тексты, вошедшие в проанализированный нами корпус, были записаны Д. С. Ганенковым, Т. А. Майсаком и С. Р. Мердановой в 2004–2008 гг., главным образом в с. Хпюк Курахского района Республики Дагестан (небольшая часть текстов была записана в Махачкале). Общий объем корпуса составляет около 92 тыс. слов; с жанровой точки зрения он включает прежде всего нарративы (сказки, легенды, рассказы об истории и традициях села, забавных или драматических случаях из жизни сельчан), в меньшей степени представлены диалоги.

Агульские диалекты образуют весьма разветвленную систему. Хпюкский диалект представлен единственным говором небольшого

¹ Агульский язык получил письменность в 1990 г.; в настоящее время публикации на агульском языке представлены учебной литературой, публицистикой, несколькими поэтическими сборниками и произведениями фольклора, однако в целом использование письменности носит ограниченный характер (самым крупным прозаическим произведением, изданным по-агульски, остается перевод Евангелия от Луки, изданный в 2005 г.).

с. Хпюк и относится к южной периферии агулоязычного ареала, граничащей с лезгинскими селами Курахского района. Вместе с другими диалектами (несколько из которых также являются одноаульными) хпюкский принадлежит к центральной или «собственно агульской» диалектной группе, противопоставленной не взаимопонятному с ней кошанскому диалекту (на северо-востоке Агульского района). Всего в России насчитывается менее 30 тыс. носителей агульского языка². Его ближайшими родственниками, вместе с которыми он образует восточнолезгинскую подгруппу лезгинских языков, являются два более крупных языка Дагестана — табасаранский и собственно лезгинский. Как и большинство нахско-дагестанских языков, агульский — язык эргативного строя, с левоветвящимся порядком слов и базовым порядком SOV (впрочем, порядок составляющих в спонтанной речи достаточно свободен), с богатой падежной системой и развитой парадигмой видо-временных форм. В отличие от большинства нахско-дагестанских (и в т. ч. лезгинских) языков, в агульском было утрачено согласование по именному роду/классу, личное согласование также отсутствует.

Во втором разделе статьи мы подробнее рассмотрим структуру конструкции с дублированием местоимений и возможные варианты заполнения ее позиций, а также частотность различных вариантов в корпусе. Третий раздел содержит обсуждение возможных параллелей явлению дублирования в родственных языках и в типологической перспективе. В четвертом будут приведены некоторые данные об особенностях порядка слов при вводе цитат, а также высказаны предположения о происхождении агульской конструкции. Наконец, в заключении сформулированы выводы и возможные перспективы исследования.

2. Конструкция с дублированием местоимения в корпусе

2.1. Структура конструкции

Общая структура конструкции с дублированием такова: «местоименный субъект — финитный глагол — местоименный субъект». Ни первое, ни второе вхождение местоимения не отделены от гла-

² По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в стране проживает 29287 носителей агульского языка, общее число агулов составляет 34160 чел. (см. <http://www.perepis-2010.ru>).

гола паузой или сменой интонации: местоимения произносятся так же, как в стандартных случаях с препозитивным субъектом («местоимение — финитный глагол») или с постпозитивным субъектом («финитный глагол — местоимение»). Именно поэтому представляется возможным говорить в данном случае о единой конструкции, в который субъект выражен дважды, — а, например, не о сочетании целой клаузы с оборванной (типа «я... сказал я» или «я сказал... я»), ошибочно порожденной говорящим.

Конструкция с дублированием зафиксирована только при местоименном субъекте, но не при полных именных группах (типа *«отец сказал отец»)³. Более того, в конструкции представлены только местоименные субъекты — точнее, агенсы переходного глагола. В агульском, как и в родственных ему языках нахско-дагестанской семьи, агенс переходного глагола кодируется морфологически маркированным падежом, эргативом (тогда как пациенс переходного глагола и единственный актант непереходного прототипически выражаются немаркированным абсолютивом). У личных местоимений 1–2 л. ситуация осложняется тем, что морфологического противопоставления абсолютива и эргатива у них нет⁴. Поэтому определить, какое именно падежное значение использовано в конструкции с дублированием, для этих пяти местоимений (*zɪn* ‘я’, *wɪn* ‘ты’, *xɪn* ‘мы, инклюзивное’, *čɪn* ‘мы, эксклюзивное’ и *čɪn* ‘вы’) невозможно. Однако у демонстративов, используемых в агульском для референции к третьему лицу, а также у рефлексивного/логофорического местоимения абсолютив и эргатив различаются, ср. соответственно *me* ‘этот.ABS’ vs. *mi* ‘этот.ERG’ или *uʃ* ‘сам.ABS’ vs. *uʃi* ‘сам.ERG’. Оба вхождения в конструкции с дублированием представлены эргативами (ср. примеры (3) или (6) ниже), из чего можно сделать вывод, что в данной конструкции дублируется именно субъектное местоимение.

³ Использование субъектного местоимения после глагола при наличии субъекта, выраженного полной именной группой (условно, *«отец сказал он»), в агульском также не отмечено.

⁴ Особая форма эргатива на -ʃ имеется у личных местоимений только в керенском диалекте, в чем, по мнению Н. Д. Сулейманова [1993: 125], можно усматривать влияние лезгинского языка, где личные местоимения различают формы абсолютива и эргатива.

Заметим, что в агульском не существует морфологического различия между «сильными» и «слабыми» формами местоимений: как перед, так и после глагола выступают формы, имеющие один и тот же статус⁵. В целом в корпусе в конструкции с дублированием встречаются следующие местоимения:

- *zun*, личное местоимение 1-го л. ед. ч.;
- *čín*, личное местоимение 1-го л. мн. ч., эксклюзивное;
- *mi*, ближний демонстратив⁶;
- *uči* (ед. ч.) / *čipí* (мн. ч.), рефлексивное/логофорическое местоимение, используемое также как анафор.

Проблема определения кодирования местоимений в конструкции с дублированием не вызывает больших сложностей еще и потому, что данная конструкция зафиксирована только с одним глаголом — это основной и чрезвычайно частотный в текстах глагол речи *awas* ‘говорить’. Агентивный субъект этого глагола кодируется эргативом, при нем также допустим адресат в дативе. Как и в примере (1) выше, конструкция с дублированием представлена в главной клаузе, которая вводит цитату. Цитата при этом почти всегда располагается после главной клаузы; единственным исключением является предложение с цитатой, состоящей из отрицательного слова *wa?* ‘нет’, ср. *wa?, zun waže zun...* ‘«Нет,» — говорю я...’.

Таким образом, в уточненном виде структура конструкции с дублированием местоимения выглядит следующим образом: «мес-

⁵ Как показывает А. А. Кибрик в типологическом исследовании, свободные личные местоимения большинства языков в действительности являются «слабыми» и представляют собой клитики, т. е. просодически не полностью самостоятельные слова; «сильные» местоимения нередко совпадают со «слабыми» по форме и отличаются лишь просодической выделенностью, хотя в некоторых языках несут и дополнительное морфологическое маркирование [Kibrik 2011: 81–85, 147–151]. Судя по всему, агульские личные местоимения, так же как и русские или английские, также относятся к классу «контекстуально клитических» (contextually clitic), т. е. «слабых» в большинстве употреблений, но способных к просодическому «усилению».

⁶ В агульском языке представлена четырехчастная дейктическая система, в которой выражены два противопоставления: степень близости/удаленности объекта от говорящего и адресата и, с другой стороны, расположение объекта выше или ниже дейктического центра.

тоименный субъект — финитный глагол ‘говорить’ — местоименный субъект — цитата».

При том, что в подавляющем большинстве случаев ни одно из местоимений не отделено от глагола никаким другим материалом, имеются примеры, в которых между местоимением и глагольной формой располагается клитика. Во-первых, это может быть аддитивная энклитика *=ra*⁷ на первом вхождении местоимения, как в примере (2).

- (2) *zun-na p.u-ne zun, "ha-le k:arawut.i*
 я=ADD говорить.PF-AOR я EM-DEML кровать(GEN)
k'en.a-k kiičič'.u-naje-t-ar e,
 низ-SUB/CONT {SUB/CONT-LAT}лезть.PF-PT:PRF-S-PL COP
iže x.u-ne".
 хороший стать.PF-AOR
 ‘И я сказал: «Так вам и надо, под кроватью спрячетесь вы.»’

Кроме того, на глагольной форме может располагаться репор- тативная энклитика *vaj* ‘говорят’ (см. о ней также ниже):

- (3) *aχp:aj uč.i p.u-ne=vaj uč.i,*
 потом сам(ERG) говорить.PF-AOR=CIT сам(ERG)
"me qa-uč'.u-ne kuma.ji, kuma.ji
 DEMM RE-{IN}лезть.PF-AOR хижина(IN) хижина(IN)
uč'.u-ne tenela".
 {IN}лезть.PF-AOR наверное
 ‘А он подумал: «Он уже зашел в хижину, в хижину, на- верно, зашел.»’

2.2. Варианты лексического наполнения конструкции

Рассмотрим наиболее характерные разновидности лексического наполнения конструкции с дублированием в корпусе. Примеры (4)–(6) демонстрируют дублирование местоимений 1-го л. ед. ч., 1-го л. мн. ч. и ближнего демонстратива соответственно. Глагол в этих примерах имеет форму аориста либо презенса, а в (4) пред- ставлены оба варианта.

⁷ Конечный согласный /п/ опорного слова ассимилирует начальный согласный аддитивной клитики, превращая ее в *=na*.

- (4) *hal zun в.а-а zun, “üšťel, qel-la*
 теперь я говорить.IPF-PRS я учитель обида=ADD
та-ŕ“.а”, zun р.и-не zun ахр:а
 ПРОН-идти.IPF я говорить.PF-AOR я потом
žamaldin.а-s, “qa üšťel, qel та-ŕ“.а”,
 Джамалдин-DAT PTCL учитель обида ПРОН-идти.IPF
р.и-не zun...
 говорить.PF-AOR я
 ‘И теперь я говорю ему: «Учитель, не обижайся, — сказала я тогда Джамалдину, — не обижайся, учитель,» — сказала я...’
 (ср. также пример (21) ниже)

- (5) *čīn р.и-не čīn,*
 мы:EXCL говорить.PF-AOR мы:EXCL
“ačīš.i-na gardan-ar.i-? p’ac-ar
 {IN-LAT} прыгать.PF-CONV шея-PL-IN поцелуй-PL
ik’ üže...
 {IN} класть(IMP) уже
 ‘Мы сказали: «Кинься ей на шею, расцелуй... {делай, что хочешь, чтобы отвлечь внимание от канатоходца}’.

- (6) *mī ав.а-а mī*
 DEMM(ERG) говорить.IPF-PRS DEMM(ERG)
dūja-χalum.а-s, “zun ŕ“.а-s-e” в.а-а,
 Дунья-Халум-DAT я идти.IPF-INF-COP говорить.IPF-PRS
“te p:ač:ah.ti ruš q-aq’.а-s”.
 DEMT царь(GEN) дочь RE-делать.IPF-INF
 ‘И он говорит Дунья-Халум: «Я пойду, чтобы вылечить дочь того царя»’.

В примерах (7) и (8) субъект говорения выражен рефлексивным/логофорическим местоимением. Как и в некоторых других дагестанских языках (наиболее известен в этом отношении цахурский, ср. [Кибрик, Тестелец (ред.) 1999: 644–670]), в агульском местоимение данного типа в определенных случаях может быть использовано и как анафорическое. Прежде всего это происходит, когда некоторое лицо является одновременно основным участником повествования и источником информации о происходящем — иначе говоря, это пересказ истории, произошедшей с человеком, с его

слов (см. подробнее [Ганенков и др. 2009]). В основной линии подобных нарративов, как правило, последовательно используются заглазные глагольные формы: в (7) это форма перфекта/результатива, которая в агульском имеет также значение косвенной засвидетельствованности, а в (8) и в (3) выше это аорист с клитическим показателем репортатива ('я знаю это с чужих слов') *ɓaj*, восходящим к глаголу речи⁸.

- (7) *uɕ.i p.u-naa uɕ.i "pul*
сам(ERG) говорить.PF-PRF сам(ERG) деньги
qa-dawa" p.u-naa.
{POST}быть-PRS:NEG говорить.PF-PRF
'А он сказал, что, мол, денег нет'.
- (8) *axp:a čülle tuk-ar a-je-guna ti-sa,*
потом голубой цветок-PL {IN}быть-PT-TEMP DEMT-LOC(IN)
čip:i p.u-ne-ɓaj čip:i,
сам:PL(ERG) говорить.PF-AOR=CIT сам:PL(ERG)
"me fi žiga x.u-raj" p.u-ne-ɓaj...
DEMM что место стать.PF-JUSS говорить.PF-AOR=CIT
'Были там голубые цветы, и они сказали: «Что же это за место такое?»' (ср. также пример (18) ниже)

Наконец, пример (9), как и (3) выше, показывает, что в конструкции с дублированием глагол *awas* может быть использован не только в своем основном значении 'говорить', но и в значении 'думать'. Хотя *awas* не является основным лексическим средством для выражения данного значения (ср. специализированные сложные глаголы *fikir aq'as* 'думать' и *χijal ɣwas* 'подумать; промелькнуть — о мысли'), внутренняя речь может передаваться и этим глаголом.

⁸ 8 из 9 корпусных примеров конструкции с дублированием рефлексивного/логофорического местоимения содержат глагольную форму с данным показателем (исключением является пример (7), в котором эвиденциальность выражена самой глагольной формой перфекта).

- (9) *aq alatarx.u-ne zun,*
 вниз {SUPER-ELAT}попадать.PF-AOR я
zun p.u-ne zun, "hal ʷan-ar
 я говорить.PF-AOR я теперь камень-PL
adat.a-s-e mi za-l-di".
 {IN-DOWN}пускать.IPF-INF-COP DEMM(ERG) я-SUPER-LAT
 ‘Спустился я вниз и думаю: «Сейчас она (медведица) будет
 кидать в меня камни»’.

2.3. Частотность вариантов конструкции

В общей сложности конструкция с дублированием встречается в корпусе хпюкских текстов чуть более 60 раз. Она не является принадлежностью определенного идиолекта или поколения говорящих: конструкция отмечена в текстах, представляющих речь нескольких носителей — как мужчин, так и женщин, как младшего (20–30 лет), так и старшего (60–70 лет) поколения.

Числовые данные по употреблению конструкции в корпусе суммированы в Таблице 1, где отражены два основных параметра: собственно дублирующееся местоимение и форма глагола речи⁹. В подавляющем большинстве случаев (46 из 62) конструкция отмечена с местоимением 1-го л. ед. ч., реже засвидетельствованы местоимение ‘мы’ и анафорические средства 3-го лица — ближний демонстратив и рефлексив/логофор.

Финитное сказуемое чуть более чем в половине случаев представлено формой аориста (перфективного прошедшего) глагола ‘говорить’, частотна также форма презенса — она во всех примерах используется в контексте «настоящего исторического» типа ‘и тут я ему говорю...’, ср. (4) или (6) ниже. Тем самым, конструкция встречается прежде всего в нарративном контексте, при введении в рассмотрение ситуации говорения как одного из следующих друг за другом событий повествования.

⁹ ‘Говорить’ является одним из немногих агульских глаголов с супплетивными аспектуальными основами, ср. основу перфектива (*и*)ри- (от нее образуются аорист и перфект/результатив) и основу имперфектива (*а*)ва- (от нее образуются презенс и хабитуалис).

Таблица 1. Конструкция с дублированием в хпюкском корпусе

Глагол Субъект	<i>ripe</i> (аорист)	<i>ripaa</i> (перфект)	<i>avaa</i> (презенс)	<i>avaje</i> (хабит.)	Итого
<i>zun</i> (1SG)	23		19	4	46
<i>č'in</i> (1PL.EXCL)	2		2	1	5
<i>mi</i> (3SG)		1	1		2
<i>uči</i> (3SG)	5	1	1		7
<i>č'ip'i</i> (3PL)	2				2
Итого	32	2	23	5	62

3. Типологические параллели и функция дублирования

Явление дублирования местоименных субъектов, лишь недавно открытое в хпюкском говоре, ранее в описаниях агульского языка не упоминалось. Не исключено, что оно может быть обнаружено и в других языках нахско-дагестанской семьи (многие из которых изучены все еще недостаточно, особенно в том, что касается дискурсивных явлений), однако на сегодняшний день, насколько нам известно, о существовании подобной конструкции в каком-либо из них не сообщалось. Более того, в отличие от распространенного в языках мира повтора клитических, особенно объектных, местоимений — в частности, в балканских языках, — дублирование полных местоимений является типологической редкостью [De Vogelaer 2008: 233]. Тем не менее, ниже мы попробуем сравнить агульское дублирование местоимений с возможными аналогами этого явления в других языках, начав с ближайшего родственника агульского — табасаранского языка.

3.1. Личное согласование в табасаранском

В языках лезгинской группы личное согласование является инновацией и развилось (независимыми и достаточно непохожими путями) в двух языках, табасаранском и удинском. Табасаранский, таким образом, является единственным среди восточнолезгинских языков, в котором и сохранилось согласование по именному роду/классу, и возникло личное согласование; в двух других языках — лезгинском и агульском — ни один тип согласования не представлен.

Система личного согласования в табасаранском варьирует по диалектам, но в целом она устроена следующим образом (подробнее см. [Магометов 1965: 196–216; Кибрик, Селезнев 1982;

Кибрик 2003: 417–477; Богомолова 2012]). Личные показатели восходят к падежным формам личных местоимений 1–2 л. и располагаются на глаголе; согласования с третьим лицом нет. Субъектное согласование ориентировано на единственный ядерный аргумент непереходного предиката (S) либо на агенс переходного (A), однако при переходном глаголе возможно и полиперсонное согласование, когда в определенных случаях (при коммуникативном выделении) на глаголе маркируется не только агенс, но и другой аргумент. За исключением некоторых особых контекстов, согласование обязательно; при этом субъектное местоимение может как присутствовать, так и отсутствовать.

В примерах (10а) и (10б) показано простое субъектное и полиперсонное согласование в говоре с. Кандик, относящемся к южному диалекту (данные из работы [Кибрик 2003: 471–474]). В (10а) личный показатель контролируется субъектом непереходного глагола ‘оказаться (где-либо)’, тогда как в (10б) помимо агентивного субъекта глагола ‘ударить’ возможно факультативное маркирование реципиента, выражаемого дативом¹⁰.

- (10) а. Согласование с субъектом одноместного глагола
<i>uzu</i>	<i>hari?</i>	<i>aqun-zu</i>	‘я в лесу оказался’
<i>uvu</i>	<i>hari?</i>	<i>aqun-u</i> (< -vu)	‘ты в лесу оказался’
<i>či</i>	<i>hari?</i>	<i>aqnu</i>	‘сестра в лесу оказалась’
- б. Согласование с аргументами двухместного глагола
<i>uzu</i>	<i>uvuz</i>	<i>vivun-za(-vuz)</i>	‘я тебя ударил’
<i>uzu</i>	<i>učuz</i>	<i>vivun-za(-čuz)</i>	‘я вас ударил’
<i>uzu</i>	<i>čičuz</i>	<i>vivun-za</i>	‘я сестру ударил’

Учитывая, что табасаранские согласовательные маркеры явным образом развились из личных местоимений, в примерах с выраженным местоименным субъектом можно видеть грамматикализованный аналог дублирования, представленного в агульском.

¹⁰ Хотя в табасаранском, как и в агульском, личные местоимения не различают форм абсолютива и эргатива, у личных показателей противопоставлены две серии — пациентивная, морфологически соответствующая абсолютиву личного местоимения (ср. -zu) и агентивная, имеющая другую огласовку (ср. -za). Это факт может указывать на вторичность синкретизма абсолютива и эргатива [Алексеев 1985: 73].

Тем не менее, ситуация в двух языках значительно различается. Во-первых, агульское дублирование затрагивает не только первое лицо, но и третье, которое в табасаранском находится вне системы согласования. Во-вторых, постглагольные местоимения в агульском (не считая самого факта избыточности двойного выражения субъекта) ни в чем не напоминают показатели согласования — они просто совпадают с полными местоимениями и ни формально, ни функционально не проявляют существенных признаков грамматикализации. Так, повтор местоимения не является обязательным (и, более того, крайне редок), имеет ограниченное лексическое наполнение, а само местоимение в позиции после глагола не подвергается морфологизации.

3.2. Дублирование личных местоимений в крызском

Обсуждая личное согласование в табасаранском языке, А. А. Магометов [1965: 19, 216] замечает, что большее развитие оно получило в северном диалекте, который находится в тесном контакте с азербайджанским языком тюркской семьи (имеющим личное спряжение). Тем самым, не исключена возможность влияния азербайджанского («как одного из факторов», что подчеркивает А. А. Магометов) на развитие табасаранского личного согласования. В этой связи интересно, что удинский язык, второй язык лезгинской группы с личным согласованием, хотя и с отличной от табасаранской системой, распространен именно в Азербайджане и на протяжении многих веков находится в контакте с азербайджанским языком¹¹.

Помимо удинского, целиком на территории Азербайджана находятся еще два из девяти языков лезгинской группы — крызский и будухский. Как указывает М. Е. Алексеев, «факты личного субъектного согласования... отмечаются и в крызском языке: *зын карджаьн тезпаьчай шер-зын* ‘я на работу спешу’, *зын марка конвертджуь кьуькodu-зын* ‘я марку на конверт наклеил’, но

¹¹ Впрочем, система личного согласования отражена еще в древнеудинских (кавказско-албанских) палимпсестах, которые датируются периодом между концом VII в. и X в. [Gippert et al. 2008: II–52]. Это ставит под сомнение именно тюркское влияние на удинский, т. к. оно началось несколько позже. Личное согласование, однако, представлено и в других языках, оказавших влияние на удинский (армянском, персидском).

аьныр зын аьтаьджи ‘он меня побил’» [Алексеев 1985: 134]; здесь обращает на себя внимание повтор после глагола субъектного местоимения первого лица (*зын* ‘я’), но не третьего. Параллелей с азербайджанским М. Е. Алексеев не приводит, однако исследователь крызского языка Ж. Отье напрямую соотносит данное явление с контактным влиянием. По данным Ж. Отье, повтор личных местоимений после глагола в крызском чрезвычайно распространен, причем не только для субъектов, но и для других аргументов и даже адъюнктов [Authier 2010: 31–32]. Постглагольные местоимения при этом являются энклитиками (иначе их позиция нарушала бы правило конечного положения финитного сказуемого) и могут сочетаться с использованием местоименного субъекта перед глаголом. Наиболее систематически повтор местоимения происходит в случае, если субъект располагается в предглагольной фокусной позиции после топикализованного объекта, ср.:

- (11) Повтор личного местоимения в крызском [Authier 2010: 31]
<i>lam</i>	<i>ğizil-bi</i>	<i>zin</i>	<i>sa^ha-ca-zin</i>
DIST	gold-PL	1	throw-PERF-1
- ‘Это я бросал те золотые монеты’.

В агульском, однако, мы не находим примеров дублирования местоимения в контекстах типа (11); в хпюкском оно возникает исключительно в конструкции с глаголом речи, вводящей цитату. Что же касается влияния азербайджанского языка на повтор местоимений после глагола, то эту возможность нельзя отрицать для крызского, удинского или даже табасаранского. Агульский же (наряду с арчинским) среди языков лезгинской группы был подвержен азербайджанскому влиянию в наименьшей степени: агулоязычный ареал не граничит с азербайджанскими селами, и нет оснований предполагать сколько-нибудь значимое знание агульцами азербайджанского языка в прошлом¹². В свою очередь, развитие «по цепочке» через табасаранский язык представляется маловероятным: его можно было бы подозревать скорее для географически близкого кошанского диалекта (о котором см. далее в

¹² В этнографическом очерке 1960 года отмечается, что «с азербайджанским языком были знакомы только те агулы, которые бывали в Азербайджане в качестве отходников» [Косвен и др. 1960: 535].

разделе 5), однако не для хпюкского, смежного с лезгиноязычным, но не табасараноязычным, ареалом.

3.3. Дублирование местоимений в языках Европы

В качестве несколько более далекой типологической параллели следует упомянуть явление местоименного дублирования (называемого также повтором, репризой, удвоением и пр.), отмечаемое, в частности, в балканских языках и ряде других языков Европы. Оно состоит в том, что в одной клаузе, помимо полной именной группы, присутствует и кореферентное ей клитическое местоимение, появление которого, как правило, бывает вызвано такими семантическими признаками, как определенность, референтность, топикальность и пр.¹³ Ср. следующие примеры, в которых определенная именная группа '(эта) книга' дублируется объектной клитикой; оба предложения произносятся в ответ на вопрос типа «кто прочитал книгу?» или «что Анна сделала с книгой?» (данные по [Friedman 2008: 49–50]).

(12) а. Дублирующая объектная клитика в албанском

Ana e lexoi libr-in.
A. it read book-DEF.ACC

б. Дублирующая объектная клитика в греческом

Ana to dhiavase to vivlio.
A. it read the.ACC book.ACC

в. Дублирующая объектная клитика в македонском

Ana ja pročita kniga-ta.
A. it read book-the

‘Анна прочитала книгу.’

Использование при дублировании «сильных», морфологически отличных от клитических, местоимений встречается гораздо реже. Обе конструкции отмечаются в нидерландских диалектах, где дублирование при помощи «сильных» местоимений признается более редким и вторичным по сравнению с повтором, задействующим клитические местоимения [De Vogelaer 2008]. Примеры

¹³ Литература по местоименному дублированию данного типа весьма обширна; из работ последних лет см., в частности, обобщающий сборник статей [Kalluli, Tasmowski 2008], а также типологический обзор [Arkadiev 2010].

типа (13) напоминают приводившиеся выше агульские за тем исключением, что в нидерландском конструкция не ограничена глаголом речи. Согласно описанию [De Vogelaer, Devos 2008], дублирование при помощи «сильных» местоимений происходит прежде всего в клаузах, содержащих местоименный субъект с высокой степенью топикальности.

- (13) Дублирование субъектных местоимений в брабантских диалектах нидерландского [Barbiers 2008: 10]

Zij werkt zij in Brussel.

she works she in Brussels

‘Она работает в Брюсселе’.

3.4. Функции дублирования местоимений в агульском

Возвращаясь к агульской конструкции с дублированием, следует отметить, что ее использование также связано с топикальным статусом участника. Вместе с тем, более точно охарактеризовать прагматические или дискурсивные факторы, влияющие на выбор конструкции, пока не представляется возможным.

Так, в значительном числе примеров (не менее трети) дублирование используется при смене топика от одного участника эпизода к другому: ‘Х что-то сделал, а затем (в ответ на это) я/мы/он(и) сказал(и)...’. Ср. следующие примеры, в которых, для облегчения восприятия, мы ограничились переводом с указанием используемой конструкции (предшествующий контекст резюмирован в фигурных скобках).

- (14) ‘{Пришло извещение о гибели отца на войне, и мы уже справили поминки; но неожиданно через полгода отец вернулся.} **И я сказал** (*zup püne zun*), я был маленьким ребенком... я сказал маме: «Быстро беги, к нам домой пришел один нищий’.
- (15) ‘{Когда мы подшутили над учителем, он мне сказал: «Ты староста класса, расскажи мне, кто это сделал, или ты будешь виновата.»} **А я сказала** (*zup püne zun*): «Я не знаю, учитель», — я не смогла предать их и сказала, что не знаю, и так отвязалась от него’.
- (16) ‘{Я спросила Магомед-Загира: «Почему вдруг козы полезли через забор?» Он говорит: «Они увидели волка и хотят

- погнаться за ним».} **Я говорю** (*zup awaa zup*): «Слушай, если так, то это действительно волк?».
- (17) ‘{Два друга увидели красоту женщины и стали спорить, кто возьмет ее в жены.} **И она говорит** (*mi pūnaa mi*), эта женщина: «Мое богатство вот так расплылось, и муж мой пропал, и оба моих сына, одного унес орел, а другого унесла река».
- (18) ‘{Две женщины заблудились в горах и в друг попали в удивительное место, где росли голубые цветы. Была зима, но там повсюду росли цветы.} **И они сказали** (*ćirli ripe-waj ćirli*): «Что же это за место такое? Мы в это место попали среди зимы, разве растут цветы зимой?»’ (ср. эту фразу в примере (8) выше)

Во многих случаях, однако, смены топики не происходит, и участник ситуации говорения, которая вводится конструкцией с дублированием, остается текущим топиком (continuing topic):

- (19) ‘{Когда решили восстановить мечеть в селе, несколько лет пришлось вести переговоры. В конце концов я сказал, что в селе без мечети добра не бывает.} **И я сказал** (*zup ripe zup*), обсудив это с людьми, что на том месте, где люди согласятся, на каком-нибудь новом месте построим мечеть».
- (20) ‘{Две женщины пошли через горы в другое село. Стемнело, и им показалось, что они сбились в пути. Вдруг они увидели вдалеке огни селения.} **И когда увидели, они подумали** (*ćirli ripe-waj ćirli*), что, наверное, скоро уже доберутся».
- (21) ‘{На уроке все ученики занимались своими делами и не слушали учителя. Одна я сижу и делаю вид, что слушаю урок.} **И теперь я говорю** (*zup awaa zup*) ему: «Учитель, не обижайся, — **сказала я** (*zup ripe zup*) тогда Джамалдину, — не обижайся, учитель, ведь со мной никто не будет разговаривать, я присоединюсь к ним»’. (ср. начало этой фразы в примере (4) выше)

В последних примерах функция дублирования не вполне ясна. Не исключено, что на выбор конструкции оказывают влияние несколько факторов помимо собственно свойств референта. Так,

можно заметить, что некоторые клаузы с дублированием начинают новый эпизод повествования — независимо от того, происходит при этом или нет смена участника. В этом отношении интересно сравнить примеры, в которых конструкция с дублированием соседствует с клаузой, также вводящей цитату, но использующей обычный порядок «субъект — глагол». В рассказе (22) о том, как сельчанин решил поугатать пожилую женщину, заговорив голосом ее умершего родственника, сцена, где он пытается схватить ее и утащить с собой, сменяется диалогом о том, раздаст ли она садака́ (милостыню, пожертвования). В (23) эпизод с шуткой по поводу носа собеседника сменяется сценой драки после обвинения того же собеседника в краже. В обоих случаях клауза с дублированием субъекта начинает новый эпизод, тогда как клауза со стандартным порядком либо продолжает текущий, как в (22), либо заканчивает предшествующий, как в (23).

- (22) ‘{Потом я решил больше не тащить ее за собой.} Я сказал ей (*zun pune zun*): «Ты хотя бы садака раздаешь, за меня, за себя?» «Клянусь, — говорит, — деньги у Эминат находятся, я ничего не могу сделать, а дочь говорит, что раздаст». Я говорю (*zun pune*): «Я узнал, что ты не раздавала, и вернулся». {Она закричала дочери: «Эминат, Эминат, дай, прямо сейчас дай ему садака, пусть он от меня отстанет!»}’
- (23) ‘{Мы ездили в соседнее село грузить сено, и я пошутил там про нос одного мужика. Потом мы вернулись, и вдруг он сказал: «А ведь ты, гад, меня оскорбил, сказав, что с моим носом что-то случилось».} Я сказал (*zun pune*): «Послушай, что из этого делать это самое?» И тогда я решил (*zun-na pune zun*), мол, дай-ка я его еще немного поддену. {А все уже выпили и были пьяные. «Скажи честно, — сказал я, — куда вы дели баранов, которых украли вместе с сыном Сефера?»}’

Использование при цитате стандартного порядка «субъект — глагол» характерно именно для нейтрального случая — смены участника в рамках того же эпизода; наиболее ярко это видно применительно к достаточно многочисленным примерам с субъектом 3-го лица типа приводимых ниже:

- (24) ‘{Когда мать парня заболела, ее невестка говорит: «Мама, мама, чего тебе хочется?»} Она говорит (*mi awaa*): «Мне, дочка, приготовь хинкал с курицей и дай»’.
- (25) ‘{Приехал он и говорит второму зятю, спрашивает у второго зятя: «Ну как тебе моя дочь, понравилась?»} А тот сказал (*mi pune-waj*): «Клянусь, очень хорошо, только очень уж скандальная, никак не замолкает»’.

Ниже в разделе 4.1 будут представлены количественные данные о соотношении различных типов порядка глагола и субъекта при вводе цитаты (субъект до глагола, после глагола и в обеих позициях). Как показывают подсчеты в Таблице 2, доля конструкции с дублированием несколько различается в зависимости от глагольной формы: а именно, для презентных форм эта доля чуть больше, чем для форм прошедшего времени¹⁴. Так, на вариант *zun pune zun* ‘я сказал я’ с аористом приходится лишь примерно девятая часть от всех трех порядков (23/202), тогда как на *zun awaa zun* ‘я говорю я’ с презентом — почти треть (19/59). Это означает, что выбору конструкции с дублированием может дополнительно способствовать более экспрессивный и «живой» режим повествования в «настоящем историческом», который сам по себе нередко бывает связан с противопоставлением данного и нового (часто неожиданного) либо предшествующего и последующего действий (ср. [Бондарко 1971: 147–148]).

В целом же ни смена текущего топика, ни начало нового эпизода, ни выбор режима повествования, по-видимому, не определяют полностью выбор конструкции с дублированием, так что выявление условий ее употребления во многом остается делом будущего.

4. Порядок слов при вводе цитаты и возможное происхождение конструкции с дублированием

Как представляется, возникновение агульской конструкции с дублированием во многом связано с особенностью самой структуры предложений, вводящих цитаты, и в частности с порядком слов в таких предложениях.

¹⁴ Мы благодарим за указание на этот факт анонимного рецензента.

4.1. Частотность постпозиции субъекта

Выше мы уже упоминали, что базовым порядком слов в агульском, как и в других нахско-дагестанских языках, является S(O)V. При этом в спонтанных нарративах (в целом склонных к относительно свободному порядку) постпозиция субъекта по отношению к глаголу вполне распространена, ср. фрагмент основной линии одного из рассказов:

- (26) *q-uš.u-ne zun χul.a-s, uq'.u-ne zun,*
 RE-уходить.PF-AOR я дом-DAT садиться.PF-AOR я
“qa-uχ.u-na k:ande-a” p.u-ne zun,
 RE-пить.PF-CONV нужно-PRS говорить.PF-AOR я
“sa bic’i”...
 один маленький
 ‘Пришел я домой, посидел, решил, что надо еще немного выпить... {и, взбодрившись, вернуться туда}’.

В предложениях, вводящих цитату (P), стандартно используется один из двух порядков:

- SVP, т. е. «субъект — глагол говорения — цитата» (27),
- либо PVS, т. е. «цитата — глагол говорения — субъект» (28).

- (27) *αχp:a baw.a p.u-naa, “wa?” p.u-naa,*
 потом мать(ERG) говорить.PF-PRF нет говорить.PF-PRF
“š.u-na jac-ar žik’ar-q’-e”...
 уходить.PF-CONV бык-PL искать-делать-IMP
 ‘Тогда мать сказала: «Нет, идите и найдите быков...»’

- (28) *“qu-ŋ”.a-jde req: na-f-tawa gada.ji-s”,*
 RE-идти.IPF-PT:HAB дорога знать-S-COP:NEG boy-DAT
p.u-naa me dad.a.
 говорить.PF-PRF DEMM отец(ERG)
 ‘«Мальчик не знает обратной дороги», — говорит отец’.

Более того, второй порядок слов, с главной клаузой после цитаты и постпозицией субъекта, по частотности преобладает. Это хорошо видно по данным, представленным в Таблице 2, где сравнивается частотность двух порядков слов (SV и VS) и конструкции с дублированием (SVS); подсчеты проводились для тех форм глагола и местоимения, которые встретились в корпусе для конструкции с дублированием (данные по ней взяты из Таблицы 1).

Таблица 2. Порядок субъекта и глагола речи в хпюкском корпусе

S — местоимение	V — глагол речи	SV	VS	SVS
<i>zun</i> (1SG)	<i>pune</i> (аорист)	10	169	23
<i>zun</i> (1SG)	<i>аваа</i> (презенс)	2	38	19
<i>zun</i> (1SG)	<i>аваје</i> (хабитуалис)	0	21	4
<i>čīn</i> (1PL.EXCL)	<i>pune</i> (аорист)	2	7	2
<i>čīn</i> (1PL.EXCL)	<i>аваа</i> (презенс)	1	8	2
<i>čīn</i> (1PL.EXCL)	<i>аваје</i> (хабитуалис)	0	1	1
<i>mī</i> (3SG)	<i>punaа</i> (перфект)	4	71	1
<i>mī</i> (3SG)	<i>аваа</i> (презенс)	19	35	1
<i>uči</i> (3SG)	<i>pune-вај</i> (аорист + СИГ)	1	38	5
<i>uči</i> (3SG)	<i>punaа</i> (перфект)	0	1	1
<i>uči</i> (3SG)	<i>аваа-вај</i> (презенс + СИГ)	0	4	1
<i>čīrī</i> (3PL)	<i>pune-вај</i> (аорист + СИГ)	1	0	2
Всего		40	393	62

Сравнение колонок SV и VS ясно показывает, что для всех комбинаций субъекта и глагола (за единственным незначимым исключением в последней строке) постпозиция субъекта частотно преобладает, иногда в десятки раз. Общее соотношение порядков VS/SV составляет приблизительно 10/1, хотя обращает на себя внимание существенно меньшая разница (всего лишь около 2/1) в случае субъекта *mī* 'он' и глагола в форме презенса. Интересно, что в целом ряде случаев, в том числе для двух наиболее частотных вариантов конструкции с дублированием (*zun pune zun* 'я сказал я' с аористом и *zun аваа zun* 'я говорю я' с презенсом) порядок SV встречается гораздо реже, чем эта конструкция: например, клауза *zun pune zun* 'я сказал я' в корпусе более чем вдвое частотнее «канонической» с синтаксической точки зрения структуры *zun pune* 'я сказал'. Эту закономерность можно перефразировать и так, что если в конструкции, вводящей цитату, присутствует препозитивный субъект 1-го л. ед. ч., он с большой вероятностью будет продублирован после глагола.

Понятно при этом, что высокая частотность порядка VS в значительной степени вызвана «плеонастическим» использованием глагола говорения, когда 'сказал я' ('сказал он' и т. п.) говорящий

использует в предложении несколько раз¹⁵, вставляя эти слова после частей цитаты, далеко не обязательно представляющих собой целые клаузы, ср.:

- (29) *“abaw” p.u-ne zun, “wa-s za-h-as*
 тетя говорить.PF-AOR я ты-DAT я-ANTE-ELAT
guč’ ma-x.a”, p.u-ne zun, “wa-s
 страх ПРОН-статья.IPF говорить.PF-AOR я ты-DAT
za-h-as guč’ ma-x.a”, p.u-ne zun,
 я-ANTE-ELAT страх ПРОН-статья.IPF говорить.PF-AOR я
“me ul”, p.u-ne zun, “ul.i-l
 DEMM глаз говорить.PF-AOR я глаз-SUPER
kajš.í-naa we”, p.u-ne zun.
 вставить.PF-PRF твой говорить.PF-AOR я
 ‘Тетя, — сказала я, — ты меня не бойся, — сказала я, —
 ты меня не бойся, — сказала я, — один глаз, — сказала я, —
 у тебя не дает видеть другому», — сказала я’. (Под глазами
 в данном случае подразумеваются две дочери тети.)

В таких случаях клаузы типа «сказал я» по сути не выступают в виде главных предикатов (с цитатой в роли сентенциального зависимого), а являются относительно автономными вводными словами, осуществляющими «привязку» цитаты или ее частей к дискурсу — а именно, указывающими, что тот синтаксически независимый дискурсивный фрагмент, который произносится, является цитатой¹⁶.

Кроме того, порядок VS с глаголом речи встречается и после составляющей, входящей в главную клаузу (но не в абсолютном начале клаузы), — например, после адресатной именной группы (30) или наречия (31).

¹⁵ Плеонастическое использование в агульских устных нарративах свойственно и финитным формам глагола речи без субъекта (ср. буквальный перевод одной подобной цитаты из корпуса: «Мулла, — сказала, — я сегодня сон видела, — сказала, — про своего мужа, — сказала, — ты, — сказала, — посмотри в книге, что он значит»).

¹⁶ Ср. обсуждение отличия цитат от сентенциальных дополнений, в типологической перспективе, в [Güldemann 2008: 224–233].

- (30) *bigim.a-s p.u-ne zun, "wun salam*
 Бигим-ДАТ говорить.PF-AOR я ты приветствие
tin" p.u-ne zun.
 давать(IMP) говорить.PF-AOR я
 'Я сказала Бигим: «Поздоровайся с ними»'.
- (31) *axpa av.a-a mi, "χink'-ar*
 потом говорить.IPF-PRS DEMM(ERG) хинкал-PL
aq'.u-na tin za-s".
 делать.PF-CONV давать(IMP) я-DAT
 'Ну вот, она говорит: «Приготовь хинкал и дай мне»'.

Как бы то ни было, порядок с постпозицией (местоименного) субъекта при глаголе речи является настолько преобладающим, что он не мог не сыграть свою роль в возникновении конструкции с дублированием.

4.2. Вариативность позиции субъекта и дублирование

Можно выдвинуть несколько различных гипотез о сценарии возникновения конструкции с дублированием местоименного субъекта. Так, можно было бы предположить, что модель SVS основана на «канонической» структуре с порядком SV, которая была «усилена» еще одним вхождением субъекта после глагола, ср. схематическое изображение:

[МЕСТОИМЕНИЕ ГЛАГОЛ] + МЕСТОИМЕНИЕ
 (например, *zun pine* 'я сказал' + *zun* 'я').

Однако такая ситуация выглядела бы правдоподобной в том случае, если бы порядок «субъект — глагол речи» был доминирующим, а конструкция с дублированием (как инновативная структура, появившаяся в определенном дискурсивно-прагматическом контексте) составляла бы сравнительно небольшую часть от всех употреблений с начальным субъектом. В действительности же корпусные данные показывают нам противоположную картину: структура «субъект — глагол речи» для большинства местоимений редка, и конструкция с дублированием даже превышает ее по частотности.

Это заставляет искать для конструкции с дублированием другой источник. По нашему мнению, своим появлением она обязана в первую очередь распространенности постпозитивного

субъекта при глаголе речи — частотной настолько, что структура «глагол речи — субъект» стала использоваться в речи как единый устойчивый «блок». Соответственно, при порождении начального субъекта за ним во многих случаях автоматически следовало не просто финитное сказуемое, но целый «блок», включающий финитный глагол с постпозитивным субъектом:

МЕСТОИМЕНИЕ + [ГЛАГОЛ МЕСТОИМЕНИЕ]
(например, *zun* ‘я’ + *pune zun* ‘сказал я’).

Использование в качестве «строительного блока» сочетания глагола речи и субъекта является при этом лишь тенденцией: каноническая структура «субъект — глагол» по-прежнему может быть порождена. Тем не менее, эта тенденция довольно сильна, так что конструкция с дублированием начинает сама по себе превращаться в устойчивое сочетание, по крайней мере при некоторых наборах компонентов (*zun pune zun*, *zun аваа zun*).

Предлагаемый путь развития поддерживается единственным в хпюкском корпусе примером (32), в котором первый местоименный субъект отделен от глагола речи и повторного вхождения субъекта именной группой, обозначающей адресата речи: в данном случае очевидно, что *аваа zun* ‘говорю я’ образуют более тесное сочетание, нежели *zun аваа* ‘я говорю’.

- (32) *zun q’ulban.a-s ав.а-а zun, “fi e*
я Курбан-DAT говорить.IPF-PRS я что COP
q’.u-f” ав.а-а.
делать.PF-S говорить.IPF-PRS
‘Я спрашиваю у Курбана: «Что случилось?»’

Аналогично устроен пример конструкции с дублированием, уникальный для хпюкского корпуса в том отношении, что он включает не глагол речи, а глагол движения ‘идти’: первое вхождение субъекта отделено вопросительным наречием ‘как?’ от комплекса «финитный глагол + повтор субъекта».

- (33) {«Давай пойдем в суд», — сказал он Малле Насреддину.}
“*zun fi-šti Γ^w.a-j-e zun*”,
я что-ADV идти.IPF-CONV-COP я

ав. а-ј-е

тi.

говорить.IPF-CONV-COP DEMM(ERG)

‘«Как я пойду? — говорит тот. {— Ты едешь на осле, а у меня нет транспорта}’.

5. Выводы и перспективы

Итак, мы рассмотрели конструкцию с дублированием субъектного местоимения после глагола в одном из агульских диалектов. Эта конструкция свойственна именно спонтанной речи и не является очень частотной. При этом подавляющее большинство корпусных примеров демонстрируют конструкцию, финитным сказуемым в которой является один и тот же глагол — основной глагол речи (и один из наиболее частотных агульских глаголов вообще) ‘говорить’. Наиболее частотным типом субъекта в данной конструкции является местоимение первого лица ‘я’; на сочетания «я сказал я» с аористом и «я говорю я» с презенсом глагола речи приходится более двух третей всех употреблений конструкции в корпусе. Вместе с тем, эти выражения не являются застывшими формулами: в состав конструкции могут входить и другие формы глагола, а также другие местоимения. Более того, в единичных случаях (ср. пример (33)) мы встречаем использование в конструкции с дублированием не глагола речи, а другой лексемы.

Особенности порядка слов при вводе цитат (преобладающая постпозиция субъекта речи в случае, если главная клауза, вводящая цитату, располагается после цитаты или ее части) позволяют предположить, что конструкция с дублированием не представляет собой «каноническую» клаузу с порядком «субъект — глагол», после которой говорящий вторично употребляет субъектное местоимение. Скорее, речь идет о контаминации начального субъекта (после которого в редких случаях может располагаться другая составляющая) и частотного в нарративах порядка «глагол — субъект».

Наличие лишь небольшого количества агульских текстов прошлого века (и полное отсутствие памятников агульского языка до начала XX века¹⁷) не дает нам возможности представить сце-

¹⁷ Самые ранние образцы агульских текстов (на буркиханском говоре) содержатся в приложении к грамматике [Дирр 1907]; ср. также

нарий возникновения конструкции с дублированием более точно. Остается пока открытым и вопрос о степени распространенности этой конструкции по диалектам. В нашем диалектном корпусе, записанном в середине 2000-х гг., единичные примеры конструкции с дублированием, включающие глагол речи, обнаруживаются в фитинских, цирхинских и буршагских текстах; впрочем, объем корпуса для каждого из этих говоров в несколько раз меньше хпюкского.

Нельзя при этом исключать и того, что в разных диалектах структура конструкции с дублированием, а также ее функции будут не вполне тождественны. Так, в текстах, приложенных к грамматике агульского языка Р. М. Шаумяна [1941: 130–135], имеются примеры дублирования личного местоимения в буршагском (34) и худигском (35) говорах кошанского диалекта¹⁸. С формальной точки зрения интересно, что в обоих случаях первое вхождение местоимения отделено от комплекса «финитный глагол (или связка) + повтор местоимения» другим материалом, причем в (35) таким материалом является достаточно «тяжелая» именная группа. Ни в одном из примеров дублирование не происходит в типичном для хпюкского говора контексте — клаузе, вводящей цитату. Конструкция употреблена здесь не в основной линии нарратива, а в речи персонажа, участие которого в определенной ситуации (либо, соответственно, наличие у него определенной характеристики) оказывается коммуникативно выделенным.

- (34) {Жена сказала: «Мы это сделали, следуя твоему письму».}
<i>“zun</i>	<i>li-šti</i>	<i>p.u-nda</i>	<i>zun”</i>
я	DEML-ADV	говорить.PF-AOR:NEG	я
<i>p.u-naw</i>		<i>sawdagar.di.</i>	
говорить.PF-AOR		купец(ERG)	
- ‘«Я такого не писал (букв. не говорил)», — сказал купец’.

комментированное переиздание всего корпуса агульских текстов первой половины XX в. [Майсак 2014].

¹⁸ Тексты были записаны в 1933–34 гг. Трудно судить, насколько они представляют неподготовленную речь носителей языка; скорее всего, они записывались исследователем на слух пофразово.

- (35) {Его увидел аждаха и спросил: «Кто ты такой?»}
min.di, "zun ha-mi žil.i-n pač'č'ah
 DEMM(ERG) я EM-DEMM земля-GEN царь
wu zun" p.u-na, žawab i-naw.
 COP я говорить.PF-CONV ответ давать:PF-AOR
 'Тот сказал: «Я правитель этой земли»'.

Таким образом, в перспективе интерес представляет не только фиксация наличия в агульских (и родственных ему) идиомах необычной и остававшейся ранее незамеченной конструкции, но и анализ вариативности ее формальных и дискурсивно-прагматических свойств в русле внутригенетической типологии.

Список условных сокращений

ADD — аддитивная клитика; ADV — наречный показатель; ANTE — локализация 'перед'; AOR — аорист; CIT — пересказывательность; CONV — деепричастие; COP — связка; DAT — датив; DEMM/DEML/DEMT — серии демонстративов; DOWN — направление 'вниз'; ELAT — элатив; EM — эмфатический дейктический префикс; ERG — эргатив; EXCL — эксклюзив; GEN — генитив; JUSS — юссив; IMP — императив; IN — локализация 'внутри'; INF — инфинитив; IPF — основа имперфектива; LAT — латив; LOC — локативный показатель; NEG — отрицание; PF — основа перфектива; PL — множественное число; PRON — прохибитив; POST — локализация 'сзади'; PRS — настоящее время; PT — причастие; PT:HAB — хабитуальное причастие; PT:PRF — перфектное причастие; PTCL — частица; RE — рефактивный префикс; PRF — перфект/результатив; S — показатель субстантивации; SUB/CONT — локализация 'под' / 'в контакте'; SUPER — локализация 'сверху'; TEMP — темпоральная форма глагола ('когда'). В цитируемых примерах из других языков: DIST — дальний демонстратив; PERF — перфект; DEF — определенный артикль; ACC — аккузатив.

Показатели косвенной основы имен и аспектуальных основ глаголов отделяются точкой. Знак - используется для отделения клитик. Локативные префиксы не отделяются и в строке глоссирования обозначаются в фигурных скобках. Немаркированные категории в строке глоссирования не отмечаются (абсолютив, единственное число, эссив), а при совпадении с косвенной основой заключаются в круглые скобки (эргатив, локализация IN, генитив). В примерах не из агульского языка сохранена транскрипция и глоссы оригинала.

Литература

- Алексеев 1985 — М. Е. Алексеев. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985.
- Богомолова 2012 — Н. К. Богомолова. Личное согласование в табасаранском языке: концептуализатор и его адресат в структуре ситуации // Вопросы языкознания, 2012. № 4. С. 101–124.
- Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.
- Ганенков и др. 2009 — Д. С. Ганенков, Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Дискурсивная анафора в агульском языке // НеФестшриффт: Статьи в подарок (к юбилею А. Е. Кибрика). Март 2009 г. URL: <http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/aek-jubilee.php>
- Дирр 1907 — А. М. Дирр. Агульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVII. Тифлис, 1907.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2003.
- Кибрик, Селезнев 1982 — А. Е. Кибрик, М. Г. Селезнев, Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М.: МГУ, 1982. С. 17–33.
- Кибрик, Тестелец 1999 — А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.
- Косвен и др. 1960 — М. О. Косвен, Л. И. Лавров, Г. А. Нерсесов, Х. О. Хашаев (ред.). Народы Кавказа. I. М.: АН СССР, 1960.
- Магометов 1965 — А. А. Магометов. Табасаранский язык: Исследование и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1965.
- Магометов 1970 — А. А. Магометов. Агульский язык: Исследования и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
- Майсак 2014 — Т. А. Майсак. Агульские тексты 1900–1960-х годов. М.: Academia, 2014.
- Мерданова 2004 — С. Р. Мерданова. Морфология и грамматическая семантика агульского языка: на материале хпюкского говора. М.: Советский писатель, 2004.
- Сулейманов 1993 — Н. Д. Сулейманов. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала: ДНЦ РАН, 1993.
- Тарланов 1994 — З. К. Тарланов. Агулы: их язык и история. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994.
- Тарланов 2013 — З. К. Тарланов. Проблемы общей грамматики и грамматика агульского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013.
- Шаумян 1941 — Р. М. Шаумян. Грамматический очерк агульского языка (с текстами и словарем). М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

- Arkadiev 2010 — P. Arkadiev. Clitic doubling: Towards a typology. Доклад на круглом столе «Клитики и синтаксическая типология». Москва, РГГУ, 7 июня 2010 г.
- Authier 2010 — G. Authier. Azeri morphology in Kryz (East Caucasian) // *Turkic Languages* 14:1, 2010. P. 14–42.
- Barbiers 2008 — S. Barbiers. Microvariation in syntactic doubling: An introduction // S. Barbiers, O. Koenenman, M. Lekakou, M. van der Ham (eds.). *Microvariation in Syntactic Doubling*. Bingley: Emerald, 2008.
- De Vogelaer 2008 — G. De Vogelaer. (De)grammaticalisation as a source for new constructions: the case of subject doubling in Dutch // A. Bergs, G. Diewald (eds.). *Constructions and Language Change*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- De Vogelaer, Devos 2008 — G. De Vogelaer, M. Devos. On geographical adequacy, or: how many types of subject doubling in Dutch // S. Barbiers, O. Koenenman, M. Lekakou, M. van der Ham (eds.). *Microvariation in Syntactic Doubling*. Bingley: Emerald, 2008.
- Friedman 2008 — V. A. Friedman. Balkan object reduplication in areal and dialectological perspective // D. Kalluli, L. Tasmowski (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008.
- Gippert et al. 2008 — J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé. *The Caucasian Albanian palimpsest from Mt. Sinai. Edition and interpretation*. Vol. 1. Turnhout: Brepols, 2008.
- Güldemann 2008 — T. Güldemann. *Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Kalluli, Tasmowski 2008 — D. Kalluli, L. Tasmowski. Introduction: Clitic doubling, core syntax and the interfaces // D. Kalluli, L. Tasmowski (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008.
- Kibrik 2011 — A. A. Kibrik. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

А. А. Мальцева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

РОСТ СИНТЕТИЗМА В СИСТЕМЕ ТАКСИСНЫХ КОНСТРУКЦИЙ АЛЮТОРСКОГО ЯЗЫКА¹

1. Введение

В статье дается попытка объяснения изменений в системе таксисных полипредикативных конструкций (далее — ППК) алюторского языка, произошедших с середины XX в. по настоящее время.

Материалом исследования послужили 760 примеров таксисных ППК, извлеченных методом сплошной выборки из всех доступных оригинальных текстов (см. Таблицу 1) на разных говорах собственно алюторского (северо-восточного) диалекта алюторского языка². Алюторский язык является бесписьменным и находится под угрозой исчезновения: в настоящее время им владеют не более 400 билингвов старше 50 лет.

Корпус 1950-х гг. (ок. 56 тыс. словоформ) составили тексты на ветвейском, вывенкском и култушинском говорах северо-восточного диалекта алюторского языка, собранные в 1955 г. ленинградским этнографом и лингвистом Иннокентием Степановичем Вдовиным. Часть этих материалов была опубликована в [Кибрик и др. 2000: тексты 16, 19–23, 30], остальные тексты (около 50) хранятся в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) в г. Санкт-Петербурге.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-04-00108 «Устный и письменный автобиографический нарратив в референциальном аспекте (на материале корякского и алюторского языков)», рук. Т. А. Голованева).

² Алюторский язык представляет собой условное объединение четырех диалектных групп оседлых коряков, проживающих на севере Камчатки: собственно алюторский диалект (северо-восточный), рекинниковский диалект (северо-западный), паланский диалект (юго-западный), карагинский диалект (юго-восточный), подробно см. [Мальцева 2006].

Таблица 1. Данные о корпусе текстов на северо-восточном диалекте алыторского языка (число словоформ)

Современные тексты		Тексты 1950-х гг.	
Экспедиционные записи автора и сотрудников ИФЛ СО РАН, 1991–2008 гг. (ан., выв., кич.)	145262	Экспедиционные записи И. С. Вдовина, 1955 г., в т. ч.	
Нагаяма 2003 (ан., записи 1990-х гг.)	1977	Архивные материалы (ветв., выв., култ.)	47803
Кибрик и др. 2000: тексты 1, 3–10, 12–15, 17, 24–29, 31–41 (выв., записи 1970-х гг.)	4521	Кибрик и др. 2000: тексты 16, 19–23, 30 (култ.)	7978
Килпалин 1993 (ветв., 1970-е гг.)	4796		
Жукова 1988: тексты 51, 52 (кич., записи 1980-х гг.)	1360		
Всего	157916	Всего	55781

Корпус современных текстов (ок. 160 тыс. словоформ) преимущественно состоит из фольклорных текстов (мифологических сказок и исторических преданий) на анапкинском, вывенкском и кичигинском говорах, записанных автором и сотрудниками Института филологии СО РАН во время экспедиций в места проживания носителей северо-восточного диалекта алыторского языка: п. Оссора (1991, 1992, 2000, 2005), с. Тымлат (2000, 2005), с. Вывенка (2004), с. Тиличики (2004), с. Хаилино (2004), пос. Палана (2006, 2007)³. Кроме того, в состав корпуса современных текстов входят опубликованные тексты на кичигинском [Жукова 1988: тексты 51, 52], вывенкском [Кибрик и др. 2000: тексты 1, 3–10, 12–15, 17, 24–29, 31–41] и анапкинском [Нагаяма 2003] говорах. Единственным литературным источником является сборник произведений ветвейского художника и писателя Кирилла Килпалина [Килпалин 1993].

Таксисные ППК в текстах на алыторском языке редки, и их частотность со временем уменьшается. Общее количество примеров таксисных ППК, выбранных из текстов 1950-х гг., — 389, из совре-

³ Аудиозаписи были расшифрованы автором в разные годы при участии носителей северо-восточного диалекта алыторского языка: А. Я. Волковой, В. М. Кириченко, А. Е. Мулитка, В. М. Нутаюлгина, А. П. Пастушеной-Косыгиной, А. И. Поповой, М. И. Попова, Л. И. Чечулиной.

менных текстов — 371. При условной средней длине предложения в 5 слов в текстах 1950-х гг. таксисные ППК встречались примерно в соотношении одно предложение из 30, в современных текстах — одно предложение из 85.

2. Структурные типы таксисных ППК алюторского языка

По классификации структурных типов ППК, принятой в Новосибирской синтаксической школе [Черемисина (ред.) 1986: 24], таксисные ППК алюторского языка могут относиться к трем типам: синтетическому, аналитическому или аналитико-синтетическому.

2.1. Синтетические таксисные ППК

В синтетических таксисных ППК северо-восточного диалекта алюторского языка отношения зависимости между двумя событиями выражаются формой предиката зависимой предикативной единицы (далее — ЗПЕ): неизменяемый конверб, в редких случаях — причастие или финитная форма с особым префиксом.

В современных текстах выявлено 20 конвербов, в текстах 1950-х гг. — 11⁴. Многие из них образуются присоединением непосредственно к основе глагола показателя косвенного падежа, одного или в комбинации с деривационным префиксом.

За полвека существенно возросла частотность конвербов с показателями *-(ə)k* (CV.LOC); *-kaŋa* (CV.DAT); *yeq(ə)-* — *-(t)a* (CV.COM2); *am-* — *-(t)a* (только- — CV.INSTR); *(a)-pəʃ-* — *-ka* (EMPH- — CV.NEG). В следующем примере одновременность точечного события главной предикативной единицы (далее — ГПЕ) и длительного события ЗПЕ передается ППК с зависимым сказуемым в форме конверба, показатель которого состоит из комбинации постфикса инструментального падежа и деривационного префикса *am-* ‘только’.

⁴ Более подробно о средствах связи в таксисных конструкциях алюторского языка см. [Мальцева 2011, 2013].

- (1) выв. [*Кутэ́нпэнак гату́лгал сакэ́гит*]{*гамма лэ́вэ́нвэ́нгу́гал амита*}⁵.
kutənpə-na-k ɣa-tulʔa(l)-l sakəyit
 pers-SG-LOC PP-украсть-3sgP сестра
ɣəmmə ləv-ə-nv-ə-ŋqal am-it-a
 я гулять-Е-место-Е-AD **ТОЛЬКО-БЫТЬ-CV.INSTR**
 ‘Кутынпын украл сестру, пока я был на прогулке’.

В современных текстах зафиксировано 9 конвербов, не отмеченных в текстах середины века. Часто они представляют собой новые комбинации уже существовавших показателей.

2.2. Аналитические таксисные ППК

Аналитические таксисные ППК делятся на два типа: ППК со скрепами и бессоюзные ППК.

Большинство аналитических таксисных ППК составляют ППК с аналитическими средствами связи союзного типа (скрепами) в составе ЗПЕ и финитными формами зависимого предиката. В таксисных ППК зафиксирована 39 скреп, в том числе в текстах 1950-х гг. — 30, в современных текстах — 20. Среди этих скреп нет первообразных союзов, все они по происхождению являются либо наречиями, либо частицами.

При значительном общем количестве аналитических средств связи большинство аналитических конструкций строится с помощью трех наиболее частотных скреп: *tita* ‘когда’, *kitkit* ‘как только, едва’ и *maŋinʼas* ‘когда, поскольку’. В следующем примере близкое следование повторяющихся событий передается ППК с финитным зависимым сказуемым и скрепой *kitkit* ‘как только, едва’ в составе ЗПЕ.

- (2) култ. {*Киткит ты́воткэн ты́улавык*}, [*то увуткэн ʔэуак*]
kitkit t-ə-ŋvo-tk-ə-n
едва 1sgA-Е-начать(ся)-IPFV-Е-3sgP

⁵ В первой строке предложение записывается в графике и орфографии источника с указанием говора и границ ГПЕ и ЗПЕ, примеры из экспедиционных материалов приводятся в фонематической транскрипции на основе кириллицы, базирующейся на [Жукова 1988]. Вторая строка с поморфемной разбивкой выполнена автором единообразно: с помощью фонематической транскрипции с использованием символов IPA. Третья строка — глоссирование (список условных обозначений см. в конце статьи). Четвертая строка — свободный перевод на русский язык, в случае необходимости — также буквальным переводом.

<i>t-ə-ŋl-av-ə-k</i>	<i>to ŋəvu-tkən</i>
CAUS-E-загореться-VBLZ-E-CV.LOC	и начать(ся)-IPFV
<i>ʕēŋa-k</i>	
звучать-CV.LOC	
‘Только начинаю разжигать, начинает гудеть (букв.: звучать) (костер)’.	
	[Вдовин 1955: тетрадь 7, с. 149].

Бессоюзные ППК не являются приоритетным средством выражения таксисных отношений, однако со временем этот способ передачи отношений следования становится более востребованным. Так, в текстах 1950-х гг. бессоюзные ППК составляют лишь 7% от всех аналитических таксисных конструкций, в современных текстах — 18%.

Средством выражения таксисных отношений в бессоюзных ППК является только порядок предикативных единиц: за линейно первым событием следует второе. Особенно часто бессоюзными конструкциями передаются отношения следования потенциальных событий.

(3) выв. {*Таңвууи рарау семавэк*}, [*рарау гагитата*].

<i>ta-ŋvu-ŋ-i</i>	<i>rara-ŋ</i>
ROT-начать(ся)-PFV-3sgS.PFV	дом-DAT
<i>sēm-av-ək</i>	<i>rara-ŋa</i>
близкий-VBLZ-CV.LOC	дом-ABS.sg
<i>ya-yita-ta</i>	
CV.COM-смотреть-CV.COM	
‘Будешь к дому подходить, на дом посмотри’.	

2.3. Аналитико-синтетические таксисные ППК

В аналитико-синтетических ППК алюторского языка одновременно применяются оба средства выражения таксисных отношений между событиями: в ЗПЕ присутствует зависимый предикат в инфинитной форме и аналитические средства связи, те же, что и в синтетических и аналитических конструкциях. Это отличает чукотско-корякские языки от урало-алтайских, где аналитико-синтетический тип связан с использованием в качестве зависимых предикатов особых причастно-послеложных конструкций. В алюторском языке послелого в зависимой предикации не задействованы.

- (4) выв. {...*һантәһ курәк кәтә*}, [*витку таһвулатәк тагәртанңәк*].
һантәһ кур-ә-к кәтә vitku
 туда **прийти.от-Е-CV.LOC** **а.как** сразу
та-һву-ла-тәк
 РОТ-начать(ся)-PL-2nsgS
тауәртанң-әк
 делать жертвоприношение-CV.LOC
 ‘...а как оттуда вернетесь, сразу будете делать жертвоприношение’.

Аналитико-синтетические ППК являются маргинальным средством передачи таксисной семантики, и их доля в общем числе таксисных конструкций незначительна (8% в текстах 1950-х гг. и ок. 5% в современных текстах).

2.4. Динамика соотношения структурных типов ППК

В текстах 1950-х гг. (см. Таблицу 2 со средними данными по всем говорам северо-восточного диалекта) преобладали аналитические ППК (ок. 68% примеров). В современных текстах большинство составляют синтетические конструкции (ок. 60% примеров), их доля в общем числе таксисных конструкций возросла за полвека в два с половиной раза.

Таблица 2. Соотношение структурных типов таксисных ППК северо-восточного диалекта алюторского языка по периодам

Структурные типы ППК	Тексты 50-х гг.		Современные тексты	
	Абс.	%	Абс.	%
Аналитические	264	67,9	130	35,0
Синтетические	94	24,2	222	59,8
Аналитико-синтетические	31	8,0	19	5,1
Всего	389	100	371	100

В нашем корпусе имеются тексты на двух говорах (вывенском и ветвейском) обоих сопоставляемых периодов, подтверждающие направление изменений системы таксисных ППК северо-восточного диалекта в целом (ср. Таблицы 2–4). Примечательно, что в ветвейском говоре, на котором имеются только художественные современные тексты, увеличение доли синтетических таксисных ППК проявляется более отчетливо.

Таблица 3. Соотношение структурных типов таксисных ППК в вывенском говоре по периодам

Структурные типы ППК	Тексты 50-х гг.		Современные тексты	
	Абс.	%	Абс.	%
Аналитические	52	57,1	49	38,9
Синтетические	30	33	73	57,5
Аналитико-синтетические	9	9,9	5	3,9
Всего	91	100	127	100

Таблица 4. Соотношение структурных типов таксисных ППК в ветвейском говоре по периодам

Структурные типы ППК	Тексты 50-х гг.		Современные тексты	
	Абс.	%	Абс.	%
Аналитические	34	50,7	11	25
Синтетические	26	38,8	32	72,7
Аналитико-синтетические	7	10,5	1	2,3
Всего	67	100	44	100

Тенденция роста частотности синтетических конструкций противоположна зафиксированному в номинативно-аккузативных урало-алтайских языках процессам расширения фонда аналитических средств связи и усиления их частотности, что обусловлено становлением литературных языков, появлением стилевой дифференциации [Мальчуков, Петров 1994: 234; Данилова 2001: 22; Кошкарева 2006: 50–51; Черемисина, Озонова 2006: 3–4; Шамина 2006: 42], а также новых стратегий построения текста [Кошкарева 2008: 215]. Эти процессы на территории России происходят под влиянием русского литературного языка: некоторые новые аналитические средства являются прямыми заимствованиями или кальками русских союзов и союзных слов [Кошкарева 2008: 224–226; Озонова 2008: 236, 240].

3. Распределение структурных типов ППК по функциональным типам таксисных конструкций

Общая картина распределения таксисных конструкций по функциональным типам в современных текстах отличается от того, что мы находим в текстах середины века (см. Таблицу 5): в текстах

И. С. Вдовина преобладали ППК с семантикой следования⁶ (59%), в современных текстах доминируют ППК с семантикой одновременности (53%).

Таблица 5. Соотношение функциональных типов таксисных ППК северо-восточного диалекта алюторского языка по периодам

Функциональные типы ППК	Тексты 50-х гг.		Современные тексты	
	Абс.	%	Абс.	%
Одновременность	127	32,6	197	53,1
Следование	231	59,4	149	40,2
Предшествование	31	8,0	25	6,7
Всего	389	100	371	100

Отношения одновременности в текстах 1950-х гг. передавались как аналитическими, так и синтетическими ППК в равных пропорциях (см. Таблицу 6). Для выражения отношений следования использовались преимущественно аналитические ППК (более 87% примеров). Для отношений предшествования были более характерны аналитико-синтетические и синтетические конструкции.

Таблица 6. Использование структурных типов ППК в разных функциональных типах таксисных конструкций по периодам

Структурные типы ППК	Тексты 50-х гг.					
	Одновр.		След.		Предш.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Аналитические	58	45,7	202	87,4	4	12,9
Синтетические	58	45,7	24	10,4	12	38,7
Аналитико-синтетические	11	8,7	5	2,2	15	48,4
Всего	127	100	231	100	31	100

⁶ В традиции Новосибирской синтаксической школы конструкциями следования называются такие, в которых событие ГПЕ следует за событием ЗПЕ, а конструкциями предшествования — такие, в которых событие ГПЕ предшествует событию ЗПЕ, поскольку прагматический смысл употребления таксисной ППК видится в необходимости более точного размещения коммуникативно важного, главного, события на временной оси. Оно локализуется относительно одного из известных событий, которое избирается в качестве ориентира и маркируется как зависимое (ср. иную трактовку в [Храковский (ред.) 2009: 21–22]).

Структурные типы ППК	Современные тексты					
	Одновр.		След.		Предш.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Аналитические	25	12,7	103	69,1	2	8,0
Синтетические	162	82,2	43	28,9	17	68,0
Аналитико-синтетические	10	5,1	3	2,0	6	24,0
Всего	197	100	149	100	25	100

В современных текстах в маркировке одновременности значительно преобладают синтетические ППК (более 82% примеров), следование выражается аналитическими конструкциями, как и в текстах середины века, но их доля в общем числе конструкций со значением следования уменьшилась (с 87% до примерно 69%), для предшествования также стали более характерны синтетические ППК.

Таким образом, синтетизация коснулась всех функциональных типов таксисных ППК, но в большей степени она затронула конструкции с семантикой одновременности, среди которых резко (в три раза) сократилось число аналитических конструкций.

Возможным объяснением этого процесса является перестройка механизмов кореферентности.

4. Кореферентность в таксисных ППК алуторского языка

Оппозиция «моносубъектность/разносубъектность/вариативно-субъектность» [Черемисина 1986: 70], востребованная при описании номинативно-аккузативных языков, не подходит для обозначения типов кореферентности, возможных между участниками главного и зависимого действий в алуторском языке, так как, во-первых, он является эргативным, а в языках эргативной типологии семантический и синтаксический субъекты часто не совпадают, и, во-вторых, алуторский глагол имеет биперсональное спряжение, переходные предикаты согласуются как с А-актантом, так и с Р-актантом, что увеличивает количество типов кореферентности.

Базовым противопоставлением в данной системе является наличие или отсутствие кореферентности между участниками ГПЕ и ЗПЕ, кореферентность может быть нескольких типов.

В таксисных ППК, извлеченных из текстов 1950-х гг., наиболее частотно отсутствие кореферентности между актантами главного и

зависимого действий (45%), в современных текстах количество таких примеров в полтора раза меньше (см. Таблицу 7).

Таблица 7. Типы кореферентности в таксисных ППК алюторского языка по периодам

Типы кореферентности	Тексты 50-х гг.		Современные тексты	
	Абс.	%	Абс.	%
Нет кореферентности	175	45,0	110	29,6
ABS_{ГПЕ}=ABS_{ЗПЕ}	135	34,7	165	44,5
S _{ГПЕ} =S _{ЗПЕ}	68	17,5	100	27,0
P _{ГПЕ} =S _{ЗПЕ}	37	9,5	34	9,2
P _{ГПЕ} =P _{ЗПЕ}	17	4,4	20	5,4
S _{ГПЕ} =P _{ЗПЕ}	13	3,3	11	3,0
OBL_{ГПЕ}⁷=ABS_{ЗПЕ}	50	12,9	72	19,4
A _{ГПЕ} =S _{ЗПЕ}	43	11,1	69	18,6
A _{ГПЕ} =P _{ЗПЕ}	4	1,0	1	0,3
Прочие	3	0,8	2	0,5
ABS_{ГПЕ}=OBL_{ЗПЕ}	17	4,4	12	3,2
S _{ГПЕ} =A _{ЗПЕ}	13	3,3	9	2,4
P _{ГПЕ} =A _{ЗПЕ}	3	0,8	3	0,8
Прочие	1	0,3		
OBL_{ГПЕ}=OBL_{ЗПЕ}	12	3,1	12	3,2
A _{ГПЕ} =A _{ЗПЕ}	12	3,1	12	3,2
Всего	389	100	371	100

- (5) култ. [То айэваҕ {амтаплыткуна сайук} ҕанвыҕ мимлу гват-кулаткэм].
to ajevaq am-ta-plätku-ŋ-a
 и вдруг только-DES-закончить(ся)-DES-CV.INSTR
saj-u-k ʈənvəq mɪml-u
 чай-VBLZ.потреблять-CV.LOC много лахтак-ABS.pl

⁷ Агенс при переходном глаголе в алюторском языке выражается формами трех косвенных падежей: эргатив (для личных местоимений), локатив (для собственных имен и названий ближайших старших родственников), инструменталис (для всех остальных имен).

yəva-tku-la-tk-ə-t

попадаться-ITER-PL-IPFV-E-3nsGS

‘И вдруг, пока собираемся закончить пить чай, много лахтаков попадается (в сеть)’ (**Лахтаки** попадают, **мы** пьем чай: нет кореферентности). [Вдовин 1955: тетрадь 9, с. 195]

- (6) ветв. (*Рыврана нурау вальати*), {*кта Мотыга амисати*},
[*витку қутти*]

kəta motəyā amisat-i

vitku qut-ti

а.как pers скрыться-3sgS.PFV сразу встать-3sgS.PFV

‘(Рыврана долго сидела), а как Мотыга скрылся, сразу встала’
(**Мотыга** скрылся, **Рыврана** встала: нет кореферентности)⁸.

[Килпалин 1993: 16]

Разные референты во всех структурных типах ППК чаще всего выражаются самостоятельными именными группами (1). В аналитических ППК они могут, кроме того, распознаваться при помощи личных показателей предикатов (2) или дискурсивных характеристик референтов (6), в синтетических ППК — также на основе онтологических свойств референтов (5).

Рассмотрим наиболее частотные и значимые типы кореферентности с участием субъектно-объектных актантов.

ABS_{ГПЕ}=ABS_{ЗПЕ} — синтаксическая кореферентность по абсолютиву, характерная для эргативных языков: референт, выраженный абсолютивом в ГПЕ, совпадает с референтом, выраженным тем же падежом в ЗПЕ. В современных текстах данный тип кореферентности встречается чаще всего (44,5% примеров), в текстах 1950-х гг. по количеству примеров он уступал конструкциям с отсутствием кореферентности.

Под этот тип подводится несколько подтипов семантических отношений (**S_{ГПЕ}=S_{ЗПЕ}**, **Р_{ГПЕ}=S_{ЗПЕ}**, **S_{ГПЕ}=P_{ЗПЕ}**, **Р_{ГПЕ}=P_{ЗПЕ}**), наиболее частотным из них является первый — собственно монособъектность (**S_{ГПЕ}=S_{ЗПЕ}**). Количество таких примеров возросло с 17,5% в текстах середины века до 27% в современных текстах.

- (7) култ. [*Имыс қусақ {вививқана} гаңулау аңаңтатқук*].

itəs qusaq wəwəv-kaŋa

даже некоторый плыть.по.течению-CV.DAT

⁸ Рыврана — протагонист данного повествования.

- ya-ŋvi-lan* *aŋaŋta-tku-k*
 PP-начать(ся)-3plS петь-ITER-CV.LOC
 ‘Некоторые даже, уже плывя вниз по течению, начали петь’
 (Они (ABS)⁹ начали петь, они (ABS) плыли по течению:
 S_{ГПЕ}=S_{ЗПЕ}). [Вдовин 1955: тетрадь 6, с. 139]
- (8) култ. {*Tita malʹ-pəŋa-la-tk-ə-t*}, [то йаккасʹам нанумкавыткына
 лыуланкуинау].
Tita *malʹ-pəŋa-la-tk-ə-t* *to jaqqəsʹam*
 когда хороший-сохнуть-PL-IPFV-E-3nsgS и тут.же
na-numkav-ə-tk-ə-na *ləqlaŋ-kina-ŋ*
 LowA-убрать-E-IPFV-E-3nsgP зима-REL.nsg-DAT
 ‘Когда хорошо высыхают, (их) сразу убирают на зиму’.
 (Их (ABS) убирают на зиму, они (ABS) высыхают: P_{ГПЕ}=S_{ЗПЕ}).
 [Вдовин 1955: тетрадь 9, с. 204]

OBL_{ГПЕ}=ABS_{ЗПЕ} — кореферентность между агенсом главного действия в косвенном падеже (ERG, LOC, INSTR) и субъектом или пациенсом зависимого действия в абсолютиве. Самым частотным в этом типе является подтип A_{ГПЕ}=S_{ЗПЕ}, представляющий собой семантическую кореферентность между субъектами переходного действия ГПЕ и непереходного действия ЗПЕ. Значимость данного подтипа под влиянием русского языка также возросла, поскольку в номинативно-аккузативных языках он является разновидностью моносубъектности (см. также комментарии к Таблицам 8 и 9).

- (9) ан. {*Kitkit пыкири Тиниг’ауав’эм*}, [*пинтынин ынуин*
Кав’альуицамтыльын].
Kitkit pəkir-i *tiniŋaŋawət*
 едва прибыть-3sgS.PFV pers
pint-ə-nin *əŋŋin*
 наброситься-E-3sgA+3sgP тот
kawalʹniqa-mi-lʹ-ə-n
 ласточка-существо-ATR-E-ABS.sg
 ‘Как только подъехала Тинианавыт, набросилась на Человека-ласточку’. (Тинианавыт (ERG) набросилась (tr) на него,

⁹ В скобках указывается падеж актанта при данном предикате в полном простом предложении.

Тинианавыт (ABS) подъехала: $A_{ГПЕ}=S_{ЗПЕ}$.

[Нагаяма 2003: текст 4, предл. 361]

(10) выв. ... {*тита тытивгэт*} [*гымнин цтэкыгын плаку*].

tita t-ə-t-iv-γət γət-nin

когда 1sgA-E-POТ-сказать-2sgP я-POSS.sg

q-ə-tek-γ-ə-n pəlak-u

2A.ОРТ-E-делать-PFV-E-3sgP торбаз-ABS.pl

‘Когда я тебе скажу, почини мои торбаза (букв.: сделай торбаза)’. (**Ты** (ERG) сделай торбаза, я **тебе** (ABS) скажу:

$A_{ГПЕ}=P_{ЗПЕ}$). [Вдовин 1955: тетрадь 7, с. 123]

Два других типа ($ABS_{ГПЕ}=OBL_{ЗПЕ}$ и $OBL_{ГПЕ}=OBL_{ЗПЕ}$) гораздо менее распространены и не повлияли на системные изменения.

Таким образом, наблюдается убывание выраженности в пределах таксисной конструкции отсутствия кореферентности и возрастание числа конструкций с кореферентностью, как синтаксической, так и семантической.

Теперь рассмотрим распределение различных типов кореферентности по структурным и функциональным типам таксисных конструкций.

В текстах 1950-х гг. (см. Таблицу 8) аналитические и аналитико-синтетические конструкции примерно в половине случаев использовались для передачи отсутствия кореферентности между участниками главного и зависимого действий, синтетические конструкции, наоборот, были задействованы в большей степени (почти в 48% примеров) для выражения синтаксической кореферентности по абсолютиву. Обращает на себя внимание то, что именно у синтетических и аналитико-синтетических ППК резко сократилась частотность выражения отсутствия кореферентности, зато они стали обозначать кореферентность редких типов, не зафиксированных в текстах 1950-х гг. Вероятно, это непосредственным образом связано с влиянием русской грамматической системы, в которой функциональными аналогами синтетических аллюторских конструкций являются моносубъектные деепричастные конструкции.

Таблица 8. Типы кореферентности в различных структурных типах таксисных ППК аллоторского языка по периодам

Тип кореферентности	Тексты 50-х гг.						Современные тексты					
	Аналит.		Синт.		Ан.-синт.		Аналит.		Синт.		Ан.-синт.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Нет	131	<u>49,6</u>	28	29,8	16	<u>51,6</u>	66	<u>50,8</u>	38	17,1	6	31,6
ABS_{ГПЕ}=ABS_{ЗПЕ}	81	30,7	45	<u>47,9</u>	9	29	35	26,9	124	<u>55,9</u>	6	31,6
S _{ГПЕ} =S _{ЗПЕ}	37	14,0	26	27,7	5	16,1	16	12,3	80	36,0	4	21,1
P _{ГПЕ} =S _{ЗПЕ}	27	10,2	9	9,6	1	3,2	10	7,7	23	10,4	1	5,3
P _{ГПЕ} =P _{ЗПЕ}	9	3,4	8	8,5			3	2,3	16	7,2	1	5,3
S _{ГПЕ} =P _{ЗПЕ}	8	3,0	2	2,1	3	9,7	6	4,6	5	2,3		
OBL_{ГПЕ}=ABS_{ЗПЕ}	27	10,2	19	20,2	4	12,9	13	10,0	54	24,3	7	36,8
A _{ГПЕ} =S _{ЗПЕ}	20	7,6	19	20,2	4	12,9	12	9,2	50	22,5	7	36,8
A _{ГПЕ} =P _{ЗПЕ}	4	1,5							1	0,5		
Прочие	3	1,1					1	0,8	1	0,5		
ABS_{ГПЕ}=OBL_{ЗПЕ}	16	6,1			1	3,2	10	7,7				
S _{ГПЕ} =A _{ЗПЕ}	12	4,5			1	3,2	7	5,4	2	0,9		
P _{ГПЕ} =A _{ЗПЕ}	3	1,1					3	2,3				
Прочие	1	0,4										
OBL_{ГПЕ}=OBL_{ЗПЕ}	9	3,4	2	2,1	1	3,2	6	4,6	6	2,7		
A _{ГПЕ} =A _{ЗПЕ}	9	3,4	2	2,1	1	3,2	6	4,6	6	2,7		
Всего	264	100	94	100	31	100	130	100	222	100	19	100

Таблица 9. Типы кореферентности в различных функциональных типах таксисных ППК алоторского языка по периодам

Тип кореферентности	Тексты 50-х гг.						Современные тексты					
	Одновр.		След.		Предш.		Одновр.		След.		Предш.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Нет	61	48,0	100	43,3	14	45,2	48	24,4	54	36,2	8	32,0
ABS_{ГПЕ}=ABS_{ЗПЕ}	43	33,9	81	35,1	11	35,5	92	46,7	64	43,0	9	36,0
S _{ГПЕ} =S _{ЗПЕ}	27	21,3	37	16,0	4	12,9	67	34,0	31	20,8	2	8,0
P _{ГПЕ} =S _{ЗПЕ}	8	6,3	26	11,3	3	9,7	17	8,6	16	10,7	1	4,0
P _{ГПЕ} =P _{ЗПЕ}	5	3,9	10	4,3	2	6,5	4	2,0	12	8,1	4	16,0
S _{ГПЕ} =P _{ЗПЕ}	3	2,4	8	3,5	2	6,5	4	2,0	5	3,4	2	8,0
OBL_{ГПЕ}=ABS_{ЗПЕ}	17	13,4	29	12,6	4	12,9	52	26,4	13	8,7	7	28,0
A _{ГПЕ} =S _{ЗПЕ}	16	12,6	23	10,0	4	12,9	50	25,4	12	8,1	7	28,0
A _{ГПЕ} =P _{ЗПЕ}			4	1,7			1	0,5				
Прочие	1	0,8	2	0,9			1	0,5	1	0,7		
ABS_{ГПЕ}=OBL_{ЗПЕ}	4	3,1	11	4,8	2	6,5	1	0,5	11	7,4		
S _{ГПЕ} =A _{ЗПЕ}	3	2,4	9	3,9	1	3,2	1	0,5	8	5,4		
P _{ГПЕ} =A _{ЗПЕ}			2	0,9	1	3,2			3	2,0		
Прочие	1	0,8										
OBL_{ГПЕ}=OBL_{ЗПЕ}	2	1,6	10	4,3			4	2,0	7	4,7	1	4,0
A _{ГПЕ} =A _{ЗПЕ}	2	1,6	10	4,3			4	2,0	7	4,7	1	4,0
Всего	127	100	231	100	31	100	197	100	149	100	25	100

В текстах 1950-х гг. отсутствие кореферентности (см. Таблицу 9) было предпочтительно для всех функциональных типов таксисных конструкций. В современных текстах наблюдается перераспределение частотности всех типов таксисных ППК в сторону наличия кореферентности. У конструкций с семантикой одновременности эта тенденция проявляется в большей степени, так как в алуторском языке одновременность чаще выражается синтетическими ППК, а именно этот структурный тип больше всего сместился в сторону выражения разных типов кореферентности.

Заключение

Характер изменений синтаксической подсистемы языка-реципиента в процессе языковых контактов зависит от сходства или различия синтаксических типов контактирующих языков.

Под влиянием грамматической системы номинативно-аккузативного русского языка в эргативном алуторском языке меняются механизмы кореферентности, что ведет к перераспределению типов таксисных конструкций. Исконно наиболее популярный тип синтаксической кореферентности по абсолютиву при тотальном билингвизме носителей алуторского языка дополнился разными типами семантической кореферентности, что привело к смене ведущего структурного типа таксисных ППК алуторского языка: вместо аналитических стали преобладать синтетические конструкции, преимущественно маркирующие кореферентность партиципантов главного и зависимого действий. Особенно сильно изменения затронули конструкции с семантикой одновременности, имеющие в алуторском языке больше синтетических моделей.

Этот процесс противоположен тенденции к возрастанию роли аналитических средств связи в сложном предложении, которая наблюдается в номинативно-аккузативных урало-алтайских языках в связи с формированием литературных языков и появлением новых принципов построения текста, что также происходит под воздействием русского литературного языка.

Список условных обозначений

Говоры северо-восточного диалекта алуторского языка:
ан. — анапкинский; ветв. — ветвейский; выв. — вывенкский; кич. — кичигинский; култ. — култушинский.

Грамматические значения: 1, 2, 3 — лицо; А — агенс; ABS — абсолютив; AD — локализация ‘в стороне’; ATR — атрибутив; CAUS — каузатив; COM, COM2 — комитативы; CV — конверб; DAT — датив; DES — дезидератив; E — эпентетический гласный; EMPH — эмфатический; ERG — эргатив; INSTR — инструменталис; IPFV — имперфектив; ITER — итератив; LOC — локатив; LowA — агенс, находящийся на нижней ступени иерархии активности; NEG — отрицание; nsg — неединственное число; OBL — косвенный падеж; OPT — оптатив; P — пациенс; pers — имя собственное; PFV — перфектив; PL, pl — множественное число; POSS — притяжательное прилагательное; POT — потенциалис; PP — причастие (предикатив) прошедшего времени; REL — относительное прилагательное; S — субъект; SG, sg — единственное число; VBLZ — вербализатор.

Другие сокращения: ГПЕ — главная предикативная единица; ЗПЕ — зависимая предикативная единица; ППК — полипредикативная конструкция; [...] — границы ГПЕ; {...} — границы ЗПЕ.

Литература

- Вдовин 1955 — Архивные материалы И. С. Вдовина. 1955. Хранятся в научном архиве Института антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), фонд 36, опись 1.
- Данилова 2001 — Н. И. Данилова. Смысловая структура аналитической связи в якутском языке. Новосибирск: Наука, 2001.
- Жукова 1988 — А. Н. Жукова. Материалы и исследования по корякскому языку. Л.: Наука, 1988.
- Кибрик и др. 2000 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор алюторцев. М.: Наследие, 2000.
- Килпалин 1993 — К. В. Килпалин. Аня. Сказки севера. Петропавловск-Камчатский: РИО КОТ 1993.
- Кошкарева 2006 — Н. Б. Кошкарева. Пути формирования фонда аналитических скреп в полипредикативных конструкциях хантыйского языка (казымский диалект) // Н. Н. Широбокова, А. А. Мальцева (ред.). Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск: Любава, 2006. С. 50–67.
- Кошкарева 2008 — Н. Б. Кошкарева. Изменения в составе средств связи частей полипредикативных конструкций в хантыйском языке в условиях изменения сферы его функционирования // Н. Б. Кошкарева, О. М. Исаченко (ред.). Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. статей в честь профессора Т. А. Колосовой. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. С. 213–234.
- Мальцева 2006 — А. А. Мальцева. Диалекты алюторского языка: современное состояние // Т. Р. Рыжикова (ред.). Языковая ситуация и

- коммуникативные стратегии обучения. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Новосибирск, 29–31 января 2006 г. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. С. 156–164.
- Мальцева 2011 — А. А. Мальцева. Темпорально-каузальные полипредикативные конструкции в диалектах алюторского языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 10. Вып. 2. 2011. С. 72–80.
- Мальцева 2013 — А. А. Мальцева. Тенденции изменения системы таксисных полипредикативных конструкций алюторского языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11. Вып. 2. С. 42–55.
- Мальчуков, Петров 1994 — А. Л. Мальчуков, А. А. Петров. Эвенско-русские языковые связи // В. М. Панькин (ред.). Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. 1: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. М.: Аз, 1994. С. 229–238.
- Нагаяма 2003 — Ю. Нагаяма. Очерк грамматики алюторского языка. Kyoto: Nakanishi Printing Co., Ltd., 2003.
- Озонава 2008 — А. А. Озонава. Классификация аналитических скреп алтайского языка // Н. Б. Кошарева, О. М. Исаченко (ред.). Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. статей в честь профессора Т. А. Колосовой. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. С. 235–241.
- Храковский (ред.) 2009 — В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. СПб.: Знак, 2009.
- Черемисина (ред.) 1986 — М. И. Черемисина (ред.). Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986.
- Черемисина, Озонава 2006 — М. И. Черемисина, А. А. Озонава. Аналитические средства связи частей сложного предложения в алтайском языке // Н. Н. Широбокова, А. А. Мальцева (ред.). Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск: Любава, 2006. С. 3–20.
- Шамина 2006 — Л. А. Шамина. Формирование фонда аналитических скреп в тувинском языке (на материале фольклорных и современных художественных текстов) // Н. Н. Широбокова, А. А. Мальцева (ред.). Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск: Любава, 2006. С. 21–49.

И. А. Муравьева

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В алюторском языке² имеется грамматический класс лексем, традиционно называемых прилагательными. Помимо этого класса, здесь, как и во многих других языках, представлены еще некоторые группы слов, близкие по своим грамматическим характеристикам к собственно прилагательным, — местоименные прилагательные и числительные. В совокупности все эти разновидности образуют более обширный класс, которые можно назвать адъективными словами, или просто *адъективами*. Лексемы, входящие в этот объединенный класс, обладают некоторыми грамматическими (морфологическими и синтаксическими) особенностями, в том числе и такими, которые отличают алюторские адъективы от адъективов других языков. Ниже мы последовательно рассмотрим особенности алюторских адъективов, рассмотрим связь адъективов с инкорпорацией и приведем некоторые статистические данные, касающиеся инкорпорации адъективов.

¹ Работа основана на материалах по алюторскому языку, собранных лингвистическими экспедициями МГУ в 1971, 1972, 1978 гг. в пос. Вывенка Олюторского района Камчатского края и опубликованных в [Кибрик и др. 2000]. Используются также некоторые материалы, собранные в 2008 и 2009 гг. в рамках программы документации исчезающих языков, финансируемой Национальным научным фондом (NSF).

² Алюторский язык — язык чукотско-камчатской семьи, близкородственный корякскому и чукотскому языкам. Многие из того, о чем говорится в настоящей работе про алюторский язык, верно и для родственных языков (см., в частности, [Скорик 1948, 1961; Жукова 1954; 1972]), однако в алюторском имеется ряд особенностей, о которых пойдет речь далее.

2. Морфологические особенности адъективов

2.1. Общие положения

Морфологические особенности алюторских адъективов проявляются как во внешнем оформлении адъективов, так и в системе словоизменительных форм.

В плане внешнего оформления адъективы характеризуются прежде всего тем, что большинство из них имеет категориальный или словообразовательный показатель (циркумфикс или суффикс), специфичный для каждой конкретной разновидности адъективов. Почти все такие показатели в своей суффиксальной части оканчиваются на цепочку *-in(a)*³, которую в данной ситуации можно считать субморфом. В случае циркумфикса вся суффиксальная часть или только ее конечный фрагмент обычно характеризует только формы 3-го лица⁴, тогда как в случае суффикса сам суффикс целиком представлен во всех словоизменительных формах. Указанный субморф не представлен в большинстве количественных числительных, отдельных местоименных прилагательных, а также в особых формах качественных прилагательных — предикативах, которые маркируются циркумфиксом *a-...-ka*.

Адъективы имеют более или менее единый набор словоизменительных форм и тем самым образуют отдельный грамматический разряд (исключение составляют количественные числительные, лично-числовые различия которых в алюторском языке не обнаружены). В то время как алюторские субстантивы имеют как падежно-числовые, так и лично-числовые (=предикативные) формы, алюторские адъективы выступают только в виде лично-числовых форм⁵. Следует отметить, что функциональная нагрузка лично-

³ Заключенный в круглые скобки гласный *a* отпадает в конце словоформы (но не в условиях опущенного показателя мн. ч. *-w(wi)*), а также факультативно — при словосложении.

⁴ Реально — преимущественно в формах 3-го лица единственного и двойственного числа, но иногда также и в качестве факультативного варианта в формах множественного числа.

⁵ Отметим, однако, что в родственных корякском и чукотском языках для прилагательных все же зафиксированы некоторые падежно-числовые формы.

числовых форм бывает разной: формы 1-го и 2-го лица имеют ограниченное употребление (см. ниже).

Для образования лично-числовых форм адъективов разных типов используется стандартное выражение значений лица и числа определяемого слова (=существительного) с помощью кумулятивных показателей, которые следуют за суффиксальной частью категориального/словообразовательного показателя (если таковая имеется). В формах 1-го и 2-го лица значения лица и числа выражаются с помощью кумулятивных показателей местоименного происхождения. В формах 3-го лица обычно используется кумулятивный суффикс лица и числа, внешне тождественный показателям числа существительных: -Ø (3 ед.), -*t* (3 дв.), -*w(wi)* (3 мн.). При этом показатель 3 мн. часто вообще опускается, оставляя след в виде предшествующего неотпадающего гласного субморфа. В тех адъективах, где представлен циркумфикс, его суффиксальная часть и лично-числовой показатель 3 мн. обычно выступают в виде единого показателя -*laŋ*, который имеет факультативные варианты -*laŋin* ~ -*laŋina* ~ -*laŋinaw* ~ -*laŋinawwi*.

Ниже перечисляются представленные в аллоторском языке разновидности адъективов.

2.2. Собственно прилагательные

Собственно прилагательные делятся на две основные группы — качественные и относительные, причем обе группы оформляются по-разному.

Качественные прилагательные при автономном употреблении имеют циркумфиксальный категориальный показатель *n...[-qin(a)]*⁶, который при инкорпорации опускается. Ср. *nə-misʔa-qin* ‘красивый (он)’, *nə-katʉ-jʉt* ‘сильный (я)’. С теми же основами встречаются и особые предикативные формы (=предикативы) с показателем *a...-ka*. Предикативные формы бывают как безличными, ср. *a-misʔa-ka* ‘красиво’, так и личными, различающими лицо и число, ср. *a-misʔa-ka*

⁶ Показатели, указанные в квадратных скобках, употребляются только в формах 3-го лица.

‘красивый (он)’, *a-misʔa-k-eʔət* ‘красивый (ты)’. Качественные прилагательные представлены в основном неизменяемыми основами⁷.

Относительные прилагательные регулярно образуются от основ других частей речи (главным образом от существительных). Они делятся на притяжательные (посессивные), собственно относительные, хабитивные и каритивные прилагательные. Хабитивные и каритивные прилагательные встречаются реже первых двух групп. Все типы относительных прилагательных могут быть образованы от существительного (но для конкретных типов встречаются и производящие основы других грамматических классов). Показатель относительных прилагательных является словообразовательным и, теоретически, должен был бы сохраняться при инкорпорации, но реально во многих случаях это не так (см. далее). Ниже рассматриваются перечисленные разновидности относительных прилагательных.

Притяжательные, иначе — притяжательно-относительные, прилагательные со значением ‘принадлежащий X; сделанный, состоящий из X’ маркируются по-разному в зависимости от того, к какому словоизменительному типу относится производящая субстантивная основа. Здесь используются словообразовательные показатели *-in(a)* для слов 1-го типа склонения (к нему относится большинство имен нарицательных) и *-ənin(a) ~ -ən(a)* (ед. ч. обладателя) / *-ətʲin(a)* (мн. ч. обладателя) для слов 2-го склонения (к нему относятся имена собственные и некоторые термины родства). Ср.: *ʃətʃ-in* ‘собачий’, *utt-in* ‘из дерева, деревянный’, *qutkənʲnʲaqui-nin ~ qutkənʲnʲaqui-n* ‘(сын) Куткиннюк’; *qutkənʲnʲaqui-tʲina-w* ‘(дети) семьи Куткиннюк (Куткиннюку и его жены)’. При инкорпорации эти показатели обычно сохраняются.

Собственно относительные прилагательные со значением ‘имеющий отношение к X’ маркируются словообразовательным показателем *-kin(a)*. Ср. *wiwnə-kin* ‘из Вывенки (он)’, *wajam-kina* ‘из реки, речные (рыбы)’. В алюторском языке при инкорпорации этот показатель обычно опускается⁸.

⁷ Формы с адъективными показателями, образованные от основ глаголов, мы относим к системе глагола. В настоящей работе эти формы не рассматриваются.

⁸ Судя по грамматическим описаниям корякского и чукотского языков, там этот показатель сохраняется.

Хабитивные прилагательные со значением ‘наделенный X-ом’ имеют словообразовательный циркумфикс $\gamma a\text{-...}[-lin(a)]$. Ср. $\gamma\text{-as}^{\text{?}}\text{-}lin$ ‘с жиром, жирный (он)’, $\gamma\text{-un}^i\text{un}^i\text{-}la\eta$ ‘с детьми (они)’. Инкорпорация для этого вида прилагательных не отмечена.

Каритивные прилагательные со значением ‘лишенный X-а’ имеют словообразовательный показатель $a\text{-...-}k\acute{a}l\text{?}[-in(a)]$. Ср. $a\text{-}rara\text{-}k\acute{a}l\text{?}in$ ‘без дома, бездомный (он)’, $a\text{-}kuj\eta\text{-}k\acute{a}l\text{?}\text{-}muru$ ‘без кружек (мы)’. Инкорпорация для этого вида прилагательных также не отмечена.

Адъективы прочих групп (местоименные прилагательные, числительные) в морфологическом отношении, как правило, подобны собственно прилагательным: они используют показатели, полностью тождественные показателям относительных прилагательных, или показатели, содержащие в своем составе эти показатели.

2.3. Местоименные прилагательные

В классе местоимений адъективами являются притяжательные местоимения, а также местоименные прилагательные других разрядов (указательные, вопросительные, относительные и пр.). Отметим также наличие относительных прилагательных, образованные от основ местоименных наречий (типа рус. *здешний*).

Притяжательные местоимения образуются главным образом от основ личных местоимений. Они представлены двумя разновидностями: собственно притяжательными и притяжательно-относительными местоимениями. Собственно притяжательные местоимения имеют словообразовательные показатели $-yin(a)$ или $-nin(a)$, в зависимости от конкретного лица и числа основы. Ср. $\gamma\acute{e}m\text{-}nin$ ‘мой (дом)’, $mur\text{-}yina\text{-}t$ ‘наши две (лодки)’, $\acute{e}t\text{-}yin$ ‘их (дома)’. При инкорпорации такие местоимения выступают в виде особой основы, без указанных показателей.

Притяжательно-относительные местоимения образуются от особых основ личных местоимений, они маркируются показателем $-kin(a)$, ср. $mur\acute{e}kka\text{-}kin$ ‘имеющая отношение к нам (игрушка)’. Эти местоимения употребляются достаточно редко; при инкорпорации их показатели, в принципе, должны сохраняться.

Притяжательные местоимения от других основ (например, от вопросительных слов), образуются с помощью показателей $-in(a)/-nin(a)/-tgin(a)$ (то есть как от существительных). Ср. $mik\text{-}\acute{e}nin$

‘чей (ед. ч. обладателя, 2 склонение)’. При инкорпорации эти показатели обычно сохраняются.

Прочие местоименные прилагательные образуются от основ указательных, вопросительных и других местоимений. Обычно они маркированы показателями *-in(a)* или *-kin(a)*. Ср. примеры: *эп-ин* ‘этот (дом)’, *ηан-ина-т* ‘те два (оленя)’, *тапка-кин* ‘откуда(шний) (ветер)’.

2.4. Числительные

В классе числительных выделяются количественные и порядковые числительные.

Количественные числительные, как правило, не имеют характерных для адъективов показателей, то есть с точки зрения морфологии они образуют особую группу. При инкорпорировании некоторые из количественных числительных выступают в виде особой основы. Ср. *ηитаq* ‘две (женщины)’, *тэпүэт-кин* ‘десять (женщин)’.

Порядковые числительные маркируются суффиксом *-qavkin(a)*, содержащим в своем составе показатель *-kin(a)*, ср. *ηита-qavkin* ‘второй (он)’. Исключение составляют варианты числительного ‘первый’ с показателем *-kin(a)*, ср. *витку-кин*. При образовании порядкового числительного, а также при инкорпорации основа исходного числительного может подвергаться усечению. Ср. *тэпүэт-qavkin* ‘десятый (он) (от *тэпүэткин* ‘десять’)’.

3. Синтаксические особенности адъективов

Синтаксические особенности адъективов заключаются в следующем. Можно считать, что на (условно) глубинно-синтаксическом уровне любой алюторский адъектив выступает в качестве самостоятельного узла синтаксической структуры. На этом уровне для адъективов выделяются две основные синтаксические позиции:

- 1) предикативная позиция (типа *Мой брат сильный*);
- 2) атрибутивная (=определяющая) позиция (типа *Он купил большой дом*).

Формы адъективов, встречающиеся в предикативной позиции, различают все три лица, тогда как в атрибутивной позиции встречаются преимущественно формы 3-го лица. Случаи, когда в атрибутивной позиции различается лицо, для наших целей удобно считать разновидностям предикативной позиции, тем более, что в

таких же позициях употребляются и предикативные (=лично-числовые) формы существительных.

Перечислим такие контексты. Это, в частности, субъектно-копредикативная позиция, когда адъектив синтаксически зависит от глагола, но семантически определяет грамматический субъект и согласуется с ним (типа *Он/ты был маленьким*). Кроме того, это такие контексты, когда адъектив выступает как определение к существительному, находящемуся в предикативной позиции (типа *Он/ты — сильный человек*). И, наконец, третью группу контекстов составляют случаи, когда адъектив определяет личное местоимение в номинативе, в том числе при обращении. Ср. типовые контексты *Эй вы, слабые, ...! Вы, слабые, носите тяжести; Вас, слабых, заставили носить тяжести*. Примеры с определяемыми личными местоимениями в нашем корпусе не встретились, но они отмечены для чукотского языка в [Скорик 1961].

На глубинном уровне и в предикативной, и в атрибутивной позиции могут встретиться адъективы разных типов⁹. На поверхностном уровне (то есть в реальной фразе) практически любой адъектив может выступать либо как автономная словоформа, либо как часть инкорпорации.

4. Понятие инкорпорации, разновидности инкорпорации

Остановимся чуть подробнее на понятии инкорпорации. Инкорпорация обычно связывается со сложными словами особого вида и рассматривается как частный случай словосложения (см. [Сепир 1911/1993]). Словосложение — это морфологическое сложение (=композиция) основ двух лексем в рамках одной словоформы (подробнее см. [Мельчук 2001: 96–145]). В результате морфологического сложения появляются новые лексемы — *компози́ты*¹⁰. Между компонентами композита бывает сочинительное или подчинительное отношение.

⁹ Возможно, кроме порядкового числительного, которое в предикативной позиции нам не встретилось.

¹⁰ Заметим, что образуемый таким образом композит не является производным от другого композита. Кроме того, нас в данном случае интересуют только такие композиты, которые семантически прозрачны, то есть не представляют собой идиомы.

В композитах с подчинительным отношением различают роль главного компонента (то есть компонента, который определяет основные грамматические свойства композита¹¹), а также роль зависимого компонента. В настоящей работе нас в первую очередь интересуют именные композиты, где главным компонентом является существительное (таких композитов большинство), и глагольные композиты, где главным компонентом является глагол.

В глагольном композите, где в роли включающей основы выступает глагол, в роли включаемой основы может выступить основа потенциального синтаксического зависимого глагола — актанта или сирконстанта. Глагольные композиты характеризуются целым рядом особенностей, отличающих их от композитов других видов. Традиционно инкорпорацией считаются только глагольные композиты.

В качестве наиболее важных признаков глагольных композитов (или инкорпорации) можно назвать следующие признаки:

1) вовлечение в сложение самого предиката и его ядерного актанта, в результате чего глагольный композит может выступать в качестве полноправного высказывания;

2) наличие более или менее регулярного семантического противопоставления между композитом и его коррелятом — простым словосочетанием;

3) возможное изменение морфологического маркирования композита по сравнению с простым глаголом;

4) обязательные и потенциально возможные синтаксические трансформации, являющиеся следствием инкорпорации, и пр.

Именные композиты указанными свойствами не обладают. Поэтому даже в языках с весьма продуктивным словосложением регулярно образуемые именные композиты инкорпорацией обычно не признаются.

Наблюдения над условиями употребления глагольных композитов в разных языках показывают, что инкорпорация бывает двух основных видов:

1) факультативной инкорпорацией (англ. *optional incorporation*), когда говорящий употребляет глагольный композит вместо соот-

¹¹ В данном случае мы имеем в виду эндоцентрические конструкции (см. [Мельчук 2001: 116]).

ветствующего словосочетания для выражения определенных оттенков значения; иными словами, здесь наблюдается семантическое противопоставление композита и словосочетания;

2) обязательной инкорпорацией (англ. *obligatory incorporation*), когда в определенном контексте единственным грамматически правильным способом выражения является глагольный композит.

Инкорпорация второго типа встречается, например, в языке южный тива (языки тайова-кано). В этом языке при определенном соотношении лица, числа и одушевленности субъекта и объекта инкорпорация объекта становится обязательной — см. [Allen et al. 1976]. В частности, здесь обязательной является инкорпорация неодушевленного прямого объекта, как во фразе ‘Я сшил рубашку’.

Кроме этих двух типов, важно отметить еще один (правда, не очень четко вычленимый) тип инкорпорации, когда в некоторых контекстах по каким-либо причинам инкорпорация оказывается более предпочтительной по сравнению с соответствующим словосочетанием. В случае предпочтительной инкорпорации не обнаруживается характерного для факультативной инкорпорации семантического противопоставления между композитом и словосочетанием. Говорящий по некоторым причинам предпочитает употребить в своей речи композит, а не словосочетание¹². Так, например, во многих инкорпорирующих языках предпочтительной (но не всегда обязательной) является инкорпорация слов, обозначающих части тела.

Уникальность аллоторского языка (а также корякского и чукотского языков) заключается в том, что здесь представлены такие именные композиты, которые тоже целесообразно считать инкорпорацией. Это обусловлено тем, что в чукотско-камчатских языках одновременно представлены два важных фактора:

1) наличие в этом же языке развитой системы глагольных композитов (отметим, что чукотско-камчатские языки демонстрируют большинство известных лингвистике типов инкорпорации);

2) обязательный характер включения (по крайней мере, во многих контекстах) основы адъектива в субстантивную словоформу.

¹² В. П. Недалков в одной из своих работ по чукотскому языку отмечал, что носители чукотского языка часто употребляют инкорпорацию, согласно их собственному признанию, для быстроты речи.

Указанные обстоятельства являются существенными доводами в пользу того, чтобы рассматривать определенные типы именных композитов как разновидность инкорпорации (например, как инкорпорацию в слабом смысле — см. [Мельчук 2001: 132]). Именно такая трактовка указанных именных композитов представлена в традиционных грамматиках и грамматических очерках чукотского и корякского языков — см. [Скорик 1948; 1961; Жукова 1954; 1972], а также [Kämpfe, Volodin 1995, Muravyova 1998]. Заметим, что такой подход к трактовке определенных именных композитов в целом согласуется с идеей Э. Сепира о том, что при инкорпорации имеет место «отказ от синтаксиса в пользу морфологии» [Сепир 1911/1993: 361].

5. Правила инкорпорации адъективов

В алюторском языке, равно как и в чукотском и корякском, инкорпорации подвержены практически все разновидности адъективов. Основные грамматические правила, регулирующие включение/невключение основы адъектива в субстантивную словоформу, для алюторского языка можно сформулировать следующим образом¹³.

В предикативной синтагме (а также в случаях, которые приравнены к ней, — см. выше) адъектив инкорпорации не подвергается. Ниже приводятся примеры на предикативную позицию и ее разновидности (здесь и далее приводятся примеры из алюторских текстов с номером текста и предложения по [Кибрик и др. 2000], а также изолированные примеры):

- (1) *tərup=təryə~tər*¹⁴ *n-al'lo-qin*
 Труппэ=мясо~NOM:SG ADJ-сладкий-ADJ.3SG
 ‘Мясо Труппэ (=мифологического зверя) сладкое’. [10:3]
- (2) *ɲanək* *yəmmə* *n'ə-mq-iyəm* *n-it-iyəm*
 тогда я[NOM] ADJ-маленький-1SG ADJ-быть-1SG.S
 ‘Тогда я (еще) маленький был’. [29:5]

¹³ Приводимые далее правила в целом согласуются с тем, что обычно говорится про инкорпорацию в чукотском и корякском языках, но они содержат также ряд уточнений.

¹⁴ Здесь и далее знаком = указываются границы частей композита.

- (3) *awənʔat* *nə-mraj-iyət* *ʃujamtawilʔ-iyət*
 ну АДЖ-удачливый-2SG человек-2SG
 ‘Однако (ты) удачливый человек’. [24:7]

В примере (1) адъектив выступает в предикативной позиции, в примере (2) — в роли копредикативного прилагательного, в примере (3) — в роли определения к имени, стоящему в предикативной позиции.

В атрибутивной синтагме адъективное слово является синтаксическим зависимым и поэтому может быть подвержено инкорпорации. Автономное адъективное слово здесь можно употребить только тогда, когда главный член синтагмы — вершинное имя — стоит в номинативе (абсолютиве). В эргативном аллюторском языке такое бывает в тех случаях, когда вершинное имя выражает единственный актанта глагола (в другой трактовке — подлежащее) или пациентивный актанта глагола (в другой трактовке — прямой объект). Ср. примеры (здесь и далее в скобках при примере указывается падеж вершинного имени):

- (4) *ya-junata-lqiv-lin* *kuʔuta-k*
 RES-жить-ASP-RES.3SG.S Куут-LOC
nə-katyu-qin *ʃujamtawilʔə-n*
 АДЖ-сильный-АДЖ.3SG человек-NOM.SG
 ‘Жил на острове Куут сильный человек’. (номинатив) [21:1]

- (5) *wuttin* *kuka-jərʔə-n* *pinpin-in*
 этот[3SG] котел-содержимое-NOM.SG зола-POSS.3SG
tə-ʔə-tilə-n *semək* *milyə-k*
 1SG.A-SBJV-ставить-3SG.P рядом.с огонь-LOC
 ‘Не поставить ли мне этот котел с золой около огня?’
 (номинатив) [22:87]

Если же в атрибутивной синтагме вершинное имя стоит в косвенном падеже (то есть в падеже, отличном от номинатива), адъектив практически всегда подвергается обязательной инкорпорации (однако хабитивные и каритивные прилагательные в такой синтаксической позиции не отмечены и в инкорпорации не участвуют). Ср. примеры:

- (6) *əjōyət* *murək=ʔəssaj-a*
 давным-давно наш=бабушка-ERG

- təvə-lqivə-tkə-ni-n*
 рассказывать-ASP-IPFV-3SG.A+3P>3SG.P
 ‘Давным-давно наша бабушка рассказывала {про прадеда},
 < что ...>’ (эргатив) [24:1]
- (7) *yəmmə t-əttu-tkən irvə=wala-ta*
 я[NOM] 1SG.S-разделять.рыбу-IPFV острый=нож-ERG
 ‘Я разделяю рыбу острым ножом’. (эргатив)
- (8) *keŋə-n ya-təllə=nwaŋtal-lin*
 медведь-NOM.SG RES-вход=раскрывать-RES.3SG.S
ŋanin=ʃujamtawilʔə-ŋ
 тот=человек-DAT
 ‘Медведь открыл дверь тому человеку’. (датив) [12:1]
- (9) *wutin=nəmə-k itə-tkən ŋavəsqatpilʔ*
 этот=поселок-LOC быть-IPFV девушка[NOM.SG]
 ‘В этом поселке есть девушка <по имени Кунаввыт>’.
 (локатив) [21:53]

К этому общему правилу необходимо добавить еще два класса примеров. Первый класс связан со словообразовательными процессами, в которые может быть вовлечена атрибутивная синтагма. Бывают ситуации, когда атрибутивная синтагма должна выступить в качестве производящей основы для некоторого другого слова, поэтому инкорпорация адъектива в таком случае тоже становится обязательной. Подобное наблюдается, в частности, при образовании на базе атрибутивной синтагмы относительного прилагательного, атрибутивного имени с суффиксом *-lʔ*, выражающим носителя признака, обозначенного атрибутивной синтагмой, реже — при образовании наречий. Ср. примеры:

- (10) *yəm-nan vasqin=rara-kin ʃətʃə-n*
 я-ERG другой=дом-REL.3SG собака-NOM.SG
tə-nakmavə-n
 1SG.A-приручать-PFV.3SG.P
 ‘Я приручил собаку из соседнего дома’.
- (11) *taqu jaq murək=ʔəlləy-in qujma-yiŋ*
 для.чего же наш=отец-POSS.3SG штаны-IN[NOM.SG]

6. Статистические наблюдения над инкорпорацией адъективов

Теперь остановимся на статистических наблюдениях, касающихся автономных и инкорпорированных употреблений адъективов. Приводимые ниже подсчеты выполнены на материале ограниченного корпуса алюторских текстов из издания [Кибрик и др. 2000]. Объем корпуса — 41 текст общей длиной около 1300 предложений, содержащий приблизительно 11000 слов.

В корпусе встретилось немногим более 300 инкорпоративных комплексов. В их числе представлено приблизительно 32% глагольных композитов и 68% именных композитов. Сравнительно небольшая цифра глагольных композитов, очевидно, свидетельствует о том, что инкорпорация в алюторском языке уже не является продуктивным процессом. А вот доля именных композитов, судя по этим цифрам, достаточно велика. Правда, стоит отметить, что в состав именных композитов были включены случаи как обязательной, так и предпочтительной инкорпорации.

По типу модификатора именные композиты можно разделить на следующие три группы:

1) именной модификатор (типа *junju=valival* ‘жир кита, китовый жир’) — самая многочисленная группа;

2) адъективный модификатор (типа *misʔa=kəmʔəwwə-n* ‘красивый камень’);

3) глагольный модификатор (типа *toli=pujʔə-n* ‘палочка для жарения’) — самая малочисленная группа.

Далее мы рассмотрим только именные композиты с адъективным модификатором. На такие именные композиты приходится чуть менее 50% от числа всех именных композитов. Здесь представлена как обязательная, так и предпочтительная инкорпорация адъективов¹⁵.

В большинстве композитов с адъективным модификатором представлена обязательная инкорпорация. Она составляет 73% от общего числа композитов с инкорпорированным адъективом.

¹⁵ Соотношение обязательной инкорпорации и условий для предпочтительной инкорпорации здесь не рассматривается, так как фактически оно обусловлено соотношением употребления косвенных падежей и номинатива.

В рамках обязательной инкорпорации адъективов около 26% приходится на долю инкорпорации качественных прилагательных (типа *irvə=wala-ta* ‘острым ножом (эргатив)’ vs. *n-irvə-qin wala* ‘острый нож (номинатив)’).

Учесть обязательную инкорпорацию относительных прилагательных разного типа представляется затруднительным. Дело в том, что в алюторских текстах такие адъективы в композитах нам почти не встретились, вместо них выступает простая субстантивная основа, в силу чего такие композиты невозможно отличить от инкорпорации субстантивной основы, ср. *alʹuta-kin arəm* ‘староста (села) Алюторки (номинатив)’ vs. *alʹut=arma-ŋ* ‘старосте (села) Алюторки (датель)’ . По-видимому, можно считать, что здесь представлена просто инкорпорация субстантива.

Больше всего композитов, демонстрирующих обязательную инкорпорацию адъективов, представлено в группе *местоименными* адъективами. Такие композиты составляют около 67% от всего числа обязательной инкорпорации адъективов, ср. *ənək=təlyə-k* ‘на его пальце (локатив)’, *ŋanin=ra-ŋ* ‘к тому дому (датель)’, *maŋin=nətə-ŋ* ‘в который поселок? (датель)’.

Инкорпорированные числительные, как количественные, так и порядковые, в указанном корпусе текстов встретились всего несколько раз (хотя по материалам корякского и чукотского языков известно, что таких случаев может быть гораздо больше)¹⁶. Это, в частности, примеры типа *ŋərun=nəmjərʔə-ŋ* ‘населением трех поселков (наречие)’. Подобные случаи составляют всего около 7% от обязательной инкорпорации адъективов.

Предпочтительная инкорпорация (то есть возможность употребить композит типа *misʔa=kəmʔəwwə-n* ‘красивый камень’ вместо ожидаемого словосочетания *nə-misʔa-qin kəmʔəwwə-n*) представлена только для качественных прилагательных, она составляет 27% от общего числа композитов с инкорпорированным адъективом.

Интересно также сопоставить процент автономных и инкорпорированных адъективов внутри каждой конкретной группы адъективов по отношению к общей численности употреблений в рамках данной разновидности.

¹⁶ Такое небольшое число обусловлено редкой встречаемостью числительных в исследуемых текстах.

Внутри группы качественных прилагательных по отношению к общему числу их употреблений встретилось 52,5% автономных прилагательных и 47,5% инкорпорированных прилагательных. Среди автономных прилагательных приблизительно 40% встретились в предикативной синтагме и 60% — в атрибутивной синтагме. В рамках атрибутивной синтагмы встретилось 42% автономных и 58% инкорпорированных адъективов.

Можно также принять во внимание то, что от основ качественных прилагательных регулярно образуются соответствующие наречия, которые могут быть инкорпорированы в глагольные словоформы, так что общее число инкорпорированных основ такого рода оказывается еще больше. Заметим, что в силу этого обстоятельства некоторые исследователи вместо термина «качественное прилагательное» предпочитают использовать термин «качественные основы» — см. [Скорик 1961].

Внутри группы местоименных прилагательных цифры получаются разными в зависимости от того, какой разряд местоимений мы рассматриваем. В частности, в группе притяжательных адъективов по отношению к общему числу их употреблений (преимущественно в атрибутивной синтагме) встретилось приблизительно 60% автономных и 40% инкорпорированных адъективов. С другой стороны, в группе указательных местоимений (только в атрибутивной синтагме) оказалось 79% автономных и 21% инкорпорированных адъективов.

Приведенные данные показывают, что, несмотря на разницу в употреблении адъективов разных типов, число инкорпорированных употреблений адъективов в целом оказывается достаточно большим. Таким образом, получается, что значительное число употребляемых в речи адъективов на поверхностном уровне выступает лишь как часть композитов.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — агентив; ADJ — прилагательное; ADV — наречие; ASP — аспектуальный показатель; ATR — атрибутив; DAT — датив; ERG — эргатив; IN — ‘внутри’; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NOM — номинатив; NSG — неединственное число; P — пациентив; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивная форма; REL —

относительное прилагательное; RES — результатив; S — S-актант; SBJV — субъюнктив; SG — единственное число.

Литература

- Жукова 1954 — А. Н. Жукова. Два основных способа связи определения с определяемым в корякском языке // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 101. Л., 1954. С. 293–304.
- Жукова 1972 — А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка: Фонетика. Морфология. Л.: Наука, 1972.
- Кибрик и др. 2000 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор алюторцев. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000.
- Мельчук 2001 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. В 4-х томах. Т. IV. Москва — Вена: «Языки славянской культуры», Венский славистический альманах, 2001.
- Сепир 1993 — Э. Сепир. Проблема инкорпорации в языках американских индейцев // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс». С. 355–385.
- Скорик 1948 — П. Я. Скорик. Очерки по синтаксису чукотского языка: Инкорпорация. Л.: Учпедгиз, 1948.
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка: Фонетика и морфология именных частей речи. Ч. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Allen et al. 1976 — В. J. Allen, D. B. Gardiner, D. G. Frantz. Noun Incorporation in Southern Tiwa // International Journal of American Linguistics. Vol. 42. 1976. P. 292–311.
- Kämpfe, Volodin 1995 — H.-R. Kämpfe, A. P. Volodin. Abriss der Tschuktschischen Grammatik aus der Basis der Schriftsprache. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995.
- Muravyova 1998 — I. A. Muravyova. Chukchee (Paleo-Siberian) // The Handbook of Morphology. Oxford: Blackwell publishers, 1998. P. 521–539.

Г. А. Некрасова

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
УрО РАН, Сыктывкар*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АККУЗАТИВА В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Введение

Пермские языки, входящие в финно-угорскую семью языков, традиционно относятся к языкам номинативного строя, характеризующегося противопоставлением субъекта и объекта, а также номинатива и аккузатива. Суффикс аккузатива в именном и местоименном склонениях различается. В именном склонении аккузатив имеет несколько суффиксальных показателей. Дифференцированное употребление материально выраженных показателей связано с морфологической структурой слова: наличие/отсутствие посессивного суффикса, в удмуртском языке также наличие/отсутствие показателя множественности. В случае двупадежности, что характерно больше удмуртскому языку, показатель аккузатива присоединяется к суффиксам других падежей (подробнее о двупадежности и употреблении суффиксов аккузатива в [Некрасова 2004: 22–25; 2009; Кондратьева 2011: 36–43; 212–220]). Грамматический статус нулевого показателя, маркирующего прямое дополнение, в пермском языкознании не дискутируется: начиная с первых лингвистических изысканий он рассматривается в качестве одной из форм аккузатива [Флеров 1813: 10; Савваитов 1849: 18; Емельянов 1927: 119; Майшев 1940: 25; Бубрих 1949: 29; Лыткин (ред.) 1955: 142; Лыткин (ред.) 1962: 186; Перевощиков (ред.) 1962: 93; Лудькова и др. 2000: 69 и др.]. На выбор такого решения первоначально сказалось, скорее всего, влияние традиции русской грамматики, позднее оно поддерживалось в последующих трудах. Между тем, в финно-угроведении грамматическая форма немаркированного прямого дополнения остается недостаточно уясненной, так как взгляды в ее интерпретации расходятся. Нулевой показатель, используемый в оформлении прямого дополнения, трактуется как одна из форм аккузатива («немаркированный аккузатив») [Лыткин (ред.) 1962: 185;

Первощиков (ред.) 1962: 93; Лаврентьев 2005: 52] или как показатель номинатива, который изначально использовался для маркирования не только субъекта, но и объекта действия [Хайду 1985: 232; Тужаров 1987: 119]. На первый взгляд, расхождения в трактовках вызваны разным подходом к решению проблемы: семантико-синтаксический (сходство семантики и глагольного управления) или морфологический (сходство грамматических форм) подход. А. А. Зализняк, имея в виду приемы выражения падежной семантики, отмечает, что

Основное расхождение между ними состоит в том, допускается ли существование двух различных падежей, различие которых никак не выражается внешне. При семантическом понимании падежа ответ на этот вопрос положителен, при формальном — отрицателен [Зализняк 2002: 615].

Совпадение форм падежей, или омонимия падежных форм, характерная для многих языков мира, представляет определенные трудности при их описании. Такие языковые единицы отличаются от типизированных падежных единиц пониженной морфологической самостоятельностью, что влияет на их деклинальный статус: они рассматриваются как «морфологически несамостоятельные падежи» (в терминологии [Зализняк 2002: 629]). Однако решение вопроса усложняется тем, что дифференцированное маркирование прямого дополнения связывается с комплексом различных факторов, механизм проявления которых в языках различен, он не всегда совпадает в родственных языках, даже в диалектах одного языка [Сердобольская, Толдова 2012]. При маркировании существительных без притяжательных суффиксов решающую роль в коми языке играют факторы одушевленности (стандартный суффикс принимают одушевленные существительные, нулевой показатель имеют неодушевленные) и определенности (маркированный стандартным суффиксом прямое дополнение является определенным, нулевым показателем — неопределенным), в удмуртском языке — фактор определенности [Сердобольская, Толдова 2012: 215, 235]. Это обстоятельство, а именно непосредственная связь аккузатива с лексической семантикой существительных и с определенностью/неопределенностью объекта, отличает его от остальных падежей. Грамматическое значение этой падежной единицы как бы усложняется признаком определенности и одушевленности. Это свойство послужило одной из основных

причин отрицания аккузатива в уральских языках. А. П. Володин считает, что «суть грамматического строя уральских языков состоит в противопоставлении «определенный/неопределенный»» [Володин 2000: 35]. Что касается пермских языков, то обязательного для морфологической категории регулярного грамматического выражения противопоставление одушевленности/неодушевленности и определенности/неопределенности не имеет, что исключает рассмотрение специального суффикса аккузатива как показателя определенности или одушевленности. В этой связи отметим, что проблема интерпретации формы немаркированного прямого объекта является едва ли не самой спорной в теоретической лингвистике. Ситуация, когда прямое дополнение оформляется различно в зависимости от его референциальных и семантических свойств, наблюдается во многих языках мира. Различие между маркированным и немаркированным прямым дополнением заключается в определенности, одушевленности, личности или т. п., причем показатель аккузатива всегда маркирует более определенный, более одушевленный или личный объект [Муравьева 2008]. Представляется, что вопрос о показателях аккузатива в финно-угорских языках, о времени их происхождения, а также дискусируемый в последние годы вопрос об аккузативности/неаккузативности финно-угорских языков требует отдельного рассмотрения.

Основной функцией аккузатива в пермских, как и в других аккузативных, языках является обозначение прямого объекта при переходных глаголах. Однако в некоторых случаях конкуренцию с аккузативом могут составить другие косвенные падежи (инструменталь, аблатив, датив), а также отдельные послелогии. В статье описываются типичные контексты, которые допускают конкуренцию аккузатива с другими языковыми единицами. При установлении особенностей контекста были использованы примеры из Корпуса удмуртского языка, размер которого составляет около 6,3 миллионов словоупотреблений. Основная часть корпуса (94%) приходится на тексты СМИ 2007–2014 гг. [<http://web-corpora.net/UdmurtCorpus>]. Коми-пермяцкие [Баталов; Можаяев; Фадеев 1989; Федосеев 1991; Федосеев 1994] и коми-зырянские [Куратов 1979; Юшков 2001; Торопов 2003; Чисталев 2010; Тимин 2012] примеры извлечены из художественных текстов.

1. Конкуренция аккузатива и инструменталю

1.1. Оформление объекта аккузативом и инструменталем допускают глаголы со значением разнонаправленного движения в случае, когда объект является частью тела человека (или животного). Среди этих глаголов можно выделить две группы: 1) глаголы, допускающие в качестве объекта только часть тела ('качать, кивать головой'); 2) глаголы, допускающие в качестве объекта не только часть тела, но и другие предметы ('вертеть', 'вращать', 'двигать' 'качать', 'крутить', 'махать', 'шевелить'). В коми-пермяцком языке глаголы первой группы (*гогинявны* 'качать, кивать головой', *гогиньтны* 'качать') требуют инструментального оформления объекта (1), в коми-зырянском языке такие глаголы (*гогйёдлыны*, *гоньйёдлыны*, *довкйёдлыны* 'качать, кивать') предпочитают инструментальное оформление актанта, спорадически допуская аккузативное (2)–(3). В корпусе удмуртского языка глагол, допускающий в качестве объекта только часть тела, отсутствует. Скорее всего, такой глагол функционирует только в северных диалектах [Борисов 1991: 136].

- КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ
- (1) *Зон-ыс юр-на-с гонинь-ал-і-с.*
 мальчик-POSS3 голова-INST-POSS3 кивать-ASP-PST1-3
 'Мальчик кивал головой'. [Федосеев 1991: 60]
- КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ
- (2) *юр-сё нин гогйёдл-ыны сьёкыд.*
 голова-POSS3.ACC уже кивать-INF тяжело
 'Головой кивать уж тяжело'. [Юшков 2001: 190]
- (3) *мёд-ыс <...> гогйёдл-і-с юр-на-с.*
 второй-POSS3 кивать-PST1-3 голова-INST-POSS3
 'Другой [манси]<...> кивал головой'. [Юшков 2001: 141]

Глаголы второй группы могут употребляться в переходной и непереходной конструкции. В коми-пермяцком языке такие глаголы предпочитают непереходную модель управления. В выборке примеров глагол *легётны* '(по)трясти, махать, замахать, вилять' в каждом случае требует инструментального оформления актанта (4), глаголы *өвтны* '(по)трясти, махать, замахать, вилять', *вөрётны* '(по)шевелить, двигать', *бергётлыны* 'крутить, вращать, вертеть', допуская вариативное оформление объекта, предпочитают инструменталь (5)–(6) (см. Таблицу 1).

- КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ
- (4) *Фимка чунь-на-с легõt-ышт-і-с*
 Фимка палец-INST-POSS3 трясти-ASP-PST1-3
Архипка-лõ
 Архипка-DAT
 ‘Фимка пригрозил пальцем Архипке’. [Баталов]
- (5) *Митрей-ыс жõ юр-сõ õвт-õ.*
 Митрей-POSS3 же голова-POSS3.ACC трясти-PRS.3
 ‘Митрей же головой трясет’. [Федосеев 1991: 65]
- (6) *Коля õвт-ышт-і-с юр-на-с.*
 Коля качать-ASP-PST1-3 голова-INST-POSS3
 ‘Коля покачал головой’. [Баталов]

Таблица 1. Оформление актанта разнонаправленных глаголов
 в коми-пермяцком языке

Глагол / Падеж	<i>бергõtлыны</i> ‘крутить, вращать, вертеть’	<i>вõрõtны</i> ‘трогать, шевелить двигать’	<i>легõtны</i> ‘трясти, махать, вилять’	<i>õвтыны</i> ‘махать, вилять, качать’	всего
ACC	18	4	0	3	25
INST	23	41	19	230	313

В коми-зырянском языке глагол *õвтыны* ‘махать, вилять, качать, кивать’ предпочитает инструментальное оформление актанта (7), как и в коми-пермяцком, в то время как глагол *легõtны* ‘шевелить, вилять’ допускает вариативное оформление, но предпочтителен аккузатив (8)–(9). Примеры на другие глаголы единичны (см. Таблицу 2).

- КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ
- (7) *⟨...⟩ õткымынõн õвт-ч-õ-ны*
 некоторые махать-ASP-PRS.3-PL
ки-яс-на-с.
 рука-PL-INST-POSS3
 ‘⟨...⟩ некоторые машут руками’. [Торопов 2003: 158]
- (8) *Пон надзõникõн легõд-õ бõж-сõ.*
 собака медленно вилять-PRS.3 хвост-POSS3.ACC
 ‘Собака медленно виляет хвостом’. [Чисталев 2010: 391]

- (9) *И бѳж-на-с* *легѳд-ышт-ал-ѳ* *сы-лы.*
и хвост-INST-POSS3 вилять-ASP-ASP-PRS.3 он-DAT
‘И хвостом повиливает ему’. [Юшков 2001: 629]

Таблица 2. Оформление актанта разнонаправленных глаголов
в коми-зырянском языке

Глагол Падеж	<i>бергѳдлыны</i> ‘крутить, вращать, вертеть’	<i>вѳрѳдны</i> ‘шевелить, двигать’	<i>легѳдны</i> ‘шевелить, трясти, вилять’	<i>ѳвтыны</i> ‘махать, вилять, качать’	всего
ACC	2	1	8	1	11
INST	-	5	3	34	42

В удмуртском языке употребление аккузатива более частотно. В корпусе удмуртского языка предпочтительное употребление инструменталю наблюдается при глаголе *шонаны* ‘махать, размахивать, качать, кивать’ (10)–(11). При других глаголах (*сэзъяны* ‘качать, трясти’, *бергатыны* ‘крутить, вращать, вертеть’, *выретыны* ‘двигать, шевелить’) инструменталь является менее частотным, предпочтение отдается аккузативу (см. Таблицу 3).

- УДМУРТСКИЙ
- (10) *Ветеран йыр-зэ* *гинэ* *шона-з.*
ветеран голова-POSS3.ACC только кивать.PST1-3
‘Ветеран только кивал головой’. [Удмурт дунне 2008.05.08]
- (11) *Соиз пумит-аз* *йыр-ыны-з* *гинэ*
тот напротив-POSS3 голова-INST-POSS3 только
шона-з.
кивать.PST1-3
‘Тот, который напротив, кивал головой’.
[Удмурт дунне 2007.04.25]

Таблица 3. Оформление актанта разнонаправленных глаголов в удмуртском языке

Глагол Падеж	<i>бергатыны</i> 'крутить, вращать, вертеть'	<i>выретыны</i> 'двигать, шевелить'	<i>сэзъяны</i> 'качать, трясти'	<i>шонаны</i> 'махать, качать, кивать'	всего
ACC	22	21	45	33	121
INST	5	10	14	60	89

В коми языке, в отличие от удмуртского, варьирование аккузатива и инструменталю возможно только в двухактантных конструкциях, с введением в конструкцию дополнительного актанта допускается только инструментальное маркирование (12)–(14).

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (12) *Сійӧ юр-на-с* / *юр-сӧ*
 он голова-INST-POSS3 голова-POSS3.ACC
довкй-ӧд-л-і-с.
 кивать-CAUS-ASP-PST1-3
 'Он кивал головой'.

- (13) *Сійӧ юр-на-с* / **юр-сӧ*
 он голова-INST-POSS3 голова-POSS3.ACC
довкй-ӧд-л-і-с *бать-ыс-лы.*
 кивать-CAUS-ASP-PST1-3 отец-POSS3-DAT
 'Он кивал головой отцу'.

УДМУРТСКИЙ

- (14) *Со нылли-ос-лы ки-зэ* / *ки-ыны-з*
 он дети-PL-DAT рука-POSS3.ACC рука-INST-POSS3
шона.
 махать.PRS.3
 'Он машет рукой детям'.

1.2. В удорском диалекте коми языка наблюдается варьирование аккузатива и инструменталю в оформлении сентенциального актанта. В случае использования аккузатива оформление прилагательного или причастия соответствует модели управления матричного предиката. Субъект и предикат оба оформлены суффиксами аккузатива (15). В оформлении сентенциального актанта в каждом случае используется суффикс *-ӧ*, наиболее древний суффикс

аккузатива. Субъект оформлен кумулятивным суффиксом аккузатива и посессивности, при этом суффиксы 2 и 3 лица ед. ч. (-тӧ и -сӧ) могут быть в посессивном и непосессивном употреблении.

- УДОРСКИЙ КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ
- (15) *Сы-лысь тятей-сӧ* **бӧрд-ысь-ӧ**
 он-AVL ребенок-POSS3.ACC плакать-PRT-ACC
/ бӧрд-ысь-ӧн *голь-ӧ-ны¹*.
 плакать-PRT-INST говорить-PRS.3-PL
 ‘Говорят, что ее (его) ребенок плаксивый’.

Возможно, что оформление сентенциального актанта аккузативным суффиксом было распространено на более широкой территории, по крайней мере в ареале распространения нижневычегодских говоров (16). Однако фиксация таких конструкций в переводных источниках все же не дает абсолютной уверенности утверждать это. Употребление суффикса инструментала в оформлении сентенциального актанта наблюдается в письменных источниках, начиная XIX в. (17).

- НИЖНЕВЫЧЕГОДСКИЙ КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ
- (16) **Бурсиемаос шуинъ тэнсидъ мамто.**
[бурси-ӧма-ӧс шу-и-н тэн-сьыд
 благословить-PRT-ACC сказать-PST1-2 ты-AVL
мам-тӧ]
 мать-POSS2.ACC
 ‘Благословенной ты назвал свою мать’. (Румяновский список
 «Божественной литургии», XVIII в.) [Кузнецова 1967: 63]

- КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ
- (17) *Мен-сьым олӧм шу-ӧ-ны на*
 я-AVL жизнь.ACC называть-PRS.3-PL еще
бур-ӧн.
 хороший-INST
 ‘Мою жизнь называют еще хорошей’. [Куратов 1979: 169]

¹ Примеры без указания источника получены непосредственно от носителей.

2. Конкуренция аккузатива и аблатива

В удмуртском языке при креативных глаголах типа ‘делать’, ‘шить’, ‘строить’ и т. п. возможно употребление двух аккузативных объектов. Один из них обозначает предмет, существующий до начала ситуации и подвергающийся воздействию со стороны агенса, другой обозначает предмет, полученный в результате физического воздействия на этот предмет (18). Широкое распространение таких конструкций наблюдалось в языке XIX в., подтверждением чему могут служить примеры из [Ислентьев]: при глаголах *лэсьтыны* ‘делать, изготавливать’, *вурьны* ‘шить’ и некоторых других объект, выражающий предмет, подвергающийся изменению, в каждом случае оформлен аккузативом (19). В корпусе удмуртского языка объект, указывающий на материал изготовления, принимает суффикс аблатива (20). В единичных случаях встречается элативное оформление, что характерно и для коми языка.

УДМУРТСКИЙ

- (18) *Нянь-зэ* *сукари* *куасьт-й*.
 хлеб-POSS3.ACC сухарь.ACC сушить-PST1.1
 ‘Хлеб высушила в сухари’. [Кондратьева 2012: 51]
- (19) *Дурись* *корт-эз* *дур-и-з* *тьыр* *но*
 кузнец железо-ACC ковать-PST1-3 топор.ACC и
кусо
 коса.ACC
 ‘Из железа кузнец наковал топор и косу’.
 [Ислентьев 1889: 77]
- (20) *Черк-ез* *горд* *кирпич-лэсь* *йэут-о-зы*
 церковь-ACC красный кирпич-ABL возводить-FUT-3.PL
 ‘Церковь построят из красного кирпича’.
 [Мынам Удмуртие 2011.10.25]

Варьирование аккузатива и аблатива при креативных глаголах наблюдается в северных удмуртских диалектах (21)–(22). Параллельное использование падежных показателей отмечается при оформлении членов сочиненной группы: один из однородных членов может быть маркирован аккузативом, другой — аблативом (22).

- СРЕДНЕЧЕПЕЦКИЙ УДМУРТСКИЙ
- (21) *лэс'т-ъл-и-м,* *маръм-йос-ть,* *доска-ос-ть*
 строить-ASP-PST1-1PL что-то-PL-ACC доска-PL-ACC
корка.
 дом.ACC
 ‘Строили [мы], как это, из досок дом’. [Карпова 2005: 142]
- (22) *ыж гон-лэс',* *вал гон-эз*
 овца шерсть-ABL, лошадь шерсть-ACC
лэс'т-ыл-и-зы
 делать-ASP-PST1-3PL
 ‘Из овечьей шерсти, из лошадиной шерсти катали [мячик]’.
 [Карпова 2005: 104]

Конкурирующие конструкции с аблативным и аккумулятивным оформлением объекта описывают денотативно идентичные ситуации. Выбор между конструкциями отражает выбор говорящим перспективы. В случае использования аккумулятора в фокусе внимания находится исходное состояние участника ситуации, в случае аблативного оформления объект осмысливается как материал изготовления нового объекта, при этом внимание сфокусировано на результативном объекте.

3. Аккузатив и послелог *йылысь/йылись/сярысь*

Аккузатив в пермских языках может употребляться для выражения темы сообщения при речемыслительных глаголах, конкурируя при этом в коми-зырянском с послелогом *йылысь*, в коми-пермяцком — *йылись*, в удмуртском — *сярысь* (23)–(25).

- УДОРСКИЙ КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ
- (23) *Тан'а-сö* / *Таня йылис'* *гол'-ө-ны.*
 Таня-POSS3.ACC Таня о говорить-PRS.3-PL
 ‘Про Таню говорят’.
- КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ
- (24) <...> *со сiя мун-ө,* *көд-ө* / *кин*
 вот она идти-PRS.3 который-ACC который
йылись баит-i-м *нывка-сö* /
 о говорить-PST1-1PL девочка-POSS3.ACC

нывка йыльсь.

девочка о

‘⟨...⟩ вот идет она, про которую девушку говорили’.
(А. Ермаков) [Парма 404]

УДМУРТСКИЙ

- (25) **Ныл-ъёс-ты** / **ныл-ъёс сярысь** *ке*
 девочка-PL-ACC девочка-PL о если
вера-но, 226-лы *йыл-й-з*
 говорить-PRT 226-DAT увеличить-PST1-3
Дарья-ос-лэн рад-зы.
 Дарья-PL-GEN ряд-POSS3PL
 ‘Если говорить о девочках, то численность Дарьи увеличилась
 на 226’.
 [Удмурт дунне 2009.02.10]

В удмуртских письменных источниках XIX в. аккузатив мог использоваться для выражения темы и содержания сообщения в структуре одной конструкции, при этом актант, выражающий тему сообщения, был оформлен суффиксально (26). В современных текстах такие биаккузативные конструкции не встречаются. Аккузатив чаще используется в случае, когда глагол принимает в качестве объекта обозначение ситуации, т. е. аккузативом оформляются отглагольные существительные (27).

УДМУРТСКИЙ

- (26) **Пересь-анай** **выжыкыл** *вера-з*
 старый-женщина сказка.ACC рассказать.PST1-3
кеч-ен **но кӱон-эн-эз.**
 коза-INST и волк-INST-ACC
 ‘Бабушка рассказала сказку о козе и волке’.
 [Ислентьев 1889: 66]

СРЕДНЕЧЕПЕЦКИЙ УДМУРТСКИЙ

- (27) **сэрэзэ мон со-лы** **вэра-й**
 затем я он-DAT рассказать.PST1-1
кӱйон'н'-ос-ън пумис'кэм-мэ.
 волк-PL-INST встреча-POSS1.ACC
 ‘Затем я ему рассказала о своей встрече с волками’.
 [Карпова 2005: 294].

4. Конкуренция аккузатива и датива

Аккузатив и датив параллельно могут употребляться при каузативных глаголах. В коми-пермяцком и удмуртском языках аккузатив является основным средством оформления каузируемого участника (28). Датив вводится для разграничения исходного прямого объекта и каузируемого субъекта в случае, когда оба выражены одушевленным существительным или местоимением (29)–(30).

- УДМУРТСКИЙ
- (28) *Со мон-э вылкымет-сэ усьт-ыны*
 он я-ACC покрывка-POSS3.ACC открыть-INF
кос-э
 велеть-PRS.3
 ‘Он велит мне открыть покрывку’.
 [Удмурт дунне, 2010.04.09]

- (29) *Инмар Тон-э Аслаз Кылчин-ъёс-ыз-лы*
 бог ты-ACC сам.GEN.3SG ангел-PL-POSS3-DAT
уть-ыны кос-о-з
 защищать-INF заставить-FUT-3
 ‘Бог своим ангелам заставит защищать тебя’.
 [Матфейлэсь жеч ивор (1990–2010)]

- КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ
- (30) *Мен-ö о-з тшöкты Тайка-ыс-лö /*
 я-ACC NEG.PRS-3 велеть.IMP Тайка-POSS3-DAT
**Тайка-сö / *Тайка-öс кывзы-ны?*
 Тайка-POSS3.ACC Тайка-ACC слушать-INF
 ‘Не велит Тайке слушать меня?’ [Фадеев 1989: 165].

В коми-зырянском языке аккузативное оформление каузативного участника является единственно возможным при морфологическом каузативе, образованным от непереходных глаголов (*уджöдiс менö* ‘заставил меня работать’). При каузативе, образованным от переходных глаголов, и при аналитическом каузативе (*тшöктыны* ‘велеть, приказать’) предпочтительным является дативное оформление. В современных текстах [Юшков 2001, Торопов 2003, Тимин 2012] в конструкциях с аналитическим каузативом в каждом случае наблюдается дативное оформление (31), в текстах более раннего периода [Чисталев 2010] аккузатив и датив используются парал-

лельно, при этом аккузатив отмечен в конструкциях с каузативом, выражающим просьбу, разрешение, тогда как датив — при глаголах со значением каузации (32)–(33). В коми-зырянских диалектах зафиксированы более двух конкурирующих способов оформления каузируемого участника ситуации — инструменталь, комитатив и датив (34).

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

(31) *Пӧль тшӧкт-і-с Ягсин-лы кольчч-ыны.*
 дедушка велеть-PST1-3 Ягсин-DAT остаться-INF
 ‘Дедушка велел Ягсину остаться’. [Тимин 2012: 226]

(32) *Тшӧкты мен-сьым мам-ӧс.*
 просить.IMP я-AVL мать-POSS1.ACC
 ‘Попроси мою мать’. [Чисталев 2010: 165]

(33) *Тшӧкт-і-с челядь-ыс-лы чукӧрт-ны*
 просить-PST1-3 дети-POSS3-DAT собирать-INF
кӧлуй-сӧ.
 вещи-POSS3.ACC
 ‘Велел детям собрать вещи’. [Чисталев 2010: 211]

ПРИСЫКТЫВКАРСКИЙ КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

(34) *плат'т'э вур-ӧд-и Вас'ка Палӧ-ӧн /*
 платье шить-CAUS-PST1.1 Васька Пелагея-INST
Вас'ка Палӧ-кӧд / Вас'ка Палӧ-лы
 Васька Пелагея-COM Васька Пелагея-DAT
 ‘Платье [я] пошила у Пелагеи Васильевны’.
 [Жилина, Бараксанов 1971: 66]

Заключение

Современные пермские языки демонстрируют совпадающие модели вариативности. Исключение составляет варьирование аккузатива и аблатива при креативных глаголах в удмуртском языке, а также оформление сентенциального актанта в удорском диалекте коми-зырянского языка. В ситуации варьирования грамматических средств аккузатив выступает как основное средство оформления актанта при каузативных глаголах в удмуртском и коми-пермяцком языках, при глаголах разнонаправленного движения в удмуртском языке. В остальных случаях аккузатив в родственных

языках является слабо конкурирующим с другими падежами и послелогоми. При описании одной и той же денотативной ситуации аккузатив и конкурирующая единица могут находиться в отношениях свободного варьирования, на их выбор может влиять выбор говорящим перспективы, различное осмысление ситуации, семантико-грамматические свойства актанта, структура конструкции.

Примеры из ранних письменных источников, особенно наличие в истории удмуртского языка биаккузативных конструкций, представляющих собой сочетание переходного глагола с двумя независимыми друг от друга аккузативами, выражающими нетождественные объекты, свидетельствуют о том, что исходно аккузатив имел более широкое употребление. Сужение сферы употребления аккузатива вызвано, скорее всего, стремлением к дифференциации и специализации семантики падежных и послеложных единиц.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ASP — аспектуальный показатель (без уточнения); CAUS — каузатив; COM — комитатив; DAT — датив; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; INF — инфинитив; INST — инструменталь; NEG — отрицательный глагол; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PRT — причастие; PST1 — первое прошедшее время; SG — единственное число.

Источники

- Баталов — В. Баталов. *Öktöm проза* [Электронный ресурс]. URL: www.Fulib.ru.
- Борисов 1991 — Т. К. Борисов. *Удмурт кыллюкам*. Ижевск, 1991.
- Ислентьев 1889 — *Учебникъ русскаго языка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда: руководство для учащихся и ключъ къ переводамъ съ русскаго языка на вотскій и съ вотскаго на русскій изданы особой книгой / сост. Владиславъ Ислентьевъ. Изд. Елабуж. граждан благотворителей. Казань: Тип. Император. Казан. ун-та; Елабуга: Скоропечатня И. Н. Кибардина, 1889.*
- Карпова 2005 — Л. Л. Карпова. *Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи*. Ижевск: Удм ИИЯЛ УрО РАН, 2005.
- Куратов 1979 — И. Куратов. *Менам муза. Сборание художественных произведений*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979.
- Можаев — С. Можаев. *Комиён гижом* [Электронный ресурс]. URL: www.Fulib.ru.

- Парма — Пармалӧн шыӧз. Проза на коми-пермяцком языке / Сост. Т. П. Фадеев, Л. П. Ратегова. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1997.
- Перем — Перем коми отирлӧн висьгасьӧм [Электронный ресурс]. URL: www.Fulib.ru
- Торопов 2003 — И. Торопов. Ӧтувтӧм гижӧдъяс. Т. 1. Висьгъяс, повестьяс, кывбуръяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.
- Тимин 2012 — В. Тимин. Биармиаса викинг: роман. Сыктывкар: АУ РК Редакция газеты «Ӕскӧм», 2012.
- Фадеев 1989 — Т. Фадеев. Ыбшар: роман. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1989.
- Федосеев 1991 — С. Федосеев. Кусӧм бизз. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1991.
- Федосеев 1994 — С. Федосеев. Съӧд цветтез. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1994.
- Чисталев 2010 — В. Т. Чисталев. Ния. Сыктывкар: ООО Изд-во «Кола», 2010.
- Юшков 2001 — Г. Юшков. Нель небӧгӧ ӧтувтӧм гижӧд чукӧр. Т. 1: Бива. Чугра. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001.

Литература

- Бубрих 1949 — Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л.: ЛГУ, 1949.
- Володин 2000 — А. П. Володин. Безаккузативность как типологическая доминанта уральских языков (на материале финского) // Н. Н. Колпакова (ред.). Материалы Международной научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, посвященной 75-летию кафедры финно-угорской филологии СПбГУ. СПб: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 28–37.
- Емельянов 1927 — А. И. Емельянов. Грамматика вотяцкого языка. Л.: Изд-во Ленингр. восточн. ин-та, 1927.
- Жилина, Бараксанов 1971 — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971.
- Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Кондратьева 2011 — Н. В. Кондратьева. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т», 2011.
- Кузнецова 1967 — З. И. Кузнецова. Язык письменных коми памятников 18 в.: Дис... канд. филол. наук. Тартуский гос. ун-т, Йошкар-Ола, 1967.
- Лаврентьев 2005 — Г. И. Лаврентьев. Прямой и косвенные падежи с нулевой флексией: миф или реальность // А. Н. Куклин (ред.). Проблемы

- марийской и финно-угорской филологии. Йошкар-Ола: МГПИ, 2005. С. 44–53.
- Лудыкова и др. 2000 — В. М. Лудыкова, Г. А. Некрасова, Э. Н. Попова, Г. В. Федюнева, Е. А. Цыпанов (ред.). Ёнія коми кыв. Морфология. Сыктывкар: Коми небӓг лэдзанін, 2000.
- Лыткин (ред.) 1955 — Современный коми язык. Фонетика, лексика и морфология: Учебник для вузов. Сыктывкар: Коми. кн. изд-во, 1955.
- Лыткин (ред.) 1962 — Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: Учебник для вузов. Кудымкар: Коми. кн. изд-во, 1962.
- Майшев 1940 — И. И. Майшев. Грамматика коми-пермяцкого языка. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Муравьева 2008 — И. А. Муравьева. О трактовке неоформленного имени в тюркских языках // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 321–421.
- Некрасова 2004 — Г. А. Некрасова. Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, арманног. Велӧдчан небӓг. Сыктывкар: СыктГУ, 2004.
- Некрасова 2009 — Г. А. Некрасова. Структура слова и выбор падежного алломорфа в удмуртских диалектах // Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. СПб.: Наука, 2009. С. 430–447.
- Некрасова 2012 — Г. Некрасова. Средства выражения инструмента в коми диалектах // *Linguistica Uralica* 46, 3. 2010. С. 185–194.
- Первошиков (ред.) 1962 — П. Н. Первошиков (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962.
- Савваитов 1849 — И. И. Савваитов. Грамматика зырянского языка. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1849.
- Сердобольская, Толдова 2012 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 59–141.
- Тужаров 1987 — Г. М. Тужаров. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1987.
- Флеров 1813 — А. Флеров. Зырянская грамматика. СПб.: Импер. Акад. наук, 1813.
- Хайду 1985 — П. Хайду. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985.

М. А. Овсянникова
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЛОКАТИВНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ЛЕСНОМ ДИАЛЕКТЕ ЭНЕЦКОГО ЯЗЫКА¹

1. Введение

Наиболее распространенным путем возникновения предлогов и послелогов в языках мира является грамматикализация — процесс, в ходе которого единица, принадлежащая к одной из знаменательных частей речи, приобретает грамматические функции, превращаясь в служебное слово, а в некоторых случаях впоследствии и в морфологический показатель, см. [Lehmann 1982/1995; Hopper, Traugott 2003; Heine 2008]. Типологические исследования позволили обобщить пути семантического развития, которое претерпевают единицы в ходе грамматикализации. В результате этих исследований был установлен список наиболее распространенных источников служебных слов и грамматических показателей, относящихся к разным семантическим зонам (см., например, словарь [Heine, Kuteva 2002], содержащий данные о наиболее частотных семантических переходах, происходящих при грамматикализации). Для предлогов и послелогов наиболее распространенными источниками в языках

¹ Материал для настоящего исследования был собран в ходе экспедиций в пос. Потапово Таймырского муниципального района Красноярского края в 2009–2010 гг. Экспедиции проводились под руководством О. В. Ханиной и А. Б. Шлуинского в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (“Endangered Languages Documentation Programme”, ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета. Работа над статьей была поддержана грантом РГНФ №13-04-00416а. Я благодарю Т. В. Никитину и А. Б. Шлуинского, а также рецензента выпуска А. Ю. Урманчиеву, высказавших ценные замечания, которые я постаралась учесть при работе над статьей. Все недочеты и ошибки, безусловно, остаются на совести автора.

мира являются существительные, принадлежащие к одной из следующих семантических групп: 1) обозначения частей тела ('лицо', 'спина', 'голова', 'бок'); 2) обозначения ориентиров в окружающей среде («environmental landmarks») ('тропа', 'поле', 'дверной проем'); 3) названия частей объектов («relational object parts») ('верх', 'сторона', 'середина'); 4) абстрактные пространственные понятия ('близость', 'длина') [Svorou 1994: 70–89].

Единица, возникшая в ходе грамматикализации, и знаменательное слово, послужившее для нее источником, могут неограниченное время сосуществовать в языке независимо друг от друга и подвергаться каждая своим изменениям. Первая развивается согласно закономерностям грамматикализации, претерпевая характерные для этого процесса изменения (семантическое расширение, фонологическая редукция). Вторая продолжает существовать в качестве знаменательной лексемы, и изменения, которые могут произойти с ней, являются гораздо менее предсказуемыми. Этот аспект грамматикализации подробно обсуждается в статье [Nopper 1991] как «принцип дивергенции». При этом часто еще долгое время после начала грамматикализации о том, какая лексема является источником для того или иного служебного слова, можно судить на основании фонетического сходства и представлений о возможных сценариях развития значения при грамматикализации. Например, в русском языке предлог *кроме* нет оснований считать синхронно связанным с существительным *кромка*, однако на основании формального сходства и представлений о типичных семантических переходах, происходящих при грамматикализации, можно утверждать, что предлог *кроме* и существительное *кромка* являются исторически родственными, см. [Фасмер 1986: 381].

В настоящей статье рассматривается фрагмент системы пространственных выражений лесного диалекта энецкого языка². В центре внимания находятся две группы пространственных выражений: 1) послелогов, входящие в подкласс так называемых серийных послелогов; 2) существительные с пространственными

² Энецкий язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи. Он представлен двумя диалектами: лесным и тундровым. Для этого исследования использовались данные только лесного диалекта энецкого языка. Далее в некоторых случаях я буду для краткости употреблять обозначение «энецкий язык», всегда имея в виду только лесной диалект.

значениями, которые будут далее называться локативными существительными. Из этих двух групп интерес представляют прежде всего локативные существительные, которые являются основным объектом данного исследования. Свойства локативных существительных сопоставляются со свойствами серийных послелогов — единиц, наиболее близких к локативным существительным по значению и форме.

Система послелогов и локативных существительных энецкого языка на первый взгляд не обладает никакими редкими или неожиданными свойствами, однако я постараюсь показать, что особенности морфологического строения, семантики и грамматического поведения локативных существительных не соответствуют привычным типологическим представлениям о соотношении послелогов и существительных, являющихся их источниками.

Исследование основано прежде всего на данных, полученных методом элицитации, однако они проверялись, когда это было возможно, путем обращения к естественным текстам на лесном диалекте энецкого языка. Большая часть использованных текстов входит в корпус аннотированных современных и архивных текстов³. Также использовались тексты, опубликованные в сборнике [Сорокина, Болина 2005]. Примеры из естественных текстов сопровождаются ссылкой на текст только в тех случаях, когда пример взят из [Сорокина, Болина 2005]. Примеры, которые были получены в ходе элицитации, сопровождаются пометой «(элиц.)».

Оставшаяся часть статьи структурирована следующим образом. Во втором разделе описываются серийные послелоги энецкого языка; этот раздел носит в основном уточняющий характер и служит фоном для дальнейшего анализа свойств локативных существительных, которым посвящена оставшаяся часть статьи. В третьем разделе последовательно рассматриваются значение, морфологическое строение и грамматические свойства локативных

³ Этот корпус аннотированных текстов включает современные естественные тексты, которые были записаны и аннотированы в 2005–2011 гг. О. В. Ханиной, А. Б. Шлуинским, М. А. Овсянниковой, Н. М. Стойновой, С. А. Трубецким, а также архивные естественные тексты, записанные в 1960–1990-х гг., записи которых были любезно предоставлены Дудинским отделением ГТРК «Норильск», Таймырским Домом народного творчества, Д. С. Болиной, О. Э. Добжанской, И. П. Сорокиной, А. Ю. Урманчиевой.

существительных. Четвертый раздел посвящен синтаксическим функциям локативных существительных. Заключительный раздел содержит выводы.

2. Серийные послелогов энецкого языка

Среди пространственных послелогов лесного диалекта энецкого языка выделяются группы единиц, имеющих общую основу и различающихся показателями, которые частично или полностью совпадают с показателями пространственных падежей энецкого языка: латива, локатива, аблатива и пролатива. Основа каждой группы указывает на пространственную часть ориентира и — в некоторых случаях — область, примыкающую к этой части ориентира ('нутро', 'поверхность', 'нижняя часть и пространство под' и т. п.). Значения «падежных» показателей соответствуют пространственным значениям четырех указанных падежей. Пространственное значение каждого из послелогов композиционно, т. е. сводится к сумме значений основы и «падежного» показателя.

Подобное двухуровневое устройство грамматических средств выражения пространственных значений: послелогов, а также показателей пространственных падежей, источниками которых служат такие послелогов, — не является типологически редким явлением [Lehmann 1982/1995: 72, 75; Creissels 2008; Кибрик 2003: 201–208]. Послелогов энецкого языка, относящиеся к этому типу, называются серийными, а группы, которые они формируют, — сериями [Сорокина 1984; 2010: 175–202].

Для обозначения основ серий, а также серий в целом далее используются семантические ярлыки, отсылающие к одной из частей ориентира и примыкающей к ней области⁴:

⁴ Изначально подобные ярлыки были предложены А. Е. Кибриком для обозначения одного из компонентов пространственных форм в дагестанских языках — так называемых показателей локализации, ср., например, [Кибрик 2003: 202]. В настоящее время такие ярлыки используются достаточно широко: не только при описании дагестанских языков и не только для обозначения падежных показателей, см. [Плунгян 2011: 187].

IN	‘пространство внутри ориентира’
SUPER	‘верхняя поверхность и пространство над ориентиром’
SUB	‘нижняя часть и пространство под ориентиром’
POST	‘пространство за ориентиром’
MED	‘середина единственного ориентира / пространство среди множественного ориентира’
APUD	‘боковая часть и пространство рядом с ориентиром’
INTER	‘пространство между двух ориентиров / среди множественного ориентира’

В Таблице 1 представлены серии послелогов лесного диалекта энецкого языка. Проведение морфемной границы между основой и «падежным» показателем послелога в ряде случаев затруднительно, поэтому в Таблице 1 подчеркиванием выделены только те фрагменты послелогов, которые определенно можно отнести к длинным или коротким «падежным» показателям⁵.

Можно заметить, что серии пространственных послелогов энецкого языка распадаются на две группы с точки зрения формы «падежных» показателей латива, локатива и аблатива. Первую из этих групп составляют серии послелогов с показателями: -ʔ в лативе, -л в локативе, -z в аблативе⁶. Эти показатели можно выделить также в некоторых наречиях и местоимениях-наречиях, см. [Siegl 2011: 181, 2013: 217]. К этой группе относится большая часть серий — все, кроме серий APUD и INTER, находящихся в нижних строках Таблицы 1. Их морфологическое строение рассматривается ниже.

⁵ Длинные показатели — показатели, полностью совпадающие с показателями пространственных падежей существительных. Короткие показатели лишь частично совпадают с показателями пространственных падежей существительных, однако не являются результатом редукции длинных показателей. Согласно принятой точке зрения, короткие падежные показатели отражают более древнюю систему склонения, а современные падежные показатели (=длинные) исторически состоят из двух частей, одна из которых — те же короткие показатели, см. [Сорокина 1984]. Более подробно структура длинных падежных показателей описывается ниже в разделе 4.3.

⁶ Показатели пролатива в этих двух группах не различаются и совпадают с регулярными алломорфами показателя пролатива во всех сериях.

Таблица 1. Серии пространственных послелогов энецкого языка⁷

Значение основы серии	LAT	LOC	ABL	PROL
IN	<i>miʔ</i>	<i>miŋ</i>	<i>miz</i>	<i>meɣn</i>
SUPER	<i>nʔiʔ</i>	<i>nʔiŋ</i>	<i>nʔiz</i>	<i>nʔeɣn</i>
SUB	<i>irʔ</i>	<i>iron</i>	<i>iroz</i>	—
POST	<i>taxaʔ</i>	<i>taxan</i>	<i>taxaz</i>	—
MED	<i>dʔodaʔ</i>	<i>dʔodan</i>	<i>dʔodaz</i>	<i>dʔodaɣn</i>
APUD	<i>keod</i>	<i>kexon</i>	<i>kexoz</i>	<i>keɣn</i>
INTER	<i>pɔd</i>	<i>pɔgon</i>	<i>pɔgoz</i>	<i>pɔmɣn</i>

Послелогои серии IN *miʔ*, *min*, *miz*, *meɣn* и послелогои серии SUPER *nʔiʔ*, *nʔiŋ*, *nʔiz*, *nʔeɣn* являются наиболее употребительными из всех серийных пространственных послелогов лесного диалекта энецкого языка (они являются наиболее частотными в текстах и легко порождаются носителями при элицитации). Ниже приведены примеры употребления послелогов первой из этих двух серий (1)–(3).

- (1) *tɔ dʔobon sira-da kaʔa-a-xaz*
 тот время.LOC снег-OBL.SG.3SG падать-NMLZ-ABL.SG
bɔgulʔa uze bago-da miʔ pɔkur-e-zʔ
 медведь уже яма-OBL.SG.3SG IN.LAT залезть-M-3SG.M
 ‘В это время, когда снег выпал, медведь уже в берлогу залез’.
- (2) *nigara min seukud mɔstʃi-zaʔ*
 кустарник IN.LOC долго лежать-FUT.3SG.S
 ‘В кустах долго будет лежать?’ (о собаке)
- (3) *tɔr tʃi-j-z me-ta miz*
 так вылететь-M-3SG.M чум-OBL.SG.3SG IN.ABL
eze samaa-da fe meɣn
 верх дымоход-OBL.SG.3SG дыра IN.PROL

⁷ Таблица 1 основана прежде всего на данных элицитации. Примеры употребления большей части послелогов, представленных в Таблице 1, также можно найти в текстах [Сорокина, Болина 2005] и в корпусе аннотированных текстов на лесном диалекте энецкого языка. Состав серий, за исключением нескольких деталей, которые будут обсуждаться ниже, соответствует описаниям послелогов энецкого языка в работах [Сорокина 1984, 2010: 175–202], [Siegl 2011: 181–188, 2013: 207–211].

zi-ma

быть_видимым-INC.3SG.S

‘Так вылетела из своего чума, вверху через дымовое отверстие вышла’.

В следующих трех сериях комментария заслуживает форма лативного послелого. В Таблице 1 лативные послелогои этих трех серий содержат гортанную смычку: *ir?* SUB.LAT, *taxa?* POST.LAT, *d'oda?* MED.LAT, — однако в этих послелогоах, в отличие от лативных послелогов серии IN *mi?* и серии SUPER *ni?*, гортанная смычка часто не реализуется. Стоит отметить, что в работах [Терещенко 1966] и [Сорокина 1974] лативные послелогои первых двух из этих серий содержат этот показатель: *ir?*, *taxa?*, в работе [Siegl 2011: 183–184] гортанная смычка в соответствующих послелогоах также присутствует. По-видимому, на лативные послелогои этих трех серий, которые являются менее частотными, чем послелогои *mi?* и *ni?*, в большей степени распространяется тенденция к непоследовательной реализации гортанной смычной фонемы, которая в целом наблюдается в лесном диалекте энецкого языка, см. [Ханина, Шлуинский 2009; Сорокина 2010: 45].

Серия послелогов MED с основой *d'oda-* не упоминается среди послелогов энецкого языка в известных мне работах⁸. Употребления всех послелогов этой серии, кроме аблативного, обнаруживаются в естественных текстах.

«Падежные» показатели двух оставшихся серий формально совпадают с регулярными падежными показателями, присоединяемыми существительными, ср. Таблицу 2 с послелогоами этих серий и Таблицу 3, в которой представлены формы пространственных падежей имен существительных *kamoz* ‘дом’ и *tfezi?* ‘маут’. Эти существительные имеют основы разного типа и поэтому принимают разные алломорфы показателей локатива, аблатива и пролатива.

⁸ Впрочем, в [Siegl 2011: 101] в одном из примеров морфеме *d'oda* соответствует глосса *middlePP*, однако в соответствующем разделе этот послелог не упоминается.

Таблица 2. Серии послелогов APUD и INTER

Значение основы серии	LAT	LOC	ABL	PROL
APUD	<i>keo<u>d</u></i>	<i>ke<u>xon</u></i>	<i>ke<u>xoz</u></i>	<i>ke<u>on</u></i>
INTER	<i>po<u>d</u></i>	<i>po<u>gon</u></i>	<i>po<u>goz</u></i>	<i>po<u>ton</u></i>

Таблица 3. Формы пространственных падежей имен существительных

Имя	LAT	LOC	ABL	PROL
<i>kamoz</i> ‘дом’	<i>kamozu-d</i>	<i>kamozu-xon</i>	<i>kamozu-xoz</i>	<i>kamozu-on</i>
<i>tfezi?</i> ‘маут’	<i>tfezi-d</i>	<i>tfezi-gon</i>	<i>tfezi-goz</i>	<i>tfezi-ton</i>

Примеры (4)–(7) показывают употребления серийных послелогов *pod*, *pogon*, *pogoz* и *poton* в текстах:

- (4) *taz texe niga pod taz-j-na? an?*
 так там кустарник INTER.LAT дойти-М-1PL.M и
ne?uk oka-?
 мошка много-3PL.S
 ‘Вот мы вошли внутрь кустов, мошки много’.
- (5) *moga m'in e-ubi-?, kotfira pogon*
 лес IN.LOC быть-НАВ-3PL.S березняк INTER.LOC
 ‘В лесу бывают, среди березняка’. (о ягодах)
- (6) *moga pogoz ?ul? ed ozibu?a-?*
 лес INTER.ABL очень вот быть_видимым-3PL.S
penagu-zurau
 комар-CMP1
 ‘Из леса прямо вот так выходят, как комары’. (о диких оленях)
- (7) *t?ike pe-xi? poton*
 этот дерево-DU INTER.PROL
kan'e-e-d koma-ru-d-e-z?
 уйти-NMLZ-LAT.SG хотеть-INCH-FUT-M-3SG.M
 ‘Между этих двух палочек пройти захочет’. (о куропатке)

Послелогии этих двух серий, как можно видеть по примерам, так же, как и послелогии с короткими «падежными» показателями, представлены здесь как морфологически нечленимые. Вопрос о том, есть ли основания считать их регулярными падежными формами каких-либо существительных энецкого языка, будет обсуждаться

в разделе 4.3. На данном этапе на проблему морфологической членимости можно взглянуть в контексте внутреннего устройства класса серийных послелогов.

Обычный сценарий развития предлога или послелога, источником которого является изолированная падежная форма существительного, предполагает постепенное стирание внутреннего морфемного шва в связи с отдалением от источника и приобретением более абстрактного значения. Иначе говоря, наряду с грамматикализацией, т. е. превращением бывшей падежной формы существительного в предлог или послелог, на уровне внутренней структуры этой единицы происходит лексикализация, ср. [Lehmann 2002]. Например, единица *путем* во фразе *путем приобщения к чтению* является предлогом, источником которого послужила форма творительного падежа существительного *путь*. Несмотря на полное совпадение предлога *путем* с падежной формой существительного в плане выражения, его значение говорит о том, что он подвергся некоторой лексикализации. Предлог *путем* используется для обозначения средства, в то время как существительное *путь* не имеет такого значения, хотя и имеет некоторые абстрактные употребления, ср. *путь приобщения к чтению*, в котором зависимое предлога обозначает цель, а не средство.

Каждая из серий послелогов энецкого языка является результатом грамматикализации целого фрагмента падежной парадигмы того или иного существительного. В энецком языке существует несколько таких серий, поэтому серийные послелоги образуют очень стройную систему, своего рода парадигму, ср. Таблицу 1. Семантически все серийные послелоги оказываются полностью композиционными (по крайней мере, в пространственном значении). В плане выражения морфологическая структура серийных послелогов также в основном оказывается прозрачной, даже в случае послелогов с непродуктивными короткими падежными показателями. Таким образом, несмотря на то, что каждый из серийных послелогов является отдельной лексемой, подобная системная организация этой группы пространственных средств может поддерживать семантическую и формальную неэлементарность даже значительно грамматикализованных послелогов. При анализе морфологического устройства локативных существительных вопрос о том, может ли регулярность строения более грамматикали-

- (9) *ɛʃʃuj-ʔ* *kan'e-e-xaz*
 ребенок-PL уйти-NMLZ-ABL.SG
mɛ-t *me* *kabe-ɾaxa* *ɛ-zkoda*
 чум-OBL.SG.2SG IN.LN мертвый-CMP2 быть-НУПОТ.3SG.S
 'После отъезда детей чум как вымершим бывает'.
 [Сорокина, Болина 2005: 71.79]⁹
- (10) *tʃike pu* *ire* *anʃ*
 этот камень SUB.LN и
ʃuzib *amok* *gɔrɔdo-ʃ* *kan'e-tʃu*
 великан злой город-TRANSL уйти-ДЕВ.3SG.S
 'А это место под горой станет просто огромным городом'.
- (11) *mɛ-tuʔ* *kexe*
 чум-OBL.PL.3PL APUD.LN
ɲulʃ *pɔlziŋa* *ti-xiti-tuʔ*
 очень быть_черным.3SG.S олень-ABL.PL-OBL.PL.3PL
 'Пространство около их чумов совсем черное от оленей'.
- (12) *pɔge-zuʔ* *ʃuzib* *bese*
 INTER-NOM.SG.3PL великан железо
kɔj-ʉʃ *neru-t-e-zʔ*
 хребет-TRANSL встать-CAUS-M-3SG.M
 'Между ними огромный каменный хребет вырос'.
 [Сорокина, Болина 2005: 13.34]
- (13) *baʔa* *dʰode* *dʰuba*
 постель MED.LN теплый
 'Посередине постели тепло'. (элиц.)

На первый взгляд, естественно было бы считать, что серийные послелогои, обсуждавшиеся выше, являются результатом грамматикализации падежных форм локативных существительных. Действительно, локативные существительные обладают формальным и семантическим сходством с послелогоми соответствующих серий,

⁹ При цитировании примеров из текстов [Сорокина, Болина 2005] в ссылке через точку указывается номер текста и номер цитируемого предложения. Эти примеры записываются в системе фонологической транскрипции, которая была разработана А. Б. Шлуинским и О. В. Ханиной; перевод взят из источника.

и, следуя типологическим обобщениям, в такой ситуации следует считать единицы, относящиеся к знаменательной части речи, источниками сходных с ними служебных слов. Однако более детальный анализ локативных существительных ставит под сомнение эту гипотезу.

В следующих разделах значение, морфологическое устройство и грамматические свойства локативных существительных и ограничения на их употребление, которые удалось выявить в ходе экспедиции, рассматриваются в связи с возможными вариантами диахронического соотношения между послелогом и локативными существительными.

4. Источники серийных послелогов энецкого языка и свойства локативных существительных

4.1. Две группы родственных существительных

Некоторым из перечисленных в разделе 2 серий послелогов можно поставить в соответствие не только одно из локативных существительных, но и существительное энецкого языка, не относящееся к локативным, но также очевидно родственное послелогам соответствующей серии. К таким существительным относятся: *iru?* ‘подошва, дно’ (14), *d'odaj* ‘середина’ (15), *kiu* ‘бок, сторона’ (16) и *pɔ?* ‘промежуток, щель’ (17).

- (14) *kutuj iru-tu?* ||
 некоторый подошва-OBL.SG.3PL
pεε iru?-uʃ te taju pɔn'i-mubi-ʔ⁰
 обувь подошва-TRANSL олень лоб делать-НАВ-3PL.S
 ‘Некоторые подошвы || на подошвы для бокарей олений лоб используют’.

- (15) *Xantajka d'ɔxa-xan d'odaj-za*
 Хантайка река-LOC.SG середина-NOM.SG.3SG
d'ubi?ε
 быть_теплым.3SG.S
 ‘На речке Хантайке середина талая’.

¹⁰ В этом примере происходит перепланирование, вследствие которого слово *iru?* ‘подошва’ оказывается употреблено дважды: в качестве несостоявшегося прямого объекта и в форме транслатива.

- (16) *nek kiu-b əbu-xuru*
 другой бок-NOM.SG.1SG что-EVEN
nʲi-f nɔdos
 NEG-3SG.S.PST слышать.CONN
 ‘Один бок у меня ничего не чувствовал’.
- (17) *dʲa-na? pɔ? tɔnee,*
 земля-OBL.SG.1PL промежуток иметься.3SG.S
man-? nʲi-u?
 сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT
paza-za ɲulʲ dʲag
 ягель-NOM.SG.3SG совсем не_иметься.3SG.S
 ‘Промежуток земли есть, сказал, (там) ягеля совсем нет’.

Именно эти существительные (не относящиеся к группе локативных!) рассматриваются в качестве источников серий SUB, APUD и INTER в работе [Сорокина 2010: 191] (существительное *dʲodaj* ‘середина’, как и соотносимая с ним серия послелогов, в работе И. П. Сорокиной не упоминается). В то же время, в качестве источника послелогов серии SUPER указывается локативное существительное *nʲe* SUPER.LN¹¹.

Таким образом, для нескольких серий послелогов обнаруживается сразу по два относящихся к ним существительных с близким значением и формой. Для краткости далее существительные, представленные в примерах (14)–(17), называются «обычными». В разделе 4.2 обычные существительные и локативные существительные рассматриваются в качестве возможных источников послелогов соответствующих им серий. Их сопоставление опирается на два типа данных. Во-первых, привлекаются общие представления о механизмах семантических изменений, происходящих при грамматикализации. Во-вторых, для серий с двумя возможными источниками рассматривается формальное соответствие послелогов каждому из родственных ему существительных.

¹¹ Существительное *te* ‘внутреннее пространство’ не упоминается, однако упоминается соответствующее ему существительное ненецкого языка *miʲ*. Об источниках послелогов в ненецком языке см. [Терещенко 1958], [Рубкалева 1965].

4.2. Семантическое развитие при грамматикализации и свойства существительных энецкого языка

В самом общем виде семантические изменения, происходящие при грамматикализации, сводятся к тому, что значение единицы, появившейся в результате грамматикализации, оказывается более обобщенным, абстрактным, чем значение источника, ср. [Norreg, Traugott 2003: 94–98]. Подобным образом семантические изменения происходят в частности при грамматикализации средств, выражающих пространственные значения. Как уже было отмечено в разделе 1, основными источниками грамматикализации пространственных показателей в языках мира служат существительные следующих семантических групп: обозначения частей тела, ориентиров в окружающей среде, названия частей объектов и абстрактные пространственные понятия. Существительные, обозначающие части объектов ('сторона', 'поверхность'), занимают особое место в этом ряду, поскольку они обычно оказываются синхронно или исторически связанными с названиями частей тела или ориентиров в окружающей среде — этот переход от более конкретного значения к более абстрактному регулярно происходит в истории развития таких лексем [Svorou 1994: 89 и далее]. Например, существительное *зад* в русском языке используется и для обозначения части тела, и для обозначения части объектов, при этом обозначение части тела является исторически первичным, ср. [Фасмер 1986: 73]. Метафорический перенос от более конкретного к более абстрактному происходит и в ходе грамматикализации предлогов или послелогов из обозначений частей тела и ориентиров в окружающей среде, но в таких случаях этот перенос следует считать частью грамматикализационного процесса [Svorou 1994: там же]. Последующее развитие значения пространственного предлога или послелога предполагает перенос от обозначения части ориентира, к обозначению места, которое непосредственно примыкает к этой части ориентира, и затем — к обозначению более обширной области, которая воспринимается как относящаяся к ориентиру. Например, английский предлог *in front of* во фразе *in front of the car* указывает на положение какого-либо объекта в области перед машиной, в то время как существительное *front* может обозначать только часть ориентира, но не область, относящуюся к нему, ср. *in the front of the car* 'в передней части машины'. Подобная модель семантического

развития пространственных предлогов и послелогов при грамматикализации предлагается в работах [Svorou 1986; 1994; 2002].

С семантической точки зрения существительные энецкого языка *iru?* ‘подошва, дно’, *dʰodaj* ‘середина’, *kiu* ‘бок, сторона’ и *pɔ?* ‘промежуток, щель’ оказываются вполне естественными источниками для послелогов соответствующих серий. Существительное *kiu* относится к группе обозначений частей тела, ср. (16), но также может обозначать части неодушевленных объектов (18). Такая полисемия соответствует и общему механизму семантического развития, описанному выше, и распространенному переходу от значения ‘бок’ к значению ‘сторона’, которое, в свою очередь, часто служит источником для предлогов и послелогов со значением ‘сбоку, около’ [Svorou 1994: 75].

- (18) *tfik pu-d meɔn*
 этот камень-OBL.SG.2SG IN.PROL
kiu-da min ʃe tɔne
 бок-OBL.SG.3SG IN.LOC дыра иметься.3SG.S
 ‘Внутри этого камня в его боку дыра’.

Существительные со значением ‘промежуток, интервал’ относятся к группе источников, обозначающих абстрактные пространственные понятия, и из этой группы являются одним из наиболее распространенных источников единиц со значением ‘среди, между’ [Там же: 87]. Употребление существительного *pɔ?* ‘промежуток, щель’ в примере (19), как кажется, дает ясное представление о близости этих значений, ср. также (17) с этим же существительным выше.

- (19) *ʃizajtʃu-j? dʰago,*
 дядя-NOM.SG.1SG не_иметься.3SG.S
ku kanʼe-bu-ta <...>
 где уйти-CVB.COND-OBL.SG.3SG
niga pɔ? meɔn seŋiŋa-zʔ,
 кустарник промежуток IN.PROL смотреть-1SG.S
dʰago
 не_иметься.3SG
 ‘Дяди моего нет, куда он пошел <...> я смотрю среди кустов (букв. ‘сквозь промежутки’), нет его’.

Существительное *d'odaj* ‘середина’ относится к классу обозначений частей объектов. Существительные с таким значением часто становятся источниками предлогов и послелогов со значениями ‘посередине’, ‘между’, ‘среди’ [Там же: 84].

Существительные со значением ‘дно’, подобные энецкому *iru?*, служат источниками для предлогов и послелогов, описывающих местонахождение в области SUB [Heine, Kuteva 2002: 60], ср. (20), где это существительное выступает в форме косвенного падежа *iruz*.

- (20) *vedro-da* *iruz* *iron* *tob*
 ведро-OBL.SG.3SG дно.OBL SUB.LOC песок
 ‘На дне ведра у него песок’. (букв. ‘Под дном его ведра песок’.)

Возможно, помимо значений ‘дно’, ‘подошва’, существительное энецкого языка *iru?* может обозначать часть объекта. Подобные примеры отсутствуют в текстах, однако в словаре [Сорокина, Болина 2009: 147], где это существительное приводится в виде *irzu*, *iruz*, наряду с указанными значениями дается значение ‘низ’.

Таким образом, обычные существительные, претендующие на роль возможных источников послелогов энецкого языка, оказываются весьма разнообразными с семантической точки зрения, однако все они соответствуют представлениям о единицах, обычно служащих источниками для пространственных предлогов и послелогов.

Локативные существительные являются гораздо более однородной группой, чем эти обычные существительные. Об их значениях можно сказать, что они не столько не характерны для источников послелогов, сколько вообще не слишком типичны для существительных. Локативные существительные *ire*, *kexe*, *poge* и *d'ode* могут отсылать и к некоторой части объекта, и — что крайне примечательно — к некоторому пространству, для которого данный объект может служить ориентиром. В примере (21) существительное *ire* используется в позиции приименного зависимого существительного *kare* ‘рыба’, референт которого скорее всего, находится в области, находящейся под ориентиром, и при этом не в контакте с ориентиром.

- (21) *salba* *ire* *kare* *kun'i* *sobu-ta-r?*
 лед SUB.LN рыба как достать-FUT-2SG.SOsg
 ‘Рыбу, находящуюся подо льдом, как достанешь?’ (элиц.)

Локативное существительное *kexe* может употребляться и для обозначения части объекта (22), и для обозначения области, находящейся рядом с ним (23).

(22) *nəjeza mez nek kexe tərū-da*
 полный чум другой APUD.LN закрыть-FUT.3SG.S
 ‘Полностью другую сторону чума покроеет’.

(23) *mε-nʲ? kexe mɔdeε-rʲ?*
 чум-OBL.SG.1SG APUD.LN видеть-2SG.SOsg
 ‘Видишь место около моего дома?’ (элиц.)

Существительные *pəge* ‘пространство среди’ и *dʲode* ‘пространство посередине’ оказываются наиболее редкими и наименее охотно используемыми носителями при элицитации. Локативное существительное *pəge* встречается в текстах дважды, но оба примера относятся к одному и тому же тексту и параллельны по структуре, см. (12), поэтому на основании доступных примеров употребления этого локативного существительного можно сделать лишь предположительные наблюдения о различиях в значении существительных *pəge* ‘пространство среди’ и *pəʔ* ‘промежуток, щель’. Как кажется, существительное *pəʔ* (или его вариант *pəʃ*) используется для обозначения пространства от крайней точки одного объекта до крайней точки другого объекта (например, щели между досками, расстояния между двумя людьми), в то время как локативное существительное *pəge* может обозначать пространство, ограниченное не двумя крайними точками, а множеством неупорядоченных объектов, ср. (24).

(24) *marie pəge tutʃiʲ modʲ tutʃi-m*
 мешок INTER.LN сумка я сумка-NOM.SG.1SG
 ‘Сумка, которая лежит среди мешков, — моя сумка’. (элиц.)

Для определения круга употреблений локативного существительного *dʲode* MED.LN, которое не встречается в естественных текстах, интересен следующий пример, который был сконструирован носителем для сочетания *te dʲode* ‘посреди оленей’. В этом примере группа *te dʲode* не входит в синтаксическую структуру предложения, находясь в позиции вынесенной группы, служащей обстоятельством определения для следующей за ней клаузы (вынесенная группа обычно отделяется паузой; см. раздел 5 о синтаксических

функциях локативных существительных). С семантической точки зрения этот пример примечателен тем, что в нем существительное *d'ode* обозначает не середину объекта, а пространство среди множества объектов.

- (25) *te d'ode* || *pi'lu tʃiŋa*
 олень MED.LN овод летать.3SG.S
 ‘Среди оленей овод летает’. (элиц.)

Семантическое совмещение этих двух локализации часто наблюдается в истории предлогов и послелогов, источником для которых служит существительное со значением ‘середина, центр’, ср. происхождение и значение предлога *sреди* в русском языке, а также примеры в [Heine, Kuteva 2002: 63].

Два оставшихся существительных — *me* ‘внутренняя часть’ и *n'e* ‘поверхность’ — относятся к обозначениям частей объектов. Из этих двух локативных существительных заслуживает внимания сфера употребления существительного *me*. Наиболее естественными объектами-ориентирами для этого существительного являются такие объекты, у которых есть хорошо очерченные границы и некоторая внутренняя область, т. е. такие объекты, которые могут служить контейнерами, ср. (26).

- (26) *teragu entʃ-ej!* *marie-ku-d* *me*
 богатый человек-EXC мешок-DIM-OBL.SG.2SG IN.LN
mɔdi-t, *terʃe-ʔ*
 увидеть-2SG.SOsg.IMP быть_пустым-CONN
n'i-u?!
 NEG-3SG.S.CONT
 ‘Богач! Загляни в мешочек, ведь он пустой’.
 [Сорокина, Болина 2005: 24.96]

Однако также это локативное существительное может употребляться для обозначения внутреннего пространства объектов, не ограниченных внешними пределами:

- (27) *bi-ta* *me* *d'epi-fu-da*
 вода-OBL.SG.3SG IN.LN быть_жарким-INC2-FUT.3SG.S
 ‘Вода согреется’, {рыба на глубину уйдет}.

- (28) *pətab me nɔxi-dʲaj*
 Потапово IN.LN грязь-COM
 ‘В Потапово грязно’. [Сорокина, Болина 2005: 68.33]

Таким образом, представляется, что значение локативных существительных оказывается довольно необычным для существительных. Локативным существительным совершенно не свойственна полисемия, в которой выделялись бы более конкретное значение, связанное с определенным типом объекта (например, части тела или ориентира в окружающей среде), и более абстрактное значение пространственной части объекта. Эта группа является семантически очень однородной: все единицы, составляющие ее, обозначают только части объектов, а также пространство относительно некоторого ориентира. Способность обозначать пространство относительно некоторого ориентира (в некоторых случаях даже при отсутствии контакта с данным ориентиром) является примечательной чертой семантики локативных существительных энецкого языка: в языках мира подобная полисемия обычно характеризует предлоги и послелогов, но не существительные, являющиеся их источниками, см. [Svorou 1994]. В лесном диалекте энецкого языка соотношение значения локативных существительных и соответствующих им серий послелогов таково, что значение локативного существительного совпадает с пространственным значением послелогов той серии, которой оно соответствует, с точностью до падежных показателей.

Семантика существительных *iruʔ* ‘ подошва, дно’, *dʲodaj* ‘середина’, *kiu* ‘бок, сторона’ и *pɔʔ* ‘промежуток, щель’ полностью соответствуют типологическим представлениям о значении распространенных источников пространственных предлогов и послелогов.

Таким образом, семантические свойства этих двух групп существительных в энецком языке заставляют считать более вероятными источниками серийных пространственных послелогов обычные существительные, а не локативные. В следующем разделе рассматриваются формальные аспекты соотношения послелогов и этих двух групп существительных с особым вниманием к свойствам локативных существительных.

4.3. Морфологическое строение локативных существительных

Одной из формальных особенностей локативных существительных является единообразие их строения: во всех локативных

существительных можно выделить элемент *-e*, который не соответствует никакой известной морфеме энецкого языка. Таким образом, все локативные существительные объединяет некоторый общий элемент структуры, что представляется важным формальным свойством на фоне семантической однородности этой группы.

Оставшаяся после выделения элемента *-e* часть для большинства локативных существительных соответствует тому фрагменту, который является общим для всех послелогов соответствующей серии, ср. строение послелогов со строением локативных существительных: *mi?*, *min*, *miz*, *meɲ* — *me*, *n'i?*, *n'in*, *n'iz*, *n'eɲ* — *n'e*, *ir*, *iron*, *iroz* — *ire*. Если учитывать только формальное соотношение локативных существительных и послелогов этих серий, можно было бы считать эти локативные существительные источниками соотносимых с ними послелогов: для первых двух из трех указанных серий других возможных источников не обнаруживается, а для последней с формальной точки зрения и локативное существительное *ire*, и обычное существительное *iru?* (возможно, в несколько ином, более раннем варианте) являются в равной степени возможными источниками.

Для послелогов серии MED *d'oda?*, *d'odan*, *d'odaz*, *d'odaan* более вероятным источником следует считать существительное *d'odaj* 'середина' или какое-либо когнатное ему существительное, а не локативное существительное *d'ode*, поскольку при первом пути развития, но не втором, понятно происхождение гласного в исходе основы послелогов данной серии.

Примечательно формальное соотношение локативных существительных *kexe* APUD.LN и *pɔge* INTER.LN и послелогов соответствующих серий. Первому из этих локативных существительных соответствует серия послелогов *keod*, *kexon*, *kexoz* и *keɲ*, второму — послелогов *pɔd*, *pɔgon*, *pɔgoz*, *pɔtɲ*.

Выше при обсуждении этих двух серий было отмечено, что относящиеся к ним послелогов отличаются от послелогов всех остальных серий тем, что вычленяемые в них падежные показатели совпадают с падежными показателями, используемыми для образования регулярных форм пространственных падежей существительными энецкого языка. Если предположить, что источниками послелогов этих двух серий являются существительные *kii* 'бок, сторона' и *pɔ?* 'промежуток, щель', послелогов формально

вполне соответствуют формам пространственных падежей этих существительных (с некоторой редукцией в первом случае).

Послелог *kexon* в [Сорокина 1984; 2010: 184] представлен в виде *keoxon*, что отражает связь этого послелoga с источником, для которого в этих же работах дается вариант записи *keo* [Там же]. Использование варианта *keoxon* в значении локативного послелoga этой серии признается приемлемым некоторыми носителями (29). В примере (30) из текста приводится перевод, предложенный носителем при разборе текста; такой перевод скорее предполагает, что *keoxon* в данном случае интерпретируется как падежная форма существительного, а не как послелог; этот пример хорошо показывает градуальную природу семантических сдвигов, происходящих при грамматикализации.

- (29) *pe-da-r* *oburu-r*
искать-PTCP.SIM-NOM.SG.2SG вещь-NOM.SG.2SG
u kasa-d keoxon ɲa
ты товарищ-OBL.SG.2SG APUD.LOC существовать.3SG.S
'Та вещь, которую ты ищешь, рядом с твоим товарищем находится'. (элиц.)

- (30) *d'a-za sojza ekon,*
земля-NOM.SG.3SG хороший этот.LOC.SG
to-na? keo-xon
озеро-OBL.SG.1PL бок-LOC.SG
'Земля здесь хорошая, на краю озера'.

Таким образом, в этой серии послелогов послелог *keod* APUD.LAT полностью соответствует ожидаемой падежной форме латива существительного *kiu* (*keo*) 'бок, сторона'. Сравнение оставшихся послелогов — *kexon*, *kexoz* и *keɲn* — с регулярными падежными формами локатива, аблатива и пролатива показывает, что эти послелогии претерпели некоторую редукцию.

Формы серии послелогов INTER *pɔd*, *pɔgon*, *pɔgoz*, *pɔmɔn* также полностью совпадают с ожидаемыми падежными формами существительного *pɔ?* 'промежуток, шель'.

Помимо морфологического устройства, послелогии серий с основами *ke-* и *pɔ-* демонстрируют также морфологическое поведение, которое свойственно падежным формам соответствующих обычных существительных. При множественном объекте они могут

иметь пространственные падежные показатели множественного числа, в форме латива при присоединении посессивного показателя используется специальный показатель латива для посессивного склонения. В то же время, они проявляют ряд признаков грамматикализованности: помимо фонологической редукции и семантического сдвига в сторону обозначения более абстрактной области пространства по отношению к ориентиру, можно отметить возможность употребления существительного-источника в качестве зависимого послелога, предположительно образованного от него, ср.:

- (31) *lata pə? pəmon kan-ta*
доска щель INTER.PROL уйти-FUT.3SG.S
'Сквозь щель в досках уйдет'. (о воде)

Такой двойкий набор свойств соответствует представлениям о том, что семантические изменения при грамматикализации происходят раньше, чем изменение формальных свойств, см. [Heine et al. 1991: 21].

Структура локативных существительных *kexe* и *pəge* отличается от структуры других локативных существительных. Основы этих локативных существительных, остаточно выделяемые при отчленении элемента *-e*, помимо основы, общей для всей серии послелогов, содержат также форманты *-x-* и *-g-*, которые совпадают с первой согласной падежных показателей послелогов *kexon* APUD.LOC, *kexoz* APUD.ABL и *pəgon* INTER.LOC, *pəgoz* INTER.ABL. Таким образом, приходится считать, что локативные существительные *kexe* и *pəge* являются существительными, содержащими основу послелога (причем в случае *kexe* — именно подвергшуюся редукции основу послелога), часть падежного показателя локатива или аблатива и некий элемент *-e*, являющийся «показателем» локативного существительного.

Согласно описаниям, исторически показатели локатива и аблатива *-xon* и *-xoz* являются двухкомпонентными: в составе этих суффиксов можно выделить более древние падежные показатели, наблюдаемые, например, у ряда послелогов (*-n* и *-z*) и более поздний фрагмент, включающий в зависимости от типа основы существительного согласные *-x-*, *-g-* или *-k-*, см. [Сорокина 1984; 2010: 179]. При этом система коротких падежных показателей продолжает сохраняться в некоторых сериях послелогов, а также у части наречий и местоимений.

По-видимому, в некоторых явлениях энецкого языка, хотя и достаточно периферийных, можно и на синхронном этапе наблюдать проявления двухкомпонентной природы этих локативных показателей.

Во-первых, по крайней мере для одного морфологического процесса основой послелогов *kexon* и *pəgon* оказывается не тот фрагмент, который является общим для всех послелогов серии, а тот фрагмент, который служит основой и для локативных существительных *kexe* и *pəge* — фрагмент, включающий основу, общую для всей серии, и первый согласный падежного показателя. Это процесс присоединения к послелогам рестриктивного суффикса *-ru*, выражающего значение, близкое к значению частицы *только* в русском языке. Для формы локативного падежа существительного этот суффикс оказывается в позиции между основой и падежным показателем (32). При присоединении рестриктивного суффикса к послелогам *kexon* и *pəgon* этот суффикс присоединяется после согласной *-x-* и *-g-* соответственно, разрывая падежный показатель (33)–(34). В примере (35) употреблена форма послелога *nʲin* IN.LOC с суффиксом *-ru*, который присоединяется перед коротким падежным показателем.

(32) *tʃike to-ru-xon*

этот озеро-RESTR-LOC.SG

bunʲi-e? *pogum-ubi-?*

NEG.EMPH-1PL.S/SOsg рыбачить-HAB-CONN

‘Не только на этом озере рыбачим’.

(33) *modʲ me-nʲ?* *kexo-ru-n /*

я чум-OBL.SG.1SG APUD.LOC-RESTR-LOC

**ke-ru-xon* *ŋa-zutʃ*

APUD-RESTR-LOC.SG существовать-1SG.S.PST

‘Я только около дома была’. (элиц.)

(34) *ʃfa pəgo-ru-n*

эвенк INTER.LOC-RESTR-LOC

meʃannij entʃeu-? *tʃike*

смешанный человек-PL этот

‘Среди тунгусов смешанные люди эти’¹².

¹² Перевод этого примера, как и большей части примеров из корпуса естественных текстов, был предложен носителем при разборе текста. Как можно видеть, значение ограничительности в этом переводе

- (35) *teza mod'inʲ? te*
сейчас мы(двое) олень
burʲi-jʲ? pɔnʲi-d,
NEG.EMPH-1DU.S/SOsg делать-FUT.CONN
fizi ɲo-nʲ? nʲi-ru-n
два нога-PL.1DU SUPER-RESTR-LOC
dʲazu-d nʲe-bim
идти-FUT.CONN NEG-1DU.S/SOsg.CONT
‘Сейчас мы оленей ведь использовать не будем, на двух ногах
лишь идти будем ведь’. [Сорокина, Болина 2005: 12.120]

Во-вторых, в энецком языке существуют образования, близкие по форме и значению локативным существительным *kexe* и *pɔge*, но находящиеся вне системы грамматических средств выражения пространственных значений. В работе [Сорокина 2010: 142–143] упоминаются так называемые локативные адъективные формы, которые, согласно описанию, содержат суффикс *-xe/-ke*. Это, например, форма *teke*, связанная с существительным *te* ‘чум’, ср. *te-kon* <чум-LOC>, или *pexe*, ср. *pe-xon* <улица-LOC>. Для второго из этих образований в словаре [Сорокина, Болина 2009] предлагается перевод ‘улица’, ‘находящийся на улице’, что указывает на то, что данные формы используются скорее как существительные, обозначающие некоторую локализацию, чем как прилагательные. И. П. Сорокина отмечает, что данная форма образуется от ограниченного класса существительных [Сорокина 2010: там же], и, как можно видеть по примерам, это существительные, обозначающие типичные локализации («места»).

Представляется, что сложно в точности восстановить, какие диахронические процессы связывают три группы единиц: локативные существительные без компонентов *-x-* или *-g-* *te*, *nʲe* и *ire*, локативные существительные *kexe* и *pɔge* и образования типа *teke*, — имеющие общий компонент *-e* и значение некоторой пространственной области. Можно предположить, что локативные существительные первой группы являются более старыми, чем единицы двух других групп, однако судить о том, являются они

отсутствует. Не ясно, является ли это следствием того, что в данном случае это значение не передается в оригинальном тексте, или того, что носитель при разборе не выразил это значение в переводе.

морфологически производными или элементарными, на основании синхронных данных энецкого языка, видимо, невозможно. Единицы последних двух групп, по-видимому, следует членить на три компонента: основу, показатель «новых» пространственных падежей и показатель локативного существительного *-e*. Возможно, локативные существительные первой группы и их формальное соотношение с послелогоми соответствующих серий послужили образцом для образования единиц двух других групп. То, что в более старых сериях послелогов сохранились короткие падежные показатели, могло поддерживать членимость новых двухкомпонентных показателей пространственных падежей и привести к образованию локативных существительных *kexe* и *poge*, которые встраиваются в более поздние по времени грамматикализации серии послелогов, и единиц типа *meke*, образованных от обозначений мест, т. е. существительных, которые часто употребляются в формах пространственных падежей¹³. Морфологическая неэлементарность локативных существительных *kexe* и *poge*, содержащийся в их составе компонент показателей пространственных падежей и редуцированная форма основы одного из них не позволяют считать эти локативные существительные знаменательными словами, которые послужили источниками для послелогов соответствующих серий.

В этом разделе обсуждались главным образом формальные свойства двух групп возможных источников серийных пространственных послелогов лесного диалекта энецкого языка. Формальные свойства локативных существительных *te* и *n'e* и отсутствие другого возможного источника не позволяют судить о том, являются ли эти локативные существительные источниками послелогов соответствующих серий. Для серии с основой *ir-* существуют два возможных источника, причем с формальной точки зрения они являются в равной степени возможными источниками послелогов этой серии.

Для оставшихся трех серий формальные свойства локативных существительных, послелогов и родственных им обычных существительных скорее указывают на то, что источниками послелогов соответствующих серий послужили существительные *d'odaj* 'середина',

¹³ Ср. хорошо известную историю возникновения существительного *нутро*, являющегося результатом реанализа сочетания пространственного предлога с существительным **vъn+otrъ* [Фасмер 1987: 90].

kiu ‘бок, сторона’ и *pɔʔ* ‘промежуток, щель’. В то же время деривационная история и грамматический статус локативных существительных, соответствующих этим сериям, остаются загадочными.

4.3. Грамматические особенности локативных существительных

Помимо семантических особенностей, рассматривавшихся в предыдущем разделе, локативные существительные демонстрируют ряд грамматических ограничений, которые были бы неожиданны для обычных существительных энецкого языка.

Локативные существительные не имеют регулярных форм пространственных падежей (а также не могут быть зависимыми послелогов, см. ниже). В контекстах, которые предполагали бы использование такой формы, используется один из послелогов соответствующей серии, ср. (36).

- (36) *modʲinaʔ* *pɛ* *kexon* / **kexe-xon*
мы дерево APUD.LOC APUD.LN-LOC
nee-baʔ
стоять-1PL.S/SOsg
‘Мы возле дерева стоим’.

Кроме того, были выявлены ограничения, которые могут быть связаны с несовместимостью локативных существительных с некоторыми типами ориентиров. Так, неприемлемыми были признаны примеры, содержащие посессивные формы локативных существительных при первом лице обладателя (37)–(38), притом что для соответствующих этим локативным существительным послелогов такие формы являются возможными (39)–(41).

- (37) **modʲi* *kexe-nʲiʔ*
я APUD.LN-OBL.SG.1SG
‘пространство рядом со мной’ (элиц.)

- (38) **modʲinaʔ* *pɔʔge-naʔ*
мы INTER.LN-OBL.SG.1PL
‘пространство среди нас’ (элиц.)

- (39) *modʲ kexoni-nʲʔ nəxi-dʲaj,*
я APUD.LOC-OBL.SG.1SG грязь-COM
i-z adu-ʔ
NEG-2SG.IMP сесть-CONN
‘Рядом со мной грязно, не садись!’ (элиц.)
- (40) *tezaʔ dʲɔri-dʲ kexoni-nʲʔ*
сейчас разговаривать-CVB APUD.LOC-OBL.SG.1SG
ekon dʲiri
этот.LOC жить.3SG.S
‘Сейчас он возле меня здесь живет’.
- (41) *pəgoni-naʔ te pənʲi-da oka-ʔ*
INTER.LOC-PL.1PL олень делать-PTCP.SIM много-PL
‘Среди нас много оленеводов’. (элиц.)

Запрет на образование посессивных форм первого лица, видимо, является проявлением более общего стремления избегать использования личных референтов в качестве ориентира. Так, вместо использования посессивных форм, отсылающих к личным референтам, носители обычно предлагали варианты перевода стимула, в которых непосредственным ориентиром служил неодушевленный объект (42)–(45).

- (42) **modʲ ire-jʲʔ nodab*
я SUB.LN-NOM.SG.1SG мокрый
‘Место подо мной сырое’. (элиц.)
- (43) *baʔa-nʲʔ ire nodab*
постель-OBL.SG.1SG SUB.LN мокрый
‘Место под моей постелью сырое’. (элиц.)
- (44) **bu me-za dʲee*
он(а) IN.LN-NOM.SG.3SG болеть.3SG.S
‘У него болит живот’. (элиц.)
- (45) *bu sɔze-da me dʲee*
он(а) живот-OBL.SG.3SG IN.LN болеть.3SG.S
‘У него болит живот’. (элиц.)

В примерах из естественных текстов зависимые локативных существительных отсылают в основном к неодушевленным ориен-

тирам и изредка к животным. Однако локативное существительное *poŋe* ‘пространство среди’ в обоих примерах из текстов использовано в сочетании с посессивным показателем, отсылающим к персонажам сказки: двум девочкам и ведьме, которых нет оснований исключать из класса личных референтов (12).

Ограничения, иллюстрируемые приведенными примерами, невозможно связать и с морфологической несочетаемостью с посессивными показателями, поскольку в целом локативные существительные могут присоединять посессивные показатели (46).

- (46) *ɔbu d'odʒi-gon sɔrie kukaza,*
что время-LOC.SG пень треснуть.3SG.S
me-za anʲ ɔdaxa-saj
IN.LN-NOM.SG.3SG и трещина-COM
ŋa-ʔ nʲi-uʔ
существовать-CONN NEG-3SG.S.CONT
‘Вдруг пень треснул, нутро его с трещиной было’.
[Сорокина, Болина 2005: 12.266]

Таким образом, неприемлемость примеров с личными ориентирами, приведенных выше, обусловлена не морфологическими свойствами локативных существительных, а какими-то семантическими причинами, в частности ограничивающими в некоторых случаях сочетаемость локативных существительных с личными ориентирами.

В целом существование особых ограничений для личных участников в роли ориентиров не было бы неожиданным. В ряде работ отмечалось, что личные участники не являются типичными ориентирами, см. [Creissels, Mounole 2011: 160; Luraghi 2011: 210]. Во-первых, они являются подвижными, поэтому их сложно использовать для ориентации в пространстве. Во-вторых, у личных участников сложнее, чем у многих неодушевленных объектов, выделить такие пространственные части, как внутреннее пространство или поверхность. В некоторых языках наблюдается особое поведение класса личных или одушевленных имен в конструкциях с грамматическими средствами выражения пространственных значений, см. [Там же]. Например, французский предлог *chez*, использующийся для обозначения нахождения или движения по отношению к личным участникам, является результатом грамматикализации

существительного *casa* ‘дом’. Это существительное обозначает обычное место расположения личного участника, связанное с ним посессивным отношением, поэтому оно часто служило в качестве ориентира, когда необходимо было описать нахождение или движение по отношению к нему, см. [Luraghi 2011: 216–219].

Можно предположить, что для некоторых локативных существительных энецкого языка наблюдается в чем-то сходная картина: личный референт не может служить для них непосредственным ориентиром, однако отношение между ними может быть установлено за счет использования в качестве ориентира неодушевленного существительного, для которого данный личный референт является обладателем. Например, локативное существительное *me* не может обозначать внутреннее пространство человека, в котором локализована боль, — между личным посессором и этим локативным существительным должно находиться обозначение какой-либо части тела, ср. (44)–(45)¹⁴.

Примечательно, что в случаях, которые рассматриваются в [Creissels, Mounole 2011; Luraghi 2011], речь идет о поведении и распределении грамматических средств, а не знаменательных слов, каковыми на первый взгляд следует считать локативные существительные энецкого языка. Таким образом, это грамматическое ограничение, как и семантические особенности локативных существительных (см. раздел 4.2), сближают их скорее с послелогом, а не с обычными существительными.

Образование форм числа для локативных существительных *me* ‘внутренняя часть’ и *nⁱe* ‘поверхность’ (47) не встречает никаких препятствий.

(47) *stɔlu-na?* *nⁱe-ʔ* *nɔxi-d^laj-ʔ*
 стол-PL.1PL SUPER-PL грязь-COM-PL
 ‘На наших столах грязно’. (элиц.)

Для существительных *ire* ‘пространство под’ и *d^lode* ‘пространство посередине’ такие формы не были получены: при переводе стимулов, предполагавших множественность данных существительных,

¹⁴ Неприемлемость этого примера может быть также связана с особенностями семантики и сочетаемости глагола ‘болеть’, который, возможно, требует упоминания части тела. Это объяснение было предложено Т. В. Никитиной.

носители не использовали форму множественного числа. В примере (48) локативное существительное *d'ode* 'пространство посередине' употреблено в единственном числе, хотя перевод примера, данный затем носителем, скорее предполагает референцию к множественному объекту. В примере (49), который был предложен на стимул *Под постелями сыро*, вместо формы множественного числа локативного существительного *ire* 'пространство под' в качестве подлежащего было употреблено существительное *d'a* 'земля'.

(48) *baʔa d'ode tobur-ʔ*
постель MED.LN стряхнуть-2SG.S.IMP
'Стряхни сор с середины постелей'. (букв. 'Стряхни середины постелей'.) (элиц.)

(49) *baʔa ire d'a-za nɔdab*
постель SUB.LN земля-NOM.SG.3SG мокрый
'Под постелями земля сырая'. (элиц.)

Естественных примеров, в которых локативные существительные были бы употреблены в форме множественного или двойственного числа, обнаружить не удалось.

Локативные существительные не могут зависеть от послелого. Пример (50) показывает невозможность сочетания локативного существительного с пространственным послелогом. В данном случае в качестве грамматичного варианта перевода носителем был предложен один из послелогов соответствующей локативному существительному серии.

(50) **mod'inaʔ kamo ire keod*
мы лиственница SUB.LN APUD.LAT
ad-e-naʔ
сестр-М-1PL.M
'Мы сели под лиственницу'. (элиц.)

(51) *mod'inaʔ kamo irʔ ad-e-naʔ*
мы лиственница SUB.LAT сестр-М-1PL.M
'Мы сели под лиственницу'. (элиц.)

Можно было бы предположить, что сложное обозначение локализации с помощью локативного существительного и послелого является избыточным, и поэтому избегается. Скорее против такой

интерпретации свидетельствует неприемлемость употребления локативного существительного при послелого и в таких случаях, когда послелог используется для оформления одного из актантов при глаголе, ср. (52)–(53).

(52) *stɔl dʲez i-z seŋir-ʔ*
 стол POSTP NEG-2SG.IMP смотреть-CONN
 ‘На стол не смотри’. (элиц.)

(53) **stɔl nʲe dʲez i-z seŋir-ʔ*
 стол SUPER.LN POSTP NEG-2SG.IMP смотреть-CONN
 ‘На стол не смотри’. (элиц.)

При этом употребление в позиции приименного зависимого, в которой существительное грамматически ведет себя так же, как в позиции зависимого послелога, для локативных существительных является допустимым (54).

(54) *modʲ marie me kare-nʲʔ*
 я мешок IN.LN рыба-PL.1SG
seŋ-e-nuʃ
 снять_чешую-SOP1-1SG.SOP1.PST
 ‘Я рыбу, которая в мешке, почистил’. (элиц.)

Грамматический запрет на использование локативных существительных в качестве зависимых при послелогах, как и их семантические особенности, сближает их с послелогоми, а не с обычными существительными. Этот запрет можно связать с тем, что локативные существительные входят в парадигму послелогов и не могут на синтагматическом уровне сочетаться с единицами, находящимися с ними в отношениях дополнительной дистрибуции.

4.5. Источники серийных послелогов и локативные существительные: итоги

В трех предшествующих разделах рассматривались две группы существительных, которые оказываются родственными сериям пространственных послелогов лесного диалекта энецкого языка. Одна из этих групп оказывается чрезвычайно однородной с точки зрения формальной структуры и семантики составляющих ее единиц — это группа так называемых локативных существительных. Существительные второй группы не демонстрируют значительной

семантической и структурной общности. Существительные двух групп рассматривались в качестве возможных источников серийных пространственных послелогов энецкого языка. При обсуждении семантических свойств основным фоном служили представления об эволюции значения, происходящей при грамматикализации предлогов и послелогов в языках мира. Формальные свойства двух групп существительных рассматривались скорее с внутриязыковых позиций. Кроме того, для части локативных существительных были выявлены грамматические свойства, выделяющие их в ряду существительных лесного диалекта энецкого языка. Таблица 4 обобщает наблюдения над свойствами локативных существительных. В ней отражена возможность возведения послелогов к локативному существительному с точки зрения морфологического строения, значения и наличие отклонений в грамматическом поведении локативных существительных. Знаки «+» или «-» расставлены в соответствии с тем, зафиксированы ли для существительного отклонения от поведения, ожидающегося от обычного существительного. В столбце «Другой источник» указано существительное, которое могло бы рассматриваться как альтернативный источник послелогов соответствующей серии, если оно имеется. Обычные существительные, указанные в этом столбце, не имеют отклонений, поэтому их свойства в Таблице 4 не указываются.

Таблица 4. Свойства локативных существительных

Локативное существительное	Форма	Значение	Грамм. поведение	Другой источник
<i>n'e</i>	-	-	+	—
<i>me</i>	-	+	+	—
<i>ire</i>	-	+	+	<i>iru?</i>
<i>d'ode</i>	+	+	+	<i>d'odaj</i>
<i>kexe</i>	+	+	+	<i>kiu</i>
<i>pəge</i>	+	+	+	<i>pə?</i>

Таблица 4 показывает, что для всех локативных существительных были зафиксированы отклонения от свойств, ожидаемых для источника послелога или обычного существительного лесного диалекта энецкого языка.

Приведенные выше свойства локативных существительных *ire* 'пространство под', *d'ode* 'пространство посередине', *kexe* 'прост-

ранство около' и *pɔge* 'пространство среди', с одной стороны, и обычных существительных *iruʔ* 'дно, подошва', *dʰodaj* 'середина', *kiu* 'бок', *pɔʔ* 'промежуток', как кажется, позволяют предположить, что источниками послелогов соответствующих серий являются обычные существительные, а не локативные существительные.

Локативным существительным *te* 'внутренняя часть' и *ne* 'поверхность' также свойственны некоторые семантические и грамматические особенности. Представляется, что их достаточно для того, чтобы считать локативные существительные однородным в семантическом и грамматическом отношении классом, но недостаточно, чтобы утверждать, что существительные *te* 'внутренняя часть' и *ne* 'поверхность' не являются источниками соответствующих серий.

Локативные существительные, по-видимому, следует считать морфологически неэлементарными единицами, деривационно тесным образом связанными с послелогом. Формальная структура локативных существительных *kehe* и *pɔge*, включающая часть показателя локатива, позволяет сделать предположение об образовании локативных существительных, соотносимых с новыми грамматикализующимися сериями послелогов, по аналогии с локативными существительными уже существующих серий¹⁵.

Прежде чем перейти к обсуждению того, почему подобное устройство системы пространственных средств является типологически примечательным и неожиданным, рассмотрим, в каких контекстах обычно используются локативные существительные и каким образом распределены сферы употребления локативных существительных и послелогов.

¹⁵ Интересно было бы сопоставить локативные существительные энецкого языка с образующимися путем конверсии существительными индоевропейских языков типа англ. *inside* 'внутреннее пространство', франц. *devant* 'пространство перед', см. [Nikitina, Spano 2013: 71].

5. Синтаксические функции локативных существительных и послелогов в лесном диалекте энецкого языка

Синтаксические позиции, в которых способны выступать локативные существительные, соответствуют позициям, занимаемым формами ядерных падежей существительных¹⁶.

Из этих позиций в естественных текстах наиболее часто локативные существительные встречаются в позиции подлежащего, контролируя субъектное лично-числовое согласование с глаголом, ср. примеры (27), (46). В энецком языке возможно также согласование глагола с прямым объектом 3 л. по числу, и локативные существительные, выступающие в роли прямого объекта, способны контролировать и такое согласование (23). В этих позициях локативные существительные выступают в качестве синтаксических актанта глаголов, и их поведение вполне соответствует поведению подлежащего и прямого объекта в энецком языке. Употребление групп послелогов в этих позициях признавалось неприемлемым¹⁷:

¹⁶ В лесном диалекте энецкого языка можно выделить либо два, либо три ядерных падежа в зависимости от того, какой из критериев выделения падежей — морфологический или синтаксический — считать основным. В непосессивной парадигме формы ядерных падежей имен существительных дефолтного класса в лесном диалекте энецкого языка оказываются неразличимыми. В посессивном склонении для существительных дефолтного класса с морфологической точки зрения выделяются два падежа. Синтаксическое распределение форм существительных, оформленных посессивными показателями, позволяет говорить о трех падежах. Три ядерных падежа: основной, родительный и винительный — обычно выделяются и в традиционных описаниях энецкого языка, см., например, [Терещенко 1966]. В настоящей статье, вслед за [Khanina, Shluinsky Ms.], в соответствии с морфологической трактовкой падежа посессивным показателям приписывается значение либо номинатива, либо обликвуса, выражаемое кумулятивно с посессивностью, см. обсуждение в [Ханина, Шлуинский 2013].

¹⁷ Ср., впрочем, пример (38), полученный в ходе элицитации, в котором группа послелога, по-видимому, находится в позиции подлежащего, правда при неглагольном предикате.

- (55) *bi-ta* *n'e* / **n'eon* / **n'in*
 вода-OBL.SG.3SG SUPER.LN SUPER.PROL SUPER.LOC
salzeŋa
 блестеть.3SG.S
 'Поверхность воды блестит'. (элиц.)
- (56) *modⁱ petŋe-nⁱ?* *me* / **mi-n*
 я печь-OBL.SG.1SG IN.LN IN.LOC
tŋist'i-goo-zutŋ
 почистить-DUR-1SG.S.PST
 'Я печку внутри почистила'. (элиц.)

В лесном диалекте энецкого языка маркирование существительных показателями ядерных падежей также возможно в позиции приименного зависимого и топикализованного участника. Эти позиции прежде всего занимают участники, с семантической точки зрения являющиеся обладателями. Грамматические свойства приименного посессора (57) и посессора в позиции топикализации (58) частично описаны в работе [Овсянникова 2011].

- (57) *modⁱ kasa-nⁱ?* *n'e*
 я товарищ-OBL.SG.1SG женщина
gorodo-xon mɔzara
 город-LOC.SG работать.3SG.S
 'Жена моего товарища работает в городе'. (элиц.)
- (58) ^{OK} *modⁱ kasa-j?* *gorodo-xon*
 я товарищ-NOM.SG.1SG город-LOC.SG
n'e mɔzara
 женщина работать.3SG.S
 'Жена моего товарища работает в городе'. (элиц.)

Конструкция с приименным посессором обладает следующими грамматическими свойствами: в посессивном склонении посессор маркируется показателем обликуса, оформление обладаемого посессивным показателем нежелательно, между обладателем и обладаемым невозможно поместить другие составляющие клаузного уровня, позиция посессивной конструкции в клаузе не фиксирована. Для конструкции с топикализованным посессором, напротив, возможно положение посессора только на левой периферии клаузы, посессор и обладаемое могут быть разделены другими

составляющими уровня клаузы, как в примере (58), в посессивном склонении посессор получает маркер номинатива; в этой конструкции посессор часто интонационно отделен паузой.

Локативные существительные также могут быть употреблены в позиции приименного зависимого (59) и топикализованного участника (60)¹⁸.

(59) *modⁱ təl ire lata-jʔ*
я стол SUB.LN доска-NOM.SG.1SG
kəltə-buʃ
вымыть-1SG.SOSG.PST
'Я вымыла пол под столом'. (элиц.)

(60) *modⁱ kasa-jʔ sʒze-da me*
я товарищ-NOM.SG.1SG живот-OBL.SG.3SG IN.LN
ʒbu-xoʒ-za dⁱee
что-TOP-NOM.SG.3SG болеть.3SG.S
'У моего товарища в животе что-то болит'. (элиц.)

Употребление группы послелога в атрибутивной функции непосредственно перед определяемым существительным при этом оказывается нежелательным (61).

(61) *dⁱizi min ^{??}(ε-za) kare*
ведро IN.LOC быть-PTCP.SIM рыба
feda-ʃ tara
сделать-CVB надо.3SG.S
'Рыбу, которая в ведре, разделать надо'. (элиц.)

Таким образом, послелоги и локативные существительные с точки зрения употребления в различных синтаксических позициях оказываются практически в дополнительной дистрибуции. Локативные существительные обозначают те же части пространства по отношению к ориентиру, что и послелоги, и употребляются в случае, когда в какой-либо синтаксической позиции невозможно или нежелательно употребление послелога. По-видимому, это происходит прежде всего тогда, когда часть какого-либо пространственного объекта выступает не просто в качестве локализации

¹⁸ В этом примере в топикализованной позиции оказывается и локативное существительное *me*, и существительное *kasa-jʔ* 'мой товарищ'.

для ситуации, а более непосредственно задействована в ней (ср. ситуации ‘поверхность воды блестит’ или ‘мешок внутри грязный’), что в синтаксических терминах соответствует прежде всего позициям подлежащего и прямого дополнения.

6. Заключение: локативные существительные энецкого языка как типологически редкое явление

Согласно типологическим обобщениям, предлоги и послелогов в языках мира обычно возникают путем грамматикализации, в ходе которой происходят постепенные процессы расширения значения и контекстов употребления, а также фонологическая редукция грамматикализуемой единицы. Если источником предлога или послелога служит существительное, то в языках с развитой системой пространственных падежей часто грамматикализуется целый набор, или серия, предлогов или послелогов, обозначающих одну и ту же локализацию, но различающихся ориентацией. Таким образом из знаменательной единицы, способной иметь референцию и обозначать участника ситуации, возникает ряд предлогов или послелогов, служащих для обозначения отношения того или иного участника к ситуации, т. е. его семантической роли. Некоторые из таких единиц в ходе дальнейшей грамматикализации теряют самостоятельность и превращаются в падежные показатели.

В лесном диалекте энецкого языка обнаруживается целый набор подобных серий пространственных послелогов, которые типологически ничем не примечательны. Однако особенностью системы пространственных выражений энецкого языка является то, что почти всем сериям послелогов соответствует локативное существительное. Оно способно обозначать как некоторую пространственную часть ориентира, так и область, прилегающую к нему, что характерно для семантики послелогов, но не существительных, являющихся их источниками. Локативные существительные используются в тех синтаксических позициях, которые требуют указания на пространственную часть объекта, однако не доступны для групп послелогов.

Таким образом, в энецком языке наблюдается неожиданная ситуация, когда в ряду каждой из серий послелогов обнаруживается единица, обладающая некоторыми морфосинтаксическими свойствами существительных, однако являющаяся не источником

соответствующей серии, а в такой же степени грамматическим средством, что и сами послелого.

Если признать такой анализ локативных существительных энецкого языка убедительным с содержательной точки зрения, можно предложить разные терминологические решения для описания их статуса. Если все же называть эти единицы существительными, считая их своего рода «грамматическими существительными», то окажется, что почти все серии послелогов энецкого языка включают не только послелого, соответствующие семантически и синтаксически пространственным падежам, но и локативные существительные, использующиеся в тех же синтаксических позициях, что и формы ядерных падежей существительных. Другим возможным решением было бы считать единицы, которые здесь назывались локативными существительными, специфическими послелогоми, обслуживающими ядерные позиции, не типичные для послелогов, но первичные для большей части существительных, с которыми и сближаются эти «ядерные» послелого. Представляется, что каждое из этих решений является не идеальным в связи с нетривиальностью наблюдаемого явления.

Впрочем, может оказаться, что свойства, обнаруженные у локативных существительных энецкого языка, кажутся неожиданными в связи с тем, что в типологических работах основное внимание уделялось предлогам или послелогам, а свойства тех существительных, которые с ними соотносятся, обычно не рассматриваются подробно. Возможно, локативные существительные энецкого языка обладают в ярко выраженном виде теми свойствами, которые в какой-то мере присущи обозначениям частей объектов и в других языках. Так, в работе [Nikitina 2013] показано, что в языке уан (семья манде, Кот-д'Ивуар) обозначения частей объектов, такие как 'внутреннее пространство', 'край' и под., чаще, чем можно было бы ожидать, используются для указания задействованной в ситуации части объектов, ср. (62).

- (62) *é gà bé lā plēti mūé gò gò*
IMP go then 2SG plate PL DEF inside clean
'Go clean the plates'. [Nikitina 2013: 1]

Таким образом, ситуация в языке уан напоминает энецкую тем, что обозначения частей объектов используются не только в

составе послеложных групп, выступающих в роли сирконстантов, но и в ядерных синтаксических позициях.

О том, что и в семантическом отношении локативные существительные иногда не соответствуют типологическим ожиданиям, свидетельствует пример (63) из башкирского языка¹⁹. В нем локативное существительное *al(d)* ‘передняя часть’ используется для обозначения области, примыкающей к объекту, а не части объекта²⁰, см. обсуждение этого противопоставления в разделе 4.2 выше.

- (63) *öj-öm-döñ* *ald-ə* *häm kärtä*
 дом-Р.1SG-GEN передняя.часть-Р.3 и изгородь
säskä menän tul-yan
 цветок с наполняться-РС.PST
 ‘Место перед моим домом и огород засажены цветами’. (элиц.)

Как и в энецком языке, в языке уан, см. [Nikitina 2013], и в башкирском языке, см. [Овсянникова 2013], существуют послелоги, родственные локативным существительным, обозначающим части объектов. Однако, в отличие от ситуации, описанной выше для энецкого языка, в башкирском языке и в языке уан есть все основания считать локативные существительные источниками соответствующих послелогов.

Еще один интересный вопрос, выходящий за рамки энецкого материала, заключается в том, насколько синхронно членимыми оказываются послелоги и локативные существительные, составляющие квазипарадигмы, подобные энецким. С одной стороны, невозможно представить все серии в виде единой парадигмы, поскольку между ними наблюдается немало мелких различий. С другой стороны, представляется, что такая стройная система серий послелогов поддерживает морфологическую членимость

¹⁹ Башкирский язык относится к тюркской группе алтайской языковой семьи. Пример взят из полевых материалов автора, собранных в ходе экспедиции в пос. Рахметово Абзелиловского р-на респ. Башкортостан в июле 2013 г.

²⁰ Сходное наблюдение делается в [Lehmann 1982/1995: 69] о примере из японского языка, в котором локативные существительные в нелокативной форме обозначают область относительно ориентира, а не часть ориентира, однако в дальнейшем этот семантический контраст не обсуждается.

составляющих ее единиц и может оказывать влияние на процессы грамматикализации новых серий послелогов.

Список глосс

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; ABL — аблатив; CMP1 — компаратив 1; CMP2 — компаратив 2; COM — комитатив; COND — условное наклонение; CONN — коннегатив; CONT — показатель контрастивной видо-временной серии; CVB — деепричастие; LAT — латив; DEV — дебитив; DEF — определенность; DIM — диминутив; DU — двойственное число; DUR — дуратив; EXC — экскламатив; NEG.EMPH — эмфатический отрицательный глагол; FUT — будущее время; GEN — генитив; HAB — хабиуталис; HYPOT — предположительное наклонение; IMP — повелительное наклонение; INC — инцептив 1; INC2 — инцептив 2; INCH — инхоатив; LOC — локатив; M — медиальное спряжение; NEG — отрицательный глагол; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; OBL — обликвус; P — посессивный показатель; PC — причастие; PL — множественное число; PRF — перфект; PROL — пролатив; PST — прошедшее время; PTCP.SIM — причастие одновременности; RESTR — рестриктивный суффикс; S — субъектный тип спряжения; SG — единственное число; SOPL — субъектно-объектный тип спряжения для множественного числа объекта; SOSG — субъектно-объектный тип спряжения для единственного числа объекта; TOP — топик; TRANSL — транслатив.

Литература

- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Овсянникова 2011 — М. А. Овсянникова. Топикализация посессора в лесном диалекте энецкого языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, Том VII, часть 3. СПб.: Наука, 2011. С. 153–159.
- Овсянникова 2013 — М. А. Овсянникова. Конструкция с ориентиром в аблативе при послелогах башкирского языка // В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова (ред.). *От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской*. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 81–106.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Рубкалева 1965 — В. И. Рубкалева. Послелог в ненецком языке // *Советское финно-угроведение*, № 4, 1965. С. 285–291.

- Сорокина 1974 — И. П. Сорокина. Функции послеложных конструкций в выражении пространственных отношений (на материале энецкого языка) // П. Я. Скорик (ред.). Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л.: Наука, 1974. С. 174–178.
- Сорокина 1984 — И. П. Сорокина. Послелогии энецкого языка // Советское финно-угроведение, № 2, 1984. С. 118–124.
- Сорокина 2010 — И. П. Сорокина. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010.
- Сорокина, Болина 2005 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Энецкие тексты. СПб.: Наука, 2005.
- Сорокина, Болина 2009 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Энецкий словарь с кратким грамматическим очерком. СПб.: Наука, 2009.
- Терещенко 1958 — Н. М. Терещенко. К вопросу о происхождении послелогов // Институт языкознания. Доклады и сообщения. XI. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 62–76.
- Терещенко 1966 — Н. М. Терещенко. Энецкий язык // Языки народов СССР, Т. 3. М.: Наука, 1966. С. 438–457.
- Фасмер 1986 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М.: Прогресс, 1986.
- Фасмер 1987 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Прогресс, 1987.
- Ханина, Шлуинский 2009 — О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. Проблемы описания и трактовки фонологической вариативности в условиях языкового сдвига (на материале энецкого языка) // III международная конференция по полевой лингвистике. Тезисы и материалы. М.: Тезаурус, 2009. С. 172–178.
- Ханина, Шлуинский 2013 — О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. Ядерные падежи существительных в энецком языке: в поисках адекватного описания // Лингвистический беспредел — 2. Сб. научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: Издательство МГУ, 2013. С. 76–94.
- Creissels 2008 — D. Creissels. Spatial cases // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford Handbook of Case. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 609–625.
- Creissels, Mounole 2011 — D. Creissels, C. Mounole. Animacy and spatial cases: typological tendencies, and the case of Basque // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). Case, animacy and semantic roles. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 157–182.
- Heine 2008 — B. Heine. Grammaticalization of cases // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford Handbook of Case. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 458–469.
- Heine, Claudi, Hünemeyer 1991 — B. Heine, U. Claudi, F. Hünemeyer. Grammaticalization: A Conceptual Framework. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hopper 1991 — P. J. Hopper. On some principles of grammaticalization // E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1991. P. 17–35.
- Hopper, Traugott 2003 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Khanina, Shluinsky Ms. — O. Khanina, A. Shluinsky. *Nominal inflection in Enets*. Ms.
- Lehmann 1982/1995 — Ch. Lehmann. *Thoughts on Grammaticalization*. München — Newcastle: Lincom Europa, 1982/1995.
- Lehmann 2002 — Ch. Lehmann. *New reflections on grammaticalization and lexicalization* // I. Wischer, G. Diewald (eds.). *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 1–18.
- Luraghi 2011 — S. Luraghi. *Human landmarks in spatial expressions: from Latin to Romance* // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2011. P. 209–234.
- Nikitina, Spano 2013 — T. Nikitina, M. Spano. ‘Behind and ‘in front’ in Ancient Greek: A case study in orientation asymmetry // S. Kutscher, D. A. Werning (eds.). *On Ancient Grammars of Space: Linguistic Research on the Expression of Spatial Relations and Motion in Ancient Languages*. Berlin: Walter de Gruyter, 2013. P. 67–82.
- Nikitina 2013 — T. Nikitina. *Shape-based and orientation-based meronymy in Wan (Mande, Côte d’Ivoire)*. Paper presented at the conference “Meronymy Across Languages: Lexicalization, Semantics, Morphosyntax”. Mexico City, 27–28 September 2013.
- Siegl 2011 — F. Siegl. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of northern Siberia*. Ph.D. Dissertation. Tartu: Tartu University Press, 2011.
- Siegl 2013 — F. Siegl. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of northern Siberia*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.
- Svorou 1986 — S. Svorou. *On the evolutionary paths of locative expressions*. 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: University of California, 1986. P. 515–527.
- Svorou 1994 — S. Svorou. *The Grammar of Space*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994.
- Svorou 2002 — S. Svorou. *Semantic constraints in the grammaticalization of locative constructions* // I. Wischer, G. Diewald (eds.). *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 121–142.

С. А. Оскольская

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ПОКАЗАТЕЛЬ «КОСВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ» В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В нанайском литературном языке принято выделять суффикс косвенных падежей *-wa* [Аврорин 1959], который занимает разные позиции по отношению к разным лично-притяжательным показателям. Данный показатель имеет следующие варианты: *-wa, -wə, -a, -ə, -ba, -bə*². Чередование гласных, а также чередование согласных *w* и *b* является автоматическим: выбор гласного подчиняется правилам сингармонизма, а выбор согласного зависит от последней фонемы основы (показатели *-ba, -bə* присоединяются к основам, оканчивающимся на сонорный согласный или носовой гласный) [Аврорин 1959: 42–43, 131]. Выбор между вариантами *-wa, -wə, -ba, -bə*, с одной стороны, и *-a, -ə* — с другой, автоматическим не является и будет обсуждаться ниже, в начале раздела 2.

Нанайский язык характеризуется наличием трех парадигм склонения имен: простое склонение (словоформы содержат показатель падежа, притяжательные показатели отсутствуют, см. Таблицу 1), лично-притяжательное склонение (словоформы содержат падежные и лично-притяжательные показатели, см. Таблицу 2) и возвратно-притяжательное склонение (словоформы содержат падежные и

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Корпуса на языках Дальнего Востока» Программы ОИФН РАН «Корпусная лингвистика» (2012–2014 гг.), а также поддержано грантом РГНФ 13-04-00416а «Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)».

Я благодарна Н. М. Стойновой, А. М. Певнову и А. Ю. Урманчиевой за ценные комментарии к статье. Все ошибки и недочеты остаются исключительно на моей совести.

² Далее в статье для этого и других суффиксов для удобства будет приводиться только один вариант. Остальные варианты подразумеваются.

возвратно-притяжательные показатели, см. Таблицу 3). Данные парадигмы приводятся по [Аврорин 1959: 163, 165–166, 169].

Таблица 1. Простое склонение имени существительного

NOM	<i>огда</i> 'лодка'
ACC (OBL)	<i>огда-ва</i>
INS	<i>огда-ди</i>
DAT	<i>огда-ду</i>
LOC	<i>огда-ла</i>
DIR	<i>огда-чи</i>
ABL	<i>огда-диади</i>

Таблица 2. Лично-притяжательное склонение имени существительного

	P.1SG	P.2SG	P.3SG
NOM	<i>огда-и</i> лодка-P.1SG	<i>огда-си</i> лодка-P.2SG	<i>огда-ни</i> лодка-P.3SG
ACC (OBL)	<i>огда-и-ва</i> лодка-P.1SG-OBL	<i>огда-ва-си</i> лодка-OBL-P.2SG	<i>огда-ва-ни</i> лодка-OBL-P.3SG
DEST	<i>огда-го-и-ва</i> лодка-DEST-P.1SG-OBL	<i>огда-го-а-си</i> лодка-DEST-OBL-P.2SG	<i>огда-го-а-ни</i> лодка-DEST-OBL-P.3SG
INS	<i>огда-ди-и-ва</i> лодка-INS-P.1SG-OBL	<i>огда-ди-а-си</i> лодка-INS-OBL-P.2SG	<i>огда-ди-а-ни</i> лодка-INS-OBL-P.3SG
DAT	<i>огда-до-и-ва</i> лодка-DAT-P.1SG-OBL	<i>огда-до-а-си</i> лодка-DAT-OBL-P.2SG	<i>огда-до-а-ни</i> лодка-DAT-OBL-P.3SG
LOC	<i>огда-ла-и-ва</i> лодка-LOC-P.1SG-OBL	<i>огда-ла-си</i> лодка-LOC-P.2SG	<i>огда-ла-ни</i> лодка-LOC-P.3SG
DIR	<i>огда-чи-и-ва</i> лодка-DIR-P.1SG-OBL	<i>огда-чи-а-си</i> лодка-DIR-OBL-P.2SG	<i>огда-чи-а-ни</i> лодка-DIR-OBL-P.3SG
ABL	<i>огда-диади-и-ва</i> лодка-ABL-P.1SG-OBL	<i>огда-диади-а-си</i> лодка-ABL-OBL-P.2SG	<i>огда-диади-а-ни</i> лодка-ABL-OBL-P.3SG

Показатель «косвенных падежей» в нанайском языке

	P.1PL	P.2PL	P.3PL
NOM	<i>огда-ну</i> лодка-P.1PL	<i>огда-су</i> лодка-P.2PL	<i>огда-чи</i> лодка-P.3PL
ACC (OBL)	<i>огда-но-ва</i> лодка-P.1PL-OBL	<i>огда-ва-су</i> лодка-OBL-P.2PL	<i>огда-ва-чи</i> лодка-OBL-P.3PL
DEST	<i>огда-го-но-ва</i> лодка-DEST-P.1PL-OBL	<i>огда-го-а-су</i> лодка-DEST-OBL-P.2PL	<i>огда-го-а-чи</i> лодка-DEST-OBL-P.3PL
INS	<i>огда-ди-но-ва</i> лодка-INS-P.1PL-OBL	<i>огда-ди-а-су</i> лодка-INS-OBL-P.2PL	<i>огда-ди-а-чи</i> лодка-INS-OBL-P.3PL
DAT	<i>огда-до-но-ва</i> лодка-DAT-P.1PL-OBL	<i>огда-до-а-су</i> лодка-DAT-OBL-P.2PL	<i>огда-до-а-чи</i> лодка-DAT-OBL-P.3PL
LOC	<i>огда-ла-но-ва</i> лодка-LOC-P.1PL-OBL	<i>огда-ла-су</i> лодка-LOC-P.2PL	<i>огда-ла-чи</i> лодка-LOC-P.3PL
DIR	<i>огда-чи-но-ва</i> лодка-DIR-P.1PL-OBL	<i>огда-чи-а-су</i> лодка-DIR-OBL-P.2PL	<i>огда-чи-а-чи</i> лодка-DIR-OBL-P.3PL
ABL	<i>огда-диади-но-ва</i> лодка-ABL-P.1PL-OBL	<i>огда-диади-а-су</i> лодка-ABL-OBL-P.2PL	<i>огда-диади-а-чи</i> лодка-ABL-OBL-P.3PL

Таблица 3. Возвратно-притяжательное склонение

	P.REFL.SG	P.REFL.PL
NOM	—	—
ACC (OBL)	<i>огда-и</i> лодка-P.REFL.SG	<i>огда-вари</i> лодка-P.REFL.PL
DEST	<i>огда-го-и</i> лодка-DEST-P.REFL.SG	<i>огда-го-ари</i> лодка-DEST-P.REFL.PL
INS	<i>огда-ди-и</i> лодка-INS-P.REFL.SG	<i>огда-ди-ари</i> лодка-INS-P.REFL.PL
DAT	<i>огда-до-и</i> лодка-DAT-P.REFL.SG	<i>огда-до-ари</i> лодка-DAT-P.REFL.PL
LOC	<i>огда-ла-и</i> лодка-LOC-P.REFL.SG	<i>огда-ла-(а)пи</i> лодка-LOC-P.REFL.PL
DIR	<i>огда-чи-и</i> лодка-DIR-P.REFL.SG	<i>огда-чи-ари</i> лодка-DIR-P.REFL.PL
ABL	<i>огда-диади-и</i> лодка-ABL-P.REFL.SG	<i>огда-диади-ари</i> лодка-ABL-P.REFL.PL

Приведенные парадигмы обращают на себя внимание рядом явлений. Во-первых, рассматриваемый показатель *-ва*, хоть и называется традиционно суффиксом косвенных падежей, употребляется в косвенных падежах только в лично-притяжательном склонении,

а в простом склонении не появляется нигде, кроме формы винительного падежа. При этом, как справедливо отмечает В. А. Аврорин [1959: 168], в форме местного падежа (локатива) этот суффикс слился с локативным показателем в формах 2 и 3 лиц: * *огда-ла-а-ни* > *огда-ла-ни*. При этом В. А. Аврорин обращает внимание на то, что падежный показатель в данных словоформах имеет долгий гласный, что служит аргументом в пользу выдвинутого предположения о прежнем наличии суффикса косвенных падежей в данных формах³. Во-вторых, в лично-притяжательном склонении порядок аффиксов в формах 1 лица отличается от порядка аффиксов в формах 2 и 3 лиц: в формах 1 лица показатель косвенных падежей следует за лично-притяжательным показателем, а в формах 2 и 3 лиц показатель косвенных падежей предшествует лично-притяжательному показателю. Что касается возвратно-притяжательного склонения, то там возможные реликты суффикса косвенных падежей можно обнаружить только в формах множественного числа: *огда-вари*. Эти формы будут более подробно обсуждаться ниже.

Наконец, типологически необычным оказывается тот факт, что показатель *-wa* занимает позицию после других падежных показателей, дальше от корня. Если в языке есть показатель косвенного падежа, то он предшествует другим падежным показателям, поскольку такая система обычно восходит к двухпадежной, а косвенный падеж оказывается более древним, чем новые падежные показатели, присоединившиеся позже к косвенной форме (см., например, описание подобной системы в новоиндийских языках: маратхи, хинди, гуджарати, цыганском в [Аркадьев 2006: 224–226]).

Парадигма, включающая показатель косвенных падежей, представлена только в некоторых диалектах нанайского языка: в средне- и нижнеамурском. В кур-урмийском [Суник 1958: 71] и в бикинском [Сем 1976: 39–42] диалектах такого не наблюдается. В этих диалектах данный показатель появляется только в формах винительного падежа и всегда занимает позицию перед лично-притяжательным аффиксом (в том числе и в формах 1 лица, в отличие от средне- и нижнеамурского диалектов). Аналогичным образом обстоит дело и в других тунгусо-

³ Наши полевые данные показывают, что гласный в показателе локатива, по всей видимости, уже редуцировался и произносится кратко.

маньчжурских языках (см. эвенкийский [Василевич 1940: 46–50], эвенский [Malchukov 1995: 9], орокский [Петрова 1967: 43–45] и др.).

В данной статье будут рассмотрены свойства показателя косвенных падежей и будет проанализировано его место в грамматической системе средне- и нижнеамурского диалектов нанайского языка.

2. Происхождение и развитие показателя «косвенности» (версия Г. М. Василевич и В. А. Аврорина)

Рядом исследователей выдвигались разные гипотезы по поводу происхождения показателя винительного падежа в тунгусо-маньчжурских языках. По мнению Г. И. Рамстедта, этот суффикс восходит к деепричастию ‘смотреть’:

Это окончание и ныне не является окончанием винительного падежа в точном смысле, а скорее представляет собой омертвевшее деепричастие от глагола (кор.) *poda* ‘смотреть’ и имеет значение ‘смотря по’, ‘относительно’ [Рамстедт 1957: 38].

Позднее эта гипотеза была отвергнута. Основным аргументом против такого предположения послужило отсутствие в тунгусо-маньчжурских языках глагола со значением ‘смотреть’, хоть скольконибудь похожего на корейский глагол, приведенный Г. И. Рамстедтом (этот аргумент приводит О. П. Суник [1982: 202]).

Г. М. Василевич обращает внимание на то, что в эвенкийском языке тем же показателем *-ва/-вэ/-во* (*-ма/-мэ/-мо*) могут оформляться обстоятельства времени и места, а также словоформы, выражающие реципиента и адресата [Василевич 1940: 37]⁴:

- (1) *горо-во хавал-дя-ча-н*
долго-ACC работать-IPFV-PST-3SG
‘много (времени) работал’
- (2) *бира-ва соло-дэ-ро-н*
река-ACC идти.вверх-IPFV-PRS-3SG
‘по реке (вверх) едет’

⁴ Примеры (1)–(4) взяты из [Василевич 1940: 37], глоссированы мной. — С. О.

- (3) *бэе-вэ* *бэлэ-рэ-н*
человек-ACC помогать-PRS-3SG
'человеку помог'
- (4) *нунган-ма-н* *гу-нэ-н*
он-ACC-3SG говорить-PRS-3SG
'ему сказал'

В современном эвенкийском языке форма винительного падежа в данных контекстах конкурирует с другими падежными формами (продольным, направительным, исходным и местным падежами, см. [Василевич 1940: 37]). На основании наличия в эвенкийском такой вариативности в падежном оформлении актантов Г. М. Василевич предполагает, что «винительный падеж исторически имел назначение указывать любое дополнение (косвенное и обстоятельственное), кроме прямого. Прямое дополнение помещалось перед сказуемым, и направленность на него действия выражалась или семантикой самого глагольного корня или суффиксом переходности, помещавшимся при глагольной основе» [Там же]. Позже — по версии Г. М. Василевич — показатель винительного падежа был вытеснен новыми падежными показателями и стал употребляться на именах в позиции прямого дополнения. Такая версия сама по себе кажется несколько неестественной. Так, вариативность аргументной структуры некоторых глаголов может быть вызвана многими другими факторами: тонкими семантическими различиями между двумя вариантами (например, между формами винительного и продольного падежей в одинаковом контексте), влиянием русского языка (так, можно было бы предположить, что эвенкийский глагол 'помогать' изначально управлял прямым дополнением, но под влиянием русского языка стал иногда управлять косвенным дополнением), наконец, это может быть свободное варьирование в аргументной структуре, которое наблюдается во многих языках, в том числе и между падежными формами, грамматикализовавшимися более или менее в одно время. Кроме того, непонятно, каким образом показатель, маркировавший ранее только косвенные дополнения, стал маркировать прямое. Данные эвенкийского языка кажутся недостаточными для подтверждения этой гипотезы. Однако наличие специального показателя косвенных падежей в родственном эвенкийскому нанайском языке (см. Таблицы 1, 2 и 3 выше) может оказаться хорошим аргументом в пользу версии Г. М. Василевич.

Аналогичную версию применительно к нанайскому языку подробно обсуждает и развивает В. А. Аврорин, выдвигая предположение о том, каким образом сложилась имеющаяся на данный момент необычная грамматическая система нанайского языка (см. [Аврорин 1948: 233–255], [Аврорин 1959: 171–175]). По мнению В. А. Аврорина, нынешней грамматической системе могла предшествовать система, в которой были противопоставлены только два падежа — прямой (чистая основа) и косвенный (показатель *-wa*). При этом прямой падеж выражал подлежащее и прямое дополнение, а косвенный маркировал имя в других синтаксических позициях. В пользу такого предположения может говорить наличие в современном нанайском языке (как и во многих других алтайских, в том числе и в обсуждавшемся выше эвенкийском) дифференциального маркирования объекта:

(5)⁵ *amaa=da* *žo-bo-j*,⁶ *sogdata-Ø* *waa-ri*
отец=PART.EMPH работать-NPST рыба-NOM убить-NPST
'А отец работал, рыбу ловил.'

В. А. Аврорин (аналогично тому, как это делает и Г. М. Василевич для эвенкийского) предполагает, что показатель косвенных падежей стал маркировать объект позже и не во всех случаях — во многих случаях по-прежнему употребляется форма прямого падежа. Таким образом и сформировалось дифференциальное маркирование объекта, наблюдаемое в современном нанайском языке.

На следующем этапе произошла грамматикализация послелогов, представлявших собой существительные в форме косвенного падежа, в падежные показатели. На этом этапе система лично-притяжательных показателей еще не была сформирована. В. А. Аврорин приводит следующие гипотетические примеры:

(6a) * *ogda* *do-wa*
лодка внутренность-OBL
'во внутренности лодки'

⁵ Данный пример взят из текста, записанного мной в 2011 г. в с. Даерга.

⁶ Здесь опущены лично-числовые показатели на глаголах, что довольно часто встречается в устной речи.

- (6б) * *ogda-do-wa*
лодка-DAT-OBL
'в лодке'

Таким образом, прямой падеж оказался противопоставлен не одному косвенному падежу, а целому ряду новообразовавшихся падежей. Как пишет В. А. Аврорин, «[с]тановилось все менее мотивированным одинаковое оформление слов, обозначающих субъект и предикат, с одной стороны, и слов, обозначающих прямой объект, с другой» [Аврорин 1959: 172]. Благодаря этому прямое дополнение перешло в разряд «косвенных» (т. е. противопоставленных прямому) и стало оформляться косвенным падежом. Позже в языке сформировались лично-притяжательные показатели, которые присоединялись к концу слова после падежных суффиксов. В итоге, в лично-притяжательном склонении показатель косвенного падежа сохранился. В простом же склонении показатель косвенного падежа оказался на конце слов и со временем редуцировался во всех падежах, кроме винительного, в котором он «стал осознаваться как показатель именно этого падежа» [Аврорин 1959: 174]. При такой трактовке остаются два существенных вопроса, касающихся падежных форм первого лица лично-притяжательного склонения: почему в этих формах показатели лица и косвенного падежа «меняются местами» и почему, оказавшись в конце слова, показатель косвенного падежа не редуцировался (аналогично тому, как это произошло в простом склонении)? На первый вопрос В. А. Аврорин не дает ответа, оставляя его для дальнейших исследований. При попытке ответить на второй вопрос автор обращается к возвратно-притяжательному склонению (см. Таблицу 3 выше). Как видно из Таблицы 3, в возвратно-притяжательном склонении — по крайней мере в формах единственного числа — отсутствует рассматриваемый показатель, в том числе и в форме винительного падежа. В результате формы 1 лица единственного числа лично-притяжательного склонения отличаются от форм единственного числа возвратно-притяжательного склонения только наличием показателя *-wa*. По мнению В. А. Аврорина, суффикс косвенных падежей в формах 1 лица сохраняется для того, чтобы избежать омонимии с формами возвратно-притяжательного склонения. Однако этот аргумент не подходит для объяснения наличия суффикса *-wa* в конце форм 1 лица множественного числа.

Автор предполагает, что в данном случае этот показатель не редуцировался благодаря аналогии с формами единственного числа.

Гипотеза Василевич–Аврорина, оставляет ряд вопросов открытыми. В частности, как указано выше, совершенно непонятным остается происхождение необычного порядка аффиксов в формах первого лица лично-притяжательного склонения (на этот вопрос указывает и сам В. А. Аврорин).

Кроме того, многие предположения о развитии грамматической системы нанайского языка требуют подтверждений. Некоторые «звенья» в предложенной схеме вызывают сомнения. Так, кажется странным такое развитие, при котором некоторый показатель маркирует слова, занимающие косвенные синтаксические позиции (не подлежащее и прямое дополнение), а после того, как слова в этих позициях приобретают ряд других специальных показателей, **тот же** самый показатель косвенного падежа начинает маркировать прямое дополнение, а в других словоформах постепенно редуцируется. Едва ли в каком-либо языке была зафиксирована похожая смена функции показателя. Это же место в рассуждении В. А. Аврорина критикует и О. П. Суник:

Предположение о том, что носители до-нанайского или до-эвенкийского языка ввели особый «показатель косвенности» *-va/-və* (неизвестного происхождения) для выражения сначала всех косвенных дополнений (кроме дополнения прямого), а затем по возникновении конкретных косвенных падежей использовали этот «показатель косвенности» для оформления винительного падежа — падежа прямого дополнения, представляется нам излишне рационалистическим, допускающим сознательное конструирование говорящими некоторых падежных форм в до-нанайском языке [Суник 1982: 205].

Можно также поставить под сомнение и утверждение В. А. Аврорина о том, что в формах 1 лица единственного числа показатель косвенного падежа, будучи на конце слова, не редуцируется, поскольку в противном случае возникнет омонимия с возвратно-притяжательными формами единственного числа. Во-первых, омонимия встречается в языках мира довольно часто и не всегда оказывается серьезным препятствием в развитии грамматической системы. Во-вторых, контекстов, в которых могла бы возникнуть многозначность, оказывается не так много, как может показаться на первый взгляд. Многозначность не может возникнуть в позиции

подлежащего, т. к. в этой позиции никогда не употребляются возвратно-притяжательные формы, а также в предложениях, в которых подлежащее выражено местоимением первого лица (фразы, аналогичные русским *Я взял мою книгу* и *Я взял свою книгу* описывают одинаковую ситуацию).

Возникшие вопросы позволяют корректировать предложенную гипотезу или выдвигать альтернативные предположения о развитии грамматической системы нанайского языка.

3. Альтернативная гипотеза

Прежде всего, необходимо обратить внимание на варианты показателя косвенности в современном нанайском языке — *-wa*, *-wə*, *-ba*, *-bə*, *-a*, *-ə*. По Таблицам 1 и 2 нетрудно заметить, что формант *-a*, *-ə* появляется в формах 2 и 3 лица в косвенных падежах (кроме винительного), в остальных случаях — т. е. во всех формах винительного падежа, а также в формах косвенных падежей 1 лица — используются алломорфы *-wa*, *-wə*, *-ba*, *-bə*. Как уже было отмечено в начале статьи, чередование вариантов *-wa*, *-wə*, *-ba*, *-bə* // *-a*, *-ə* не является автоматическим, поскольку эти варианты встречаются в одинаковой фонологической позиции:

(7а) *pokto-wa-ni*
дорога-OBL-P.3SG
'(его) дорогу'

(7б) *pokto-do-a-ni*
дорога-DAT-OBL-P.3SG
'на (его) дороге'

В примерах (7а) и (7б) рассматриваемый показатель оказывается в одинаковой позиции: после фонемы /o/ и перед /n'/. Однако реализуется он по-разному (как *-wa* в первом случае и как *-a* во втором). В. А. Аврорин предполагает, что данный показатель редуцируется в тех формах, в которых он уже не несет никакого значения, — в формах 2 и 3 лиц косвенных падежей (кроме винительного). В формах винительного падежа этот показатель маркирует прямого дополнение, а в формах 1 лица он препятствует появлению омонимичных форм (о потенциальной омонимии с формами возвратно-притяжательного склонения см. выше), т. е. несет

определенную функциональную нагрузку и поэтому не редуцируется [Аврорин 1948: 250, 253]. На данный момент нельзя с уверенностью утверждать, какие именно факторы влияют на выбор того или иного варианта показателя косвенности, а предположение В. А. Аврорина пока не подтверждено. Тем не менее, сам В. А. Аврорин не подвергает сомнению тот факт, что во всех обсуждаемых формах (в частности, в формах (7а) и (7б)) речь идет об одном и том же показателе:

Едва ли можно сомневаться, что к этим падежным суффиксам ранее добавлялся суффикс косвенных падежей *-ва/-вэ*, то есть, что такая форма, как *огдадоани* имела когда-то вид **огдадовани*. Согласный звук [в] в интервокальном положении, как известно, обладает неустойчивостью и легко выпадает. Его выпадение и приводит к образованию дифтонга [Аврорин 1959: 168].

Несмотря на то, что это утверждение выглядит убедительно и очень хорошо встраивается в предложенную Аврориным картину развития падежной системы, представляется возможным допустить и другую гипотезу, основанную на том, что в именной парадигме современного нанайского языка имеет место не один, а по крайней мере два (а то и три) разных показателя: *-wa*, *-wэ*, *-ba*, *-bэ* и *-a*, *-э*.

В нанайском языке в некоторых существительных, обозначающих пространственные отношения, можно выделить формант *-a/-э*, который В. А. Аврорин считает мертвым словообразовательным суффиксом: *дюли-э-ни* 'пространство впереди чего-л.-э-Р.3SG', *хангиани* 'пространство в стороне от чего-л.-а-Р.3SG' и др. На синхронном уровне корни этих существительных можно выделить благодаря однокоренным наречиям: *пэги-э-ни* 'пространство под чем-л.-э-Р.3SG', ср. наречие *пэги-лэ* 'внизу'. Такие существительные часто употребляются в притяжательном склонении (см. наличие лично-притяжательного показателя), поскольку представляют собой реляционные имена, т. е. обозначают нечто (в данном случае пространство) относительно другого объекта, но также могут употребляться и в качестве определений к другим словам в форме номинатива простого склонения: *пэгиэ гара* 'нижний сук (ветка)'. Эти существительные и их свойства подробно рассматриваются

В. А. Аврориным в [Аврорин 1959: 127–128]⁷. При этом автор нигде не указывает на происхождение этого словообразовательного суффикса, видимо, считая его отдельным показателем, никак не связанным с «показателем косвенности» *-wa*.

Принимая во внимание наличие словообразовательного суффикса пространственных существительных *-a*, можно предложить другую версию формирования именной парадигмы нанайского языка. В системе, предшествовавшей современной, были противопоставлены два падежа: прямой (чистая основа) и винительный, или косвенный (показатель *-wa*). Но — в отличие от В. А. Аврорина — допустим, что косвенный падеж маркировал не любое прямое дополнение, а только часть его употреблений (вероятно, связанных с референтным или даже определенным статусом и с другими характеристиками имени). Прямой же падеж маркировал остальную часть употреблений прямого дополнения (нереферентные и, возможно, неопределенные), подлежащее, а также другие косвенные синтаксические позиции, в которых существительное оказывалось в сочетании с послеложным словом. Послеложные слова представляли собой пространственные существительные. Часть из них содержала упомянутый выше словообразовательный показатель *-a*. Некоторые из пространственных существительных грамматикализировались в послелогии, а из послелогов — в падежные показатели:

- (8а) *ogda-wa*
лодка-ACC
'лодку'
- (8б) * *ogda čea-ni*
лодка POST-P.3SG
'к лодке'
- (8в) *ogda-čea-ni*
лодка-DIR-P.3SG
'к (его) лодке'

Пример (8б) иллюстрирует гипотетический предшествующий этап развития падежной системы, пример (8в) — последующий

⁷ Материалы, представленные в [ССТМЯ], показывают, что аналогичный формант в пространственных существительных наблюдается также по крайней мере в ульчском и удэгейском языках.

(современный) этап. Пример (8а) характерен для обоих этапов. Лично-притяжательные показатели сформировались, вероятно, еще до грамматикализации послелогов в падежные показатели и сначала маркировали наличие зависимого существительного у послелога (иными словами, посессора). Так, в гипотетическом примере (8б) суффикс *-ni* указывает на наличие «посессора» *ogda* ‘лодка’, в данном случае лодка является «обладателем» внутренности. В примере (8в) этот суффикс маркирует уже наличие посессора, не указанного в примере. Этот посессор является обладателем лодки. Таким образом, сначала формируется парадигма, совпадающая с нынешней лично-притяжательной парадигмой 3 лица. После этого происходит реинтерпретация притяжательного показателя: он начинает интерпретироваться не как суффикс послелога, а как суффикс имени существительного (ср. *ogda*[[*čea*]-*ni*] на раннем этапе и [[*ogdačea*]-*ni*] на более позднем этапе). После реинтерпретации возникает необходимость в простом склонении. На данном этапе можно предположить два варианта развития парадигмы. Простое склонение могло образоваться с помощью «отбрасывания» притяжательного суффикса *-ni*. Рассматриваемый суффикс *-a*, оказавшись во всех формах на конце слова, со временем редуцировался. Другой вариант развития заключается в том, что на следующем этапе сочетание *-ani* могло интерпретироваться как притяжательный показатель, поскольку именно эта часть повторяется во всех лично-притяжательных формах (в данном случае 3 лица единственного числа). По этой причине при формировании простого склонения «отбрасывалось» именно сочетание *-ani*.

В пользу того, что суффикс *-a* воспринимается современными носителями как часть притяжательного показателя, могут говорить словоформы без суффикса *-ni*, которые употребляются так же, как и лично-притяжательные:

- (9)⁸ *Suluŋgu əj pokto-wə žoan*
 Сулунгу этот дорога-OBL десять

⁸ Пример (9) получен путем элицитации: носителю предлагалось оценить стимулы на нанайском языке. Однако этот пример является отнюдь не единственным на данное явление: формы типа *minutəduə* регулярно встречаются в текстах, а также регулярно оцениваются носителями как полноценные словоформы, отличающиеся от *minutəduəni* и *minutədu*.

minutə-du-ə / *minutə-du-ə-ni*
 минута-DAT-OBL минута-DAT-OBL-P.3SG
 / * *minutə-du ənə-xə-ni*.
 минута-DAT идти-PST-P.3SG
 ‘Сулунгу прошел этот путь за 10 минут’.

Пример (9) показывает, что форма с сочетанием *-ani* воспринимается так же, как и форма с суффиксом *-a*. Однако такую форму нельзя заменить на соответствующую форму простого склонения (без *-ani*). В то же время, подобные примеры свидетельствуют и о том, что сочетание *-ani* в современной нанайской речи легко разбивается на две части.

Реинтерпретация притяжательного показателя повлияла и на появление падежных притяжательных форм существительных 1 и 2 лиц, а также возвратных форм. Так, если раньше гипотетическое слово *čiasī* могло означать только ‘к тебе’, а сочетание *ogda čiasī* ^{??} ‘к тебе-лодке’ было, скорее всего, невозможным, то на следующем этапе это сочетание стало допустимым и означало ‘к твоей лодке’. Итак, на этом промежуточном этапе парадигма притяжательного склонения, возможно, выглядела следующим образом⁹:

Таблица 4

	P.1SG	P.2SG	P.3SG
NOM	<i>ogda-i</i> лодка-P.1SG	<i>ogda-si</i> лодка-P.2SG	<i>ogda-ni</i> лодка-P.3SG
ACC	<i>ogda-wa-i</i> лодка-ACC-P.1SG (<i>ogda-e-wa</i>)	<i>ogda-wa-si</i> лодка-ACC-P.2SG	<i>ogda-wa-ni</i> лодка-ACC-P.3SG
DIR	<i>ogda-če-a-i</i> лодка-DIR-OBL-P.1SG (<i>ogda-če-e-wa</i>)	<i>ogda-če-a-si</i> лодка-DIR-OBL-P.2SG	<i>ogda-če-a-ni</i> лодка-DIR-OBL-P.3SG

⁹ Здесь для примера приводятся только формы именительного, винительного и направительного падежей. Какие падежные показатели на каком этапе были сформированы — отдельный сложный вопрос, который не имеет прямого отношения к обсуждаемой проблеме. В скобках приводятся современные формы для сравнения.

Показатель «косвенных падежей» в нанайском языке

	P.1PL	P.2PL	P.3PL
NOM	<i>ogda-pu</i> лодка-Р.1PL	<i>ogda-su</i> лодка-Р.2PL	<i>ogda-či</i> лодка-Р.3PL
ACC	<i>ogda-wa-pu</i> лодка-ACC-Р.1PL (<i>ogda-po-wa</i>)	<i>ogda-wa-su</i> лодка-ACC-Р.2PL	<i>ogda-wa-či</i> лодка-ACC-Р.3PL
DIR	<i>ogda-če-a-pu</i> лодка-DIR-OBL-Р.1PL (<i>ogda-če-po-wa</i>)	<i>ogda-če-a-su</i> лодка-DIR-OBL-Р.2PL	<i>ogda-če-a-či</i> лодка-DIR-OBL-Р.3PL

Таблица 5

	P.REFL.SG	P.REFL.PL
NOM	—	—
ACC	<i>ogda-wa-i</i> лодка-ACC-Р.REFL.SG (<i>ogda-i</i>)	<i>ogda-wa-ri</i> лодка-ACC-Р.REFL.PL
DIR	<i>ogda-če-a-i</i> лодка-DIR-OBL-Р.REFL.SG (<i>ogda-če-i</i>)	<i>ogda-če-a-ri</i> лодка-DIR-OBL-Р.REFL.PL

Как видно по Таблицам 4 и 5, парадигмы промежуточного этапа отличаются от современных формами первого лица и возвратными формами единственного числа. Вероятно, сначала в этих формах произошла редукция показателя винительного падежа и суффикса *-a* (**ogda-če-a-i* > **ogda-če-i*), а потом на конце лично-притяжательных форм появился новый — совершенно другой — показатель *-wa* (**ogda-če-i* > *ogda-če-e-wa*). Такой вариант развития кажется более естественным, чем перестановка аффиксов. Однако в этом случае возникает два вопроса: почему редуцировались суффикс *-a* и показатель винительного падежа и какова функция нового показателя *-wa*? Можно предположить, что в формах первого лица единственного числа, а также в возвратных формах единственного числа гласный *-a* редуцировался из-за сочетания трех гласных подряд, которого не наблюдается в других притяжательных формах (ср. *ogdadoai* vs. *ogdadoani* или *ogdadoari*). По какой причине исчез и показатель винительного падежа — непонятно. При этом необходимо отметить, что в речи современных носителей нанайского языка этот суффикс иногда употребляется. Так, В. А. Аврорин отмечает, что «[в] сакачи-алианском говоре пользуется распространением

еще один вариант формы винительного падежа лично-притяжательного склонения 1-го лица единств. числа — [огдаваја]...» [Аврорин 1959: 177]. Автор трактует эту форму следующим образом:

Он возник, надо думать, под действием аналогии с другими косвенными падежными формами того же склонения (<[огдаваіва] и т. д.) и включает в себя суфф. *-ва/-вэ* дважды: и как суффикс конкретного (винительного) падежа, и как суффикс косвенного падежа [Аврорин 1959: 177].

С помощью такой интерпретации Валентин Александрович встраивает данный вариант в предложенную им гипотезу. Однако несколько странным кажется появление такой формы в первом лице и отсутствие аналогичных форм с двойным показателем: винительного и косвенного падежей — во втором и третьем лицах.

Упомянутые формы можно встретить и в текстах, собранных В. А. Аврориным [1986]:

(10) Текст 40. Предложение 53.¹⁰

<i>mii</i>	<i>xaʒom-ba-ja-wa</i>	<i>uŋcixum-bə-jə</i>
1SG	имущество-OBL-P.1SG-OBL	бубен-OBL-P.1SG
<i>jaŋpraam-ba-ja</i>	<i>min-ʒi</i>	<i>gəsə</i>
шаманский.пояс-OBL-P.1SG	1SG-INS	вместе
<i>dərəmi-u-su</i>		
оставлять-IMP-2PL		

‘Мои вещи, мой бубен, мой пояс с подвесками оставьте со мной’.

Этот пример взят из текста, записанного от носителя найхинского говора нанайского языка. Таким образом, данное явление встречается не только в сикачи-альянском говоре, но и в диалекте, на котором основан литературный язык. В примере (10) обращают на себя особое внимание существительные *uŋcixum-bə-jə* и *jaŋpraam-ba-ja*, в которых показатель винительного падежа занимает позицию **перед** притяжательным показателем, а суффикс *-wa* на конце слова отсутствует, что не соответствует парадигме, приведенной в [Аврорин 1959]. На основании подобных примеров можно утверждать, что показатель винительного падежа в формах первого лица в некоторых случаях все еще употребляется.

¹⁰ Данный пример транслитерирован и глоссирован мной. — С. О.

В формах первого лица множественного числа суффикс *-wa* на конце слова тоже не всегда употребляется:

- (11)¹¹ *təj bəun-č'i-ə-n'i=tən'i daan'a buə*
 тот место-DIR-OBL-P.3SG=a бабушка 1PL
nučkukən-du-po, Witja-wə, mimbwə, lea
 маленький-DAT-P.1PL Витя-OBL 1SG.OBL все.время
olbeači bi-č'i-n'=goa taosi
 брат.с.собой быть-PST-P.3SG=вот туда
 'На то место бабушка нас в нашем детстве, Витю, меня, все время брала туда с собой'.

Примеры типа (10–11) позволяют предположить, что суффикс *-wa* раньше являлся частицей, выполняющей некоторую пока неясную функцию, и стал регулярно присоединяться к словоформам 1 лица. Возможно, эта частица маркировала отношение объекта к говорящему, а не к субъекту.

4. Заключение

Предложенная в статье версия развития системы склонения имени предполагает наличие в современной парадигме трех суффиксов, имеющих разное происхождение: суффикса *-a* в ряде падежных форм 2 и 3 лица, который, возможно, восходит к словообразовательному суффиксу пространственных существительных; показателя винительного падежа *-wa* и суффикса-частицы *-wa* в косвенных формах 1 лица. Очень интересен вопрос о том, как сложилась такая система именного склонения. В статье обсуждается версия В. А. Аврорина и приводится альтернативная версия. Для обеих версий недостаточно данных, чтобы подтвердить или опровергнуть их. Однако главная идея предложенной в статье интерпретации заключается в том, что все три выделенных показателя (которые В. А. Аврорин объединяет в один суффикс косвенных падежей) ведут себя по-разному с фонологической и морфологической точки зрения, а отдельные примеры показывают, что эти суффиксы не находятся в отношении дополнительной дистрибуции (см. пример 9). Значит, в нанайском отсутствует специальный единый показатель косвенности,

¹¹ Пример (11) — это предложение из текста, записанного от носительницы нанайского языка в 2007 году в с. Найхин.

который бы употреблялся во всех косвенных падежах всех лично-притяжательных форм. Таким образом, неактуальным оказывается вопрос об отсутствии рассматриваемого суффикса в простом склонении, а суффикс *-a*, возможно, стоит считать либо частью, либо отдельным притяжательным показателем, употребляющимся только в формах 2 и 3 лиц. Также автоматически снимается вопрос о типологически необычной позиции показателя косвенного падежа: после собственно падежного показателя идет не показатель косвенности, а некая созвучная частица. Предположение о специальной частице *-wa* смогло бы объяснить столь неожиданное склонение в 1 лице. Однако представленная версия, безусловно, нуждается в доработке и проверке и на данный момент еще оставляет ряд вопросов.

Список условных сокращений

кор. — корейский язык; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; DAT — датив; DEST — дестинатив; DIR — директив; EMPH — эмпфаза; IMP — императив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенный падеж; P — притяжательность; PART — частица; PL — множественное число; POST — послеложное слово; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
- Аврорин 1948 — В. А. Аврорин. Очерки по синтаксису нанайского языка. Л.: Учпедгиз, 1948.
- Аврорин 1986 — В. А. Аврорин. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986.
- Аркадьев 2006 — П. М. Аркадьев. Типология двухпадежных систем. Дисс. ... канд. филол. н. Институт славяноведения РАН, Москва, 2006.
- Василевич 1940 — Г. М. Василевич. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Учпедгиз, 1940.
- Петрова 1967 — Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967.
- Рамстедт 1957 — Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.
- Сем 1976 — Л. И. Сем. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, 1976.

- ССТМЯ — В. И. Цинциус (ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. Л.: Наука, 1975. Т. 2. Л.: Наука, 1977.
- Суник 1958 — О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Учпедгиз, 1958.
- Суник 1982 — О. П. Суник. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л.: Наука, 1982.
- Benzing 1955 — J. Benzing, Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955.
- Malchukov 1995 — A. L. Malchukov. Even. (Languages of the World/Materials, Vol. 12). München: LINCOM EUROPA, 1995.

А. М. Певнов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

О НЕОБЫЧНОЙ КОРРЕЛЯЦИИ ПАДЕЖА С НЕКОТОРЫМИ ГЛАГОЛЬНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

В статье рассматривается сравнительно редкое явление: в ряде языков падежное маркирование имени неожиданным образом оказывается чувствительным к различным граммемам таких глагольных категорий как время, аспект, модальность, эвиденциальность или транзитивность.

1. Якутский и долганский

В якутском языке форма прямого дополнения может быть обусловлена модальностью глагола: при повелительном наклонении прямое дополнение оформляется показателем «частного падежа» (партитива) [Грамматика современного якутского литературного языка 1982: 134]¹. Е. И. Убрятова так характеризует якутский частный падеж:

...форма прямого дополнения при сказуемом, выраженном повелительным наклонением, напр. Дьин саха аһылыгына: сылгы хаһатына, чохоонно, тон балыкта энин бэлэмнээ 'Приготовь истинно якутские кушанья: жирную конину, чохон, строганину и прочее' [Убрятова 1972: 577].

Согласно Е. И. Убрятовой, другие наклонения в якутском языке требуют иного оформления прямого дополнения — оно выражается либо отсутствием особого падежного аффикса, либо аффиксом винительного падежа, либо показателем «винительно-собирающего» падежа («форма имени существительного, выра-

¹ Впрочем, судя по приведенным в этой работе примерам, падежом прямого дополнения при глаголах в повелительном наклонении может быть и винительный: *Бу сону сабын* 'Укройся этим пальто'; *Кыстык маһы хааччынын* 'Обеспечьте себя дровами на зиму' [Грамматика современного якутского литературного языка 1982: 133–134].

жающего объект или часть объекта, полностью подвергшегося действию») [Убрятова 1972: 577].

В долганском языке, близком к якутскому, дело обстоит иначе. Во-первых, частный падеж в долганском языке, как отмечает Е. И. Убрятова, может оформлять определенный объект.

Мин аны эһизкэ өстө кэпсиэм ‘Я сейчас вам рассказ расскажу’ (в данном случае имеется в виду не любой рассказ, а вполне определенный, с помощью которого должен быть разрешен спор певца и сказочника о том, чья работа сложнее) [Убрятова 1985: 117]

Во-вторых,

⟨...⟩ у долган форма частного падежа выражает объект предполагаемого действия. Так, герой сказки, строя предположения о своих будущих действиях, говорит: “Отут үлэһиттэ илэммин, үс халдаатта илэммин барыам ‘Тридцать рабочих взявши, трех солдат взявши, пойду’”. Когда же это произошло, сказитель сообщает: “Отут киһини илпит, үс халдааты илпит ‘Тридцать рабочих взял, три солдата взял’”. В первом случае, когда действие только предполагалось, прямое дополнение имеет форму частного падежа; во втором — когда действие уже совершилось — прямое дополнение принимает форму винительного падежа. В обоих случаях определенность объекта совершенно одинакова, так как об этих персонажах в сказке ничего не сообщалось, следовательно, все дело в форме сказуемого [Убрятова 1985: 117–118].

2. Тувинский

Иная зависимость именной категории от глагольной наблюдается в тувинском. Имя существительное — обстоятельство места — оформляется в этом языке при глаголе в прошедшем или будущем времени дательным падежом (*Мен Кызылга чурттап турган мен* ‘Я жил в Кызыле’; *Мен Кызылга чурттаар мен* ‘Я буду жить в Кызыле’), при глаголе же в настоящем времени обстоятельство места имеет форму местного падежа (*Мен Кызылда чурттап тур мен* ‘Я живу (в данный момент) в Кызыле’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 128]).

А. Б. Хертек дает детальную характеристику этого грамматического феномена тувинского языка. Рассматривая специфическое употребление дательного падежа, Аржаана Борисовна пишет в автореферате своей кандидатской диссертации:

Локализатор-адъект выражается формой датива при предикатах, обозначающих реальные и нереальные действия, не актуальные для момента речи: при форме будущего времени на =*ар*, формах косвенных наклонений (побудительного, желательного и условного), формах прошедшего времени на =*ды*, =*ган*, =*чык* [Хертек 2008: 10].

С. А. Оскольская поделилась со мной интересным наблюдением: занимаясь тувинским языком в экспедиции в июне 2010 года, Софья Алексеевна записала предложения, в которых падежная форма имени зависит от времени глагола, при этом косвенный объект выражает не место совершения действия, а скорее инструмент, при помощи которого это действие совершается. Приведу три соответствующих тувинских примера:

- (1) *Шолбан гитара-га ойна-п турган* 'Шолбан играл на гитаре';
- (2) *Шолбан гитара-да ойна-п олур* 'Шолбан играет на гитаре';
- (3) *Шолбан гитара-га ойна-ар* 'Шолбан будет играть на гитаре'.

Правда, первоначально мне казалось, что информант Софьи Алексеевны мог предложить ей нечто вроде кальки русского «играть на чём-либо», где формально локативность вроде бы присутствует. Такое подозрение возникло у меня потому, что с гитарой тувинцы познакомились, по всей вероятности, довольно поздно и, скорее всего, узнали о ней от русских (кстати, по-видимому, использование глагола *ойна-* 'играть (например, о детях)' для обозначения игры на музыкальном инструменте следует считать результатом влияния русского языка). Однако А. А. Сюрюн на мой вопрос о том, как будет на её родном тувинском языке 'играть на чадагане — **традиционном** тувинском щипковом музыкальном инструменте', ответила так: *чадаган-га ойнаар* (дательный падеж, будущее время)².

Интересно, что в тувинском языке избыточное, плеонастическое выражение времени «поделили» между собой дательный и местный падежи — именно те, значения которых вполне могли бы выражаться одной падежной формой, если иметь в виду разнообразное, сильное и длительное монгольское влияние на тувинский в прошлом. В якутском языке под мощным давлением монгольского некогда возник не свойственный тюркским, но характерный для монгольских

² Хотел бы поблагодарить своих коллег — С. А. Оскольскую и А. А. Сюрюн — за ценную и интересную информацию о тувинском языке.

языков дательно-местный, а точнее, дательно-местно-направительный падеж (в якутском он выражается аффиксом *-ба* и его вариантами). В тувинском дело до этого не дошло, однако не исключено, что косвенно монгольский так повлиял на падежную систему тувинского, что дательный и местный падежи, сохраняя свою самостоятельность, как бы породнились на почве плеонастического выражения категории времени и наклонения: дательный стал попутно выражать ненастоящее время, а местный — настоящее. Такое причудливое воздействие одного языка на другой может показаться весьма странным, но ведь это не более странно, чем зависимость падежа локативного дополнения от модальных и временных значений.

3. Маньчжурский и килен

Удивительная связь категорий времени и падежа представлена в маньчжурском языке. В. А. Аврорин пишет, что в функции дополнения орудия «дательный падеж конкурирует с родительным» [Аврорин 2000: 82]. Ссылаясь на И. И. Захарова, В. А. Аврорин подчеркивает:

⟨...⟩ дательный падеж в этой функции употребительнее при глагольных словах прошедшего времени, а родительный — при глагольных словах, обозначающих действия совершающиеся или еще не начатые [Аврорин 2000: 82].

Вот несколько фразовых примеров, приводимых В. А. Аврориным: *И мэбэ бэжэ и лохо дэ кармаха* 'Он защитил нас своим мечом'; *Дука јосэ дэ јосэлабуха* 'Ворота заперты на замок'; *Сакда мама ихан бэ фута дэ јарухаби* 'Старуха вела корову на веревке' [Аврорин 2000: 83]; *хэсэ и такураха амбан* 'вельможа, посланный по приказу (приказом)'; *мукэ и силг'амби* 'полощу водой'; *пō и фусхумби* 'палат из пушки (пушкой)'; *окто и дасамби* 'лечат лекарством' [Аврорин 2000: 79] (подчеркнуто мной. — А. П.).

Как пишет В. А. Аврорин, И. И. Захаров

⟨...⟩ отметил изменение распределения функций в диахроническом плане: чем старше текст, тем чаще орудную функцию выполняет дательный падеж, чем моложе текст, тем чаще в этой функции выступает родительный падеж [Аврорин 2000: 82–83].

Следует сказать, что сам по себе набор значений как родительного, так и дательного падежей в маньчжурском языке представляет собой весьма редкое явление.

Что касается родительного, то наряду с типичными для этого падежа значениями (*хафан* и *махала* 'шапка чиновника'; *кумун* и *н'алма* 'человек музыки, музыкант'; *эжэн* и *чира* 'лицо царя'; *гу* и *хунтаха* 'нефритовая чарка') [Аврорин 2000: 78–79] он может выражать «дополнение орудия» (см. примеры, приведенные выше; нередко аффикс родительного падежа в инструментальном значении служит средством адвербиализации, например: *саин* 'хороший, высокое качество, добро, хорошо' — *саин* и 'хорошо'; *элхэ* 'тихий, тишина, мир, тихо, спокойно' — *элхэ* и 'тихо, спокойно' [Аврорин 2000: 80]), «дополнение сопровождения» (*саин музилэн* и *туаха* 'посмотрел с добрым намерением'; *фажиран бэ дохо* и *саха* 'клади стену с известью'; *гуунэчукэ* и *туамби* 'смотрит с почтением'; *жуэ мулф'эн* и *сужэ* 'атлас с парами драконов (вышитыми)') [Аврорин 2000: 79], «дополнение отложительности» (*на* и *тучикэ жэка* 'из земли появившиеся вещи; то, что произросло на земле'; *ужуи ужу* 'главный из главных (из голов голова)'; *гэрэн сауса* и *сакда* 'старший из всех мудрецов'; *сунжа антаха* и *эмкэ* 'один из пяти гостей') [Аврорин 2000: 79]; кроме того, маньчжурский родительный падеж

довольно часто выражает один из главных членов причастного оборота, обозначающий реального субъекта действия, например: *ама* и *такурара н'алма* 'человек, посылаемый отцом (которого посылает отец)', *хан* и *араха хэсэ* 'указ, написанный ханом (который написал хан)' (...) [Аврорин 2000: 79].

Как пишет В. А. Аврорин, в маньчжурском языке «дательный падеж наиболее полифункционален» [Аврорин 2000: 81]. Он выражает «дополнение адресата», «дополнение направления», «дополнение местонахождения, обозначающее лицо или предмет, у которых статически пребывает нечто», «дополнение орудия», «дополнение сопровождения», «дополнение сравнения», «обстоятельство места, обозначающее пункт нахождения предмета или протекания действия и выражаемое преимущественно существительными вещами», «обстоятельство времени, обозначающее момент совершения действия», «обстоятельство причины»; кроме того, «в составе страдательного оборота формой дательного падежа обозначается логический субъект действия» [Аврорин 2000: 82–84].

Ссылаясь также на маньчжурскую грамматику И. И. Захарова, Л. М. Горелова отмечает в маньчжурском языке поразительную зависимость падежа от лица субъекта действия:

дательный падеж используется, когда говорится о чьих-то чужих действиях: *si yasa-de tuwa-ki* 'ты посмотри глазами'. (...) Однако когда речь идет о чьих-либо собственных действиях, тогда употребляется родительный падеж: *min-i yasa-i tuwa-ci* 'если посмотреть моими глазами; на мой взгляд' [Gorelova 2002: 185].

Поскольку и В. А. Аврорин, и Л. М. Горелова ссылаются на И. И. Захарова, имеет смысл привести соответствующие фрагменты оригинального текста позапрошлого века:

В старом маньчжур. языке имена, означающие орудие, средство, способ, причину, которыми производится действие, большей частью полагались с членом творительного падежа **дэ** и редко с членом родительного падежа **и**, **ни**. (...) В новом языке, наоборот, при орудных именах преобладает член родительного падежа **и** вследствие ли влияния китайской литературы, где слово **и** 'беру' употребляется для означения орудия и след. творительного падежа (...) [Захаров 1879: 132].

Следует уточнить, что И. И. Захаров считал, что маньчжурский «член» (аффикс) **-дэ** выражал два падежа — творительный и местный: «Оба эти падежа — как дательный, так и творительный, подобно тому, как в некоторых случаях латинского языка, выражаются одним членом падежа **дэ**» [Захаров 1879: 130].

(...) орудные эти имена полагаются с членом родительного падежа в том случае, когда говорится о действии не совершенном, а когда говорится о действии прошедшем, то с членом творительного падежа, напр.: **бэй галай гайсу** 'возьми своими руками', **бэй галадэ чжафахаби** 'схватил, поймал своими руками' [Захаров 1879: 132].

(...) орудные имена ставятся с членом творительного в том случае, когда говорится о действии другого лица, а о действии собственном с членом родительного падежа, напр.: **си ясадэ туваки** 'ты посмотри глазами', **мини ясай туваци** 'если посмотреть моими глазами; на мой взгляд'. Впрочем, определенных правил в этом случае нельзя постановлять, и в практике языка употребление того и другого оборота допускается безразлично [Захаров 1879: 132].

Интересна идея И. И. Захарова о возможном подражании в данном случае китайскому языку («...вследствие ли влияния

китайской литературы, где слово **и** ‘беру’ употребляется для означения орудия и след. творительного падежа...»). Китайское служебное слово 以 *yǐ* вводит инструментальное дополнение [Большой китайско-русский словарь 1984: 601–605, № 13442]. Не исключено, что инструментальное значение у родительного падежа появилось в письменном маньчжурском языке искусственным путем — маньчжурские переводчики с китайского воспользовались формальным сходством показателя маньчжурского родительного падежа *-и* с китайским служебным словом 以 *yǐ* (*и* в транскрипции Палладия (П. И. Кафарова)), имеющим инструментальное значение (наряду с некоторыми другими). Переводчиков не должно было остановить то, что китайское служебное слово 以 *yǐ* употребляется не в постпозиции, а в препозиции к главному слову. В этой связи имеет смысл привести в качестве примера маньчжурское постпозитивное служебное слово *ба*, которое представляет собой, на мой взгляд, перевод китайского препозитивного служебного слова 所 *suǒ*. В маньчжурском языке слово *ба* (< *буа < *буа) означает ‘место, местность, местопребывание, становище, стойбище, урочище, страна, область, ...’ [Захаров 1875: 459], при этом в маньчжурском под влиянием китайского появилось служебное слово *ба*, образующее вместе с причастием настоящего-будущего или (реже) прошедшего времени «аналитическую форму со значением обобщенного наименования действия, его объекта или результата» [Аврорин 2000: 197]. Ср., например: *тачирэ ба* ‘учение, выучивание, приобретение навыка; то, что надлежит выучить’, *тачиха ба* ‘всё, что выучено’ [Аврорин 2000: 61]. И. И. Захаров писал о маньчжурском служебном слове *ба*:

Слово это, поставленное непосредственно за причастием настоящим или прошедшим, означает ‘место’, ‘случай’, ‘обстоятельство’ и заменяет отглагольные, преимущественно отвлеченные существительные или русские относительные местоимения “всё, что”, “все, которые” [Захаров 1875: 459].

Очевидно, переводчики с китайского языка на маньчжурский взяли за образец некогда подвергшуюся грамматикализации и находящуюся в препозиции к глаголу китайскую силлабоморфему 所 *suǒ* ‘место’, которая употребляется, «когда хотят подчеркнуть, что данное действие распространяется на **все** объекты данного действия; ср. 他說的話 *tā shuō de huà* ‘слова, которые он говорит’

и 他所說的話 *tā suǒ shuō de huà* ‘всё, что он говорит’» [Большой китайско-русский словарь 1983: 733–735, № 3276]).

Интересно, что в ненецком языке «родительный падеж используется для выражения о р у д и й н о с т и» [Терещенко 1947: 80]. Таким образом, вопрос о появлении инструментального значения у маньчжурского родительного падежа остается открытым: китайское влияние не исключено, однако наличие аналогии в ненецком языке указывает на возможность возникновения такого значения в маньчжурском языке без внешнего воздействия.

Как пишет в своей диссертации Чжан Пайюй [Zhang 2013], в языке килен — весьма своеобразном исчезающем (менее 10 двуязычных носителей) тунгусо-маньчжурском идиоме в восточной части китайской провинции Хэйлунцзян — родительный падеж (показатель *-ji* после гласных, *-i* после согласных) также может иметь инструментальное значение. При этом в языке килен, в отличие от маньчжурского, имеется инструментальный падеж (аффикс *-dzi*); посессивность может быть выражена в килен не только при помощи родительного падежа, но и посессивными суффиксами. Таким образом, если в маньчжурском языке инструментальное значение передается родительным и дательным падежами, то в идиоме килен — родительным и инструментальным. Чжан Пайюй отмечает, что обычно генитивный инструменталис выражает «вредное значение» (“harmful” meaning). [Zhang 2013: 179].

Далее Чжан Пайюй пишет:

Различие между генитивным инструменталисом и инструменталисом заключается в следующем:

а. генитивный инструменталис может употребляться только в транзитивных клаузах; инструменталис может использоваться и в интранзитивных клаузах...;

⟨...⟩

в. генитивный инструменталис обычно употребляется в императивных клаузах...; у инструменталиса нет этой особенности [Zhang 2013: 182].

Итак, в языке килен употребление родительного и творительного падежей зависит от переходности/непереходности глагола, а также от его модальности.

4. Другие случаи корреляции падежа и глагольных категорий

В финском языке существует оригинальная зависимость падежа прямого дополнения от аспектуального значения, которое в глаголе никак не выражается: если действие законченное, то прямое дополнение оформляется родительным падежом, если же действие незаконченное, то прямое дополнение употребляется в форме партитива (на самом деле есть некоторые нюансы, но в целом картина такова).

Впрочем, ситуация в финском существенно отличается от того, что мы наблюдаем в якутском, долганском, тувинском и маньчжурском. В финском языке имя выражает двумя падежными формами то, что не находит отражения в глаголе (перфектив/имперфектив). Что касается якутского, долганского, тувинского и маньчжурского языков, то в них имя существительное дублирует выраженные в глаголе значения модальности и времени.

Приведу еще примеры необычной корреляции падежных форм имени с глагольными категориями.

Для нивхского языка характерна зависимость падежной формы от значения эвиденциальности. Е. А. Крейнович пишет:

Падеж субъекта неочевидного действия образуется одним из вариантов показателя *-қан ~ -ған ~ -ган ~ -хан* (С, А). Употребляется, когда о ком-либо говорят понаслышке, например: *Ту-т'улф Музгунхан мирн-ворох лауинывур итт* (Сн) 'Сказывают, что в эту зиму Музгун в наше селение в гости приедет'; *К'эвин итт'*, *Мыгунған к'эж-хувур итт'* (Ав) 'Кевин сказал, что Мыгун лису убил, сказал'. В амурском диалекте падеж субъекта неочевидного действия почти совершенно исчез [Крейнович 1979: 302]³.

Как известно, существует немало языков, в которых значение времени (или аспекта) определяет строй предложения — оно может строиться либо по номинативной, либо по эргативной модели. Иначе говоря, от значения времени зависит падежное оформление синтаксических актанта. А. Л. Мальчуков и Х. де Хооп, ссылаясь на Б. Комри и Р. Диксона, пишут, что в некоторых индоарийских

³ Е. А. Крейнович использует здесь следующие обозначения нивхских идиомов: С — сахалинский диалект, А — амурский диалект, Сн — говор селения Ныйво, Ав — говор селения Вайда.

языках, иранских, картвельских, а также майя «настоящее время/имперфектив коррелирует с аккузативной моделью, а прошедшее время/перфектив — с эргативной моделью» [Malchukov, de Hoop 2011: 37].

Итак, в некоторых языках представлена странная зависимость падежного оформления имени от таких категорий глагола как время, аспект, модальность, эвиденциальность, транзитивность. Общим для большей части рассмотренных здесь случаев является то, что определенные граммы глагола обуславливают употребление определенных граммем имени — так обстоит дело, например, в якутском, долганском, тувинском, маньчжурском языках. Таким образом, имя может не только управляться глаголом, но одновременно и согласовываться с ним.

Литература

- Аврорин 2000 — В. А. Аврорин. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000.
- Большой китайско-русский словарь 1983 — Большой китайско-русский словарь. Т. 2. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1983.
- Большой китайско-русский словарь 1984 — Большой китайско-русский словарь. Т. 4. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1984.
- Грамматика современного якутского литературного языка 1982 — Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982.
- Захаров 1875 — И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
- Захаров 1879 — И. Захаров. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879.
- Исхаков, Пальмбах 1961 — Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.
- Крейнович 1979 — Е. А. Крейнович. Нивхский язык // Языки Азии и Африки. Языки древней Передней Азии несемитские. Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки. III. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1979. С. 295–329.
- Терещенко 1947 — Н. М. Терещенко. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947.
- Убрятова 1972 — Е. И. Убрятова. Краткий грамматический очерк якутского языка // Якутско-русский словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. С. 569–605.
- Убрятова 1985 — Е. И. Убрятова. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985.

- Хертек 2008 — А. Б. Хертек. Значения локальных падежей в тувинском и хакасском языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2008.
- Gorelova 2002 — Liliya M. Gorelova. *Manchu Grammar*. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2002.
- Malchukov, de Hoop 2011 — Andrej L. Malchukov, Helen de Hoop. Tense, aspect, and mood based differential case marking // *Lingua*. Vol. 121. Issue 1. 2011. P. 35–47.
- Zhang 2013 — Zhang Paiyu. *The Kilen Language of Manchuria: Grammar of a Moribund Tungusic Language*. Ph.D. Thesis. University of Hong Kong, 2013.

Е. В. Перехвальская
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ СДВИГ В УДЭГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ (К ВОПРОСУ О СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМАХ)

В данной статье речь пойдет о явлении, которое нельзя назвать ни редким, ни уникальным с общетипологической точки зрения, но которое, однако, до настоящего времени не было зарегистрировано в тунгусо-маньчжурских языках. Речь идет о грамматикализовавшемся показателе ретроспективного сдвига, обладающем типичным для этой граммемы набором значений.

Я буду использовать термин «ретроспективный сдвиг» в соответствии с пониманием В. А. Плуногяна [Плуногян 2001, 2004, 2011] и Б. Комри [Comrie 1985]. В этих работах под ретроспективным сдвигом понимается грамматически выраженный сдвиг временной перспективы ситуации, которая изначально относилась к прошлому. Ретроспективный сдвиг не является временным показателем:

Если обычные показатели прошедшего времени просто соотносят некоторую ситуацию с моментом речи, т. е. привносят временной дейксис в дейктически неопределенную ситуацию (которую формально выражает “чистая” основа глагола), то показатели ретроспективного сдвига применяются, ... к ситуациям, временная соотнесенность которых *уже определена*. Их функция — не локализовать ситуацию на оси времени, а *изменить уже существующую локализацию* [Плуногян 2001].

В соответствии с описанием В. А. Плуногяна, типичными показателями ретроспективного сдвига являются формы «плюсquamперфекта». Он отмечает, что в большинстве языков, где есть похожая форма, она не является просто «перфектом, отнесенным в прошлое» или «предпрошедшим», а объединяет следующие значения:

а) ситуация имела место давно, часто — до начала ситуаций основной части повествования;

б) значение прекращенного прошлого (ситуация более не имеет места);

в) модальное значение ирреалиса (ситуация могла иметь место при определенных условиях);

г) значение аннулированного результата (ситуация не достигла результата или результат перестал иметь место).

Фактически, плюсквамперфект имеет тенденцию превращаться в особую категорию, которая обозначает не просто прошлое событие, а событие, отдаленность которого от момента речи тем или иным образом специально усилена — так сказать, некоторое “сверх-прошлое” [Плунгян 2001].

Формально выраженный ретроспективный сдвиг встречается в самых различных языках мира, не связанных ни генетически, ни ареально. При этом сами показатели ретроспективного сдвига (показатели плюсквамперфекта) могут представлять собой вспомогательные глаголы, связки, частицы, аффиксы.

Ранее в удэгейском языке показатель ретроспективного сдвига как таковой не выделялся; не находили его и в других тунгусо-маньчжурских языках, хотя, возможно, специально не искали. При этом в удэгейском языке, по-видимому, можно выделить два типа форм со сходным значением. С одной стороны, это собственно плюсквамперфектные формы, указывающие на временную дистанцию. С другой стороны, это формы ретроспективного сдвига, имеющие значение утраты ситуацией актуальности, для которых характерны, в первую очередь, значения прекращенного прошлого и аннулированного результата. Наличие двух параллельных форм, каждая из которых выражает только часть спектра значений, характерных для «типичного» плюсквамперфекта, представляется достаточно редким.

Сложные глагольные формы в удэгейском и других тунгусо-маньчжурских языках

Первые исследователи удэгейского языка не выделяли в глагольной системе сложные аналитические формы, образованные причастиями или конвербами в сочетании со вспомогательным глаголом *bi-* ‘быть’. В то же время такие формы пусть не очень часто, но встречаются в текстах. Рассмотрим эту ситуацию подробнее.

Можно ли говорить о существовании в удэгейском и других тунгусо-маньчжурских языках «сложных» аналитических видо-временных форм, аналогичных формам большинства европейских языков?

В грамматическом очерке в «Кратком удэйско-русском словаре» Е. Р. Шнейдера в качестве «сложных» форм такого рода зафиксированы лишь «условно-сослагательные формы» (протасис ирреальных условных предложений) [Шнейдер 1936: 132–133]. Они представляют собой неизменяемые по лицам и числам сложные причастия, где смысловой глагол принимает форму активного причастия — имперфективного, перфективного или футурального (без личных показателей), — а вспомогательный глагол *bi-* представлен неизменяемой формой конверба *bisi*: *ətətai bisi* ‘если бы (я, ты, он и т. д.) работал сейчас’; *ətətəhə bisi* ‘если бы (я, ты, он и т. д.) работал раньше’; *ətətəzəŋə bisi* ‘если бы (я, ты, он и т. д.) работал в будущем’. Такие формы могут образовываться и от глагола *bi-* в его лексическом значении ‘быть, жить, находиться’: *bihə bisi* ‘если бы я, ты, он был/находился’; *bisi bisi* ‘если бы я, ты, он был/находился в прошлом’; *bizəŋə bisi* ‘если бы я был/находился в будущем’ [Шнейдер 1936: 125]. Другие исследователи удэгейского языка, И. В. Кормушин [Кормушин 1998] и М. Д. Симонов [Симонов 1988], сосредоточились в первую очередь на анализе фонетики и фонологии, лексикографических материалах и публикации текстов. Особой трактовки аналитических глагольных форм в их работах не было предложено.

Впервые сложные глагольные формы, образованные нефинитными формами (причастиями, конвербами, герундием) в сочетании со вспомогательными глаголами (бытийным глаголом *bi-*, глаголами *oo-* ‘делать’ и *b'a-* ‘находить’) были рассмотрены в «Грамматике удэгейского языка» И. Николаевой и М. Тольской [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 215–221]. Помимо выделенных Е. Р. Шнейдером форм, они указали на существование в удэгейском языке еще более двух десятков глагольных форм, не привлекавших внимание ранее. Сведем аналитические формы, представленные в грамматике И. Николаевой и М. Тольской, в таблицу:

Таблица 1. Аналитические глагольные формы удэгейского языка (по «Грамматике удэгейского языка» И. Николаевой и М. Тольской)

Термин	Форма смыслового глагола (в терминологии «Грамматики...»)	Форма глагола-связки	Конструкция
Pluperfect (General Aspect)	Past Participle (+/- Pers) (suff. -hA)	1) <i>bisiNI</i> 2) <i>bis'ə+NI</i> ¹ 3) <i>bis'ə</i> ²	1) PP impersonal + <i>bi-</i> (Past inflected); 2) PP impersonal + <i>bi-</i> (Perfect inflected); 3) PP personal + <i>bi-</i> (Perfect non-inflected)
Habitual Present	Present Participle impersonal ³ (suff. -i)	1) \emptyset 2) <i>biə</i>	PrP impersonal + <i>biə</i> (Present Impersonal)
Habitual Past	Present Participle impersonal (suff. -i); редко: Present Participle personal	1) <i>bisiNI</i> 2) <i>bis'ə</i>	1) PrP + <i>bi-</i> (Past) 2) PrP + <i>bi-</i> (Perfect)
Habitual Future	Present Participle impersonal (suff. -i)	<i>bizəjə-</i>	PrP + <i>bi-</i> (Future)
Present Progressive	Infinitive ⁴ (suff. -mi)	1) \emptyset 2) <i>biNI</i>	1) Inf. + \emptyset 2) Inf. + <i>bini</i>

¹ В случае если связочный глагол принимает личные суффиксы, в таблице указан суффикс 3 л. ед. ч. заглавными литерами (*NI*). В перфекте в 3 л. ед. ч. маркируется нулем.

² Традиционно в удэгейской орфографии знаком апострофа перед гласной маркируется «скрипучая» фонация (creaky voice), которая в разных диалектах реализуется по-разному, подробнее см. в [Перехвальская 2010].

³ По терминологии, принятой в «Грамматике удэгейского языка», безличными (Impersonal) названы нефинитные формы глагола (причастия или конвербы), не имеющие при себе личных показателей; соответственно «личными» (Personal) являются те же формы с показателями лица/числа.

⁴ Традиционно данные формы назывались деепричастиями на *-mi /-məi* [Шнейдер 1936: 121], [Кормушин 1998: 97]. Учитывая особенности упот-

Ретроспективный сдвиг в удэгейском языке

		3) <i>biə</i>	(Present) 3) Inf. + <i>biə</i> (Present Impersonal)
Past Progressive	Infinitive	1) <i>bisiNI</i> 2) <i>bis'ə</i>	1) Inf. + <i>bi-</i> (Past) 2) Inf. + <i>bi-</i> (Perfect)
Future Progressive	Infinitive	<i>bizəŋə</i>	Inf. + <i>bi-</i> (Future)
Necessitative active participle	1) Future Participle (suff. <i>-зАηА</i>) personal or impersonal 2) Future Passive Participle impersonal (suff. <i>-u-зАηА</i>)	1) <i>bisiNI</i> 2) <i>bis'ə</i>	1) FP impersonal + <i>bi-</i> (Past) <i>wakca-зəŋə bi-si-u</i> 'мы, которые должны были охотиться' 2) FP impersonal + <i>bi-</i> (Perfect); 3) FP personal + <i>bi-</i> (Perfect personal) 4) FP Passive impersonal + <i>bi-</i> (Past)
Passive Necessitative Participle	Future Passive Participle personal (suff. <i>-u-зАηА</i>)	<i>bisiNI</i>	FP Passive + <i>bi-</i> (Past personal) <i>wakca-u-зəŋə bi-si-ni</i> 'то, на что нужно было охотиться'
Pluperfect active participle	Active Past Participle personal (suff. <i>-hA-</i>)	<i>bisiNI</i>	PP personal + <i>bi-</i> (Past personal) <i>wa-ha-ni bi-si-ni</i> 'убивший'

Точное число форм, выделяемых в «Грамматике удэгейского языка», указать трудно, поскольку в их образовании наблюдается значительная вариативность. Причастия могут выступать как с

ребления этих форм, обозначающих как сопутствующее действие, так и имя действия, я называю их *герундием*. В современном удэгейском языке формы множественного числа на *-тəi* практически вышли из употребления.

личными показателями, так и без них; то же самое касается и глагола *bi-*, который может появляться в различных формах (презенте, претерите или перфекте, а иногда и в футуруме) в личной спрягаемой или в безличной форме. Очевидно, что если все указанные формы реально являются полностью грамматикализованными, перед нами система, пожалуй, более сложная, чем, например, система испанского глагола. Впрочем, семантическое различие между многими представленными в «Грамматике...» формами окончательно не выяснено⁵.

Сложные глагольные формы в тунгусо-маньчжурских языках

К вопросу о статусе указанных форм в удэгейском языке мы еще вернемся. А сейчас рассмотрим, как сходные формы, если они есть, интерпретируются исследователями других тунгусо-маньчжурских языков.

Аналитические формы в системе глагола⁶ выделялись в языках «северной» группы, в первую очередь, в эвенкийском языке: [Василевич 1940: 189–192], [Константинова 1964: 149–150], [Nedjalkov 1997: 235], [Bulatova, Grenoble 1999: 35–37], [Цинциус 1982: 24].

В целом исследователи эвенкийского языка достаточно единодушно выделяют две группы аналитических глагольных форм, образованных сочетанием причастий с бытийным глаголом. Это, во-первых, формы с хабитуальным («обычным» в прежней терминологии) причастием на *-vki* (*-pki*), а во-вторых, формы с перфектным причастием с суффиксом *-chA*. Каждое из указанных причастий может выступать с формами вспомогательного глагола — прошедшего, будущего и настоящего времени, хотя в настоящем времени вспомогательный глагол может опускаться.

⁵ В «Грамматике удэгейского языка» во многих случаях приводятся только формы без фразовых примеров.

⁶ В данном случае я буду иметь в виду систему глагольных форм, как финитных, так и нефинитных, поскольку для тунгусо-маньчжурских языков проблема финитности может решаться по-разному (подробное обсуждение см. в: [Калинина 2001]).

Таблица 2: Аналитические глагольные формы эвенкийского языка (по данным [I. Nedjalkov 1997]; [Bulatova, Grenoble 1999])

	Настоящее	Прошедшее	Будущее
Хабитуалис	<i>-βki: bi-si-</i>	<i>-βki: bi-čə:-</i>	<i>-βki: bi-žəŋə:</i>
Перфект	<i>-čA bi-si-</i>	<i>-čA bi-čə:-</i>	<i>-čA bi-žəŋə:</i>

Формы хабитуалиса имеют значение вневременного или потенциального действия: *Nuŋan taŋi-vki bi-si-n* ‘он(а) (обычно) читает’, ‘он(а) может читать’.

Перфект и плюсквамперфект образуются с помощью суффикса перфектного причастия (Past Indefinite) *-chA*. Этот суффикс, судя по описанию И. Недеялкова, придает глаголу значение ситуации с утраченной актуальностью, ситуации, произошедшей давно, или ситуации, свидетелем которой говорящий не был. Однако есть и другие случаи употребления, когда этот суффикс указывает на ситуации, результат которых, напротив, важен для говорящего [Nedjalkov 1997: 239]. Это очень интересное наблюдение. Из описания следует, что носителем значений заглазной эвиденциальности, прекращенного прошлого и удаленности во времени является не аналитическая форма глагола, а причастие само по себе. Собственно, причастия в тунгусо-маньчжурских языках способны выступать и выступают в функции финитных глаголов (подробно о языках такого типа см.: [Калинина 2001]) и на шкале финитности, предложенной Т. Гивоном [Givón 1990], оказываются ближе к полюсу финитности, чем причастия большинства европейских языков.

Как мы видели, причастие на *-vki* также несет значение хабитуальности само по себе. Вспомогательный глагол указывает лишь на временную соотнесенность ситуации (а также на лицо и число субъекта). Остальные грамматические значения (аспектуальность, модальность, эвиденциальность, таксис) выражены исключительно формой причастия.

Если сопоставить эвенкийские аналитические формы с рассмотренной выше удэгейской формой нереального условия, описанной Е. Р. Шнейдером, мы убедимся, что во втором случае указанное грамматическое значение имеет вся форма в целом, а не одна из составляющих её частей: ни активное причастие, ни безличная форма прошедшего времени глагола *bi-* указанного значения не имеют. То же самое можно сказать и о большинстве аналитических

форм глагола в европейских языках. В эвенкийском же языке ситуация с «аналитическими конструкциями» совершенно иная.

Из сказанного следует сделать важный вывод: конструкции «причастие + вспомогательный глагол» в эвенкийском языке не являются собственно видо-временными формами глагола и не принадлежат глагольной парадигме в узком смысле этого слова.

По-видимому, это хорошо понимали исследователи эвенкийского языка, которые не выделяли особых аналитических «времен», однако писали о сочетании причастий с глаголом-связкой как о «сложном именном сказуемом». По их мнению, таким образом, эти формы входят в класс сказуемых, образованных глаголом-связкой с существительным, прилагательным, числительным. Связочный глагол указывал только на временную соотнесенность и лицо/число субъекта. В форме настоящего времени 3 л. ед. ч. связка могла опускаться, поскольку одновременность действия, о котором говорится, моменту речи является дефолтной.

Вот что пишет О. А. Константинова:

Одиночное (без вспомогательного глагола) причастие, выступающее в функции предиката, может относиться только к третьему лицу. <...> Если же причастие-сказуемое относится к субъекту действия — первому или второму лицу, то оно всегда сочетается с личными формами вспомогательного глагола различных наклонений. <...> Причастие, относящееся к третьему лицу и употребляемое предикативно, также может сочетаться с глаголом-связкой. <...> В сочетании со вспомогательным глаголом причастие служит именным членом составного сказуемого и изменяется только в числе: глагол-связка в таком сказуемом в качестве служебного слова выражает грамматические значения наклонения, времени, лица и числа. Обычно в сочетании с вспомогательным глаголом выступают причастия: законченное (аффикс *-ча*), возможное (аффикс *-дяча*), обычное (аффикс *-лкий*), долженствовательное (аффикс *-мачин*), ближайшее (аффикс *-лтак*) [Константинова 1964: 149–150].

Автор не останавливается специально на значении данных форм, а лишь приводит отдельные фразовые примеры. Неясна и статистика встречаемости данных форм в текстах разных типов. Однако понятно, что носителем аспектуального или модального значения является причастие. По представленному описанию трудно сделать вывод о степени грамматикализации данных форм. У О. А. Константиновой речь идёт о пяти причастиях, каждое из

которых может быть употреблено с различными формами бытийного глагола. Автор не указывает, с какими именно видо-временными формами глагола-связки могут выступать данные причастия, однако приводимые примеры свидетельствуют о весьма широком диапазоне видо-временных форм, в которых способен выступать связочный глагол. Следовательно, можно говорить даже не о 15-ти (пять причастий с тремя «формами» связки), а о значительно большем числе конструкций.

Г. М. Василевич указывает на то, что в эвенкийском языке глагол 'быть' как вспомогательный имеет «все именные глагольные формы⁷ и все наклонения обычного глагола». Как следует из дальнейшего изложения, эти формы свойственны глаголу только «в самостоятельном значении», т. е. в значении 'жить', 'находиться', 'иметься' [Василевич 1940: 101]. Глагол-связка же таких форм не имеет, в противоположность тому, что отмечает О. К. Константинова (см. выше). При этом основной функцией связочного глагола оказывается способность «передавать все синтаксические отношения при именном сказуемом, т. е. указывать время и лицо» [Василевич 1940: 101].

Таким образом, не выделяя в системе глагола сложные аналитические формы, Г. М. Василевич исходит из того, что причастные формы представляют собой именную часть составного сказуемого, по аналогии со словами иных классов. Следовательно, с точки зрения Г. М. Василевич, сочетания причастных форм со связкой не являются частью глагольной парадигмы.

В то же время в грамматических таблицах на стр. 189–192 её книги приводятся некоторые аналитические формы. По-видимому, их Глафира Макарьевна считала в достаточной степени грамматикализовавшимися.

Перед нами следующие формы (в терминологии Г. М. Василевич): настоящее, прошедшее и будущее уже совершенное: *эмчэ бисин* (*бичэн, биденген*) и настоящее, прошедшее и будущее обычное: *эмэвки бисин* (*бичэн, биденген*). Это те же самые формы, которые приведены у И. Недялкова и в описании Н. Я. Булатовой и Л. Гренобль

⁷ Под «именными глагольными формами» Г. М. Василевич понимает такие формы глагола, которые традиционно чаще называются причастиями [Василевич 1940: 62].

(см. выше Таблицу 2). В случае настоящего обычного в 3 лице ед. и мн. числа, как указывает Г. М. Василевич, связка может быть опущена.

Сложными также являются, по терминологии Г. М. Василевич, «сложные сослагательные формы» (*эмэчэ бимчэн*), а также формы долженствовательного наклонения, наклонения возможности действия, предположительного наклонения и наклонения фиктивности. Здесь синтетическими оказываются только формы аориста, которые, по Василевич, имеются лишь в наклонении возможности действия и предположительном наклонении (см. [Василевич 1940: 108]). Остальные формы оказываются аналитическими, представляющими собой сочетания глагола-связки с различными причастиями и деепричастиями. Всего, судя по таблице, представленной в работе Г. М. Василевич, насчитывается 48 форм, каждая из которых изменяется по лицам и числам.

Не вдаваясь в вопрос о степени грамматикализации каждой из представленных 48 форм, отметим, что все они не относятся к индикативу. В индикативе отмечены только две граммемы, имеющие сложный аналитический экспонент: граммемы перфекта и хабицуалиса (см. Таблицу 2). Возможно, они грамматикализовались в достаточной степени и могут считаться частью глагольной парадигмы. Что же касается 48 форм, представленных сочетаниями причастий или конвербов со связкой, то степень их грамматикализации представляется невысокой.

Сложные глагольные формы для диалектов нанайского языка традиционно в глагольной парадигме не отмечались [Аврорин 1959–1961], [Суник 1958]. Однако в грамматике Валентина Александровича Аврорина указывается на наличие аналитических форм прошедшего времени у причастий [Аврорин 1961: 75]. Вот что он пишет по поводу этих форм:

В их состав входят: причастие, несущее на себе основное значение, и вспомогательное причастие *бичин* ‘быть, находиться, являться, жить’ в форме прошедшего времени. Основное же причастие может быть в форме либо настояще-будущего, либо прошедшего времени⁸. Форму настояще-будущего времени оно получает, как правило, тогда, когда действие мыслится в прошедшем времени незакончившимся ⟨...⟩ Форму прошедшего времени основное причастие

⁸ Как указывает В. А. Аврорин, «нанайским причастиям совершенно чужда категория будущего времени» [Аврорин 1961: 77].

получает, как правило, в тех случаях, когда прошедшее действие мыслится закончившимся к тому моменту, о котором идет речь. ⟨...⟩ Мы видим, что оно (знаменательное причастие. — *Е. П.*) ⟨...⟩ различает его (действия. — *Е. П.*) характер, изображая это действие либо как законченное, либо как незаконченное, то есть дает скорее видовую, чем временную его характеристику [Аврурин 1961: 75].

То есть в нанайском языке мы имеем дело лишь с двумя возможными формами.

Таким образом, сам набор возможных аналитических форм (независимо от степени их грамматикализованности) в нанайском языке значительно меньше, чем в эвенкийском. Это еще одно яркое различие между «северной» и «южной» группами тунгусо-маньчжурских языков⁹.

В ы в о д : Во всех тунгусо-маньчжурских языках существуют конструкции, представляющие собой сочетание нефинитных форм глагола с глаголом-связкой. Такие конструкции более типичны для языков «северной» группы. Лишь небольшая часть их может считаться грамматикализованной, в типичном случае они представляют собой сложные сказуемые, где именная или наречная часть выражена нефинитной формой глагола (причастием, конвербом или герундием), т. е. являются частным случаем сложных сказуемых.

Аналитические конструкции в удэгейском языке

В парадигме удэгейского глагола, по-видимому, слились исконно финитные формы¹⁰ и причастия, получившие личные окончания и выступающие в роли сказуемого. В презенсе глагольная парадигма оказывается смешанной: формы 3 л. ед. и мн. числа представляют собой причастия, а формы лиц-локуторов — этимологически финитные формы. Причастное происхождение имеют формы претерита, но не перфекта.

⁹ Возможно, вопрос о наличии в нанайском языке сложных глагольных форм будет пересмотрен в свете последних исследований, осуществленных С. А. Оскольской [Оскольская, в печати]. Интерес представляет также бывшая ранее неизвестной мне ранее работа [Ким Чер Лен 1966].

¹⁰ Многие финитные формы в конечном счете также восходят к причастиям, в данном случае речь идет о сравнительно недавних процессах.

Чтобы решить вопрос относительно природы предполагаемых аналитических глагольных форм (см. Таблицу 1), пришлось обратиться к сплошной выборке из сравнительно небольшого корпуса текстов (ок. 35 тыс. слов; 177 тыс. знаков), откуда были выписаны все аналитические конструкции, образованные нефинитными формами смыслового глагола в сочетании с глаголом *bi-* ‘быть’.

Основу выборки составили тексты 1930-х гг., опубликованные Е. Р. Шнейдером; Букварь «Minti Oḡoḡi» («Наша грамота») 1932 г.; тексты из архива Е. Н. Баскаковой, записанные на Самарге в 1936 г.; а также восемь текстов, опубликованных И. В. Кормушиным; семь текстов из сборника удэгейского фольклора, подготовленного М. Д. Симоновым, и четыре главы автобиографической повести А. А. Канчуга.

Подсчитывались все формы, где активные причастия (имперфективное или перфективное), а также герундий (суфф. *-mi*) составляли бы единое сказуемое с глаголом *bi-* ‘быть’. Отдельно подсчитывались употребления указанных нефинитных форм с *bi-* в форме перфекта, претерита и презенса. При этом не учитывался тот факт, оформлены ли данные причастия личными показателями. Почти во всех случаях имперфективное активное причастие не имеет при себе личных показателей, а перфективное причастие — напротив, как правило, оформлено личным показателем и, таким образом, синонимично форме претерита (причастие в финитном употреблении).

Результаты подсчетов приведены в следующей таблице:

Таблица 3. Количество употреблений аналитических форм глагола в выборке

	+ <i>bi-</i> в форме перфекта (<i>bis'ə</i>) без личных показателей	+ <i>bi-</i> в форме претерита (<i>bisi-</i>) с личным показателем	+ <i>bi-</i> в форме презенса (<i>bi(h)i</i>) с личным показателем
имперфективное активное причастие	25	3	-
перфективное активное причастие	21	19	6
герундий	2	19	7

Зарегистрированы также сочетания данных и иных нефинитных форм глагола (пассивных причастий, активного футурального причастия) со связкой в указанных и других формах (в безличной форме *biə*, в форме будущего *biʒəŋə-*, еще реже — в форме герундия *bimi/bimia*). Многие такие конструкции встречаются в корпусе по одному-два раза.

Как мы видим, частотность различных сочетаний нефинитных форм с формами глагола *bi-* неодинакова. И хотя ни одна из этих конструкций не может считаться полностью грамматикализованной, некоторые из них, по-видимому, находились в процессе грамматикализации. Наиболее частотными оказались следующие конструкции:

- активное причастие (перфективное или имперфективное) + *bis'ə* (перфект от *bi-*);
- герундий + *bisi-NI* (претерит от *bi-*);
- активное перфективное причастие + *bisi-NI* (претерит от *bi-*).

Остальные конструкции неграмматикализованы или грамматикализованы в очень слабой степени. В последнем случае речь идет об обычных сложных сказуемых, построенных по схеме «имя + связка», где именную часть может занимать существительное, прилагательное, числительное, а также нефинитные формы глагола, выполняющие именные или адъективные функции — герундия и причастия.

В некоторых из них (см. (4)) глагол *bi-* можно проинтерпретировать не как связочный, а как полнозначный ‘жить, быть, находиться’, ср. следующие примеры:

- (1) *Omo zugdi-wə b'a-ha-ni, wokto-zi*
 один дом-ACC найти-PST-3SG трава-INS
oo-so bi-si-ni.
 делать-PP.PASS быть-PST-3SG
 ‘Он дом нашел, тот был сделан из травы’. [Baskakova V.5]
- (2) *Uti zu nī sahiʒi*
 этот два человек до.бессознания
sokto-ho-ti bi-si-ti.
 пьянеть-PP-3PL быть-PST-3PL
 ‘Эти двое были пьяными (до) бесчувствия’. [Anuj 5]

Далеко не любое сочетание какой-либо нефинитной глагольной формы со связкой следует рассматривать как конструкцию, ср. примеры (3) и (4), где внешне сходные сочетания связки с герундием представляют собой: а) конструкцию со значением прогрессива — пример (3), и б) сочетание глагола *bi-* ‘быть, жить’ с герундием, обозначающим сопутствующее действие: «жила, поедая» — пример (4):

(3) *Uti tam'asa dalau-si-m bi-si-ni.*
 этот старуха кормить.IM-GER быть-PST-3SG
 ‘Та старуха как раз кормила <кабанов>’. [Anuj 15]

(4) *Zolo xəgiə-di-ni l'asa-wa*
 камень низ-DAT-3SG бычок-ACC
diga-mi bi-si-ni.
 есть-GER быть-PST-3SG
 ‘И жила, питаюсь бычками из-под камней’. [NV 1]

Сомнение вызывают также конструкции, образованные причастиями, присоединившими личные показатели, и связкой, которая также имеет при себе личные показатели, например: *ɲənə-ktə-ə-ti bi-i-ni* ‘поразбредлись’ (уходить-DIST-PST-3PL быть-PR-3SG) (Kormushin 1); *zuza-i-ti bi-si-ni* ‘судили’ (судить-PRP-3PL быть-PST-3SG) (Anuj 7); *Bi imətu-hə-mi bis'ə-i* ‘Я отстал’ (1SG отстать-PP-1SG быть.PRF-1SG) (Anuj 11).

В качестве дополнительных доказательств неграмматикализованности (или неполной грамматикализованности) рассматриваемых конструкций можно привести следующие соображения:

Во-первых, при маркировании глагольной формы фокализатором =*dA*, последний присоединяется к смысловому глаголу (в форме герундия), но никогда к конструкции в целом:

(5) *Malu-tigi ətəŋi-hə-ni omo jəgdig'ə*
 малы-DIR взглянуть-PST-3SG один парень
ɲua-miə=də bi-si-ni.
 спать-GER=FOC быть-PST-3SG
 ‘Посмотрела на малы¹¹ — какой-то парень спит’. [Baskakova V.11]

¹¹ *Malu (mali)* — спальное место в традиционном удэгейском жилище.

Зарегистрирован случай, когда фокусируются обе составляющие конструкцию (возможно, здесь *bi-* выступает в своем лексическом значении):

- (6) *Omo baliə bagdi-hə-ni bagdi-miə=də*
 один девушка жить-PST-3SG жить-GER=FOC
bi-hi-ni=gdə=də.
 быть-PR-3SG=FOC=FOC
 ‘Одна девушка жила, жила-была’. [Baskakova V.6]

Это говорит о том, что перед нами не глагольная форма, подобная английскому *he was sleeping*, а значительно более свободное сочетание герундия со связкой.

Во-вторых, в записях Е. Н. Баскаковой, которые были сделаны непосредственно во время порождения текста рассказчиком, изредка встречаются формы с инверсией связки и нефинитной глагольной формы:

- (7) *Omo baliə bi-si-ni səə-wə*
 один красавица быть-PST-3SG петля-ACC
woo-miə=də.
 делать-GER-FOC
 ‘(В дом вошли:) одна девушка сидит, петли делает’. [Baskakova III.14]

Подобная инверсия элементов, пусть даже в разговорной речи, вряд ли возможна для полностью грамматикализованной формы.

Следует заметить, однако, что многие конструкции, которые в корпусе встретились один-два раза, выражают вполне определенное грамматическое значение, ср. пример на действие, законченное к моменту в будущем, составленный из «имперсонального» футурального причастия и перфектива связки с личным показателем 1 л. ед. ч.:

- (8) *bi anana ɲəŋə-zəŋə bis'ə-i*
 1SG давно идти-FP быть.PRF-1SG
 ‘Я бы уже давно ушел’. [Anuj 20]

Данная форма V-FP + *bi*.PRF-PERS встретилась в корпусе один раз, но нельзя не признать, что эта и подобные конструкции выражают вполне ожидаемые грамматические значения.

Представляется, что значение сложных глагольных конструкций выводится из значения составляющих их элементов:

причастие имперфективное — действие длительное или обычное;

причастие перфективное — действие, завершившееся к моменту речи;

герундий — действие, продолжающееся непосредственно в момент речи (прогрессив);

связка в форме перфекта — действие завершилось, но сохраняет актуальность в момент речи;

связка в форме претерита — отнесение действия к прошлому;

связка в презенсе — «интенсификатор» (действие действительно имеет место);

безличная связка — обычное действие (хабитуалис).

Это объясняет появление «сверхсложных» форм, ср., например:

- (9) *Uz'a ɲəɲə-hə-ni utauxi əni-ni buk-ki-ni*
Уза идти-PST-3SG туда мать-3SG умирать-PP-3SG
bi-miə bi-si-ni.
быть-GER быть-PST-3SG
'Уза пошел туда, где его мать умерла (там прямо и умерла)'.
[Baskakova II.03]

В (9) конструкция V-PP-PERS + COP-GER + COP-PST-PERS обозначает, по-видимому, действие, которое уже закончилось к референтному моменту в рассказе. Из контекста известно, что закончилось оно недавно и не утратило актуальности на момент, о котором рассказывается.

Ср. также пример очень похожей конструкции, где смысловой глагол представляет собой перфективное пассивное причастие *ooso* 'сделанный':

- (10) *Baixi ɲəɲə-ixi-ni, jat'au oo-so*
наружу идти-PC.DS-3SG родильн.шалаш делать-PP.PASS
bi-miə bi-si-ni.
быть-GER быть-PST-3SG
'Она наружу вышла — родильный шалаш уже сделан (делается?)'
[Baskakova II.01]

В (10) действие, возможно, происходит на глазах героини сказки: родильный шалаш делался («was being built»), с другой стороны, контекст подсказывает скорее значение «действие, законченное к моменту в прошлом» («had been built»).

Ср. также:

- (11) *Bi tam'asa-i ətə-gi-hə bi-mi bi-hi-ni.*
 1SG жена-1SG прийти-REV-PP быть-GER быть-PR-3SG
 ‘Моя жена вот-вот вернется!’ [Baskakova II.01]

Такого рода конструкции могут порождаться говорящим и пониматься слушающим только в случае, если они способны моделировать сумму значений составляющих их элементов.

Плюсквамперфект и показатель ретроспективного сдвига

Остановимся подробнее на конструкции: «причастие + *bi-* в форме перфекта¹² (*bis'ə*)». Как и другие «аналитические формы», она статистически чаще встречается в старых текстах. Конструкции «нефинитная форма + *bis'ə*» выражают целый ряд значений, характерных для форм с ретроспективным сдвигом, о которых говорилось в начале статьи.

Ср. следующие примеры:

- (12) *Bu sagdinta-u-ka anana, anana*
 1PL.EXCL старики-2PL-FOC давно давно
bi-si-mə-ti tu təluŋu-si-i bis'ə.
 быть-PP-ACC-3PL так рассказывать-IM-PRP быть.PRF
 ‘Наши старики-то о [людях] давно-давно живших так, бывало, рассказывали’.
 [Anuj 2]

- (13) *...anana ami-ŋa-hi əbədə kəptə-i bis'ə.*
 давно отец-DEAD-2SG так лечь-PRP быть.PRF
 ‘Раньше отец твой покойный вот так, бывало, ложился’.
 [Kormushin 1]

- (14) *Sit'a-mi, bi anana o-ho-mi bis'ə.*
 ребенок-1SG 1SG давно делать-PP-1SG быть.PRF
 ‘Сын, я ее давно уже сшила’.
 [Anuj 16]

¹² Эта форма совпадает с безличной формой прошедшего времени *bis'ə*.

- (15) *Jaandasa agdu-la-ni ihij-ka-i, sul'ai*
барсук берлога-LOC-3SG прийти-PRF-1SG лиса
sitə-ni ŋūgi-ktə-hə-ni bis'ə.
ребенок-3SG вылезать-DIST-PP-3SG быть.PRF
'Я подошел к барсучьей норе, из нее вылезли («были вылезши») лисята'. [Anuj 13]

Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что формы с имперфективным причастием указывают на значение отдаленного прошлого: ситуация имела место в течение некоторого времени, была обычной, но затем прекратилась — также достаточно давно (примеры (12) и (13)). Формы с перфективным причастием имеют скорее перфектное значение (перфект по отношению к прошлому). В примерах (14) и (15) оно очевидно: время события предшествует времени наблюдения, но его результат продолжает быть актуальным в момент наблюдения.

Заметим, что конструкции со связкой в форме *bis'ə* (перфект 3 л. ед. ч.) с перфективным причастием выражают перфективное значение, которое является ожидаемым и выводится из грамматического значения составляющих элементов. В конструкции же с имперфективным причастием реализуется новый спектр грамматических значений, из значений компонентов конструкции не вытекающий.

Таким образом, в удэгейском языке (по крайней мере, в северной группе диалектов) имелись две близкие по значению формы, обе из которых входят в область типологически ожидаемых значений плюсквамперфекта, но в то же время делят эту область.

Конструкции с имперфективным причастием и глаголом-связкой в форме перфекта (*bis'ə-*) (V-PRP + *bis'ə*) имеют следующий набор значений:

- а) перфект в прошлом;
- б) прекращенное прошлое;
- в) удалённое прошлое (мифическое время),
то есть типичный набор значений для «ретроспективного сдвига»¹³.

Во всех случаях в качестве показателя ретроспективного сдвига выступает связка в форме перфекта. В редких случаях *bis'ə*

¹³ Значение ирреалиса для таких форм не зарегистрировано.

изменяется по лицам. Зарегистрированы лишь несколько случаев его употребления с личными показателями, в большинстве же примеров *bis'ə* выступает как безличная форма.

Есть основания считать, что — по крайней мере в северных диалектах — *bis'ə* подвергалось постепенной «морфологизации», превращаясь в клитику и, таким образом, утрачивая связь с парадигмой бытийного глагола. Этот процесс был зафиксирован в речи некоторых информантов, носителей анойского диалекта, работавших с Е. Р. Шнейдером. Ср. следующие примеры:

- (16) *Bu sagdinta-u-ka Sul'aiñziga-wa tu*
 1PL.EXCL старики-1PL.EXCL-FOC Суляндзига-ACC так
digana-i=sə.
 говорить-PRP=RETR
 'Наши старики-то про Суляндзига, бывало, так говорили'.
 [Анцј 4]

- (17) *Dəukciŋkə, Sul'aiñziga za-masi-i=sə.*
 Дзукчинка Суляндзига быть.родней-REC-PRP=RETR
 'Дзукчинка и Суляндзига когда-то были друг другу кровными
 родственниками'.
 [Анцј 4]

Высказывания (16) и (17) принадлежат одному и тому же информанту. В его речи *bis'ə* полностью превратилась в клитику, и в примерах глоссируется поэтому как показатель ретроспективного сдвига. Этот процесс не был завершен, поскольку для более поздних текстов аналитические формы вообще менее характерны. О том, что данный показатель еще не является клиткой, говорит тот факт, что он не был подвержен сингармонизму гласных и, следовательно, не составлял с причастием единого фонетического слова. Можно только предполагать, что показатель ретроспективного сдвига в удэгейском имел все шансы со временем превратиться в полноценную клитику.

Вывод

В целом аналитические конструкции в удэгейском языке приходится считать неграмматикализованными. Большинство из них представляют собой частный случай сложного предиката, составленного по модели «имя + связка».

Четыре конструкции, по-видимому, находились в процессе грамматикализации. В наибольшей степени грамматикализированными оказываются конструкции с ретроспективным сдвигом, роль которого выполняет связка в форме перфекта, чаще всего лишенная личных показателей — *bis'ə*. Формы с ретроспективным сдвигом передают типологически ожидаемые значения. Есть основания предполагать, что в хорско-анюйском диалекте показатель ретроспективного сдвига *bis'ə* находился на пути превращения в клитику.

Список сокращений

1 — 1 лицо; 2 — 2 лицо; 3 — 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккумулятив; DAT — датив; DEAD — покойный; DIR — директив; DIST — дистрибутив (глагольная множественность); DIV — диверсатив (глагольная множественность); DS — некорреферентный субъекту; EXCL — эксклюзив; FOC — показатель фокуса (частица); FP — причастие будущего времени; FUT — будущее время; GER — герундий; IM — имперфектив; IMP — императив (наклонение); INCL — инклюзив; INDEF — неопределенное местоимение; INS — инструменталис; LOC — локатив; OPT — оптатив (наклонение); PASS — пассив; PC — перфективный конверб; PERS — суффикс лица-числа; PL — множественное число; PP — перфективное причастие; PR — презенс; PRF — перфект; PRO — проспектив; PRP — имперфективное причастие; PST — претерит; REC — реципрок; RETR — показатель ретроспективного сдвига; REV — реверсив; SEM — семельфактив; SG — единственное число; SS — корреферентный субъекту; VNEG — отрицательный глагол.

Список источников

- Анцү — Е. Р. Шнейдер. *Материалы по языку анюйских удэ*. Главсевморпуть при СНК СССР. Научно-исследовательская ассоциация Института Народов Севера им. И.Г. Смидовича, вып. 11. М. — Л., 1937
- Baskakova — Е. Н. Баскакова. *Материалы по языку и фольклору народа удэ на р. Самарга, собранные Е. Баскаковой в сентябре 1936 года в колич. 5 тетрадей*. Архив МАЭ РАН «Кунсткамера», Фонд К II, оп. 1, № 74.
- Kormushin — И. В. Кормушин. *Удыхейский язык*. М.: Наука. 1998.
- NV — *Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, эхэ. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 18*. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН. 1998.

Литература

- Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
- Василевич 1940 — Г. М. Василевич. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Учпедгиз, 1940.
- Калинина 2001 — Е. Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001.
- Ким Чер Лен 1966 — Ким Чер Лен. Сложные формы прошедшего времени в нанайском языке // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. № 9. Вып. 3. Новосибирск: Наука, 1966.
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М. — Л.: Наука, 1964.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыгейский язык. М.: Наука 1998.
- Оскольская — С. А. Оскольская. Грамматикализация глагола *bi-* 'быть' в нанайском языке. В печати.
- Перехвальская — Е. В. Перехвальская. Аспирированные и глоттализованные гласные в диалектах удэгейского языка // Вопросы языкознания 2010, № 6. С. 60–87.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. 50–88.
- Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. Общая морфология. М.: УРСС, 2004.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Симонов 1988 — М. Д. Симонов. Фонологическая система удэгейского языка // Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1988. С. 44–88.
- Суник 1958 — О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Просвещение, 1958.
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. М. — Л., Учпедгиз, 1936.
- Bulatova, Grenoble 1999 — N. Bulatova, L. Grenoble Evenki. Languages of the world. Materials 141. Munich: Lincom Europa, 1999.
- Comrie 1985 — B. Comrie Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

- Givón 1990 — T. Givón. Syntax: a functional typological introduction. V. 2. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. Evenki. London and New York: Routledge, 1997.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A Grammar of Udihe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.

В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева

ИЯз РАН, Москва — ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

КОНТРАСТИВНОЕ ПРОШЕДШЕЕ В ЭНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: УНИКАЛЬНЫЙ «ПЛУСКВАМПЕРФЕКТ» И ЕГО ЭКСПАНСИЯ В ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ¹

1. Введение

Энецкий язык относится к северно-самодийской подгруппе самодийских языков, образующих вместе с финно-угорскими уральскую языковую семью. Энецкий язык представлен двумя диалектами²: тундровым и лесным (далее при обозначении диалектной принадлежности примеров — ТЭ и ЛЭ, соответственно).

В энецком языке есть специализированная форма прошедшего времени. Показатель этой формы имеет особый морфологический порядок. А именно, все грамматические показатели в энецком являются суффиксальными; далее, все показатели глагольных значений (как финитных, так и инфинитных) в энецком, как и в других самодийских языках, занимают суффиксальную позицию *перед* лично-числовыми показателями. Что же касается форманта прошедшего времени, он прибавляется *после* лично-числовых показателей, причем прибавляется к уже существующей в языке грамматической форме. Наиболее частотной, и одновременно демонстрирующей наиболее обширный набор значений, является комбинация этого показателя с формой аориста (о семантике аористой формы см. в разделе 2). Именно эта форма называется прошедшим временем в грамматических описаниях энецкого [Siegl 2013], [Сорокина 2010], (а также в грамматических описаниях ненецкого, глагольная система которого в части, касающейся прошедшего времени, практически идентична системе лесного энецкого). Вместе с тем, показатель прошедшего времени

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Диакронически нестабильные аспектуальные категории» № 14-18-02624 (рук. В. А. Плунгян).

² Корректнее, вероятно, будет воспользоваться термином «идиом», так как вопрос о том, считать ли лесной и тундровый энецкий разными диалектами либо разными языками, является спорным.

может прибавляться не только к форме аориста, но и к целому ряду других финитных глагольных форм. Семантика этих комбинаций также будет описана в статье.

Показатель прошедшего времени имеет глубинно-морфонологическую форму $-S'I$ и три поверхностных алломорфа: $-s'i / -d'i / -t'i$.

Выбор алломорфа зависит от финального звука предшествующей морфемы (то есть от финального звука лично-числового показателя): если лично-числовой показатель оканчивается гласным, то выбирается вариант $-s'i$:

$$V + S'I > Vs'i.$$

Если же лично-числовой показатель оканчивается согласным (точнее — гортанным смычным, в который перешли этимологические финальные согласные), то возникающий на стыке морфем консонантный кластер (финальный гортанный смычный + начальный согласный суффикса прошедшего времени) упрощается по следующим правилам:

– если финальный гортанный смычный восходит к сонанту, его сочетание с показателем прошедшего времени дает $-d'i$:

$$?_N + S'I > -d'i,$$

– если финальный гортанный смычный восходит к иному, нежели сонант, согласному, то его сочетание с показателем прошедшего времени дает $-t'i$:

$$?_T + S'I > -t'i.$$

Ниже в Таблице 1 приводится парадигма прошедшего времени глагола *топа-* ‘закрыть, укрыть, укрыться’.

Пояснение к таблице. В энецком, как и в других северо-самодийских языках, в глагольной парадигме представлено четыре ряда лично-числовых показателей; традиционно в описании они разделяются на три типа спряжения: *субъектное* (в таблице обозначается S), *объектное*, состоящее из двух рядов показателей, первый из которых употребляется при объекте единственного числа (в таблице O), а второй — при объекте двойственного и множественного числа (в таблице OpI) и *рефлексивное* (в таблице R). Выбор типа спряжения зависит от нескольких факторов:

(i) все переходные глаголы могут изменяться по субъектному либо объектному типу спряжения — в зависимости от того, является ли объект топиком данного текстового фрагмента;

(ii) некоторые переходные глаголы могут принимать флексии всех трех типов спряжения; в том случае, если переходный глагол оформляется флексиями рефлексивного спряжения, он становится непереходным,

приобретая чаще всего рефлексивно-декаузативное значение; глагол этого типа как раз и представлен в таблице 1;

(iii) все непереходные имперфективные глаголы принимают флексии субъектного спряжения;

(iv) непереходные перфективные глаголы принимают флексии субъектного либо рефлексивного спряжения; выбор типа спряжения в этом случае либо является словарной информацией, либо обусловлен определенными грамматическими характеристиками глагольной основы (так, глагольные основы, содержащие показатель инхоатива *-ro/-lo* или показатель пассива *-ra/-la*, требуют личных показателей рефлексивного спряжения);

Таблица 1. Спряжение глагола в прошедшем времени

	S	O	Opl	R
1Sg	mona ḏod 'i < mona ḏo ? _N -s'i	monabos' i / monaas' i < monabo-s' i	monenos' i < moneno-s' i	ТЭ monebod' i / moneod' i < monebo? _N -s' i ЛЭ monebid' i < monebi? _N -s' i
2Sg	monados' i < monado-s' i	monaros' i < monaro-s' i	moneḏos' i < moneḏo-s' i	monedos' i < monedo-s' i
3Sg	monas' i < mona-s' i	monaḏas' i < monaḏa-s' i	moneḏas' i < moneḏa-s' i	moneḏod' i < moneḏo? _N -s' i
1Du	monabid' i < monabi? _N -s' i	monabid' i < monabi? _N -s' i	monen' id 'i < monen' i ? _N -s' i	monen' id 'i < monen' i ? _N -s' i
2Du	monarid' i < monari? _N -s' i	monarid' i < monari? _N -s' i	moneḏid' i < moneḏi? _N -s' i	moneḏid' i < moneḏi? _N -s' i
3Du	monaxid' i / monaxod' i < monaxi? _N -s' i / monaxo? _N -s' i	monaḏid' i < monaḏi? _N -s' i	moneḏid' i < moneḏi? _N -s' i	monexid' i / monexod' i < monexi? _N -s' i / monexo? _N -s' i
1Pl	monabat' i / monaat' i < monaba? _T -s' i	monabat' i / monaat' i < monaba? _T -s' i	monenat' i < monena? _T -s' i	monenat' i < monena? _T -s' i
2Pl	monarat' i < monara? _T -s' i	monarat' i < monara? _T -s' i	moneḏat' i < moneḏa? _T -s' i	moneḏat' i < moneḏa? _T -s' i
3Pl	monat' i < mona? _T -s' i	monaḏud' i < monaḏu? _N -s' i	moneḏud' i < moneḏu? _N -s' i	moneḏod' i < moneḏo? _N -s' i

Нестандартная морфологическая позиция этого показателя, вероятнее всего, свидетельствует о достаточно позднем происхождении формы прошедшего времени на базе стянувшейся аналитической конструкции.

2. Семантика показателя прошедшего времени

Существенно, что показатель -S'I необычен не только с точки зрения морфологической позиции в словоформе, но и с точки зрения семантики. Прежде всего, обращает на себя внимание, что в текстах этот показатель встречается очень редко — слишком редко для «стандартного» показателя прошедшего времени. При этом в энецком есть другая глагольная форма, которая употребляется в значении прошедшего времени существенно чаще. Это форма так называемого «неопределенного времени», или аориста. Темпоральная интерпретация аориста зависит от аспектуального класса глагола: аорист от имперфективных глаголов имеет значение настоящего времени, тогда как аорист от перфективных глаголов передает значение прошедшего времени. В самодийских языках аналогично употребляющиеся показатели аориста присутствуют в грамматической системе ненецкого и селькупского; в нганасанском в утвердительных предложениях система была перестроена, но в интеррогативной парадигме сохранился когнатный показатель аориста, демонстрирующий аналогичную вариативность темпоральной интерпретации в отношении основ с различной аспектуальной характеристикой. В типологическом плане аорист сближается с показателями так называемого фактатива, впервые обнаруженными в языках Западной Африки (см. [Плунгян 2003, Шлуинский 2012]).

Ниже приводятся несколько примеров на употребление аориста от неопределенных имперфективных (1)–(2), предельных имперфективных (3)–(4) и перфективных глаголов (5)–(6):

- ТЭ
- (1) *T'iqad'i ten'itu-ŋa-ɔo?* *kodu-a-ra?*
теперь думать-Аор-s1 спать-Аор-s2P1
d'ikari ni-e-ra?
может.быть Neg-Аор-s2P1
'Теперь я думаю: спите вы или нет?'

- ЛЭ
 (2) *Ee-n'i?* *itu* *ođi-Ø*,
 мать-Gen.1 волосы **видимым.быть-Аог.s3**
taneo-đa *ođi-Ø*.
 головная.повязка-3 **видимым.быть-Аог.s3**
 ‘Волосы моей матери **видны**, ее головная повязка **видна**’.
 (Энь иту ози, танеоза ози)
 [Сорокина, Болина 2005, 12–81]
- ТЭ
 (3) *Noo*, *t'ike-ro* *toxorobu oo*, *tud'i?o* *baro-one*
 Excl тот-2 вот Excl озеро[-Gen] край-Prol
d'ađa-? *tolaad'u?*
идти.Аог-s3P1 сюда
 ‘Оу, они сюда **идут** по берегу озера’.
- ЛЭ
 (4) *D'isi-eej*, *s'iđi-n'i?* *boira-?*,
 дедушка-Emph PronAcc-1Du перевезти-Imp2
siđi-n'i? *parne* *no!ku-a-Ø*.
 PronAcc-1Du ведьма **догонять-Аог-s3**
 ‘Дедушка, перевези нас, ведьма нас **догоняет**’. (Дисией
 сизинь бойра, сизинь парнэ нолькуо)
 [Сорокина, Болина 2005, 13–53]
- ТЭ
 (5) *T'ija <rio> d'i* *s'i-to* *seixo-ŋa-ba?*
 сейчас <Lim> PronAcc-2 **увидеть-Аог-s/o1P1**
 ‘Мы только что тебя **заметили**’.
- ЛЭ
 (6) *Ee*, *ne-đo-j?* *tođa-Ø-đo?*,
 мать женщина-Dest-1 **привести-Аог-s1**
i-s'e *kaudu-d'e* *d'ire-ri?*
 Neg-VAInf ссориться-VAInf жить-Imps2Du
 ‘Мама, я жену **привел**, живите, не ссорясь’. (Э, незуй тозас,
 ись каузудь дирери) [Сорокина, Болина 2005, 24–73]

Все приведенные примеры относятся к диалогическому регистру³ — в этом случае, как уже было сказано, темпоральная интерпретация аориста обусловлена аспектуальной характеристикой глагольной основы. Что касается нарративного регистра, то в нем аорист употребляется как основная повествовательная форма, будучи нечувствителен к перфективности/имперфективности. Ср. приведенные ниже отрывки из нарративного текста, где формы перфективных глаголов выделены разрядкой, а формы имперфективных глаголов выделены полужирным шрифтом.

ТЭ

- (7) *Solda t'uua, lata n'i? adeđo?. Tuđu? **leidiŋe**. Eŋanoo kooxone toto enet'eo? **adua?** T'uku kuorisii ŋuunoo koodo? a d e đ o ?. D'udađae aga sanike **adua**.*

‘Солда вошел, на пол сел. Огонь **горел**. По другую сторону <огня> **сидели** еще люди. Все люди, ловившие рыбу сетью, сели на одну сторону. В середине **сидела** Большая Чайка’.

ЛЭ

- (8) *Međo d'od'ido? tobiđo?, meto? t'u. Međo mine s'ixoruu **d'agu**. Ba?a mode, ba?a n'i? adeđo?. **Adi, ote**. Peosumne?es' kan 'i.*

‘Она дошла до чума, вошла в чум. В чуме никого **не было**. Она увидела постель, села на постель. Она **сидела** и **ждала**. Н а с т а л вечер’.

³ На разграничение «дейктических» и «нарративных» текстов обратил внимание Эмиль Бенвенист в середине XX века. В дейктических текстах легко определяется «здесь-и-сейчас» рассказчика, тогда как для нарративных текстов понятие «здесь-и-сейчас» нерелевантно или вовсе к ним неприменимо. Э. Бенвенист показал, что во французском существует группа времен, ориентированных прежде всего на употребление в нарративных текстах и почти не встречающихся в текстах дейктических. Основной представитель этих нарративно-ориентированных форм во французском — *passé simple* (см. [Бенвенист 1959]). Однако различие между дейктическим и нарративным режимами в сфере глагольных форм может проявляться не только в том, что глагольные формы разделяются на две группы, в зависимости от того, в каком типе текстов они употребляются. Ситуация может быть несколько иной: и в дейктическом, и в нарративном регистре употребляются одни и те же формы, но функции их в нарративных и в дейктических текстах различны. Именно эта ситуация наблюдается в энецком.

сехору дягу. Баа модэ, баа ни адыз. Ади, отэ. Пяусумнэсэ кани) [Сорокина, Болина 2005, 44–32, 33, 34, 35, 36]

Таким образом, имперфективные глаголы в диалогическом регистре имеют единственную форму с референцией к прошлому (прошедшее время), тогда как у перфективных глаголов возможны две конурирующие формы — аорист и прошедшее время:

Таблица 2

		перфективные глаголы	имперфективные глаголы
дейктический режим	аорист	референция к прошлому	референция к настоящему
	прошедшее время	референция к прошлому	референция к прошлому

Итак, для имперфективных глаголов формы аориста и прошедшего времени различаются значением временной референции. Показатель -S'I является для этой группы глаголов *единственным* способом выразить прошедшее время. Выше были приведены примеры на употребление формы аориста имперфективных глаголов в дейктическом регистре, см. (1)–(4). Во всех этих примерах форма аориста имперфективных глаголов имеет, напомним, значение настоящего времени. Приведем теперь примеры на употребление формы прошедшего времени имперфективных глаголов:

- ТЭ
- (9) *Kuo dubo-xua-ne d'uroi-ŋa-Ø-s'i*
 который время-Emph-LocAdv **говорить-Aor-s3-Praet**
ese-ba? ee-ba?: kaado-re-na?
 отец-1P1 мать-1P1 болеть-Inch.AorRfl-r1P1
 'Когда-то наши отец и мать **говорили**, что мы заболели'.
- (10) *Sanike-ʔ leu-ʔ! Mod'i sanike-n'i?*
 Чайка-[Gen]P1 крик-[Pr3]P1. я чайка-P1.1
teino leu-ŋa-t'i.
 так **кричать-Aor-s3P1.Praet**
 'Крики чаек! Мои чайки так же **кричали!**'

- (11) *Ou?*, *mod'i aga-ane* *пѹха-е-о?*
 Excl я большой-Pr0l вспотеть-AorRfl-r1.
Mod'i sueđa-ane ***kodu-a-đo-d'i***
 я хороший-Pr0l **спать-Aor-s1-Praet**
 ‘Ох, я сильно вспотела. Я хорошо **спала**’.
 ЛЭ
- (12) *Kabi-do* ***n'i-e-do-s'i*** *a-?*,
 мертвый-Pr2 Neg-Aor-s2-Praet быть-Conn
d'ire-Ø-do-s'i
 жить-Aor-s2-Praet
 ‘Ты не был мертвым, ты был жив!’ (Кабид недошь а”, диредошь).
 [Лабанаускас 2002: 81]
- (13) *Mod'i t'iki tie-j?*, *tasoku nađi-?is'e*
 я тот домашний.олень-1 рыжий теленок-Ess
po?o-?a-xađo-n'i?, *eki-da* *kare bui-xone*
 поймать-NVRes-EI-1 этот-Acc.3 рыба суп-Loc
ota-gu-a-bo-s'i, *tori*
накормить-Dur-Aor-o1-Praet так
bađađo-gu-a-bo-s'i
вырастить-Dur-Aor-o1-Praet
 ‘Этого моего домашнего оленя, поймав его маленьким ры-
 женьким теленком, я **кормил** его рыбным супом, я **растил** его’.
 (Модь чики тэй, таску назись ноахазуњь, экид кари буйхун
 отагобусь, торь баззагобусь)
 [Сорокина, Болина 2005, 52–14]
- (14) *S'i-j?* *ejađue* *kudaxa*
 PronAcc-1 наверное далеко[-LatAdv]
ote-Ø-do-s'i
ждать-Aor-s2-Praet
 ‘Ты, похоже, долго меня **ждал**’. (Ѕий, энзей, кудаха отедушь)
 [Сорокина, Болина 2005, 24–53]

Таким образом, в дейктическом регистре для имперфективных глаголов форма прошедшего времени является единственным способом выразить прошедшее время. В случае же перфективных глаголов ситуация в прошлом может быть описана как формой аориста, так и формой прошедшего времени — ср. примеры (15)

и (16), где один и тот же глагол *ku-* ‘найти, встретить’ употреблен в первом случае в форме прошедшего времени, во втором — в форме аориста:

- (15) *Inako ku-a-ḡo-d'i, Inako-xone*
 PN **найти-Аор-s1-Praet** PN-Loc
теḡеḡа-ḡ-ḡo-d'i.
гостить-Аор-s1-Praet
 ‘<Я сегодня> **встретил** Инако, я **гостил** у Инако (Модь тэзанда Инак коозудь, Инакохон мяззазодь)’.
 [Сорокина, Болина 2005, 8–41]

- (16) *Obu soeḡa enet'eo ku-a-ḡo?*
 что хороший человек.Асс **найти-Аор-s1**
 ‘Какого хорошего человека я **встретил!**’ (Обу сойза энче коз).
 [Лабанаускас 2002: 78]

Итак, возникает вопрос: когда для выражения прошедшего времени перфективных глаголов следует употребить форму аориста, а когда — форму прошедшего времени с постфиксальным показателем -S'I? Какое грамматическое значение передает эта последняя форма? Подробное описание употреблений данной энецкой формы в литературе отсутствует. В [Прокофьев 1937] прошедшее время ненецкого (форма энецкого рассматривается автором как абсолютно тождественная) характеризуется так: «Прошедшее время всегда выражает относительную давность происшедшего или происходившего действий» [Прокофьев 1937: 41]. В [Сорокина 2010] данная форма характеризуется как прошедшее время, без дальнейшего уточнения. В последней по времени грамматике лесного энецкого [Siegl 2013], посвященной лесному диалекту энецкого языка, о семантике этой формы написано немного:

The function of general past is to mark the action that had taken place sometimes in the past, regardless whether it has an implication for the present moment or not [Siegl 2013: 230].

Аналогичная оппозиция форм аориста и прошедшего времени есть в ненецком языке, который описан гораздо лучше энецкого. Однако и в описаниях ненецкого языка достаточно мало и неопределенно говорится о том, как распределены значения прошедшего времени между формой неопределенного времени и формой с

постфиксом *-сь* (этимологически родственной форме прошедшего времени энецкого языка с постфиксом *-s'í*). Так, Н. М. Терещенко пишет следующее:

Сказуемое, выраженное глаголом в форме неопределенного времени, может передавать различные оттенки временного значения: оно может обозначать действие, совершаемое в момент речи, действие, постоянно присущее данному предмету, действие, совершившееся в недавнем прошлом. <...> Сказуемое, выраженное глаголом в форме прошедшего времени, обозначает относительную давность происшедшего или происходящего действия. Для формы прошедшего времени характерно противопоставление моменту речи. Сказуемому, выраженному этой формой, в предложении обычно сопутствуют такие обстоятельственные слова, как 'вчера', 'в то время', 'давно', 'в прежнее время', 'в старину' и др. [Терещенко 1973: 137–138].

К. Лабанаускас так характеризует значения прошедшего времени, выражаемые формами неопределенного времени и формами собственно прошедшего времени:

1) Неопределенное время

<...>

В отличие от настоящих времен финно-угорских языков ненецкое неопределенное время имеет значение не только наст., но и прош. времени. Значение прош. времени является чаще всего перфектным, но без модальной окраски неочевидности действия.

2) Прошедшее время

Показатель времени — суффикс *-сь*, присоединяемый после личных окончаний. Это время употребляется чаще всего в значении имперфекта, реже в аористическом и плюсквамперфектном (без оттенка неочевидности действия) значениях [Лабанаускас 1974: 116].

Более подробно эта форма характеризуется в [Урманчиева 2006]. В указанной статье эта форма характеризуется как выражающая значение *прекращенного прошлого* («ситуация имела место в прошлом и не является релевантной для настоящего момента»). В действительности, однако, правила, регулирующие употребление этой формы, гораздо сложнее, и не укладываются в указанную формулировку. Дело в том, что употребление прошедшего времени зависит от нескольких факторов, имеющих различную природу.

Для того, чтобы составить более или менее целостное представление об употреблении этой формы, необходимо проана-

лизировать большое количество контекстов. Исходя из этого, для анализа употреблений этой формы был выбран ненецкий, для которого доступно гораздо больше текстовых материалов. Описание семантики формы прошедшего времени ненецкого языка дано в [Урманчиева, в печати]. Здесь будет приведено краткое резюме проведенного исследования и примеры из энецкого языка, демонстрирующие, что предложенное для ненецкого семантическое описание прошедшего времени правомерно распространять и на энецкий материал.

Итак, употребление прошедшего времени сигнализирует об *отсутствии текущей релевантности*, причем эта характеристика проявляется в аспектуальной, темпоральной и прагматической сферах.

– в **аспектуальной** сфере прошедшее время ненецкого языка подразумевает сопоставление ситуации в прошлом с текущим моментом (аналогично аспектуальной граммеме перфекта). Прошедшее время выражает значение *контрастивного прошедшего* (для лучшего понимания его специфики предварительно можно сказать, что это значение в определенном отношении противоположно значению перфекта). Контрастивное прошедшее может иметь несколько семантических разновидностей:

а) собственно антирезультативное значение, а именно, значение аннулированного результата (17)–(18) и значение неудачной попытки, или конатива (19):

ТЭ
 (17) *Ne mu-a-ḏo-d'i, kaa-a-Ø.*
 женщина[-Acc] **взять-Aor-s1-Praet** умереть-Aor-s3.
 ‘Жену **взял**, а она умерла’. (Нэ муазодь, kāa)
 [Лабанаускас 2002: 125]

(18) *Sud'e-i? kodio-ʔae kan'i-Ø,*
 внутри-1 холодный-Ess пойти.Aor-s3
eposum-a-Ø-s'i.
нагреться-Aor-s3-Praet
 ‘Внутри у меня охладилось, [а до того] **разгорячилось**’.

- (19) *Aburi-da ido-ka-Ø-s'i*,
 голова-Асс.3 **поднять-Ingr.Aor-s3-Praet**
le?i-ða ido-e
 не.мочь.Аор-о3 **поднять-VAinf**
 ‘Стал было **поднимать** голову <матери>, не может **поднять**’.

б) значение ситуации в прошлом, составляющей контраст с ситуацией в настоящем (20)⁴:

- ЛЭ
 (20) *Mod'i soku?ote-j? sore?e kada-Ø-ða-s'i*,
 я сокуй[-Асс]-1Sg пень **унести-Аор-о3Sg-Praet**
teða uud'i? pagi-ði? mod'i
 теперь вы.2Du одежда.АссPl-2Du я
tu-di-no.
 взять-Fut.oPl-opl1
 ‘Мой сокуй пень **унес**, теперь я вашу одежду возьму’.
 (Модь ꜋окоотей соре’е кадазашь, теза ооди пагизи модь
 модын) [Сорокина, Болина 2005, 4–30]

в) ситуация в прошлом, сопоставляемая с ситуацией в настоящем (21)–(23).

- (21) *Mona-do-s'i, tie-do? koma-do, t'i?*,
сказать.Аор-s2-Praet олень-Lat хотеть.Аор-s2 вот

⁴ Семантически более бесспорные примеры, где прошедшее время маркирует ситуацию в прошлом, составляющую контраст с настоящим (и где связь между ситуациями не была бы «осложнена» оттенком причинно-следственных отношений, как в приведенном энецком примере), можно легко обнаружить в ненецком, ср:

- (i) – *Тикэ-ва тюле-ва'* *пир*
 этот-Emph ввести-NDVIpfv-Gen размер
э-вы-Ø-нэ' *Ма-зэ-на'* *сид-на'*
 быть-Infer-s3-Emph. Pron1-Emph-1Pl PronAccPl-1Pl
ни-Ø-н-си-нэ' *тюле-'*
Neg-Аор-s2-Praet-Emph **вести-Conn**
питар-на-н-си-нэ'
прогнать-Аор-s2-Praet-Emph

‘Этого, оказывается, можно ввести в чум. [А] нас ты **не ввел** в чум, нас ты **выгнал** (говорят люди, сидящие снаружи)’. [ЭПН 243]

- tie-ro oka, tie-ḏo-do tu*
 олень-2 много[-Pr3] олень-Dest-2 взять[-imp2]
eko-ḏo.
 этот-EIAdv
 ‘Ты **говорил**, что хочешь оленей — вот, оленей много, возьми себе оленей отсюда’. (Манадушъ, тэд комаз, чи, тэр ока, тэзод му экоз) [Сорокина, Болина 2005, 52–46]
- (22) *Ne et'i, t'iki kuore mu-ḏo,*
 женщина молодой.человек тот одеяло взять-impḡ
eba-n'i? mie soeḏa-ne
 голова-Gen.1 внутренность[-Acc] хороший-Prol
mode-e-ro-s'i.
смотреть-Aor-o2-Praet
 ‘Девушка, возьми это одеяло [в награду], ты хорошо **посмотрела** мою голову’. (Нэ єчи, чики коре муз, эбань ме сойзан модерушь) [Сорокина, Болина 2005, 44–217]
- (23) *Ee-ba? toinuju kan'i-Ḑ-s'I toi ne-ḏo*
 мать-1P1 туда **уйти.Aor-s3-Praet** тот с-EIAdv
tu-ḏo-? n'i-xi-m.
 прийти-Fut-Conn Neg.Aor-s3Du-Emph
 ‘Мать наша в ту сторону **ушла**, с той стороны они <и> придут’. (Эба тойную каницъ, той нээз тоднихим) [Сорокина, Болина 2005, 12–77]

Очевидно, что значения *a*, *b* и *в* представляют собой последовательное «удаление» от понятийного центра аннулированного результата, где *a* занимает центральную сферу, а *в*, соответственно, периферийную;

– в **темпоральной** сфере прошедшее время может ассоциироваться с отдаленными во времени событиями, ср (24). В то же время, временная дистанция отнюдь не играет определяющей роли при употреблении формы прошедшего времени. Для употребления прошедшего времени достаточно, чтобы ситуация была четко локализована в определенный момент в прошлом, ср (25) и (26). Дело в том, что контрастивному сопоставлению часто сопутствует именно такое указание на конкретный момент в прошлом (в примерах выделены разрядкой), и употребление обстоятельства конкретного времени в данном случае оказывается прагматически

совершенно естественным, подчеркивая контраст планов прошедшего и настоящего:

- ТЭ
- (24) *Sede-ej* *kudaxa-ʔ* *uba-riʔ*
 В.давние.времена-Emph далеко-LatAdv сестра-2Du
kada-re-ḏo-d'e-ej *os'a-xiḏo.*
отдать-Pass.AorRfl-r3Sg-Praet-Emph **долган-LatPl**
Os'a, ŋubo os'a-doʔ mi-ʔa-bo-s'i
 Долган один.Gen долган-Lat **дать-Aor-o1-Praet**
uba-diʔ uul'aigu a-buʔi-ḏa.
 старшая.сестра-Асс.2Du маленький быть-VACondPraet-3
 'Д а в н ы м - д а в н о ваша старшая сестра долганам отдана была.
 Долган... одному долгану я отдал вашу сестру, когда
 она была маленькой'.

- ТЭ
- (25) *T'ieʔ mona seiho-ŋa-ḏo-d'i,*
 вчера яйцо[-Асс] **увидеть-Aor-s1-Praet**
t'iŋad'i ne-ʔae kane-bi-Ø.
 сейчас женщина-Ess пойти-Infer-s3
 'В ч е р а я **видел** яйцо, теперь оно стало женщиной'.

- (26) *T'iŋad'i eta-ḏo-ḏa tu-a-Ø. T'ieʔ*
 теперь сон-Dest-3 прийти-Aor-s3 Вчера
totubi-Ø-s'i, mod'i odeoxo-n'iʔ
тесным.быть.Aor-s3-Praet я поэтому-1
roxora-Ø-bo-s'i.
закутать-Aor-o1-Praet
 'Теперь к нему пришел сон. В ч е р а ему **было тесно**,
 потому что я его **закутала**'.

– в **прагматической** сфере отсутствие текущей релевантности проявляется в том, что прошедшее время используется для обозначения событий, сообщение о которых по тем или иным причинам не является коммуникативной целью говорящего⁵.

⁵ Более полное описание прагматических особенностей употребления формы прошедшего времени — на ненецком материале — см. в [Урманчиева, в печати].

Во-первых, прошедшим временем могут быть маркированы события, информация о которых приведена в качестве аргумента в пользу того рассуждения, которое является основной коммуникативной целью говорящего. Так, в (27) упоминание о том, что дочь пришла (и находится здесь, то есть формально контекст вообще близок к перфектному) служит аргументом к той части высказывания, которая и является основной коммуникативной целью говорящего — к призыву не бить сбежавшую с парнем дочь, поскольку она вернулась домой. В (28) мальчик говорит о том, что он встал после болезни (это тоже контекст явно не антирезультативный) только для того, чтобы убедить себя в том, что у него есть надежда найти кого-то живого («разбудить») среди жителей своего стойбища. В (29) мужчина перечисляет неблагоприятные поступки девушки как аргументацию в пользу сделанного им утверждения о том, что она плохая девушка (и поэтому он намерен прогнать ее, так как она не годится ему в жены — именно это и является основной целью его высказывания):

- ТЭ
- (27) *Mii-ʔae nio-do d'odita-Ø-ro?*
 что-Ess ребенок-Acc.2 побить-Aor-o2.
Niitoda tu-a-Ø-s'i.
 Он(а) **прийти-Aor-s3-Praet**
 'Почему ты побила дочь? Она ведь <сама> **пришла**'.
- (28) *Ud'a-ḍo-i? kada-da-ḍo?, sira-ḍo-i?*
 мясо-Dest[-Acc]-1 отнести-Fut-s1 снег-Dest[-Acc]-1
pu-da-ḍo? iḍi-do?, too dubo-ne
 положить-Fut-s1 котел-Lat тот длина-LocAdv
noorta-de-no kere-n'i? enet'eu-n'i?
 будить-Fut.Opl-op1 сам-1 человек.[Acc]Pl-1
Mod'i noore-o-d'i, toto kaada-ḍo-d'i.
 я **встать.AorRfl-r1-Praet** тоже **болеть.Aor-s1-Praet**
 'Отнесу мяса, положу снега в котел, тогда буду будить свой народ. Я [ведь] **встал**, [хотя] тоже **болел**'.

- ЛЭ
- (29) *Uubooku kate-do. S'i-i?*
 ты плохой девушка-Pr2 PronAcc-1

koita-Ø-do-s'e, *koore* *n'i-e-ro-s'i*
обмануть-Aor-s2-Praet одеяло[-Acc] **Neg-Aor-o2-Praet**
sođoro-ʔ, *t'ienuju osa* *kere-to*
спить-Conn вчера мясо[-Acc] сам-2
om-a-ro-s'e, *meki* *n'i-e-ro-s'i*
съесть-Aor-o2-Praet соседний.чум **Neg-Aor-o2-Praet**
kada-ʔ

отнести-Conn

‘Ты плохая девушка. Меня **обманула**, одеяло **не сшила**, а мясо вчера сама **съела**, в соседний чум **не отнесла**’. (У боку катыд. Ҷий койтадуш, коре нерушь созор, ченую оса керит омарошь, мяки нерошь када). [Сорокина, Болина 2005, 44–68]

Во-вторых, прошедшее время часто используется в ответах на вопрос — в том случае, когда отвечающий без вопроса-стимула не сообщил бы информацию о соответствующем событии. В последнем случае сообщение этой информации также не входит в коммуникативные намерения говорящего, поскольку реплика является в определенном смысле «вынужденной»: в примере (30) женщина отвечает на вопрос незнакомца — этот диалог ей самой не важен. В (31) трикстер отвечает на вопрос бабушки, причем он предпочел бы избежать расспросов (он лишился одежды самым глупым образом, и ему пришлось соврать бабушке):

ЛЭ

- (30) – *Kaaki*, *obu ekone pone-ŋa-do?*
 – бабушка что здесь делать-Aor-s2
 – *Vi-to-j?* *kosae-s'e* *to-đo-d'i*
 – вода-Dest-1 взять-Vainf **прийти.Aor-s1-Praet**
 ‘– Бабушка, что ты здесь делаешь?
 – Я за водой **пришла**’. (– Каке, обу екун пониҗад? — Битуй косайшь тозудь) [Сорокина, Болина 2005, 24–22, 23]
- (31) – *Page kuna?*
 – одежда где?
 – *Ni-e* *ma-mobi-ʔ* *page-s'uda*
 – Neg-Aor[-s2] сказать-Hab-Conn одежда-CaritAttr
peri-n'i? *tone*, *peri-xu-do*
 родня-Pl.1 иметься.Aor[-s3Pl] Родня-Emph[-AccPl]-2

serete-i-no-s'i.

одеть-АорОpl-opl1-Praet

‘– Где твоя одежда?’

– Разве ты не говорила мне: «У меня родня без одежды есть», я родню-то твою и **одел**’.

[Сорокина, Болина 2005, 2–11, 12]

2.1. К вопросу о значении формы прошедшего времени имперфективных глаголов

Описанная для энецкого система кажется на первый взгляд не вполне симметричной. С одной стороны, для перфективных глаголов мы наблюдаем достаточно специализированные значения формы прошедшего времени. С другой стороны, для имперфективных глаголов в дейктическом регистре форма прошедшего времени является единственным способом указания на то, что ситуация относится к плану прошедшего. Дело в том, однако, что и в дейктическом режиме прошедшее время от имперфективных глаголов, как правило, употребляется в точности с тем же дополнительным семантическим эффектом, который был описан выше для перфективных глаголов в дейктическом регистре. А именно, очень часто говорящему оказывается важно не только обозначить, что ситуация имела место в прошлом, но и подчеркнуть факт того, что она составляет контраст с ситуацией в настоящем, как в (32–35), или сопоставить эту ситуацию с текущим моментом каким-то иным образом, как в (36–37):

ТЭ

(32) *Iino-ku-o meḏo? kod'e-ne-n'i?*

там-Dim-Adj чум.Pl около-LocAdv-1

a-a-t'i. Kuna-a-? t'ike meḏu-n'i?

быть-Аор-s3Pl.Praet. Где-Pl тот чум.Pl-1

‘Там недалеко **стояли** чумы. Где они теперь?’

- (33) *Međo s'io-noo-ne kodo*
 чум.Gen задняя.часть.чума-AdjLoc-LocAdv нарта
adu-a-Ø. Oro-? d'axara-Ø-bo-s'i,
 сидеть-Aor-s3. Впереди-LatAdv **не.знать-Aor-o1-Praet**
tonea-sii-do d'ikari d'igu-sii-do.
 иметься-PtPraet-Pr2 то.ли не.иметься-PtPraet-Pr2
 'Сзади чума стоит нарта. Раньше я **не знал**, то ли она была,
 то ли не было'.
- ЛЭ
- (34) *Ese-đi? tone-e-Ø-s'i, ee-đi?*
 отец-3Du **иметься-Aor-s3-Praet** мать-3Du
tone-e-Ø-s'i, teđa an'i s'iđi-rii-ŷis'e
иметься-Aor-s3-Praet сейчас еще два-Lim-Ess
kaj-a-xi?, s'ie-xo-ruu-đi? d'agu-Ø.
 остаться-Aor-s3Du кто-Emph-Lim-3Du не.иметься-Aor.s3
 'У них-двоих **был** отец, **была** мать, теперь они только вдвоем
 остались, никого у них нет'. (Эџизи тонээџь, эзи тонээџь, тэза
 ань џизириџь каяхи, џехурузи дягу)
 [Сорокина, Болина 2005, 12–95]
- (35) *D'oxa-kuteŋi-ne međi-gu*
 река-Dim[-Gen] другая.сторона-LocAdv чум-Dim
ođi-Ø. Ku-xo-roo-ne
 видимым.быть-Aor.s3. Где-Emph-Lim-LocAdv
enet'e n'i-e-Ø-s'i kubero-?
 человек[-AccPl] **Neg-Aor-s3-Praet** **встречать-Conn**
eu d'odi-do?
 прошлый длина-Lat
 'Чум виден за рекой. До этого она нигде людей **не встречала**'.
 (Дџџаку тџџин мезигу ози. Кухорон энчи ниџь кобер эу
 дедид) [Сорокина, Болина 2005, 12–165, 166]
- (36) *Onej ne, tori s'i-to mu-s'e*
 настоящий женщина так PronAcc-2 поступить-VAInf
koma-Ø-đo-d'i, tori s'i-to me-a-đo?
хотеть-Aor-s1-Praet так PronAcc-2 сделать-Aor-s1
 'Энка, как я **хотела** с тобой поступить, так я с тобой и по-
 ступила'. [Сорокина, Болина 2005, 42–8]

- (37) *Parne-ro teji, tumi kie-do?*
 ведьма-2 на.другой.стороне огонь бок-Lat
ado-i-ḏo?, t'ienuju an'it tonine
 сесть-AorRfl-r3 вчера еще там
adi-O-s'i.

сидеть-Aor.s3-Praet

‘Ведьма на той стороне возле очага села, вчера тоже там сидела’. (Парнэр тэжи, туми кеэд адуыз, ченою ань тонын адись) [Сорокина, Болина 2005, 15–67]

Таким образом, прошедшее время имперфективных глаголов может выражать те же самые значения из сферы контрастивного прошедшего, что и прошедшее время перфективных глаголов.

Теперь обратимся к употреблению этой формы в нарративном регистре. В фольклорных нарративах форма прошедшего времени используется в функции, близкой к «плюсquamперфектной» (точнее, ретроспективной): она употребляется в том случае, когда нарушается естественный порядок изложения событий и рассказчик возвращается к предшествующей ситуации, пропущенной им в ходе повествования (либо напоминает слушателям о ситуации, уже описанной ранее). Ниже приводится несколько фрагментов фольклорных текстов. Поморфемное глоссирование в них не дается, но глагольные формы в оригинале и в переводе пронумерованы, а формы прошедшего времени выделены полужирным шрифтом:

ЛЭ

- (38) *Olasnerou? oḏima_[1], ituḏa tiḏedij_[2]. Onae nedo ne et'e mekoḏoda tobu?iḏa_[3] eedou? piḏo?o, piḏo?o **puḏas'i-ej_[4]**. Eeda piḏo?oda uuta purḏi bertada_[5].*

‘Ведьма появилась_[1], волосы болтаются_[2]. Дочь энецкой женщины, когда из дома уходила_[3], мамину железную косу **взяла_[4]**. Железную косу назад назло ведьме бросила_[5]’. (Онай нэдо нэ эче мекозода тобуэза эдов пизов. пизов пуḏасей. Эбада пизиода ута пурзы бертаза).

[Лабанаускас 2002: 68]

- (39) *Olasnedo tuus'aaxoḏo sego medi sama? oḏima_[1], d'aane todode_[2] sama?, enet'e uḏa_[3] sama? Ore, ma, d'ireu? ebuta_[4], **leuḏas'i_[5]** n'iu?: “Tuus'aakuj? s'iḏiḏa? maikuda_[6]!”*

‘Из пепла ведьмы разные насекомые появились_[1], по земле ползающие_[2] насекомые появились, людей поедающие_[3] насекомые. Раньше, когда живая была_[4], кричала_[5] ведь: «Мой пепел вас мучить будет_[6]!»’ (Оласнэд тусахуз сэгмид сама’ озима, дьян тодыда сама, энчу ода сама’. Орь, ма, диреу эбута, лэунаш ню: «Ѕиикуней, тусакуй ѕизза майкуда!»)

[Сорокина, Болина 2005, 12–334, 335]

- (40) *D’ooʔa kadaređoʔ_[1], kudaxa n’ie d’ireʔ_[2], kaʔ_[3]. <...> Merođoda teexiʔ_[4]. D’ooʔa ore d’irebuʔida_[5] manaas’i_[6]: “T’irikuxuan’iʔ pubun’iʔ miʔ puŋiđiʔ_[7].”*

‘Дёа заболел_[1], не долго жил_[2] после этого, умер_[3]. <...> Захоронение они [= жена и брат] ему приготовили_[4]. Дёа раньше, когда живой был_[5], сказал_[6]: «Икры рыбьей в могилу мне положите!» (Дёо кадарез, кудаха не дире”, ка”а. <...> Мєрозода мейхи. Дёо орь диребуйда манашь: «Чирикухунь пубунь ми пуңизи»)’ [Лабанаускас 2002: 81]

Форма прошедшего времени может также употребляться в интродуктивных фрагментах персональных нарративов, ср. (41) и (42) ниже. В этом случае прошедшее время служит для привязки описываемых в персональном нарративе ситуаций к определенному моменту в прошлом.

Подведем промежуточный итог: форма прошедшего времени в энецком языке употребляется для обозначения ситуации в прошлом — но не всякой ситуации, а только такой, которая составляет контраст с текущим положением дел. Эта форма, в частности, может передавать типологически достаточно редкое значение так называемого «прекращенного прошлого» (см. [Плунгян 2001; Plungian, van der Auwera 2006; Урманчиева 2006]): сообщается, что ситуация имела место до момента речи, и при этом эксплицитно указывается, что в момент речи ситуация не имеет места и ее воспроизведение в будущем маловероятно либо невозможно. Однако значение формы прошедшего времени энецкого языка не исчерпывается значением прекращенного прошлого. Она выражает значение, которое было определено нами как контрастивное прошедшее. Любопытная особенность этого значения состоит в том, что оно является в значительной степени ориентированным на прагматику, а не на внутреннюю структуру ситуации, или, например,

на ее внешнюю темпоральную привязку. Одну и ту же ситуацию говорящий может описать и с помощью аориста, и с помощью прошедшего времени, и выбор этот регулируется в основном коммуникативными намерениями говорящего. Так, говорящий выбирает прошедшее время в том случае, если он упоминает ситуацию в прошлом только для того, чтобы тем или иным образом прагматически «оттенить» ситуацию в настоящем.

3. Показатель контрастивного прошедшего как морфологический оператор

Яркая типологическая особенность показателей прекращенного прошлого состоит также в том, что они могут действовать как своего рода морфологические «вторичные операторы»: они прибавляются к уже существующим в грамматической системе глагольным формам и модифицируют их значение. Показатель контрастивного прошедшего в энецком ведет себя аналогичным образом. Как уже говорилось, рассматривавшаяся до сих пор форма прошедшего времени морфологически представляет собой комбинацию аористной формы с показателем прошедшего времени *-S'I*. В энецком тот же показатель *-S'I*, как уже вкратце было сказано вначале, может прибавляться не только к форме аориста, но и к целому ряду других форм глагольной парадигмы. Сейчас мы перейдем к рассмотрению семантики этих комбинаций.

Показатель контрастивного прошедшего может прибавляться к форме инферентива и хабитуалиса, в этом случае получившаяся форма сохраняет значение реального действия; прибавляясь к формам с гипотетическим значением, показатель контрастивного прошедшего трансформирует их в формы ирреальной семантики.

3.1. Инферентив в сочетании с показателем контрастивного прошедшего

Инферентивная форма имеет три основных значения: собственно инферентивное (говорящий судит о ситуации по наблюдаемому результату), репортативное (говорящему информация о ситуации известна с чужих слов) и миративное (информация о ситуации является для говорящего новой, см. [DeLancey 2012: 533]). Рассмотрим последовательно, как взаимодействует инферентив с этими тремя значениями. Прибавляясь к инферентивной форме,

показатель прошедшего времени, в частности, позволяет встроить инферентивную форму в ряд форм прошедшего времени — как, например, в интродукции персонального нарратива (41). Формы прошедшего времени выделены разрядкой, форма, содержащая показатель инферентива и показатель прошедшего времени — полужирным шрифтом. Эта форма, вполне ожидаемо, транспонирует в прошлое инферентивное значение ('говорящий не наблюдал лично, как высохали реки'):

ЛЭ

- (41) *Модь дязазучь эу. Мотаразучь иблейгу дёха. Баказ эу дюдит дязазучь нэху' час. Дёха бизузу **касарибичь**.*
'Я пешком шел сюда. Переходил маленькие речки. От Прилук до этого места дошел за три часа. В реках-то этих вода **высохла**'. [Сорокина, Болина 2012, 76–2, 3, 4, 5]

В следующем примере, который также является интродукцией к персональному нарративу, показатель прошедшего времени транспонирует в прошлое (встраивая ее в ряд других форм прошедшего) инферентивную форму в репоративном значении:

ТЭ

- (42) *Энэчи м о н а а ч и , б и у с о б о р и г о н у а й **абици**, к а с а д о к а н э б у и н и . Ч и к и н у а х а н э н ю э х о н э и р и з о д и . Н э э х о н э с и д и о т о м я а с и . М о д и м е й г о р ю ю д и г у а с и , э й д и г у а с и , э с э й д и г у а с и . М о д и и р и з о д и э с э н и п э б э х о н э .*
'Люди г о в о р и л и п я т н а д ц а т ь л е т м н е **было**, когда я замуж вышла. В том году мы жили на острове. На острове восемь чумов стояло. Никого у меня не было, матери не было, отца не было. Я жила у брата отца'.
[Сорокина, Болина 2005: текст 99, предл. 2–6]

Следующие два примера позволяют проиллюстрировать перенос в прошлое миративного значения:

ТЭ

- (43) *Г'ю d'ere pug-a-do-ba? t'i-a-do?*
вчера день сеть-Dest-1Pl поставить.сеть-NVipfv-Lat
кота-Ø-ba-t'i, kai-na? orit'u-na?
хотеть-Aor-s1Pl-Praet товарищ-Pl.1Pl раньше-1Pl

t'ie-bi-ðu-d'i

поставить.сеть-Infer-о3Pl-Praet

‘Вчера мы хотели поставить сеть, но оказалось, что товарищи ее раньше нас **поставили**’. (Чио дере фогадоба” чиат комабачи, каина” оричуну” чёбизудь) [Лабанаускас 2002: 53]

- (44) *T'uuiṃo-da* *пеха-а-до?* *кома-Ø-bo-s'i*,
 ружье-Асс.3 взять-NVipfv-Lat хотеть-Аор-о1-Praet
t'uuiṃo-da *те-коне-да* *d'urota-bi-ða-s'i*.
 ружье-Асс.3 чум-Лос-3 **забыть-Infer-о3-Praet**

‘Я хотел взять его ружье, но оказалось, что он ружье **забыл** дома’. (Чуимода нэхăдо комабоџи, чуимода меконэда дю-ротабизаџи) [Лабанаускас 2002: 53]

В этих двух примерах миративное значение совмещено с собственно инферентивным (говорящий не наблюдал лично ни то, как товарищи поставили сеть, ни то, как его спутник оставил ружье дома). В следующих примерах из ненецкого можно наблюдать перенос в план прошедшего времени миративного значения «в чистом виде» (миративное значение без сопутствующего инферентивного можно наблюдать в тех случаях, когда инферентивный показатель прибавляется к имперфективным глаголам. В этом случае описываемая ситуация синхронна моменту наблюдения, и показатель контрастивного прошедшего как раз и позволяет сместить в прошлое референцию такой ситуации):

НЕНЕЦКИЙ

- (45) *Эдлы-ма-зъ_{1д}*. *Няка-в*
 Ехать.на.нарте.Аор-s1-Praet_[1]. Старший.брат-Асс.1
хо-Ø-ма-зъ_{1э}, *хабэй э-вы-Ø-съ_{1э}*.
 найти-Аор-s1-Praet_[2] мертвый быть-Infer-s3-Praet_[3].
Илебте-Ø-ва-съ_{1а}, *пуня-'*
 Оживить-Аор-о1-Praet_[4], позади-LatAdv
эдра-Ø-ва-съ_{1э}.
 отправить-Аор-о1-Praet_[5].
 ‘Я ехала_[1]. Я нашла_[2] моего старшего брата, он **был** мертвым_[3].
 Я его оживила_[4] и отправила_[5] в чум’. [ЭПН 245]
- (46) – *Хибя-ри-м'* *хо-вэ-н-нэ'*.
 – Кто-Lim-Асс найти-Infer-s2-Emph.

- Пя'-на-н *хонё-вы-О-сь*_[1].
– Дерево-Лос-1 *спать-Infer-s3-Praet*_[1].
Хутар-ма-н сер' *хар-та*
Стучать-NVipfv-Gen1 во.время сам-3
*юркы-ць*_[2].
встать.AorRfl-r3.Praet_[2].
‘ – Ты, оказывается, привезла человека.
– Он *спал*_[1] около моих дров. Когда я стучала бревнами, он
сам *встал*_[2]’. [ЭПН 322]

Таким образом, показатель прошедшего времени позволяет транспонировать в план прошедшего все три значения инферентивной формы.

Необходимо подробнее остановиться на темпоральной референции миративных форм. Миративное значение, возникшее на базе инферентивного, к настоящему моменту уже обособилось от него, и может функционировать самостоятельно. Различие в темпоральной референции миратива и инферентива проявляется в случае имперфективных глаголов: если инферентивный показатель прибавляется к имперфективному глаголу для кодирования собственно инферентивного значения, глагол сохраняет темпоральную референцию к прошлому (что естественно, так как инферентив предполагает «ретроспективное» восстановление ненаблюдавшейся ситуации по ее наблюдаемым последствиям)⁶. Если инферентивный показатель прибавляется к имперфективному глаголу для выражения только миративного значения, без сопутствующего инферентивного, глагол имеет референцию к настоящему времени. Это различие можно проиллюстрировать следующей парой примеров, где (47) иллюстрирует инферентивное значение с имперфективным глаголом, а (48) — миративное с имперфективным глаголом:

- ЛЭ
(47) *T'iko-xodo pedi-no,* *om-i-no.*
тот-Е1 сварить.AorOpl-opl1 съесть-Aor.Opl-opl1
Цуро-?о-ходо-н 'i? *kodi-j.*
Есть-NVRes-El-1Sg заснуть.AorRfl-r1.

⁶ Естественно, инферентивному значению в данном случае может сопутствовать миративное — существенно то, что темпоральную референцию данной формы предопределяет именно инферентивное значение.

Mod'i kodi-bi-ḏo? seʔo d'ere.

Я спать-Infer-s1 семь день

‘Потом я сварил их (= птиц) и съел. Поев, заснул. Оказывается, я проспал семь дней’. (Чикохоз пэзин, омин. Орухазонь кодый. Модь кодибиз сэу дири) [Сорокина, Болина 2005, 1–6, 7, 8]

ТЭ

(48) *T'iki-ta noo-rii-ʔ soo-ŋa-Ø,*

тот-GenPl.3 к-LimPl-LatAdv смотреть-Aor-s3

seo-ḏa kuunaad'u-xua kan'i-Ø.

сердце-3 как-Emph[-LatAdv] уйти.Aor-s3

– *Eke aga enet'eo-ʔ a-bi-ʔ,*

этот большой человек-[Pr3]Pl быть-Infer-s3Pl

d'oreo-ʔ enet'eo-ʔ.

толстый-[Pr3]Pl человек-[Pr3]Pl

‘Смотрит прямо на них, испугался как-то (досл. сердце его ушло).

– Это, оказывается, большие люди, толстые люди’.

Таким образом, по отношению к миративу имперфективных глаголов показатель прошедшего времени действует также, как по отношению к аористу имперфективных глаголов: а именно, он переводит глагольную форму с референцией к настоящему в глагольную форму с референцией к прошлому.

3.2. Хабитуалис в сочетании с показателем контрастивного прошедшего

В энецком языке представлена также хабитуальная форма с показателем *-mobi/-obi*. В отношении временной референции эта форма оказывается нейтральной: в дейктическом регистре форма хабитуалиса от имперфективных глаголов может иметь референцию к настоящему (49) и к прошлому (50), (51), хабитуалис от перфективных глаголов также может иметь референцию к настоящему (52) и к прошлому (53), (54):

ТЭ

(49) *Mod'i ne-na? s'iḏe taʔuro?*

я женщина-Pl.1Pl два коса.Асс

- ропе-моби-?*
держать-Hab-s3P1
 ‘Наши женщины **носят** две косы’.
- (50) *Ku-o dubo-xua-ne ud'ede-obi-ḍo?*
 который-Adj длина-Emph-LocAdv **слышать-Hab-s1**
enet'e? kaa-bu-ta, sei-ḍa siroi-?ae
 человек умереть-VACond-3 глаз-3 белый-Ess
kane-da-Ø.
 пойти-Fut-s3
 ‘Когда-то я **слышал**: если человек умрет, его глаза станут белыми’.
- (51) *Ee-i? ese-i? d'uroi-mobi-Ø,*
 мать-1 отец-1 **говорить-Hab-s3**
piteu-ḍa adaḍa-bu? sou-a-Ø
 губа-[Acc]P1.3 понять-VACond хорошим + быть-Praes-s3
kaado-de nio.
 болеть-PtPraes ребенок[-Acc]
 ‘Мои <покойные> мать [и] отец **говорили**, [что] больного ребенка можно распознать по губам’.
- (52) *Se-ta d'ogode-?ae kanu-?a-Ø:*
 лицо-3 другой-Ess уходить-Praes-s3
naguu-?obi-Ø, siroi-mobi-Ø.
покраснеть-Habit-s3 побелеть-Habit-s3
 ‘[Похоже, он болеет.] Его лицо другим становится (= меняется): **покраснеет, побелеет**’.
- (53) *N'i-e-ḍo? ude-obi-?*
 не-Praes-s1 **услышать-Habit-CN**
enet'eo-? eko-xone a-a-?
 человек-P1 этот-Loc быть-Praes-s3P1
 ‘**Не слыхала**, [чтобы] здесь были люди’.
- (54) *Sexa-ḍo-i? d'ere d'uda-a*
 дорога-Dest[-Acc]-1 день[-Gen] посередине-Adj[-Gen]
d'e?o tabaḍa-do.
 возле[-LatAdv] указать.Aor-s2
Kaja-ḍa pokoro-bu?
 солнце-3 скрыться-VACond

nooro-e s'i-i? tabađa-abi-Ø.

встать-VAinf PronAcc-1 **указать-Habit-s3**

‘Ты показал мне дорогу на полдень. **Наказывал** мне останавливаться, когда солнце зайдет’.

В нарративе хабитуальные формы от перфективных и имперфективных глаголов употребляются в одном ряду:

- (55) *D'ed'u-ro toxodo d'ed'u kas'i-ta*
 лебедь-2 теперь лебедь[-Gen] товарищ-GenPl.3
pogo-ne ɲa, n'ien'i-ro n'ien'i-?
 среди-LocAdv быть.Aor.s3 гагара-2 гагара-Gen
kas'i-ta po-gone ɲa. N'ien'i
 товарищ-GenPl.3 среди-LocAdv быть.Aor.s3 гагара
 <...> *bi-kone pođe-mobi-Ø, kare*
 <...> вода-Loc **нырять-Hab-s3** рыба[-Acc]
noi-ta-Ø. Toni-ne an'i? enet'eo-?
 поймать-Np.Aor-s3. Там-LocAdv еще человек-Pl
tone-? n'i-m? ođeoxo-da
 иметься-Conn Neg[-Aor]-s3Pl.Emph поэтому-3
kutui-đu? poga-do? amo-obi-đu?
 некоторый-3Pl сеть-Lat **попасться-Hab-r3Pl**

‘Лебедь среди лебедей находится, гагара среди гагар находится. Гагара в воде **ныряет**, рыбу ловит. Там люди есть, поэтому некоторые из них (= из птиц) в сети **попадают**’. (Дедю тохозь дедю каҕита погон ɲа, ненир нени’ каҕита погон ɲа. Нени, ет тойн, бикон поземуби, кари нойта. Тоньин ань энчу тонэним, озхуда кутуйз погад амоубиз)

[Сорокина, Болина 2005: 23–26, 27, 28]

Хабитуальная форма также может присоединять показатель прошедшего времени. Таких примеров в нашем распоряжении слишком мало, поэтому описать точную семантику этой комбинации затруднительно. В любом случае, можно видеть, что основания для употребления хабитуалиса в сочетании с показателем прошедшего могут быть различными, но они в целом совпадают с теми параметрами, которые регулируют употребление показателя контрастивного прошедшего в других случаях. Так, в (56) показатель прошедшего времени оформляет хабитуальную форму потому, что перед нами — интродуктивный фрагмент персонального нарратива. Таким образом,

в этом случае на первый план выходит темпоральная составляющая в семантике формы с показателем -S'I:

ТЭ

- (56) *Kuxone-da ese-jʔ Loðosedá no-one*
 когда.то-3 отец-1 PN[-Gen] к-Prol
d'uroi-mobi-Ø-s'i.

говорить-Hab-s3-Praet

‘Когда-то мой отец **рассказывал** <истории> про род Лозосэда’. (Кухонэда эсэй Лодосэда нонэ дюрэймобици).

[Лабанаускас 2002: 133]

А в следующих трех примерах показатель прошедшего времени употреблен в значении контрастивного прошедшего:

ЛЭ

- (57) *Bodu-ne e-bu-naʔ kunt'e soeða*
 тундра-LocAdv быть-VACond-1Pl гораздо хорошо
e-ubi-Ø-s'i.

быть-Hab-s3-Praet

‘Когда мы жили в тундре, **было** гораздо лучше’. (Бодун эбуна кунче сойза эубиць). [Сорокина, Болина 2005, 71–7]

- (58) *N'ie-naʔ an'iʔ aga-ita-ʔas'e*
 ребенок-Pl.1Pl еще большой-Att-Ess
kane-ʔa-xaðo-duʔ ese-n'i-ðuʔ
 уйти-NVRes-El-3Pl отец-PlParent-3Pl

pert'u-ubi-t'i.

Teða nabe et'ui

помогать-Hab-s3Pl-Praet. Теперь новый подросток

obu-xu-ruu-doʔ n'i-e-Ø koma-ʔ.

что-Emph-Lim-Lat Neg-Aor-s3 хотеть-CN

‘Наши дети, когда немного подросли, родителям помогли. Теперешние дети ничего не хотят’. (Нина ань агайтась канехазду, эсенизу перчуубидь. Тэза набе эчуй обухуруд ни кома).

[Сорокина, Болина 71–2, 3]

- (59) *Mal't'a-da koxoðta-Ø-ða, ku <xu>-rii*
 малица-Acc.3 натянуть-Aor-o3 куда-Lim[-LatAdv]
kane-ta-Ø mal't'a poni-d'e
 уйти-Fut-s3 малица[-Acc] держать-VAinF

Mod'i-xua no-ne-na? mal't'a poni-d'e
 я-Emph с-LocAdv-1Pl малица[-Acc] держать-VAinf
kun'i-xua boa e-ubi-Ø-s'i.
 как-Emph плохо **быть-Nab-s3-Praet**

‘ <Теперь женщина > малицу натянет, хоть куда поедет в малице. Нам-то как-то нехорошо было малицу носить’. (Мальчада кохозтада, чикихон пэсрарадыз, кури канта мальча поничь. Модьхо ноньна мальча поничь куньхо боа зубиць.)
 [Сорокина, Болина 2005: 71: 98, 99]

Представленные в последних тех примерах контексты являются достаточно типичными для персональных нарративов «о том, как раньше жили». В таких нарративах основной составляющей зачастую является именно противопоставление двух временных планов. Соответственно, было бы естественно ожидать, что хаби-туалис в таких нарративах будет регулярно сопровождаться показателем прошедшего времени в тех случаях, когда ситуация в прошлом контрастирует с ситуацией в настоящем. Однако особенность хаби-туалиса в том, что он может употребляться в контекстах контрастивного прошедшего без показателя прошедшего времени⁷. Так, в следующем отрывке из подобного нарратива хаби-туальные формы употребляются и для описания событий в прошлом, и для описания событий в настоящем, причем налицо контраст между этими двумя временными планами (хаби-туальные формы, описывающие ситуации в прошлом, выделены полужирным шрифтом, хаби-туальные формы, описывающие ситуации в настоящем, выделены разрядкой):

- (60) 1. Тэжочузу боку кадыхун кадэби, тари тэжоча' **кауби**. 2. Торь ока энчи тэсуз **каиуби'**. 3. Сойза диричу педь, онэй энчу тыту дягомахаз бодухаз камозуд **каиуби'**. 4. Тоньин проб чики сойза диричужду **ни коуби**. <...> 5. Тэза онэй энчу сойзан дире'. 6. Тэзахо ань тэ понида сойзан дире'. 7. Тэза онэй энчу тэзу ока. 8. Тэза тэ боку кадохун ни кадему би. 9. Тэ соходагуза першал тэ прививказ с е да г у б и. 10. Сырную

⁷ Следует отметить, что в энецком хаби-туальная форма вообще не может быть оформлена показателем контрастивного прошедшего, и хаби-туалис в энецком употребляется как в «аористичных» контекстах, так и в контекстах «контрастивного прошедшего».

тэ понида бодухуз тэхон Потабуд туоби? 11 Обузуду чикизуду муь лабкахуз тараь, тэхон бодун каниуби?.

‘1. Олешки-их плохими болезнями болели, так олешки **умирали**. 2. Так много людей без оленей **оставалось**. 3. В поисках хорошей жизни, после гибели оленей, **уходили** энцы из тундры в деревни. 4. Там, однако, тоже хорошей жизни не **находили**. (...) 5. Сейчас энцы живут хорошо. 6. Теперь-то и оленеводы живут хорошо. 7. Теперь у энцев оленей много. 8. Теперь олени копыткой не болеют. 9. Фельдшер-ветеринар делает оленям прививки. 10. Зимой оленеводы из тундры приезжают оленями в Потапово. 11. Потом берут из лавки товар и назад в тундру оленями **уезжают**’.
[Сорокина, Болина 2005: 75–8, 9, 10, 11, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22]

Таким образом, мы находим в энецком три формы со значением реальной ситуации (аорист, инферентив и хабигуалис), по отношению к которым показатель *-s’i* выступает как морфологический оператор. Сохраняя грамматическое значение той формы, к которой он прибавляется, он «отодвигает» ситуацию в план прошедшего времени, контрастирующего с настоящим:

Помимо этого, однако, показатель прошедшего времени *-s’i* может прибавляться к формам со значением потенциального действия (будущего времени, конъюнктива, дебитива). К рассмотрению этих форм мы сейчас обратимся.

3.3. Будущее время в сочетании с показателем контрастного прошедшего

В энецком представлена форма будущего времени, употребление которой проиллюстрировано примером (61). К форме будущего времени также может прибавляться показатель контрастного прошедшего. Получившаяся форма может выражать значение ирреального следствия в условной конструкции, ср (62)–(63), а также значения действия в будущем с дополнителем модальным оттенком, ср. (64):

- ТЭ
- (61) *Ud’a-ḍo-i?* *kada-da-ḍo?*, *sira-ḍo-i?*
мясо-Dest[-Acc]-1 унести-Fut-s1 снег-Dest[-Acc]-1
pu-da-ḍo? *iḍi-do?*, *too dubo-ne*
положить-Fut-s1 котел-Lat тот время-LocAdv

noorta-de-no kere-n'i? enet'eu-n'i?

будить-Fut.Opl-op1 сам-1 человек-[Acc]Pl.1

‘Отнесу мясо <в чум>, положу снега в котел, потом буду будить свой народ’.

ТЭ

(62) *Toxono-ku-ne s'i-to ku-sii*
там-Dim-LocAdv PronAcc-2 найти-PtPraet

a-bu-no, s'i-to ne-ḏo-n'i?
быть-VACond-1 PronAcc-2 женщина-Dest-1

nexo-da-ḏo-d'i.

взять-Fut-s1-Praet

‘Если бы я встретил тебя раньше, взял бы тебя в жены’.
(Тохонкунэ сито кусй абуно, сито нэзони нэходāзоди)

[Лабанаускас 2002: 54]

ЛЭ

(63) *Enet'e? tie-? i-bu-ta*
человек домашний.олень-Асс Neg-VACond-3

meata-? teḏa, d'or'id'₂ onae enet'e
приручить-Conn сейчас_{1,2} настоящий человек

tie-s'udī e-ḏa-Ḑ-s'i.

домашний.олень-CaritAttr **быть-Fut-s3-Praet**

‘Если бы человек тогда оленя не приручил, и сейчас энец без оленя **был бы**’. (Энчи тэ’ избта мяата, тэза дёрить онэй энчи тэсуз эзаць). [Сорокина, Болина 2005, 52–50]

(64) *Oteduro-? n'i-u?: parne-t'a-j?*
ждать-Conn Neg[-Aor-s3]-Emph ведьма-Dim-1

to-ḏa-Ḑ-s'i meḏaḏa-s'e.

прийти-Fut-s3-Praet гостить-VAinf

‘Она ждала: ведьма **должна прийти** ко мне в гости’. (Отэдур ниу: парнэчай тозаць мяззаць)

[Сорокина, Болина 2005, 15–58]

3.4. Конъюнктив с показателем контрастивного прошедшего

В энецком представлена форма конъюктива, имеющая полную парадигму для всех трех лиц и выражающая побуждение или желание осуществления некоторой ситуации, ср. (65)–(67). Конъюнк-

тив, оформленный показателем контрастивного прошедшего, может выражать следующие значения:

- ирреальной ситуации (68)–(70);
- ирреального следствия в условной конструкции, как в (71);
- оформлять предикат целевого придаточного, как в (72) и (73);
- может использоваться в контекстах, близких к оптативным, как и исходная форма. ср. (74)–(76). Возможно, в примерах с контрастивным прошедшим компонент пожелания является более ярким, чем в примерах с оптативной формой (65)–(67); подобные примеры зафиксированы в настоящий момент только для лесного энецкого.

ЛЭ

1 лицо

(65) *ŋu-toʔ kani-nʹi-jʔ*
 один-Lat **уйти-Conn-s1Du**
eri-tʹe.

набрать.воды-VAInf

‘**Пойдем** вместе за водой’. (Џот каниний эричь).

[Сорокина, Болина 2005, 13–176]

2 лицо

(66) *Tođo bine buđimu-puʔ dʹiđi-do*
 потом веревка шевелиться-VACond ведро-Acc.2
eđonju eđta-nʹi-ro.

наверх **послать-Conn-o2**

‘Когда верёвка зашевелится, ведро наверх **отправь!**’ (Тоз бинэ бузимуб, дизид езною эзтанир). [Сорокина, Болина 2005, 8–51]

3 лицо

(67) *I-bu-ta piroso-ʔ, dʹađa-a-nʹiʔ*
 Neg-VACond-3 смочь-Conn идти-NVipfv-Gen.1
mi-one ne-nʹiʔ tu-nʹi-Ø.

в-Prol к-LatAdv.1 **прийти-Conn-s3**

‘Если не сможет, **пусть** по следам ко мне **придет**’. (Ибута пирос дязань меон нэнь тони).

[Сорокина, Болина 2005, 24–33]

- ТЭ
- (68) *Tod'i oro-ne-n'i?* *adaða-i-ro-s'i.*
ты впереди-LocAdv-1 **понять-Conj-o2-Praet**
'Ты **могла бы** догадаться раньше меня'.
- (69) *Ne-ne-do* *ire-i-ðo-d'i,*
с-LocAdv-2 **жить-Conj-s1-Praet**
kuunaad'u-xo-rii-? *n'i-e-od'od'iso-?*
как-Emph-LimPl-LatAdv Neg-Aor-o1 мочь-CN
'Я **бы жила** с тобой, [но] никак не могу'.
- ЛЭ
- (70) *Каða-n'i-Ø-s'i* *te-ðo-da*
убить-Conj-s3-Praet олень-Dest-Acc.3
seio-ða *bucu-m-a-Ø.*
сердце-3 плохой-Inch-Aor-s3
'**Убил бы** оленя, но сердце у него дрогнуло'.
[Сорокина, Болина 2005, 42–49]
- ТЭ
- (71) *Ixuto-sii* *a-bu-no* *ixoko-e*
курить-PlPraet быть-VACond-1 курить-VAinf
d'ud'e-i-o-s'i.
кончить-Conj-o1-Praet
'Если бы я курил, то [уже] **закончил бы** курить (= выкурил бы трубку)'.
- (72) *Mod'i nau-n'i?* *n'i-?* *nooro-bu-n'i?*
Pron1 нога-[Gen]Pl.1 на-LatAdv встать-VACond-1
sou-ta-Ø, *s'i-i?* *tudo-i-t'i.*
хорошим + быть-Pres-s3 PronAcc-1 **узнать-Conj-s3Pl.Praet**
'Наверно, мне надо встать на ноги, **чтобы** они меня **заметили**'.
- ЛЭ
- (73) *Onae* *ne-ro* *torse* *oburu-?*
настоящий женщина-2 такой вещь-Pl
kaða-Ø *mero?* *loiro-n'i-t'i.*
приготовить-Aor.s3 быстро **загореться-Conj-s3Pl.Praet**
'Энка такие вещи приготовила, **чтобы** быстро **загорелись**'.
(Онэй нэр торсе обуру' камаза мяр лойрунич).
[Сорокина, Болина 2005, 15–64]

- ЛЭ
- (74) *Oka-ita e-bu-ta soeđa e-n'i-Ø-s'i.*
 много-Att быть-VACond-3 хорошо **быть-Conj-s3-Praet**
 'Если оленей будет побольше, **было бы** хорошо'. (Окайта эбута сойза эниць). [Сорокина, Болина 2005, 52–18]
- (75) *Mod'i-xua malee s'i-j? tori s'ieda-ra?,*
 я-Emph уже PronAcc-1 так делать.Aor-s2Pl,
pora-j-n'i? an'i?, tus'aa-ku-j?, s'iiku-xu-rii-n'i?
 сгореть-PtPraet-1 еще пепел-Dim-1 зола-Emph-Lim-1
s'idi-đa? majku-n'i-t'i, цу-n'i-t'i.
 PronAcc-2Pl **мучить-Conj-s3Pl.Praet** **есть-Conj-s3Pl.Praet**
 'Вы уже со мной так поступили, пепел мой, зола моя **пусть** вас **мучают, пусть едят!**' (Модьхо мале сий торь сьедара, порайнь ань, туцаакуй, сиикухуринь сизза майкуничь, ооничь. — Sor.??). [Сорокина, Болина 2005, 12–328]
- (76) *Teđa mod'in'i? soeđa-ane d'ire-Ø-j?,*
 теперь мы.Du хороший-ProI жить-Aor-s1Du
teđa mod'i maju d'oxora-Ø-đo?
 теперь я беда[-Acc] не.знать-Aor-s1
enet'eo ma-mobi: "Mod'i maedu-ŋa-đo?",
 человек.Pl сказать-Hab[-s3Pl] я мучиться-Aor-s1
t'iki mae-?es'e kurse e-bu-ta?
 тот мучение-Ess какой быть-VACond-3
Mae-?es'e pielo-bu? boa?
 мучение-Ess искать-VACond плохо[-Pr3]
To, maedu-n'i-đo-d'i.
 вот **мучиться-Conj-s1-Praet.**
 'Теперь мы с тобой хорошо живем, теперь я беды не знаю. Люди говорят: «Я мучаюсь», хотел бы я знать, что такое беда. Плохо ли мне поискать беду? Я **бы помучился**'. (Тэза модинь сойзаан дирей, тэза модь маю дөхораз, энчу мамби: «Модь майдудаз», чики майсь курсе эбута? Майсь пелуб боа? То, майдунизудь). [Сорокина, Болина 2005: 45–5, 6, 7]

3.5. Дебитив в сочетании с показателем контрастивного прошедшего

В заключение — пример с обычной (77) и контрастивной (78) формой дебитива. В контрастивной форме используется показатель

дебитивного деепричастия *-t'uđo*, а не показатель финитного дебитива *-t'u*. В приведенном примере контрастивный дебитив используется в аподосисе ирреальной условной конструкции, с дополнительным компонентом уверенности говорящего в ситуации, о которой делается утверждение:

- ТЭ
- (77) *Tuɥna pio-đa ma-d'u-Ø.*
 может.быть ребенок-3 **сказать-Debit-s3**
 'Может быть, его дочь должна **сказать**'.
- (78) *Kare kudaxa-ne d'eđa-t'uđa-bo-s'i,*
 рыба[-Acc] далеко-LocAdv **застрелить-PtDebit-o1-Praet**
ɥuu-kone a-sii a-bu-n'i?
 один-Loc быть-PtPraet быть-VACond-1Du
 'Я, конечно, давно застрелил бы рыбу, если бы мы были вместе'. (Карэ кудахан дезачузaboси, нуукон аси абуни).
 [Лабанаускас 2002: 136]

Заключение

Таким образом, в энецком представлено до сих пор не выделявшееся в типологических описаниях значение контрастивного прошедшего. В семантическую сферу контрастивного прошедшего входит значение прекращенного прошлого, однако показатель контрастивного прошедшего имеет более широкое значение. В энецком показатель контрастивного прошедшего действует как морфологический оператор, прибавляясь к шести формам глагольной парадигмы. Их можно разделить на две группы: формы, обозначающие реальные ситуации (аорист, инферентив и хабитуалис) и формы, обозначающие потенциальные ситуации (будущее время, конъюнктив и дебитив). Показатель контрастивного прошедшего по-разному семантически модифицирует значения этих глагольных форм: прибавляясь к формам реальной семантики, он маркирует разрыв между планом настоящего и описываемой ситуацией, а прибавляясь к формам, обозначающим нереализованные действия, он переводит описываемую ситуацию из потенциального в ирреальный план. Тем самым, с типологической точки зрения, он ведет себя как полноценный показатель «ретроспективного сдвига» широкой сочетаемости [Плунгян 2001].

Значение «базовой» формы	Отношение к реальности	Значение формы с показателем -s'i
<i>аорист</i>	реальные ситуации	базовое значение + контраст с планом настоящего
<i>хабитуалис</i>		
<i>инферентивная форма</i>		
<i>будущее время</i>	потенциальные ситуации	ирреальные ситуации
<i>конъюнктив</i>		
<i>дебитив</i>		

Однако, помимо наличия типологических параллелей, мы хотели бы подчеркнуть и уникальность энецкого показателя, состоящую в особом значении «контрастивности», которое по-разному реализуется в аспектуальной, темпоральной и прагматической сферах. Это значение несводимо ни к значению прекращенного прошлого, ни к значению антирезультатива. Необходимо также отметить, что этот показатель не обладает плюсквамперфектными употреблениями, поэтому набор его значений также нельзя считать переходным от значения плюсквамперфекта (либо отдаленного прошлого) к значению антирезультатива. Таким образом, кажется, нельзя считать, что нестандартный набор контекстов объясняется тем, что мы наблюдаем этот показатель в переходный период его грамматической истории. Естественнее считать, что перед нами уникальное с типологической точки зрения грамматическое значение, являющееся исходным для данного показателя.

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; Acc — винительный падеж; Adv — форма падежного суффикса с пространственным значением (лативного, локативного либо элативного), использующаяся в пространственных наречиях и послелогах; Aor — аорист; Augm — аугментатив; CaritAttr — суффикс, образующий прилагательное с каритивным значением ('не имеющий чего-либо'); Comp — суффикс со значением подобия; Conj — конъюнктив; CN — коннегатив (неизменяемая форма смыслового глагола, употребляющаяся в сочетании с со спрягаемым отрицательным глаголом); Dest — дестинатив (предназначительная форма имени); Dim — диминутив; Du — двойственное число; Dur — дуратив; El — элатив; Emph — эмфатический показатель; Ess — эссив; Excl — восклицание; Fut — будущее время; Gen — генитив; Hab — хабитуалис; Imp — императив; Inch — инхоатив; Infer — инферентив; Lat — латив; Lim — лимитатив; Loc —

локатив; NVIpfv — отглагольное имя с имперфективным значением; NVRes — отглагольное имя с результативным значением; NVtemp — отглагольное имя, используемое в темпоральной конструкции; Neg — отрицательный глагол; Np — имперфектив; o — личные показатели объектного типа спряжения; OpI — показатель объектного типа спряжения с объектом множественного числа; Pl — множественное число; PlParent — множественное число имен родства; PN — имя собственное; Praet — прошедшее время; Pr — предикативные личные показатели имени; Pres — презумптив; ProI — пролатив; Pron — местоимение; PtPraes — причастие настоящего времени; PtPraet — причастие прошедшего времени; r — личные показатели рефлексивного типа спряжения; Rfl — показатель рефлексивного типа спряжения; s — личные показатели субъектного типа спряжения; VACond — условное деепричастие; VAinf — инфинитивное деепричастие.

Литература

- Бенвенист 1959 — Э. Бенвенист. Отношения времени во французском глаголе // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М.: «Прогресс», 1974. С. 270–284.
- Лабанаускас 1974 — К. И. Лабанаускас. Система времен ненецкого глагола // Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем). М.: Издательство АН СССР, 1974. С. 112–119.
- Лабанаускас 2002 — К. И. Лабанаускас. Родное слово. Энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы. СПб.: Просвещение, 2002.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики, вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. Стр. 50–88.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М.: «Восточная литература», 2003, Стр. 5–40.
- Сорокина 2010 — И. П. Сорокина. Энецкий язык. СПб.: «Наука», 2010.
- Сорокина, Болина 2005 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Энецкие тексты. СПб.: Наука, 2005.
- Терещенко 1973 — Н. М. Терещенко. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука. 1973.
- Шлуинский 2012 — А. Б. Шлуинский. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII, ч. 3: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб.: Наука, 2012. С. 950–996.

- Урманчиева 2006 — А. Ю. Урманчиева. Время, вид или модальность: глагольная система энецкого языка // Вопросы языкознания № 4, 2006. Стр. 84–100.
- Урманчиева, в печати — А. Ю. Урманчиева. «Антиподы» перфекта в самодийских языках: ненецкое прошедшее время // Acta Linguistica Petropolitana. СПб.: Наука (в печати).
- DeLancey 2012 — S. DeLancey. Still mirative after all these years. *Linguistic Typology* 16 (2012), p. 529–564.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 2006, 59.4, 317–349.
- Siegl 2013 — F. Siegl. *Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia*. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 267. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.

М. Ю. Пупынина

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

АСИММЕТРИЯ АФФИРМАТИВНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Вводные замечания

Во многих современных лингвистических работах отрицание рассматривается как маркированный член категории под названием *полярность* (см., например, [Мельчук 1998: 147]). При этом отрицание признаётся *оператором*, переключающим истинностный статус пропозиции. Судя уже по этим двум терминам, можно заключить, что метаязык описания лингвистического отрицания заимствован у логики и математики. Тем не менее, нельзя забывать, что лингвистическое отрицание несколько отличается от логической операции по отмене пропозиции или её части. В языке отрицание может вызвать значительные «побочные» изменения как в структуре той части пропозиции, статус которой оно меняет, так и в её семантике.

Представляется, что при исследованиях по типологии лингвистического отрицания весьма продуктивен поиск соответствий между отрицательными и утвердительными формами в различных языках и установление отношений симметрии/асимметрии между ними. Для этого отрицание должно быть адекватно описано в работах по конкретным языкам. В данной работе мы попытаемся описать весьма нетривиальную систему отрицания в чукотском языке и выяснить, насколько симметрична/асимметрична эта система по отношению к системе утвердительных форм.

2. Классификация асимметрии отрицания и утверждения

Симметрия/асимметрия аффирмативных и негативных форм проявляется на различных уровнях.

Например, можно выделить **прагматическую асимметрию**: если при употреблении аффирмативной глагольной формы в повествовательном предложении сообщается некоторая новая информация, то при использовании отрицательной формы идея соответствующего

утвердительного предложения уже присутствует в пресуппозиции. В отличие от «простого повествования», отрицание обязательно подразумевает взаимодействие с реальным или воображаемым собеседником, учитывая его ожидания. При произнесении предложений типа 'Он не пришёл' говорящий всегда подразумевает, что реципиент имеет противоположные ожидания ('он приходил/пришёл'), которые присутствуют в дискурсе в качестве пресуппозиции. Подробнее об этом см. [Givón 1978: 79–81], а также [Ramat 2006: 560].

С прагматическим типом асимметрии связана и так называемая **когнитивная асимметрия**: предложения с отрицанием обрабатываются значительно дольше, чем утвердительные предложения. Например, в эксперименте [MacDonald, Just 1989] участникам предъявляли изолированные предложения с отрицанием определённой составляющей и соответствующее предложение с другим элементом на месте отрицательного показателя (например, квантификатором). Участники должны были прореагировать на стимул нажатием кнопки. Использовались, например, следующие стимулы:

- (1) *Every weekend, Mary bakes **no bread** but only cookies for the children.*
- (1a) *Every weekend, Mary bakes **some bread** but no cookies for the children.*

Эксперимент показал, что реакция участников на стимул *bread* была намного медленнее в контексте отрицательного суждения, чем в контексте утвердительного. Это говорит о том, отрицание вызывает значительные сложности восприятия (*complexity of processing*). Психолингвисты объясняют данный факт тем, что воспринимающий сначала оценивает клаузу без отрицания, определяя, что будет составлять её пропозицию, и уже потом меняет знак перед нужным элементом на противоположный.

Далее, существует также **семантическая асимметрия**: лексические значения отрицательных форм/конструкций могут отличаться от значений соответствующих им утвердительных более чем на смысл «отрицание». О различном референциальном статусе подчинённых глаголу именных групп при утверждении и при отрицании см. [Givón 1978: 71–79]. Семантическая асимметрия имперфектива в русском языке исчерпывающе описана в работе [Падучева 2008].

Формальная асимметрия между отрицательными и утвердительными формами может быть обнаружена при сравнении двух глагольных форм, различающихся только полярностью. Схема выявления и классификации полярной асимметрии на формальном уровне подробно рассмотрена в типологическом исследовании М. Миестамо [Miestamo 2005].

В данной статье мы опишем значение и употребление отрицательных форм чукотского языка, на основе чего попытаемся определить, какие формы аффирмативной системы будут формально симметричны/асимметричны по отношению к ним. При этом мы будем пользоваться классификацией асимметрий, разработанной в [Miestamo 2005]. Также будут высказаны некоторые замечания по поводу семантической и прагматической асимметрии некоторых форм. Асимметрия глагольного отрицания в чукотском языке чрезвычайно сильно развита и в некоторых случаях имеет весьма оригинальные проявления.

Материалом исследования послужили анкеты и тексты, собранные автором во время экспедиций на Чукотку в 2008–2012 годах, а также опубликованные ранее тексты на чукотском языке. Примеры из анкет никак не помечаются, примеры из собственных текстов помечены буквой (*m*), для примеров из изданных текстов указывается источник.

3. Типы формальной асимметрии отрицания

В [Miestamo 2005] рассматривается исключительно т. н. стандартное отрицание — *standard negation* (термин введён Дж. Пэйном в работе [Payne 1986]). Под стандартным отрицанием М. Миестамо подразумевает основные способы, которыми выражается отрицание в индикативе, в главном глагольном повествовательном предложении (*verbal main clause*). Мы в данной работе будем рассматривать симметрию/асимметрию чукотского отрицания во всех временах/наклонениях.

Формальная симметрия отрицательных и утвердительных форм подразумевает, что негативный элемент добавляется к аффирмативной глагольной форме, никак на неё не воздействуя. При асимметрии добавление негативного элемента обязательно влечет за собой другие изменения. М. Миестамо выделяет две основных разновидности асимметрии: **структурную** (*constructional*) и **парадиг-**

матическую (*paradigmatic*). Структурная асимметрия определяется при сравнении двух словоформ — утвердительной и отрицательной — с одними и теми же ТАМ-характеристиками и в одной лично-числовой форме. Такая асимметрия обусловлена тем, что при образовании негативной формы задействованы более сложные механизмы, чем простое присоединение к аффирмативной форме негативного элемента: при его добавлении словоформа претерпевает некоторые дальнейшие структурные изменения [Miestamo 2005: 51–53]. При парадигматической асимметрии между аффирмативной и негативной парадигмами по разным причинам (см. ниже) нет одно-однозначного соответствия, т. е. при анализе необходимо сравнивать не утвердительную и отрицательную форму с одними и теми же грамматическими характеристиками, а полные парадигмы утвердительных и отрицательных форм.

В некоторых языках может быть обнаружена асимметрия обоих типов. В ряде случаев, однако, может создаться впечатление, что между противоположными по полярности формами / системами форм существует два типа асимметрии, структурная и парадигматическая, хотя на самом деле одна асимметрия являлась следствием другой. Такую асимметрию Миестамо называет **производной** (*derived asymmetry*) [Miestamo 2005: 156–161].

Миестамо выделяет три типа парадигматической асимметрии:

(1) Асимметрия, связанная с нейтрализацией (*neutralization asymmetry*).

Например, в языке бафут (бенуэ-конголезские языки) при отрицании нейтрализуется различие между настоящим и недавно прошедшим временами, так как показатель отрицания сочетается только с показателем настоящего времени. Специальных показателей отрицания в недавно прошедшем в этом языке нет.

(2) Асимметрия, обусловленная наличием двух различных глагольных систем при отрицании и утверждении (*different systems asymmetry*).

Например, в суахили (языки банту) в системе отрицательных форм функционируют специальные показатели вида-времени-наклонения, имеющие семантику, отличную от показателей ТАМ-системы утвердительных форм.

(3) Асимметрия, связанная с парадигматическим смещением (*displacement asymmetry*).

Например, в языке туника (язык-изолят, Северная Америка) при отрицании динамических глаголов в хабиуталисе используется форма семельфактива со специальным показателем отрицания. Тем не менее отрицательная форма семельфактива всё же существует, так как для в ее образовании участвует другой отрицательный показатель [Miestamo 2005: 54].

Кроме того, М. Миестамо использует и другую классификацию асимметричного отрицания, не связанную с разделением на структурную и парадигматическую асимметрию, см. Таблицу 1.

Таблица 1. Классификация типов отрицания по [Miestamo 2005: 60]¹

Тип	Подтип	Дальнейшая классификация подтипов
Симметричное	-	-
Асимметричное	A/Fin	A/Fin/Neg-LV A/Fin/Neg-FE A/Fin/Neg-Cl A/Fin/NegVerb
	A/NonReal	
	A/Emph	
	A/Cat	A/Cat/TAM A/Cat/PNG

Подтип A/Fin (асимметрия по финитности) связан с потерей смысловым глаголом финитных свойств и имеет несколько вариантов: A/Fin/Neg-LV (негативный элемент добавляется к лексическому глаголу, входящему в состав отрицательной аналитической конструкции), A/Fin/Neg-FE (негативный элемент присоединяется к вспомогательному глаголу), A/Fin/Neg-Cl (маргинальный тип, лексический глагол теряет финитность, а негативный элемент присоединяется не к лексическому и не ко вспомогательному глаголу, а ко всей клаузе) и A/Fin/NegVerb (отрицательная конструкция состоит из специального отрицательного глагола в финитной форме и смыс-

¹ Используемые в таблице обозначения типов асимметрии будут подробно прокомментированы ниже.

лового глагола в нефинитной форме). Подтип A/NonReal (асимметрия статуса реальности ситуации) подразумевает, что в отрицательных конструкциях обязательно присутствует какой-либо показатель ирреалиса в дополнение к маркеру отрицательной полярности. При подтипе A/Emph (эмфатическая асимметрия) в отрицательной форме облигаторно присутствует эмфатический маркер. Подтип A/Cat (асимметрия категорий) связан с различиями между аффирмативными и негативными формами в отношении маркирования грамматических категорий глагола. A/Cat, в свою очередь, делится на A/Cat/TAM (асимметрия связана с маркированием времени, аспекта и модальности) и A/Cat/PNG (асимметрия касается таких категорий, как лицо, число, род). Могут встречаться и другие варианты асимметрии A/Cat. Классификация, представленная в Таблице 1, и приведенное выше деление на структурную и парадигматическую асимметрию независимы друг от друга. Таким образом, отрицательные конструкции, характеризующиеся как структурной, так и прагматической асимметрией, могут относиться к любому из указанных подтипов. При классификации парадигматической асимметрии за обозначениями приведенных выше подтипов следует также обозначение определенного типа этой асимметрии (см. выше): “Neutr” (асимметрия, связанная с нейтрализацией), “DiffSys” (асимметрия аффирмативной и негативной глагольных систем), и “Displc” (парадигматическое смещение) — например, “A/Cat/TAM/Neutr”.

4. Чукотская глагольная система: общий обзор утвердительных форм

Прежде чем приступить к детальному рассмотрению аффирмативных и негативных форм чукотского глагола, необходимо дать некоторые предварительные сведения о чукотской глагольной системе.

В чукотском языке действует гармония гласных по подъёму; по умолчанию все приводимые в тексте статьи морфемы даются в слабом вокализме.

Для чукотских финитных глагольных форм характерны биперсональность (в переходном спряжении) и кумулятивное маркирование времени и наклонения. Некоторые исследователи говорят о противопоставлении между реалисом и ирреалисом внутри чукотской глагольной системы [Володин, Скорик 1997: 24]. Это спорный тезис:

с одной стороны, ирреальные времена/наклонения не имеют специального ирреального показателя, как в других языках, где традиционно выделяют ирреальное «наклонение». Однако они противопоставлены позиционно: по наличию маркера времени/наклонения в позиции слева от корня. Так, различные показатели конъюнктива, императива и будущего времени располагаются в позиции «-2» (см. Схему 1), а глагольные формы реализа (аорист и презенс) имеют нулевой показатель в той же позиции. Ср. глагольные формы в примере (2): (а) — аорист, (б) — будущее время, (в) — кондиционалис. Жирным шрифтом выделены ирреальные показатели.

- (2а) *Tə-wiri-y^ʔe-k*
1SG-спускаться-PFV-1SG
'Я спустился'.
- (2б) *T-re-wiri-y^ʔe*
1SG-FUT-спускаться-PFV
'Я спущусь'.
- (2в) *T-ʔə-wiri-y^ʔe*
1SG-COND-спускаться-PFV
'Я бы спустился'.

Схема1. Структура словоформы чукотских финитных форм

-3	-2	-1	0	1	2	3	4
Лицо+ число S/A инверсив (для 3SG.A- >2P/1PL.P и 3PL->P всех лиц)	Время/ накло- нение	Инверсив <i>ine-</i> (только для 2A- >1SG.P и 3SG.A- >1SG.P)	R	Инвер- сив <i>-tku</i> (только для 2A- >1PL.P)	Аспект	время (для некото- рых форм буд.вр.)	Лицо +чис- ло A/S/P

Чукотский показатель презенса (ноль в позиции «-2» и имперфективный маркер в позиции «2») специфицировался как показатель выражения дуративного настоящего, по-видимому, недавно, и ранее имел более широкую семантику (как в других чукотско-камчатских языках), см. [Волков и др. 2012]. В сфере

реалиса ему противопоставлен аорист (ноль в позиции «-2» и перфективный маркер в позиции «2»). Время и наклонение в чукотской финитной глагольной словоформе занимают одну позицию — позицию «-2», поэтому показатели данных категорий часто рассматриваются как члены одной грамматической оппозиции. Все ирреальные времена/наклонения имеют перфективную и имперфективную парадигмы, при этом перфективный показатель является обязательным не для всех форм перфективных парадигм. В чукотской грамматике [Dunn 1999] приводятся свидетельства в пользу того, что данный показатель, имеющий весьма различное материальное выражение ($-y^?e/-y^?i/-y^?a$) является на самом деле «тематическим» (thematic), а формы, им маркированные, — аспектуально нейтральными [Dunn 1999: 190–191].

Инверсивные показатели включаются в словоформу с переходным глаголом согласно чукотскому варианту иерархии одушевленности и в различных лично-числовых комбинациях могут располагаться справа или слева от корня.

В чукотском языке существуют также две формы, известные в литературе под ярлыками «перфект» и «имперфект», имеющие структуру словоформы, отличную от «обыкновенного» финитного глагола. Формы этого типа, называемые также «адъективными» (см. [Волков и др. 2012]), присоединяют показатели, которые оформляют некоторые существительные и прилагательные в предикативной позиции. Ограничений на лексическую сочетаемость у финитных² и адъективных форм нет. Адъективные формы моноперсональны и при употреблении с переходным глаголом по умолчанию согласуются с именной группой, выражающей пациенс. Они не принимают показателей времени/наклонения, S/A показателей глагольного спряжения (кроме инверсива) и аспектуальных показателей финитных форм. Показатели аспекта в них располагаются в терминальной

² Под финитностью в данной статье подразумевается способность глагольной формы присоединять показатели различных грамматических категорий, имеющих в данном языке (см. Схему 1). Таким образом, адъективные формы оказываются «менее финитными», т. к. не имеют показателей времени/наклонения (см. Схему 2). Формы, названные ниже «нефинитными», как правило, не присоединяют показатели категорий, представленных на Схеме 1, или же могут быть маркированы только показателями лица/числа.

левой позиции в словоформе (в отличие от финитных форм, где аспектуальный показатель располагается справа). Адъективные формы могут иметь только реалисную интерпретацию.

Схема 2. Структура словоформы адъективных форм

-2	-1	0	1	2
Аспект	Инверсив <i>ine-</i>	R	Инверсив <i>-tku</i>	Лицо+число A/S/P

Обладая меньшим набором категориальных противопоставлений, эти формы являются, некоторым образом, «менее финитными», чем собственно финитные глагольные формы.

В (3) ср. два примера формы имперфекта *nə-miŋçiret-iŋəm* ‘работала’, *nə-ŋrənrə-ŋəm* ‘дали’, и один пример перфекта *ŋa-mane-pere-ŋəm* ‘получила’:

- (3) *Nə-miŋçiret-iŋəm*, *qoŋ=itək əŋqen nə-ŋrənrə-ŋəm*
 IPFV-работать-1SG один=раз DEICT IPFV-дать-1SG.P
trutudnja-t, *ŋa-mane-pere-ŋəm*.
 трудодень-AVS.PL PF-деньги-брат-1SG
 ‘Работала я, и вот, однажды дали мне трудодни — заработала денег.’ (m)

Основные значения финитных и адъективных форм представлены в Таблице 2. Пунктирной чертой обозначена условная граница различий в аспектуальных значениях между презенсом и имперфектом. Значение дуратива в референции к настоящему имперфект принимает реже, чем все остальные свои значения, а презенс реже выражает хабитуалис, чем дуратив, однако здесь речь идет скорее о некоторой тенденции, чем о подлинной закономерности. Кроме того, в ряде случаев существует конкуренция между аористом (особенно в комплетивном значении) и перфектом (см. [Недялков и др. 1984], [Волков, Пупынина (в печати)]. Наконец, еще раз отметим факт сосуществования в одной системе совершенно различного морфологически оформленных форм, из которых второй тип форм (адъективные) относится только к реалису и имеет свои собственные показатели. Таким образом, ТАМ-система утвердительных форм сама по себе является в некотором роде асимметричной.

Таблица 2. Значения финитных и адъективных форм чукотского языка

Временная референция	Аспектуальный кластер	Основные аспектуальные значения	Финитные формы	Адъективные формы
Настоящее время	Имперфектив	Дуратив	Презенс	Имперфект
		Хабитуалис		
Прошедшее время	Имперфектив	Дуратив		
		Хабитуалис		
	Перфектив	Пунктив	Аорист	Перфект
	Результатив			
Будущее время	Имперфектив		Fut.Pfv ³	
	Перфектив		Fut.Ipfv	
Императив	Имперфектив		Impr.Ipfv	
	Перфектив		Impr.Pfv	
Кондиционалис	Имперфектив		Cond.Ipfv	
	Перфектив		Cond.Pfv	

5. Сопоставление афfirmативных и негативных форм/конструкций чукотского языка

5.1. Отрицательные формы и конструкции: общий обзор

В чукотском языке существует несколько отрицательных конструкций, которые можно разделить на два типа: (1) конструкции «частица+глагол» с глаголом в финитной форме (императив или кондиционалис) и (2) отрицательные нефинитные формы — «деепричастия»⁴ — и их производные (конструкции и номинализации).

³ Здесь для имперфективной и перфективной парадигм даются сокращенные названия, состоящие из указания на временную отнесенность и аспектуальный кластер.

⁴ Нефинитные формы, называемые здесь «деепричастиями», не являются характерными представителями этого класса. Среди неординарных свойств этих форм можно выделить, например, их частое употребление без вспомогательного глагола в качестве независимого предиката, или их способность образовывать номинализации. В связи с этим мы берем

Ниже будут изложены результаты анализа использующихся в современном чукотском языке негативных глагольных форм и конструкций. По семантике и сфере использования отрицательных форм мы можем судить о том, с какой утвердительной формой они могут коррелировать (что не всегда очевидно при простом сравнении отрицательных и утвердительных парадигм). Из этого, в свою очередь, может быть сделан вывод о том, какие типы асимметрии возникают между ними.

5.2. Конструкции «частица+глагол» с глаголом в финитной форме (императив или кондиционалис)

Конструкции «частица+глагол в императиве» (далее «частица+Impr») по некоторым параметрам отличаются от конструкций «частица+глагол в кондиционалисе» (далее «частица+Cond»), поэтому мы будем рассматривать их отдельно друг от друга.

Сначала рассмотрим подробнее конструкции «частица+Impr». В таких конструкциях могут использоваться три частицы: *wanewan* (сокращенный вариант *wane*), *etlə* и *qərəm*. Далее мы будем говорить о двух разных по семантике конструкциях — *wanewan/etlə+Impr* (частицы *wanewan* и *etlə* взаимозаменяемы) и *qərəm+Impr*. Все эти частицы относятся к элементам отрицательной полярности (т. е. употребляется только в отрицательных конструкциях) и нейтрализуют императивное значение глагольной формы. В зависимости от типа частицы конструкция имеет референцию к небудущему (*wanewan/etlə*) или будущему (*qərəm*) времени. В конструкциях такого типа встречаются почти исключительно перфективные формы императива (напомним, что в системе утвердительных форм имеется две императивные парадигмы, перфективная и имперфективная). См. примеры на *wanewan+Impr* (4), *etlə+Impr* (5) и *qərəm+Impr* (6).

- (4) *I'am taŋ-wanewan qə-qametwa-ye?*
 почему INTS-NEG.NFUT IMPR.2SG-есть-PFV
 'Почему совсем не ешь (сейчас)?'
- (5) *Etlə itək ə'n-ejje!ʔetə-n.*
 NEG.NFUT DEICT IMPR.3SG.INV-ругать-3SG.P
 'Его же не ругали (за недавнюю провинность)'. (m)

данный термин, употребляющийся в более ранних работах по чукотскому языку, например [Недялков и др. 1984], в кавычки.

- (6) *Eryatak* *yət* *ra-koļoçe-nta-yʔa?* — *Yəm qəram*
 завтра ты FUT-Усть.Белая-VB-PFV я NEG.FUT
mə-koļoçe-nta-k.
 IMPR.1SG-Усть-Белая-VB-1SG
 ‘Завтра поедешь в Усть-Белую? Я не поеду’.

В (4) и (5) приведены примеры на дуративную семантику конструкции *wanewan/etʃə+Impr*. Ниже в примерах (7) и (8) представлены примеры на хабиуталис:

- (7) *Ətʃon enmeç emnuŋ-kə wanewan*
 Он уже тундра-LOC NEG.NFUT
nə-miçiret-yʔe-n.
 IMPR.3SG-работать-PFV-3SG
 ‘Он уже в тундре не работает’.

- (8) *Neppəl-ʔew wa-ma wane*
 Маленький-ADV быть-CONV NEG.NFUT
mə-teryat-ək.
 IMPR.1SG-плакать-1SG
 ‘Когда я был маленьким, я не плакал’.

В перфективных контекстах конструкции *wanewan/etʃə+Impr* встречаются несколько реже:

- (9) *Ətrʔec ŋewʔe-n wanewan n-iwə-n*
 только жена-ABS.SG NEG.NFUT IMPR.3SG-говорить-3SG
jetti, ətəŋ ʃuŋ-yite-te recqiwə-ʃʔə-n
 здравствуй даже NEG-смотреть-NEG приходит-NMLZ-3SG
əʔweqis.
 муж.ABS.SG
 ‘Только жена не сказала ему «здравствуй», даже не посмотрела на пришедшего мужа’. [Kurebito, Oda 2004: 34]

В Таблице 3 суммированы данные по семантике рассматриваемых конструкций. Таблица 3 является модификацией Таблицы 2; для удобства представления данных мы объединили столбцы «Аспектуальное значение» и «Аспектуальный кластер».

Аффирмативные и негативные формы в чукотском языке

Таблица 3. Распределение утвердительных форм и отрицательных конструкций по видо-временным зонам

Временная референция	Аспектуальное значение	Финитные формы	Адъективные формы	Отрицательные конструкции «частица+Impr»
Настоящее время	Дуратив	Презенс	Имперфект	<i>Wanewan / etʃə+Impr</i>
	Хабитуалис			
Прошедшее время	Дуратив			
	Хабитуалис			
	Пунктив	Аорист		
	Результатив		Перфект	
Будущее время	Перфективное	Fut.Pfv		<i>Qəram+Impr</i>
	Имперфективное	Fut.Ipfv		

Итак, отрицательные конструкции «частица+Impr» не коррелируют «напрямую» ни с одним из времен/наклонений чукотского языка, однако каждая из них соответствует нескольким формам аффирмативной системы. Конструкция *wanewan/etʃə+Impr* соответствует утвердительными формам презенса, имперфекта и аориста, при этом все аспектуально-темпоральные различия между ними при отрицании нейтрализуются. В будущем времени под отрицанием нейтрализуются только аспектуальные различия⁵.

Такая «перегруппировка» ТАМ-системы при отрицании, связанная с нейтрализацией определенных аспектуально-темпоральных различий, обозначает, что мы имеем дело с асимметрией типа A/Cat/ТАМ/Neutr — асимметрией категорий. Эта асимметрия также парадигматическая (асимметрия, связанная с нейтрализацией).

В [Miestamo 2005: 101–102] чукотская конструкция *qəram+Impr* отнесена к типу A/NonReal/Displc. Конструкция *wanewan/etʃə+Impr* у Миестамо не упоминается, хотя ее с уверенностью можно отнести к тому же типу. Эта асимметрия связана с использованием именно императивных форм для отрицания в небудущем и будущем вре-

⁵ Нужно отметить, что процент употребления имперфективных форм ирреалиса при утверждении также сравнительно невелик: соотношение имперфективных и перфективных форм в ирреалисе составляет примерно один к девяти, см. [Недялков и др. 1984: 203].

менах — факт, типологически достаточно нетривиальный. Поскольку в отрицательных конструкциях со смысловым глаголом в финитной форме используется только форма императива, можно говорить о том, что, имея материальный показатель в позиции «-2», с формально-позиционной точки зрения все отрицательные конструкции «частица+Impr» относятся к **ирреальной сфере** наряду с конъюнктивом, будущим временем (аффирмативным) и императивом (соображения по поводу чукотского ирреалиса см. выше, в п. 4). Таким образом, NonReal в данном случае обозначает, что отрицательные формы оказываются позиционно маркированы так же, как ирреальные формы. Подтип асимметрии, определенный М. Миестамо для данных конструкций, — парадигматическое смещение. Детально аргументируя такое решение, М. Миестамо пишет, что отрицательные конструкции формально симметричны формам императива, и можно было бы предположить, что различия между императивом и не-императивом при отрицании нейтрализуются. Однако вместо этого имеет место парадигматическое смещение: императивная парадигма используется для отрицания в индикативе, а в прохитиве используется другая отрицательная форма (нефинитная форма *e-...-ke*, см. 5.3).

Конструкция *qərəm+Cond*, встречающаяся в современных текстах и анкетах, является, по-видимому, новообразованием. В таких конструкциях значение кондиционалиса не нейтрализуется.

Отрицательная конструкция *qərəm+Cond* встречается только в аподосисе условного предложения (ср. пример (10)); в протасисе при отрицании употребляется конструкция с нефинитной формой *e-...-ke* (см. ниже п. 5.3, пример (18)).

- (10) *Ewət n²-iǰə-r²u-y²en,* **qərəm**
 Если COND.3SG-дождь-VB-PFV NEG.COND
mən²-iwini-çqiw-mək.
 COND.1PL-охотиться-PURP-1PL
 ‘Если бы начался дождь, мы бы не пошли на охоту’.

В конструкциях *qərəm+Cond*, также как и в конструкциях *qərəm+Impr*, используются только перфективные формы глагола. Таким образом, здесь можно выделить асимметрию категорий, связанную с нейтрализацией A/Cat/TAM/Neutr. См., однако, сноску 4.

5.3. Отрицательные «деепричастия» (смысловый глагол в нефинитной форме) и их производные

Наряду с двумя рассмотренными выше конструкциями в чукотском языке существуют две нефинитных формы, так называемые «деепричастия», оформляемые циркумфиксами *e-...-ke*⁶ и *ɬuŋ-...-(t)e*.

В самостоятельном употреблении они способны выступать в качестве как зависимого, так и независимого предиката⁷. Существуют следующие конструкции с нефинитными формами, употребляющимися в функции сказуемого в независимом предложении: (1) простая нефинитная форма; (2) нефинитная форма со вспомогательным глаголом; (3) номинализация, образованная с помощью суффикса причастия *-ɬʷ* и следующих за ним лично-числовых суффиксов. Форма на *e-...-ke* может употребляться также с различными частицами (см. ниже). Примеры нефинитных форм и конструкций с ними представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Конструкции с отрицательными «деепричастиями»

	<i>e-...-ke</i>	<i>ɬuŋ-...-(t)e</i>
Самостоятельное употребление «деепричастия»	<i>e-tipʷejŋe-ke</i> NEG-петь-NEG 'Не пел(и)' («не певши»); может употребляться в референции к любому лицу/числу) / 'Не пой'	<i>ɬuŋ-tipʷejŋe-te</i> NEG-петь-NEG 'Не спел(и)' («не спевши»); может употребляться в референции к любому лицу/числу)
Употребление со вспомогательным глаголом	<i>e-tipʷejŋe-ke</i> NEG-петь-NEG <i>n-it-iɣət</i> ipfv-AUX-3SG 'Ты не поёшь'.	<i>ɬuŋ-tipʷejŋe-te</i> NEG-петь-NEG <i>ɣa-twa-jɣət</i> PF-AUX-2SG 'Он не спел'. («не спевшим был»)

⁶ В случае, если основа начинается с гласной, первый компонент циркумфикса опускается.

⁷ Употребления в качестве зависимого предиката далее рассматриваться не будут.

Номинализация	<i>e-tip²eŋe-kə-l²-iyət</i> NEG-петь-NEG-NMLZ-2SG 'Ты не поёшь' («не поющий») / 'Ты не пел' («не певший»)	<i>ŋuŋ-tip²eŋe-tə-l²-iyət</i> NEG-петь-NEG-NMLZ-3SG 'Он не спел' («не спевший»)
---------------	---	---

Простая нефинитная форма *e-...-ke*, как правило, имеет реальное прочтение и может относиться к любому лицу/числу.

В качестве сказуемого в независимом предложении форма *e-...-ke* более частотна в номинализованном варианте, а *ŋuŋ-...-(t)e* в этой функции чаще употребляется самостоятельно. Употребление в отрицательной конструкции со вспомогательными глаголами наименее частотно для обоих «деепричастий», ср. Таблицу 5.

Таблица 5. Частотность употреблений простых нефинитных форм отрицательных «деепричастий», конструкций со вспомогательным глаголом и номинализаций⁸

	<i>e-...-ke</i>	<i>ŋuŋ-...-(t)e</i>
всего	81 употребление (100%)	100 употреблений (100%)
— (простая форма)	24%	58%
+AUX	17%	20%
номинализация	59%	22%

Ниже значение и употребление нефинитных форм и их производных будут рассмотрены подробнее.

Как нефинитная форма *e-...-ke* в самостоятельном употреблении, так и ее номинализация имеют, как правило, имперфективный оттенок значения (дуратив, хабитуалис) и реальную интерпретацию (относятся к небудущему времени). Ср. примеры:

⁸ Статистика основана на текстовой части Базы данных отрицательных предложений, созданной в программе MS Access во время работы над кандидатской диссертацией [Пупынина 2012]. Всего База насчитывает 896 вхождений и включает примеры на глагольное и именное отрицание. В текстовую часть базы данных входят как изданные тексты, так и тексты, записанные во время экспедиций. Следует отметить, что в статистику включены все употребления формы *e-...-ke*, в т. ч. в составе прохибитивной конструкции.

- (11) *I'am atʃon e-n-untəm-ew-et-ke?*
 Почему EMPH NEG-CAUS-спокойный-CAUS-VB-NEG
 ‘Что ж ты его не унимаешь (сейчас)?’ (m)
- (12) *Dinqeј-u wa-ma taŋ-a-teryat-kə-ʃ'e-γəm.*
 мальчик-EQU быть-CONV INTS-NEG-плакать-NEG-NMLZ-1SG
 ‘Когда я был мальчиком, совсем не плакал’.

Однако в некоторых контекстах отрицательное «деепричастие», употребленное без подлежащего, может иметь прохибитивное прочтение:

- (13) *E-tenŋətku-ʃ'et-ke, re-keʃ'etə-net.*
 NEG-смеяться-DUR-NEG FUT-призывать.злых.духов-3PL.P
 ‘Много не смейся — призовёшь злых духов’. (m)

Как уже говорилось, такие употребления, в целом, маргинальны. Чаще в прохибитивном значении употребляется конструкция *əŋje+ e-...-ke*:

- (14) *Əŋje ekwet-ke jo'o-k.*
 NEG.PRON выходить-NEG пурга-LOC
 ‘Не ходи в пургу’.

Рассматриваемая форма часто употребляется с частицей *jeр* ‘еще’. Конструкция *jeр+e-...-ke* может употребляться только с референцией к прошлому:

- (15) *Jeр a-pan'eŋəto-ka γənin ə'tt'ə-t.*
 ещё NEG-отдохнуть-NEG твой собака-ABS.PL
 ‘Твои собаки ещё не отдохнули’.

Аналитические конструкции с формой *e-...-ke* имеют более разнообразную семантику, чем самостоятельные нефинитные формы и номинализации. Интересно отметить, что «деепричастия» сравнительно редко употребляются со вспомогательными глаголами в той форме, которая соответствовала бы семантике самостоятельно употребленного «деепричастия» и номинализации, т. е. с имперфектом и презенсом, выражающими дуративное и хабитуальное значение. В Таблице 6 см. статистику употреблений по текстам книги сказок [Такакава 1974].

Таблица 6. Употребление форм *e-...-ke* со вспомогательными глаголами по текстам [Такакава 1974] (13000 словоупотреблений)

Форма вспомогательного глагола	Количество употреблений
Презенс	2
Аорист	3 (в 2 из 3 случаев — вспомогательный глагол с инхоативной семантикой)
Имперфект	1
Перфект	2 (вспомогательный глагол с инхоативной семантикой)
Будущее время	4
Кондиционалис	1
Итого	13

Таблица 6 показывает, что формы на *e-...-ke* используются со вспомогательными глаголами в основном тогда, когда необходимо выразить одно из ирреальных значений, то есть будущее время, кондиционалис или императив, см. пример (16). Кроме того, чтобы передать акциональное значение вхождения в состояние, используется глагол «становиться» в аористе или перфекте (такие формы очень частотны) — см. пример (17).

- (16) *Ənəkit e-jəl-ke*
 если NEG-отдавать-NEG
r-ine-ntə-y'e waj=əm t-ra-nmə-yət.
 FUT-INV-AUX-PFV DEICT=EMPH 1SG.A -FUT-убивать-2SG.P
 ‘Если не отдашь, убью тебя’. [Такакава 1974: 54]

- (17) *Ənqəteq ya-ytə-maraw-more, ənqenata*
 Недавно PF-INTS-ссориться-1PL поэтому
awn-a-wetəw-ka mətə-n'eļ-mək.
 INTS.NEG-NEG-говорить-NEG 1PL-AUX.INCH-1PL
 ‘Недавно мы сильно поссорились, поэтому перестали разговаривать (=не разговаривающими стали)’.

e-...-ke со вспомогательным глаголом в форме кондиционалиса встречается, как правило, в условных предложениях. Эта конструкция употребляется только в аподосисе условного предложения, т. е. в его зависимой части, выражающей ирреальное условие. Если под

отрицание попадает предикат протасиса условного предложения, используется конструкция *qərəm+COND* (см. выше п. 5.2).

- (18) *Ewət ilet-ke n²-itə-n₂ muri*
 если идти.о.дожде-NEG COND.3SG-AUX-3SG мы.ABS
mən²-iwini-çqiw-mək.
 COND.1PL-охотиться-PURP-1PL
 ‘Если бы не было дождя, мы бы пошли на охоту’.

Форма на *luŋ-...-(t)e* гораздо уже по семантике, чем форма на *e-...-ke*. Она не употребляется с частицами и практически не используется в ирреалисе (единичные примеры такого употребления встречаются только в переводных анкетах). Аспектуальная семантика формы, в целом, перфектно-результативная. Как сама форма, так и ее производные имеют референцию только к плану прошедшего.

Примеры различных конструкций с «деепричастием» на *luŋ-...-(t)e*: (19) — собственно нефинитная форма, (20) — номинализация, (21) — употребление со вспомогательным глаголом.

- (19) *Etə luŋ-joŋaw-ŋəta-ta.*
 Наверное NEG-морская.капуста-VB-NEG
 ‘Наверно, (они так и) не пошли за морской капустой’. (*m*)

- (20) *ʔətwet y-ew-ŋin?*
 лодка.ABS.SG PF-продырявливаясь-3SG
 — *luŋ-ewə-ŋ²-en.*
 NEG-продырявливаясь-NMLZ-3SG
 ‘Лодка протекла? — Нет, не протекла (не протекающая)’.

- (21) *Ajwe qaa-t luŋ-ewii-te y-it-ŋinet.*
 Вчера олень-ABS.PL NEG-пасть-NEG PF-AUX-3PL
 ‘Вчера олени совсем не попались’.

В большинстве случаев *luŋ-...-(t)e* употребляется со вспомогательным глаголом в форме аориста. Например, в текстах сказок [Такава 1974] (см. Таблицу 5) все 14 употреблений *luŋ-...-(t)e* в составе аналитической конструкции — это употребления со вспомогательным глаголом в аористе.

Определим теперь, с какими глагольными формами коррелируют два типа форм, и какие типы асимметрии для них характерны.

Аффирмативные и негативные формы в чукотском языке

и негативными парадигмами рассматриваемых форм, с другой стороны, поможет нам следующая таблица.

Таблица 7. Распределение утвердительных форм и отрицательных «деепричастий» и их производных по видо-временным зонам

Временная референция	Аспектуальное значение	Финитные формы	Адъективные формы	Отрицательные «деепричастия» и их производные
Настоящее время	Дуратив	Презенс	Имперфект	<i>e-...-ke, номинализации и e-...-ke+AUX</i>
	Хабитуалис			
Прошедшее время	Дуратив			
	Хабитуалис			
	Пунктив	Аорист		
	Результатив		Перфект	<i>ʃuŋ-...-(t)e, номинализации и ʃuŋ-...-(t)e +AUX</i>
Будущее время	Перфективное			<i>e-...-ke +Aux</i>
	Имперфективное			
Императив	Перфективное			<i>e-...-ke +Aux əŋŋe+ e-...-ke</i>
	Имперфективное			
Кондиционалис	Перфективное			<i>e-...-ke +Aux</i>
	Имперфективное			

По таблице видно, что отрицательные формы (по крайней мере, «деепричастия» в самостоятельном употреблении и их номинализации) почти полностью соответствуют адъективным формам. Имперфект маркирует дуратив в настоящем времени реже, чем презенс, однако такие употребления возможны. Таким образом, отрицательные «деепричастия» на *e-...-ke* парадигматически и семантически симметричны по отношению к утвердительным формам имперфекта и перфекта (адъективным формам).

В зоне прохибитива все несколько сложнее. Прохибитивная конструкция *эпје+ е-...-ке* может иметь референцию только ко 2 лицу. Между ней и формой императива существует структурная асимметрия описанного выше типа: A/Fin/Neg-LV. Однако устройство системы отрицательных форм теоретически позволяет включить в аналитическую конструкцию с формой *е-...-ке* вспомогательный глагол в любом наклонении, в т. ч. в императиве — в любом лице/числе. Однако конструкции с императивом первого и третьего лица встречаются крайне редко и только при элицитации: императив и прохибитив **прагматически** асимметричны; трудно найти естественный контекст, в котором прохибитивные формы имели бы референцию к 1 и 3 лицу (по крайней мере, для чукотского языка). Таким образом, теоретически парадигмы императива и прохибитива *е-...-ке+AUX(Impr)* симметричны, однако на самом деле не все формы этой парадигмы используются в речи. Об этом типе асимметрии в чукотском см. также [Пупынина 2011]. А вот для перевода стимулов 2 лица в форме прохибитива информанты свободно используют как с конструкцией *эпје+ е-...-ке*, так и конструкции типа *е-...-ке+AUX(Impr)*.

Отдельно нужно сказать несколько слов про употребление частицы *јер* с деепричастием на *е-...-ке*. Как уже говорилось, конструкция такого рода передает значение «еще не» и имеет референцию к прошедшему времени. Эта конструкция не включена в Таблицу 6 по следующей причине. Известно, что для таких конструкций сложно найти утвердительный коррелят — ср. упоминание о трудностях, возникающих при поиске утвердительного коррелята к таким предложениям в разделе 1.2. в [Падучева 1974/2007: 144]. Такую асимметрию принято называть **семантической**.

6. Основные результаты

Проанализировав чукотские отрицательные формы и конструкции, мы выделили три типа асимметрий. Это два типа прагматической асимметрии, A/Cat/TAM/Neutr и A/NonReal/Displc, и структурная асимметрия A/Fin/Neg-LV. Два из этих типов A/NonReal/Displc и A/Fin/Neg-LV, были определены М. Миестамо по грамматическим описаниям, и один был впервые выделен нами в ходе настоящего исследования.

Существующие в чукотском языке типы отрицания подтверждают некоторые типологические обобщения, сделанные в [Miestamo 2005]. Во-первых, нереализованность отрицаемого действия в реальном мире приводит к тому, что типологически часто отрицание маркируется как ирреалис, как произошло с конструкциями «*частица+Impr*». Во-вторых, широкое использование нефинитных форм при отрицании в чукотском языке, скорее всего, связано с общей «стативностью» действия, выраженного отрицательной формой или конструкцией: даже если отрицаемый глагол является динамическим по своей семантике, отсутствие события, им обозначаемого, по определению не может быть динамическим — см. [Miestamo 2005: 196].

Метод классификации асимметрий, предложенный М. Миестамо, хорош в типологическом плане, однако он не охватывает множества фактов, имеющих значение при описании отрицания в конкретных языках. К таким фактам относится наличие конструкций, просто не имеющих адекватных соответствий в утвердительной системе, типа чукотской конструкции *jep+e-...-ke*, или прагматическая асимметрия императива и прохибитива, приводящая к возникновению асимметрии парадигматической. Кроме того, анализ формальной асимметрии позволяет иметь дело только с соответствиями типа *ОДНА утвердительная парадигма vs. ОДНА отрицательная парадигма (или ее отсутствие)*, т. е. не позволяет принимать во внимание случаи, когда, например, одной парадигме утвердительных форм соответствует две отрицательные парадигмы. Именно так происходит в чукотском языке, где в аффирмативных условных предложениях обе части условной конструкции маркируются кондиционалисом, а при отрицании формально симметричная форма кондиционалиса употребляется только в главной части; если же отрицание содержит зависимая клауза, в ней должна быть употреблена конструкция *e-...-ke+AUX*. При утверждении в языке современных чукчей употребляется, в основном, форма перфективного кондиционалиса (имперфективные формы кондиционалиса, по-видимому, выходят из употребления).

Еще несколько слов о соответствиях утвердительной и отрицательной системы чукотского языка. Выше мы рассматривали отдельно два типа отрицательных форм и конструкций, употребляющихся в чукотском языке. Попробуем объединить их в одной

таблице и посмотреть, как они соотносятся друг с другом и с системой утвердительных форм. Чтобы сделать таблицу более компактной, наложим 2 и 3 столбцы Таблиц 3 и 4 друг на друга и объединим столбцы, иллюстрировавшие распределение двух типов отрицания по видо-временным зонам.

Таблица 8. Система утвердительных и отрицательных форм чукотского языка

Временная референция	Аспектуальное значение	Формы утверждения	Формы отрицания
Настоящее время	Дуратив	Презенс, <i>имперфект</i> (реже)	<i>wanewan / etʃə+Impr, e-...-ke</i>
	Хабитуалис	<i>Имперфект</i>	
Прошедшее время	Дуратив	Аорист	<i>wanewan / etʃə+Impr</i>
	Хабитуалис		
	Пунктив		
Будущее время	Результатив	Перфект	<i>ʃuŋ-...-(t)e</i>
	Перфективное	Fut.Pfv	<i>qəɾəm+Impr, e-...-ke +AUX</i>
Имперфективное	Fut.Ipfv		
Императив	Перфективное	Impr.Pfv	<i>əŋje+e-...-ke; +AUX</i>
	Имперфективное	Impr.Ipfv	
Кондиционалис	Перфективное	Cond.Pfv	<i>qəɾəm+Cond, e-...-ke +AUX</i>
	Имперфективное	Cond.Ipfv	

Система отрицания в значительной степени неравновесна (как и сама по себе система утвердительных форм). Так, существует несколько форм и конструкций, способных выражать отрицание в имперфективе небудущего: это конструкция *wanewan+Impr*, самостоятельно употребленное «деепричастие» на *e-...-ke*, его номинализация и, реже, отрицательная конструкция с «деепричастием».

При этом формы на *e-...-ke* противопоставлены имперфекту, а *wanewan+Impr*, наоборот, не имеет ярко выраженного коррелята и противопоставлена трем формам, в том числе и имперфекту, у которого «уже есть» коррелятивная отрицательная пара.

Можно предположить следующую гипотезу возникновения такой ситуации. Конструкция *wanewan+Impr*, по-видимому, является инновацией для чукотского языка. Частица *wanewan* не используется в других языках чукотско-корякской семьи. В самых ранних из имеющихся текстов, записанных в конце XIX в., например [Богораз 2004], она появляется окказионально и хаотически (например, в качестве дополнительной частицы к конструкции *e-...-ke+AUX*). Лишь в текстах, собранных в 30-е гг. XX века, ее употребление выравнивается, и она начинает использоваться только с формой императива и становится не менее частотной, чем формы отрицательных «деепричастий». В то же время, конструкция *qəram+Impr* существует в корякском и алюторском языках. Вероятно, конструкция *wanewan+Impr* образовалась по аналогии с *qəram+Impr*, которая обслуживала во всех языках семьи только сферу ирреалиса.

В системе отрицательных форм можно выделить «подлинно небудущее время», т. к. в большинстве случаев настоящее и прошедшее при отрицании не различаются. В системе аффирмативных форм, скорее всего, ранее также имела место такая ситуация: вероятно, раньше форма презенса могла выражать также и значения прошедшего времени (такие примеры встречаются в старых текстах конца XIX — начала XX вв., а в редких случаях — и в более современных текстах), однако в недавнее время специфицировалась для выражения дуративного настоящего.

Далее, существует два варианта выражения отрицания в будущем времени, кондиционалисе и императиве, причем они не соответствуют перфективной и имперфективной парадигмам утвердительных форм, а противопоставлены по финитности (ср. противопоставление по финитности финитных и адъективных форм аффирмативной системы).

Интересен также факт наличия разнообразных модификаций форм *e-...-ke* и *luŋ-...-(t)e*, которые также во многих случаях кажутся взаимозаменяемыми. Хотя общая нефинитность отрицания и указывается М. Миестамо как одно из функционально обусловленных

свойств отрицания, такое разнообразие вариантов нефинитных форм и конструкций весьма удивительно.

С нашей точки зрения, система отрицательных форм чукотского языка весьма нетривиальна, ее связи с системой утвердительных форм сложны и требуют дополнительного, более детального изучения. Архитектура этой системы, в особенности использование для отрицания в индикативе форм императива, является редким, если не уникальным явлением среди языков народов России, а возможно, и среди языков мира.

Список глосс

A — агенс; ABS — абсолютив; ADV — наречие; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; COND — кондиционалис; CONV — деепричастие; DEICT — дейктический элемент; DUR — дуратив; EMPH — эмфатическая частица; EQU — экватив; FUT — будущее время; IMPR — императив; INTJ — междометие; INCH — инхоатив; INTS — интенсификатор; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NFUT — небудущее время; NMLZ — номинализатор; P — Пациенс; PL — множественное число; PFV — перфектив; PF — перфект; PURP — пурпозитив; PRON — прохибитив; REST — рестриктив; SG — единственное число; VB — вербализатор; 1, 2, 3 — показатели лица

Литература

- Богораз 2004 — Чукотские мифы и фольклорные тексты, собранные В. Г. Богоразом // ELPR Publication Series A2-046. Kyoto, 2004.
- Володин, Скорик 1997 — А. П. Володин, П. Я. Скорик. Чукотский язык // А. П. Володин (ред.). Языки мира. Палеоазиатские языки М.: Индрик, 1997. С. 23–39.
- Волков и др. 2012 — О. С. Волков, М. А. Даниэль, М. Ю. Пупынина, Д. А. Рыжова. К характеристике аспектуальной системы чукотско-камчатских языков // Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий. Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII. Ч. 2. СПб.: Наука, 2012. С. 396–457.
- Волков, Пупынина (в печати) — О. С. Волков, М. Ю. Пупынина. Категория перфекта в чукотско-камчатских языках // Т. А. Майсак, В. А. Плуныян, К. П. Семёнова (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. VII: Типология перфекта (в печати).
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 2: Морфологические значения. М. — Вена: Языки русской культуры, 1998.

- Недялков и др. 1984 — В. П. Недялков, П. И. Инэнликэй, И. В. Недялков, В. Г. Рахилин. Значение и употребление чукотских видо-временных форм // А. В. Бондарко (ред.). Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1984. С. 200–259.
- Такакава 1974 — М. К. Такакава (сост.). Кто самый сильный на Земле? Чукотские сказки. Магадан: Кн. изд-во, 1974.
- Падучева 2008 — Е. В. Падучева. Имперфектив отрицания в русском языке // Вопросы языкознания, №3, 2008. С. 3–21.
- Падучева 1974/2007 — Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: УРСС, 2007.
- Пупынина 2011 — М. Ю. Пупынина. Парадигматическая асимметрия императива и прохибитива в чукотском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2011. С. 180–183.
- Пупынина 2012 — М. Ю. Пупынина. Способы выражения отрицания в чукотском языке: Дис... канд.фил. наук. ИЛИ РАН, СПб., 2012.
- Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi: unpublished Ph.D. dissertation. Australian National University, 1999.
- Kurebito, Oda 2004 — T. Kurebito, J. Oda (eds.). Chukchi Animal Folktales. Tokyo: OM Company, 2004.
- Givón 1978 — T. Givón. Negation in Language: Pragmatics, Function, Ontology // P. Cole (ed.). Syntax and Semantics. Vol. 9. Pragmatics. New York: Academic Press, 1978. P. 69–112.
- MacDonald, Just 1989 — C. MacDonald, A. M. Just. Changes in Activation Levels with Negation // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, № 15, 1989. P. 633–642.
- Miestamo 2005 — M. Miestamo. Standard Negation: the Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- Payne 1986 — J. R. Payne. Negation // T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description. V. 1: Clause Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 197–242.
- Ramat 2006 — P. Ramat. Negation // K. Brown (ed.). Encyclopedia of Language & Linguistics. Boston: Elsevier, 2006. P. 559–570.

Ф. И. Рожанский

ИЯз РАН — Тартуский университет, Москва — Тарту

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕДУПЛИЦИРОВАННЫХ ИДЕОФОНОВ В КОМИ ЯЗЫКЕ

1. Предварительные замечания

Данная статья посвящена редуплицированным идеофонам в языке коми. Сам факт существования идеофонов в коми языке не является уникальным: идеофоны представлены во многих языках мира, в том числе и в ряде уральских языков¹. Также не удивляет наличие редуплицированных идеофонов — последние практически всегда составляют заметную, если не большую часть этого класса слов. Однако система идеофонов в коми заслуживает пристального внимания, и не только из-за того, что она не была в достаточной мере исследована, но и потому что в ней наблюдается ряд черт, нетипичных для редуплицированных идеофонов в других языках.

Используемый в статье материал был собран автором в 2002–2003 годах в деревне Еремеево Троицко-Печерского района Республики Коми² и не претендует на полное соответствие с литературным коми языком³.

¹ См., например, [Казакевич 1990; Mikone 2001; Рожанский 2002]. Заметим, однако, что в традиции описания уральских языков, и коми в частности, идеофоны, как правило, не считались отдельным классом слов — их необоснованно и довольно неуклюже причисляли то к наречиям, то к междометиям, а иногда смешивали со звукоподражаниями под общим ярлыком «изобразительные слова» (ср., например, [Некрасова 1998; Жилина, Бараксанов 1971: 165–166; Кривошекова-Гантман 1961]). Более подробный анализ этой проблемы приведен в [Rozhanskiy 2007]. О различии звукоподражательных слов и идеофонов см. [Рожанский 2008].

² Работа проводилась в рамках экспедиций, организованных Отделением теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

³ Автор выражает благодарность Николаю Кузнецову за помощь при анализе языкового материала.

Типичная с типологической точки зрения идеофоническая система характеризуется следующими признаками:

а) Она включает от нескольких десятков до одной-двух тысяч идеофонов.

б) Идеофоны образуют группы, характеризующиеся наличием специфической фонетической структуры. Большое число идеофонов представлено редуплицированными формами, очень часто характеризующимися дивергенцией (различием частей редуплицированного слова).

в) Идеофоны являются морфологически простыми словами (то есть состоят только из корневой морфемы), но могут участвовать в словообразовательных процессах (например, от идеофонов часто образуются глаголы).

г) Идеофоны либо оказываются слабо интегрированными в структуру предложения, либо вводятся в предложение при помощи вспомогательного глагола. Обычно в языке существует несколько глаголов, которые используются в этой функции. Такие глаголы практически теряют свое лексическое значение и выступают как носители грамматических характеристик. Связь идеофона со вспомогательным глаголом очень тесная (в частности, почти всегда они располагаются в предложении рядом друг с другом).

д) Семантика идеофонов устроена специфически: i) идеофон часто ассоциируется не с абстрактным понятием или характеристикой, а с конкретной ситуацией и выражает различные ее аспекты (визуальные, звуковые и пр.), ii) входящие в состав идеофона фонетические сегменты интерпретируются с семантической точки зрения, iii) идеофоны обычно относятся к одному из определенных семантических полей (походки, необычная форма, поблескивание, шумы и т. д), причем набор этих полей слабо коррелирует с генетической или ареальной принадлежностью языка.

е) Идеофоны характерны прежде всего для разговорной речи и стилистически маркированы.

Система идеофонов коми языка с точки зрения большинства перечисленных параметров выглядит достаточно типичной. В имеющемся у нас списке немногим менее ста редуплицированных

идеофонов⁴, почти все они относятся к одной из типичных структур (CVC-CVC, CVCV-CVCV, CVCC-CVCC, CVCCV-CVCCV и CCVCV-CCVCV), имеют определенные ограничения на сегментный состав и, как правило, содержат дивергенцию. Коми идеофоны могут сочетаться с различными вспомогательными глаголами (см. [Лудыкова 1992]), но лишь некоторые из них (*munj* ‘идти’, *kivnj* ‘слышать’, *vižnj* ‘держать’, *kernj* ‘делать’, *vartnj* ‘ударить’, *večnj* ‘делать’) являются полностью делексикализованными (см. [Fejes 2004]) и используются особенно часто. Связь коми идеофонов со вспомогательным глаголом очень тесная — вплоть до того, что во многих работах пара «идеофон — вспомогательный глагол» рассматривается как одна лексема, в которой вспомогательный глагол квалифицируется как специфический суффикс (см. ниже). Семантика редуцированных коми идеофонов также совершенно типичная, прежде всего, это различные повторяющиеся шумы (*bu’a-bo’a* ‘о бульканье, журчании’, *vuz-vaz* ‘с хрустом (обычно, про еду)’, *vučka-vačka* ‘о клокочущих звуках (например, про кипящую кашу)’, *gir-gar* ‘о шуме (тархтение, скрежет и т. п.)’), нестандартные походки и движения (*vil’ski-vol’ski* ‘скользя’; *l’utki-l’etki* ‘вихляя, шатаясь’, *turki-tarki* ‘шатаясь, качаясь, изгибаясь’), различные дефекты формы (*vužjn’-vežjn’* ‘кривой, искривленный’, *l’už-l’až* ‘лохматый, растрепанный’), характеристики высокой степени интенсивности действия (*gumjl’-gamjl’* ‘быстро (проглотить)’, *šur-šar* ‘быстро, стремительно’, *purk-park* ‘быстро, резко (что-то сделать)’).

Однако как минимум две черты коми идеофонов выглядят крайне нетипично. Одна из них касается направления редупликации и, соответственно, системы дивергенции. Вторая связана с критерием морфологической простоты — у многих коми идеофонов мы наблюдаем сложную и нетривиальную морфологию. Рассмотрим эти черты подробнее.

⁴ По нашей оценке, общее число идеофонов (как редуцированных, так и нередуцированных) в рассматриваемом говоре коми языка приблизительно равно 150–200 лексемам. Заметим впрочем, что молодое поколение носителей, постоянно общающееся на коми языке, почти утратило владение идеофонами: в лучшем случае молодые носители знают десяток таких лексем.

2. Дивергенция в идеофонах

Как уже было сказано выше, для редуплицированных идеофонов в коми языке характерна дивергентная (т. е. неточная) редупликация. В дивергированных идеофонах, где копия редупликации отличается от основы, можно определить направление редупликации и квалифицировать редупликацию как прогрессивную (правую) или регрессивную (левую). Определение направления осуществляется на основе двух критериев: а) качества фонетических сегментов, различающих части редуплицированного слова, и б) наличия однокоренных слов.

Применим эти критерии к нашему материалу.

Наиболее частым случаем дивергенции в редуплицированных идеофонах является дивергенция гласного (или нескольких гласных). Во всех известных нам языках количество гласных, подвергавшихся изменению, заведомо больше, чем количество гласных, на которые производится замена. Как правило, существует один основной «дивергирующий» гласный, который наблюдается во всех либо в подавляющем большинстве случаев дивергенции в идеофонах. Поэтому, сопоставляя гласные в разных частях идеофона, почти всегда можно определить, какая часть идеофона является основой редупликации, а какая — копией.

В Таблице 1 представлены схемы дивергенции, которые были отмечены в имеющемся у нас списке коми идеофонов⁵.

По Таблице 1 невозможно однозначно определить доминирующий гласный (и, следовательно, направление редупликации). В 80 процентах случаев (4 из 7 схем дивергенции) гласным первой части оказывается [u], но при этом в 66 процентах случаев (3 из 7 схем дивергенции) гласным второй части оказывается [a].

⁵ Всего в нашем списке содержится 85 идеофонов с дивергенцией гласных. Проценты в Таблице 1 считались только от этого списка, а не от общего числа идеофонов. Идеофоны без дивергенции гласных в нашем материале оказались представлены небольшим числом примеров. В данной таблице они не учитывались.

Таблица 1. Гласные первого слога в идеофонах с дивергенцией
(коми язык)

Гласный первой части	Гласный второй части	Количество (%)	Примеры
u	a	~ 55	<i>nuza-naza</i> 'гнусявя, ноя', <i>śul'-śal'</i> 'с плеском'
u	o	~ 20	<i>škuv-škov</i> 'о громком гулком звуке (о выстреле ружья и т. п.)', <i>bul'a-bol'a</i> 'о бульканье, журчании'
i	o	~ 9	<i>vil'ski-vol'ski</i> 'скользя', <i>gil'-gol'</i> 'с громким, звонким шумом'
i	a	~ 6	<i>girska-garska</i> 'шаркая, скребя (о звуке)', <i>žiža-žaža</i> 'с шипением (например, при жарке)'
j	a	~ 5	<i>grjma-grama</i> 'громыхая, грохоча', <i>kjša-kaša</i> 'о шуршании, шебуршании'
u	e	~ 4	<i>vužjn'-vežjn'</i> 'кривой, искривленный', <i>lutki-l'etki</i> 'вихляя, шатаясь (о походке)'
u	ε	~ 1	<i>zurk-zεrk</i> 'о резких движениях'

Такая картина дивергенции представляется крайне нетипичной. Сравним для примера коми с родственным марийским языком, используя аналогичную таблицу, составленную на материале собранных нами марийских идеофонов⁶.

⁶ Материал по марийским идеофонам был собран автором в 2001 году в селе Старый Торъял Новоторъяльского района Республики Марий Эл. В марийском языке дивергенция в идеофонах распространена несколько меньше, чем в коми. Всего в нашем списке представлено 42 идеофона с дивергенцией гласных. Более подробно марийские идеофоны описаны в статье [Рожанский 2002]. Заметим, что в марийском языке немало двусложных идеофонических корней, и дивергенция в них может затрагивать оба гласных (например, *kəve-kovo* 'быстро'), однако в приводимой таблице мы рассматриваем только первый гласный.

Таблица 2. Гласные первого слога в идеофонах с дивергенцией (марийский язык)

Гласный первой части	Гласный второй части	Количество (%)	Примеры
э	о	~ 67	<i>jəlt-jolt</i> ‘искрясь, сверкая’, <i>rəšt-rošt</i> ‘чеканным шагом, с силой ударяя ногой’
э	и	~ 19	<i>jəšt-jušt</i> ‘быстро’, <i>kədər-kudər</i> ‘коряво’
э	а	~ 5	<i>n’amər-n’amər</i> ‘вязкий, разваренный’, <i>kədər-madər</i> ‘кривой, искривленный’
о	и	~ 5	<i>ola-vula</i> ‘пятнистый’, <i>joli-juli</i> ‘сверкая’
э	ï	~ 2	<i>rəž-rüž</i> ‘дружно’
а	и	~ 2	<i>kadər-guder</i> ‘извилистый’

Здесь ситуация представляется очевидной. Доминирующим гласным оказывается [э] в первой части редуплицированного слова: 93 процента случаев, 4 из 6 схем дивергенции. Ни один из гласных второй части не может претендовать на доминирование: [о] встречается в 67 процентах случаев, но всего лишь в одной из 6 схем дивергенции, [и] встречается в 3 схемах дивергенции, но это всего лишь 26 процентов примеров. Таким образом, не вызывает никакого сомнения, что в марийском языке мы имеем дело с регрессивной редупликацией, при которой оригинальный гласный второй части идеофона заменяется на [э] в первой части. Все остальные случаи могут рассматриваться как окказиональные.

Почему же коми идеофоны не демонстрируют подобной картины? Обратимся ко второму из указанных выше критериев, основывающемуся на словообразовательных процессах.

Идеофоны часто участвуют в словообразовательных процессах, например, глаголы образуются от идеофонов или наоборот идеофоны образуются от глаголов⁷. Для редуплицированного дивергентного идеофона существует три возможности: либо родственных глаголов у него нет, либо такой глагол есть и его корень совпадает с одной

⁷ Впрочем, на месте глагола может оказаться и другая часть речи.

из частей идеофона, либо таких глаголов два и каждая часть идеофона идентифицируется со своим глаголом⁸. Очевидно, что для определения направления редупликации подходит именно второй случай, поскольку он выявляет, какая из частей редулицированного слова является главной (ср. например, с русским *тик-так*, где первая часть слова является основой редупликации, а вторая — дивергированной копией, что подтверждается наличием глагола *тикать*, но отсутствием глагола *такать*⁹).

Среди идеофонов со схемами дивергенции *и-о* и *и-с* не находится примеров, когда первая часть идеофона имеет родственное слово, а вторая нет. Зато обратная ситуация оказывается достаточно частой: *gul'-gol'* 'о звонком звуке (например, о разбившейся банке)' (*gol'* 'звук, бряк', но **gul'*)¹⁰, *gun'-gon'* 'настороженно смотря (повернув голову или крутя шеей)' (*gon'* 'вытянув шею', но **gun'*), *vužjn'-vežjn'* 'кривой, искривленный' (*vežjn'* '1) перекошенный, 2) перекос, искривление', но **vužjn'*), *l'ug-l'eg* 'шатаюсь, качаясь, виляя' (*l'egni* 'шататься, трястись, шевелиться, колебаться', но **l'ug*). Это свидетельствует о том, что [u] является гласным, заменяющим при дивергенции исходный гласный, и соответствующие примеры следует квалифицировать как регрессивную редупликацию. Однако идеофоны со схемами дивергенции, не содержащими [u] (т. е. *i-a* и *j-a*), демонстрируют другую картину: среди них встречаются примеры, когда однокоренные слова находятся у первой части идеофона и отсутствуют у второй (например,

⁸ Последний из перечисленных вариантов может возникать по разным причинам. Например, от каждой части редулицированного идеофона был образован глагол, или же идеофон был образован от глагола, а подвергшаяся дивергенции часть идеофона послужила источником для образования нового глагола. Ситуацию, когда обе части идеофона были образованы от глаголов, мы не рассматриваем, поскольку в таком случае это уже не редупликация, а парное слово.

⁹ Мы исходим из презумпции, что главная часть редулицированного слова активнее участвует в словообразовательных процессах. Хотя, вероятно, в некоторых языках существуют примеры, нарушающие это правило, по нашим наблюдениям, в подавляющем большинстве случаев оно действует.

¹⁰ Здесь и далее, констатируя отсутствие слова, мы подразумеваем, что отсутствует слово со схожей семантикой (то есть родственное рассматриваемому идеофону).

gima-gama ‘о громыхании, громком стуке’, ср. *gimavnj* ‘гремять (о громе)’ при отсутствии **gama-*), обратного же не наблюдается. Наиболее показательной оказывается самая распространенная схема дивергенции *u-a*. С одной стороны, у большинства таких идеофонов основной оказывается вторая часть: *lujk-lajk* ‘качаясь, шатаясь’ (*lajkn’itnj* ‘качнуть, покачнуть’, **lujk-*), *puś-paś* ‘вдребезги’ (*paśmunj* ‘разбиться вдребезги’, **puś-*), *nuzā-naza* ‘гнусявя, ноя’ (*nazgijnj* ‘ныть, гнусаить’, **nuzā-*)¹¹. С другой стороны, находится немало случаев, где однокоренные слова есть только у первой части: *l’uz-l’az* ‘растрепанный’ (*l’uz’v’izjnj* ‘свисать, растрепаться’, **l’az-*), *mura-mara* ‘про урчание, ворчание (например, о медведе)’ (*muravnj* ‘урчать’, **mara-*), *n’uv-n’av* ‘о быстром горении, о ситуации “огонь слизнул”’ (*n’uvnj* ‘лизать’, **n’av-*).

Таким образом, не остается сомнений, что коми идеофоны могут использовать как регрессивную, так и прогрессивную редупликацию. Первая является более частотной, но вторая представлена отнюдь не единичными примерами. В случае регрессивной редупликации дивергирующим гласным оказывается [u], а в случае прогрессивной — [a]. Ситуация, когда один и тот же язык в одних и тех же целях использует и прогрессивный, и регрессивный типы редупликации, представляется нам типологически очень редкой¹².

3. Морфология идеофонов

3.1. Стратегии использования идеофонических корней

В большинстве языков идеофоны представляют собой класс морфологически простых слов, то есть являются чистыми корнями. Их интеграция в структуру предложения либо производится гла-

¹¹ В [Безносилова и др. 2000] отмечен глагол *nuzgijnj* (значение дано отсылкой к *nazgijnj*), однако мы квалифицируем его как новообразование от *nuzā-naza* (вероятно, диалектно ограниченное), поскольку такого глагола нет в словаре [Коми-русский словарь 1961] и его не знали ни один из наших информантов. Ниже аналогичная ситуация наблюдается с глаголом *n’avmunj* ‘загореться, заняться’.

¹² К сожалению, мы не располагаем информацией о том, как обстоит дело в близкородственном удмуртском языке. В немногих публикациях, посвященных удмуртским изобразительным словам, (см., например, [Алатырев 1948, Тараканов 1990, Шибанов 2010]) соответствующих данных не содержится.

голами-связками, вводящими идеофоны, либо оказывается довольно слабой, что иллюстрируется отнесением идеофонов к междометиям, которое мы наблюдаем в традициях описания ряда языков. При этом, как уже отмечалось выше, во многих языках идеофоны включены в словообразовательные процессы: часто приходится видеть глаголы (реже слова других морфологических классов), которые имеют идефонический корень¹³. В языках, склонных к изоляции, и идеофон, и однокоренной глагол в равной степени могут быть представлены редуцированными формами (ср., например, в бамана лексемы *boròbàrá* 'перезреть (о фруктах), быть с душком (о мясе), прокисать, бродить (о приготовленной пище)', *bìrìkìbàráká* 'разбрасывать' и *bìrìbòró* 'очень грязный', *bàgìbàgì* 'очень горячий': первые две помечены в [Bailleul 1981] как глаголы, вторые — как идеофоны), поскольку в таких языках частеречные различия основываются, прежде всего, на синтаксических, а не морфологических критериях. В языках с развитой морфологией редуцированная форма идефона является своего рода препятствием для того, чтобы стать полноценным представителем изменяемой части речи: обычно, если существует редуцированный идеофон, однокоренной глагол не содержит редупликацию. Такие пары «редуцированный идеофон» — «нередуциро-

¹³ Здесь мы намеренно используем обтекаемую формулировку, не определяющую направление словообразовательного процесса (то ли идеофон «оброс» морфологическими показателями и стал глаголом, то ли глагол потерял показатели и превратился в идеофон). Вопрос о направлении словообразования в таких случаях является крайне нетривиальным, поскольку очевидные доказательства в пользу того или иного направления существуют редко. Эта проблема возникает, в частности, из-за того, что идеофоны характерны для разговорной речи, и ожидать их фиксации в письменных источниках было бы наивно (тем не менее, известны достоверные примеры «деидеофонизации», см., например, [Childs 2001: 66]). Теоретически возможны оба направления деривации и не исключено, что они могут смешиваться в одном и том же языке (например, глаголы образуются от идеофонов, а некоторые другие глаголы становятся источником новых идеофонов). Для нашего исследования направление деривации не является принципиальным, но наличие специальных суффиксов, образующих коми глаголы от идеофонов (см. ниже), свидетельствует именно о процессе деидеофонизации.

ванный глагол» типичны и для коми языка (выше приводился ряд таких примеров).

Однако коми идеофоны обладают и другими свойствами, которые ни в коей мере нельзя назвать типичными. Рассмотрим следующие несколько примеров:

- (1a) *siję grjм-gram vetl-ę žož kužta*
 3SG IDEO ходить-PRS.3SG пол вдоль
 ‘Она с шумом по полу ходит’.
- (1б) *kodķę pjr-ę grjма-grama*
 кто-то входить-PRS.3SG IDEO¹⁴
 ‘Кто-то заходит с грохотом’.
- (1в) *posvož-jп vaša mjķę grjма-grama kjl-i-s*
 сени-INESS Вася что-то IDEO слышать-PST-3SG
 ‘В сенях Вася что-то шумел’.
- (1г) *t’el’ega grjмka-gramka mun-ę*
 телега IDEO идти-PRS.3SG
 ‘Телега с грохотом едет’.
- (2a) *mс leppuć-ti¹⁵ ruč-rač mun-i*
 1SG бурелом-PROL IDEO идти-PST.1SG
 ‘Я по бурелому с шумом шла’.

¹⁴ Как будет показано ниже, морфологическая интерпретация идеофонических форм представляет в коми языке серьезную проблему и не всегда является однозначной. Поэтому в приводимых примерах мы не членим идеофонические формы, и лишь при необходимости приводим в скобках их грамматические характеристики. Аналогично морфологические характеристики (время, лицо и число) приводятся только в тех случаях, когда не возникает сомнения в их наличии. В действительности же целый ряд форм допускает различные интерпретации, выбор одной из которых требует синтаксического анализа и может быть произведен лишь с большей или меньшей степенью уверенности. Прежде всего, это касается форм, оканчивающихся на [a].

¹⁵ Мы не настаиваем на слитной записи этого слова, которое, по всей видимости, является композитом. В известных нам словарях коми языка оно не отмечено. Вероятно, это слово является диалектизмом.

- (2б) *oš ruč-rač mun-i-s*
 медведь IDEO идти-PST-3SG
 ‘Медведь с треском прошел’.
- (2в) *oš vēr-jn ručka-račka kjl-i-s*
 медведь лес-INESS IDEO слышать-PST-3SG
kos ul-jas-ɛn
 сухой сук-PL-INSTR
 ‘Медведь в лесу трещал сухими сучьями’.
- (2г) *oš vēr-jn ručkis-račkis*
 медведь лес-INESS IDEO(PST.3SG)
kos ul-jas-ɛn
 сухой сук-PL-INSTR
 ‘Медведь в лесу трещал сухими сучьями’.
- (3а) *pečē luntjr brutkis-brotkis kjl-ɛ*
 бабушка целый день IDEO(PST.3SG) слышать-PRS.3SG
čelʹadʹ vjle
 дети на
 ‘Бабушка целый день ворчала на детей’.
- (3б) *pečē luntjr brutka-brotka kjl-i-s*
 бабушка целый день IDEO слышать-PST-3SG
čelʹadʹ vjle
 дети на
 ‘Бабушка целый день ворчала на детей’.
- (3в) *me talun brutki-brotki njl-ɛj vjle*
 1SG сегодня IDEO(PST.1SG) дочь-POSS.1SG на
 ‘Я сегодня ругалась (=ворчала) на дочь’.
- (3г) *me brutka-brotka njl-ɛj vjle*
 1SG IDEO дочь-POSS.1SG на
 ‘Я ругаюсь (=ворчу) на дочь’.
- (3д) *pečē talun vetlɛdl-ɛ da*
 бабушка сегодня ходить-PRS.3SG и
luntjr brutkɛ-brotkɛ
 целый день IDEO(PRS.3SG)
 ‘Бабушка сегодня ходит и целый день ворчит’.

Приведенные примеры позволяют сделать следующие два наблюдения:

1) Коми идеофоны не всегда предстают в виде чистого корня. Сравни, например, *grjm-gram* (1а), *grjma-grama* (1б), (1в) и *grjmka-gramka* (1г); *ruč-rač* (2а), (2б), *ručka-račka* (2в) и *ručkis-račkis* (2г).

2) Идеофоны могут выступать как без вспомогательного глагола, так и с ним. При этом тривиальной корреляции между наличием вспомогательного глагола и формой, в которой выступает идеофон, не наблюдается. Сравни, например, примеры (1б) и (1в), где *grjma-grama* используется со вспомогательным глаголом или без него, а также примеры (3а), (3б) и (3в)–(3д): первые из них содержат формы вспомогательного глагола (*kjļe*, *kjlis*), а вторые нет. При этом в примере (3а) идеофон, сопровождаемый вспомогательным глаголом, оформлен глагольным показателем *-is*.

Тот факт, что коми идеофоны не являются морфологически простыми словами, известен давно¹⁶. Так, в статье М. А. Сахаровой, посвященной изобразительным словам в коми, выделяются изобразительные наречия с суффиксами *-a*, *-ka*, *-i*, *-ki*, *-s*¹⁷ [Сахарова 1949: 36]. В нашем материале содержатся примеры со всеми этими суффиксами: *bulska-bolska* (*buls-bols*) ‘шлепая, хлюпая (например, при ходьбе по болоту)’, *giraska-garska* (*gir-gar*) ‘шаркая, скребя (о звуке)’, *grjma-grama* (*grjm-gram*) ‘громыхая, грохоча’, *bul’a-bol’a* (*bul’-bol’*) ‘о бульканье, журчании’, *l’ugi-l’egi* (*l’ug-l’eg*) ‘шатаясь, качаясь, виляя’, *l’uži-l’azi* (*l’už-l’áž*) ‘лохматый, растрепанный’, *turki-tarki* (*tur-tar*) ‘шатаясь, качаясь, изгибаясь’, *vuzki-vazki* (*vuz-vaz*) ‘с хрустом

¹⁶ Интересно, что в [Коми-пермяцкий язык 1962: 327] утверждается обратное: «Со стороны морфологической изобразительные слова являются неизменяемыми. По своей структуре они не разложимы, представляют собой чистые корни, которые употребляются одиночно или повторяются». При этом на той же странице приводится пример на изобразительное слово *лешки-вошки* ‘на мелкие куски’ с корнем *леш-вош*.

¹⁷ В указанной работе суффиксы изобразительных наречий характеризуются семантическими отличиями (*-ka* и *-ki* «выражают образ многократного действия», *-s* выражает «быстроту звучания действия или стремительность (мгновенность) движения», а *-a* и *-i* «передают разнообразие звуковых оттенков, производимых действием»). Мы не будем обсуждать здесь семантические функции этих суффиксов (хотя некоторые примеры, полученные нами от носителей языка, не встраивались в указанную систему значений).

(обычно про еду)’, *gul’s-gol’s (gul’-gol’)* ‘со звяканьем, бряканьем’¹⁸. Также М. А. Сахарова рассматривает суффиксы, образующие глаголы от изобразительных слов: наиболее часто используются суффиксы *-gj*, *-kj*, *-zj*, *-sj* (при этом *-gj*, *-zj* появляются после звонкого, а *-kj* и *-sj* после глухого согласного)¹⁹, хотя также существуют изобразительные глаголы с другими суффиксами [Сахарова 1949: 40–41]. Обратим внимание, что кроме того в работе М. А. Сахаровой рассматриваются «малознаменательные глаголы» (в нашей терминологии — вспомогательные глаголы), которые в ряде работ объявлены суффиксами (иногда именуемыми «вторичными», в отличие от «первичных» суффиксов *-g*, *-k*, *-z*, *-s*)²⁰.

¹⁸ В [Коми-пермяцкий язык 1962: 330] дается следующая интерпретация: «Изобразительные слова при полной неизменяемости, в отличие от наречий, не имеют никаких словообразовательных суффиксов и не соотносительны ни с какими частями речи. Некоторые изобразительные корни, правда, могут в части случаев осложняться присоединением *-a*, (ср. *шувк-шовк* и *шувка-шовка*, *гым-йирк* и *гыма-йирка*, *кыш-паш* и *кыша-паша* и т. д.). Однако это *-a* не выполняет никакой грамматической функции и поэтому аффиксом не является».

¹⁹ Гласный [j] в указанных суффиксах является вставным гласным, позволяющим избежать стечения согласных, поэтому далее мы будем указывать эти суффиксы без него (то есть как *-k*, *-g*, *-z*, *-s*), как это принято в других публикациях (см., например, [Современный коми язык 1955: 249]).

²⁰ Например, первичные и вторичные суффиксы рассматриваются в [Бубрих 1949: 162–163 и Современный коми язык 1955: 249]. Многие авторы предпочитают «обтекаемые» формулировки, из которых неясно, рассматривается ли комплекс «идефон+вспомогательный глагол» как одно слово или как два. Например: «Широко распространены изобразительные глаголы, образованные малознаменательными глаголами» [Сорвачева и др. 1966: 113], «Иногда роль суффиксов изобразительных глаголов играют знаменательные слова, утрачивающие в сочетании с изобразительными словами свое лексическое значение» [Коми-пермяцкий язык 1962: 328].

В работе [Fejes 2004: 6–7] рассматривается проблема сложных глаголов и, в частности, отмечается, что некоторые глаголы разделяются при отрицании вспомогательным отрицательным глаголом. По нашему мнению, этот факт является серьезным аргументом в пользу того, чтобы квалифицировать вспомогательные глаголы как отдельные лексемы, а не как суффиксы.

Таким образом, в коми языке существуют как минимум следующие шесть грамматических стратегий, использующих идеофонические корни:

1) «Голый» идеофонический корень:

- (4) *žoʒ-ti kjskal-ɕni žek gir-gar*
 пол-PROL таскать-PRS.3PL стул IDEO
 ‘По полу стул таскают с шумом’.
- (5) *buz-baz va-as pjr-i-s*
 IDEO вода-ILL.POSS.3SG входить-PST-3SG
 ‘С брызгами в воду залез’.

2) Идеофонический корень, обрамленный наречным суффиксом:

- (6) *sije pjr-i-s gort-as*
 3SG входить-PST-3SG дом-ILL.POSS.3SG
i gul's-gol's pe ignaś-i-s
 и IDEO EMPH закрыться-PST-3SG
 ‘Она зашла домой и со звоном закрылась’.
- (7) *njv mun-ɕ jurśi-se*
 девушка идти-PRS.3SG волосы-ACC.POSS.3SG
l'uža-l'aža lež-ɕm-a
 IDEO распускать-PST2-3SG
 ‘Девушка идет с растрепанными волосами’.

3) Идеофонический корень, оформленный глагольной флексией, выражающей категории времени, лица и числа²¹.

См. примеры (2г), (3в), (3д) и, по всей видимости, (3г).

²¹ Насколько такой идеофон-глагол образует полную глагольную парадигму, не совсем понятно. Очевидно, что формы настоящего и первого прошедшего времени являются вполне употребительными: *me brutka-brotka* ‘Я ворчу’, *te brutkan-brotkan* ‘Ты ворчишь’, *sije brutke-brotke* ‘Он/она ворчит’, *mi brutkam-brotkam* ‘Мы ворчим’, *ti brutkannjd-brotkannjd* ‘Вы ворчите’, *naje brutkeñj-brotkeñj* ‘Они ворчат’, *me brutki-brotki* ‘Я ворчал’, *te brutkin-brotkin* ‘Ты ворчал’, *sije brutkis-brotkis* ‘Он/она ворчал(а)’, *mi brutkim-brotkim* ‘Мы ворчали’, *ti brutkinnjd-brotkinnjd* ‘Вы ворчали’, *naje brutkisnj-brotkisnj* ‘Они ворчали’. Однако прочие формы используются крайне редко и признаются как допустимые далеко не всеми носителями языка.

4) Глагол идеофонического происхождения, не содержащий редупликации и образованный при помощи специального суффикса.

Например, *grjmgjnj* ‘громыхать, грохотать’ (ср. с *grjma-grama* ‘громыхая, грохоча’).

5) «Сложный глагол», первую часть которого представляет редуплицированный идеофонический корень, а вторую — вспомогательный глагол (он же — вторичный суффикс).

(8) *mi pjɪ-i-m va-ɕ buza-baza mun-i-m*
1PL входить-PST-1PL вода-ILL IDEO идти-PST-1PL
‘Мы в воду с плеском вошли’.

6) «Сложный глагол», первую часть которого представляет нередуплицированный идеофонический корень (точнее, основная часть редуплицированного корня), а вторую — вспомогательный глагол.

(9) *banka-jn va-ɶ bul'a kɶl-ɕ*
банка-INESS вода-POSS.3SG IDEO слышать-PRS.3SG
‘В банке вода булькает’.

(Ср. с примером *bankajn vaɶs bul'a-bol'a²² kɶlɕ*, который относится к предыдущему типу²³).

Однако специфика коми идеофонов состоит вовсе не в том, что в языке существует такое разнообразие стратегий их исполь-

²² Заметим, что данный идеофон специфичен с точки зрения образования. В [Коми-русский словарь 1961: 47, 62] мы находим паронимы *булькакывны* ‘булькать, издавать бульканье’ и *болскакывны* ‘1) хлопать, шлепать, 2) плескаться’. Поэтому не следует исключать, что *bul'a-bol'a* исторически является парным словом, которое, обладая несомненным структурным сходством с идеофонами, вошло в их систему. Впрочем, возможны и другие объяснения данного феномена. По всей видимости, данный идеофон заслуживает отдельного исследования, призванного ответить на целый ряд вопросов, в частности, о возможности появления или исчезновения палатализации у согласного / и о потенциальном влиянии русского языка на систему коми идеофонов.

²³ Вопрос о том, какие семантические различия существуют между этими примерами, остается открытым. Некоторые носители языка отмечали у примера с редуплицированной формой более высокую степень интенсивности действия.

зования, а в том, что во многих случаях не удается квалифицировать конкретный пример как относящийся к той или иной стратегии. Существуют три проблемы, которые не позволяют провести такую квалификацию. Перечислим их:

1. В коми идеофонах не всегда понятно, где проходит граница между корнем и суффиксом.

2. Даже постулировав некоторую последовательность сегментов как суффикс, далеко не всегда удается определить, какую именно функцию этот суффикс выполняет (или, говоря другими словами, «что же это за суффикс?»).

3. Распределение грамматических функций между идеофоном и вводящим его вспомогательным глаголом часто бывает неочевидным.

3.2. Проблема 1: Суффикс или часть корня?

Проблема проведения границы между корнем и суффиксом для идеофонов приобретает совсем другой смысл, чем для «нормальных слов». Если у последних источником этой проблемы являются прежде всего процессы переразложения морфем (суффикс «прилипает» к корню, либо, наоборот, часть корня начинает осмысливаться как суффикс — ср. с общеизвестным примером *зонтик*), то у идеофонов эта проблема проистекает из принципиально отличного соотношения фонемы и морфемы. У обычного слова именно корень является носителем лексического значения, а близость фонетического состава двух различных корней с большими или меньшими оговорками можно считать случайной (что позволяет рассматривать корень как неделимую сущность и представлять форму слова в виде $R [+SUF_1] [+SUF_2] \dots$ ²⁴). У идеофона же каждая фонема имеет определенную семантическую нагрузку и многие идеофоны образуют паронимические кластеры (то есть имеют близкое значение при очевидной схожести фонемного состава)²⁵. Ср., например, идеофоны *luč-lač* ‘со скрипом, треском, хрустом’, *ruč-rač* ‘с громким треском’ и *tuč-tač* ‘со стуком’; *bul'-bol'* ‘о бульканье, журчании’, *gul'-gol'* ‘со звяканьем, бряканьем’,

²⁴ Где R — корень, а SUF — суффикс. Для простоты мы не вводили в эту схему префиксы, инфиксы и прочие типы морфем, поскольку суть проблемы от этого не меняется.

²⁵ Подробнее см., например, [Журковский 1968: 45].

žil'-žol' 'про звонкий звук (колокольчика, ручейка)' и *šul'-šal'* 'о плеске воды', которые позволяют говорить о семантической нагрузке последнего согласного. В результате добавления к уже существующему идеофону одной фонемы может образоваться вполне приемлемая форма со слегка модифицированным значением. В такой ситуации решение, образовался ли новый идеофонический корень или же форма приобрела новый суффикс, становится «делом вкуса». Например, при существовании идеофона *gir-gar* 'о шуме (тарактении, скрежет и т. п.)' идеофон *girska-garska* 'шаркая, скребя (о звуке)' может рассматриваться и как дериват от *gir-gar* и как «независимый» идеофон (с корнем *girs-gars* или *girsk-garsk*).

Подчеркнем, что примитивные решения вида «если есть *-k*, то это заведомо суффикс» здесь не срабатывают. Например, для идеофона *lujk-lajk* 'качаясь, шатаясь' есть все основания считать конечный [k] частью корня: во-первых, вариант **luj-laj* отсутствует, во-вторых, для коми идеофонов нехарактерна структура с конечным [j].

3.3. Проблема 2: Какой это суффикс?

Рассмотрим, например, форматив *-k*. Кроме того, что этот форматив может оказаться частью корня (см. выше), он:

а) встречается в наречных суффиксах (как они представлены в работе [Сахарова 1949: 36]) *-ka* и *-ki*. Поскольку в списке наречных суффиксов также содержатся суффиксы *-a* и *-i*, можно предположить, что мы имеем дело не с четырьмя суффиксами *-ka*, *-ki*, *-a* и *-i*, а с тремя: *-k*, *-a* и *-i*;

б) является одним из вербализаторов (см. выше).

Аналогичная ситуация возникает и с формативом *-s*, который также обнаруживается в списке наречных суффиксов и вербализаторов.

Однако определить, в какой функции выступает форматив в конкретной идеофонической форме, часто оказывается практически невозможным. Например, в предложении (10) форма *bulska-bolska* должна квалифицироваться, скорее, как наречная, а не как глагольная (все грамматические характеристики выражаются вспомогательным глаголом).

(10)	<i>jčra</i>	<i>n'ur-as</i>	<i>bulska-bolska</i>
	лось	болото-INESS.POSS.3SG	IDEO

kj-l-i-s

слышать-PST-3SG

‘Лось на болоте хлюпал’.

В примере же (11) форма *bulskis-bolskis* содержит глагольный показатель 3 лица единственного числа прошедшего времени *-is*.

- (11) *jera n`ur-as* *bulskis-bolskis*
 лось болото-INESS.POSS.3SG IDEO
 ‘Лось на болоте хлюпал’.

Поэтому возникает вопрос: какие есть аргументы, позволяющие однозначно утверждать, что в форме *bulskis-bolskis* форматив *-k* выступает именно как наречный (или же именно как глагольный)? С нашей точки зрения, таких аргументов не существует.

Эта же проблема касается формативов *-a* и *-i*. Оба эти форматива рассматривались как наречные суффиксы (обратим внимание, что за пределами идеофонической лексики в коми языке известен адвербиализатор *-a*²⁶, но нигде не упоминается адвербиализатор *-i*). При этом и *-a*, и *-i* существуют в числе личных окончаний глагола (*-a* — это показатель 1 лица единственного числа настоящего времени, а *-i* — это показатель 1 лица единственного числа прошедшего времени).

- (12) *me mun-a vil'ski-vol'ski*
 1SG идти-PRS.1SG IDEO
 ‘Я иду, скользя’.

- (13) *me vil'ska-vol'ska mun-a tuj kuža*
 1SG IDEO идти-PRS.1SG дорога по
 ‘Я скользя иду по дороге’.

Из примера (12) можно сделать вывод, что форма на *-i* должна интерпретироваться как наречная, поскольку предложение не несет семантики прошедшего времени, которую должен был бы обеспечивать показатель *-i*, если он был бы глагольной флексией, а не адвербиализатором. Во втором же предложении форма на *-a*, по всей видимости, должна интерпретироваться как глагольная, поскольку она соответствует форме глагола *mun-a* и не является

²⁶ См., например, [Современный коми язык 1955: 255].

наречной формой (которая, как мы установили, у данного идеофона заканчивается на $-i^{27}$). Однако в такой ситуации возникает вопрос, как интерпретировать форму *vil'ski-vol'ski* в примере (14).

- (14) *me mun-i vil'ski-vol'ski*
1SG идти-PST.1SG IDEO
'Я шла, скользь'.

Действительно, здесь указанная форма может быть признана неизменяемой наречной формой, как в примере (12), равно как и глагольной формой 1 лица единственного числа прошедшего времени (ср. с аналогичной формой настоящего времени в примере (13)). По всей видимости, здесь мы имеем дело с неразрешимой омонимией.

3.4. Проблема 3: Когда идеофон является носителем грамматического значения?

Можно было бы предположить, что анализ синтаксической структуры предложения может способствовать разрешению отмеченной омонимии. Однако в коми языке и чистый корень, и наречные формы, и формы с глагольными показателями могут выступать в предложении как без вспомогательного глагола, так и с ним. Если идеофоническая форма сопровождается вспомогательным глаголом, распределение между ними показателей (и, соответственно, грамматических функций) оказывается нетривиальным. В [Лудыкова 1992: 92] отмечается:

Для коми языка характерно широкое употребление изобразительных (или так называемых колоративных) конструкций, состоящих из изобразительного или звукоподражательного глагола и основного глагола. Оба глагола употребляются в одной и той же спрягаемой форме.

Однако наш материал демонстрирует значительно более запутанную картину (которая усугубляется тем, что носители языка не всегда совпадают в своих оценках допустимости конструкций). Прежде всего, следует отметить некоторую тенденцию к избеганию

²⁷ Теоретически можно было бы допустить, что у идеофона существуют две синонимичные наречные формы *vil'ski-vol'ski* и *vil'ska-vol'ska*. Однако такая интерпретация не поддерживается в достаточной мере примерами других идеофонов и ведет лишь к появлению новых проблем, касающихся омонимии формативов в идеофонических формах.

дублирования грамматических показателей в идеофоне, оформленном глагольными показателями, и вспомогательном глаголе. Так, если предложение (15) с наречной формой идеофона и вспомогательным глаголом несомненно является грамматически правильным, то предложение (16), содержащее глагольную форму идеофона, некоторыми носителями квалифицируется как недопустимое.

- (15) *sije luntjr brutka-brotka kjl-i-s*
 3SG целый день IDEO слышать-PST-3SG
čel'ad' vjle
 дети на
 'Она целый день ворчала на детей'.

- (16) ?? *sije luntjr brutkis-brotkis kjl-i-s*
 3SG целый день IDEO(PST.3SG) слышать-PST-3SG
čel'ad' vjle
 дети на
 'Она целый день ворчала на детей'.

Однако изменение формы вспомогательного глагола с прошедшего на настоящее время (которое не представляется мотивированным с семантической точки зрения) вновь создает допустимую конструкцию:

- (17) *sije luntjr brutkis-brotkis kjl-e*
 3SG целый день IDEO(PST.3SG) слышать-PRS.3SG
čel'ad' vjle
 дети на
 'Она целый день ворчала на детей'.

По всей видимости, в этом случае *kjle* интерпретируется как безличная форма 'слышится'. Такая форма вспомогательного глагола свободно сочетается с идеофоном-глаголом независимо от его грамматических характеристик (в том числе, если последний стоит в той же форме 3 лица единственного числа настоящего времени).

- (18) *sije m'isk-e žož*
 3SG мыть-PRS.3SG пол
purt-en girske-garske kjl-e
 нож-INSTR IDEO(PRS.3SG) слышать-PRS.3SG
 'Она моет пол, ножом скребет'.

Таким образом, в коми языке существуют не только две базовые предикативные конструкции: «идеофонический корень / идеофоническое наречие + вспомогательный глагол» (*gir-gar kiję / bul'a-bol'a kiję*) и «идеофон-глагол» (*girske-garske*), но и самые неожиданные случаи смешения различных конструкций²⁸.

3.5. Чем же являются коми идеофоны?

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов.

Типологически стандартное поведение идеофонов, описанное в [Журковский 1968: 16], можно с некоторым огрублением представить в виде следующей схемы: у идеофона нет морфологии, а если он ее приобретает, то становится другой частью речи. Таким образом, существует три базовые стратегии использования идеофонических корней: а) корень квалифицируется как идеофон и появляется в предложении в паре со вспомогательным глаголом; б) тот же идеофон используется без вспомогательного глагола; в) корень переходит в другую часть речи (при этом он обычно приобретает морфологические показатели и теряет редуцированную форму — по крайней мере, в неизолирующих языках).

Однако коми идеофоны принципиально выбиваются из этой схемы. Они с легкостью «обрастают» морфологическими показателями, но при этом не становятся полноценными представителями другой части речи (так, от обычных наречий идеофоны отличает тесная связь с делексикализированным вспомогательным глаголом, а от обычных глаголов идеофоны отличаются редуцированной формой, в которой спрягаются обе части, а также сочетаемостью со вспомогательными глаголами).

В результате, в коми стратегии использования идеофонических корней выходят за пределы базовых. В силу разных причин (в том числе омонимии показателей) эти стратегии начинают смешиваться друг с другом, создавая замысловатые конструкции, некоторые из которых находятся на грани грамматичности и оказываются свойственны лишь определенным идиолектам.

²⁸ В частности, некоторые носители языка допускают конструкции, где одна часть редуцированного идеофона содержит наречный показатель, а вторая приобретает глагольную флексию (например, *brutki-brotka* или *brutka-brotkis*), но такие случаи признаются не всеми носителями и явно находятся на грани грамматичности.

В результате происходит «размывание» класса идеофонов, и не за счет того, что идеофоны теряют характерные для них признаки и становятся представителями других морфологических классов, а за счет появления конструкций, ставящих идеофоны в маргинальное положение, которое может быть описано словами «и не типичный идеофон, и не наречие, и не глагол».

Список сокращений

ACC — аккузатив (винительный падеж); ELAT — элатив (исходный падеж); EMPH — эмфатическая частица; IDEO — идеофон; ILL — иллатив (вступительный падеж); INESS — инессив (местный падеж); INSTR — инструменталис (творительный падеж); PL — множественное число; POSS — посессивная (притяжательная) форма; PROL — пролатив (переходный падеж); PRS — настоящее время; PST — первое (очевидное) прошедшее время; PST2 — второе (неочевидное) прошедшее время; 1SG, 2SG, 3SG; 1PL, 2PL, 3PL — в сочетании с другими глоссами: формы соответствующего лица и числа; при независимом употреблении: личные местоимения соответствующего лица и числа.

Литература

- Алатырев 1948 — В. И. Алатырев. Междометно-наречные повторы в удмуртском языке // Ученые записки ЛГОЛУ. Серия востоковедческих наук. Выпуск 2. Советское финно-угроведение. Д. В. Бубрих (отв. ред.). Ленинград: Издательство ЛГОЛУ, 1948. С. 216–232.
- Безносикова и др. 2000 — Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева. Коми-русский словарь. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000.
- Бубрих 1949 — Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Ленинград: Издательство ЛГОЛУ, 1949.
- Жилина, Бараксанов 1971 — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. Москва: Наука, 1971.
- Журковский 1968 — Б. В. Журковский. Идеофоны: сопоставительный анализ (на материале некоторых языков Африки и Евразии). Москва: Институт языкознания АН СССР, 1968.
- Казакевич 1990 — О. А. Казакевич. Исследование изобразительной лексики селькупского языка // Казакевич О. А. Использование ЭВМ для исследования бесписьменных и младописьменных языков (На материале селькупского языка). Учебно-методическое пособие. Н. В. Павлович (ред.). Москва: Издательство Московского университета, 1990. С. 30–68.

- Коми-пермяцкий язык 1962 — Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Учебник для высших учебных заведений. Под редакцией и при соавторстве В. И. Лыткина. Кудымкар: Коми-пермяцкое книжное издательство, 1962.
- Коми-русский словарь 1961 — В. И. Лыткин (ред.). Коми-русский словарь. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961.
- Кривощекова-Гантман 1961 — А. С. Кривощекова-Гантман. Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка // Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии. Петрозаводск, 1961. С. 20–22.
- Лудыкова 1992 — В. М. Лудыкова. Изобразительные конструкции в коми языке // Пермистика 3: Диалекты и история пермских языков. Сыктывкар, 1992. С. 92–100.
- Некрасова 1998 — Г. А. Некрасова. Междометие // Г. В. Федунева (отв. ред.). Коми язык: энциклопедия. Москва: ДИК, 1998. С. 250–251.
- Рожанский 2002 — Ф. И. Рожанский. Редупликация в марийском языке // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой. Москва: Издательство Московского университета, 2002. С. 75–95.
- Рожанский 2008 — Ф. И. Рожанский. Редупликация в хакасском языке // Вопросы филологии 1 (28), 2008. С. 53–63.
- Сахарова 1949 — М. А. Сахарова. Изобразительные слова в коми языке // Д. В. Бубрих, П. Н. Перевощиков (ред.). Советское финноугроведение. Том четвертый. Ижевск, 1949. С. 33–42.
- Современный коми язык 1955 — Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений. Часть первая. Фонетика. Лексика. Морфология. Под ред. В. И. Лыткина. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955.
- Сорвачева и др. 1966 — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев. Сольвычегодский диалект коми языка. Историко-филологический сборник. Выпуск десятый. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1966.
- Тараканов 1990 — И. В. Тараканов. Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen 27.VIII — 2.IX.1990. Pars 1B. Sessiones plenares et symposia. Annotationes allia. Redigunt L. Keresztes, S. Maticsák. Debrecen, 1990. С. 209–214.
- Шибанов 2010 — А. А. Шибанов. Наречия и подражательные слова в удмуртском языке // Вестник челябинского государственного университета 34 (215). Филология. Искусствоведение. Вып. 49. 2010. С. 133–136.

- Bailleul 1981 — Ch. Bailleul. *Petit Dictionnaire Bambara-Français Français-Bambara*. Avebury Publishing Company, 1981.
- Childs 2001 — G. T. Childs. Research on ideophones, whither hence? The need for a social theory of ideophones // F. K. Erhard Voeltz, Christa Kilian-Hatz (eds.). *Ideophones. Typological Studies in Language 44*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2001. P. 63–73.
- Fejes 2004 — L. Fejes. “Compound verbs” in Komi: grammaticalisation without a grammatical morpheme? // *Acta Linguistica Hungarica 51*, 2004. P. 5–43.
- Mikone 2001 — E. Mikone. Ideophones in the Balto-Finnic languages // F. K. Erhard Voeltz, Christa Kilian-Hatz (eds.). *Ideophones. Typological Studies in Language 44*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2001. P. 223–233.
- Rozhanskiy 2007 — F. Rozhanskiy. Imitative words: adverbs or ideophones? // <http://fgroszt.nytud.hu/rendezvenyek/bum5/Rozhanskiy.pdf>, 2007.

Е. Л. Рудницкая

ИБ РАН, Москва

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЧИНЕНИЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Введение

Сочинение в эвенкийском языке подробно описано в работе [I. Nedjalkov 1997]. Основная особенность эвенкийского языка — то, что в нем несколько морфосинтаксических моделей сочинения. Эти модели — бессоюзное сочинение, сочинение с частицей *-dā*, заимствованные из русского языка модели с союзами.

В рамках функционального подхода сочинение/подчинение предложений понимается следующим образом. Согласно [Подлеская 1993; Yoon 1994; Alpatov, Podlesskaya 1995], ряд факторов влияет на то, считать ли даже одну и ту же (японскую) сложную конструкцию с конвербом (деепричастием)² сочинительной или подчинительной (**алтайское сочинение**): (А) грамматические факторы (оформление глаголов, которые являются вершинами обоих предложений, дистрибуция обоих предложений); (Б) наличие/отсутствие союза как средства связи предложений и значение этого союза; (В) логическое отношение между двумя предложениями, контекстные условия и т. д. Все перечисленные факторы, их вес и соотношение во многом определяются конкретно-языковой спецификой. Если говорить об алтайском сочинении, одна и та же грамматическая конструкция может выступать как сочинительная или подчинительная

¹ Мы благодарим участников международной научной конференции «Типологически редкие и уникальные явления на карте России», Санкт-Петербург, 2–4 декабря 2010 г., и редакторов сборника за полезные замечания. Данное исследование написано при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00449 «Корпусные исследования синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)». Мы несем ответственность за все ошибки.

² См. примеры конвербов/деепричастий в эвенкийском языке ниже, (2а–б).

в зависимости от фактора (В) — то есть как сочинительная в контексте типа (1а) и как подчинительная в контексте типа (1б) — в последнем есть отношения следования между первой и второй частями предложения.

С формальной точки зрения сочинение и подчинение есть только в тех языках, в которых его можно диагностировать с помощью тестов на сочинение ([Ross 1967] и их обсуждение в работе [Тестелец 2001: 551]). Согласно этим тестам, в алтайских языках, как во многих неконфигурационных языках, нет синтаксического разграничения сочинения и подчинения; все сложные предложения подчинительные (см. [Yoon 1994; Yi 1998] о сочинении в корейском). Тут можно говорить о сочинении и подчинении только на основании нескольких факторов ((А)–(В) выше). При таком подходе одна и та же конструкция (типа конструкции с деепричастным аффиксом *-ko* в корейском) при разных условиях (А)–(В) приобретает свойства сочинительной или подчинительной.

Как известно, английский — конфигурационный язык. Английские предложения (1а–б) являются сочинительными по формальным признакам — в (1в–г) показано, что образование вопроса только к первой из сочиненных составляющих невозможно.

- (1) а. *John likes candy, and Bob hates sugar.*
 ‘Иван любит конфеты, а Боб ненавидит сахар’.
 б. *Mary cooked the dinner, and the children had the meal.*
 ‘Мария приготовила обед, и дети поели’.
 в. **What does John like, and Bob hates sugar?*
 ‘*Что любит Иван, а Боб ненавидит сахар?’
 г. **What did Mary cook, and the children had the meal?*
 ‘*Что приготовила Мария, и дети поели?’

Примеры (1а–б) также сочинительные по критериям (А)–(Б) — глаголы обеих сочиненных составляющих стоят в финитной форме (*likes, hates, cooked, had*), сочиненные предложения связывает сочинительный союз *and*. Однако по критерию (В) только (1а) можно считать «идеально» сочинительным, поскольку в (1б) контекст добавляет значение следования ситуаций, обозначаемых сочиненными предложениями — сначала Мария приготовила обед, а потом дети пообедали. В неконфигурационных языках факторы (А)–(В) приобретают первостепенное значение, т. к. они нередко определяют

«сочинительность» или «подчинительность» той или иной конструкции.

1. Средства выражения сочинительных отношений в эвенкийском

В эвенкийском языке нельзя говорить об алтайской модели сочинения. Предложения с **конвербами** — на *-ksā*, *-d'ana*, *-mī*, *-rak* и др. могут выражать разные виды временной зависимости [I. Nedjalkov 1997: 44–48; Bulatova, Grenoble 1999: 44]:

(2) а. *guluβun-mə ila-ksa;* *ǰəβgə:-βə*
костёр-ACCD зажечь-CVANT еда-ACCD
iri-l-čə:-n.
жарить-INCH-PST-3SG
'(Он) зажег огонь **и (потом)** начал готовить еду'.
[Bulatova, Grenoble 1999: 44]³

б. *Кукты-рэк-ив* *мō-лā,* *нууан*
залезать-CVCOND-1SG дерево-LOCALL он
сōт *матав-ра-н*
очень сгибаться-NFUT-3SG
'**Когда** (я) забрался на дерево, оно очень согнулось'.
[Константинова 1966: 221]⁴

Конвербы на *-ksā* и на *-rak* в (2а–б) относятся к временным/условным (некоторые из них контекстуальные [V. Nedjalkov 1995: 108]). При временной интерпретации в (2а–б) эти конвербы не только по критериям (А)–(Б) (формальные тесты, морфологическое оформление сочиненных глаголов), но и по критерию (В) (отношения между сочиняемыми предложениями) маркируют подчинительные отношения — *-ksā* и *-rak* в первую очередь выражают отношения

³ Используются глоссы, разработанные для корпуса эвенкийских текстов в ходе работы по созданию корпуса отгlossированных текстов, см. сайт «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»; URL: <http://siberian-lang.sccc.msu.ru/> (10.03.2015). Некоторые глоссы, такие как CVANT или DATLOC, нестандартны с точки зрения принятых правил гlossирования. См. список глосс и сокращений в конце статьи.

⁴ Все примеры из грамматик приводятся в той записи или транскрипции, в которой они даны в этих грамматиках.

выражения в эвенкийском менее разнообразны, чем у соединительных, и учет этих средств не изменил бы наши основные выводы.

В грамматиках [I. Nedjalkov 1997: 87–95; Bulatova, Grenoble 1999: 44–46, 55; Колесникова 1966: 23–25, 187–191] упоминается несколько моделей образования соединительных сочинительных конструкций:

(I) Бессоюзная модель, то есть соположение — модель, представленная практически во всех языках (ср. критерий (Б) в Введении). В примере (4) показано бессоюзное сочинение в глагольной группе/предложении и в именной группе. Данная модель сочинительная прежде всего по критерию (B) — логическое отношение между предложениями.

- (4) *Нууартын горово гулувун*
они долго костер
дага-дӯ-н тэгэт-чэ-чэ-тын,
около-DATLOC-PS.3SG сидеть-IPFV-PST-3PL
аракӯкан улгучэмэт-чэ-чэ-тын.
тихонько разговаривать-IPFV-PST-3PL
'Они долго сидели около костра [и] тихонько разговаривали'. [Колесникова 1966: 24]

Этот тип сочинения не использует каких-либо соединительных средств (asyndetic по классификации М. Хаспельмата). При отсутствии маркера сочинения данную модель нельзя отнести ни к одной из структурных моделей (3а–в) выше. Бессоюзные сложные предложения с двумя финитными глаголами обычно сочинительные, однако при этом необходимо, чтобы логическое отношение между частями бессоюзного предложения было 'и', 'и потом' (критерий (B)).

(II) Модель с союзами *тадук* 'и (потом)' / 'а', *эмй-вал* 'но' / 'однако', или с заимствованным из русского *и* 'и'. Эти союзы могут соединять и глагольные группы / предложения, и имена — ср. (5), (6а–б), (7).

- (5) *Дюга мун-дӯ хэкупчу-л тырганй-л*
летом 1PL.EXCL.OBL-DATLOC жаркий-PL день-PL
тадук иңиничу-л долбонй-л.
и_потом холодный-PL ночь-PL
'Летом у нас жаркие дни [и] холодные ночи'. [Колесникова 1966: 23]

- (6) а. *Bejetken togo daga-du-n*
 мальчик огонь около-DATLOC-PS.3SG
teget-chere-n taduk nginakin
 сидеть-PRES-3SG и собака
daga-du-n bi-si-n
 около-DATLOC-PS.3SG быть-PRES-3SG
 ‘Мальчик сидит около костра, и собака около него’.
 [I. Nedjalkov 1997: 88]
- б. *Хуркэкэ-р сѳт дэру-рэ-ѳ и сѳт*
 мальчик-PL очень устать-NFUT-3PL и очень
дему-л-лэ-ѳ
 хотеть_есть-INCH-NFUT-3PL
 ‘Мальчики очень устали и очень проголодались’.
 [Константинова 1964: 250]
- (7) *Харги-л-дү нѳ-дя-чѳ-н*
 тайга-PL-DATLOC пахнуть-IPFV-PST-3SG
мунучэ-л-ди абданна-л-де,
 прелый-PL-INSTR лист-PL-INSTR
тадук дэгинүэктэ-л-де.
 и гриб-PL-INSTR
 ‘В тайге пахло прелыми листьями и грибами’.
 [Константинова 1964: 249]

Данная модель, согласно [Grenoble 2012], — синтаксическая калька с русского (и с *тадук*, и с *и*). Исходно *тадук* — текстовый союз/коннектор [О. А. Казакевич, дискуссия], использующийся только для соединения предложений / глагольных групп в тексте (clause-chaining). Однако подобный коннектор не может быть союзом при именном сочинении. Ср. русское сочетание (*и/а*) *потом* в примере (8): (*и/а*) *потом* — коннектор, и поэтому (8) содержит эллипсис глагола и анализируется как сочинение предложений, содержащих имена, а не самих имен.

- (8) [Он купил[овоци к обеду]], а потом [купил[сладкое]].

Поскольку грамматики эвенкийского объединяют *тадук* и *и* в одну группу и дают примеры именного сочинения со всеми тремя словами, мы считаем, что произошло выравнивание между *и*, с одной стороны, и *тадук*, с другой, и что слово *тадук* приобрело

дополнительную функцию сочинительного союза. Мы подробно не рассматриваем критерии (А)–(В) в применении к данной модели из-за недостатка материала, а также поскольку модель (II) нехарактерна для алтайских языков и не находится в центре внимания в нашей статье⁵.

(III) Присоединение фокусной частицы *-dā* к обеим сочиненным составляющим или только ко второй. При сочинении имен или причастных/деепричастных оборотов *-dā* присоединяется к обеим сочиненным составляющим, к последнему слову, ср. (9а–б). Также, при сочинении финитных (главных, не придаточных) предложений или глагольных групп главного предложения *-dā* может присоединяться к **первому слову (или именной группе)** сочиненной составляющей. В примерах (10а–в) показаны возможные варианты: к первому слову обеих сочиненных составляющих (10а), только первой (10б) и только второй (10в) составляющей⁶. Согласно нашим наблюдениям, наиболее частотен случай (10в), когда с помощью *-dā* маркируется только вторая составляющая⁷.

- (9) а. *Харгй-дук пионер-ил диктэ-л-вэ-д̄э*,
тайга-ABL пионер-PL ягода-PL-ACCD-CL/FOC
дэгинүэктэ-л-вэ-д̄э *нянта-л-ва-д̄э*
гриб-PL-ACCD-CL/FOC орех-PL-ACCD-CL/FOC
эмэ-ву-нкй-л
приходить-CAUS-PHAB-PL
'Из тайги пионеры приносят **и** ягоды, **и** грибы, **и** орехи'.
[Колесникова 1966: 24]

- б. *Хутэ-л-вэр* [хэгды-л
ребенок-PL-RFL.PL [большой-PL

⁵ Когда *тадук* используются для соединения предложений / глагольных групп (особенно в тексте), по критериям (А), (В) следует говорить о подчинении.

⁶ Структурно аналогичные модели сочинения с частицами есть в других языках — ср. модели сочинения в тунгусо-маньчжурских языках [Мальчуков 2008: 329–331; М. Tolskaya, I. Tolskaya 2008: 102], а также в языках Дагестана — [Haspelmath 2004: 9; van den Berg 2004].

⁷ Мы имеем в виду частотность данной модели среди примеров на сочинение во всех грамматиках по нашим наблюдениям.

ḡ-чaлā-тын-ḡā] [мэнэкэр
 статья-CVANT-3PL-CL/FOC] [сам.PL
улумī-чэлэ-тын-ḡḡ] бу
 охотиться-CVANT-3PL-CL/FOC] 1PL.EXCL
аямамат ин-ил-лэ-в
 очень.хорошо жить-INCH-NFUT-1PL.EXCL
 ‘После того, как наши дети стали взрослыми, (и) стали
 сами охотиться, мы очень хорошо зажили’.
 [Колесникова 1966: 24]

(10)а. *Эр школа-ḡḡ* [COORD-1 [NP.минџи
 ЭТОТ школа-DATLOC] [COORD-1 [NP.POSS.1SG
акй-м-ḡā] *учит-ча-чā-н]*
 брат-1SG-CL/FOC] *учиться-IPFV-PST-3SG]*
 [COORD-2 [NP.би-ḡḡ] *учит-чā-м]*
 [COORD-2 [NP.я-CL/FOC] *учиться-PRES-1SG]*
 ‘В этой школе и мой брат учился, и я учусь’.
 [Колесникова 1966: 225]

б. [*Дев-рэ-н-ḡḡ]* [э-чэ
 [есть-NFUT-3SG-CL/FOC] [NEG-PANT
аив-ра]
 наедаться-PNEG]
 ‘Съел, а/ но не наелся’.
 [Константинова 1964: 253]

в. *Упкат сэбден-дерэ-ḡ*, *би-ḡḡ*
 все веселиться-PRES-3PL *я-CL/FOC*
тэгэт-чэ-м хэрэкэт упкат-тук
 сидеть-PRES-1SG отдельно все-ABL
 ‘Все веселятся, а я сижу в стороне от всех’.
 [Константинова 1964: 253]

И. В. Недялков [I. Nedjalkov 1997: 87–90] считает *-dā* (модель (III)) одним из равноправных синтаксических средств сочинительной связи; [Колесникова 1966: 24; Bulatova, Grenoble 1999: 56] полагают, что базовая модель при соединительном сочинении — соположение (бессоюзная, I). Согласно работе [Колесникова 1966: 24], модель с единичным употреблением *-dā* служит в основном для «сопоставительно-противопоставительного» сочинения (*‘a’/‘но’*) — ср. русские переводы (10б–в).

Как можно охарактеризовать модель на *-dā* по критериям (А)–(В)? По критерию (В) и схеме (3а–d) выше конструкцию с *-dā* следует считать конструкцией с синтаксическим маркированием сочинения (одной частицей *-dā* (monosyndetic) или двумя одинаковыми частицами (bisyndetic))⁸. Критерий (В) играет определенную роль в конструкции с *-dā*: в предложении с *-dā* отношения между сочиненными составляющими основаны на сопоставлении (ср. (1а) из английского), то есть между этими составляющими нет обстоятельственного отношения.

С нашей точки зрения, модель с *-dā* представляет две разных синтаксических стратегии: (III-i) — единообразная и грамматикализованная модель сочинения именных (и также глагольных — причастных, деепричастных) составляющих (9а–б) и (III-ii) — частный случай бессоюзной модели (I) (соположение) с фокусным маркированием тех глаголов (10б) или имен ((10а), (10в)), которые выделяются или сопоставляются при сочинении (10а–в)⁹. В п. 2 мы проанализируем приведенные выше и дополнительные данные для обоснования этого тезиса.

2. Соединительная и фокусная функции частицы/клитки *-dā*

В работе [Константинова 1964: 253–254] перечислены три основные функции *-dā*: выделительная, союзная, функция образования неопределенных местоимений¹⁰. Как мы видели в примерах (9а–б), *-dā* может присоединяться к имени и к причастной/дее-

⁸ Хотя мы не проводили специального тестирования на формальные признаки сочинения (см. Введение), эти тесты должны были бы охарактеризовать модель на *-dā* как синтаксически сочинительную. Однако такие результаты были бы обусловлены фактором (В).

⁹ Частица *-dā* также может употребляться в качестве фокусной и в конструкциях с подчинительным отношением, которые здесь подробно не рассматриваются.

¹⁰ Мы не рассматриваем данную функцию, поскольку она встречается только в предложениях с отрицанием (*-dā* тут образует местоимения отрицательной полярности).

(i) *Ēkun-dā m'estā-n āčīn tādū*
что-CL/FOC место-PS.3SG NEGNOMINAL там
'Никакого места нет там'. [Казакевич и др. 2009: 315]

причастной форме глагола. Таким образом, *-dā*, по крайней мере в сочинительной конструкции — в первую очередь именная, а не глагольная частица, *-dā* маркирует фокусное выделение не основного глагола/предиката сложного предложения, а его части — составляющей (преимущественно с именными свойствами).

Однако модель с повторением *-dā* (III-i) не может однозначно рассматриваться как модель для сочинения составляющих с именными признаками, как в примерах (9а–б). Во-первых, для эвенкийского языка не всегда характерно дифференцирование именных и глагольных средств сочинения — модель (III) (с *-dā*), а также модель (II) с *u/maduk*, употребляются не только для сочинения клауз, но и именных групп. Во-вторых, по замечанию рецензента, с помощью *-dā* могут сочиняться и личные, и неличные конвербы/деепричастия, категориальная принадлежность которых не полностью ясна¹¹.

При рассмотрении же (10а–в) как отдельной модели (III-ii) для сочинения предложений возникают такие вопросы:

— Почему синтаксическая модель предполагает вариативность — маркирование клитикой *-dā* или первого слова / именной группы в обеих сочиненных составляющих (10а), или только в одной из них — (10б) и особенно (10в)?

— Почему данная модель не используется при наличии временной/причинной связи между сочиняемыми предложениями (ср. (1б) из английского)¹²? По формальным критериям (А)–(Б) из Введения, средство для сочинения типа союза *and* должно использоваться в обоих контекстах типа (1а) и (1б).

— Почему данная модель может использоваться для сочинения только главных, но не придаточных предложений? В примере (9б) мы видели, что деепричастные обороты могут сочиняться с помощью

¹¹ В целом в эвенкийском языке разграничение на именные и глагольные категории не до конца эксплицитное, в частности, потому что финитные формы глагола (во втором склонении) присоединяют те же лично-числовые аффиксы, что и лично-притяжательные окончания имени.

¹² В этом случае в эвенкийском используется соположение, союзы/коннекторы *taduk* ‘и (потом)’, *tarit* ‘и поэтому’ и др. [I. Nedjalkov 1997: 88; Колесникова 1966: 218], или конвербы на *-ksā*, *-d'ana*, *-mī*, *-rak*- и др. — см. (2а–б).

модели (III-i) — с повторением *-dā*. По работе [I. Nedjalkov 1997: 92], два деепричастных придаточных сочиняются через соположение (модель I) **без присоединения *-dā*** — однако ср. (9б) (модель III-i) при сочинении придаточных с личным деепричастием на *-čalā* выше и пример (11) по модели I с неличным деепричастием на *-ksā*. В случае же грамматикализации модели (III-ii) эта модель распространялась бы не только на главные, но и на придаточные сочиненные предложения типа (11).

- (11) [COORD-1 *D'u-la-vi i:-kse*]
 [чум-LOCALL-RFL **входить**-CVANT]
 [COORD-2 *girki-vi(*-da) iche-kse*] *bi*
 [друг-RFL.SG(*-CL/FOC) **видеть**-CVANT] 1SG
guni-Ø-m <...>
 говорить-NFUT-1SG
 ‘Когда [вошел в (свой) чум] [**и**] [увидел (своего) друга], я сказал....’
 [I. Nedjalkov 1997: 92]

— Почему в (10б) не соединительное, а скорее противительное (‘а’/‘но’) отношение между предложениями, а в (10а) и (10в) — сопоставительно-выделительное (‘и’/‘а’)? Получается, что в сочиненном предложении типа (III-ii) частица *-dā* присоединяется к тем членам предложения, которые подвергаются выделению (например, при сопоставлении — глагол в (10б) и имена в (10а) и (10в)), а не к фиксированному члену предложения (имени, глаголу и т. д.).

— Почему **именная клитика *-dā*** используется для сочинительной связи только соединительного или противительного типа? Для сочинительной связи разделительного типа (‘или’) используются **глагольные клитики** — к сказуемому **обоих сочиненных предложений** присоединяется частица *-gu/-ŋgu* ‘QUEST’ или заимствованное из русского *-li/l’ə* — ср. (12).

- (12) *Oro-p-re ity-m-nar*
 олень-PL-PS.2SG привычка-INSTR-RFL.PL
суца-ра-Ø-гу, си
 убежать-NFUT-3PL-QUEST ты
тари-ни-л-ве ты-Ø-нне-гу?
 тот-ALIEN.POSS-PL-RFL.SG отпустить-NFUT-2SG-QUEST
 ‘Твои олени сами ушли, или ты их отвязал?’
 [Колесникова 1966: 226]

Все приведенные вопросы и соображения ставят под сомнение то, что маркирование первого слова второй (или первой, или обеих) сочиненной составляющей — предложения / глагольной группы в (10а–в) — это отдельная полностью грамматикализованная модель сочинения (III-ii). Нам кажется более эмпирически обусловленной гипотеза о том, что в (10а–в) представлена модель соположения (I) с дополнительным выделением сопоставляемых слов с помощью *-dā*. Данная гипотеза не поднимает вопросов об отсутствии единообразия в модели (III-ii) (ср. более единообразную стратегию (III-i)), о том, почему эта модель встречается только в главных, но не в придаточных предложениях и т. д. Кроме того, эта гипотеза хорошо совмещается с тем, что одна из основных функций *-dā* — выделительная/фокусная (см. выше). По материалу текстов [Тексты 2008–2011], *-dā* часто встречается в функции фокусирования/интенсификации в текстах, присоединяясь к самым разным составляющим, см. (13а–б)¹³.

- (13) а. *Vi tuk-dā* *ə-čə-w* *uspət-tə*
я так-CL/FOC NEG-PST-1SG успеть-PNEG
pəktirən-dō-wi
стрелять-CVPURP-RFL.SG
‘Я так и не успел выстрелить’.

[Казакевич и др. 2009: 317]

- б. *окир-вал-dā* <...>
когда-INDEF-CL/FOC
‘когда-нибудь... (да услышите...)’

[Константинова 1964: 254]

Итак, мы разделили модель (III) с *-dā* из п. 1 на две стратегии: сочинение именных составляющих (III-i) и выделение составляющей при соположении клауз (III-ii).

В заключение рассмотрим, как соотносятся данные пп. 1–2 со схемой (3) из работы [Haspelmath 2004: 6] (см. Введение).

¹³ Такие же результаты должны получиться при анализе корпуса устных рассказов (см. сноску 3) — тут требуется дополнительное исследование. Другие усилительно-выделительные частицы *-ŋan*, *-ka*, *-war/par/-kar* часто синонимичны частице *-dā* и переводятся как ‘же’, ‘-то’, ‘и...’, ‘вот’ [Константинова 1964: 252].

Схема (3) дает классификацию расположения средств сочинительной связи относительно сочиненных составляющих.

Поскольку *-dā* — энклитика, сочинительная конструкция с *-dā* может принадлежать только к типам (3b) или (3c). По свидетельству [Haspelmath 2004: 6], модель (3b) встречается довольно часто, а модель (3c) — крайне редко (например, в латыни, см. латинский пример в (3c)). Материал, рассмотренный выше, не позволяет однозначно отнести модель на *-dā* ни к типу (3b), ни к (3c). Одна из гипотез состоит в том, что эвенкийскую модель с *-dā* (и III-i, и III-ii) можно отнести к типу (3c). Модель (III-ii) структурно похожа на модель (3c), представленную в латыни, а модель (III-i) можно рассматривать как вариант этой модели с дублированием *-dā* в первом из сочиненных членов¹⁴.

Можно ли как-то вписать модель (III) с *-dā* в классификацию (3) по работе [Haspelmath 2004: 6]? Как нам кажется, ответ на данный вопрос требует дополнительного материала и тестирования, не вошедшего в нашу статью. Если базовая модель в эвенкийском — модель (3c), объяснения по меньшей мере требует то, почему при сочинении имен обязательно дублирование клитик (стратегия (III-i)), и то, почему модель (3c) не всегда возможна в контексте придаточного (пример (12)). С другой стороны, при нашем делении модели (III) на (III-i) и (III-ii) нельзя говорить о том, что в эвенкийском устоялась какая-либо модель из (3a–d), а только о возможности грамматикализации *-dā* как средства маркирования по модели (3c).

Таким образом, мы показали, насколько трудно последовательно соотнести модели сочинения в эвенкийском языке с существующими типологическими классификациями. Это, как кажется, связано и с существованием нескольких моделей одновременно, и с наличием модели / моделей с частицей *-dā* (а не союзом). Частица *-dā* часто выступает не как соединительная, а как выделительная, так что во многих случаях трудно определить ее функцию однозначно.

¹⁴ В. А. Плунгян, личное замечание.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ACCD — аккумулятив (определенный); ALIEN — отчуждаемая принадлежность; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; CL — клитика; COM — комитатив; COORD — сочиненная составляющая; CVANT — аффикс конверба предшествования; CVCOND — аффикс условного конверба; CVPURP — аффикс конверба цели; DATLOC — датив; DIM — диминутив; EXCL — эксклюзив; FOC — фокус; INCH — инхоатив; INCL — инклюзив; IND — индикатив; INDEF — неопределенность; INSTR — инструменталис; IPFV — имперфектив; LOCALL — локатив; NEG — отрицание; NFUT — небудущее время; NP — именная группа; OBL — основа косвенных падежей; PANT — причастие предшествования; PHAV — причастие habituальности; PL — множественное число; PNEG — отрицательное причастие; POSS — поссесивный показатель; PRES — настоящее время; PS — притяжательность; PST — прошедшее время; QUEST — вопросительная частица; RFL — рефлексив; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

- Болдырев 2007 — Б. В. Болдырев Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007.
- Казакевич и др. 2009 — О. А. Казакевич, Н. К. Митрофанова, Е. Л. Рудницкая. Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикации глоссированных текстов (публикация 2-я) // Вестник РГГУ 6. Серия «Языкознание», 2009. С. 286–323.
- Колесникова 1966 — В. Д. Колесникова. Синтаксис эвенкийского языка. М. — Л.: Наука, 1966.
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М. — Л.: Наука, 1964.
- Мальчуков 2008 — А. Л. Мальчуков. Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008.
- Подлеская 1993 — В. И. Подлеская. Сложное предложение в современном японском языке. Материалы к типологии полипредикативности. М.: Институт Востоковедения РАН, 1993.
- Санников 1989 — В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции. М.: Наука, 1989.
- Тексты 2008–2011 — Тексты, записанные в 2006 г. носителями эвенкийского языка (северное наречие) и отгоссированные: «Таймыр» в 2008 г., «Рассказ о жизни» в 2009–2011 гг. Архив экспедиций НИВЦ МГУ.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Alpatov, Podlesskaya 1995 — V. M. Alpatov, V. I. Podlesskaya. Converbs in Japanese // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in Cross-Linguistic Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 465–486.

- van den Berg 2004 — H. van den Berg. Coordinating constructions in Daghestanian languages // M. Haspelmath (ed.). *Coordinating constructions, Typological studies in language 58*, Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 197–226.
- Bulatova, Grenoble 1999 — N. Bulatova, L. Grenoble. *Evenki*. München: LINCOM Europa, 1999.
- Haspelmath 2004 — M. Haspelmath. *Coordinating constructions: An overview* // M. Haspelmath (ed.). *Coordinating constructions, Typological studies in language 58*, Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 3–40.
- Grenoble 2012 — L. A. Grenoble. *Areal typology and semantic change* // *Вестник ТГПУ № 1 (116)*. 2012. P. 101–105.
- I. Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. *Evenki*. London, New-York: Routledge, 1997.
- V. Nedjalkov 1995 — V. P. Nedjalkov. *Some Typological Parameters of Converbs* // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 97–136.
- Rudnitskaya, Uryson 2008 — E. L. Rudnitskaya, E. V. Uryson. *Towards semantic typology of coordination* // E. J. Vajda (ed.). *Subordination and Coordination Strategies in North Asian Languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 85–96.
- Ross 1967 — J. R. Ross. *Constraints on Variables in Syntax — Infinite Syntax*. Doctoral Dissertation. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1967.
- M. Tolskaya, I. Tolskaya 2008 — M. Tolskaya, I. Tolskaya. *Question particles or what? Open alternative questions in Udeghe* // E. J. Vajda (ed.). *Subordination and Coordination Strategies in North Asian Languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 97–108.
- Yi 1998 — E. J. Yi. *Adjunction, Coordination and their Theoretical Consequences* // N. Adisasmito-Smith, T. Doeleman (eds.). *Cornell working papers in Linguistics*. New York: Cornell University Press, 1998. P. 188–252.
- Yoon 1994 — J. H. S. Yoon. *Korean Inflection and Checking Theory* // C. Philip, H. Harley (eds.). *MIT Working Papers in Linguistics*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1994. P. 251–270.

Н. В. Сердобольская

РГГУ — МГГУ им. М. А. Шолохова, Москва

**ОФОРМЛЕНИЕ ИМЕННЫХ И СЕНТЕНЦИАЛЬНЫХ
АКТАНТОВ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ
В ЗНАЧЕНИИ ПАДЕЖНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ¹**

1. Введение

В языках мира актантные предложения могут кодироваться с помощью конструкций, синтаксически представляющих собой именную группу, т. е. различного вида номинализаций. Номинализованный предикат в таких конструкциях обладает рядом именных свойств, в частности, способностью присоединять артикли, падежные показатели и адлоги (предлоги/послелогии):

- (1) *Они обрадовались **твоему** приезду.*
- (2) *Мосмарт готовится к **открытию**.* [НКРЯ: Запись Live Journal (2004)]

При этом обычно выбирается тот же падеж/адлог, который присоединяет именной актант того же предиката:

- (3) *Ты заметила, как они **тебе** обрадовались?* [НКРЯ: Ирина Полянская. Прохождение тени (1996)]
- (4) *Мальчик готовится к **уроку**.*

Номинализации в (1) и (2) замещают ту же валентность, что и имена *тебе* и *урок* в (3) и (4), и, соответственно, требуют такого же оформления.

Рассмотрим, однако, следующие примеры из адыгейского языка:

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 11-04-00282а и 14-04-00580.

- (5) *c_wəmpɛ-r* *qe-sə-wəb_wejə-nə-r* *sə-g_w*
 клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-ABS 1SG.PR-сердце
r-jə-hə-r-ep
 LOC-3SG.A-нести-DYN-NEG
 ‘Мне не нравится собирать клубнику’.
- (6) *c_wəmpɛ-r* *qe-sə-wəb_wejə-n-čʼe / -ew*
 клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-INS / -ADV
sə-g_w *r-j-e-hə*
 1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести
 ‘Мне нравится собирать клубнику’.

В первом случае сентенциальный актанта при глаголе *əg_w rjehə* ‘нравиться’ оформляется так же, как и именной актанта, ср.:

- (7) а. *čʼale-m* *pšaše-r* *ə-g_w*
 парень-ERG девушка-ABS 3SG.PR-сердце
r-j-e-hə
 LOC-3SG.A-DYN-нести
 ‘Парню нравится девушка’.

Во втором же случае сентенциальный актанта при том же глаголе оформляется инструментальным или обстоятельственным падежом. Маркирование имени инструментальным падежом при данном глаголе невозможно, ср.:

- б. **čʼale-m* *pšaše-čʼe / pšaš-ew*
 парень-ERG девушка-INS девушка-ADV
ə-g_w *r-j-e-hə*
 3SG.POSS-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести
 ожидаемое значение: ‘Парню нравится девушка’.

Такое несоответствие в кодировании именных и сентенциальных актанта является яркой особенностью адыгейского языка (а также близкородственного кабардинского, см. [Кумахов, Вамлинг 1998]) — особенностью, ставящей адыгейский материал особняком в типологии конструкций с сентенциальными актантами (далее КСА). Описанное явление, насколько нам известно, не рассматривается в существующих исследованиях по описанию КСА в языках мира (см. [Храковский 1985; Noonan 1985; Dixon, Aikhenvald 2006]).

Насколько нам известно, такого рода изменения в модели управления предикатов с сентенциальными актантами в литературе отмечались лишь в двух идиомах: в ижемском диалекте коми-зырянского языка и дербетском диалекте калмыцкого языка:

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

- (8) *me divujč'č'-a etaje mort-ys-ly* /
я удивляться-PRS.1SG этот человек-Р.3-DAT
**mort-sə*.
человек-АСС.Р.3
'Я удивляюсь этому человеку'.

- (9) *me divujč'č'-a maša-lys'*
я удивляться-PRS.1SG Маша-GEN
vo-əm-sə / **vo-əm-ys-ly*.
прийти-NZR-АСС.Р.3 прийти-NZR-Р.3-DAT
'Я удивляюсь тому, что Маша пришла (Машиному приходу)'.
[Митева 2008]

КАЛМЫЦКИЙ ЯЗЫК (ДЕРБЕТСКИЙ ДИАЛЕКТ)

- (10) *enə bajər-ta bää-nä* [*Badma-gə*
этот радость-ASSOC быть-PRS Бадма-АСС
du duul-sən-də-n'].
песня петь-РС.PST-DAT-Р.3
'Он рад, что именно Бадма спел песню'.

- (11) *eckə-n' bajər-ta* [*kövü-vän*
отец-Р.3 радость-ASSOC мальчик-Р.RFL
gerə bär-s-igə].
дом строить-РС.PST-АСС
'Отец был рад, что его сын построил дом'.

[Князев 2009: 553]

В обоих идиомах сентенциальные актанты при данных предикатах допускают аккузативное оформление СА, несмотря на то, что именные актанты при этих же предикатах оформляются только дативом. При этом список главных предикатов, допускающих такое несоответствие модели управления, и конкретные ограничения на выбор падежа в СА в этих языках различны.

Среди существующих работ по конструкциям с СА нам неизвестно подробных описаний вариативности в падежном маркировании. Что же касается вариативности в падежном маркировании именных актантов, литература по данному вопросу обширна. Среди причин такой вариативности можно назвать следующие: 1) изменение падежного маркирования при залоговых преобразованиях и в результате актантной деривации; 2) различное кодирование участников при лабилных глаголах; 3) на первый взгляд схожие семантические роли оказываются различными при разных значениях глагола; 4) так называемое дифференцированное маркирование аргумента [de Swart 2007; de Hoop, de Swart 2009]. Ниже мы попытаемся определить причины вариативности маркирования в адыгейском языке. Для этого необходимо ответить на следующие вопросы: 1) можно ли считать, что главный предикат в (5) и (6) имеет одно и то же значение; 2) каковы семантические различия между (5) и (6); 3) можно ли считать, что сентенциальный актант в (6) замещает ту же валентность предиката, что именной актант в (7а).

Исследование основывается на данных литературного адыгейского языка, полученных в ходе работы с носителями в ауле Хакуринохабль Шовгеновского района Республики Адыгея в 2005–2008 гг. (работа велась с носителями темиргоевского диалекта, на основе которого создавался литературный язык). Примеры, собранные в ходе полевой работы, приводятся в транскрипции; примеры, взятые из опубликованных работ, приводятся в орфографии публикации.

Далее мы будем использовать термины «конструкции с сентенциальными актантами» (КСА), «матричный предикат» как предикат, способный присоединять СА, «зависимая ситуация» для обозначения ситуации, кодируемой сентенциальным актантом.

Работа организована следующим образом. В разделе 2 мы перечислим основные стратегии оформления сентенциальных актантов в адыгейском языке. Раздел 3 посвящен семантике КСА и факторам, определяющим выбор падежного показателя в КСА. В разделе 4 рассматриваются различные объяснения наблюдаемой вариативности падежного оформления и формулируются выводы.

2. Основные стратегии оформления СА в адыгейском языке

В адыгейском языке можно выделить следующие стратегии кодирования сентенциальных актантов (ср. [Gerassimov 2006]). Во-первых, это «чистая основа» в терминах [Керашева 1984: 121–134]:

- (12) *ʔ_wənç'əbze-xe-r* *z-ke-ḵ_wed* *s-jə-xabz*
 ключ-PL-ABS 1SG.A-CAUS-терять 1SG.PR-POSS-закон
 'Иногда бывает, что я теряю ключи'. (букв. мой закон — терять ключи)

Данная стратегия используется при грамматикализованных аспектуальных и модальных предикатах, (см. подробнее [Kimmelman 2010]). При фазовых глаголах с семантикой начинательности и при модальных глаголах *faje* 'надо', *леç'ə* 'мочь' используется форма потенциалиса (показатель *-n*) без падежных показателей (инфинитив согласно [Кумахов 1989]):

- (13) *lake-xe-r* *s-thaç'ə-n* *faje*
 тарелка-PL-ABS 1SG.A-мыть-POT надо
 'Мне надо помыть посуду'.

Глагольные формы, представленные в (12) и (13), используются только при фазовых, модальных и аспектуальных предикатах. Данные предикаты обычно характеризуются в работах по КСА особо, т. к. в языках мира они чаще всего возглавляют конструкции, которые отчасти демонстрируют свойства биклаузуальной, отчасти — моноклаузуальной конструкции. При этом главный предикат довольно часто грамматикализуется, и вся конструкция проявляет морфосинтаксические свойства аналитических форм предиката. С точки зрения семантики, главный предикат в таких конструкциях обозначает не отдельную ситуацию, а выделяет ее фазу (начало, конец ситуации) или имеет модальное (как в (13)) или аспектуальное значение [Храковский 1985: 43; Dixon, Aikhenvald 2006: 17]. В результате, данные конструкции довольно часто демонстрируют иные синтаксические свойства, нежели конструкции с матричными предикатами, обозначающими самостоятельную ситуацию (эмотивными, ментальными, оценочными, глаголами речи и восприятия). Ниже мы анализируем только КСА со вторым типом матричных предикатов. При таких предикатах в адыгейском языке употребляются следующие три стратегии: фактивная форма с префиксом *zere-*, потенциалис

с падежными показателями (в отличие от формы потенциалиса без падежных показателей (13)) и глагольная форма с показателем падежа. Приведем примеры.

- (14) [aslan qə-zere-k_wa-ke-r] dek_wə
 Аслан DIR-FCT-идти-PST-ABS хороший
 ‘То, что Аслан приехал, — хорошо’.

[Герасимов, Ландер 2008: 292]

Фактивная форма (*причастие* в адыговедческой традиции) образуется с помощью префикса *zere-* и оформляется строго тем показателем падежа, который приписывает матричный предикат. Например, в (14) единственно возможное оформление — это абсолютный падеж (оформление показателем падежа, не входящим в модель управления матричного предиката, наблюдается довольно редко и было отмечено при глаголах *jezeš’ə* ‘надоедать’ и *ʔ_wə* ‘говорить’: фактивная форма может оформляться как эргативом (согласно модели управления этих глаголов), так и «определенным инструменталисом», т. е. инструменталисом с показателем эргатива). Как показано в работе [Герасимов, Ландер 2008], данная форма используется для кодирования фактивных СА в понимании [Kiparsky, Kiparsky 1971; Арутюнова 1988; Зализняк А. 1990 и др.]. В работах по семантике КСА факт как единица ментального мира обычно противопоставляется событию как элементу реальности, доступному чувственному восприятию. В этих терминах обычно трактуют русские союзы *что* и *как*: *что* вводит фактивные СА, *как* — события, напр. *Мне нравится, что он поёт в ансамбле* vs. *Мне нравится, как он поёт*. Ряд матричных предикатов допускает как СА со значением факта, так и СА со значением события. Например, предикат оценки *dek_wə* ‘хорошо’ вводит факт при помощи фактивной формы с абсолютивом, в то время как событие при данном предикате кодируется формой потенциалиса с инструментальным падежом:

- (15) pč’əha.re qe-p-k_wə.ha-n-č’e dek_wə
 по.вечерам DIR-2SG.A²-идти-POT-INS хорошо
 ‘Хорошо (приятно) гулять по вечерам’.

² В адыгейском языке второе лицо может обозначать обобщенного участника, как в (15).

Выбор кодирования СА отражает семантический сдвиг в значении оценочного предиката: в (14) зависимая ситуация оценивается говорящим как хорошая в результате ментальной обработки (напр., оценка по параметру уместности или морально-этическая, в зависимости от контекста); в (15), напротив, положительное ощущение является непосредственным результатом зависимой ситуации; речь идет о положительной эмоциональной оценке ситуации.

Формы потенциалиса с падежным показателем в адыговедческой традиции принято трактовать в терминах «масдар» в том или ином падеже (ср. [Рогава, Керашева 1966; Кумахов 1989; Зекох 2002]). В силу причин, изложенных в [Сердобольская 2009] (способность употребляться в независимом предложении, значение временной отнесённости к будущему с некоторыми модальными оттенками и др.), мы используем для данной формы термин «потенциалис».

Кроме того, при ряде матричных предикатов может использоваться глагольная основа, оформленная инструментальным падежом с показателем *-č'e* или обстоятельственным падежом с показателем *-ew*³:

- (16) а. *azemat qa-k_w-ew qə-s-š'e-χ_wə*
 Азамат DIR-идти-ADV DIR-1SG.IO-LOC-DYN-статья
 ‘Мне кажется, Азамат идет’.

При выборе данной стратегии оформления, а также при потенциалисе возникает вариативность, проиллюстрированная в (5)–(6). Иными словами, зависимый предикат может оформляться не только тем падежом, который обусловлен моделью управления матричного предиката, но и другими падежными показателями. Например, предикат *dek_wə* требует оформления единственного актанта абсолютивом (14), однако в (15) зависимый предикат маркируется инструменталисом. Аналогичным образом, глагол *š'eχ_wə* ‘думать, казаться’ требует оформления именной группы со значением содержания абсолютивом (17), однако СА в (16) присоединяет показатель «обстоятельственного» падежа.

³ Большинство специалистов по адыгейскому языку трактуют глагольную основу с обстоятельственным падежом как деепричастие [Зекох 1976; Керашева 1984 и др.]; для формы с показателем *-č'e* общепринятого термина нет.

- (17) *se a-r qə-s-š'-e-χ_wə*
 я тот-ABS DIR-1SG.IO-LOC-DYN-статья
 'Я так думаю'.

В адыгейском языке традиционно выделяют четыре падежа (см. [Рогава, Керашева 1966; Зекох 2002] и др.): эргатив на *-m*, обозначающий агенс при переходных глаголах, косвенный объект, посессор и различного рода обстоятельство; абсолютив на *-r*, маркирующий субъект при непереходных глаголах или объект при переходных глаголах; инструменталис на *-č'ə*, обозначающий инструмент, пролатив и различные косвенные дополнения, а также обстоятельственный падеж (*-ew*)⁴, который вводит обстоятельства образа действия, наречия, образованные от прилагательных, а также копредикаты и неконечные клаузы в тексте. Далее эргатив и абсолютив будут обозначаться термином «ядерные падежи», инструменталис и обстоятельственный падеж — термином «неядерные падежи».

Потенциалис на *-n* может присоединять любой из четырех перечисленных падежей, см. (5), (6) и (21a). Глагольная основа, возглавляющая СА, не может оформляться показателями ядерных падежей⁵, т. е. абсолютивом и эргативом; ср.:

- (16) б. **azemat qa-k_we-r qə-s-š'-e-χ_wə*
 Азамат DIR-идти-ABS DIR-1SG.IO-LOC-DYN-статья
 ожидаемое значение: 'Мне кажется, Азамат идет'.

Такое оформление вызывает неграмматичность, несмотря на то что имя при данном ментальном предикате должно оформляться абсолютивом (17).

⁴ З. И. Керашева [Рогава, Керашева 1966; Керашева 1984 и др.] обозначает масдар с показателем обстоятельственного падежа термином «супин», однако другие исследователи не выделяют данную форму особо, называя все такие употребления «масдаром».

⁵ Имеется в виду, что глагольная основа с показателем ядерного падежа не может обозначать ситуацию и вводить СА или обстоятельственное предложение. Если же происходит отсылка к участнику ситуации — т. е. в релятивных оборотах, напр. *k_wa-be-r* (идти-PST-ABS) 'ушедший', *k_we-s'itə-r* (идти-FUT-ABS) 'тот, который пойдет' [Рогава, Керашева 1966: 314–315], — тогда глагольная форма может присоединять и ядерные падежи.

Таким образом, глагольная основа в СА может оформляться только показателями неядерных падежей: обстоятельственного и инструментального.

Приписывание СА падежа, не принадлежащего модели управления, в основном, наблюдается при потенциалисе и глагольной основе. Ниже мы будем рассматривать именно эти конструкции с СА.

3. Значение матричного предиката и выбор оформления СА

Обратимся к семантике конструкций, допускающих вариативность падежного оформления. Выбор ядерного падежа при той или иной форме регулируется моделью управления матричного предиката. При предикатах, требующих эргатива, абсолютив невозможен, и наоборот. Описываемая в настоящей работе вариативность касается только неядерных падежей: при предикатах, требующих оформления СА эргативом/абсолютивом, возможны также обстоятельственный или инструментальный падежи. Формы, возглавляющие СА, допускают вариативность в различной степени:

1) потенциалис может присоединять все четыре падежных показателя, и следовательно, при некоторых предикатах происходит выбор из трех возможностей (эргатив/абсолютив, инструменталис, обстоятельственный падеж);

2) глагольная основа⁶ может присоединять только инструменталис и обстоятельственный падеж даже при тех матричных предикатах, которые требуют ядерного падежа;

3) фактивная форма может присоединять все четыре падежных показателя; однако при данной форме зафиксирован лишь один тип вариативности⁷: фактивная форма может оформляться определенным инструменталисом (показатель эргатива + показатель инструменталиса) в случае, если матричный предикат требует ядерного падежа:

- (18) а. *zere-k_we-ž'ə-š't-ər*
 FCT-идти-RE-FUT-ABS
q-a-r-jə-ʔ_wa-b
 DIR-3PL.IO-OBL-3SG.A-говорить-PST

⁶ В значении ситуации; см. сноску 4.

⁷ Автор благодарен К. А. Ершовой за то, что она обратила наше внимание на этот факт.

б. *zere-k_we-ž'ə-š't-em-č'e*

FCT-идти-RE-FUT-ERG-INS

q-a-r-jə-ʔ_wa-β

DIR-3PL.IO-OBL-3SG.A-говорить-PST

‘Он сказал им, что уедет’. (Примеры Д. В. Герасимова)

Такие конструкции нами, однако, подробно не рассматривались. В настоящей работе мы сосредоточимся на факторах выбора падежного маркирования СА при потенциалисе и глагольной основе (подробнее об этом см. [Сердобольская, Мотлохов 2009]).

3.1. Ядерные падежи в СА

Специфика кодирования СА в адыгейском языке определяется, в том числе, тем фактом, что в адыгейском именные группы, оформленные ядерными падежами, способны контролировать согласование предиката, а именные группы, оформленные неядерными падежами — не способны контролировать согласование предиката:

(18) *шъо а-хэ-р шъо-лъэгъу-х*

вы тот-PL-ABS 2PL.A+DYN-видеть-PL

‘Вы их видите’. [Рогава, Керашева 1966: 96]

(19) *а у-къы-зэ-ры-гуыцъ-рэ бзэгур*

тот 2SG.ABS-DIR-REL-INS-разговаривать-DYN язык-ABS

лэныстэ-м-кIэ ны-з-гъэгъы-гъа-гъот

ножницы-ERG-INS LOC-1SG.A-резать-PST-DSD

‘Хотя бы ножницами вырезал бы тебе язык, которым ты разговариваешь’. [Там же: 360]

Глагол *лъэгъу* ‘видеть’ в адыгейском языке переходный: экспериенцер оформляется эргативом, стимул — абсолютивом. Как можно видеть в (18), оба актанта контролируют личностно-числовое согласование глагола (местоимения первого и второго лица не присоединяют показателей эргатива и абсолютива, поэтому местоимение *шъо* ‘вы’ в примере не оформлено падежом). Как видно из (19), ИГ *лэныстэ-м-кIэ* ‘ножницы’, оформленная инструменталисом, не может контролировать согласование предиката даже в том случае, если она является семантическим актантом, как инструмент при глаголе *ныгъэгъы-* ‘отрезать’.

В простом предложении адыгейского языка глагол может присоединять аргумент в абсолютиве и несколько аргументов в

эргативе, контролирующих префиксальные согласовательные показатели (см. подробнее [Рогава, Керашева 1966]; [Аркадьев и др. 2009]), например:

- (20) *č'ale-m pelmenə-r case-m*
 мальчик-ERG пельмень-ABS вилка-ERG
p-jə-ʔ^wə-ʋ
 LOC_END-3SG.A-колоть-PST
 ‘Мальчик наколол пельмень на вилку’.

[Мазурова 2009: 436]

Как и при именных актантах, ядерные падежи оформляют СА в том случае, если СА выступает в позиции, соответствующей согласовательному «слоту» матричного предиката: в (21а) и (22) это нулевой показатель третьего лица единственного числа косвенного объекта.

Для тех случаев, когда матричный предикат требует оформления СА ядерным падежом, возможны следующие три способа оформления: эргатив или абсолютив (строго в зависимости от модели управления матричного предиката), инструменталис, обстоятельственный падеж. При некоторых предикатах допускаются только две возможности, например, ядерный падеж vs. инструменталис или ядерный падеж vs. обстоятельственный падеж. Например, глагол *pəɬə* ‘пытаться, стараться’ может присоединять СА с эргативом или обстоятельственным падежом:

- (21) а. *adəga-bze-č'e s-je-ʒ'e-nə-m*
 адыгейский-язык-INS 1SG.ABS-OBL-читать-POT-ERG
sə-pəɬ
 1SG.ABS-заниматься
 ‘Занимаюсь чтением на адыгейском языке’.
- б. *adəga-bze-č'e s-je-ʒ'e-n-ew*
 адыгейский-язык-INS 1SG.ABS-OBL-читать-POT-ADV
sə-pəɬ
 1SG.ABS-заниматься
 ‘Пытаюсь читать по-адыгейски’.

Данный матричный предикат может иметь значение ‘заниматься какого-л. рода деятельностью’ либо значение ‘стараться, пытаться, попробовать что-л. делать’. При первом значении зависимый предикат

в форме потенциалиса маркируется эргативом; при втором значении выбирается обстоятельственный падеж.

Присоединяя СА в эргативе, матричный предикат имеет то значение, в котором он употребляется с именным актантом; ср. (21а) и (22):

- (22) *спорты-м пыльы-н*
спорт-ERG заниматься-POT
'заниматься спортом' [Тхаркахо 1991: 198]

Аналогичное различие демонстрирует пара глаголов *zəfəvehazərə* и *zəvehazərə* со значением 'собираться':

- (23) а. *azemat wered q-ə-ʔ_we-nə-m*
Азамат песня DIR-3SG.A-говорить-POT-ERG
zə-f-j-e-ke-hazərə
RFL.ABS-BEN-3SG.A-DYN-CAUS-готовиться
'Азамат собирается петь'. (Комментарий: еще не выходит на сцену, достает микрофон, гитару и т. п.)
- б. *azemat wered q-ə-ʔ_we-n-ew*
Азамат песня DIR-3SG.A-говорить-POT-ADV
zə-ke-e-hazərə
RFL.ABS-CAUS-DYN-готовиться
'Азамат собирается петь'. (Комментарий: уже выходит на сцену, сейчас будет петь.)

Глагол *zəfəvehazərə* в (23а) имеет значение 'готовиться к чему-л.', а глагол *zəvehazərə* в (23б) обозначает 'иметь намерение, готовиться, собираться' (см. [Тхаркахо 1991: 91]. Обратим внимание на морфемный состав данного глагола: *hazərə* переводится как 'готовый'; глагол *zə-ke-hazərə* представляет собой форму каузатива с рефлексивным префиксом *zə*, т. е. RFL-CAUS-готовый, 'готовить себя' (без валентности на цель), в то время как глагол *zə-fe-ke-hazərə* включает показатель бенефактивной версии, RFL-BEN-CAUS-готовый, т. е. 'готовить себя к чему-либо'. Наличие префикса бенефактива *fe-* в *zə-fe-ke-hazərə* приводит к тому, что данный глагол понимается как 'готовиться к чему-л.', а отсутствие валентности на цель в *zə-ke-hazərə* вызывает значение 'собираться' (ср. (23б) выше). Соответственно, в значении 'готовиться к чему-л.' данный предикат

присоединяет СА с эргативом, а в значении ‘иметь намерение’ — СА с обстоятельственным падежом.

Таким образом, ядерные падежи выбираются для оформления потенциалиса, если глагол выступает в том значении, в котором он может присоединять именные актанты. В противном случае СА оформляется одним из неядерных падежей.

Рассмотрим правила, регулирующие выбор между инструментальным и обстоятельственным падежами в КСА. Как показано в [Сердобольская, Мотлохов 2009], выбор инструментального/обстоятельственного падежа в КСА определяется семантикой матричного предиката и СА.

3.2. СА с обстоятельственным падежом

Выделяются следующие типы контекстов, характерные для СА с показателем обстоятельственного падежа.

Форма потенциалиса с обстоятельственным падежом — одно из основных средств, используемых в целевых конструкциях и в КСА при глаголах потенциального действия и каузации:

(24) *se daḵ_we-m šečʼ qə-fə-s-hə-ḅ*
 я портной-ERG материал DIR-BEN-1SG.A-нести-PST
žʼane qə-s-f-jə-də-n-ew
 платье DIR-1SG.IO-BEN-3SG.A-шить-POT-ADV
 ‘Я принесла портному материал, чтобы он сшил платье’.

(25) *se je-s-ʔ_wa-ḅ azemat wər_wekə-m*
 я OBL-1SG.A-говорить-PST Азамат урок-ERG
čə-čʼə-žʼə-n-ew
 LOC-выходить-RE-POT-ADV
 ‘Я велел Азамату уйти с урока’.

В такого рода контекстах используется исключительно обстоятельственный падеж; замена его на инструменталис не допустима.

Вариативность возможна в случае, если глагольная форма либо потенциалис с обстоятельственным падежом оформляет СА ментальных глаголов, глаголов речи и восприятия.

В этом случае данная стратегия находится в дополнительном распределении с фактивной формой, например:

- (26) а. *se azemat jane-jate-xe-m*
 я Азамат мать-отец-PL-ERG
ja-s-?wa-в
 3PL.IO+OBL-1SG.A-говорить-PST
azemat mə-š' zere-š'-je-mə-ž'e-ž'ə-š'tə-r
 Азамат этот-ERG FCT-LOC-OBL-NEG-читать-RE-FUT-ABS
- б. *...š'-je-mə-ž'e-ž'ə-š't-ew*
 LOC-OBL-NEG-выходить-RE-FUT-ADV
ja-s-?wa-в
 3PL.IO+OBL-1SG.A-говорить-PST
 а=б. 'Я сказал родителям Азамата, что он не будет больше у нас учиться'.
 а. Решение было принято заранее. б. Я сказал, тем самым утверждая решение, что Азамат не будет больше у нас учиться.

Согласно интерпретации носителей, первый пример возможен в ситуации, когда говорящий заранее знает о том, что зависимая ситуация будет иметь место (т. е. если решение о том, что Азамат не будет больше учиться, принято заранее). Второй же вариант естественно звучит, если говорящий принимает решение ровно в момент произнесения, и воплощается в реальность самим этим высказыванием. Иными словами, во втором случае речь идет о перформативном употреблении; фактивная же форма выбирается, если СА обозначает факт, имеющий пресуппозицию истинности.

Рассмотрим также примеры с фактивной формой и потенциалисом с обстоятельственным падежом при глаголе речи.

- (27) *ņjere weš'x q-je.š'xə-n-ew*
 сегодня дождь DIR-идти.о.дожде-POT-ADV
a-?wa-в
 3PL.A-говорить-PST
 'Сказали, что сегодня будет дождь'. (По радио передавали прогноз погоды. Неизвестно, оправдается ли он.)

как абсолютивная именная группа, см. [Сумбатова 2009] о фокусной конструкции адыгейского языка):

- (29) *we nah w-jə-č'ase-r* *təve-m*
ты более 2SG.PR-POSS-любимый-ABS солнце-ERG
z-je-b-kewə-n-ew / (-č'e)* *ar-a?*
RFL.ABS-OBL-2SG.A-загорать-POT-ADV(-INS) тот: PRED-Q
hawətjə zə-b-ke-psqə-n-ew *ar-a?*
или RFL.ABS-2SG.A-CAUS-купаться-POT-ADV тот: PRED-Q
‘Ты любишь загорать? Или больше купаться?’

СА с маркером инструменталиса проявляют иные свойства. Для них нехарактерна позиция фокуса вопроса (ср. запрет в (29)), и они могут выступать в контексте вопросительной связки, только если вопрос относится ко всему предложению или к главной предикации:

- (30) *w-e-š'əne* *w-jə-zaq_w-ew*
2SG.ABS-DYN-бояться 2SG.PR-POSS-один-ADV
wə-k_we-n-č'e *ar-a?*
2SG.ABS-идти-POT-INS тот: PRED-Q
‘Боишься ли одна ходить, не правда ли, боишься?’ (Дети дразнят девочку.)

Такие примеры обычно интерпретируются носителями как вопрос к главному предикату (в данном случае, *не правда ли, боишься*, но не *не правда ли, в одиночку ходить (боишься)*).

В русском языке пропозитивные СА, в отличие от фактивных, способны выступать в контексте главного фразового ударения [Янко 2001: 242–245]: при глаголе *думать* ударение чаще всего падает на пропозитивный СА (напр., *Я думаю, что он опоздает*), в то время, как при факте в СА главное фразовое ударение оформляет матричный предикат (напр., *Я знал, что он опоздает*). Различие в интонационном выделении матричного и зависимого предиката наблюдается и в адыгейском языке. Согласно интуиции носителей, формы с инструментальным и обстоятельственным падежами в речи противопоставлены интонационно:

- (31) *pč'edəž'ə-m ž'-ew* *sə-qe-tež'ə-n-č'e/ -ew*
 утро-ERG ранний-ADV 1SG.ABS-DIR-встать-POT-INS/-ADV
sə-g_w *r-j-e-hə*
 1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести
 'Мне нравится встать рано утром'.

В данном предложении ударно произносится форма *səqetež'ənew*; если же выбирается форма *səqetež'ənč'e*, ударение обычно смещается на матричный предикат. Это говорит в пользу анализа СА с обстоятельственным падежом как пропозитивного, в отличие от СА с инструментальным падежом.

Итак, можно заключить, что обстоятельственный падеж при потенцилисе и глагольной основе в КСА вводит пропозицию.

3.3. СА с инструментальным падежом

Одним из значений инструментального падежа при многих ментальных предикатах является значение ирреальности или ложности зависимой ситуации:

- (32) *a-š'* *j-e-tə-č'e* *j-e-λəte*
 тот-ERG 3SG.A-DYN-копать-INS 3SG.A-DYN-считать
 а. 'Он думает, что копает'. (Он сам не понимает, что плохо работает.)
 б. 'Он делает вид, что копает'. (Он ковыряется в земле, а на самом деле не работает.)

Носители предлагают различную интерпретацию данного примера; в обоих случаях сохраняется презумпция ложности зависимой предикации. При употреблении глагольной основы с обстоятельственным падежом такой презумпции не возникает:

- (33) *s-šə-nahə.č'e* *čəja-β-ew*
 1SG.PR-брат-младший спать-PST-ADV
s-e-g_wəβe
 1SG.ABS-DYN-надеяться
 'Я думаю, что мой младший брат уснул'. (Комментарий: возможно, на самом деле, уснул, а возможно, нет.)

Как представляется, это значение определяется следующим. Как показано в [Кузнецова 2009: 309], инструментальный падеж при глагольной основе в адыгейском языке грамматикализовался

Ряд матричных глаголов адыгейского языка допускают двоякую интерпретацию: как ментальные (со значением ‘думать’, ‘полагать’) или как эмотивные (‘надеяться’, ‘опасаться’). Это, например, глагол *jeneg_wəje-*, который переводится в словарях [Тхаркахо 1991: 79] и [Шаов 1975: 110] как ‘предполагать’, в словаре [Водождоков 1960] приводится для перевода русских глаголов ‘предполагать’ и ‘бояться’; глагол *g_wəwe*, ‘надеяться’; глагол *ləte-* ‘считать, полагать’ [Водождоков 1960; Тхаркахо 1991; Шаов 1975].

При данных глаголах выбор между обстоятельственным и инструментальным падежом определяется наличием эмотивного компонента: при наличии эмотивного оттенка выбирается инструменталис, иначе — обстоятельственный падеж. Например, предложение (36) носители комментируют приблизительно как «субъект считает это событие вероятным»; при этом неизвестно, является ли это событие выгодным/невыгодным для субъекта. Напротив, в контексте инструментального падежа данный глагол интерпретируется как эмотивный, ‘бояться’ в (37) и ‘надеяться’ в (38). Конкретный «знак» эмоции — плюс или минус, т. е. ‘надеяться, хотеть’ или ‘бояться, опасаться’ — всецело зависит от контекста (например, (38) может быть переведено и глаголом *bojatsya*, если говорящий оценивает данную ситуацию отрицательно). Важно именно наличие эмотивного компонента.

Однако не всегда речь идет только о наличии эмотивного компонента. Дело в том, что эмотивные предикаты, которые во всех употреблениях содержат в своём значении эмотивный компонент (это предикаты со значением ‘бояться’, ‘любить’, ‘нравиться’) также допускают оба падежа на СА. Рассмотрим, чем вызвана вариативность падежного оформления при данных предикатах.

Глагол *š'əne-* ‘бояться’, как и его русский переводной эквивалент, может обозначать как эмоцию, непосредственно вызванную некоторой ситуацией («боюсь волка»), так и отрицательную оценку вероятной ситуации («боюсь, что не сдам экзамен»), см. значения русского глагола в [Зализняк А. 1983]. В первом случае эмотивный компонент значения глагола *š'əne-* находится в ассерции толкования (экспериенцер испытывает эмоцию непосредственно от самой ситуации), во втором — эмотивный компонент находится в пресуппозиции толкования, а в ассерции содержится эпистемическая оценка

(экспериментер оценивает ситуацию как вероятную, зная, что она неблагоприятна).

- (39) *a-r d_weske-m dež' qə-de-č'ə-n-č'e*
 тот-ABS доска-ERG к DIR-LOC-выходить-POT-INS
š'əne-zepətə-š'tə-в
 бояться-всегда-AUX-PST
 (Учителя его часто вызывали отвечать.) 'Он всегда боялся
 выходить к доске'.

- (40) *a-r me-š'əne jə-č'elejež'aq_we-xe-r*
 тот-ABS DYN-бояться POSS-ученик-PL-ERG
univjersitjetə-m č'e-mə-haš_wə-n-x-ew
 университет-ERG LOC-NEG-поступить-POT-PL-ADV
 'Он боится, что его ученики не поступят в университет'.

Таким образом, как и при глаголах *jeneg_wəje-*, *g_wəwe-* и *ləte-*, при глаголе *š'əne-* выбор инструментального падежа вызывает усиление эмотивного компонента значения, а выбор обстоятельственного падежа — вероятностного компонента в значении матричного глагола.

Итак, для некоторых матричных предикатов верно следующее: инструментальный падеж в СА выделяет эмотивный компонент в семантике матричного предиката.

Перейдем к оценочным предикатам и предикатам синонимического ряда 'любить, нравиться' (*əg_w rjeħə, jəč'as, š_wə ləb_wə*).

Оценочные предикаты также допускают как инструментальный, так и обстоятельственный падеж (за исключением *tx_we* 'приятно', который допускает только инструментальный падеж). Инструментальный падеж может способствовать выделению не только эмотивного компонента, но и компонента физического состояния. Например, предикат *qjan* 'трудно' с инструментальным падежом имеет значение 'эмоционально трудно' или 'физически тяжело'; *de_wə* 'хорошо' — 'положительная эмоция', как в (41), или 'физическое удовольствие'.

- (41) *sə-qə-b-de-g_wəš'ə?ə-n-č'e* *de_wə*
 1SG.ABS-DIR-2SG.A-COM-разговаривать-POT-INS хорошо
 'С тобой хорошо (приятно) разговаривать'.

- (42) *we* *čəšhe-məšhe-xe-r* *p-šxə-n-ew* *deᵛ_wə*
 ты фрукт-PL-ABS 2SG.A-есть-POT-ADV хорошо
 ‘Тебе хорошо (полезно) есть фрукты’.

В (41) данный предикат имеет значение ‘приятно’, а в (42) — ‘полезно’. В контексте инструментального падежа данный предикат обозначает эмоциональное состояние, а в контексте обстоятельственного падежа — оценку ситуации с точки зрения ее объективных характеристик (в данном случае, это утилитарная оценка по классификации [Арутюнова 1988]).

При эмотивных глаголах со значением ‘любить, нравиться’ и при глаголе *jezeš’ə* ‘надоедать’ допускается как фактивная форма, так и потенциалис с падежными показателями (глагол *jezeš’ə* ‘надоедать’ может также присоединять глагольную основу с падежными показателями):

- (43) *c_wəmpre-r* *qe-sə-wəᵛ_wejə-n-ew* *sə-g_w*
 клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-ADV 1SG.PR-сердце
r-j-ə-hə-r-ep *aw varenje*
 LOC-3SG.A-DYN-нести-DYN-NEG но варенье
s-šə-n-ew *sə-faj*
 1SG.A-делать-POT-ADV 1SG.A-хотеть
 (Ася 3 часа собирала клубнику. ‘Ты так любишь ягоды собирать?’) — ‘Мне не нравится собирать клубнику, просто хочется варенье сварить’.
- (44) *c_wəmpre-r* *qe-sə-wəᵛ_wejə-n-č’e* *sə-g_w*
 клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-INS 1SG.PR-сердце
r-j-e-hə
 LOC-3SG.A-DYN-нести
 ‘Мне нравится собирать клубнику’. (Я получаю удовольствие от самого процесса.)

Распределение падежных показателей при данных глаголах объясняется следующим. Данные глаголы могут вводить факт в контекстах вида *Мне нравится, что он со всеми вежливо разговаривает* (отсюда возможность употребления при них фактивной формы), однако не обязательно. В (43) и (44) ситуация в СА является гипотетической (следовательно, употребляется потенциалис) и оценивается говорящим как положительная. Различие между данными предложениями в следующем: в (44) описываемое действие,

сбор клубники, рассматривается как процесс, во всех его деталях, в то время как в (43) за счет появления отрицания данное действие предстает в оболочке ментального представления.

Основываясь на этих и других примерах, можно сделать следующий вывод: потенциалис с инструментальным падежом в адыгейских КСА вводит событие в терминологии Н. Д. Арутюновой [1988]. То есть, описывается ситуация, вызывающая реакцию экспериенцера сама по себе, без ее ментальной обработки. Это может быть как эмоциональная (41), (44), так и физическая реакция. Закономерно, что конструкция с инструментальным падежом при глаголах с семантикой 'любить, нравиться' противопоставляется конструкции с обстоятельственным падежом. В первом случае СА обозначает событие (нравится собирать ягоды), во втором случае — пропозицию (ситуация 'собирать ягоды' оценивается как положительная по объективным параметрам).

Такая аргументация кажется правомерной для всех матричных предикатов, вводящих СА с инструментальным падежом (исключая те случаи, когда инструментальный падеж вводит ложные СА, что, видимо, является развитием фрустративного значения данного показателя). С оценочными предикатами при инструментальном падеже СА исчезает значение собственно оценки, предикат обозначает физическое или эмоциональное состояние. Это происходит в силу того, что собственно оценка события невозможна (ср. невозможность союза *как*, вводящего событие, при данных предикатах в русском языке: * *Хорошо, как он поёт*; * *Трудно, как она живёт*): оценка сама по себе уже представляет собой ментальную обработку ситуации, следовательно, вызывая контекст факта (14) или пропозиции (42). Присоединяя СА, данные предикаты претерпевают сдвиг значения, приобретая семантику физического или эмоционального состояния.

Аналогичный сдвиг значения происходит при ментальных и эмотивных предикатах. Как показано в работах Анны А. Зализняк, эмотивные глаголы *бояться* и *надеяться*, которые присоединяют СА, отсылающие к будущему, имеют компонент вероятностной оценки, и в некоторых употреблениях этот компонент выходит на первый план [Зализняк А. 1992: 443]. Отсюда допустимость и события (при непосредственной эмоциональной реакции, как в (39)), и пропозиции (при усилении значения вероятностной оценки, как в (40)) в СА этих глаголов. В адыгейском языке происходит сдвиг в

обратную сторону: ментальные глаголы *jeneg_wəje-*, *g_wəke-* и *ləte-* допускают эмотивное прочтение, присоединяя СА с инструментальным падежом. Напротив, при СА с обстоятельственным падежом выделяется компонент вероятностной оценки зависимой ситуации.

Итак, можно заключить, что формы с инструментальным падежом обозначают событие⁸. Под действием данного семантического компонента выделяются различные значения матричных предикатов в контексте СА с инструментальным падежом: физическое состояние, эмоциональное состояние и др. Для кодирования пропозиции выбираются СА с обстоятельственным падежом. Оба падежа могут оформлять глагольную основу или потенциалис; выбор между глагольной основой и потенциалисом определяется временной референцией СА.

4. Объяснение вариативности падежного маркирования СА

Вариативность падежного маркирования, наблюдаемая в адыгейском языке, — явление, требующее объяснения в свете понятия модели управления и правил приписывания падежа соответствующими матричными предикатами. Как указывалось во введении, соответствующая вариативность в КСА практически не была зафиксирована в других языках и, в силу этого, не обсуждалась с точки зрения теории. Что же касается именных актантов, такая проблема затрагивалась неоднократно в рамках исследований по падежной семантике и работ по актантной структуре и семантически ориентированной классификации глаголов. Подробно анализируются следующие случаи мена падежного маркирования именных актантов.

Во-первых, мена маркирования может быть обусловлена **залоговым** противопоставлением либо возникать в результате **актантной деривации**. Такой анализ, однако, невозможен для адыгейского материала в силу того, что во всех перечисленных случаях вариативность падежного маркирования возможна без

⁸ При именах инструментальный падеж вводит значения инструмент, пролатив, стимул эмоции, более ограниченно — образ действия, см. [Сердобольская, Кузнецова 2009]. Можно предположить, что событийное значение показателя инструментального падежа в КСА развилось именно из значений стимула эмоции или образа действия (ср., например, русский союз *как*, развившийся из местоимения образа действия).

каких-либо формальных показателей залога или актантной деривации на предикате. Можно было бы предположить, что мена модели управления связана с лабильностью матричного глагола, как англ. *to break, to stop* и др. (ср. неоднократно обсуждавшиеся примеры *The glass broke / I broke the glass*). Однако в случае лабильности глагола ожидалось бы, что именные актанты также могли бы маркироваться теми же падежами, что и СА. Однако, как было показано выше, представленная вариативность наблюдается только в СА.

Во-вторых, различия в падежном оформлении могут быть связаны с т. н. явлением **дифференцированного маркирования аргумента**, см. [de Swart 2007; de Hoop, de Swart 2009]. В таких конструкциях предполагается, что при одном и том же значении предиката актант с одной и той же семантической ролью может кодироваться различным образом (см. (45а, б) из адыгейского языка). В языках мира выбор маркирования в таких конструкциях регулируется дискурсивными и/или прагматическими факторами (референциальный статус именной группы в (45а, б), коммуникативное членение), одушевленностью референта именной группы, аспектуальной характеристикой ситуации или квантификацией именной группы (полный охват / частичность охвата участника ситуацией). Данное явление, представленное во многих языках, обычно характеризуют в терминах дискурсивных/коммуникативных (видовых/квантитативных) функций падежей.

(45) а. *č'ale-r txəl je-ž'a-в*
парень-ABS книга OBL-читать-PST
'Парень прочитал (какую-то) книгу'.

б. *č'ale-r txələ-m je-ž'a-в*
парень-ABS книга-ERG OBL-читать-PST
'Парень прочитал книгу' (определенную).

[Сердобольская, Кузнецова 2009: 188–189]

Против такого объяснения можно привести существенные возражения. В адыгейском языке данный механизм лежит в основе противопоставления нулевого маркирования и оформления ядерным падежом (эргативом/абсолютивом), как в (45а, б), см. подробнее [Халбад 1975]. Нулевое маркирование возможно, как правило, при неопределенных и нереферентных именных группах, маркирование ядерным падежом — при определенных именных группах; выбор

оформления не зависит от семантики глагола. В КСА же представлена иная вариативность, а именно «ядерный vs. обстоятельственный vs. инструментальный падеж». Семантические различия, лежащие в основе выбора падежного маркирования в КСА, не могут быть проинтерпретированы в терминах референциальных свойств и коммуникативного членения высказывания (или же видовых/квантитативных различий), а связаны, как показано в разделе 2, со значением матричного глагола и семантикой зависимой ситуации.

В целом, сам термин «дифференцированное маркирование аргумента» не противоречит и такой «расширенной» интерпретации, однако следует учитывать, что традиционно он закреплен за другим явлением.

В-третьих, возможна ситуация, когда **предикат выступает в различных значениях** и, соответственно, вводит участников с различной семантической ролью, напр.:

(46) *ходить в школу*

(47) *Он никогда не ходил с дамы.* [Апресян 2009: 462]

Согласно [Апресян 2009], данные употребления классифицируются как различные значения (*ходить* 2.2 и *ходить*, 4 соответственно). Различие в значении глагола определяет различие в семантической валентности и, соответственно, в предложно-падежном оформлении в (46) и (47).

Можно ли проинтерпретировать адыгейские конструкции в (5)–(6) и др. примерах в тех же терминах? По-видимому, такое объяснение удовлетворительно лишь отчасти. Действительно, матричные предикаты, как было показано в разделе 2, выбирают падежное оформление в зависимости от своего значения. Однако различия в значении предиката в адыгейских конструкциях не настолько велики, чтобы говорить о различных семантических ролях. В русских примерах (46)–(47) участники при глаголе *ходить*, очевидно, имеют различные семантические роли. Для адыгейских примеров различие в значении не столь очевидно. Довольно странно было бы считать, что событие и пропозиция настолько различны семантически, что задают различные роли. Такое решение, насколько нам известно, не делается относительно других языков при анализе КСА и в адыгейском выглядело бы постулированным *ad hoc*, ровно для объяснения наблюдаемого явления.

Обычно считается, что СА со значением события и пропозиции заполняют одну и ту же валентность матричного глагола — стимул эмоции при эмотивных глаголах и содержание при ментальных глаголах.

Объяснение с помощью различных семантических ролей было бы мотивировано, если бы оба СА, с инструментальным и с обстоятельственным падежом, могли выступать при одном и том же матричном предикате в одном предложении. Данное объяснение постулируется Ю. Д. Апресяном для объяснения различного управления русского глагола *сердиться*, например:

(48) а. *Отец сердится на сына.*

б. *Отец сердится из-за двойки.*

Оба участника могут быть выражены одновременно в одной и той же клаузе:

в. *Отец сердится на сына из-за двойки.*

В [Апресян 2003: 1021] мотивируется решение, что *сын* в (48а, б, в) является виновником, *двойка* — причиной эмоции. Различное оформление данных участников объясняется различиями в их ролевой характеристике.

В адыгейском, в отличие от русского (48в), невозможно выражение при рассматриваемых глаголах двух участников, одного с инструментальным, другого — с обстоятельственным падежом.

Все предложенные выше гипотезы не объясняют тот факт, что вариативность падежного маркирования проявляют только СА. Во всех решениях остается непонятным, почему наблюдаемая вариативность ограничена только глаголами, способными присоединять СА, и не возникает в том случае, если при этих глаголах соответствующая валентность заполняется именной группой.

В силу этого мы предполагаем, что падежные показатели в СА адыгейского языка развивают особые функции, не характерные для именных актантов. Иными словами, можно предположить, что нарушения в выборе падежного показателя являются результатом **грамматикализации падежных показателей в функции маркеров подчиненной клаузы**. О грамматикализации падежных показателей в комплементаризеры и показатели обстоятельственного предложения см. [Ohori 2011]. Мы предполагаем, что инструментальный падеж

грамматикализуется в показатель событийных СА, а обстоятельственный падеж — в показатель подчиненных клауз, выражающих пропозицию (в СА и обстоятельственных предложениях (24)). Ядерные падежи в КСА, напротив, не грамматикализируются в такой функции, а используются при том же значении матричного предиката, что и именные актанты. Это объясняет, почему неядерные падежи, в отличие от ядерных, могут присоединяться непосредственно к глагольной основе в КСА. Выше было показано, что если ядерные падежи оформляются в СА, то матричный предикат выступает в том значении, которое он имеет в контексте именных актантов (см. выше). Если глагол выступает в том значении, которое он не имеет в контексте именных актантов (например, ‘собираться что-л. делать’, ‘пытаться что-л. делать’), то употребляются только неядерные падежи. Иными словами, эргатив и абсолютив при потенциализации имеют ту же функцию, что и при именных актантах, в то время как неядерные падежи употребляются в другой функции. Признание такого сдвига значения говорит в пользу гипотезы о грамматикализации данных показателей в функции маркеров подчиненной клаузы.

К подобному выводу, по-видимому, близок анализ М. Ю. Князевым калмыцких конструкций в (10) и (11). В калмыцком языке (дербетский диалект) допускается несоответствие падежного маркирования СА маркированию именных актантов при одном и том же матричном предикате. Точнее, аккузатив на СА появляется при непереходных матричных предикатах, не имеющих валентности на аккузативное дополнение. Аккузатив возможен наряду с косвенным падежом, который требуется согласно модели управления матричного предиката, ср. (10) и (11). Согласно исследованию, проведенному М. Ю. Князевым,

аккузативное маркирование причастия является в калмыцком маркированием по умолчанию. Иначе говоря, в калмыцком языке всегда существует принципиальная возможность оформить зависимый предикат аккузативом, хотя больший приоритет имеет субкатегоризованное (не)маркирование и несубкатегоризованное немаркирование [причастий] [Князев 2009: 567].

Фактически признание «маркирования по умолчанию» ведет к признанию особой функции аккузатива — оформление СА, что

означает грамматикализацию показателя аккузатива в функции маркера СА.

Высказываемая нами идея о грамматикализации адыгейских конструкций отчасти совпадает с решением некоторых грамматических описаний по поводу глагольных форм на *-ew*, однако лишь отчасти. (Что касается глагольных форм с показателем *-č'e*, специальной терминологии не предлагается; в частности, З. И. Керашева [1984] обозначает формы на *-n-č'e* термином «инфинитные образования на *-n-кIэ*», однако не останавливается на семантике данных образований.) В [Керашева 1984; Рогава, Керашева 1966] форма потенциалиса *-n* с обстоятельственным падежом *-ew* анализируется как «супин» с показателем *-new*; в [Рогава, Керашева 1966; Зекох 1976; Керашева 1984] глагольная основа с обстоятельственным падежом называется деепричастием (деепричастие прошедшего/давнопрошедшего и др. в зависимости от того, какой временной показатель находится перед показателем *-ew* — показатели прошедшего, давнопрошедшего или др.). Такое решение предполагает, что показатель *-ew* при глагольных основах грамматикализован настолько, что не должен анализироваться как падежный показатель. Однако при этом исследователи считают различие между потенциалисом с показателем *-ew* и временными глагольными формами (настоящее, прошедшее, будущее время с показателем *-š't*) достаточно серьезным, чтобы постулировать супин и деепричастие как две самостоятельные глагольные формы. На наш взгляд, для такого решения недостаточно оснований. Потенциалис и глагольная основа с показателем *-ew* распределены в СА по тому же принципу, что и в независимом предложении. Например:

(49) *se s-e-gʷəbʷe* [we *kaše-r*
я 1SG.ABS-DYN-надеяться ты каша-ABS
ə-gʷ r-jə-h-ew].
3SG.PR-сердце LOC-3SG.A-нести-ADV
'Я надеюсь, что ты любишь кашу'.

(50) *se s-šʷeʂə* *zəgʷere*
я 1SG.IO-казаться кто.то
qə-z-de-ʔepəʔa-b-ew.
DIR-1SG.IO-COM-помогать-PST-ADV
'Мне кажется, что кто-то мне помогает'.

- (51) *a ž'ane-r pšaše-m ə-š'efə-š't-ew*
 тот платье-ABS девочка-OBL 3SG.A-купить-FUT-ADV
qə-s-š'-e-χ^wə.
 DIR-1SG.IO-LOC-DYN-стать
 'Мне кажется, что девушка купит это платье'.
- (52) *s-jə-wənak^we qə-xeχ^we-n-ew*
 1SG.PR-POSS-семья DIR-развиться-POT-ADV
qə-s-š'-e-χ^wə.
 DIR-1SG.IO-LOC-DYN-стать
 'Мне кажется, что в моей семье будет прибавление'.

Как можно видеть из (49)–(52), выбор временной формы в зависимой предикации однозначно определяется ее временной референцией⁹: настоящее время в (49) обозначает одновременность (в широком смысле), прошедшее (50) — предшествование, будущее (51) на *-š't* и потенциалис (52) на *-n* — следование зависимой ситуации за ситуацией, выраженной главной предикацией. (Мы не приводим примеров на давнопрошедшее и другие временные формы.) Аналогичным образом распределены временные формы в СА, оформленных инструментальным падежом:

⁹ Данные временные формы в КСА могут иметь как временную референцию относительно момента речи, так и относительно времени главной предикации (как в русском языке: *Я смотрел, как она танцевала/танцует*), ср.:

- (i) а. *wered qə-zer-a-χ^we-š'tə-ve-r se*
 песня DIR-FCT-3PL.A-говорить-AUX-PST я
zexe-s-xə-β
 LOC-1SG.IO-слышать-PST
- б. *se zexe-s-xə-β a-xe-me*
 я LOC-1SG.IO-слышать-PST тот-PL-ERG.PL
wered qə-zer-a-χ^we-re-r
 песня DIR-FCT-3PL.A-говорить-DYN-ABS
 а=б. 'Я слышал, как они пели'.

Для референции к зависимой ситуации, одновременной с ситуацией в главной предикации, в первом случае используется форма имперфекта прошедшего времени (AUX-PST), во втором случае — форма настоящего времени с показателем динамичности.

- (53) *se s-e-g_wəʋe* *a-š'*
 я 1SG.ABS-DYN-надеяться тот-ERG
wə-d-e-ʔepəʔe-č'e
 2SG.ABS-LOC-DYN-помогать-INS
 'Я надеюсь, что ты ей помогаешь'.
- (54) *hač'e-r* *t-jə-ʋ_wəpəʋ_w* *ə-ʋek_wə-ʋe-č'e*
 гость-ABS 1PL.PR-POSS-сосед 3SG.A-видеть-PST-INS
s-j-e-neg_wəje
 1SG.ABS-OBL-DYN-предполагать
 'Я думаю, что сосед видел гостя'.
- (55) *a-r* *t_wəč'anə-m* *š'ə-s-ʋek_wə-š'tə-č'e*
 тот-ABS магазин-ERG LOC-1SG.A-видеть-FUT-INS
s-e-g_wəʋe
 1SG.ABS-DYN-надеяться
 'Я надеюсь, что увижусь с ним в магазине'.
- (56) *a-š'* *pšasə-r* *ə-ʋek_wə-n-č'e*
 тот-ERG девушка-ABS 3SG.A-видеть-POT-INS
s-e-g_wəʋe
 1SG.ABS-DYN-надеяться
 'Я надеюсь, что он увидит девушку'.

Сравним примеры с будущим временем и с потенциалисом, (51)–(52) и (55)–(56). Данные предложения включают один и тот же матричный глагол (*š'eχ^wə* 'казаться' в предложениях с обстоятельственным падежом и *g_wəʋe*- 'надеяться' в примерах с инструментальным падежом). В обоих парах примеров в первом случае СА оформляется будущим временем на *-š'ʔ*, во втором случае — потенциалисом. Различие между такого рода примерами, согласно интерпретации носителей, в следующем. Форма будущего времени возможна, если говорящий утверждает истинность СА или же если он практически уверен в истинности СА. Закономерно, что при отсылке к ситуации в будущем при фактивной форме (где истинность зависимой ситуации в пресуппозиции) встречается преимущественно будущее время. При обстоятельном и инструментальном падежах в СА возможен и потенциалис, и будущее время, в зависимости от уверенности говорящего в истинности СА.

Такое распределение в целом отражает распределение будущего времени и потенциалиса в простом предложении адыгейского языка (ср. [Сердобольская 2009]).

Далее, потенциалис является основным средством кодирования т. н. генерического события в СА, т. е. хабитуальной ситуации, не имеющей референции к конкретной точке на временной оси (напр., в контексте глаголов со значением 'любить', см. [Крейдли, Рахилина 1981] о референциальных характеристиках имен ситуаций), ср. (44). В этом контексте временные показатели невозможны. Такое развитие значения является типологически вполне закономерным для будущих времен [Bhatt 1999; Татевосов 2004] и в особенности для форм, используемых в целевых конструкциях [Haspelmath 1989].

Как можно видеть, в этом смысле нет оснований выделять формы «потенциалис + падежные показатели» особо по сравнению с другими временными формами в контексте падежных показателей. Выбор между глагольной основой и потенциалисом зависит от временных и модальных характеристик зависимой ситуации; функцию введения СА при данных формах выполняют падежные маркеры. Как сама по себе глагольная основа, так и потенциалис не могут непосредственно вводить СА / подчиненную предикацию (за исключением грамматикализованных модальных, фазовых и аспектуальных предикатов). Маркеры обстоятельственного и инструментального падежей, наоборот, грамматикализируются в показатели подчинения, выражая пропозицию и событие, соответственно.

5. Заключение

В настоящей работе анализировались конструкции с сентенциальными актантами адыгейского языка, проявляющие вариативность в падежном оформлении СА. Указанная вариативность не объясняется ни одним из явлений, описывающих вариативность в маркировании именных актантов (разные модели управления при лабильных глаголах; дифференцированное маркирование аргумента; различие в семантических ролях, вызывающее различное падежное маркирование). Учитывая, что именные актанты в адыгейском языке не допускают такую же вариативность падежного оформления, как СА при тех же предикатах, мы анализируем рассматриваемые конструкции как результат грамматикализации показателей обстоятельственного и инструментального падежей в функции комплементаризеров.

При этом обстоятельственный падеж служит для введения СА со значением пропозиции, инструментальный падеж — для введения СА со значением события.

Система стратегий кодирования СА в адыгейском языке организована следующим образом: как и во многих языках, различным образом кодируются факт, событие и пропозиция. Однако данные значения кодируются не различными глагольными формами или специальными союзами, как это происходит во многих языках: для этой цели служат грамматикализованные падежные маркеры. Данными маркерами может оформляться как временная форма глагола, так и потенциалис, традиционно называемый масдаром. Выбор между временной формой глагола и потенциалисом определяется временными и модальными характеристиками СА.

Для обозначения факта используется фактивная форма, событие кодируется инструментальным падежом, пропозиция с нейтральным истинностным значением — обстоятельственным падежом. Если зависимая предикация отсылает к ирреальной или ложной пропозиции, используется инструментальный падеж. Если зависимая предикация обозначает гипотетическую ситуацию в будущем или ситуацию с генерическим референциальным статусом (*Мне нравится пить*), зависимый предикат оформляется потенциалисом; если речь идет о ситуации в прошлом, настоящем или реальном будущем (т. е. если говорящий утверждает истинность СА), используется глагольная основа с соответствующим временным маркером.

Таблица 1. Распределение стратегий оформления СА в адыгейском языке в зависимости от семантики зависимой ситуации и её временной референции

Значение СА	Ситуация в СА происходит одновременно или предшествует ситуации в главной предикации	Ситуация в СА следует за ситуацией в главной предикации или не имеет временной отнесенности
Факт	Фактивная форма (с временными показателями)	
Пропозиция	Глагольная основа (маргинально потенциалис) с обстоятельственным падежом	Потенциалис или будущее с обстоятельственным падежом
Ирреальная или ложная ситуация, событие	Глагольная основа (маргинально потенциалис) с инструментальным падежом	Потенциалис или будущее с инструментальным падежом
Генерическое событие	—	Потенциалис с инструментальным падежом

Список обозначений

A — согласовательный префикс агенса переходного глагола; ABS — абсолютивный падеж / согласовательный префикс; ACC — аккузатив; ADV — адвербиальный падеж; ASSOC — ассоциатив, совместный падеж; AUX — вспомогательный глагол; BEN — бенефактивная версия; CAUS — каузатив; COM — комитативная актантная деривация; DAT — датив; DIR — направительный преверб; DSD — дезидератив, желательное наклонение; DYN — динамичность; ERG — эргатив; FCT — фактивная форма; FUT — будущее время; GEN — генитив; INS — инструменталис; IO — согласовательный префикс косвенного объекта; LOC — локативный преверб; MAL — малефактивная версия; NEG — отрицание; NZR — номинализация; OBL — косвеннообъектная деривация; P — лично-числовые посессивные показатели; PC — причастие; PL — множественное число; POSS — показатель отторжимой принадлежности; POT — потенциалис; PR — личный посессивный префикс; PRED — предикативная форма; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; Q — вопросительная частица; RE — реверсив, рефактив; REL — релятивизатор; RFL — рефлексивный показатель; SG — единственное число.

Литература

- Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003.
- Апресян 2009 — Ю. Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Аркадьев и др. 2009 — П. М. Аркадьев, Ю. А. Ландер, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. Основные сведения об адыгейском языке // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 17–120.
- Арутюнова 1988 — Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Водождоков 1960 — Х. Д. Водождоков. Русско-адыгейский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960.
- Герасимов, Ландер 2008 — Д. В. Герасимов, Ю. А. Ландер. Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 290–313.
- Зализняк А. 1983 — Анна А. Зализняк. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., т. 42, № 1, 1983. С. 59–66.
- Зализняк А. 1990 — Анна А. Зализняк. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Н. Д. Арутюнова (ред.) Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 21–33.
- Зализняк А. 1992 — Анна А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992.
- Зекох 1976 — У. С. Зекох. К проблеме осложнённого предложения в адыгейском языке // Структура предложения в адыгейском языке. Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1976. С. 72–105.
- Зекох 2002 — У. С. Зекох. Адыгейская грамматика. Майкоп: Адыгея, 2002.
- Керашева 1984 — З. И. Керашева. Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Князев 2009 — М. Ю. Князев. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка (Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН). СПб.: Наука, 2009. С. 525–581.
- Крейдлин, Рахилина 1981 — Г. Е. Крейдлин, Е. В. Рахилина. Денотативный статус отглагольных имен // Научно-техническая информация 2, 12, 1981. С. 17–22.

- Кузнецова 2009 — Ю. Л. Кузнецова. Модальность в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 287–328.
- Кумахов 1989 — М. А. Кумахов. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989.
- Кумахов, Вамлинг 1998 — М. А. Кумахов, К. Вамлинг. Дополнительные конструкции в кабардинском языке. М.: ИЯ РАН — Lund University, Sweden, 1998.
- Мазурова 2009 — Ю. В. Мазурова. Семантика локативных превербов *рə-* и *ʃ^we-* // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 429–453.
- Митева 2008 — П. С. Митева. Конструкции с сентенциальными актантами в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Отчет по материалам экспедиции 2008 г. Рукопись. М., 2008.
- Падучева 1986 — Е. В. Падучева. О референции языковых выражений с непредметным значением // Научно-техническая информация, 1986, серия 2, № 1. С. 23–31.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Эффект снятой утвердительности // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Труды международной конференции Диалог' 2004 («Верхневолжский», 2–7 июня 2004). М.: Наука, 2004. С. 479–487.
- Подлеская 1990 — В. И. Подлеская. «Факты», «события» и «пропозиции» в свете фактов японского языка // Вопросы языкознания 4, 1990. С. 93–106.
- Рogaва, Керашева 1966 — Г. В. Рogaва, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Сердобольская 2009 — Н. В. Сердобольская. Второе будущее, инфинитив, масдар и супин в адыгейском языке: аргументы за и против единой трактовки // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 454–498.
- Сердобольская, Кузнецова 2009 — Н. В. Сердобольская, Ю. Л. Кузнецова. Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 166–201.
- Сердобольская, Мотлохов 2009 — Н. В. Сердобольская, А. В. Мотлохов. Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 498–559.
- Сумбатова 2009 — Н. Р. Сумбатова. Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 559–612.

- Татевосов 2004 — С. Г. Татевосов. Есть — бывает — будет: на пути грамматикализации // Исследования по теории грамматики 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 226–255.
- Тхаркахо 1991 — Ю. А. Тхаркахо. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991.
- Халбад 1975 — Т. Х. Халбад. Выражение категорий определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1975.
- Храковский 1985 — В. С. Храковский (ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Ленинград: Наука, 1985.
- Шаов 1975 — Ж. А. Шаов. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1975.
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Benveniste 1966 — É. Benveniste. 1966. Problèmes de linguistique générale, v. 1. Paris: Gallimard.
- Bhatt 1999 — R. Bhatt. Covert Modality in Non-finite Contexts. PhD Dissertation, University of Pennsylvania, 1999.
- de Hoop, de Swart 2009 — H. de Hoop, P. de Swart. Differential Subject Marking. Dordrecht: Springer Science, 2009.
- de Swart 2007 — P. de Swart. Cross-linguistic Variation in Object Marking, University of Nijmegen: PhD Dissertation, 2007.
- Dixon, Aikhenvald 2006 — R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald. Complementation. A cross-linguistic typology. Oxford University Press, 2006.
- Gerassimov 2006 — D. V. Gerassimov. 2006. Complementation Strategies in Circassian and Dagestanian. Paper presented at the “Morphosyntaxe des langues du Caucase”. Paris, 11.12.2006.
- Haspelmath 1989 — M. Haspelmath. From purposive to infinitive — a universal path of grammaticization // *Folia Linguistica Historica* X, 1/2., 1989. P. 287–310.
- Kimmelman 2010 — V. Kimmelman. Auxiliaries in Adyghe. Электронный документ <http://home.medewerker.uva.nl/v.kimmelman/page1.html>
- Kiparsky, Kiparsky 1971 — P. Kiparsky, C. Kiparsky. Fact // L. Jakobovits, D. Steinberg (eds.). *Semantics: An Interdisciplinary Reader*. Cambridge University Press, 1971.
- Noonan 1985 — M. Noonan. Complementation // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*, v. 2: Complex Constructions. Cambridge University Press, 1985. P. 42–140.
- Ohori 2011 — T. Ohori. The Grammaticalization of subordination // B. Heine, H. Narrog (eds.). *The Oxford Handbook of Grammaticalization*. Oxford University Press, 2011. P 636–645.

И. П. Сорокина

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

О ЗАВИСИМЫХ ПРЕДИКАТАХ В ЭНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксис сложного предложения в самодийских языках подробно не описан. Единственная работа по синтаксису самодийских языков [Терещенко 1973] посвящена простому предложению. В этой работе имеется небольшой раздел, посвященный простым осложненным предложениям, т. е. предложениям с особыми синтаксическими конструкциями, которые по своей структуре являются простыми, но по значению близки к сложным — при их помощи обозначаются связанные между собой действия, одно из которых является главным, а другое — подчиненным.

В зависимости от организующего члена зависимого оборота выделяются синтаксические конструкции трёх типов: именные (т. е. содержащие отглагольные имена), причастные, деепричастные. Дальнейшая классификация конструкций внутри этих групп не проводилась.

Специальный анализ этих конструкций на материале энецкого языка показал, что в каждой из названных групп могут быть выделены конструкции, которые являются аналогами придаточных предложений и, таким образом, предложения с этими конструкциями можно рассматривать как полипредикативные сложноподчиненные предложения. Этот вывод был сделан в результате морфологического анализа отглагольных имен, причастий и деепричастий энецкого языка, участвующих в качестве организующих членов в особых синтаксических конструкциях. Было обнаружено, что некоторые из них по своей морфологической структуре сложнее, чем другие — они имеют специальные показатели синтаксической связи, которые указывают на зависимое положение этих предикативных слов в предложении.

Показателями синтаксической связи между зависимой и главной частями полипредикативного комплекса являются падежные форманты и их эквиваленты. Формы, осложнённые этими показателями и конструкции, порождаемые ими, являются предметом настоящей статьи.

Прежде чем переходить к анализу полипредикативных конструкций интересующего нас типа, коснёмся очень кратко морфологического устройства имени существительного. В соответствии с традиционной точкой зрения имя в самодийских языках наряду с категорией падежа имеет и категорию притяжания. Падежи делятся на субъектно-объектные и локативные, которых в энецком языке четыре (дательный, местно-творительный, отложительный, продольный). Категория притяжания, показатели которой в линейной структуре словоформы следуют непосредственно за падежными и замыкают словоформу справа, сформировалась, с нашей точки зрения, на базе прямого и косвенного противопоставления. Показатели прямого притяжания оформляют субъектно-объектные падежи, показатели косвенного притяжания — локативные падежи. Показатели прямого притяжания материально совпадают с показателями одного из типов (а именно субъектно-объектного) спряжения глагола:

<i>камозу-й</i> дом-1 'мой дом'	<i>каза-Ø-й</i> убить-Аог-о1 я убил его одного
<i>камозу-р</i> дом-2 'твой дом'	<i>каза-Ø-р</i> убить-Аог-о2 ты убил его одного
<i>камозу-за</i> дом-3 'его дом'	<i>каза-Ø-за</i> убить-Аог-о3 он убил его одного

Показатели косвенного притяжания имеют иное материальное выражение:

<i>камозу-хузу-нь</i> дом-Е1-1 'из моего дома'	<i>камозу-хузу-д</i> дом-Е1-2 'из твоего дома'	<i>камозу-хузу-да</i> дом-Е1-3 'из его дома'
--	--	--

В притяжательной парадигме выделяется специальный набор показателей для единственного, двойственного и множественного чисел обладателя, которые мы здесь в целях экономии места не приводим, см. подробнее [Сорокина 2010].

Высказанная нами точка зрения на категорию притяжательности отличается от традиционной. В соответствии с последней

показатели косвенного притяжания рассматриваются как совмещение притяжательных показателей с показателем родительного падежа. Тем самым в приведенных выше примерах имеет место сочетание двух падежных аффиксов в одной словоформе: отложительного *-хузу* и показателей *-нь*, *-д*, *-да*, которые рассматривались ранее как притяжательные аффиксы родительного падежа. Подобная трактовка этих форм вступает в некоторое противоречие с общепринятыми представлениями о грамматической категории. В соответствии с ними в одной словоформе не могут сочетаться два или более показателя одной и той же грамматической категории¹.

В результате анализа полипредикативных конструкций, в которых зависимыми предикатами выступают отглагольные имена (или имена действия), причастия, деепричастия, было обнаружено, что эти зависимые предикаты оформляются аффиксами косвенного притяжания. В формах отглагольных имен и причастий эти аффиксы занимают позицию после падежных, замыкая словоформу справа, и тем самым морфологическая структура зависимых предикатов идентична структуре именных словоформ. Эта структурная оформленность связана с особенностями передаваемых этими зависимыми предикатами значений, что и позволило выделить их из общей массы предложений с особыми синтаксическими конструкциями.

Непосредственно предметом анализа послужили предложения с синтаксическими конструкциями, которые представляют собой полипредикативные структуры, состоящие из главной и зависимой части. Предикативным центром главной части является независимый предикат, выраженный финитным глаголом в одной из личных форм. Предикативным центром зависимой части является зависимый (неконечный) предикат, который может быть выражен именем действия, причастием, деепричастием.

Имена действия в роли зависимого предиката

Имена действия представляют собой нерегулярные глагольные образования, категориальная семантика которых прослеживается слабо. Они могут образовываться от глагольных основ при помощи различных словообразовательных аффиксов. В энецком языке выде-

¹ О сериях самодийских посессивов и их происхождении см. [Хелимский 1983/2000]. — *Прим. ред.*

ляется четыре имени действия, но только два из них могут использоваться в полипредикативных конструкциях в роли зависимого предиката. Это форма с нулевым показателем и форма на *-ма*. Структура этих имён действия такова: основа + показатель имени действия + показатель падежа + аффиксы косвенного притяжания. Между показателем падежа и косвенными аффиксами, как правило, вставляется эпентетический гласный².

Имена действия с нулевым показателем в роли зависимого предиката оформляются отложительным падежом. Аффиксы косвенного притяжания могут быть представлены полной парадигмой. Рассмотрим энецкое полипредикативное предложение с зависимым предикатом, оформленным именем действия с нулевым показателем:

- (1) *Аба* *но-Ø-хузу-да*, *бу* *пушнику-д*
куропатка[-AccPl] ловить-NVRes-El-3 он пушник-Lat
ми-и-за
дать-AorOpl-opl3³
'После того, как он наловил куропаток, он их отдал пушнику'.

Рассмотрим полипредикативное предложение с зависимым предикатом, оформленным именем действия на *-ма*:

- (2) *Обу дёди-гон*, *му-р*, *роса-р*,
что время-Loc вещь-2 русский-2
дязу-ма-да *сер онэй* *энчи-да*
ходить-NVIpfv-Gen.3 во.время.настоящий человек-Acc.3
ко-а-Ø.
найти-Aor-s3Pl
'Однажды этот, ну, русский во время хождения энца встретил'.

Рассмотрим ещё ряд примеров с именами действия:

Имена действия с нулевым показателем:

² С исторической точки зрения этот эпентетический гласный является частью падежного аффикса; соответственно, при морфемном членении граница между морфемами в данном случае не проводится и в глоссинге эпентетический гласный не отмечается. — *Прим. ред.*

³ Примеры в данной статье оглоссированы А. Ю. Урманчевой.

- (3) *О-чь поса-Ø-хазу-да тэ баны-з*
 есть-VAInf кончить-NVRes-El-3 олень лечь.AorRfl-r3
 ‘После того как кончил есть, олень прилег’.
- (4) *Чики энчи модэ-Ø-хазу-нь но-да*
 тот человек[-Acc] увидеть-NVRes-El-1 к-3
то-Ø-з
 прийти-Aor-s1
 ‘После того как я увидела этого человека, я к нему подошла’.
- (5) *Модь кани-Ø-хазу-нь не*
 Я уйти-NVRes-El-1 ребенок[-Pl]
коди-би-зу-чь
 заснуть-Infer-r3Pl-Praet
 ‘После того как я ушёл, дети заснули’.

Имена действия с показателем *-ма*:

- (6) *Пя-хон куты-чь пони-ңи-за*
 дерево-Loc бить-VAInf держать-AorOpl-opl3
тэ-’, мяз ке-хоз таха
 олень-Acc чум.Gen бок-El туда[-LatAdv]
кане-у-ду деон.
 уйти-NVIpfv-3Pl ради.
 ‘Палкой только и бьет оленей, чтобы от чума подальше отошли’.
- (7) *Лату-ни ани лахуда-гу-а-зо’*
 доска[-AccPl]-1 еще согреть-Dur-Aor-s1
буйерта-Ø-ни (< буйерта-а-ни) но
 согнуть-NVIpfv-Gen.1 к[-LatAdv]
 ‘Доски подогреваю, чтобы я их согнул’.

В приведенных примерах (3), (4) и (7) представлены моно-субъектные конструкции, а в (5) и (6) — разносубъектные конструкции. Нетрудно заметить, что личные показатели зависимых и главных предикатов во всех случаях материально различны.

Причастие в роли зависимого предиката

Причастие может быть образовано от любой глагольной основы (как производной, так и непроизводной) при помощи

различных аффиксов, которые внутри категории причастия могут рассматриваться как показатели различной временной соотношенности. Не останавливаясь на классификации данных аффиксов, укажем, что в роли зависимых предикатов участвуют только показатели причастий настоящего времени *-да* и *-за*, причем употребление последнего в функции зависимого сказуемого довольно ограничено. Непосредственно за этими аффиксами в структуре словоформы зависимого предиката следует падежный показатель. Причастие в роли зависимого предиката может быть оформлено только дательным падежом. Замыкается данная словоформа теми же аффиксами косвенной принадлежности, что и в именах действия, функционирующих как зависимые предикаты.

Рассмотрим энецкие полипредикативные предложения с причастиями в функции зависимых предикатов:

- (8) *Модь коди-за-ху-нь* *бу* *тол*
 я спать-PtPraes-Lat-1 она стол[-Gen]
кео-д *ади-Ø*
 бок-Lat сидеть-Aor.s3
 ‘Пока я спала, она сидела около стола’.
- (9) *Ади-да-ху-нь* *модь паги* *созо-Ø-з*
 Сидеть-PtPraes-Lat-1 я парка[-Acc] сшить-Aor-s1
 ‘Пока я сидела, я парку сшила’.
- (10) *Биз* *бар-хон* *дири-да-ху-да* *бу*
 вода.Gen берег-Loc жить-PtPraes-Lat-3 он
одду *ме-Ø*
 лодка[-Acc] сделать-Aor.s3
 ‘Пока он на берегу жил, он лодку сделал’.
- (11) *Модь лабка-д* *дязу-да-ху-нь* *бем*
 я магазин-Lat ходить-PtPraes-Lat-1 хозяин
то-Ø
 прийти-Aor.s3
 ‘Пока я ходила в магазин, начальник пришел’.
- (12) *Тэ* *базти-за-ху-да* *дэха-д* *кани-з*
 олень лежать-PtPraes-Lat-3 река-Lat уйти.Aor-s1
 ‘Пока олень лежал, я пошла к реке’.

В примерах (9) и (10) представлены моносубъектные конструкции, в примерах (8), (11) и (12) — разносубъектные конструкции. Личные показатели зависимых и главных предикатов и в моносубъектных, и в разносубъектных материально различны. Все зависимые предикаты содержат показатель дательного падежа *-ху*.

Причастие в роли зависимого предиката обозначает действие, которое протекает одновременно с главным.

Сопоставление конструкций с именами действия и с причастиями в роли зависимых предикатов показало полную идентичность их морфологического устройства (основа + показатель имени действия / причастный показатель + падежный показатель + показатель притяжения косвенного ряда). Различие между ними заключается в передаваемых значениях. Конструкция с именем действия с нулевым показателем передаёт зависимое действие, которое закончилось к моменту совершения главного, конструкция с именем действия с показателем *-ма* — значение цели (как в (6) и (7)), но также и значение одновременности, как в (2). Конструкция с причастием, в свою очередь, может обозначать только такое действие, которое не окончилось к моменту совершения главного, а протекает одновременно с ним. Тем самым, имя действия с нулевым показателем и причастные полипредикативные конструкции в целом можно противопоставлять друг другу как формы предшествования и одновременности, или, иначе как формы прошедшего и настоящего относительного времени.

Деепричастие в роли зависимого предиката

Полипредикативные конструкции с деепричастиями являются несколько отличными от рассмотренных выше как по морфологической структуре предикативного центра, так и по характеру передаваемых ими значений.

Деепричастие энецкого языка имеет две формы — неопределённую и условную. Неопределённая форма (показатель *-сь*) не представляет для нас в данном случае интереса, т. к. она полностью тяготеет к главному глаголу и не принимает никаких показателей, кроме собственно деепричастных (поэтому она здесь не рассматривается). Что же касается условной формы (показатель *-бу/-ну*), то единственной её функцией в языке является оформление зависимых предикатов. Она никогда не может быть конечным сказуемым,

а в роли зависимого предиката, как показал материал, её употребление является наиболее продуктивным и частотным.

Морфологическая структура деепричастия в роли зависимого предиката такова: корень + показатель деепричастия + (факультативно: аффиксы косвенного притяжания).

Условное деепричастие может быть личным и безличным. Безличными деепричастиями оформляются специфические конструкции типа инструкций, призывов, которые в силу того, что энецкий язык бесписьменный, в устной речи употребляются довольно редко:

(13) *Сойзан мосра-б* *сойзан дире-да-Ø*
хорошо работать-VACond хорошо жить-Fut-s3
'Если будет хорошо работать, будет хорошо жить'.

(14) *Тэ* *модэ-б* *буду сойзан*
олень[-Acc] смотреть-VACond они хорошо
ару-да
расти-Fut[s3PI]
'Если смотреть за оленями, они будут хорошо расти'.

В основном в речи в роли зависимого предиката употребляется личнооформленное условное деепричастие. Основная функция этой формы — быть сказуемым зависимой части полипредикативного комплекса. Рассмотрим энецкое полипредикативное предложение с зависимым предикатом — деепричастием:

(15) *Дяра-бу-та* *модь писи-ңа-з*
плакать-VACond-3 я смеяться-Aor-s1
'Если она плачет, я смеюсь'.

Личное оформление главного предиката, как и в предыдущих случаях, не совпадает с личным оформлением зависимого предиката. Рассмотрим ещё ряд примеров:

(16) *Ару-бу-та* *школу-д* *кан-та-Ø*
вырасти-VACond-3 школа-Lat уйти-Fut-s3
'Когда он вырастет, он пойдёт в школу'.

(17) *Ной-чь* *кани-бу-д* *дэха-д*
прямым.быть-VAInf уйти-VACond-2 река-Lat

- то-зо-д*
 прийти-Fut-s2
 ‘Если ты пойдешь прямо, ты придёшь к реке’.
- (18) *Дене-ан пузу-да пони-бу-та модь*
 тихий-Prol тело-Асс.2 держать-VACond-3 я
си-та му-да-з
 PronАсс-3 взять-Fut-s1
 ‘Если он будет хорошо себя вести, я его возьму’.
- (19) *Чики лубаха колта-бу-д модь*
 тот бельё[-Асс] помыть-VACond-2 я
си-т пе-д нобза-да-з
 PronАсс-2 снаружи-Lat пустить-Fut-s1
 ‘Если ты это бельё постираешь, я тебя на улицу пушу’.

В примерах (16) и (17) в обеих частях полипредикативного комплекса один субъект — соответственно, представлена моно-субъектная конструкция; в (18) и (19) в главной и зависимой части полипредикативной конструкции разные субъекты, соответственно, представлена разнособъектная конструкция. Личные показатели зависимых и главных предикатов во всех случаях материально различны.

Энецкое условное деепричастие характеризуется чрезвычайно интересным, уникальным свойством: оно имеет субпарадигму показателей относительного времени, располагающихся перед притяжательными аффиксами. Эти показатели в самой форме зависимого предиката сигнализируют о том, что зависимое действие совершено в прошлом, или происходит в настоящем, или будет происходить в будущем. Соответственно выделяются три модели с деепричастием на *-бу/-ну*:

- бу-Ø* + показатели косвенного ряда (настоящее время)
- бу-й* + показатели косвенного ряда (прошедшее время)
- бу-ны/-нэ* + показатели косвенного ряда (будущее время)

Следует заметить, что появление этих временных показателей в зависимом предикате согласуется с появлением соответствующих временных показателей в главном предикате, т. е. налицо согласование времен:

- (20) *Коди-бу-й-да* *модь то-зу-чь*
спать-VACond-Praet-3 я прийти.Aor-s1-Praet
'Когда он спал, я пришел'.
- (21) *Модь сэзур* *каза-бу-й-нь*
я песец[-Acc] убить-VACond-Praet-1
коба-да *пела-бу-сь*
шкура-Acc.3 растянуть.Aor-o1-Praet
'Когда я убил песца, я растянул шкуру'.

В предложениях (20) и (21) в зависимых предикатах показатель прошедшего времени деепричастия *-й* согласуется с показателем прошедшего времени в главном предикате.

С другой стороны весь деепричастный полипредикативный комплекс в целом передает значение будущего времени. Обращает на себя внимание, что в структуре главного предиката часто присутствует показатель будущего времени *-д/-м/-з*, ср., например, (19).

Сопоставление деепричастной конструкции с двумя рассмотренными выше наглядно показывает, что эта последняя соотносится с ними как форма будущего времени с формами прошедшего и настоящего, соответственно.

Рассмотрев три типа конструкций с зависимым предикатом, можно констатировать структурную идентичность рассмотренных выше подклассов глагольных слов, выступающих в роли зависимого предиката, — имени действия, причастия, деепричастия.

Важнейшим элементом морфологической структуры этих слов является показатель их зависимости, в роли которого для имен действия и причастий выступает падежный аффикс, а для деепричастия — специфический показатель, не имеющий других функций. Все они служат для связи двух частей полипредикативного комплекса — главной и зависимой — и являются функциональными аналогами союзных слов.

Предыдущий анализ показал также, что в роли зависимого предиката отглагольное имя с нулевым показателем, причастие и деепричастие могут быть противопоставлены друг другу как члены одной парадигмы относительного времени.

Именно это даёт основание рассматривать эти аффиксы в одном ряду несмотря на их кажущуюся несовместимость (аффиксы падежей и аффиксы деепричастия). Поэтому при морфологическом

анализе есть все основания рассматривать эти аффиксы как элементы одного порядка.

Сказанное может быть суммировано в виде следующей таблицы:

Порядки			
0	1	2	3
Корень	Словообразовательные аффиксы	Показатели синтаксической зависимости	Грамматическое лицо субъекта зависимого предиката
	-Ø	- <i>хаз</i>	притяжательные показатели косвенного ряда
	- <i>за, -да,</i>	- <i>ху</i>	
	-	- <i>б</i>	

Крайний правый порядок занят аффиксами лица субъекта зависимого предиката. Из предыдущего изложения ясно, что эти аффиксы полностью идентичны именным аффиксам, которые нами определены как показатели косвенного притяжания. Аффиксы косвенного притяжания противопоставлялись выше аффиксам субъектно-объектного притяжания, которые совпадают с личными формами финитного глагола.

Не случаен тот факт, что аффиксы косвенного притяжания, сочетаясь с глагольными основами, оформляют именно зависимый, а не главный предикат и обозначают и в имени и в глаголе одно и то же, а именно — лицо (в классе имени это лицо обладателя, а в классе глагола это лицо субъекта зависимого предиката).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; Acc — винительный падеж; Adv — форма падежного суффикса с пространственным значением (лативного, локативного либо элативного), использующаяся в пространственных наречиях и послелогох; Aor — аорист; Conn — коннегатив (неизменяемая форма смыслового глагола, употребляющаяся в сочетании с со спрягаемым отрицательным глаголом); Dur — дуратив; El — элатив; Fut — будущее время; Gen — генитив; Imp — императив; Infer — инферентив; Lat — латив; Loc — локатив; NVIpfv — отглагольное имя с имперфективным значением; NVRes — отглагольное имя с результативным значением; Neg — отрицательный глагол; o — личные показатели объектного типа спряжения; Opl — показатель объектного типа спряжения с объектом множественного

числа; P1 — множественное число; PN — имя собственное; Praes — настоящее время; Praet — прошедшее время; Pro1 — пролатив; Pron — местоимение; PtPraes — причастие настоящего времени; r — личные показатели рефлексивного типа спряжения; Rfl — показатель рефлексивного типа спряжения; s — личные показатели субъектного типа спряжения; VACond — условное деепричастие; VAinf — инфинитивное деепричастие.

Литература

- Терещенко 1973 — Н. М. Терещенко. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л.: Наука, 1973.
- Сорокина 2010 — И. П. Сорокина. Энецкий язык. Спб, Наука, 2010.
- Хелимский 1983/2000 — Е. А. Хелимский. Прасамодийские серии посессивов и их рефлексы // Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 45–49.

И. А. Стенин

ИЯз РАН, Москва

НЕКАУЗАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ КАУЗАТИВНОЙ МОРФОЛОГИИ В СЕВЕРНОСАМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ¹

1. Введение

Настоящая статья посвящена описанию семантики несобственных употреблений каузативных показателей в северносамодийских языках (тундровом и лесном ненецком, энецком и нганасанском), т. е. таких употреблений, которые в той или иной степени не удовлетворяют определению каузатива (о каузативе см. прежде всего [Недялков, Сильницкий 1969; Dixon 2000]).

В каждом из северносамодийских языков можно выделить 4 различных показателя каузатива, каждый из которых имеет, предположительно, общее происхождение в этих языках, а некоторые восстанавливаются в т. ч. на прауральском уровне. Приведем для примера аффиксы каузатива в тундровом ненецком (в морфонологической транскрипции Т. Салминена): -RӨPTA- и -PTA- (-PTyE-) будем условно называть «длинными» и глоссировать CAUS, -TA- (-TyE-) и -RA- (-RyE-) — условно «короткими» и глоссировать TR. Семантика собственно каузативных употреблений этих показателей описана слабо, отдельные наблюдения содержатся в [Сорокина 1975; Wagner-Nagy 2001; Урманчиева 2004; Siegl 2011]. Отчасти такая ситуация связана с высокой степенью лексикализации каузативных глаголов. Несмотря на то, что для ряда основ доступно несколько каузативных дериватов, дистрибуцию в общем случае следует признать лексической.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884.

В основе статьи лежит доклад, прочитанный на Десятой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН) в ноябре 2013 г. Я благодарю всех слушателей и в особенности С. С. Сая за замечания к докладу, а также М. А. Холодилову и А. Ю. Урманчиеву за ценные комментарии к первоначальному варианту текста. Разумеется, все ошибки и неточности остаются на моей совести.

Опираясь на данные сопоставляемых языков и учитывая типологические ожидания относительно путей дифференциации каузативных показателей различной длины в языке L [Недялков, Сильницкий 1969: 27; Haspelmath 2005: Universal 28], можно предположить, что нынешняя картина, по всей видимости, представляет результат семантического «размывания» исходно более мотивированной системы. В нганасанском языке, например, более «длинные» показатели (соответствующие тундровым ненецким -RƏPTA- и -PTA-), как правило, используются для образования более «сложных» по значению, не дефолтных, каузативов, в частности, дистантных, а также доступны для большего числа различных типов глаголов, включая динамические переходные. Однако в ненецких и энецких диалектах иконизм подобного рода наблюдается менее явственно.

Отдельно стоит отметить, что все показатели каузатива в северносамодийских языках могут выступать в качестве вербализаторов (хотя «короткие» гораздо более частотны в этой функции). В дальнейшем эта функция не рассматривается.

2. Каузатив как аппликатив

В ряде случаев каузативные показатели в северносамодийских языках вводят актанта с ролью Адресата или Места (который мог присутствовать в исходной конструкции в качестве сирконстанта) в позицию прямого дополнения. В [Austin 2005] в качестве наиболее вероятных случаев аппликативной интерпретации каузативных показателей приводятся глаголы ‘осмеивать’ и ‘оплакивать’; в северносамодийских языках эти значения могут выражаться каузативами от ‘смеяться’ и ‘плакать’, но не во всех идиомах, — набор аппликативов в целом различен.

ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (пуровский, с. Халясавэй)

- (1) а. *ŋâqsy^o(q)kyï* *nyemya-nta*
ребенок мать-GEN.POSS.3SG

kã-na-n° *jał°-ŋa²*
 уехать-PT.IPFV-DAT плакать-GFS.3SG.S
 ‘Ребенок плачет из-за того, что мать уезжает’.

b. *ŋâqsy°(q)kyi* *nyemya-nta*
 ребенок мать-GEN.POSS.3SG
kã-qmya-m *jał°-ta-ŋa*
 уехать-NMLZ.PFV-ACC плакать-TR-GFS.3SG.S
 ‘Ребенок плачет из-за того, что мать уехала’ (букв. ‘оплакивает отъезд матери’).

Аппликатив в лесном ненецком (1b) не совпадает с семантическим каузативом от соответствующей основы (1c):

(1) c. *ŋalka* *nyâ-jum* *kãqka-mta*
 большой брат-SEL младший.брат-ACC.POSS.3SG
jałâ-ptâ-ŋa
 плакать-CAUS-GFS.3SG.S
 ‘Старший брат младшего до слез довел’.

Таким образом, говорить о каузативно-аппликативной полисемии не совсем уместно (по крайней мере, в отношении отдельных лексем, а не системы в целом). Возможность интерпретации каузативного деривата одновременно как каузатива и как аппликатива существенно ограничена; ср. ненецкий глагол *toxola-* (TN)/*toxola-* (FN) со значениями ‘научить’ <кто: NOM, кого: ACC, чему/что делать: DAT/INF> и ‘выучить’ <кто: NOM, что: ACC>, связанный с двухместным непереходным глаголом *toxô-* ‘выучиться’³ <кто: NOM, чему/что делать: DAT/INF>.

² Примеры из тундрового и лесного ненецкого, приведенные без ссылок, получены от носителей этих языков в с. Антипаюта (Тазовский р-н ЯНАО) и в с. Халясавэй (Пуровский р-н ЯНАО) в 2011 и 2013 гг. Всем информантам автор выражает свою искреннюю благодарность. Для записи примеров из тундрового ненецкого используется последний вариант фонологической транскрипции Т. Салминена. Рабочий вариант транскрипции для лесного ненецкого основан на соображениях, высказанных в статье [Salminen 2007].

³ Образован глагол *toxola-/toxola-*, по всей видимости, от не зафиксированной на синхронном уровне основы *toxol-* (TN)/*toxol-* (FN), где *-l-/-l-*, скорее всего, показатель инхоатива, а *-ra-/-la-* — каузатива.

- ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ
- (2) a. *wín-t^oh* *tuxu-d^om*
тундра-DAT выучиться.GFS-1SG.S
'Я привык к тундре' {, полюбил тундровую жизнь.}
[Терещенко 1965: 270]

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (тазовский, с. Антипаюта)

- b. *məny^o* *nyeny^o* *wada-m*
1SG ненецкий слово-ACC
toxo-la-mpyi-d^om
выучиться-INCH.TR-DUR.GFS-1SG.S
'Я учу ненецкий язык'.
- c. *pid^oraq* *syiq-myih* *nyeny^o*
2PL PN.ACC-POSS.1NPL ненецкий
wada-n^oh *toxo-la-mpyi-daq*
слово-DAT выучиться-INCH.CAUS-DUR.GFS-2PL.S
'Вы учите меня ненецкому языку'.

Впрочем, возможно, в (2b) представлена близкая, но не тождественная актантная деривация, которая может быть названа транзитивативом⁴ в терминах [Мельчук 1998: 191–193].

Наиболее естественна аппликативная интерпретация каузативов, образованных от глаголов звукопроизводства (которые при этом иногда меняют таксономический класс и начинают употребляться в качестве глаголов речи). Ср. пример (3), где прямое дополнение не выражено поверхностно отдельной именной группой, поскольку является топикальным, но индексируется в глаголе с помощью показателя объектного спряжения

⁴ При этом, согласно соображениям, высказанным в [Плунгян 2011: 271 и далее], транзитиватив может рассматриваться как неполный пермутатив, «который лишь повышает (единственное) косвенное дополнение до прямого». В то же время отличить такую аппликативизацию, при которой факультативный в исходной структуре аргумент становится обязательным, от транзитивизации (в терминах [Мельчук 1998: 191–193]), при которой обязательный в исходной структуре участник, выражаемый (в исходной структуре) непрямым/косвенным дополнением, передвигается в позицию прямого дополнения, весьма сложно.

- ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ
- (3) *mazu-ta-zu?* *d'ɔxa bago miʔ-xon*
 лаять-CAUS-3PL.O.SG река яма в-LOC.SG
 {Наши собаки догнали его там. В омут там...} 'Лают на него [медведя. — И. С.] в омуте'.
 [http://corpora.iling-ran.ru/utills/show_doc.php?id=386]⁵

В целом, однако, каузативы с аппликативной интерпретацией в северносамодийских языках, по-видимому, не более частотны, чем, например, приставочные дериваты на *o(b)*- в соответствующем значении в русском языке (ср. *обрызгать*).

К каузативам, имеющим аппликативную интерпретацию, оказываются близки каузативы от глаголов перемещения 'идти' и 'ходить' (4), которые во всех северносамодийских языках **имперфективны** и **несобытийны** (т. е. описывают ситуацию без перемены фазы), в отличие от всех семантически регулярных каузативов, и обозначают социативную каузацию, при которой деятельность каузатора находится в одно-однозначном соответствии с деятельностью каузируемого участника.

- ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (тазовский, с. Антипаюта)
- (4) *wæsaiko-d°m. nuʔ-myih syiq-myih*
 старик-1SG.S ребенок-POSS.1NPL PN.ACC-POSS.1NPL
yadela°
 идти.пешком.FREQ.TR.GFS.3SG.S
 'Я старик. Сын меня водит' (за руку, сопровождает/помогает идти).

Существенно, что каузативно-аппликативная полисемия часто объясняется именно как расширение каузативных употреблений на аппликативные через случаи социативной каузации (см. в первую очередь [Shibatani, Pardeshi 2002]; ср., впрочем, возможность альтернативного развития, описанную в [Guillaume, Rose 2010]).

⁵ Примеры из лесного энецкого взяты из экспедиционных материалов А. Б. Шлуинского и О. В. Ханиной, размещенных на сайте «Текстовые корпуса» Института языкознания РАН (<http://corpora.iling-ran.ru/>).

3. Каузатив как не-повышающая деривация

3.1. Агентивизация

Семантические эффекты, вводимые каузативными показателями в таком случае, связаны со свойствами либо А-участника, либо Р-участника, либо самого действия. Так, например, каузатив в (5b) не вводит нового участника в структуру ситуации; тем не менее он определенным образом модифицирует ролевую характеристику первого участника, а именно трактует его как более агентивного по сравнению с первым участником в (5a).

- ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (пуровский, с. Халясавэй)
- (5) а. *apa-j°* *pyi-x°nu*
 сестра-(ACC.)POSS.1NPL пространство.вне.чума-LOC
jatâ-m°
 встретить-1SG.S
 ‘Я встретил старшую сестру на улице’ (случайно).
- б. *nu-a-j°* *jatâ-pta-m°*
 товарищ-(ACC.)POSS.1NPL встретить-CAUS-1SG.S
 ‘Я встретил друга’ (например, с поезда).

Доказательством повышения агентивности может служить сочетаемость каузативных форм с показателем андатива (5c), обозначающим целенаправленное движение ‘пойти, чтобы Р’, и невозможность такого сочетания при отсутствии каузативного показателя (5d).

- ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (пуровский, с. Халясавэй)
- (5) с. *apa-j°* *jatâ-pta-soq-ŋa-t°*
 сестра-(ACC.)POSS.1NPL встретить-CAUS-AND-GFS-1SG.S
 ‘Я пошел встретить старшую сестру’ (например, на вокзал).
- д. **apa-j°* *jatâ-soq-ŋa-t°*
 сестра-(ACC.)POSS.1NPL встретить-AND-GFS-1SG.S
 Ожид.: ‘Я пошел встретить старшую сестру’.

В отличие от большинства дагестанских и ряда тюркских языков (см., например, [Кибрик 2003] и др.), агентивизация в северносамодийских языках не затрагивает падежное маркирование актантов.

3.2. Конверсивные отношения

Каузативные показатели также маркируют конверсивные отношения, где налицо **изменение коммуникативного фокуса** высказывания (ср. [McCawley 1976] о функциональной близости эмотивных каузативов и пассива). Конверсивы, однако, не составляют гомогенной группы: дериваты с таким значением возможны как от непереходных (6а), (7а), так и от переходных основ (8а). При этом в результате всегда образуется переходная синтаксическая структура (6b), (7b), (8b).

- ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (тазовский, с. Антипаюта)
- (6) a. *tənu*[°] (*xasawa* *nyu-xənyih*)
 1SG мужчина родственник-DAT.POSS.1NPL
nyen[°]*syumya-d*[°]*m*
 рассердиться.GFS-1SG.S
 ‘Я рассердился (на своего брата)’.
- b. *xasawa* *nyu-myih*
 мужчина родственник-POSS.1NPL
syiq-myih *nyen*[°]*syum-tye*[°]
 PN.ACC-POSS.1NPL рассердиться-CAUS.GFS.3SG.S
 ‘Мой брат меня рассердил’.
- (7) a. *maly*[°]*cyu-myih* (*nyana-nyih*)
 малица-POSS.1NPL около.LOC-OBL.POSS.1NPL
nyudyilye-y[°]*-q*
 стать.маленьким-SFS-3SG.R
 ‘Малица стала мне мала’.
- b. *ɲəcyeki*[°] *tyuku*[°] *po-h* *maly*[°]*cyu-mta*
 ребенок этот год-GEN малица-ACC.POSS.3SG
nyudyilye-btye[°]
 стать.маленьким-CAUS.GFS.3SG.S
 ‘Ребенок в этом году вырос из малицы’.
- (8) a. *tənu*[°] *te-m* *mətoq-ŋa-d*[°]*m*
 1SG олень-ACC выиграть-GFS-1SG.S
 ‘Я оленя выиграл’ {например, играя в карты}.
- b. (*hica-n*[°]*h*) *yesy*[°]*-nyih*
 русский-DAT деньги.ACC.PL-POSS.1NPL

mətoq-ləbtaə-d^om

выиграть-CAUS.GFS-1SG.S

‘Я (русскому) деньги проиграл’.

Конверсивные пары, в которых оба глагола переходные, а один при этом является (формально) каузативом от другого (типа (8)), наиболее далеко отстоят от настоящих каузативов: из пяти свойств прототипического каузатива, сформулированных в [Лютикова и др. 2006: 53]⁶, они не обладают в строгом смысле ни одним.

В то же время примеры, в которых каузативный показатель маркирует конверсивные отношения или агентивизацию, обладают, в отличие от большинства случаев аппликативизации, одним важным свойством, сближающим их с настоящими каузативами (9), — они **перфективны** и **событийны** (т. е. описывают ситуацию с переменной фазы).

- ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (тазовский, с. Антипаюта)
- (9) *tas^oko* *súyu-m*
новорожденный.теленок олененок-ACC
yilye-btyeə-w^o
жить-CAUS.GFS-1SG.O.SG
‘Я спас (новорожденного) олененка’ (например, оставшегося без матери — выкормив его в чуме и сделав авкой).

3.3. Деагентивизация

Широко известно, что каузативизации легче подвергаются непереходные глаголы, и во многих языках множество глаголов, допускающих каузативную деривацию, почти или совсем не включает переходных. Известно также, что в некоторых языках, допускающих каузативизацию ряда переходных глаголов, такие дериваты находятся

⁶ Свойства каузативов (разрядка и курсив в оригинале. — И. С.):
а. добавление Агенса (характеризуемого набором агентивных свойств) (*семантика*);

б. Каузируемый теряет часть агентивных свойств (если они были) (*семантика*);

в. образование переходной предикации из непереходной (*синтаксис*);

д. Агенси кодируется как синтаксически приоритетная ИГ (*синтаксис*);

е. Каузируемый кодируется как синтаксически неприоритетная ИГ (*синтаксис*).

с исходными глаголами в отношениях, отличающихся от оппозиции ‘каузатив’ vs. ‘не-каузатив’ (см., например, [Aikhenvald 2011]).

По крайней мере в ненецких и энецких диалектах множество переходных (агентивных) глаголов, образующих каузатив, весьма ограничено, и даже для тех глаголов, которые допускают данную деривацию формально, нормальная каузативная интерпретация является практически невозможной. Одним из выходов для языка в таком случае является противопоставление каузатива по **интенциональности**.

Например, в ненецком два формально наиболее сложных из морфологических каузативов (*-rəbta-* и последовательность *-ra-bta*⁷ в тундровом ненецком, *-lāpta-* и последовательность *-la-pta-* в лесном ненецком) могут в отдельных случаях использоваться для выражения неинтенциональной каузативности.

- ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (пуровский, с. Халясавэй)
- (10) a. *māny*^o *kītya-j*^o
 1SG глубокая.посуда-(ACC.)POSS.1NPL
wapta-ŋa-m^o
 перевернуть-GFS-1SG.O.SG
 ‘Я чашку перевернул’.
- b. *māny*^o *kītya-j*^o
 1SG глубокая.посуда-(ACC.)POSS.1NPL
wapta-lāpta-ŋa-m^o
 перевернуть-CAUS-GFS-1SG.O.SG
 ‘Я чашку опрокинул (случайно)’.
- (11) a. *styena-xāt*^o *kartyinka-m* *kaq^om-lā-ŋa-m*^o
 стена-ABL картина-ACC упасть-TR-GFS-1SG.O.SG
 ‘Я со стены картину снял’.
- b. *jīnu-j*^o *kaq^om-lā-pta-ŋa-m*^o
 молоток-(ACC.)POSS.1NPL упасть-TR-CAUS-GFS-1SG.O.SG
 ‘Я молоток уронил’.

В этой связи интересную параллель представляют данные австроазиатского языка чрау, в котором сочетание каузативного

⁷ Кажется, это единственная возможность рекурсивного присоединения каузативного показателя в ненецком.

префикса *ta-*, в нормальном случае маркирующего контактную каузацию, и каузативного глагола *ôp*, используемого для передачи дистантной каузации, обозначает неинтенциональную каузацию.

- ЧРАУ (< бахнарские < мон-кхмерские < австроазиатские)
- (12) а. *ănh ôp dăq khlâyh*
 1SG CAUS₂ капкан сбежать
 ‘Я сделал так, что капкан сработал (нарочно)’.
 [Thomas 1969: 100], цит. по [Dixon 2000: 70]
- (12) б. *ănh ôp dăq ta-khlâyh*
 1SG CAUS₂ капкан CAUS₁-сбежать
 ‘Я сделал так, что капкан сработал (нечаянно)’.
 [Thomas 1969: 100], цит. по [Dixon 2000: 70]

При этом дефолтная интерпретация ненамеренности может легко подавляться в соответствующем контексте, поэтому ее, по-видимому, лучше считать не частью ассертивного компонента, а лишь некоторой отменяемой импликацией.

- ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (пуровский, с. Халясавэй)
- (13) *jînu-j° syîluł*
 молоток-(ACC.)POSS.1NPL нарочно
kaq°m-λa-ptā-ŋa-m°
 упасть-TR-CAUS-GFS-1SG.O.SG
 ‘Я молоток специально уронил’.

С другой стороны, важно, что почти во всех таких случаях⁸ каузативный показатель переводит глагол из разряда амбитранзитивных (для северносамодийских языков — таких, которые могут присоединять показатели не только субъектной и объектной согласовательной серий, но и «рефлексивно-медиальной»), и употребляться таким образом декаузативно) в разряд (синтаксически) строго пере-

⁸ Для ненецких диалектов единственным обнаруженным исключением является как раз глагол *wapta-* (FN) / *wabta-* (TN), представленный в примере (10а) и употребляющийся в современном лесном и тундровом ненцеком только переходно. Однако соответствующий ему нганасанский глагол *ăbtudя*, согласно словарю [Костеркина, Момде, Жданова 2001: 28], может употребляться также в рефлексивном «спряжении» в значении ‘перевернуться’. С другой стороны, у меня, к сожалению, нет информации относительно того, можно ли образовать от него каузативный дериват.

ходных (ср. схожие наблюдения относительно деривации *kau-* в манамбу в работе [Aikhenvald 2011]).

3.4. Другие употребления

В литературе наиболее известны случаи, когда каузативный показатель выражает также аспектуальные значения и/или значения из области глагольной множественности, а также интенсивности действия (например, двойной каузатив в тувинском и других тюркских языках; ср. [Kulikov 1999]). В северносамодийских языках каузативные показатели в целом не склонны употребляться в этих значениях.

Не характерны для северносамодийских языков и случаи, когда каузативное значение и некоторые глагольные значения из других зон выражаются конкретным показателем кумулятивно, во всех контекстах его употребления, как это имеет место, например, в алеутском, где аффикс *-dgi-* совмещает значения каузатива и дистрибутивной множественности [Golovko 1993].

4. Заключение

Несобственные употребления каузативных показателей в северносамодийских языках демонстрируют следующие семантические эффекты: 1) аппликативизация; 2) агентивизация; 3) деагентивизация (неинтенциональная каузация); 4) маркирование конверсивных отношений и коммуникативные перераспределения других типов. Говоря «эффекты», а не, например, «значения», мы хотим подчеркнуть, что не прямые употребления в рассматриваемых языках в еще большей степени лексикализованы, чем прямые. Для некаузативных употреблений каузативных показателей практически невозможно описать семантические ограничения на доступность различных интерпретаций. Наблюдения, касающиеся изменения семантических и морфосинтаксических свойств исходной леммы под влиянием конкретных эффектов, обобщены ниже в Таблице 1.

Каузативы, которые не каузативизируют, в последнее время становятся объектом все большего и большего внимания лингвистов; ср. недавние работы [Aikhenvald 2011; Kittilä 2009, 2013]. Данные северносамодийских языков, рассмотренные в настоящей статье, расширяют наши представления о типологии этого явления и, как кажется, позволяют уточнить существующие обобщения.

В [Aikhenvald 2011] предлагается разделить эффекты, связанные с употреблением каузативов, не изменяющих валентность исходного глагола, на три группы: 1) имеющие отношение к А-участнику (увеличение манипулятивного усилия, интенциональности, волитивности и контроля); 2) имеющие отношение к действию (интенсификация или итеративизация); 3) имеющие отношение к Р-участнику (увеличение степени вовлеченности, множественный или большой Р-участник). При этом утверждается, что значения из первой и третьей групп выражаются только в тех языках, в которых несобственные употребления каузативов, не повышающие валентность, возможны только от переходных и амбитранзитивных глаголов, тогда как значения из второй группы выражаются во всех языках, в которых каузативы имеют употребления, не связанные с повышающей актантажной деривацией.

В северносамодийских языках употребления каузативов, не повышающие валентность исходного глагола, возможны как от переходных и амбитранзитивных основ, так и от непереходных основ. В то же время в этих языках регулярно встречаются несобственные употребления каузативов, затрагивающие свойства S/A-участника, и практически не встречаются употребления, связанные, например, с интенсификацией действия.

С другой стороны, классификация А. Ю. Айхенвальд нуждается в дополнении. Примеры, в которых с помощью каузативной морфологии выражаются конверсивные отношения, встречаются не только в северносамодийских языках, но и в существующих описаниях дагестанских, тюркских и других языков (см., в частности, [Лютикова 2001; Бонч-Осмоловская 2007] и др.).

С третьей стороны, попытка связать практически все несобственные употребления каузативных показателей с повышением семантической переходности заведомо исключает из рассмотрения такие сложные случаи, как неинтенциональная каузация. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы точнее понять, как связаны между собой собственные и несобственные употребления каузативных показателей.

Таблица 1. Свойства каузативов в несобственных употреблениях

	Синтаксическая модификация	Семантическая модификация	Возможные ограничения
аппликативизация	транзитивизация; заполнение позиции DO	введение участника с ролью Адресата или Места	от непереходных
агентивизация		увеличение интенциональности, волитивности и/или манипулятивного усилия S/A-участника	от глаголов, не имеющих в своей структуре прототипического Агенса
деагентивизация	транзитивизация (переводит амбигуозный глагол в разряд строго переходных)	импликация ненамеренной каузации	в первую очередь, от амбигуозных
конверсивные отношения	транзитивизация; смещение исходного Sub в позицию DO, продвижение в позицию Sub сирконстанта (при присоединении к непереходным основам)	изменение коммуникативного фокуса	

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; AND — андатив; CAUS — каузатив; DAT — датив; DO — прямое дополнение; DUR — дуратив; FN — лесной ненецкий; FREQ — фреквентатив; GEN — генитив; GFS — общая финитная основа; INCH — инхоатив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NMLZ — номинализация; NPL — множественное число; O — объектная согласовательная серия; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; PN — личное местоимение; POSS — посессивность; PT — причастие; R — рефлексивно-медиальная согласовательная серия; S — субъектная согласовательная серия; SEL — селектив; SFS — специальная финитная основа; SG — единственное число; Sub — подлежащее; TN — тундровый ненецкий; TR — транзитивизатор.

Литература

- Бонч-Осмоловская 2007 — А. А. Бонч-Осмоловская. Семантика актантных дериваций // Е. А. Лютикова, К. И. Казенин, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов (ред.). Мишарский диалект татарского языка: Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 143–191.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Костеркина, Момде, Жданова 2001 — Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде, Т. Ю. Жданова. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб.: Просвещение, 2001.
- Лютикова 2001 — Е. А. Лютикова. Переходность и диатезные преобразования // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие, 2001. С. 377–400.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. Часть вторая: Морфологические значения. Москва — Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998.
- Недялков, Сильницкий 1969 — В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий. Типология морфологического и лексического каузативов // А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 20–60.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Сорокина 1975 — И. П. Сорокина. Морфология глагола энецкого языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1975.
- Терещенко 1965 — Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Урманчиева 2004 — А. Ю. Урманчиева. Актантная деривация в энецком языке // В. Comrie, V. Solovyev, P. Suihkonen (eds.). International Symposium on the Typology of Argument Structure and Grammatical Relations in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia (LENCA-2) at Kazan State University, Tatarstan Republic, Russia, on May 11–14, 2004. Abstracts. 2004. P. 224–227.
- Aikhenvald 2011 — А. Y. Aikhenvald. Causatives which do not Cause: Non-Valency-Increasing Effects of a Valency-Increasing Derivation // А. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Language at Large: Essays on Syntax and Semantics. Leiden — Boston: Brill, 2011. P. 86–142.

- Austin 2005 — P. Austin. Causative and Applicative Constructions in Australian Aboriginal Languages. University of London, SOAS. Manuscript, 2005.
- Dixon 2000 — R. M. W. Dixon. A typology of causatives: form, syntax and meaning // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Changing Valency: Case Studies in Transitivity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 30–83.
- Golovko 1993 — E. V. Golovko. On non-causative effects of causativity in Aleut // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 385–390.
- Guillaume, Rose 2010 — A. Guillaume, F. Rose. Sociative causative markers in South-American languages: a possible areal feature // F. Floricic (ed.). *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels*. Lyon: ENS Éditions, 2010. P. 383–402.
- Haspelmath 2005 — M. Haspelmath. Universals of causative verb formation. Lecture given at the LSA Institute, MIT, 2 August 2005.
- Kittilä 2009 — S. Kittilä. Causative morphemes as non-valency increasing devices // *Folia Linguistica* 43, 1, 2009. P. 67–94.
- Kittilä 2013 — S. Kittilä. Causative morphemes as a de-transitivizing device: what do non-canonical instances reveal about causation and causativization? // *Folia Linguistica* 47, 1, 2013. P. 113–137.
- Kulikov 1999 — L. I. Kulikov. Remarks on double causatives in Tuvan and other Turkic languages // *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 88, 1999. P. 49–58.
- McCawley 1976 — N. McCawley. On experiencer causatives // M. Shibatani (ed.). *The Grammar of Causative Constructions*. New York: Academic Press, 1976. P. 181–203.
- Salminen 2007 — T. Salminen. Notes on Forest Nenets phonology // J. Ylikoski, A. Aikio (d.). *Sámit, sánit, sátnehámit. Riepmočála Pekka Sammallahtii miessemánu 21. beaivve 2007*. [Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 253]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura — Société Finno-Ougrienne, 2007. P. 349–372.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — M. Shibatani, P. Pardeshi. The causative continuum // M. Shibatani (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 85–126.
- Siegl 2011 — F. Siegl. Material on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia. PhD Thesis. Tartu University, Tartu, 2011.
- Thomas 1969 — D. M. Thomas. Chrau affixes // *Mon-Khmer Studies* 3, 1969. P. 90–107.
- Wagner-Nagy 2001 — B. B. Wagner-Nagy. Die Wortbildung im Nganasanischen. [Studia Uralo-Altica 43]. Szeged: SzTE Finnugor Tanszék, 2001.

А. А. Сюрюн

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ПОЛИАФФИКСЫ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Тувинский язык отличается от других тюркских языков рядом грамматических инноваций. Образование форм условного и предельного наклонений в тувинском языке представляет собой необычное для тюркских языков явление. Следует отметить, что формы описываемых наклонений служат сказуемыми зависимых клауз в отличие от предикатов других наклонений [Исхаков, Пальмбах 1961: 404].

2. Образование формы условного наклонения в тувинском языке

Условное значение в большинстве тюркских языков выражается суффиксом *-ca// -за*. Показатель условного наклонения в тувинском языке соответствует общетюркскому лишь в третьем лице единственного и множественного числа: *-ca // -за*. Приведем следующие примеры для тувинского языка (1–2):

(1) *Оол чорт-са, кыс кел-бес*
мальчик уходить-COND девочка приходить-NEG.FUT
'Если мальчик уйдет, девочка не придет'.

(2) *Кыс-тар кел-бе-зе, оол-дар*
девочка-PL приходить-NEG-COND мальчик-PL
чор-упт-ар
уходить-PRF-FUT
'Если девочки не придут, мальчики уйдут'.

Однако в 1 и 2 лице единственного и множественного числа в тувинском языке наблюдается особое образование форм условного наклонения. В этом случае, по утверждению Н. А. Баскакова, «формант

¹ Работа выполнена за счет средств гранта РГНФ № 10-04-18028е.

условной формы как бы редуцируется» [Баскаков 1956: 297]. Однако с этим трудно согласиться, так как исторически внутренний суффикс условного наклонения, следующий за основой, является суффиксом прошедшего времени, претерпевшим изменения в результате процесса ассимиляции, что подтверждает собственно тувинский материал, а также данные тофаларского языка, представленные ниже. В грамматике тувинского языка рассматриваемые элементы называются «внешним» и «внутренним» суффиксами. Таким образом, кроме суффикса *-ca//-ce, -za//-ze*, называемого в [Исхаков, Пальмбах 1961] «внешним», встречается и «внутренний» суффикс условного наклонения *-сы//-си, -су//-сү, -зы//-зи, -зу//-зү* [Ук. соч.: 46, 400]:

- (3) *Мен кел-зи-м-зе, мен-и*
 1SG *приходить-COND-1SG-COND* 1SG-ACC
чемгер-ер сен
 кормить-FUT 2SG
 ‘Если я приду, накормишь меня’.

По данным предшествующих исследователей [Сат 1968: 241; Чадамба 1974: 14, 104], ранее (в 60–70-х годах) в тувинском языке сосуществовали три формы условного наклонения. Морфологические различия в образовании форм условного наклонения считались одним из критериев выделения диалектов тувинского языка:

1. Синтетическая форма общетюркского типа сохранялась в тоджинском диалекте, ср. *барзам* ‘если я пойду’;

2. Аналитическая форма в западном диалекте была засвидетельствована в двух вариантах: *бардым быза* [Бабушкин 1960: 214] и *бардым изе* [Сат 1968: 237];

3. Тувинская синтетическая форма в центральном диалекте — *барзымза*, а также ее аналитический вариант — сочетание смыслового глагола на *-ар* со вспомогательным глаголом в условном наклонении, например, *баар болзумза*.

Предполагается, что тувинские синтетические формы 1 и 2 л. ед. и мн. числа условного наклонения образовались в результате сращения аналитической формы [Бабушкин 1960; Сат 1968; Чадамба 1974]:

- (4) *бар-ды-м и-зе (также с бы-за) > бардымзе*
 идти-PST1-1SG AUX-COND
 ‘если я пойду’,

где *изе* — форма условного наклонения древнего глагола *и-* ‘быть’, а *быза* — форма условного наклонения от *бол-* ‘быть, стать’. В дальнейшем, в результате перехода *-д-* в *-з-* образовалась современная форма условного наклонения: *бардымизе* > *барзымизе* > *барзымза*. Предполагается, что переход *-д-* в *-з-* является результатом либо исторического явления, широко распространенного в тюркских языках, либо дистантной ассимиляции [Сат 1968: 239]. Следовательно, не так давно так называемые редуцированные суффиксы представляли собой два совершенно разных грамматических показателя.

В западном диалекте (Бай-Тайгинский, Мөнгүн-Тайгинский говоры) наблюдались следующие формы условного наклонения (примеры из [Сат 1968: 237]):

	SG	PL
1 л.	<i>бардым изе</i>	<i>бардывыссезе</i> (< <i>бардывыс изе</i>)
2 л.	<i>бардың изе</i>	<i>бардыңарзе</i> (< <i>бардыңар изе</i>)
3 л.	<i>барзе</i> (< <i>бар изе</i>)	<i>барзе</i>

Почти такие же формы, как в западном диалекте, наблюдались в тофаларском языке (примеры из [СИГТЯ 1988: 355]):

	SG	PL
1 л.	<i>al-dy-m er-se</i> ‘если я возьму’	<i>al-dy-vys er-se</i>
2 л.	<i>al-dy-ŋ er-se</i>	<i>al-dy-ŋar er-se</i>
3 л.	<i>al-sa</i>	<i>al-sa-lar</i>

Элемент *-ды/-ди* в западном диалекте тувинского и в тофаларском языке возводят к «причастию на *-dy/-di* < *-dy/-dig*» [СИГТЯ 1988: 355]. Ш. Ч. Сат возводит форму *бардым изе* ‘если пойду’ в западном диалекте к сочетанию прошедшего категорического времени с окаменевшей формой условного наклонения от древнего глагола **и-*, **э-* ‘быть’ и сопоставляет форму *-дым изе* с *-дым эрсер* [Сат 1968: 237, 240].

Рассмотрим следующий пример — стандартная форма условного наклонения, выраженная аналитически:

- (5) *Сен дүж-ер бол-зу-ң-за, бис*
 2SG спускаться-FUT быть-COND-2SG-COND 1PL
аңдарл-ыр бис
 падать-FUT 1PL
 ‘Если ты спешисься, мы упадем’.

В данном примере (5) предпочтительнее выразить условие аналитической формой, так как предложенный стимул с синтетической формой *дүш-сү-ң-зе* не сразу был принят информантами однозначно (см. 6):

- (6) *Сен дүш-сү-ң-зе*
 2SG спускаться-COND-2SG-COND
 ‘Спускайся!’

Оказалось, что без дополнительных определений и уточнений синтетическая форма данного глагола в большинстве случаев используется для выражения желательного-повелительного значения, поэтому в данном случае представляется не вполне адекватным перевести условную клаузу как ‘Если ты спустишься...’. Чаще всего конструкция понималась в таком контексте как ‘падать’ или ‘тонуть’, хотя основное значение данной лексемы — ‘спускаться’, ‘слезать’, ‘сходить’. Более предпочтительным для значения ‘спускаться’ оказался другой глагол — *бат-* ‘опускаться, снижаться’. Итак, для выражения конкретного условного значения, например: ‘спуститься с какого-либо места, выйти из автобуса, спуститься с горы или спешиться’, необходимо сочетание с глаголом *дүш-* ‘спускаться’ уточнения или же использование аналитической формы, представленной, скажем, в примере (5).

Таким образом, условные значения передаются в тувинском языке разными способами, относящимися к синтетическому и аналитическому типам.

- (7) *Силер дүж-ер* *бол-зу-ңар-за,* *бис*
 2PL спускаться-FUT быть-COND-2PL-COND 1PL
база эдер-ер бис
 тоже следовать-FUT 1PL
 ‘Если вы выходите (напр., из автобуса), мы тоже последуем за вами’.

- (8) *Арт-ыкса-вас* *бол-зу-ң-за,*
 оставаться-DES-NEG.FUT быть-COND-2SG-COND
чор-увут
 уходить-PRF.IMP
 ‘Если тебе не хочется оставаться, уходи’.

Форму условного наклонения принимают также вспомога-
тельные глаголы полипредикативных конструкций, например:

- (9) *Бис аңдарл-ып каг-зы-выс-са, сен*
1PL падать-CV1 класть-COND-1PL-COND 2SG
ыгла-ва
плакать-NEG
'Если мы упадем, ты не плачь'.

Более подробно дополнительные значения, выражаемые
формой условного наклонения (желательно-повелительное, усту-
пительное, сослагательное значения) описываются в [Исхаков,
Пальмбах 1961: 402–404]. Здесь же интересно отметить возможность
сочетания глагольных форм, выражающих условное (10а) и жела-
тельно-повелительное (10б) значения в одном предложении (10).

- (10) *Аьд-ывыс уд-уп ал-ыр бол-за,*
конь-POSS1PL выигрывать-CV1 брать-FUT быть-COND
бис база өөрү-зү-вүс-се
1PL тоже радоваться-COND-1PL-COND
'Если наш конь выиграет (на скачках), давайте мы тоже
порадуемся (почему бы и нам не радоваться)'.

- (10) а. *Бис өөрү-зү-вүс-се, аьд-ывыс*
1PL радоваться-COND-1PL-COND конь-POSS1PL
уд-уп ал-ыр
выигрывать-CV1 брать-FUT
'Если мы будем радоваться, наш конь выиграет (на скачках)'.

- (10) б. *Бис өөрү-зү-вүс-се, аьд-ывыс*
1PL радоваться-COND-1PL-COND конь-POSS1PL
уд-уп ал-за канчаар?
выигрывать-CV1 брать-COND что_делать
'Давайте будем радоваться! Что, если наш конь выиграет
(на скачках)?'

В материале по тофаларскому языку, полученном в ходе
лингвистической экспедиции 2011 года (пос. Алыгджер), наряду
с описанными в «Морфологии тофаларского языка в сравнительном
освещении» [Рассадин 1978] глагольными формами встречаются
следующие формы для выражения условного значения:

(11) KSD², тофа:

Өли-й *вээр*³ *бис, өъскен*
 промокать-CV1 давать.PTCP.FUT 1PL дождь
чаг-за
 идти-COND

‘Мы промокнем, если пойдет дождь’.

В примере (11) в глагольной форме *чаг-за* ожидался глухой вариант *чаг-са*, указываемый В.И. Рассадиним в его монографии для тофаларского языка, что отличало тофаларскую глагольную форму от тувинской.

(12) KSD, тофа:

Аары-й *вер-ди-визе,* *эккирт-и*
 болеть-CV1 давать-PST1-1PL.COND вылечивать-CV1
бээр *бис*
 давать.FUT 1PL

‘Если мы заболеем, нас вылечат’.

(13) ASV, тофа:

Өли-й *вер-зи-вис-се* (*эрзе*),
 промокнуть-CV1 давать-PST1-1PL.COND COND
аары-й *вээр* *бис*
 болеть-CV1 давать.FUT 1PL

‘Если мы промокнем, мы заболеем’.

Имеющиеся экспедиционные материалы представляют собой переводы с русского языка на тофаларский, в них обнаруживается синтетическая глагольная форма условного наклонения *вер-ди-визе* (пример 12), *вер-зи-вис-се* (пример 13). В примере (13) в речи информанта обнаружилось сочетание синтетической формы условного наклонения с глаголом *эрзе*, который мы взяли в скобки. Синтетическая форма не была характерна для тофаларского языка (ср. следующие примеры 14–15). Возможно, поэтому информант и вставил вспомогательный глагол в примере (13), правда, с озвонченным суффиксом: *эр-зе*. Однако полученная форма представляет

² Шифр информанта.

³ В речи носителей языка у глагола *бер-* ‘давать’ наблюдается чередование [b] с [β], что в данной работе отражено на письме *б* и *в* соответственно.

следующий этап в выражении условного значения в тувинском языке (ср. западный и восточный диалекты тувинского языка).

(14) ТА, тофа:

Если *мен доң-а бер-зи-м-изе, ол ...*
1SG мерзнуть-CV1 давать-PST1-1SG-COND 3SG
'Если я замерзну,'

Несмотря на наличие «основы» вспомогательного глагола *и-* между *бер-зи-м* и *-зе*, в данном примере (14) условная конструкция *бер-зи-м изе* представлена слитно, так как здесь наблюдается дистантная ассимиляция и *-д-* смыслового глагола перешел в *-з-*. Этот же информант дает в следующем примере (15) такую же форму:

(15) ТА, тофа:

Мен аары-й бер-зи-м-изе, кум-да
1SG болеть-CV1 давать-PST1-1SG-COND кто-PTCL
кел-бэс
приходить-NEG
'Если я заболею, никто не придет' (информант живет один в очень плохих условиях).

Таким образом, можно предположить, что в тофаларском языке зафиксированы переходные синтетические формы условного наклонения. В следующих примерах употреблены тофаларские аналитические формы с озвонченным вариантом суффикса условного наклонения:

(16) ASV, тофа:

Мен ырла-ба-ды-м эрзе, уду-й
1SG петь-NEG-PST1-1SG COND спать-CV1
бээр бис.
давать.FUT 1PL
'Если я не спою, мы уснем'.

(17) ASV, тофа:

Хем-ге кир-ди-ң эрзе, төннөн-мес сен.
река-DAT входить-PST1-2SG COND умирать-NEG.FUT 2SG
'Если ты и зайдешь в реку, ты не утонешь'.

(18) ASV, тофа:

Сен гел-дi-ң эрзе, оң чаштын-а
 1SG приходитъ-PST1-2SG COND 3SG прятаться-CV1
вээр.

давать.FUT

‘Если ты придешь, он спрячется’.

(19) ASV, тофа:

Сен шый-ды-ң эрзе, оң соода-вас.
 1SG писать-PST1-2SG COND 3SG говорить-NEG.FUT

‘Если ты напишешь, он не ответит’.

Как уже было указано в комментариях к примерам, в «Морфологии тофаларского языка» отсутствуют формы суффикса условного наклонения со звонким согласным. В наших материалах, записанных от носителей исчезающего тофаларского языка, встречаются озвонченные варианты суффикса условного наклонения, а также наблюдаются три варианта показателей условного наклонения. В.И. Рассадин описывал следующие формы [Рассадин 1978: 228]:

1 л. *-дым эрсе / -дiм эрсе* *-дывыс эрсе / -дiвис эрсе*
 2 л. *-дың эрсе / -дiң эрсе* *-дыңар эрсе / -дiңер эрсе*
 3 л. *-са / -се* *-са(лар) / -се(лер)*

Наш тофаларский материал дает следующие варианты:

1 л. *-дым эрсе / -зiмизе* *-дiвизе / -зiвиссе / -дiвис исе (эрсе)*
 2 л. *-дың эрсе / -дiң эрзе* *-дыңар эрсе / -дiңер эрсе*
 3 л. *-за / -се* *-са(лар) / -се(лер)*

Необходимо отметить, что древняя форма *барзам*, сохранявшаяся в тоджинском диалекте тувинского языка, как и *бардым быза* — в западных говорах, в современном тувинском вытеснена формой *барзымза*. Примечательной особенностью данной глагольной формы является позиция личного показателя, после которого в тюркских языках не располагается ни один суффикс. В современном тувинском языке в условном наклонении он обрамляется так называемым внутренним суффиксом *-зы* и внешним суффиксом *-за*, что представляет собой уникальное явление, так как в тюркских языках не существует конфликсов, или циркумфиксов. В тюркских языках личный показатель занимает конечную позицию в глагольной

словоформе. Однако в тувинском языке стандартный суффикс условного наклонения *-са*, именуемый в грамматике «внешним», функционирует как постфикс по отношению к личному показателю, а «внутренний» *-сы* находится в препозиции к тому же личному показателю. Следует отметить, что описываемое сочетание внешнего и внутреннего показателей в современном языке функционирует как единый комплекс, являясь на синхронном уровне в 1 и 2 л. ед. и мн. числа одной морфемой.

3. Форма тувинского предельного наклонения

Еще одним примером циркумфикса, или, точнее, полиаффикса⁴, является форма предельного наклонения в тувинском языке: *бар-гыже-м-че* ‘до тех пор, пока я не приду’, которая состоит из «внутреннего» суффикса *-гыже// -гигже, -гуже// -гуже, -кыже// -киже, -куже// -күже* и «внешнего» — *-че// -же*. «Внутренний» суффикс *-гыже* возводят к «причастному *-ган//...* и наречному *-че <*-чак>*», который встречается только в нескольких тюркских языках в качестве суффикса деепричастия предела [Исхаков, Пальмбах 1961: 406]. Отметим, что в тоджинском диалекте тувинского языка «внешний» суффикс предельного наклонения представлен показателем дательного падежа *-га// -ге, -ка// -ке: келгишемге// келгишаамга* ‘до тех пор, пока я не приду’, *келгишеңге// келгишааңга* ‘до тех пор, пока ты не придешь’, *келгише// келгишаа* ‘до тех пор, пока он не придет’ и т. д. [Чадамба 1974: 106].

В [СИГТЯ 1986] Б.А. Серебренниковым и Н.З. Гаджиевой описывается «деепричастие, образованное по схеме: причастие на *-ган* с аффиксом древнего терминатива на *-ча/ -чэ*», данное образование «обозначает тот предел, до которого должно продолжаться действие»: к.-калп. *Ол келмегенише мен сизди чибермејмен* ‘Пока он не придет, я вас не отпущу’, к.-балк. *Мен келгинчи сақла* ‘Жди, пока я не вернусь’ и т. п. [СИГТЯ 1986: 230]. Важно отметить, что по сравнению с тувинским, формы *келмегенише* (к.-калп.) и *келгинчи* (к.-балк.) не разрываются показателем лица. Ср. тув.:

⁴ По В. А. Плуногяну: «любая дистантная комбинация нескольких аффиксов (функционирующая как единая морфема с точки зрения значения)» [Плуногян 2003: 95].

- (20) *Мен кел-гуже-м-че,* *чем чи-вес*
 1SG **приходить-TERM-1SG-TERM** **еда** **есть-NEG.FUT**
силер
 2PL
 ‘До тех пор, пока я не приду, не ешьте’.

- (21) *Сен уду-гуже-ң-че,* *дыштан-мас бис*
 2SG **спать-TERM-2SG-TERM** **отдыхать-NEG.FUT** 1PL
 ‘Пока ты не уснешь, мы не будем отдыхать’.

Возможно также и выражение значения предела с причастием будущего времени с показателем дательного падежа и послелогом ‘до’:

- (22) *Мен кел-ир-им-ге* *чедир, чи-ве-ңер*
 1SG **приходить-PTCP.FUT-1SG-DAT** **до** **есть-NEG-2PL**
 ‘До тех пор, пока я не приду, не ешьте’ (букв. до моего прихода не ешьте),

либо, заметим, та же комбинация, но с отрицательной формой причастия прошедшего времени:

- (23) *Мен кел-бэ-эн-им-ге* *чедир,*
 1SG **приходить-NEG-PTCP.PST-1SG-DAT** **до**
чи-ве-ңер
есть-NEG-2PL
 ‘До тех пор, пока я не приду, не ешьте’ (букв. до моего неприхода не ешьте).

А также с сочетанием послелогов *шаанга чедир*:

- (24) *Оол-дар* *уду-ва-ан* *шаан-га* *чедир*
 мальчик-PL **спать-NEG-PTCP.PST** **время.POSS3-DAT** **до**
шимээрге-ш-пе-ңер
шуметь-RECP-NEG-2PL
 ‘До тех пор пока мальчики не уснут, не шумите’,

что свидетельствует о явном стремлении передать русское наречие *пока* формами с дативом, но также и о большом разнообразии тувинских средств передачи данных значений.

4. Заключение

Итак, обратим внимание на необычную позицию суффиксов. Если сопоставить парадигмы условного и предельного наклонений, то форма условного наклонения «теряет» в третьем лице внутренний суффикс *-зы/-зи*, а форма предельного наклонения — внешний суффикс *-же/-че*:

	<i>-зы-Р-за</i> ‘если ...’	<i>-гыже-Р-че</i> ‘до тех пор, пока...’
1 л.	<i>кел-зи-м-зе</i>	<i>кел-гыже-м-че</i>
2 л.	<i>кел-зи-ң-зе</i>	<i>кел-гыже-ң-че</i>
3 л.	<i>кел-зе</i>	<i>кел-гыже</i>

Если говорить о тюркских языках в целом, то формы условного (*-зы...-за*) и предельного (*-гыже...-че*) наклонений с полиаффиксами характерны только для тувинского. В тюркских языках личный показатель всегда занимает конечную позицию в глагольной словоформе. Однако в тувинском языке «внешние» суффиксы *-за* и *-че* занимают позицию после личных показателей. Только в третьем лице ед. и мн. числа сохраняется исходная форма условного наклонения, которая присуща большинству других современных тюркских языков.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; COND — условное наклонение; CV1 — соединительное деепричастие на *-н*; DAT — датив; DES — дезидератив; FUT — будущее время; IMP — повелительное наклонение; NEG — отрицание; PL — множественное число; POSS — принадлежность; PRF — перфектив; PST — прошедшее время; PST1 — прошедшее категорическое время на *-ды*; PTCL — частица; PTCP — причастие; RECP — совместно-взаимный залог; SG — единственное число; TERM — предельное наклонение.

Литература

- Бабушкин 1960 — Г. Ф. Бабушкин. Предварительные данные по западному диалекту тувинского языка // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. VIII. Кызыл, 1960. С. 211–215.
- Баскаков 1956 — Н. А. Баскаков Н.А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы // Исследования по срав-

- нительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 263–303.
- Исхаков, Пальмбах 1961 — Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Рассадин 1978 — В. И. Рассадин. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.
- Сат 1968 — Ш. Ч. Сат. Образование формы условного наклонения в тувинском языке // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. XIII. Кызыл, 1968. С. 236–241.
- СИГТЯ, Гаджиева 1986 — СИГТЯ 1986 — Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Э. Р. Тенишев (отв. ред.). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986.
- СИГТЯ 1988 — СИГТЯ 1988 — Э. Р. Тенишев (отв. ред.). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
- Чадамба 1974 — З. Б. Чадамба. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1974.

О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский

ИЯз РАН, Москва

ИМПЕРАТИВНЫЕ ФОРМЫ В ЭНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Существующие описания энецкого языка ([Castrén 1854: 501–518], [Прокофьев 1937: 89], [Терещенко 1966: 451], [Künnap 1999: 24–25], [Сорокина 1975: 95–103, 2010: 321–326], [Siegl 2013: 279–284], [Урманчиева, рукопись]) исходят из следующей системы императивных форм. С одной стороны, есть формы гортатива (побудительного наклонения) 1 л., имеющего специальный показатель *-хи* (*-xogu-*), к которому присоединяются базовые лично-числовые показатели. С другой стороны, есть не имеющие специального показателя формы императива (повелительного наклонения) 2–3 л., для которых выделяется особый императивный набор лично-

¹ Фактический материал к работе был собран в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (“Endangered Languages Documentation Programme”, ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета. В исследовании были использованы современные естественные тексты, записанные и транскрибированные авторами, З. Н. Болиной, М. А. Овсянниковой, В. Н. Пальчиным, Н. М. Стойновой и С. А. Трубецким в 2005–2010 гг.; архивные естественные тексты, записанные в 1960–1990-х гг. Д. С. Болиной, Н. Н. Болиной, О. Э. Добжанской, К. И. Лабанаускасом, И. П. Сорокиной, Е. А. Хелимским, копии записей которых были любезно предоставлены Дудинским отделением ГТРК «Норильск», Таймырским Домом народного творчества, Д. С. Болиной, О. Э. Добжанской, И. П. Сорокиной, А. Ю. Урманчиевой; элицитированные данные, полученные в 2008–2011 г. Авторы выражают глубокую благодарность всем своим консультантам-переводчикам. Статья подготовлена по проекту РНФ №15-18-00044.

Приводимые нами неоднословные примеры без ссылок на источник взяты из упомянутого корпуса текстов. Элицитированные предложения сопровождаются пометой (elic.).

числовых показателей, противопоставленный базовому. В Таблице 1 приведены базовые энецкие лично-числовые показатели, а Таблица 2 содержит принятое «табличное» представление энецких императивных лично-числовых показатели.

Таблица 1. Базовые энецкие (лесной диалект) глагольные лично-числовые показатели

лицо, число	согласовательная серия ²			
	субъектная	субъектно-объектная		медиальная
		объект ед. ч.	объект дв. и мн. ч.	
1SG	-zʔ	-a (-ɔ), -u, -b	-n	-jʔ, -bʔ
2SG	-d	-r	-z	-dʔ
3SG	∅	-za	-za	-zʔ
1DU	-jʔ, -biʔ, -bʔ	-jʔ, -biʔ, -bʔ	-nʔiʔ, -nʔ	-nʔiʔ, -nʔ
2DU	-riʔ	-riʔ	-ziʔ	-ziʔ
3DU	-xiʔ	-ziʔ	-ziʔ	-xiʔ
1PL	-aʔ (-ɔʔ, -eʔ), -baʔ	-aʔ (-ɔʔ, -eʔ), -baʔ	-naʔ	-naʔ
2PL	-raʔ	-raʔ	-zaʔ	-zaʔ
3PL	-ʔ	-zuʔ	-zuʔ	-zʔ

Таблица 2. Императивные энецкие (лесной диалект) глагольные лично-числовые показатели

лицо, число	согласовательная серия			
	субъектная	субъектно-объектная		медиальная
		объект ед. ч.	объект дв. и мн. ч.	
2SG	-ʔ, ∅	-z (-d, -t)	-nʔ	-zʔ
3SG	-j, -b	-da	-da	-d
2DU	-riʔ	-riʔ	-ziʔ	-ziʔ
3DU	-giʔ	-dʔiʔ	-dʔiʔ	-giʔ
2PL	-raʔ	-raʔ	-zaʔ	-zaʔ
3PL	-jʔ, -biʔ, -bʔ	-duʔ	-duʔ	-d

Если рассмотреть побудительные формы глагола (остановимся на формах 1–3 л. ед. ч. субъектной согласовательной серии) наиболее простого морфологического класса, имеющего единственную основу, например, *mɔta* ‘отрезать’, то представленная выше информация

² Традиционный термин — «тип спряжения».

кажется описательно достаточной³. Форма 1 л. включает показатель гортатива и лично-числовой показатель из Таблицы 1 (1а), а в формах 2–3 л. используются лично-числовые показатели из Таблицы 2, присоединяемые к основе (1б–с). Но если обратиться к глаголу одного из более сложных морфологических классов, например, *рэн'ир-* ‘использовать’, то ясно, что морфология императивных форм устроена более сложно. Для построения форм 2–3 л. требуется дополнительная информация о том, какая именно основа должна быть использована в каждой из них (2б–с):

- (1) а. *мста-ху-з?* б. *мста-?*
Л⁴ отрезать-NORT-1SG.S отрезать-2SG.S.IMP
 ‘отрежу-ка я’ ‘отрежь’

- с. *мста-ј*
 отрезать-3SG.S.IMP
 ‘пусть он отрежет’

- (2) а. *рэн'и-гу-з?* б. *рэн'ир-?*
Л использовать-NORT-1SG.S использовать-2SG.S.IMP
 ‘использую-ка я’ ‘используй’

- с. *рэн'ија-ј*
 использовать-3SG.S.IMP
 ‘пусть он использует’

Разумеется, особый морфологический статус побудительных форм 1 л. с показателем гортатива не вызывает сомнения. Но в настоящей публикации нам бы хотелось остановиться на том, что и другие побудительные формы морфологически неоднородны и принятое «табличное» представление используемых в них показателей рету-

³ Заметим, однако, что она является описательно избыточной для клеток 2 л. дв. и мн. числа.

⁴ Сокращениями Л и Т мы помечаем примеры из двух имеющих диалектов энецкого языка — лесного и тундрового диалектов соответственно. Общие принципы организации энецких императивных форм одинаковы для обоих диалектов, но в целях экономии места мы приводим фактические данные только для лесного диалекта (единственное значимое различие между диалектами обсуждается в разделе 6).

ширует реальность⁵, хотя, разумеется, то, как фактически выглядят побудительные формы в целом известно (еще в [Castrén 1854: 501–518] приводятся точные парадигмы для основных морфологических классов). Ниже мы предлагаем описание энецких императивных форм, отправной точкой для которого стали сходства и различия в их морфологической организации, а не какие-либо логические или семантические основания.

2. Морфологические классы и основы энецких глаголов⁶

Остановимся кратко на морфологических классах и основах энецких глаголов: выбор основы является одним из очень важных параметров построения энецких императивных форм, а строение основ, естественно, определяется морфологическим классом. Морфологически энецкие глаголы разделяются, прежде всего, на два класса: основной класс и класс глаголов с чередованиями. Глаголы основного класса далее делятся на глаголы с единственной основой (например, *m̄ta-* ‘отрезать’), глаголы со специальной основой аориста (например, *ko-* ‘найти’) и глаголы с вариативной основой (например, *ser(u)-* ‘завязать’)⁷. Глаголы с чередованиями разделяются на глухо-чередующиеся и звонкочередующиеся в зависимости от выбора глухого или звонкого алломорфа присоединяемых показателей.

⁵ Показательно, что в недавнем типологическом исследовании императивов [Aikhenvald 2010: 85] энецкий язык, со ссылкой на [Künnap 1999: 24–25], упоминается как пример языка, в котором есть императивные формы только 2–3 лица. При этом, как мы покажем ниже, ни однородность форм 2 лица разных чисел, ни однородность форм 2 и 3 лица не имеет морфологических оснований.

⁶ В силу ограниченного объема данной статьи и вспомогательного характера этого раздела мы опускаем историю трактовки морфологии энецких глаголов и системы глагольных основ в литературе и отличия нашего описания от предлагавшихся ранее. Данный раздел основан на данных современного состояния лесного диалекта: незначимые для построения императивных форм различия как между двумя диалектами, так и между современными и более старыми данными потребовали бы слишком детального обсуждения. Мы не рассматриваем здесь немногочисленные нерегулярные глаголы и опускаем некоторые другие детали.

⁷ Последний подкласс глаголов основного класса имеется только в лесном диалекте.

Глухочередующиеся глаголы (например, *mis-* ‘дать’) не имеют дальнейшей классификации. Звонкочередующиеся глаголы делятся на г-глаголы (например, *pɔnʲir-* ‘использовать’), п-глаголы (*pɔp-* ‘положить’⁸) и т-глаголы (например, *ɔziu-* ‘появиться’).

Максимальный набор глагольных основ включает следующие шесть: исходная, удлиненная, укороченная, основа аориста, основа хабитуалиса, основа номинализации. Диагностической формой для исходной основы является форма коннегатива — нефинитная форма, сочетающаяся с отрицательным глаголом.

Для основного класса релевантны различия прежде всего между исходной основой и основой аориста, ср. формы коннегатива и аориста глаголов *mɔta-* ‘отрезать’, *ko-* ‘найти’ и *ser(u)-* ‘завязать’ в (3)–(5). К основному классу здесь примыкает также отрицательный глагол, который имеет супплетивные основы — основу аориста *nʲe-* и основу для всех прочих форм *i-*.

(3)	a.	<i>nʲe-zʲ</i>	<i>mɔta-ʔ</i>	b.	<i>mɔta-zʲ</i>
Л		NEG-1SG.S	отрезать-CONN		отрезать-1SG.S
		‘я не отрезал’			‘я отрезал’
(4)	a.	<i>nʲe-zʲ</i>	<i>ko-ʔ</i>	b.	<i>koɔ-zʲ</i>
Л		NEG-1SG.S	найти-CONN		найти-1SG.S
		‘я не нашел’			‘я нашел’
(5)	a.	<i>nʲe-zʲ</i>	<i>ser-ʔ</i>	b.	<i>sera-zʲ</i>
Л		NEG-1SG.S	завязать-CONN		завязать-1SG.S
		‘я не завязал’			‘я завязал’

Бóльшие различия между основами демонстрируют глаголы с чередованиями. В удлиненной основе к исходным основам, заканчивающимся на согласный, добавляется /u/, ср. формы коннегатива и пробабилитива глагола *pɔnʲir-* ‘использовать’ (6). Укороченная основа образуется путем усечения последнего звука исходной основы и вызывает чередования у аффиксов; для наших целей достаточно указать на то, что алломорфы глухочередующихся и звонкочередующихся глаголов совпадают с точностью до глухости-звонкости первого согласного, ср. формы гортатива глагола основного класса *mɔta-* ‘отрезать’, глухочередующегося глагола *mis-* ‘дать’ и звонко-

⁸ Данный подкласс представлен только этим глаголом и иррегулярным глаголом *tan-* ‘сказать’.

Таблица 3. Примеры основ для энецких (лесной диалект) морфологических классов глаголов

основа	основной класс			класс с чередованиями			
	с одной осн.	со спец. аор.	вариат.	глух.	звонк.		
					г	п	м
	‘отре- зать’	‘найти’	‘звя- зать’	‘дать’	‘исполь- зовать’	‘поло- жить’	‘поя- виться’
исходная	<i>тѣа</i>	<i>ко</i>	<i>ser, seru</i>	<i>mis</i>	<i>пѣн’ир</i>	<i>пуп</i>	<i>џџиу</i>
удлиненная	<i>тѣа</i>	<i>ко</i>	<i>seru</i>	<i>misu</i>	<i>пѣн’иру</i>	<i>пупу</i>	<i>џџиу</i>
аориста	<i>тѣа</i>	<i>коџ</i>	<i>sera</i>	<i>ми’е</i>	<i>пѣн’иџа</i>	<i>пуџа</i>	<i>џџима</i>
хабитуа- лиса	<i>тѣа</i>	<i>ко</i>	<i>seru</i>	<i>ми’?</i>	<i>пѣн’им</i>	<i>пум</i>	<i>џџим</i>
номинали- зации	<i>тѣа</i>	<i>ко</i>	<i>ser</i>	<i>ми’?</i>	<i>пѣн’им</i>	<i>пуџ / пум</i>	<i>џџим</i>
укоро- ченная	<i>тѣа</i>	<i>ко</i>	<i>ser, seru</i>	<i>ми</i>	<i>пѣн’и</i>	<i>пу</i>	<i>џџи</i>

3. Состав императивных форм

С морфологической точки зрения энецкие императивные формы естественно разделяются на следующие независимые друг от друга парадигмы:

- гортативные формы 1 л., которые образуются от укороченной основы глагола при помощи показателя *-хи-* (*-хоџи-*) и показателей 1 л. базовых лично-числовых показателей;
- императивные формы 2 л. ед. ч., которые, в зависимости от согласовательной серии, образуются от базовой, укороченной или удлиненной основы при помощи специализированных маркеров;
- императивные формы 2 л. дв. и мн. ч., формально совпадающие с соответствующими формами аориста (которые, в свою очередь, образуются от основы аориста при помощи базовых лично-числовых показателей);
- юссивные формы 3 л., которые образуются от основы аориста при помощи юссивных лично-числовых показателей.

В Таблице 4 суммируется информация о том, от какой основы и при помощи каких маркеров образуются перечисленные формы.

Таблица 4. Образование императивных форм

формы	основа	показатель	лично-числовые показатели
1 л., все формы	укороченная	- <i>xu</i> (- <i>xogu</i>)	базовые
2 л. ед. ч., субъектная согл. серия	исходная	—	для 2 л. ед. ч. императива
2 л. ед. ч., субъектно-объектная согл. серия для объекта ед. и дв. ч.	укороченная	—	для 2 л. ед. ч. императива
2 л. ед. ч., субъектно-объектная согл. серия для объекта мн. ч.	удлиненная	—	для 2 л. ед. ч. императива
2 л. ед. ч., медиальная согл. серия	удлиненная или укороченная	—	для 2 л. ед. ч. императива
2 л. дв. и мн. ч., все формы	аориста	—	базовые
3 л., все формы	аориста	—	юссивные

Гортативные формы 1 л. в морфологическом плане не отличаются от многочисленных других энецких модально-временных форм, которые имеют специализированные показатели (у большинства форм прибавляющиеся к укороченной основе) и присоединяют базовые лично-числовые показатели. Особенностью, отличающей гортатив от других модально-временных форм, является только ограничение морфологических возможностей 1 лицом. Далее мы не обсуждаем морфологию гортатива более детально.

Все прочие императивные формы указанных групп рассматриваются ниже: формы 2 л. ед. ч. в разделе 4, формы 2 л. дв. и мн. ч. в разделе 5, формы 3 л. в разделе 6.

4. Императивные формы 2 л. ед. ч.

Императивные формы 2 л. ед. ч. характеризуются наивысшей степенью морфологической идиосинкратичности: каждая из них имеет собственные особенности образования, не выводимые из какой бы то ни было общей логики.

Форма 2 л. ед. ч. субъектной согласовательной серии образуется от исходной основы глагола. Глухочередующиеся глаголы прибавляют

нулевой показатель (9g), глаголы всех прочих морфологических классов — показатель *-ʔ* (9a–f)^{9,10}:

(9) а.	<i>məta-ʔ</i>	б.	<i>ko-ʔ</i>
Л	отрезать-2SG.S.IMP
'отрежь'		найти-2SG.S.IMP
'найди'
	с.	д.	<i>pən'ir-ʔ</i>
	завязать-2SG.S.IMP
'завяжи'		использовать-2SG.S.IMP
'используй'
	е.	ф.	<i>ɔziu-ʔ</i>
	положить-2SG.S.IMP
'положи'		появиться-2SG.S.IMP
'появись'
	г.		
	<i>mis</i>		
	дать.2SG.S.IMP
'дай'		

Форма 2 л. ед. ч. субъектно-объектной согласовательной серии для объекта ед. ч. образуется от укороченной основы глагола. Глаголы основного морфологического класса принимают исходный алломорф показателя *-z* (10a–c), а глаголы с чередованиями, в соответствии с правилами энецкой морфонологии, алломорфы *-d* и *-t* для звонкочередующихся (10d–e) и глухочередующихся (10f) глаголов соответственно:

(10) а.	<i>məta-z</i>	б.	<i>ko-z</i>
Л	отрезать-2SG.SO _{sg} .IMP
'отрежь его'		найти-2SG.SO _{sg} .IMP
'найди его'
	с.	д.	<i>pən'i-d</i>
	завязать-2SG.SO _{sg} .IMP
'завяжи его'		использовать-2SG.SO _{sg} .IMP
'используй его'

⁹ Форма императива 2 л. ед. ч. субъектной согласовательной серии внешне полностью совпадает с формой коннегатива. По крайней мере с точки зрения синхронного описания, это совпадение естественно трактовать как случайное.

¹⁰ Утрата сегментного показателя у глухочередующихся глаголов в лесном диалекте является недавней, ср. ту же форму в тундровом диалекте *misɔ-ʔ* 'дать-2SG.S.IMP'.

e. *pu-d*

положить-2SG.SO_{sg}.IMP
'положи его'

f. *mi-t*

дать-2SG.SO_{sg}.IMP
'дай его'

Форма 2 л. ед. ч. субъектно-объектной согласовательной серии для объекта дв. ч. образуется от укороченной основы глагола, к которой сперва прибавляется показатель двойственного объекта *-xu-* (со звонкочередующимися глаголами выступает алломорф *-gu-*, с глухочередующимися — алломорф *-ku-*), а потом показатель объекта дв. и мн. ч. *-nʔ*(11). Заметим, что показатель двойственного объекта *-xu-* используется и в других формах субъектно-объектной согласовательной серии для объекта дв. ч. (но только в императиве 2 л. он присоединяется к укороченной основе и подвергается чередованиям), ср. формы аориста 2 л. ед. ч. субъектно-объектной согласовательной серии для объекта дв. ч. (12):

(11) a. *mʔta-xu-nʔ*

Л отрезать-SO_{du}-2SG.SO_{nsg}.IMP
'отрежь их (дв.)'

b. *ko-xu-nʔ*

найти-SO_{du}-2SG.SO_{nsg}.IMP
'найди их (дв.)'

c. *segu-xu-nʔ*

завязать-SO_{du}-2SG.SO_{nsg}.IMP
'завяжи их (дв.)'

d. *pʔnʔi-gu-nʔ*

использовать-SO_{du}-2SG.SO_{nsg}.IMP
'используй их (дв.)'

e. *pu-gu-nʔ*

положить-SO_{du}-2SG.SO_{nsg}.IMP
'положи их (дв.)'

f. *mi-ku-nʔ*

дать-SO_{du}-2SG.SO_{nsg}.IMP
'дай их (дв.)'

(12) a. *mʔta-xu-z*

Л отрезать-SO_{du}-2SG.SO_{nsg}
'ты отрезал их (дв.)'

b. *puʔa-xu-z*

положить-SO_{du}-2SG.SO_{nsg}
'ты положил их (дв.)'

c. *miʔe-xu-z*

дать-SO_{du}-2SG.SO_{nsg}
'ты дал их (дв.)'

Форма 2 л. ед. ч. субъектно-объектной согласовательной серии для объекта мн. ч. образуется от удлинненной основы глагола при помощи показателя объекта дв. и мн. числа *-nʔ*, общего для всех морфологических классов (13). Заметим, что только в императивных формах 2 л. ед. ч. не используется показатель множественного объекта *-i-*, предшествующий лично-числовым показателям в других формах субъектно-объектной согласовательной серии для объекта мн. ч. и усекающий основу или модально-временной показатель непосредственно перед собой, ср. формы аориста 2 л. ед. ч. субъектно-объектной согласовательной серии для объекта мн. ч. (14):

(13) а.	<i>mʔta-nʔ</i>	б.	<i>ko-nʔ</i>
Л	отрезать-2SG.SO _{nsg} .IMP
'отрежь их'		найти-2SG.SO _{nsg} .IMP
'найди их'
с.	<i>seru-nʔ</i>	д.	<i>pənⁱiru-nʔ</i>
	завязать-2SG.SO _{nsg} .IMP
'завяжи их'		использовать-2SG.SO _{nsg} .IMP
'используй их'
е.	<i>pupu-nʔ</i>	ф.	<i>misu-nʔ</i>
	положить-2SG.SO _{nsg} .IMP
'положи их'		дать-2SG.SO _{nsg} .IMP
'дай их'
(14) а.	<i>mʔt-i-z</i>	б.	<i>puŋ-i-z</i>
Л	отрезать-SO _{pl} -2SG.SO _{nsg}
'ты отрезал их'		положить-SO _{pl} -2SG.SO _{nsg}
'ты положил их'
с.	<i>miʔ-i-z</i>		
	дать-SO _{pl} -2SG.SO _{nsg}
'ты дал их'		

Форма 2 л. ед. ч. медиальной согласовательной серии образуется при помощи показателя *-zʔ* — ср. (15а) для основного класса. Данные современного лесного диалекта о том, какая основа используется у глаголов с чередованиями, противоречивы. Единственной возможностью для глухочередующихся глаголов является удлинненная основа (15b). У звонкочередующихся глаголов (в нашем корпусе данных представлены только г-глаголы, использующие

-а последующему показателю серий -е, а прогрессивная ассимиляция не встречается нигде больше в энецком языке.

- (22) а. *puŋa-aba* б. *nəŋr-e-ed*
Т положить-3SG.S.JUSS привыкнуть-М-3SG.M.JUSS
 ‘пусть он положит’ ‘пусть он привыкнет’

- (23) *tər* *dʲiri-eb?*, *inuk* *məzara-ab?*
Л так жить-3PL.S.JUSS близко работать-3PL.S.JUSS
 ‘Пусть они так живут, пусть они работают’.

7. Заключение

В настоящей работе мы рассмотрели морфологию энецких императивных форм. Мы показали, что, хотя традиционно речь идет лишь о морфологическом различии гортатива (форм 1 л.) vs. императива (форм 2–3 л.), в действительности энецкие императивные формы образуют четыре автономных парадигмы. Во-первых, серия форм императива 2 л. ед. ч. резко противопоставляется всем прочим императивным и каким-либо другим модально-временным формам, имея ряд идиосинкратических морфологических особенностей, касающихся использования глагольных основ. Во-вторых, юссивные формы 3 л. образуются при помощи особой серии лично-числовых показателей, что в целом нехарактерно для системы энецкого глагола. В-третьих, гортативные формы 1 л. образуются стандартным для энецкого глагола способом: они имеют специализированный показатель, а для лично-числового согласования используют стандартные лично-числовые показатели. Наконец, в-четвертых, специализированные императивные формы 2 л. дв. и мн. ч. в энецком языке отсутствуют, в соответствующей функции используются формы аориста.

С одной стороны, рассмотренные данные энецкого языка в основном представляют собой яркую иллюстрацию связанных с императивом типологических тенденций (см. [Храковский (ред.) 1992], [Гусев 2013], [Aikhenvald 2010]): лично-числовая парадигма императива морфологически крайне неоднородна, абсолютно особый морфологический статус имеют формы 2 л. ед. ч., императивная парадигма включает неспециализированные формы, первичная функция которых — индикативная. С другой стороны, то обстоятельство, что неспециализированные формы используются для 2 л., при том

что для 3 л. и даже 1 лица имеются специализированные формы, нарушает т. н. «императивную иерархию» (см. [Гусев 2013: 54–56]), которая предсказывает, в частности, бóльшую обязательность наличия в языке специализированных императивных форм всех чисел 2 л., чем для каких-либо форм 1 и 3 лиц.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CONN — коннегатив; CONT — «контрастная» серия лично-числовых показателей; CVB.COND — деепричастие условия; DAT — датив; DU — дв. число; HAB — хабитуалис; HORT — гортатив; IMP — императивная серия лично-числовых окончаний; JUSS — юссивная серия лично-числовых окончаний; M — медиальная согласовательная серия; MULT — мультипликатив; NEG — отрицательный глагол; NMLZ — имя действия; OBL — косвенный падеж; PL — мн. число; PROB — пробабилитив; S — субъектная согласовательная серия; SG — ед. число; SO_{du} — субъектно-объектная согласовательная серия для объекта мн. числа; SO_{nsg} — субъектно-объектная согласовательная серия для объекта дв. и мн. числа; SO_{pl} — субъектно-объектная согласовательная серия для объекта мн. числа; SO_{sg} — субъектно-объектное спряжение для объекта ед. числа; TRANSL — транслатив.

Литература

- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Прокофьев 1937 — Г. Н. Прокофьев. Энецкий (енисейско-самоедский диалект) // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М. — Л.: Учпедгиз, 1937. С. 75–90.
- Сорокина 1975 — И. П. Сорокина. Морфология глагола энецкого языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Институт языкознания АН СССР, Л., 1975.
- Сорокина 2010 — И. П. Сорокина. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010.
- Терещенко 1966 — Н. М. Терещенко. Энецкий язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 438–457.
- Урманчиева — А. Ю. Урманчиева. Глагольная морфология тундрового диалекта энецкого языка. Рукопись.
- Хелимский — Е. А. Хелимский. Материалы к словарю энецкого языка. Рукопись. http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten_/Helimski-Enzisch.zip
- Храковский 1992 — В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб: Наука, 1992.
- Aikhenvald 2010 — A. Y. Aikhenvald. Imperatives and Commands. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Castrén 1854 — M. A. Castrén. Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.

Künnap 1999 — A. Künnap. Enets. München: Lincom, 1999.

Siegl 2013 — F. Siegl. Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.

Dejan Matić, Cecilia Odé

*Max Planck Institute for Psycholinguistics, Nijmegen
Universiteit van Amsterdam, Amsterdam*

ON PROSODIC SIGNALLING OF FOCUS IN TUNDRA YUKAGHIR¹

1. Introduction

It is commonly assumed in the theoretical literature on focus that there is an intimate relationship between prominent pitch accents and focus. This belief is exemplified in a number of rules and principles aiming to capture this assumed universal correspondence. The following list is a selection of more prominent focus-accent rules:

(1) **Basic Focus Rule:** An accented word is F(ocus)-marked.
[Selkirk 1995: 555]

Stress-Focus Correspondence Principle: The focus of a clause is a(ny) constituent containing the main stress of the intonational phrase, as determined by the stress rule. [Reinhart 1995: 62]

Focus: A Focus-marked phrase contains an accent.
[Schwarzschild 1999: 1730]

Stress-Focus: A focused phrase has the highest prosodic prominence in its focus domain. [Féry & Samek-Lodovici 2006: 135–6]

Focus Prominence: Focus needs to be maximally prominent.
[Büring 2010: 178]

The variation of focus readings depending on the position of the main stress is shown by the following Russian sentences, which differ

¹ The present paper is based on data collected during a fieldtrip to the villages of Andryushkino and Chersky in 2010. The first author's fieldwork was supported by the Research Group on Syntax, Typology, and Information Structure, Max Planck Institute for Psycholinguistics, Nijmegen, the Netherlands. The second author's work is a part of the NWO-funded project 'Tundra Yukaghir, a nearly extinct Paleo-Asian Isolate in Arctic Russia', ACLC, Universiteit van Amsterdam, the Netherlands. Both authors hereby express their gratitude to their respective institutions.

only in the assignment of the main pitch accent (small caps indicate the position of the main stress):

- (2) a. *Мальчик съел ЯБЛОКО.* (Что мальчик съел?)
b. *Мальчик СЪЕЛ яблоко.* (Что сделал мальчик с яблоком?)
c. *МАЛЬЧИК съел яблоко.* (Кто съел яблоко?)

From the point of view of familiar European languages the rules in (1) may indeed seem to hold true universally. However, a broader look at the world's languages uncovers that the stress-focus correspondence is far from universal. In a considerable number of cases, it is not the sentence stress (i.e. the most prominent pitch movement in the clause) that indicates the position of focus, but rather some other prosodic feature. Thus, in many tone languages, it is not the assignment of the pitch accent that is relevant for focus interpretation, but rather the local changes in the pitch range, as demonstrated by Xu [Xu 1999] for Mandarin Chinese and by Kügler and Genzel [Kügler, Genzel 2009] for Akan. Many languages use intonational phrasing in order to indicate focus, which is thus independent from pitch movements (cf. e. g. [Pierrehumbert, Beckman 1988] for Japanese, [Kanerva 1990] for Chicheŵa, [Koch 2008] for Thompson River Salish, [Helmuth 2009] for Egyptian Arabic). There are also other types of focus marking which are not based on pitch prominence [Selkirk 2004].

More important for our present purpose, there are languages in which there is no correlation whatsoever between focusing and prosody. The most famous case of complete dissociation of focus and prosody is certainly Wolof, as described by Rialland and Robert [Rialland, Robert 2001]; other cases include Navajo [McDonough 2002], Kuot [Lindström, Remijsen 2005], Sotho [Zerbian 2007], and, in certain contexts, Hausa [Hartmann, Zimmermann 2007]. It is striking that most of the languages without the focus-prosody correlation are to a larger or smaller extent equipped with various types of focus morphology — this holds true for Wolof, Navajo, and Hausa, among others. The question that naturally arises in this context is whether in languages in which focus is marked morphologically, the correlation between focus and prosodic prominence tends to be weak or absent, i. e. whether some kind of linguistic economy prevents double marking of one semantic/pragmatic

value, focus, by means of both morphemes and pitch movements or other prosodic means².

One purpose of this paper is to test this tendency in a language with a highly complex morphological focus system, Tundra Yukaghir (TY). The focus marking in TY is mixed: in some cases it includes dedicated focus morphology, in others not (cf. Section 2 for details). It is therefore an ideal testing ground for the hypothesis of language economy preventing the co-existence of prosodic and morphological focus marking. If this hypothesis is on the right track, the prosody should play a role only in those cases where no focus morphology is used; if it turns out that this is not the case, we must allow for the simultaneous and redundant existence of multiple focus encoding strategies in a language.

Yet another, perhaps more important goal is to contribute to the understanding of the prosodic properties of this moribund language: TY has only few speakers left (see below), and it is essential to document all aspects of its linguistic system as extensively as possible.

The paper is organised as follows. Sections 2 and 3 contain basic data on Tundra Yukaghir and its focus system and the description of the experiment used to elicit data. The results are presented in Section 4 and commented upon in Section 5, which also contains some tentative conclusions.

2. Tundra Yukaghir focus system

Together with the now practically extinct Kolyma Yukaghir (3 full speakers as of 2011, fielddata DM), Tundra Yukaghir is the only remnant of what used to be one of the dominant languages/language families of north-eastern Siberia, spreading from the River Anadyr in the east to the River Lena in the west. On the basis of the meagre evidence of early sources, it can be assumed that there existed a Yukaghir dialect continuum, with what is today TY and KY at the extremes [Nikolaeva 2006, 2008].

² Note that even in those languages with focus morphology in which certain prosodic correlates of focus have been identified, such as Akan in Kügler and Genzler's [2009] interpretation, these correlations tend to be weak: K&G [2009: 18] notice that the F0 range lowering, the supposed correlate of morphological narrow foci in Akan, is statistically insignificant.

Currently, Tundra Yukaghir is spoken in the tundra west of the lower reaches of the Kolyma River by ca. 60 people³.

Yukaghir languages are well known for their elaborate focus systems [Krejnovič 1958, 1982, Comrie 1992, Fortescue 1998, Maslova 2005]. Somewhat simplified, the system looks as follows.

Focused core arguments, direct objects and subjects of intransitive verbs, are obligatorily marked with a dedicated focus case suffix (*-le(ŋ)* or *-(e)k*) and special sets of object-focus and subject-focus agreement suffixes on the verb, as illustrated in (3) and (4):

- (3) *Neme-leŋ ije:-meŋ?*
what-FOC fear-OF.1/2SG
Labunme-leŋ ije:-meŋ.
ptarmigan-FOC fear-OF.1/2SG
'What do you fear?' — 'I fear ptarmigans'. [Kurilov 2005: 240]
- (4) *Mon-ŋi tet-ek werwe-l.*
say-INTR.3PL you-FOC be.strong-SF
Ele:ń, köde-leŋ werwe-l.
no man-FOC be.strong-SF
'They say that YOU are strong.' — 'No, it's the man that is strong'. [Kurilov 2005: 242]

The same strategy seems to be used in wide focus contexts, when the whole VP (i.e. the object and the verb, cf. (5)) or the clause (i.e. the subject and the verb, cf. (6)) is focused:

- (5) [What do you do for living?]
Met qajser-leŋ wie-nun-meŋ
I ski-FOC make-HAB-OF.1/2SG
'I make skis'. (fielddata DM 2010)
- (6) [What is going on?]
Ilije-leŋ werwe-mu-l!
wind-FOC be.strong-INCH-SF
'The wind has got strong!' (fielddata DM 2009)

³ Villages of Andryushkino and Kolymskoe: 45–50 speakers, village of Chersky: 9 speakers, Yakutsk: 3 speakers (fielddata CO & DM 2010).

If the verb is focused, the strategy is different: there is no focus marking on core constituents, the verb has the so-called neutral agreement set, and the proclitic particle *me(r)=* is attached to the verb:

- (7) *Eld'e, tuŋ köde el=amud'i:-mek?*
 DP this man NEG=love-TR.2SG
Mer=amud'i:-ŋ.
 VF=love-TR.1SG

‘What, you don’t like that man?’ — ‘I do like him’.

[Kurilov 2005: 304]

If an oblique argument or an adjunct is focused, core arguments do not get focus marking, the verb carries neutral agreement suffixes, but lacks the particle *me(r)=*, and the focused argument/adjunct is usually in the immediately preverbal position [Comrie 1992, Fortescue 1998]:

- (8) *Qaduŋudenŋ kew-ej?*
 whither go-PF(3SG)
Moskva-ŋiñ kew-eč.
 Moscow-DAT go-PF.INTR(3SG)

‘Where did he go?’ — ‘He went to Moscow’.

(fielddata DM 2008)

The main features of this intricate system are summarized in Table 1⁴.

Table 1: Morphosyntax of the Tundra Yukaghir focus system

	focus case + focus agreement	neutral agreement	particle <i>me(r)=</i>
Focus on S/O	+		
Broad focus VP/cl.	+		
Focus on oblique		+	
Focus on verb		+	+

⁴ Narrow focus on the subject of transitive verbs is characterized by zero marking of the subject and zero agreement on the verb [Krejnovič 1958, 1982]. This focus type is subject to various idiosyncratic variations in TY, and the speakers are often unsure about its proper use. Our data on this structure is thus still incomplete and it will not be dealt with in this paper.

The question we are addressing in this paper is whether the elaborate morphosyntactic marking of focus in Tundra Yukaghir is paired with prosodic means, and what these prosodic means are. In order to investigate this, a production experiment was devised and performed with a number of speakers of Tundra Yukaghir in the villages of Andryushkino and Chersky. The details of the experimental setup are explained in Section 3.

3. Experiment

The experiment is based on contextualised question-answer (Q-A) pairs constructed so as to represent the five basic formal types of focus marking in TY: subject, object, and broad VP/sentence focus, (focus case, focus agreement), verb focus (particle *me(r)=*, neutral agreement), and focus on an oblique (no special marking, neutral agreement). The additional variable of contrast is introduced via context manipulation: all types appear in two variants, with a contrastive and a non-contrastive context. In this way, the number of focus types covered amounts to ten (subject focus non-contrastive, subject focus contrastive, object focus non-contrastive, etc.). For all ten types, 3 or 4 Q-A pairs were constructed. The stimulus material thus comprises the total of 33 Q-A pairs.

Four speakers of TY, between 55 and 65 years old, were chosen for the experiment. They were all born in the tundra in the families of native speakers of TY. All four speakers are literate in TY and fully master the skills of reading, writing, speaking and understanding. They live in their native environment. A potential problem for the experiment is that all TY speakers are at least bilingual and often use Yakut or Russian in daily conversation. In order to counter the potential impact of other languages, speakers were asked to tell a short story in TY before the actual recording, so that they could completely switch to TY pronunciation and prosody. The text of Q-A pairs was presented on a computer screen and read twice. If hesitations occurred, speakers were asked to read the pair again. It was only the second, more fluent and natural recording that was subject to the analysis (cf. [Zerbian 2007] and [Himmelmann, Ladd 2008] on the use of reading in intonation experiments).

Recordings were made with an Edirol R-9 recorder at a sample frequency of 44KHz (CD-quality) and a high-quality Samson QV cardioid directional headset-microphone. They were measured for pitch and analysed by means of software packages for speech processing *Praat*, version 5.1.31

(2010, Paul Boersma and David Weenink, www.fon.hum.uva.nl/praat), and *Gipos* v2.3 (2001, Leo Vogten and Ercan Gigi, former Institute for Perception Research, TU Eindhoven/NatLab Philips). The description of perceptual pitch prominence is based on the instrumental analysis of the utterances. Pitch contours were investigated for abrupt changes or more salient movements than in the surrounding words.

A word on notational conventions: configurations of pitch movement ‘rise&fall’ or ‘fall&rise’ occur in the same syllable, whereas ‘rise and fall’ or ‘fall and rise’ occur in different syllables.

4. Results

The stimulus material used in the experiment allows for generalisations across different focus marking types, their scopal properties and their sensitivity to the explicit limitation of the number of alternatives (contrast). In the present paper, we shall confine ourselves to shedding some light on two major questions, leaving the scopal and other questions for future research. These questions are:

- A Do foci which are rendered prominent via morphological marking also display redundant prosodic prominence?
- B If the answer to A is affirmative, is the type of prosodic prominence identical across different focus markings (focus case, verbal particle, zero marking)?

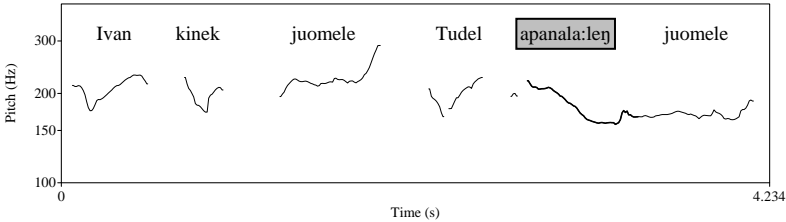
In order to answer these questions, we will discuss the prosody of the three major focus marking categories — focus case (focused S’s and O’s), particle *me(r)*= (focused verbs), and zero marking (focused obliques).

4.1. Focus case: focused objects and subjects

As described in Section 2, focused objects and subjects carry focus case morphemes *-le(ŋ)* or *-(e)k*; the verb agreement is of the object or subject focus type. In our experimental material, objects with focus case marking are regularly associated with a clearly audible pitch prominence. There is first a sharp fall of F₀ on the object; this falling pitch is followed by low level pitch. This is illustrated in the following example, involving focus on the word *apanala*: ‘old woman’:

- (9) *Ivan kin-ek juo-mele?*
 Ivan who-FOC see-OF.3SG
Tude-l apanala:-lej juo-mele.
 3SG-NOM old.woman-FOCsee-OF.3SG
 ‘Who did Ivan see?’ — ‘He saw the old woman’.

Figure 1: F0 contour of (9) with focus on the object *apanala:lej*

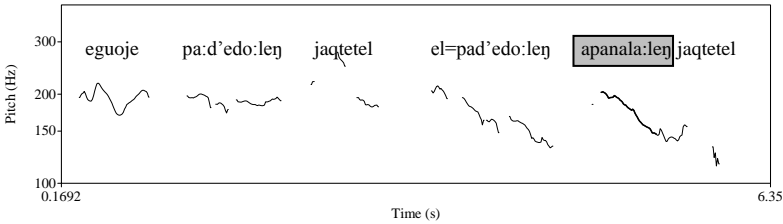

Focused object *apanala:lej* is acoustically the most prominent segment in the answer; the prosodic pattern it displays is a steep fall (highlighted segment in Fig. 1) followed by low level pitch.

This type of prosodic marking — prominent fall followed by low level pitch — occurs not only on focus-marked objects, but also on focus-marked subjects. Consider example (10), with the same word form, *apanala:lej* (old.woman-FOC), in the role of the focused subject of an intransitive verb:

- (10) *Eguojie pa:d'eduo-lej jaqte-te-l?*
 tomorrow girl-FOC sing-FUT-SF
El=pa:d'eduo-lej, apanala:-lej jaqte-te-l.
 NEG=girl-FOC old.woman-FOC sing-FUT-SF
 ‘Will the girl sing tomorrow?’ — ‘Not the girl, the old woman will sing’.

Figure 2: F0 contour of (10) with focus on the subject *apanala:leŋ*⁵

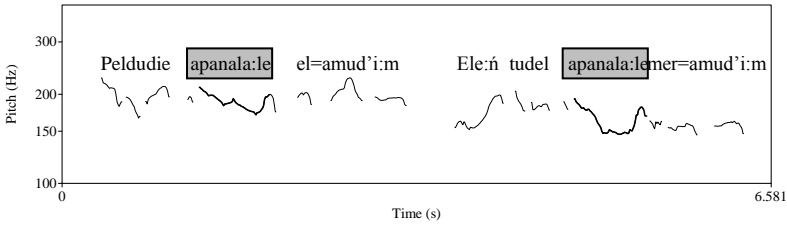

Focus-marked subjects, as is visible in Fig. 2, display the same prosodic pattern as focus-marked objects — acoustic prominence, pitch fall on the focus followed by low level pitch (observe also the identical contour on the subject *el=pa:d'eduoleŋ*, the contrastive counterpart of *apanala:leŋ*).

In order to count as focus marking proper, i. e. as a dedicated prosodic means to mark focus, the pitch properties of focus-marked subjects and objects must differ from the prosodic characteristics of subjects and objects which have no focus marking. We have tested this with examples containing the same word, *apanala:*, in the role of a non-focus-marked subject/object. Consider example (11):

- (11) *Peldudie apanala:-le el=amud'i:-m?*
 old.man old.woman-ACC NEG=love-3SG.TR
Ele:ń, tude-l apanala:-le mer=amud'i:-m
 no 3SG-NOM old.woman-ACC VF=love-3SG.TR
 ‘The old man doesn’t love the old woman?’ — ‘No, he does love the old woman!’

⁵ Pitch could not be measured in the final syllables of *jaqtetel* as it was pronounced in an almost creaky voice.

Figure 3: F0 contour of (11) with the non-focus-marked object *apanala:le*

The pitch movements on non-focus marked *apanala:le* in (11) (both Q and A; highlighted) are strikingly different from those on focus-marked *apanala:lej* in (9) and (10): whereas the latter have the form of a continuous pitch fall followed by low level pitch, the former, non-focal pitch movements, surface as a fall&rise in the second-to-last syllable and lack acoustic prominence characteristic for focus-marked core arguments. In other words, prominent falling pitch does indeed seem to be a dedicated prosodic marker of focus with focus marked subjects and objects.

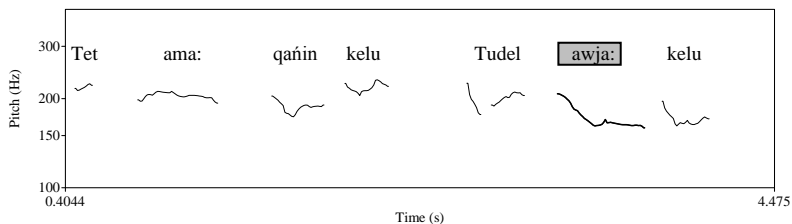
4.2. Focused obliques

The first question to which this paper attempts to answer, that of redundant prosodic marking of focus-marked subjects and objects, is thus resolved: morphological and prosodic means of focus marking are not mutually exclusive in TY; arguments marked with the focus case *-le(ŋ)/-(e)k* are also marked with a prominent pitch fall.

Our second question pertains to the generality of the prosodic focus marking across different morphological focus marking types: How are zero-marked and verb-particle-marked foci realised prosodically, and in what relation does their prosodic realisation stand with the prominent falling pitch of foci with focus case? In what follows, we shall first deal with the cases of zero marking, i. e. those with focus on oblique arguments and adjuncts, which neither carry the focus case suffix nor are combined with the focus agreement morphemes on the verb. The prosodic properties of these elements are illustrated with examples containing focused and non-focused instances of the word *awja*: ‘yesterday’. Consider first a focused *awja*:

- (12) *Tet ama: qan'in kelu?*
 2SG father when arrive(3SG.INTRG)
Tude-l awja: kelu-j.
 3SG-NOM yesterday arrive-3SG.INTR
 ‘When did your father arrive?’ — ‘He arrived yesterday’.

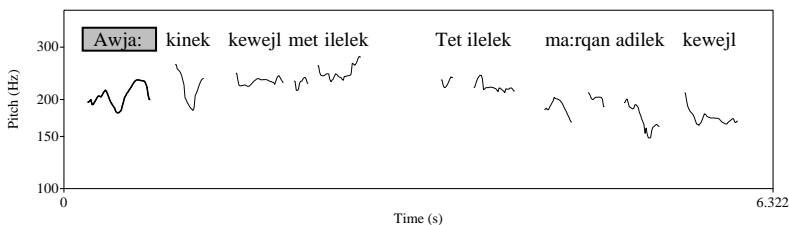
Figure 4: F0 contour of (12) with the zero-marked focused adjunct *awja:*

Zero-marked focused *awja:* has the same kind of pitch prominence as focus-marked S/O's, realised with the salient fall followed by a low level pitch. For comparison, an instance of non-focused *awja:* is given in the question part of (13):

- (13) *Awja: kin-ek kewe-j-l met ile-lek?*
 yesterday who-FOC leave-SF 1SG reindeer-INST
Tet ile-lek ma:rqa-n adil-ek
 2SG reindeer-INST one-ATTR young.man-FOC
kewe-j-l
 leave-SF
 ‘Who left on my reindeer yesterday?’ — ‘A young man left on your reindeer’.

Figure 5: F0 contour of (13) with the non-focal adjunct *awja:*

In contrast to the focal oblique with its prominent pitch fall, the non-focal *awja:* is realised with a non-salient rise on the stressed syllable. Non-prominent rise or fall&rise are regular pitch realisations of non-focused obliques. Focused obliques, while morphologically zero-marked, are in our stimulus material invariantly pronounced with the contour illustrated in (12), a prominent fall with the following low level pitch. This prominent pitch movement is identical to that occurring with focus-marked core arguments (cf. examples (9) and (10)). In other words, irrespective of the type of morphological focus marking (focus case vs. zero), focused elements of TY clauses receive the same type of prosodic prominence.

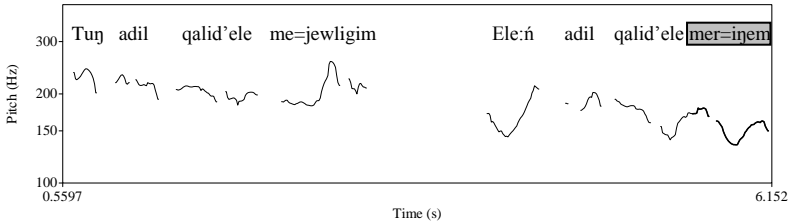
4.3. Focused verbs

The last focus marking type we discuss in this paper are focused verbs, whose focal status is morphologically marked with the proclitic particle *me(r)=*. Since TY is a verb-final language, focused verbs tend to occur on the right edge of the utterance and are therefore the primary carriers of boundary tones. This makes their analysis in terms of focus prosody somewhat less straightforward than in the previous two cases. However, we were able to disentangle the pitch movements related to verb focus from the default boundary tone, at least in declarative sentences. The relationship of boundary tones and focus prosody in polar questions is more intricate and will be the object of a later study.

According to our analysis, the boundary tone in declarative clauses, or, more precisely, in non-contrastive answers to questions, is invariably a rise, occasionally followed by a half fall; in polysyllabic words (i. e. almost all TY verb forms), this rise is realised on the last syllable. Consider example (14):

- (14) *Tu-ŋ adil qa:lid'e-le me=jewligi-m?*
 dem-ATTR young.man wolf-ACC VF=like-3SG.TR
Ele:ń, adil qa:lid'e-le mer=injie-m.
 no young.man wolf-ACC VF=fear-3SG.TR
 'Does the young man like wolves?' — 'No, he is afraid of the wolves'.

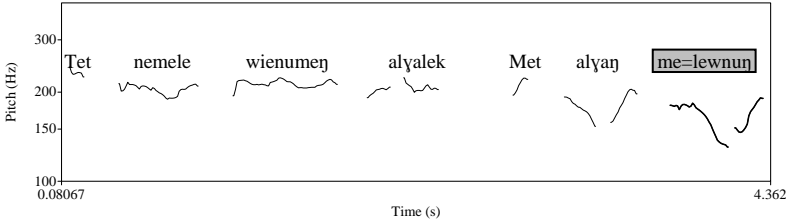
Figure 6: F0 contour of (14) with a *me(r)*-marked focused verb in the answer

The last syllable of the verb form *mer=iŋiem* is characterised by a rise&half fall, spread over the syllable. *ŋiem*. The same type of pitch movement on the final syllable of the utterance can be seen in examples (9) and (12), as well as in (15) and (16) below. What is of interest here is that the first two syllables of the verb (*me.ri.*), most notably the second (*ri.*), carry the same prominent pitch movement that has been observed with marked S/O foci and with non-marked oblique foci: a steep prominent fall. We thus tentatively propose to treat the fall and rise and half fall contour on *mer=iŋiem* in (14) (highlighted) as consisting of two distinct prosodic units: the focus-marking fall on the first two syllables and the boundary-marking rise&half fall on the last syllable. This hypothesis is strengthened, first, by the occurrence of the rising pitch with an optional half fall on clause boundaries independently of the type of focus marking in the clause, and second, by the absence of the prominent pitch fall on the first syllables of verbs without the particle *mer=*, i. e. without a focus on the verb. Both of these points are illustrated by examples (15) and (16):

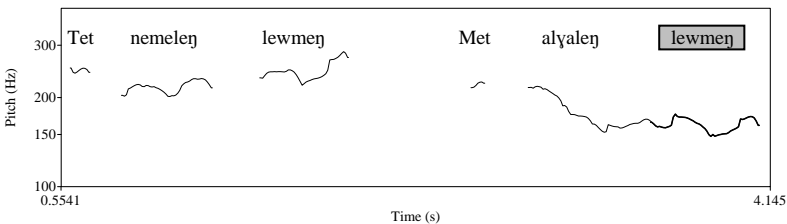
- (15) *Tet neme-le wie-nu-meŋ alya-lek?*
 2SG what-FOC do-PROG-OF.1/2SG fish-INST
Met alyaŋ me=lew-nu-ŋ.
 1SG fish VF=eat-PROG-1SG.TR
 ‘What are you doing with the fish?’ — ‘I am eating the fish’.

Figure 7: F0 contour of (15) with the *me(r)*-marked focused verb *lew-* in the answer

- (16) *Tet neme-leŋ lew-meŋ?*
 2SG what-FOC eat-OF.1/2SG
Met aly-a-leŋ lew-meŋ.
 1SG fish-FOC eat-OF.1/2SG
 ‘What did you eat?’ — ‘I ate fish’.

Figure 8: F0 contour of (16) with the non-focused form of the verb *lew-* in the answer

In both examples, the last syllable of the verb *lew-* ‘eat’ (*.nuŋ* in (15) and *.meŋ* in (16)), despite different focus structures of these two sentences, is realised with a rising pitch, with or without a half fall. This contour thus seems to be independent of information structure and is probably best viewed as a kind of boundary tone. The pitch of the first syllables of *lew-*, however, differs considerably. In (15), where *me(r)* unequivocally marks the verb as focused, the pitch on the first two syllables, *me.lew.*, displays an acoustically prominent steep fall of the focus-marking type. No such movement is audible in the first syllable of the non-focused *lewmeŋ* in (16). We may therefore deduce

that the pitch fall in the first syllable(s) of sentence final verbs is indeed a focus marker observed with other focus types.

In sum: focused verbs marked with *me(r)*= display the same kind of prosodic focus marking as focused S/O's with focus case and focused obliques without morphological focus marking; in all of these cases, the prosodic focus marker is a prominent pitch fall. This prosodic marking occurs without exceptions in all sentences produced by our speakers in the experiment.

5. Discussion and tentative conclusions

The experimental data strongly suggest that TY has a dedicated prosodic marker of focus in the form of a prominent falling pitch on the focused element. The realisation of this prosodic marker is independent of the way the focus is marked morphologically: it appears invariantly with all three major formal types of focus in TY (focus case, particle *me(r)*=, zero marking), and on all kinds of constituents. Functionally, this prosodic signal appears to be redundant both in those cases in which focus is signalled with an overt morphological marker, as with focused core arguments and verbs, and in those cases where it is zero marking that unequivocally locates the focus, as with oblique foci.

Before attempting to draw some tentative conclusions from our findings, we must emphasise that the results presented in this paper are restricted both in terms of focus types taken into account and in terms of phonetic parameters of prominence measured. We have limited ourselves to narrow foci and have paid no attention to the variable of contrastiveness; the only phonetic value considered is pitch, while duration and intensity have been largely ignored. A full assessment of the prosodic correlates of focus in TY is thus still far from completed. What we have found out is that narrow foci in this language tend to be realised with prosodic prominence and with a distinct pitch movement; what the exact status of this phenomenon in the overall system of the TY intonation is remains to be investigated.

Despite their limited scope, we believe that our findings can contribute to the general typological picture of the distribution of formal means of focus marking. In Section 1, a number of approaches to focus have been briefly discussed which attempt to establish a universal one-to-one relationship between focus and prosodic prominence. Evidence from

languages lacking this purported universal correlation was adduced in order to show that this position is empirically untenable.

The fact that most of the languages without prosodic marking of focus possess developed morphological focus systems raises the question of the compatibility of morphological and prosodic means of marking focus. The idea behind this question is obviously that of linguistic economy: if a language has the grammatical category A in order to express focus, the principles of language economy should prevent it from using another grammatical category, B, to perform the same function. Tundra Yukaghir redundant prosodic focus marking clearly disconfirms this simple equation: a language with a morphological focus system can at the same time use prosodic prominence to signal the focal status of various sentence elements, and in a rather systematic way. This should come as no surprise in view of multiple redundancies attested in human languages in many grammatical subsystems, and in particular in the encoding of information structure: as Van Valin notes, in order to mark focus, languages can rely solely on word order, solely on intonation, or they can freely combine word order and prosodic signals [Van Valin 1999]. There is no principled reason for other combinations of marking devices not to be attested in natural languages, the combination of morphology and prosody documented in this paper being probably only one of them.

Abbreviations

1, 2, 3 — first, second, third person; ACC — accusative; ATTR — attributive; DAT — dative; DP — discourse particle; FOC — focus; FUT — future; HAB — habitual; INCH — inchoative; INST — instrumental; INTR — intransitive; INTRG — interrogative; NEG — negation; NOM — nominative; OF — object focus; PF — perfective; PL — plural; PROG — progressive; SF — subject focus; SG — singular; TR — transitive; VF — verb focus.

References

- Büring 2010 — D. Büring. Towards a typology of focus realization // M. Zimmermann, C. Féry (eds.). *Information Structure: Theoretical, typological and experimental perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 177–205.
- Comrie 1992 — B. Comrie. Focus in Yukagir (Tundra dialect) // H. Aronson (ed.). *The Non-Slavic languages of the USSR. Linguistic studies*. Chicago: CLS, University of Chicago, 1992. P. 55–70.
- Féry, Samek-Lodovici 2006 — C. Féry, F. Samek-Lodovici. Focus projection and prosodic prominence in nested foci // *Language* 82, 2006. P. 131–150.

- Fortescue 1998 — M. Fortescue. *Language Relations across Bering Strait: Reappraising the Archaeological and Linguistic Evidence*. London — New York: Cassell, 1998.
- Hartmann, Zimmermann 2007 — K. Hartmann, M. Zimmermann. In place — out of place? Focus in Hausa // K. Schwabe, S. Winkler (eds.). *On Information Structure, Meaning and Form: Generalizing across Languages*. Amsterdam: Benjamins, 2007. P. 365–403.
- Hellmuth 2009 — S. Hellmuth. The (absence of) prosodic reflexes of given/new information status in Egyptian Arabic // J. Owens, A. Elgibali (eds.). *Information Structure in Spoken Arabic*. Oxford: Routledge, 2009. P. 165–188.
- Himmelman, Ladd 2008 — N. Himmelmann, D. R. Ladd. Prosodic description. An introduction for fieldworkers // *Language Documentation and Conservation* 2, 2008. P. 244–274.
- Kanerva 1990 — J. Kanerva. *Focus and Phrasing in Chichewa Phonology*. New York: Garland, 1990.
- Koch 2008 — K. Koch. Focus projection in Nł̥ʔkepmxcin (Thompson River Salish) // C. B. Chang, H. J. Haynie (eds.). *Proceedings of the 26th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2008. P. 348–356.
- Krejnovič 1958 — E. A. Krejnovič. *Jukagirskij jazyk*. Moscow, Leningrad: Nauka, 1958.
- Krejnovič 1982 — E. A. Krejnovič. *Issledovanija i materialy po jukagirskomu jazyku*. Leningrad: Nauka, 1982.
- Kügler, Genzel 2009 — F. Kügler, S. Genzel. On the interaction of tonal register and pragmatic prominence — The case of tonal lowering in Akan. <http://www.ling.uni-potsdam.de/~kuegler/> (seen 15.02.2011)
- Kurilov 2005 — G. N. Kurilov. *Fol'klor jukagirov/Wadul odulnə fol'klorgi*. Moskva, Novosibirsk: Nauka, 2005.
- Lindström, Remijsen 2005 — E. Lindström, B. Remijsen. Aspects of the prosody of Kuot, a language where intonation ignores stress // *Linguistics* 43, 2005. P. 839–870.
- Maslova 2005 — E. Maslova. Information structure in Tundra Yukaghir and typology of focus structures // J. Fernandez-Vest (ed.). *Les langues ouraliennes aujourd'hui*. Paris: Honoré Champion, 2005. P. 599–610.
- McDonough 2002 — J. McDonough. The prosody of interrogative and focus constructions in Navajo // A. Carnie, H. Harley (eds.). *Formal Approaches to Functional Phenomena*. Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 191–206.
- Nikolaeva 2006 — I. Nikolaeva. *A Historical Dictionary of Yukaghir*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.

- Nikolaeva 2008 — I. Nikolaeva. Chuvan and Omok languages? // A. Lubotsky, J. Schaeken, J. Wiedenhop (eds.). *Evidence and Counter-Evidence. Festschrift Frederik Kortland*. Amsterdam: Rodopi, 2008. P. 313–336.
- Pierrehumbert, Beckman 1988 — J. B. Pierrehumbert, M. E. Beckman. *Japanese Tone Structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 1988.
- Reinhart 1995 — T. Reinhart. *Interface Strategies // OTS Working Papers in Linguistics*. Utrecht: Utrecht University OTS, 1995. P. 1–89.
- Rialland, Robert 2001 — A. Rialland, S. Robert. The intonational system of Wolof // *Linguistics* 39, 2001. P. 893–939.
- Schwarzschild 1999 — R. Schwarzschild. Givenness, AvoidF, and other constraints on the placement of accent // *Natural Language Semantics* 7, 1999. P. 141–177.
- Selkirk 1995 — E. Selkirk. Sentence prosody: Intonation, stress and phrasing // Goldsmith, J. (ed.). *The Handbook of Phonological Theory*. Cambridge, MA: Blackwell, 1995. P. 550–569.
- Selkirk 2004 — E. Selkirk. Bengali intonation revisited // C. Lee, M. Gordon (eds.). *Topic and Focus: A Cross-Linguistic Perspective*. Dordrecht: Springer, 2004. P. 217–246.
- Van Valin 1999 — R. D. Van Valin, Jr. A typology of the interaction of focus structure and syntax // E. Raxilina, J. Testelec (eds.). *Typology and the Theory of Language: From Description to Explanation*. Moscow: Languages of Russian Culture. P. 511–524.
- Xu 1999 — Y. Xu. Effects of tone and focus on the formation and alignment of F0 contours // *Journal of Phonetics* 27, 1999. P. 55–106.
- Zerbian 2007 — S. Zerbian. Investigating prosodic focus marking in Northern Sotho // E. O. Aboh, K. Hartmann, M. Zimmermann (eds.). *Focus Strategies: Evidence from African Languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 55–79.

VARIA

С. В. Краснощекова
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

СТАТУС ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ 3 ЛИЦА В РЕЧИ РЕБЕНКА¹

1. Введение

Посессивные отношения в русском языке могут выражаться формами существительных в родительном падеже (*книга мамы*), притяжательными прилагательными (*мамин*) и местоимениями (*мой*), сочетаниями с предлогом *у* (*у мамы, у меня*), а также глаголами *иметь, обладать, принадлежать* и др. Здесь мы рассматриваем только формы полнозначных существительных и прилагательных (в меньшей степени) и местоимений (в большей степени). Личные местоимения 1 и 2 лица обладают по сравнению с полнозначными именами редуцированным набором средств выражения посессивности. Притяжательным прилагательным соответствуют лично-притяжательные местоимения, сочетаниям существительных с предлогом *у* — сочетания личных местоимений с предлогом *у*, однако формы родительного падежа существительных без предлога, несущие посессивное значение, не имеют соответствия среди местоимений. Формы *меня, тебя* и т. д. не используются в посессивных контекстах. В 3 лице посессивность выражается двумя способами: формами *его, ее, их* и сочетаниями с предлогом *у*: *у него, у нее, у них*². При этом статус местоимений *его, ее, их* спорен. Их принято включать в число притяжательных местоимений (несклоняемых, в отличие от прочих) [Плотникова 1980: 531], однако диахронические и формальные основания позволяют рассматривать их как формы родительного падежа личных местоимений [Федорова 1965: 125]. Здесь мы следуем первой, более распространенной, точке зрения.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

² Заметим, что в просторечии возможен также изменяемый атрибутивный вариант — *евонный* (устаревшее), *ихний*.

В речи детей выделяются также особые «протопадежные» формы типа *мама* (*мама ниська* ‘мамина книжка’, *Оли сумка* ‘Олина сумка’³) и, на ранних этапах, «замороженные» формы, совпадающие с формами именительного падежа (ребенок, показывая на мамину расческу, говорит: «*Мама*», при указании на папин магнитофон — «*Папа*»). Среднестатистический ребенок приобретает представление о посессивности рано: уже на этапе однословных высказываний (голофраз) реплики наподобие «*Папа*» могут обозначать как самого референта, так и принадлежащие ему вещи. Это обычно происходит в возрасте 1;2–1;5⁴ лет. В дальнейшем ребенок осваивает другие способы выражения посессивных отношений, перечисленные выше. Из них наиболее распространенными являются притяжательные местоимения *мой* и *твой* и сочетания существительных и местоимений с предлогом *у*. Родительный принадлежности у существительных не является прототипическим для ребенка [Ионова 2007: 13] и возникает сравнительно поздно. Так как при освоении языка происходит окказиональное заполнение грамматических лагун, в речи ребенка возможны формы родительного падежа личных местоимений 1 и 2 лица со значением посессивности.

(1) *Я сын тебя.* (Женя Гвоздев, 6;8;87) [Гвоздев 1981]

Нашей задачей было выяснить, как к набору языковых единиц, выражающих посессивность, в ходе онтогенеза добавляются местоимения третьего лица *его*, *ее*, *их*, в каких отношениях эти местоимения состоят с другими средствами выражения посессивности на каждом этапе речевого развития, а также являются ли особенности освоения этих местоимений характерными только для русского языка. Объектом исследования являются притяжательные местоимения 3 лица в речи детей, предметом — причины позднего освоения и низкой частотности этих местоимений.

Можно выдвинуть несколько гипотез, объясняющих позднее появление и низкую частотность местоимений 3 лица относительно прочих притяжательных местоимений. Притяжательные местоимения 3 лица осваиваются поздно постольку, 1) поскольку поздно осваи-

³ Примеры из [Цейтлин 2007].

⁴ Здесь и далее возраст ребенка обозначается в формате «количество полных лет; месяцев; (дней)».

ваются косвенные формы местоимения *он*; 2) поскольку притяжательные местоимения вообще осваиваются позже личных; 3) поскольку поздно осваиваются формы родительного падежа существительных со значением посессивности; 4) поскольку до определенного возраста ребенок не испытывает необходимости в дополнительных средствах выражения посессивности 3 лица.

2. Материал

В качестве материала использованы записи детской речи из Фонда данных детской речи РГПУ им. А. И. Герцена и Института лингвистических исследований РАН и Интернет-базы CHILDES: лонгитюдные родительские дневники и расшифровки аудио- и видеозаписей в формате CHILDES (<http://childes.psy.cmu.edu>). Основная часть высказываний принадлежит 6 детям (2 девочкам и 4 мальчикам). Возраст детей колеблется от 1;8 (возраст, в котором в нашем материале у одного из детей зафиксировано первое притяжательное местоимение *мой*) до 4 лет (в нашем материале отсутствуют записи старших детей). Общее количество контекстов с притяжательными местоимениями составило 500; с личными — 2600.

Для получения данных о том, насколько универсальными являются особенности освоения притяжательных местоимений, было решено привлечь к сравнению язык с развитой именной морфологией. Был выбран польский язык, в котором притяжательные местоимения 3 лица омонимичны формам родительного падежа, но отсутствует регулярно используемая конструкция, соответствующая русской *у него*. Использовались материалы из Интернет-базы CHILDES: расшифровки записей спонтанной речи польских детей в возрасте от 1 до 7 лет. Для более точного сравнения с русским языком верхняя граница возраста была сужена до 4;0. Из записей речи 13 детей было получено 277 словоупотреблений притяжательных местоимений.

3. Возраст появления местоимений в речи детей

Известно, что средства выражения посессивности появляются в речи ребенка в следующем порядке: 1) голофразы с посессивным значением — «замороженные» формы, омонимичные формам существ-

вательных в именительном падеже. Затем возникают 2) притяжательные прилагательные и местоимения; конструкции «у + Р. п.». Следом идут 3) формы родительного падежа существительных без предлога [Андреева 2001; Еливанова 2004]. Притяжательные местоимения 1 и 2 лица, согласно нашим данным, появляются в возрасте от 1;10 до 2;2⁵. В примерах приведены первые зафиксированные в нашем материале случаи употребления местоимений.

(2) *Машинка моя такая оранжевая.* (Филипп, 1;8;19)

(3) *Забыла... зонтик... наш.* (Лиза, 1;10;10)

Местоимения 3 лица *его, ее, их* возникают позже других притяжательных местоимений (*мой, твой, наш, ваш*), но раньше форм родительного падежа существительных с посессивным значением (*волчаток мама* (Аня, 2;11,25)). Между появлением притяжательных местоимений 1 и 2 лица и 3 лица у разных детей в нашем материале проходит от 5 (Филипп) до 13 (Лиза) месяцев. Основное количество контекстов с анализируемыми формами приходится на возраст 2;4–2;6 и позже.

(4) Р: *Нет, это не кружочек, вот это кружочек, вот-вот-вот, их ванна такая, ванна...* — Мама: *А, зверюшек это ванна?* (Лиза, 2;11;6)

(5) Р: *И здесь бабочка.* — Мама: *Бабочка.* — Р: *Ее дом берет [муравей].* (Филипп, 2;1;6)

(6) *Где его [медвежонка] мама?* (Аня, 2;6;5)

Притяжательные местоимения 1 и 2 лица относятся к местоимениям, осваивающимся рано. Параллельно с ними в речи ребенка возникают личные местоимения *я, ты, он, мы* и указательные *этот, там* и *здесь*. Притяжательные местоимения 3 лица можно отнести к группе местоимений, осваивающихся поздно. Параллельно с ними появляются лексемы *себя, свой, такой, тот, вы*.

Местоимения 3 лица отличаются от других притяжательных не только по возрасту появления, но и по частотности в речи ребенка. Их доля составляет 9% от всех обнаруженных притяжательных местоимений. Личные местоимения 3 лица при этом

⁵ Возрастные границы индивидуальны для каждого ребенка.

Притяжательные местоимения в речи ребенка

занимают около 30% от всего корпуса личных местоимений (учитывались словоупотребления).

Таблица 1. Личные и притяжательные местоимения в детской речи: общее количество словоупотреблений

	3 лицо	всего
личные	870 (33,5%)	2600 (100%)
притяжательные	46 (9,2%)	500 (100%)

Притяжательные местоимения 3 лица по двум параметрам (возраст появления и частотность) занимают в языковой системе ребенка более слабое положение по сравнению с личными местоимениями 3 лица, с одной стороны, и притяжательными местоимениями 1 и 2 лица, с другой.

Анализ речи взрослых собеседников детей в нашем материале показывает, что количество личных местоимений 3 лица в речи взрослых, как и в речи детей, составляет около 30% от общего количества личных, однако притяжательные местоимения употребляются в 2 раза чаще, чем у детей.

Таблица 2. Личные и притяжательные местоимения в речи взрослых: общее количество словоупотреблений

	3 лицо	всего
личные	5163 (31,3%)	16489 (100%)
притяжательные	91 (20,7%)	440

Влияние инпута (речи взрослых, которую воспринимает ребенок) прослеживается, однако не полностью объясняет низкую частотность и позднее появление притяжательных местоимений 3 лица в речи ребенка.

4. Освоение ребенком местоимений 3 лица

Рассмотрим подробнее каждую из гипотез, объясняющих позднее появление и низкую частотность местоимений 3 лица относительно прочих притяжательных местоимений: 1) позднее освоение косвенных форм местоимения *он* (*им*, *ему* и т.д.) относительно дефолтных; 2) позднее освоение притяжательных местоимений относительно личных; 3) позднее освоение форм родительного падежа

существительных с посессивным значением относительно других форм; 4) отсутствие необходимости в дополнительных средствах выражения посессивности 3 лица.

1. Притяжательные местоимения 3 лица осваиваются поздно постольку, поскольку поздно осваиваются косвенные формы местоимения *он*. Можно предположить, что, если парадигма местоимения *он* освоена недостаточно хорошо, форма *его* не может появиться в речи. Однако предположение не подтверждается: местоимение *он* начинает употребляться в возрасте около 2 лет, и к моменту появления первых притяжательных местоимений 3 лица косвенные формы уже активно используются, в том числе омонимичная форма винительного падежа *его*.

2. Притяжательные местоимения 3 лица осваиваются поздно постольку, поскольку притяжательные местоимения вообще осваиваются позже соответствующих личных. В этом случае можно предположить, что местоимения 3 лица повторяют путь местоимений 1 и 2 лица, но с опозданием. Местоимение *я* (и иногда *ты*) объективно появляется на несколько месяцев раньше, чем *он* (в нашем материале разрыв составляет у разных детей от одного до трех месяцев). Можно было бы предположить, что формы местоимения *он* осваиваются постепенно в той же последовательности, что и формы местоимения *я*. Однако у большинства детей форма *мой* возникает практически одновременно с формой *я*. По мнению Г. Р. Добровой, посессивность имеет тенденцию усваиваться раньше персональности при восприятии речи (ребенок начинает понимать *у меня, мое* раньше, чем *я*) и немного раньше или одновременно с персональностью при продуцировании [Доброва 2001: 255–256]. Это утверждение, однако, распространяется только на местоимения 1 и 2 лица: у местоимений 3 лица посессивность усваивается позже персональности. Гипотеза о более позднем освоении притяжательных местоимений вообще по сравнению с личными не подтверждается.

3. Притяжательные местоимения 3 лица осваиваются поздно постольку, поскольку поздно осваиваются формы родительного падежа существительных со значением посессивности. В этом случае можно предположить, освоение местоимений 3 лица происходит по тому же пути, что и освоение полных имен, но с опозданием. Действительно, если сопоставить цепочки «*мама — (мамин) —*

у мамы — мамы» и «она — у нее — ее», заметно, что такая закономерность существует. В этом случае или притяжательному прилагательному, или форме родительного падежа в цепочке имен не соответствует никакой формы в цепочке местоимения. Можно было бы сделать вывод, что ребенок, не готовый употреблять родительный падеж существительного для выражения посессивности, испытывает затруднения и при использовании местоимения. Но в речи детей *его* появляется раньше, чем родительный падеж существительных с посессивным значением. Родительный падеж существительных употребляется в постпозиции к главному слову, тогда как притяжательные местоимения 3 лица — в препозиции, что сближает их с притяжательными прилагательными и местоимениями типа *мой*. Местоимения 3 лица, таким образом, обладают в речи детей особым статусом как нечто среднее между классическими притяжательными единицами и классическими падежными формами имен, не являясь ни тем, ни другим.

В этом отношении местоимения 3 лица можно сравнить с посессивными протоформами существительных, которые присутствуют в речи детей на этапе двусловных высказываний и внешне совпадают с формами родительного падежа («Мами книжка»). С. Н. Цейтлин предлагает для таких форм три интерпретации, отмечая, что при наличии контекста неоднозначность снимается: формы являются (а) усеченными притяжательными прилагательными, (б) частями конструкции «у + Р. п.» без *у*; (в) формами протопадежа, являющегося частью временной языковой системы ребенка [Цейтлин 2007: 216]. В эту категорию сначала могут попадать и притяжательные местоимения 3 лица, при том что с возрастом они начинают сближаться с другими притяжательными единицами — местоимениями и формами родительного падежа.

4. Притяжательные местоимения 3 лица осваиваются поздно, поскольку до определенного возраста ребенок не испытывает необходимости в дополнительных средствах выражения посессивности 3 лица. Механизм образования притяжательных прилагательных на *-ин* является продуктивным [Бондаренко 2008: 25; Шмелева 2008: 39–40]; притяжательные прилагательные распространены в инпуте и первыми из прилагательных начинают использоваться ребенком [Воейкова и др. 2015]. При таких условиях ребенок может выразить нужную ему информацию производными от существи-

тельных формами, не прибегая к местоимениям. С другой стороны, притяжательные прилагательные не являются самыми распространенными в речи ребенка, уступая качественным и относительным; набор регулярно использующихся притяжательных прилагательных невелик (*мамин, папин, бабушкин* и производные от личных имен). С появлением необходимости связывать высказывания и, соответственно, выражать анафорические отношения возникает необходимость использовать местоимения 3 лица.

Отчасти эту функцию выполняет крайне частотная конструкция типа *у него*. Такие формы появляются обычно в 2;0–2;1, немного позже, чем соответствующие конструкции с существительными (*у мамы*) и местоимением *я* (*у меня*), но одновременно с *у тебя* и в целом на том же возрастном отрезке, что и большинство притяжательных единиц. В детской речи на одно притяжательное *его* приходится около двадцати *у него*. Хотя *у него* и *его* различаются по синтаксической функции и по семантике (*у него* обозначает общее отношение к лицу, включенность в сферу субъекта-обладателя [Цейтлин 2007]), обе формы принадлежат к области посессивности. Можно предположить, что в речи ребенка 2–2;5 лет *у него* является стандартным средством выражения посессивных значений при 3 лице. Конструкции типа *у него* могут встречаться в контекстах, где в принципе возможно *его*.

(7) *Это шуба у него.* (Ваня, 3;4;6)

(8) *У него седло сломано.* (Ваня, 3;6:19)

5. Притяжательные местоимения в речи польских детей

Для проверки гипотезы о том, что притяжательные местоимения 3 лица осваиваются поздно, поскольку ребенок не испытывает в них необходимости, используя притяжательные прилагательные и конструкции типа *у него*, было решено сравнить развитие притяжательных местоимений в русском и польском языках. В польском языке притяжательные местоимения 3 лица омонимичны формам родительного падежа, но отсутствует регулярно используемая конструкция, соответствующая русской *у него*.

Что касается возраста появления, то в польском языке притяжательные местоимения 1 лица появляются раньше, чем соответствующие местоимения у русскоязычных детей (*mój* ‘мой’

фиксируется первый раз в 1;4; *nasz* 'наш' — в 1;6; тогда как русские *мой* и *наш* зафиксированы в 1;8 и 1;10 соответственно). Притяжательные местоимения 3 лица появляются позже: и в польском, и в русском языке *ego* (*jego*) впервые фиксируется в 2;0. Однако если русские дети начинают активно оперировать формами *ego* и *ee* ближе к 2;6–3 годам, то в польском языке это происходит уже в 2;1–2;3.

Различия наблюдаются в количественном соотношении притяжательных местоимений. Если сравнивать только *мой* (*mój*) и 3 лицо (*ego* (*jego*) / *ee* (*jej*) / *ux* (*ich*)) и не учитывать другие местоимения, то в русскоязычном материале соотношение между притяжательными местоимениями 1 и 3 лица равно примерно 9:1. В польском материале этот индекс равен 1,2:1. Таким образом, отличия наблюдаются и в частотности, и в возрасте начала активного использования местоимений.

Рассмотрим каждую из четырех выдвинутых выше гипотез применительно к польскому материалу.

1. Притяжательные местоимения 3 лица осваиваются поздно постольку, поскольку поздно осваиваются косвенные формы личного местоимения 3 лица. У большинства польских детей *on* 'он' опережает притяжательную форму на несколько месяцев, как и в русском языке. Таким образом, гипотеза не подтверждается: прочие косвенные формы *on* уже усвоены и употребляются, когда возникает притяжательное *jego*.

2. Притяжательные местоимения 3 лица осваиваются поздно постольку, поскольку притяжательные местоимения вообще осваиваются позже соответствующих личных. Косвенным опровержением гипотезы можно считать такой же, как в русском, порядок и относительный возраст появления местоимений: *mój* появляется практически одновременно с *ja*, тогда как *jego* возникает через несколько месяцев после *on*.

3. Притяжательные местоимения 3 лица осваиваются поздно постольку, поскольку поздно осваиваются формы родительного падежа существительных со значением посессивности. В польском языке на ранних этапах развития посессивные формы родительного падежа немногочисленны: в 2–2;5 года польские дети используют в основном родительный падеж с предлогом и родительный при

отрицании. Выражение посессивности при этом ложится на притяжательные местоимения, то есть гипотеза не подтверждается.

4. Притяжательные местоимения 3 лица осваиваются поздно, поскольку до определенного возраста ребенок не испытывает необходимости в дополнительных средствах выражения посессивности 3 лица. Для польского языка это утверждение неактуально: язык не предлагает ни аналогов русской конструкции *у него*, ни регулярных притяжательных прилагательных. Ребенок выбирает между притяжательным местоимением и формой родительного падежа существительного — отсюда иное, чем в речи русских детей, соотношение *toj* — *jego*.

Позднему появлению притяжательных местоимений 3 лица может быть дано межъязыковое объяснение. Притяжательные местоимения в речи ребенка можно описать как особые, сложные для освоения, формы личных; в русском языке, возможно, вначале как промежуточные притяжательные протоформы. Можно предположить, что в языках, где притяжательные формы не омонимичны косвенным формам личных местоимений, картина будет другая. Известно, что в английском косвенные формы (*me* ‘мне, меня’, *him* ‘ему, его’) и притяжательные местоимения (*my* ‘мой’ *his* ‘его’) возникают примерно через полгода после появления основных форм (*I* ‘я’ *he* ‘он’) [Fenson et al. 1994]. В целом, позднее появление притяжательных местоимений 3 лица по сравнению с а) притяжательными формами 1 и 2 лица и б) другими формами 3 лица — это явление, характерное для многих языков [Rozendaal 2008: 69]. Возможно, данная особенность связана не с конкретной языковой системой, а с общим когнитивным развитием ребенка.

Небольшому количеству местоимений типа *ego* в русской детской речи можно дать внутриязыковое объяснение: ребенок, имея широкий арсенал простых и однозначных притяжательных средств (*у него*, регулярные притяжательные прилагательные), делает выбор в их пользу.

6. Выводы

Таким образом, можно выстроить следующую картину появления в языковой системе ребенка притяжательных местоимений 3 лица: на ранних этапах развития речи вся информация, относящаяся к посессору 3 лица, выражается полнозначными именами —

существительными или притяжательными прилагательными. С появлением анафорического местоимения *он* и его косвенных форм конструкция *у него* занимает свое место в наборе посессивных форм.

Затем ребенок начинает вычленять из речи взрослых собственно притяжательные местоимения типа *его*, которые могут быть трактоваться как адъективные формы и как формы родительного падежа. Двойственность немного замедляет процесс встраивания форм в систему. Очевидно, что в русском языке и в тех языках, где притяжательные местоимения омонимичны косвенным формам личных, необходимость разграничивать формы и вычленять отдельные значения представляет для ребенка дополнительную сложность.

На следующем этапе местоимения 3 лица отождествляются по значению с местоимениями типа *мой* и заполняют ячейку «(адъективная) притяжательная форма», которая уже заполнена и у существительных, и у местоимений 1 и 2 лица. Затем формы типа *его*, возможно, осмысляются как формы родительного падежа. Вслед за этим у ребенка возникают и формы родительного падежа существительного в посессивном значении.

Данные других языков показывают, что притяжательные местоимения в целом осваиваются на несколько месяцев позже личных. Можно предположить, что влияние оказывают некие когнитивные механизмы, при которых притяжательность 3 лица оказывается для ребенка сложнее, чем «личная» притяжательность. «Личность», «близость» и «притяжательность» тесно связаны: самыми ранними косвенными формами местоимений 1 и 2 лица в русском языке оказываются формы *мне* и *у меня*. Местоимения 3 лица же развиваются по схеме, близкой к существительным и не имеющей отношения к зоне «близости»/«притяжательности».

Литература

- Андреева 2001 — Е. В. Андреева. Посессивность и одушевленность/неодушевленность в детской речи (на материале русского языка в сопоставлении с французским) // А. В. Бондарко (отв. ред.). Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.). СПб.: Наука, 2001. С. 277–287.
- Бондаренко 2008 — А. А. Бондаренко. К вопросу о термине «индивидуальные речевые различия» // Т. А. Круглякова (отв. ред.). Проблемы онто-

- лингвистики-2008: материалы международной конференции (19–20 марта 2008 г., Санкт-Петербург). СПб.: Златоуст, 2008. С. 22–27.
- Воейкова и др. 2015 — М. Д. Воейкова, В. В. Казаковская, Д. Н. Сатюкова. Семантика прилагательных в речи взрослых и детей // А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова (ред.). Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 488–540.
- Гвоздев 1981 — А. Н. Гвоздев. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1981.
- Доброва 2001 — Г. Р. Доброва. Функция первых падежных форм личных местоимений в начальной детской грамматике // А. В. Бондарко (отв. ред.). Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.). СПб.: Наука, 2001. С. 250–256.
- Еливанова 2004 — В. А. Еливанова. Двухкомпонентные высказывания как этап становления грамматической системы языка ребенка раннего возраста. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. РГПУ им. А. И. Герцена, СПб., 2004.
- Ионова 2007 — Н. В. Ионова. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. ЧГУ, Череповец, 2007.
- Плотникова 1980 — В. А. Плотникова. Местоимение-существительное // Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1980. С. 529–538.
- Федорова 1965 — М. В. Федорова. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж: Издательство Воронежского госуниверситета, 1965.
- Цейтлин 2007 — С. Н. Цейтлин. Семантическая категория посессивности в русском языке и ее освоение ребенком // С. Н. Цейтлин (отв. ред.). Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 201–219.
- Шмелева 2008 — Т. В. Шмелева. Семья в зеркальце прилагательного // С. П. Петрунина (отв. ред.). Функциональный анализ значимых единиц русского языка: язык и семья: межвузовский сборник научных статей. Новокузнецк, 2008. С. 37–44.
- Fenson et al. 1994 — L. Fenson, P. S. Dale, J. S. Reznick, E. Bates, D. J. Thal, S. J. Pethick. Variability in Early Communicative Development. [Monographs of the Society for Research in Child Development 242, 59, 5]. 1994.
- Rozendaal 2008 — M. I. Rozendaal. The Acquisition of Reference: A Cross-linguistic Study. Utrecht: LOT, 2008.

Ю. М. Кувшинская

НИУ ВШЭ, Москва

О КОММУНИКАТИВНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРЕДИКАТИВНОГО СОГЛАСОВАНИЯ С ИМЕННЫМИ ГРУППАМИ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Предикативное согласование с именными группами, включающими количественное слово, в русском языке, как правило, характеризуется вариативностью форм сказуемого. В зависимости от грамматических свойств количественного слова и от ряда факторов контекста может выбираться:

- форма ед. ч. мужского, женского или среднего рода, в зависимости от рода количественного слова (если количественное слово имеет род): *Часть депутатов поддержала проект.* Такое согласование принято называть грамматическим [Скобликова 2005: 175–179; Розенталь 2010: 257] или синтаксическим (syntactic agreement) [Corbett 1979: 37–38; Corbett 1998: 3 и др.].
- форма мн. ч. — семантическое согласование [Corbett 1979: 37–38; Corbett 1998: 3; Скобликова 2005: 175–179; Розенталь 2010: 257]: *Пять друзей решили купить мороженое.*
- форма ед. ч. ср. рода: *Было изготовлено несколько модификаций модели.*

Согласование последнего типа предполагает, что сказуемое ориентируется на числительное, не имеющее форм числа и в большинстве случаев рода, в результате в условиях невозможности согласования с вершиной ИГ сказуемое принимает нейтральную в отношении рода и числа форму [Супрун 1965: 12–13] и по сути является дефолтным [Corbett 1979: 78].

Среди факторов, оказывающих первостепенное влияние на выбор числа сказуемого в предложениях с подлежащим — коли-

¹ Данное научное исследование (грант № 14-01-0197) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

чественно-именным сочетанием, важную роль играет порядок слов [Граудина и др. 1976: 29; Corbett 1998 и др.]. Поскольку порядок слов, как правило, является основным средством, выражающим коммуникативную структуру предложения [Ковтунова 1976: 8–16], зависимость выбора формы сказуемого от порядка слов говорит о том, что тип предикативного согласования в предложениях с подлежащим — количественно-именным сочетанием — во многом обусловлен коммуникативным аспектом высказывания.

Вопрос о влиянии коммуникативной организации предложения на координацию подлежащего — квантитативного сочетания — и сказуемого в формах числа специально рассматривался Е. В. Соколовой [Соколова 1998], которая считает коммуникативное задание важнейшим фактором, обуславливающим выбор формы числа и способствующим или препятствующим появлению других условий контекста, также влияющих на выбор формы сказуемого [Соколова 1998: 41]. Рассматривая предложения с подлежащим, включающим в себя числительное, Е. В. Соколова приходит к выводу о том, что в тех случаях, когда квантитативное сочетание является характеризуемым (иначе говоря, входит в тему или составляет тему высказывания), сказуемое ставится только в форме мн. ч., при этом

такие противопоставления, как собирательность/количественность числительного, одушевленность/неодушевленность существительных, приблизительность/точность числа лиц или предметов, не релевантны при выборе формы сказуемого в данном типе коммуникативной перспективы [Соколова 1998: 38].

По мнению Е. В. Соколовой, «колебание координации в формах числа возможно тогда, когда КС (квантитативное сочетание. — Ю. К.) входит в состав характеризующего коммуникативного элемента» [Соколова 1998: 38], иначе говоря, в тех случаях, когда подлежащее входит в рему или составляет рему, возможны формы как ед., так и мн. ч. сказуемого.

Эти наблюдения весьма существенны для изучения предикативного согласования с ИГ, включающими количественное слово. Однако выводы Е. В. Соколовой отличаются общим характером: они охватывают предложения не только с определенно-количественными, но и с неопределенными числительными (например, *несколько*), предложения, сообщающие о приблизительном количестве.

В то же время известно, что вероятность выбора формы ед. или мн. ч. сказуемого при согласовании с той или иной ИГ различна: при согласовании с определенно-количественными числительными преобладают формы мн. ч. сказуемого, при согласовании с ИГ, возглавляемой словом *несколько*, почти равновероятен выбор форм ед. ч. ср. р. и мн. ч. сказуемого, в предложениях со словами *столько, сколько, много, немало*, с подлежащим типа *около пяти, более сорока* сказуемое преимущественно ставится в ед. ч. [Граудина и др. 1976; Corbett 1979; Розенталь 2010: 260–262; Голуб 2008: 372–373; Бельчиков 2012: 241–246; Кувшинская 2013а, 2014 и др.]. Обусловлено ли это коммуникативной организацией предложения или другими факторами, прежде всего грамматическими свойствами и семантикой количественного слова? Одинаково ли влияние актуального членения на выбор формы сказуемого в предложениях с количественными и неопределенными числительными?

Согласно Е. В. Соколовой, в зависимости от типа высказывания (типа коммуникативной структуры) создаются такие условия контекста, которые способствуют выбору соответствующей формы сказуемого [Соколова 1998: 42]: акциональность/неакциональность глагола, распространенность/нераспространенность предложения, одушевленность субъекта и др. Эти условия подробно описаны в научной литературе [Граудина и др. 1976; Corbett 1979; Розенталь 2010: 260–262 и др.]. В то же время Е. В. Соколова не рассматривает вопрос достаточно подробно, таким образом, оценка вероятности выбора формы ед. или мн. ч. сказуемого при рематическом или тематическом подлежащем в зависимости от наличия тех или иных условий контекста остается задачей будущих исследований.

Все сказанное обуславливает необходимость дальнейшего изучения зависимости типа предикативного согласования от коммуникативной структуры предложения² при учете взаимодействия коммуникативной организации предложения с другими факторами.

² Мы употребляем термин «коммуникативная структура» в широком смысле, так, как его интерпретирует Т. Е. Янко, т. е. включая в него, помимо актуального членения, вопросительных и невопросительных, императивных и неимперативных составляющих, контраст, верификацию и другие значения [Янко 2001: 45–46]. Однако главным предметом нашего внимания будет актуальное членение.

В настоящей работе будет рассмотрено влияние актуального членения предложения на предикативное согласование с ИГ, возглавляемыми количественными словами, и специально исследована роль коммуникативной структуры предложения при предикативном согласовании с ИГ, включающими слова *несколько*, *много*, *немало*.

В работе рассматривалось 1016 примеров, из них предложений с ИГ, включающей слово *несколько*, — 422; слово *много* — 172; слово *столько* — 178; слово *немало* — 244. Исследование проводилось на базе Основного корпуса НКРЯ, выборки за 2000–2014 гг.

Мы опирались на понимание ремы как конституирующего компонента сообщения, коммуникативного центра высказывания, и темы как неконституирующего компонента, исходного пункта высказывания, отличая тему и рему от «данного» и «нового», контраста, фокуса, эмфазы — такое понимание представлено в работах И. И. Ковтуновой, Т. Е. Янко [Ковтунова 1976: 44–47; Янко 2001: 23–34] и других исследователей. Основными критериями для интерпретации коммуникативной структуры служили порядок слов; коммуникативная цель исследуемого высказывания и логико-грамматический тип предложения (по [Арутюнова, Ширяев 1983], семантика фрагмента текста, в которых входит анализируемое предложение, интонация³.

Работа с корпусными данными несколько осложняет выявление актуального членения и других компонентов коммуникативной структуры высказывания, поскольку приходится иметь дело с небольшими фрагментами письменного, не озвученного текста. Однако мы использовали расширенный контекст, который предоставляет НКРЯ, а в ряде случаев опирались на полные тексты. В то же время обращение к корпусным данным объясняется тем, что работа проводилась в рамках широкого исследования предикативного согласования с ИГ, включающими количественные слова, на базе НКРЯ. Корпусной подход позволил собрать значительное количество

³ Не располагая средствами автоматического анализа интонации, мы опирались на самое общее различение с помощью языковой интуиции характерных для темы, ремы в нормальном случае и для и некоторых особых коммуникативных структур интонационных конструкций — ИК1, ИК2, ИК3 и их эмфатических модификаций (по Т. Е. Янко и Е. А. Брызгуновой [Янко 2001: 87–103; Брызгунова 1977; Русская грамматика 1980, § 150–170]).

примеров, в которых мы видим представленные в современной русской речи коммуникативные структуры.

При анализе коммуникативной структуры предложений с количественным подлежащим мы будем исходить из положения, опирающегося (с некоторым уточнением) на результаты Е. В. Соколовой и наши предварительные наблюдения: если ИГ входит в тему или составляет тему, то повышается вероятность выбора формы мн. ч. сказуемого. Если ИГ входит в ремю, то повышается вероятность выбора формы ед. ч. сказуемого. Этот тезис хорошо согласуется с имеющимися к настоящему времени данными о вариативности в предикативном согласовании: так, отмечалось, что форма ед. ч. сказуемого выбирается в высказываниях «статистической направленности» [Скобликова 1969: 471 и др.], т. е. в тех, где ИГ оказывается ремой, причем логическое ударение (акцент) падает на количественное слово, поскольку говорящего интересует прежде всего количество предметов и, соответственно, сказуемое ориентируется прежде всего на количественное или неопределенное числительное, которое, не имея форм числа и рода, обуславливает дефолтное согласование.

В предложении с рематическим положением ИГ обычно сообщается о наличии/расходе/существовании некоторого количества предметов; это, как правило, предложения бытийного типа [Арутюнова, Ширяев 1983: 7]. В работах о предикативном согласовании неоднократно говорилось о предпочтительности формы ед. ч. (ср. р.) у глаголов с семантикой существования, наличия, расхода, счета и т. д. [Скобликова 1969: 467–468; Розенталь 2010: 261, 23; Robblee 1993a, 1993b].

Если ИГ входит в тему, то в реме, в фокусе внимания оказывается действие, объект действия или обстоятельство; предложение сообщает о различных признаках исчисляемых предметов, но не о количестве. Поэтому сказуемое в меньшей степени ориентируется на количественное слово и его грамматические признаки и в большей степени — на семантику подлежащего в целом — прежде всего на множественность. В этих предложениях используются разнообразные предикаты, называющие статический или динамический признак. Такие предложения, по классификации Н. Д. Арутюновой, относятся к предложениям характеристики (предложения тождества не характерны для рассматриваемой выборки) [Арутюнова,

Ширяев 1983: 7]. Сказуемое, называя конкретный, индивидуализированный с точки зрения говорящего признак, здесь с большей вероятностью принимает форму мн. ч. [Robblee 1993б].

1. Влияние коммуникативной структуры предложения на выбор числа сказуемого при согласовании с разными количественными словами

В таблице 1 представлены данные о влиянии актуального членения на выбор формы сказуемого в предложениях с числительными — определенно-количественными (счетные обороты) и неопределенно-количественными. Основным критерием анализа была позиция ИГ, при этом в статистических целях учитывались только самые общие данные: ИГ составляет рему или входит в рему, в том числе в нерасчлененных предложениях; ИГ входит в тему или составляет тему или занимает синтаксическую позицию, типичную для темы (в предложениях с суперпозицией ремы, см. ниже).

Таблица 1. Влияние актуального членения на выбор формы сказуемого⁴

Число сказуемого	Счетные обороты		Несколько		Столько		Много		Немало	
	S — рема	S — тема	S — рема	S — тема	S — рема	S — тема	S — рема	S — тема	S — рема	S — тема
ед. ч.	42% (253)	3% (9)	69% (230)	5,5% (5)	97% (155)	58% (11)	97% (157)	70% (7)	98% (220)	65% (13)
мн. ч.	58% (350)	97% (282)	31% (101)	94,5% (86)	3% (4)	42% (8)	3% (5)	30% (3)	2% (4)	35% (7)
Всего	100% (603)	100% (291)	100% (331)	100% (91)	100% (159)	100% (19)	100% (162)	100% (10)	100% (224)	100% (20)

Данные НКРЯ показывают, что при согласовании с определенно-количественными числительными, когда в целом преимущественно выбирается форма мн. ч., если ИГ оказывается в позиции темы, то сказуемое почти исключительно ставится во мн. ч. Если же ИГ

⁴ Данные о влиянии актуального членения на согласование с определенно-количественными числительными (счетными оборотами) взяты из работы [Кувшинская 2013а].

входит в рему или составляет ее, то вероятность постановки сказуемого в форму ед. или мн. ч. почти одинакова, с некоторым преимуществом форм мн. ч. Таким образом, вывод Е. В. Соколовой об обязательности семантического согласования при позиции ИГ в теме и равной вероятности семантического и дефолтного согласования при ИГ в реме здесь в целом подтверждается, с тем уточнением, что в предложениях, в которых ИГ входит в рему, формы ед. и мн. ч. сказуемого не совсем равноправны, формы мн.ч. сказуемого преобладают.

В примерах со словом *несколько* колебания в выборе числа сказуемого в зависимости от коммуникативной структуры обнаруживают следующую закономерность: если ИГ со словом *несколько* входит в тему, то, как и при согласовании с определенно-количественными числительными, сказуемое почти исключительно ставится во мн. ч. Если же сказуемое входит в рему, то с заметно большей вероятностью — почти в 70% примеров — сказуемое ставится в ед. ч. Таким образом, рематическая позиция подлежащего, включающего *несколько*, заметно способствует выбору формы ед. ч. Очевидно, это связано с тем, что форма ед. ч. в целом достаточно характерна для сказуемого в предложениях с *несколько*. Обычно при согласовании с ИГ, включающей *несколько*, сказуемое с почти одинаковой вероятностью принимает формы ед. ч. ср. р. или мн. ч., с небольшим преимуществом форм ед. ч. (56% ед. ч. : 44% мн. ч., см. Таблицу 2). Рематическая позиция подлежащего способствует употреблению формы ед. ч. и не способствует постановке сказуемого во мн. ч. по ряду причин, о которых речь пойдет ниже; в результате в предложениях с *несколько* статистически примеры с формой ед. ч. сказуемого при рематическом подлежащем оказываются более частотны.

Иное соотношение мы видим в примерах с ИГ, включающей *столько, много, немало*. Если ИГ входит в тему, то вероятность выбора ед. и мн. ч. сказуемого колеблется от почти равной, с небольшим перевесом в пользу форм ед. ч. (в предложениях со словом *столько*) до явного, хотя и не полного преобладания согласования в ед. ч. в предложениях со словами *много, немало*. Если же ИГ входит в рему или составляет ее, то почти исключительно выбирается форма ед. ч. сказуемого.

В Таблице 2 в качестве справочной информации представлены общие статистические данные о соотношении форм ед. или мн. ч. сказуемого при согласовании с количественным подлежащим без учета влияния тех или иных условий контекста по данным НКРЯ [Кувшинская 2013а, 2014].

Таблица 2. Выбор числа сказуемого в предложениях с количественными и неопределенными числительными и неопределенными местоимениями

Число сказуемого	Счетные обороты	Несколько	Столько	Много	Немало
ед. ч.	29% (262)	55% (233)	92% (166)	95% (164)	95% (233)
мн. ч.	71% (632)	45% (190)	8% (12)	5% (8)	4% (11)
Всего	100% (894)	100% (423)	100% (178)	100% (172)	100% (244)

Преобладание той или иной формы сказуемого при согласовании с той или иной ИГ, согласно [Супрун 1965: 7–9; Krasovitsky et al. 2010: 117–118], обусловлено морфологическими особенностями и синтаксическим поведением количественного слова. Исследователи указывают на то, что количественные слова, прежде всего числительные, неоднородны по своим грамматическим признакам (см. также [Мельчук 1985]). И исторически, и в синхронном отношении некоторые из них близки к прилагательным (*два, три, четыре*), другие ближе к существительным (числительные, называющие большое количество; числительные *столько, много* и др.) (*о много, столько* и др. см. подробнее [Кувшинская 2014]). Многие числительные (*пять, несколько*) занимают срединное положение — между прилагательным и существительным [Corbett 1979: 80]. Чем ближе числительное к прилагательному, тем вероятнее сказуемое будет согласовываться с ИГ семантически, ориентируясь на существительное в составе ИГ и на референта ИГ; чем ближе количественное слово к существительному, тем вероятнее выбор ед. ч. сказуемого, ориентированность прежде всего на свойства количественного слова [Krasovitsky et al. 2010: 118].

Таким образом, выбор типа согласования определяется в значительной мере грамматическими свойствами и семантикой количественного слова. В то же время выбор количественного слова

входит в замысел говорящего, но в зависимости от свойств этого слова та или иная коммуникативная структура оказывается предпочтительной или нежелательной (см. об этом ниже). Коммуникативная организация конкретного высказывания усиливает или ограничивает уже заданную количественным словом общую тенденцию. В частности, в предложениях с определенно-количественными числительными при любой коммуникативной структуре сказуемое чаще ставится во мн. ч., поскольку это определяется свойствами числительных. Однако если ИГ входит в тему, то тенденция к выбору семантического согласования оказывается дополнительно поддержана актуальным членением. Форма мн. ч. сказуемого закономерно становится практически обязательной. Если же ИГ входит в рему, то тенденция предикативного согласования, определяемая количественным словом, входит в противодействие с актуальным членением, в результате выбор формы ед. или мн. ч. сказуемого почти равновероятны — очевидно, выбор здесь определяется и другими факторами контекста.

Предложения со словом *несколько* представляют собой «сферу максимальной вариативности»: формы ед. и мн. ч. сказуемого здесь практически равноправны. Очевидно, поэтому здесь наиболее очевидна зависимость выбора формы сказуемого от актуального членения: если ИГ входит в тему, то сказуемое ставится почти обязательно во мн. ч., если же в рему — то преобладают формы ед. ч. сказуемого. В то же время мы видим, что при тематической ИГ дефолтное согласование встречается крайне редко, а семантическое согласование намного более вероятно, в то время как при рематической ИГ возможно и семантическое и дефолтное согласование, иначе говоря, несмотря на статистическую «равновероятность» форм ед. и мн. ч. и даже немного бóльшую частотность форм ед. ч. сказуемого, позиции семантического согласования здесь сильнее. Это сближает предложения со словом *несколько* с предложениями, в которых подлежащее включает в себя определенно-количественное числительное.

Представляется, что такая несимметричность во влиянии актуального членения на выбор числа сказуемого обусловлена свойствами числительного, присущими слову *несколько* (об этом см. [Мельчук 1985: 316–317]): невозможностью самостоятельного употребления (при эллипсисе), допустимостью счетной формы

при *несколько* и др. Поскольку числительные соединяют в себе признаки прилагательного и существительного, а близость к прилагательным или существительным имеет значение для предикативного согласования [Krasovitsky et al. 2010], то несхожесть слова *несколько* с существительным и некоторые свойства прилагательного (об этом [Кувшинская 2014]) вполне закономерно вызывают некоторую тенденцию к выбору мн. ч. сказуемого (об этом также [Кувшинская 2013б]).

В предложениях со словами *столько*, *много*, *немало* в целом доминирует определяемое количественным словом согласование в ед. ч. (см. Таблицу 2). В большинстве случаев ИГ оказывается в позиции ремы и тогда выбирается почти исключительно ед. ч. сказуемого (Таблица 1). Здесь играет определенную роль и то, что слова *столько*, *много*, *немало* тяготеют к позиции ремы (см. о *много* и *немало* [Булыгина, Шмелев 1988: 14]). Однако примечательно, что позиция темы для слов *столько*, *много*, *немало* тоже возможна.

- (1) ***Столлько же пилотов*** — Айртон Сенна (дважды), Хуан Мануэль Фанхио, Йохен Риндт, Ален Прост и Дэмон Хилл — ***могут похвастать*** четырьмя победами подряд. [«Формула», 2001.07.15].

Если ИГ со словом *столько* оказывается в теме, то вероятность выбора ед. или мн. ч. сказуемого почти одинакова, с небольшим преимуществом форм ед. ч. Думается, что, как и в случае с ИГ, включающей слово *несколько*, это объясняется свойствами числительного (прилагательного), которые проявляет *сколько* [Мельчук 1985: 305–315, Кувшинская 2014].

Если ИГ со словами *много*, *немало* оказываются в позиции темы, то возникает вероятность выбора формы мн. ч., но все же формы ед. ч. выбираются примерно в 2 раза чаще. Заметим, что эти слова И. А. Мельчук относит к наречиям, поскольку не находит грамматического сходства с числительными [Мельчук 1985: 305–315]; в терминологии Г. Корбетта здесь нужно было бы говорить о «поведении существительного», обуславливающим тенденцию к согласованию в ед. ч. (см. об этом [Кувшинская 2014]).

Таким образом, коммуникативная организация предложения представляется важным, но не главенствующим фактором, влияющим на выбор формы сказуемого в предложениях с ИГ, включающей

числительные или слова типа *немало*. Выбор типа предикативного согласования в конкретном предложении оказывается результатом взаимного и иногда разнонаправленного действия ряда факторов.

Рассмотрим подробнее влияние коммуникативной организации предложения на выбор числа сказуемого при согласовании с *несколько, много, немало*.

2. Влияние коммуникативной организации высказывания на выбор числа сказуемого при согласовании с ИГ, включающей слово *несколько*

2.1. ИГ в позиции ремы

Это наиболее частотный тип коммуникативной структуры в предложениях с рассматриваемыми квантитативными ИГ, и в том числе в предложениях со словом *несколько*. В выборке из НКРЯ со словом *несколько* предложения с рематической ИГ составляли 78% (331 примеров) из всех предложений со словом *несколько* (422 примера).

В рему здесь обычно входит как подлежащее, так и сказуемое (есть в том числе и коммуникативно нерасчлененные предложения), предложение сообщает о наличии, состоянии, действии неопределенного количества предметов. Большая часть этих предложений относится к бытийному типу. Сказуемое в них ставится преимущественно в ед. ч.:

- (2) *Существует несколько версий появления выражения «тамбовский волк»*. [«Наука и жизнь», 2009]

Уточним, что бытийные предложения мы понимаем, вслед за Н. Д. Арутюновой и Е. Н. Ширяевым, достаточно широко. Н. Д. Арутюнова указывает, что бытийные предложения базируются на экзистенциальных отношениях, «отражают предметно-пространственный аспект мира» [Арутюнова, Ширяев 1983: 8] и включают три основных компонента: «локализатор — бытийный глагол — имя бытующего предмета...». Другая возможная структура: «имя класса предметов — бытийный глагол — имя бытующего предмета, входящего в данный класс...» [Арутюнова, Ширяев 1983: 14]. Существенным признаком бытийного предложения является нереперентность имени бытующего предмета.

В то же время Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев показывают, что в бытийных предложениях могут выступать не только глаголы *быть, существовать* и др., в чистом виде передающие бытийность, но и делексикализованные глаголы типа *стоять*, а также лексикализованные глаголы, выражающие в конкретном контексте идею бытия, наличия предмета в определенном пространстве [Арутюнова, Ширяев 1983: 32]. В таких предложениях имя может быть референтным, речь может идти о уже известном предмете.

Примеры с глаголами такого типа мы находим и в нашей выборке с ИГ, включающей *несколько*:

- (3) *Это была любовь к артисту, в жизни которого / случилось несколько настоящих больших ролей.* [«Домовой», 2002.02.04]
- (4) *Наверху, над отвесами, / виднелось несколько фигурок физтехов.* [Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)]

Учитывая то, что экзистенциальные отношения, идея существования и соответствующая коммуникативная структура могут реализовываться в предложениях с глаголами не только чисто бытийной семантики и имя может в некоторых случаях быть референтным, Т. Е. Янко в целях описания русских коммуникативных стратегий предложила расширить понятие бытийного предложения и выделила логический тип предложений введения в рассмотрение [Янко 2001: 140–142].

В предложениях введения в рассмотрение сообщается о том, что в некоторой области бытия (Месте, или Сцене) существует, функционирует, появляется или кем-то туда помещается новый или, наоборот, известный Предмет. Тем самым сообщается, что на этом предмете сосредоточивается внимание коммуникантов [Янко 2001: 141–142].

В дальнейшем мы будем говорить главным образом о таких предложениях, называя их бытийными (поскольку они, согласно Н. Д. Арутюновой, таковыми и являются) или интродуктивными (этот термин использовала Н. Д. Арутюнова для обозначения бытийных предложений, начинающих текст и вводящих в рассмотрение новый предмет [Арутюнова 1999: 748–750]). Мы же будем употреблять термин «интродуктивные предложения» шире, так, как описано выше.

Возвращаясь к предложениям с *несколько*, необходимо отметить, что в бытийных предложениях как с каноническими бытийными, так и с лексикализованными глаголами вся грамматическая основа входит в рему и сказуемое стоит в ед. ч.

Однако если в предложениях такого типа есть однородные подлежащие, то может выбираться форма мн. ч. сказуемого:

- (5) *Отметим, что конкурентная среда в районе Большого морского порта не очень насыщенная: | здесь **расположены несколько** небольших специализированных складов, морской грузопассажирский логистический комплекс...* (<http://www.rbcdaily.ru/2009/01/21/industry/398209.shtml>, 2009)

В предложениях с рематической ИГ преобладает инверсия главных членов, за редким исключением:

- (6) *Всего **несколько** израненных калмыков | **осталось в живых**, были потери и среди казаков и башкир.* [«Бельские Просторы», 2010]

В данном случае прямой порядок слов сопровождается коммуникативную структуру с контрастной ремой — очевидно, нетипичное положение рематической ИГ требует интонационного выделения для того, чтобы ИГ осталась в фокусе.

Если в дальнейшем референт ИГ становится предметом рассмотрения и субститут ИГ образует тему следующего высказывания, то сказуемое обычно принимает форму мн. ч. [Соколова 1998: 38–39], но в нашей выборке такие примеры немногочисленны. ИГ-рема заранее отчасти «тематизируется», количественно охарактеризованные предметы становятся более определенными, на что и указывает форма мн. ч. сказуемого:

- (7) *В истории рассматриваемой отрасли социологии власти | **выделяются несколько основных этапов**, в каждом из которых, в свою очередь, есть свои вехи и ключевые исследовательские проекты...* [«Неприкосновенный запас», 2010]

Рематическое положение ИГ или всей грамматической основы возможны и в предложениях характеристики, но здесь сказуемое ставится обычно во мн. ч.:

- (8) *Из машины | **выскочили несколько** вооружённых **мужчин** в камуфляже и масках и, угрожая автоматами, заставили пассажиров выйти из иномарки. Водителя и охранника преступники заковали в наручники и надели на головы мешки, а бизнесмена затолкали в "Волгу", которая уехала в неизвестном направлении.* [«Известия», 2002.09.12]
- (9) *Из нашего двора | **ушли на войну** | еще **несколько мужчин**, в их числе Джалай Лукманов...* [«Бельские Просторы», 2011]

В этих примерах неопределенная референтность, в целом свойственная ИГ с количественным определением имени [Арутюнова 1999: 752], «преодолевается» в дальнейшем контексте: предметы (лица) неслучайно попали в центр внимания, о них или об их части далее идет речь, они приобретают конкретность для автора и читателя, соответствующие ИГ входят в тему.

В целом, если ИГ находится в положении ремы, ее референтность/нереферентность имеет значение для выбора формы сказуемого. Рассмотрим примеры, в которых один и тот же акциональный глагол (*курит*) употребляется в предложении бытийного (интродуктивного) типа (как лексикализованный) и в характеризующем предложении. В первом из них (9) ИГ «несколько мужчин» имеет неопределенного референта, как это обычно бывает в бытийных предложениях [Арутюнова 1999: 741–743]. Неиндивидуализированность персонажей с точки зрения героини сохраняется до конца. Несмотря на то, что героиня вступает с ними в общение, в ее восприятии они лишены признаков, за исключением единственного существенного для нее — (не)тождественности ее мужу:

- (10) *Однако минуло четверть часа, а муж не возвращался. Лида обеспокоилась и, подобрав кринолины, отправилась его искать. Она обошла все кафе и даже заглянула в мужской туалет — Жорика нигде не было. Лида вышла на крыльцо, где **курило несколько мужчин**. Она заглянула каждому из них в лицо, но мужа ни в ком не признала. «Вы не видели Жору?» — спросила она. Кто-то из мужчин показал рукой за угол: «Туда вроде пошел».* [Олег Зайончковский. *Счастье возможно: роман нашего времени* (2008)]

В то же время вариант *Лида вышла на крыльцо, где **курили несколько мужчин***. Она заглянула каждому из них в лицо, но мужа ни в ком не признала тоже был возможен, однако, очевидно, подчеркнутая неопределенность персонажей входила в замысел автора.

В двух других примерах лица, названные в подлежащем, получают конкретную характеристику и внимание говорящего в дальнейшем переключается либо на них, их признаки (10), либо на то действие, которое составляло их основной признак при их первом появлении в тексте (11). Примеры с тем же глаголом оказываются предложениями характеристики, сказуемое стоит во мн. ч.

(11) *Втолкнули в комнату — просторную, но чрезвычайно душную. Здесь, сидя на стульях и столах, | интенсивно **курили несколько сумрачных мужчин в рубашках с закатанными рукавами**. Все — старше меня и гораздо крупнее. Я почувствовал себя неуютно. Раздались множественные хриплые возгласы.* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]

(12) *Аромат сандалового дерева проникал в автобус сквозь запах бензина и гашиша, который **курили | несколько индусов, дружно сидя в ряд в кабине водителя!** Мне было не видно, курил ли вместе с ними водитель, но Лёня был полон опасений, что **курил!*** [Марина Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию (2003)]

Ср.: *Здесь, сидя на стульях и столах, | интенсивно **курило несколько сумрачных мужчин в рубашках с закатанными рукавами**.

*Аромат сандалового дерева проникал в автобус сквозь запах бензина и гашиша, который **курило | несколько индусов, дружно сидя в ряд в кабине водителя!**

Форма ед. ч. ср. р., очевидно, нежелательна, если действия, их обстоятельства, объекты, на которые направлены действия, сами действующие лица имеют дополнительную характеристику, воспринимаются как конкретные, индивидуализированные (ср. выводы К. Роббли о семантическом согласовании индивидуализированных предикатов [Robblee 1993]).

Многие исследователи отмечали, что определенность или дополнительная охарактеризованность подлежащего, включающего количественное слово, влияет на выбор числа сказуемого, хотя и не всегда последовательно [Скобликова 1969; Никунласси 2002;

Соколова 1998 и др.]. В то же время роль определенности/неопределенности подлежащего при выборе формы сказуемого все еще не описана достаточно отчетливо. Представляется, что для уяснения влияния этого фактора необходимо исследование зависимости предикативного согласования от референтности ИГ при учете влияния того или иного количественного слова на выбор числа сказуемого.

2.2. ИГ в позиции темы

Такая коммуникативная структура менее свойственна предложениям со словом *несколько*, но возможна (22%, или 91 пример из всех предложений со словом *несколько*). В этих примерах в центре внимания признаки исчисляемых предметов, все предложения относятся к характеризующим. Сказуемое стоит, как правило, во мн. ч.

(13) *Несколько статей сборника / посвящены российскому искусству и архитектуре.* [«Октябрь», 2001]

(14) *Экспедиция была драматичной: несколько участников / тяжело заболели, трое|погибли, но работу провели огромную.* [«Наука и жизнь», 2009]

В предложениях, в которых ИГ входит в тему при одушевленности референта ИГ и при сказуемом, называющем действие живого существа, обычно не употребляющемся в ср. р., выбор сказуемого ед. ч. ср. р. становится маловероятным или невозможным. Иначе говоря, эти факторы — актуальное членение, семантика подлежащего и сказуемого — препятствуют нейтрализации значений рода и числа у сказуемого и обуславливают семантическое согласование:

(15) *Несколько наших парней| подрались на улице с отрядом ваххабитов.* [«Знамя», 2010]

В то же время в некоторых контекстах возможна и форма ед. ч. сказуемого, но она требует изменения коммуникативной структуры. Так, в примере ниже сказуемое ед. ч. возможно при контрастном выделении количественного слова, благодаря чему количественное слово обретает дополнительный акцент, входит в сферу внимания говорящего и сказуемое в большей степени ориентируется на него:

Ср. с примером (13): *В сборник входят работы российских и зарубежных ученых. **Несколько** статей сборника | посвящено российскому искусству и архитектуре.*

В подавляющем большинстве примеров с ИГ в позиции темы референт ИГ достаточно конкретен, поскольку обычно он отчасти уже известен, актуализирован в предшествующем контексте. Как правило, подлежащее называет часть уже обозначенного ранее множества предметов (13, 14, 15). В этих примерах с помощью кванторного слова *несколько* реализуется логический тип квантификации (по Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелеву), при котором референт «представляет собой подмножество «объемлющего» множества» [Булыгина, Шмелев 1988: 6]. В тех предложениях, где ИГ входит в ремю, наблюдается другой способ квантификации — прагматический, когда кванторное слово оценивает количество по отношению к некоторому стереотипу [Булыгина, Шмелев 1988: 6] (применительно к слову *несколько* и в отличие от слов *много*, *мало* было бы точнее говорить о безотносительной оценке).

В то же время есть примеры, в которых ИГ находится в препозиции к сказуемому, занимая положение, типичное для темы; при этом несколько называет неопределенное количество не обозначенных ранее предметов без отношения к объемлющему множеству, а сказуемое ставится во мн. ч. Нам представляется, что в таких случаях применяется стратегия, описанная Т. Е. Янко как «суперпозиция ремы», и предложение не просто является расчлененным, но обладает двумя ремами. Эта стратегия характерна для сугубо книжной речи, для сообщений о новом, неожиданном, внезапном явлении, событии; она обычно используется для введения в рассмотрение нового предмета с его одновременной характеристикой. Такое высказывание по сути включает в себя 2 сообщения и 2 ремы: бытийное предложение (интродуктивное) и предложение характеристики, в котором темой становится введенный бытийным предложением предмет [Янко 2001: 145–149]. Именно это мы видим в примере ниже:

- (16) *Я вскрикнул и схватил Павла за руку. Стая голубей с шумом вылетала в чердачное окно. Казалось, каждый из них, взлетев, мгновенно растворяется в ослепительном синем квадрате. **Несколько** перьев | кружились и падали в полотне оранжевого света.* [«Новый Мир», 2001]

Несколько перьев появляются в воздухе неожиданно для повествователя, в том же предложении он характеризует новый предмет, таким образом, в предложении соединены два высказывания: *(Внезапно в воздухе} появились несколько перьев. Перья кружились и падали в полотно оранжевого света.*

Предложение с суперпозицией ремы отличается специфической интонацией — двойным понижением тона. Соответственно и в примере 15, очевидно, требуется ИК-1 в каждой из частей высказывания (с нисходящим акцентом на *перьев* и на *падали*).

Сказуемое в предложениях с суперпозицией ремы — это, фактически, сказуемое характеризующей части; поэтому вполне закономерно то, что оно ставится во мн. ч.

Постановка сказуемого в ед. ч. в предложениях с ИГ в позиции темы нетипична и обычно сопровождается интонационным выделением количественного слова или всей ИГ. Обычно это предложения с контрастной темой, неопределенное количество предметов выделяется из множества и противопоставляется ему. Акцент на количестве предметов (и ориентированность сказуемого на количественное слово) и одновременно неопределенная референтность ИГ обуславливают выбор дефолтного согласования:

- (17) *Можно согласиться с замечанием автора сборника к. и. н. А. А. Волоховой, что в обширной литературе о Корейской войне переговорному процессу уделено гораздо меньше внимания, чем предыстории вооружённого конфликта и событиям войны (13), хотя нам известно, что **несколько статей** на эту тему| недавно **было опубликовано** в китайских научных журналах. [«Проблемы Дальнего Востока», 2002.12.30]*
- (18) *Очнувшись от минутного замешательства, люди на склоне побросали свои принадлежности и сыпанули вниз — кто бежал, кто катился, каждый, гонимый предчувствием неотвратимой беды. **Несколько человек**, однако, | **осталось** на месте. [Василь Быков. Камень (2002)]*

Сказуемое ставится в ед. ч. и в таких предложениях с тематической ИГ, в которых вся основа входит в тему и предложение представляет собой комментарий, пояснение в контексте разговора о другом. При такой коммуникативной организации нейтральная форма (ед. ч. ср. р.) оказывается наиболее уместной. В нижесле-

дующем контексте сказуемое во мн. ч. указывало бы на то, что ИГ называет достаточно определенных женщин, о которых уже шла или пойдет далее речь, и обязывало бы автора в дальнейшем к разработке темы о судьбе заключенных женщин. Однако автор продолжает другую, начатую ранее тему:

- (19) *Павел Алексеевич избегал таких завуалированных доносов и писал в анамнез разоблачительные слова "криминальный аборт" в единственном случае — когда пациентка умирала. Если жизнь женщины была спасена, такое медицинское заключение привело бы на скамью подсудимых и пострадавшую, и лицо, исполнявшее эту древнейшую процедуру. **Несколько сотен тысяч женщин сидело в лагерях** | именно по этой статье. Обширная программа, которую предстояло разработать Павлу Алексеевичу, кроме чисто медицинских аспектов включала и социальные. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // «Новый Мир», 2000]*

Таким образом, выбор формы ед. ч. сказуемого в предложениях с *несколько* связан с коммуникативной выделенностью количественно-именного сочетания — как правило, с позицией ремы в предложении бытийного типа, при неопределенной референтности ИГ, но иногда с позицией контрастной темы. Сказуемое здесь ориентируется на количественное слово. В редких случаях форма ед. ч. сказуемого употребляется как немаркированная в предложениях, в которых вся основа входит в тему и которые служат авторскими ремарками.

Выбор формы мн. ч. сказуемого обусловлен переносом внимания на признаки предметов, названных подлежащим, и наблюдается прежде всего в предложениях с ИГ, входящей в тему и обозначающей часть уже обсуждавшегося ранее множества предметов. Сказуемое ставится во мн. ч. и в предложениях характеристики с ИГ-ремой, при том что референт ИГ отличается большей определенностью и становится вполне конкретным в дальнейшем контексте. Постановка сказуемого во мн. ч. при рематической ИГ с *несколько* указывает на то, что охарактеризованные по количеству предметы становятся темой дальнейшего рассказа или обсуждения. Кроме того, сказуемое ставится во мн. ч.

в предложениях с суперпозицией ремы, совмещающих в себе введение в рассмотрение количественно охарактеризованных предметов и их характеристику.

3. Влияние коммуникативной организации высказывания на выбор числа сказуемого при согласовании с ИГ, включающей слова *много* и *немало*

Как уже говорилось выше, слова *много* и *немало* тяготеют к позиции ремы [Булыгина, Шмелев 1988: 14]. Однако наблюдения над коммуникативной структурой предложений с такими ИГ показывают, что «степень рематичности» этих слов различна. *Немало* в определенных контекстах допускает употребление в позиции темы, для *много* позиция темы крайне нехарактерна. Мы предполагаем, что это связано с различным типом квантификации: если *много* выражает оценку количества безотносительно к «объемлющему» множеству, но по сравнению с некоторой нормой — т. е. прагматическую [Булыгина, Шмелев 1988: 6, 14–15], то *немало*, как кажется, предполагает соотношение с некоторым множеством: реальным, «объемлющим» (пример 20) или гипотетическим и не обязательно бóльшим, чем данное множество (пример 21):

(20) *Вместе с тем немало представителей российской юридической мысли XIX — начала XX века полагало, что исполнительное производство носит внепроцессуальный характер...* [«Арбитражный и гражданский процесс», 2004.06.28]

(21) а. *В работе немало/много ошибок.*

б. *Много ли в работе ошибок? — Да, немало/много.*

В примере (20) невозможно употребить слово *много*, поскольку количество оценивается по отношению к «объемлющему множеству», в то время как в примерах (21а) и (21б) возможны оба количественных слова. Дело в том, что в примерах (21а) и (21б) количественное слово выражает оценку, которая может быть интерпретирована как прагматическая и выражаться словом *много*. В то же время выбор слова *немало* указывает на то, что на самом деле эта оценка относительна, она дается в сравнении (ср. также толкование *немало* по МАС: 1. *Довольно много, порядочно*): действительное количество

ошибок сравнивается с тем объемом, который, видимо, ожидался, мог бы быть в работе.

Ср. также: *Во дворе стояло много людей.* — **Во дворе стояло немало людей.*

Второе предложение без контекста выглядит неудачным, поскольку заставляет думать, что не все стоявшие во дворе были людьми, но среди них были и люди. Референт ИГ «немало людей» входит в «объемлющее множество» существ, стоявших во дворе. В то же время фраза «во дворе стояло немало людей» возможна при противопоставлении (мало — немало), при контрастном выделении *немало*, например: *Во дворе стояло немало людей, но он видел лишь ее одну.*

Таким образом, тип квантификации, осуществляемой с помощью слова *немало*, предполагает сопоставление с другим возможным количеством или отсылку к «объемлющему множеству», в последнем случае референт ИГ со словом *немало* воспринимается как отчасти известный из контекста. И хотя известность референта не обязательно обуславливает позицию темы [Ковтунова 2002: 42–45], но делает эту позицию допустимой. Что касается ИГ со словом *много*, то невозможность в нормальном случае отсылки к «объемлющему множеству», отсутствие контекстов, в которых *много* выступало бы в элективном значении (ср.: *немало из них* — **много из них*), делает позицию темы для него еще менее вероятной, чем для слова *немало*. Этот вывод подтверждается и данными НКРЯ: в нашей выборке со словом *немало* предложения с тематической ИГ составляют 8,2% всех примеров, в выборке со словом *много* — 5,8% предложений.

В выборке предложений со словами *много* и *немало* преобладают примеры, в которых ИГ входит в ремю.

- (22) *Сейчас в сети Интернет / существует очень много проектов под названием MLM или их называют проекты сетевого маркетинга.* [Предложение заработать сетевым маркетингом (2004)]
- (23) *Что касается Москвы и других городов России, где компактно проживает немало чеченцев, специальные участки для голосования там не предусмотрены.* [«Российская газета», 2003.09.15]

- (24) *У нас в театре| **выступало много акробатов** на льду, которые, раскатавшись у нас, с успехом уезжали в Америку.* [Наталья Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000–2001)]

Это предложения бытийного типа, нередко с лексикализированным предикатом. Сказуемое в них ставится в ед. ч. и тоже входит в ремю.

В предложениях с рематической ИГ, возглавляемой словом немало, как и в предложениях с несколько, сказуемое может ставиться во мн. ч., если ИГ соотносится с конкретным, индивидуализированным с точки зрения говорящего, референтом (крайне редкие примеры, см. 25) или если референт конкретизируется в дальнейшем контексте (26).

- (25) *Есть и другая возможность, пусть не столь явная, но более оптимистичная. Она связана с тем сценарием развития России, который предусматривает переориентацию систем ценностей, приоритетность сферы культуры, образования и науки, внедрение наукоемких и ресурсосберегающих технологий, широкое использование все еще большого интеллектуального потенциала страны. В этом направлении **думают и небезуспешно работают немало людей** в нашей стране...* [«Витрина читающей России», 2002.09.13]

Наличие нескольких сказуемых (т. е. подробное описание действий лиц, названных подлежащим) и оценка действия (*небезуспешно*) заставляют интерпретировать сочетание *немало людей* как обозначение вполне определенных, известных автору специалистов.

- (26) *Третьи свои победы в Олимпиадах **сумели одержать немало спортсменов**: голландка Анки ван Грюнсвен — конный спорт (выездка); уже упомянутые братья-близнецы Хохшиорнеры (Словакия) — гребной слалом...* [«Наука и жизнь», 2009]

Позиция темы для ИГ со словом *много* не характерна, но тематическое *много* встречается в предложениях, которые начинаются контрастной ремой (в примере (27) это анафорическое наречие *поэтому*, отсылающее к предшествовавшему контексту), за которой следует безударная тема (в нее входит почти все предложение):

- (27) — *Случайно ли, Эдуард Яковлевич, что вы пишете сценарий о войне, Михалков готовится снимать фильм — тоже о войне? — Конечно, не случайно. Сейчас и на «Беларусьфильме» запускается фильм «Рядовые», о войне. <...> (рассказ о военных подвигах. — Ю. К.). Скоро 60 лет, как война закончилась, еще и поэтому, наверное, / **много фильмов снимается о войне.** [«Вестник США», 2003.07.23]*

Здесь ИГ входит в атоническую тему [Янко 2001: 75–76]. Форма ед. ч. уместна как немаркированная, нейтральная. Использование формы мн. ч. предполагало бы бóльшую конкретность, определенность референта ИГ и обязывало бы автора/говорящего далее сосредоточиться соответственно на многочисленных фильмах о войне.

ИГ со словом *немало* благодаря способности выражать элективное значение оказывается в позиции темы чаще, чем ИГ со словом *много*. Сказуемое здесь может стоять в ед. ч. или во мн. ч.

Выбор формы ед. ч. сказуемого обусловлен как грамматическими свойствами слова *немало*, так и неопределенной референтностью ИГ, а также тематичностью самого глагола-сказуемого. Все это заставляет говорящего выбирать немаркированную форму.

- (28) *...Оказывается, **немало участников дискуссий полагало**, что культура «народа»... сулит наибольшие надежды на формирование новой культуры.* [«Проблемы Дальнего Востока», 2002.04.29]

- (29) ***Немало осложнений возникало** в результате американской политики / и в региональных конфликтах.* [Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)]

Тематическая позиция ИГ и тематичность группы сказуемого способствует постановке сказуемого во мн. ч. Выбор ед. или мн. ч. сказуемого, видимо, в этих контекстах обусловлен не актуальным членением, а другими факторами (одушевленностью референта ИГ, наличием однородных членов и др.).

- (30) *Развитию личности помогают и кружки по интересам (школьные. — Ю. К.). Сегодня у ребят есть возможность выбрать, что им больше по душе — кройка и шитьё, изготовление мягкой игрушки, декоративное творчество, драма-*

тическое искусство, современный танец, кружок «Умелые руки». Кроме того, немало ребят | посещают городские творческие кружки и секции. [«Уральский автомобиль» (Миасс), 2004.02.05]

Наконец, в предложениях со словами *много* и *немало*, как и в предложениях со словом *несколько*, возможна коммуникативная стратегия «суперпозиция ремь», которая заключается в введении двух рем и совмещении в одном высказывании фактически двух высказываний — бытийного и характеризующего [Янко 2001: 145–162]. В них сказуемое (входящее в сообщение, основанное на предложении характеристики) может принимать форму мн. или ед. ч.:

Сказуемое во мн. ч.

- (31) *Ничего, ничего, кончу Кальдерона, возьмусь всерьез за пьесу. — Да, а потом Незвал будет или еще что-нибудь. — Незвала я пока отложил, но я его сделаю. Я живу не в идеальных условиях, у меня семья, и много людей | от меня зависят. А пьесу хочется написать. [Зоя Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001)]*
- (32) *Австралийцы торгуют самородками даже в Интернете. Покупают их, главным образом, из-за необычной формы, например, для украшения интерьера. Редко встретишь покупателя, который сказал бы, что самородок приобретен им как средство накопления. Впрочем, именно в таком качестве самородки очень ценны, хотя бы потому, что немало коллекционеров первозданного золота | готовы отдать большие деньги за интересные экземпляры. [«Металлы Евразии», 2004.01.23]*

Выделенные предложения производят впечатление интонационно «неудобных», они требуют интонации с понижением тона на ИГ и на глаголе-сказуемом — что указывает на их сугубо книжную природу. Авторы вводят в обсуждение новый предмет (люди, коллекционеры золота) с количественной оценкой и далее характеризуют его с помощью группы сказуемого. В этих предложениях усматривается по два сообщения, бытийное и характеризующее: 1. *Есть много людей. Они от меня зависят.* 2. *(Существует) немало коллекционеров первозданного золота. Они готовы отдать большие деньги за интересные экземпляры.*

Сказуемое в ед. ч.

- (33) *Когда-то давно-давно Наталья Александровна приезжала к нам в городок Морзин, тот самый, во французских Альпах, куда мы с Татьяной Анатольевной традиционно уезжали на летние сборы. Татьяна Анатольевна пригласила Даббади поработать с тремя ее танцевальными парами: Гараниной — Завозиным, Карамышевой — Синицыным и с нами. Наталья Александровна проработала весь сбор с нами, и **много поддержек, вращений, позиций** /**вошло** благодаря ей в нашу программу.* [Наталья Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000–2001)]

Новый предмет — элементы спортивного выступления и их количественная оценка — вводится в первой части и затем характеризуется группой сказуемого. Интонационно здесь два рематических акцента — на *много* или *поддержек* (возможны два варианта) и на *вошло*. Здесь и в некоторых других примерах суперпозиции ремы с неодушевленным референтом ИГ сказуемое стоит в ед. ч.

Суперпозиция ремы в некоторых наших примерах имеет особенности по сравнению с типичными примерами этой стратегии. Эта стратегия предполагает внезапное появление нового предмета, часто необычного. Однако в примерах с *много* и *немало* ИГ может называть то, о чем уже шла речь (34), но семантика «появления нового» сохраняется за счет заведомой новизны количественной оценки и противопоставленности данного множества другим предметам того же класса:

- (34) *...Мы собрали более-менее всех, кто занимается дальним родством. Весь последний год я занимался организацией этой программы, провел четыре конференции. Всех надо собрать, более того, надо примирить: реально этой тематикой в мире, если хорошо «поскрести по сусекам», занимаются человек тридцать, не больше, и необходимо то, что в американской практике называется «team-work». Конечно, очень **много лингвистов** / **занимаются** отдельными частными семьями, и мы со всеми стараемся сотрудничать и использовать их результаты, но людей, которые занимаются собственно макрокомпаративистикой, очень немного.* [«Знание — сила», 2003]

Уже обсуждавшийся в предшествующем контексте предмет все же оказывается новым и составляет сообщаемое, поскольку его существование и количественная оценка противопоставлены тому, о чем говорилось ранее. ИГ здесь составляет рему с акцентом на количественном слове, но в то же время есть и другая рема — группа сказуемого. В высказывании образуются два нисходящих акцента — на ИГ (*много*) и на *отдельными* и соединяется два высказывания: *Есть очень много лингвистов, которые занимаются отдельными частными семьями*. В итоге образуется структура с суперпозицией ремы.

Примечательно, что автор не выбрал более естественный, казалось бы, вариант *многие лингвисты занимаются отдельными частными семьями*, а предпочел иной, тоже возможный: ИГ *много лингвистов* и коммуникативную стратегию «суперпозиция ремы». Это говорит об актуальности прагматической (не соотношенной с «объемлющим множеством») количественной оценки в его замысле и о том, что ИГ *много лингвистов* действительно составляет рему — при том что вторая, характеризующая часть высказывания, образует вторую рему.

Таким образом, в предложениях со словами *много* и *немало* выбор ед. ч. сказуемого характерен для высказываний как с тематической, так и с тематической ИГ. В то же время форма мн. ч. сказуемого появляется в предложениях со словом *немало* при положении ИГ в реме и при дальнейшей конкретизации референта ИГ, при тематической ИГ со словом *немало*, если есть дополнительные условия, способствующие выбору формы мн. ч., и в предложениях с *немало* и *много* при суперпозиции ремы, если референт ИГ одушевленный.

Заключение

Таким образом, наше исходное предположение должно быть уточнено. Оно звучало следующим образом: если ИГ входит в тему или составляет тему, то повышается вероятность выбора формы мн. ч. сказуемого. Если ИГ входит в рему, то повышается вероятность выбора формы ед. ч. сказуемого. В ходе исследования было подтверждено то, что предикативное согласование в предложениях с ИГ, включающей слова *несколько*, *много*, *немало* в значительной мере определяется коммуникативной структурой предложения.

Однако эта зависимость выглядит несколько иначе, чем в предложениях с ИГ, включающей определенно-количественное числительное (на этом материале основывается Е. В. Соколова). Выбор формы ед. ч. сказуемого в предложениях с *несколько, много, немало* чаще всего обусловлен коммуникативной выделенностью ИГ и характерен для бытийных предложений с ИГ в позиции ремы или для предложений с ИГ — контрастной темой. Количество предметов в этих случаях находится в фокусе внимания говорящего и сказуемое ориентируется на количественное слово. В то же время форма ед. ч. сказуемого имеет и другую функцию: она используется в таких предложениях, в которых ИГ входит в атоническую тему, в том числе в ремарках, пояснениях как немаркированная форма.

Что касается маркированной формы сказуемого — мн. ч., — то она появляется тогда, когда ИГ конкретизируется или «тематизируется», т. е. в дальнейшем контексте ее референт обретает конкретность или ее субститут становится темой следующего высказывания. Сказуемое мн. ч. характерно для предложений, в которых семантически значимой и/или коммуникативно выделенной оказывается группа сказуемого или обстоятельства: в предложениях характеристики, в предложениях, в которых ИГ входит в тему, а сказуемое или другие члены предложения — в рему.

В сложных коммуникативных структурах — например, при суперпозиции ремы — в предложениях с *несколько* обычно выступает сказуемое мн. ч., но в предложениях со словами *немало, много* при суперпозиции ремы образуется контекст, допускающий вариативность: сказуемое может принимать форму ед. или мн. ч., выбор определяется в том числе другими факторами контекста, в частности, одушевленностью.

Выбор формы сказуемого определяется не только коммуникативной организацией высказывания, но прежде всего свойствами количественного слова, а также, в меньшей степени, различными факторами контекста (одушевленностью, наличием однородных подлежащих или сказуемых и др.). Некоторые факторы (например, семантический тип предиката и его лексическая реализация) оказываются тесно связаны с коммуникативной стратегией и поддерживают ту или иную коммуникативную структуру. Другие (одушевленность, наличие однородных членов), напротив, корректируют типичное проявление той или иной коммуникативной структуры. Сложным

взаимодействием этих факторов и стратегий определяется выбор того или иного типа предикативного согласования.

Литература

- Арутюнова 1999 — Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Арутюнова, Ширяев 1983 — Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Русский язык, 1983.
- Бельчиков 2012 — Ю. А. Бельчиков. Практическая стилистика современного русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2012.
- Брызгунова 1977 — Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд. М.: Русский язык, 1977.
- Булыгина, Шмелев 1988 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Механизмы квантификации в естественном языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 5–18.
- Голуб 2008 — Голуб И.Б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. М.: Эксмо, 2008.
- Граудина и др. 1976 — Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976.
- Ковтунова 1976 — И. И. Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.
- Кувшинская 2013а — Ю. М. Кувшинская. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением (по данным НКРЯ за 2000–2010 гг.) // Русский язык в научном освещении, № 2 (26), 2013. С. 112–150.
- Кувшинская 2013б — Ю. М. Кувшинская. Тенденции развития вариативности в согласовании сказуемого с подлежащим, включающим числительное «несколько» // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: К 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича. Материалы международного научного семинара. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 99–104.
- Кувшинская 2014 — Ю. М. Кувшинская. Согласование сказуемого с именной группой, включающей слова *сколько*, *столько*, *много*, *немало*, *несколько* // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы, № 9, 2014. С. 24–32.
- Мельчук 1985 — И. А. Мельчук. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985. С. 420–428

- Никунласси 2002 — А. Никунласси. О числе сказуемого при количественном подлежащем в русском и финском языках // Семантические проблемы русского языка. Таллинн, 2002. С. 33–45.
- Розенталь 2010 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Айрис-Пресс, 2010.
- Скобликова 1969 — Е. С. Скобликова. Согласование и управление как способы синтаксической организации слов в русском языке. Дисс. ... уч. ст. д. филол. н. Куйбышев, 1969.
- Скобликова 2005 — Е. С. Скобликова. Согласование и управление в русском языке. 2-е изд-е. М.: URSS, 2005.
- Соколова 1998 — Е. В. Соколова. О взаимосвязи коммуникативного задания высказывания и колебания координации подлежащего и сказуемого в формах числа // Вестник СПбГУ. Сер.2, вып.2, №9, 1998. С. 36–42.
- Супрун 1965 — А. Е. Супрун. Славянские числительные. (Становление числительных как особой части речи). Автореферат дисс. ... д. филол. н. Л., 1965.
- Русская грамматика 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980.
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Krasovitsky et al. 2010 — A. Krasovitsky, M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett, P. Williams. Predicate agreement in Russian: a corpus-based approach // B. Hansen, J. Grković-Major (eds.). Diachronic Slavonic Syntax. Gradual Changes in Focus. München — Berlin — Wien: Verlag, 2010. P. 109–119.
- Corbett 1979 — G. G. Corbett. Predicate agreement in Russian. Birmingham: University of Birmingham, 1979.
- Corbett 1998 — G. G. Corbett. Agreement in Slavic. Position paper for the workshop “Comparative Slavic Morphosyntax”. Bloomington, 1998.
- Robblee 1993 — K. E. Robblee. Individuation and Russian agreement // Slavic and East European Journal 37, 1993. P. 423–441.

Е. А. Ренковская
ИВГИ РГГУ, Москва

«ТЕБЯ ВИДЯ НЕ БОЮСЬ»: ПОСЛЕЛОГИ ЯЗЫКА КУМАОНИ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ ГЛАГОЛОВ

1. Введение

В большинстве индийских языков источником для появления новых производных послелогов обычно служат имена существительные и наречия. Глагольные формы грамматикализуются в послелого значительно реже и в таких случаях чаще всего грамматикализации подвергаются деепричастия.

Данная работа посвящена отглагольным послелогам в языке кумаони (северная подгруппа индоарийских языков, центральная группа пахари) и, прежде всего, не описанному ранее послелогу, маркирующему стимул при глаголах эмоционального состояния. Этот послелог сравнительно недавно подвергся грамматикализации и восходит к деепричастию от глагола *dekhno* ‘видеть’. Целью работы является описать отглагольные послелого кумаони, маркирующие, как и послелог стимула, основных участников ситуации, а также пути их грамматикализации. Стоит отметить, что в рассмотрении не войдут отглагольные послелого, маркирующие сирконстанты (например, *choriber* ‘за исключением’ и *lageber* ‘включая’).

Материалом для работы послужили полевые данные, собранные в восточном Кумаоне (Индия, штат Уттаракханд) в феврале — апреле 2013 г.

Среди наиболее распространенных по диалектам послелогов, которые маркируют основных участников ситуации и — с разной степенью вероятности — могут быть отнесены к отглагольным, можно выделить следующие:

- послелого-маркеры стимула при глаголах эмоционального состояния;
- агентивные послелого ряда¹ *kayā*;
- дативные послелого ряда *lyākhā* в диалекте джохари;
- аблативные послелого ряда *he*.

¹ Под рядом понимается набор внутридиалектных вариантов.

2. Послелогои — маркеры стимула при глаголах эмоционального состояния

Такие послелогои реализуются в двух вариантах:

– совпадают с полной формой деепричастия от глагола *dekhno* ‘видеть’: *dekhber/dikhber*², при этом, как и исходное деепричастие, требуют наличия при имени аккузативно-дательного послелогоа, ср.:

- КХАСПАРДЖИЯ (Сомешвар³)
- (1) *Mi-ke dikh-ber narāz*
я-ACC/DAT STIM (=видеть-ADVPART) обиженный
jan he.
NEGIMP быть.IMP.SG
‘Не обижайся на меня’.

– совпадают с усеченной формой деепричастия: *dekha/dikha/dekhi/dekhe/dekha*, при этом не требуют наличия при имени аккузативно-дательного послелогоа. В обычной речи усеченная форма деепричастия используется достаточно редко, при этом образованный от этой формы послелог употребляется с той же частотой, что и послелог, образованный от полной формы.

- СОРЬЯЛИ (Питхорагарх)
- (2) *Mes u dekha pitt*
я.DAT он STIM раздражение
lāg-ī gech.
прикладываться-PARTPASSBASE идти-PAST.F.3.SG
‘Он меня раздражает’.
- (3) *Mē u dekha khussī ho ra-yī.*
я он STIM радостный быть оставаться-PAST.1.SG
‘Он меня обрадовал’.

Примеры на данные послелогои приводятся и в более ранних работах, при этом послелог рассматривается как деепричастие. Ср. примеры, приведенные в [Sharma 1987] в качестве иллюстрации усеченной формы деепричастия от *dekhno* (в примере (5) имеет место грамматикализированный послелог):

² Через косую черту приводятся диалектные варианты.

³ Рядом с примерами из полевых материалов автора указаны диалект и, в скобках, — населенный пункт, откуда родом информант.

- (4) *Syāp dekh-i bhyār hāt.*
змея видеть-ADVPART наружу рука
'При виде змеи отдергивают руку'. (из пословицы)
- (5) *Mē dekhi kile cīr-chā?*
я STIM почему сердиться-PRS.2.PL
'Почему вы на меня сердитесь?' [Sharma 1987: 125]

О завершившейся грамматикализации данных послелогов можно судить в частности по тому факту, что послелог-маркер стимула может присоединяться не только к имени, но и к инфинитиву, ср.:

- СОРЬЯЛИ (Питхорагарх)
- (6) *Mē yo kīn dekha sarmā-chu.*
я этот говорить STIM стесняться-PRS.1.SG
'Я стесняюсь это говорить'.

Подавляющее большинство носителей кумаони владеет также и хинди, при этом их хинди характеризуется большим количеством случаев лексического и грамматического калькирования. Подобное калькирование иногда затрагивает и конструкции с послелогом и в некоторых случаях оно становится важным аргументом в пользу грамматикализации того или иного послелога, особенно тогда, когда структура послелога в кумаони не вполне прозрачна. Так, в примере (7) стимул при глаголе «сердиться» оформляется деепричастием от глагола *dekhnā* 'видеть', тогда как в стандартном варианте хинди такой актанта должен был бы маркироваться аблативным послелогом *se*.

- ХИНДИ
- (7) *Vah mujhe dekh-ke bahut*
он я.ACC/DAT видеть-ADVPART очень
cīr-h-t-ī hai.
сердиться-PARTACT-F.SG быть-3.SG
'Она очень сердится на меня'.

Наряду с подобным маркированием в тех же диалектах кумаони возможно оформление стимула при аналогичных глаголах дативными послелогом, а также комитативными и аблативными. Дативные послелогом в кумаони чаще всего маркируют второй

актант при непереходном глаголе⁴, а большинство глаголов эмоционального состояния как раз являются непереходными. Комитативные послелогои часто выступают в роли маркера стимула при глаголах эмоциональных отношений (например, при глаголах *māyā karno* ‘любить’ и *nafrat karno* ‘ненавидеть’).

- СОРЬЯЛИ (Питхорагарх)
- (8) *Okhl-ūni khor-o hāl-i*
 ступа-LOC голова-DIR вставить-PARTPASSBASE
dyo-t musol-ā khin kī
 дать.PAST.M.3.SG-то пест-OBL DAT что
ḍar-nu.
 бояться-INF
 ‘Если засунул голову в ступу, что бояться песта’. (пословица)

- КХАСПАРДЖИЯ (Алмора)
- (9) *Mer dagar narāz jan ho-ye.*
 я.GEN СОМИТ обиженный NEGIMP быть-IMP.PL
 ‘Не обижайся на меня’.

Интересен тот факт, что иногда в процессе непосредственного сбора материалов по анкете информанты давали сразу два варианта на одно и то же предложение, предлагавшееся для перевода на кумаони — с послелогом — маркером стимула и иным послелогом, поясняя, что оба этих варианта возможны и равноценны⁵, ср.:

- СОРЬЯЛИ (Питхорагарх)
- (10) *Mē ye kukur hai / dekhbhaṭin ne*
 я этот.OBL собака ABL STIM не
ḍar-nu.
 бояться-NEG.1.SG
 ‘Я не боюсь этой собаки’.

- КУМАЙЯ (Лохагхат)
- (11) *Mi dekhber/simet narāj jin ho-ya.*
 я STIM СОМИТ обиженный NEGIMP быть-IMP.PL
 ‘Не обижайся на меня’.

⁴ Подробнее о дативных послелогох в кумаони см. [Ренковская 2011].

⁵ Предложенные информантами варианты здесь и далее приводятся в примерах через косую черту.

3. Агентивные послелого ряда *kayā*

Агентивные послелого *kayā/kayā̃/ke/kay/kaī/kayāl/kayāle/kaīl/kel/kēl* во всех контекстах дублируют функционально абсолютно тождественные послелого ряда *buti*⁶, и других функций у послелогов обоих этих рядов нет. Они управляют генитивной формой местоимения и косвенной формой существительного. Предположительно варианты *kayā/kayā̃/ke/kay/kaī* восходят к пассивному причастию от глагола *kuno* ‘сказать’ в форме мужского рода косвенного падежа, а варианты *kayāl/kayāle/kaīl/kel/kēl* образовались в результате сочетания этого причаствия с инструментальным послелогом *le/le*.

ЧАУГАРКХИЯ (Шитлакхет)

- (12) *Mer kel sāg ni baṛa-i-n.*
я.GEN AGENT овощи не делать-PASS-PRS.NEG
‘У меня не получается готовить овощи’.

СОРЬЯЛИ (Питхорагарх)

- (13) *Mer kayā u khin gālⁱ nikal*
я.GEN AGENT он DAT ругательство выйти
gē.
идти.PAST.F.3.SG
‘У меня вырвалось ругательство на его счет’.

Как и в случае с послелогом-маркером стимула, описанным выше, носители, приводя на кумаони конструкции с агентивными послелогоми, часто предлагали сразу по два варианта, делая акцент на абсолютной взаимозаменяемости послелогов рядов *kayā* и *buti*, ср.:

СОРЬЯЛИ (Питхорагарх)

- (14) *Mer puti / kayā angrezī ne sik-i*
я.GEN AGENT AGENT английский_язык не учить-PASS
sak-ni.
мочь-PRS.NEG.F.3.SG
‘У меня не получается учить английский’.

⁶ Полный ряд *buti/bitī/budi/bidi/budik/puti/put*.

ГАНГОЛИ (Дамри)

- (15) *Mer biti / kaṡā yo kām ne hu-n.*
 я.GEN AGENT AGENT этот работа не быть-PRS.NEG
 ‘У меня не выходит эта работа’.

В пользу того, что послелог возник в результате грамматикализации глагольной формы, свидетельствует повсеместное калькированное оформление носителями кумаони в речи на хинди аналогичного участника ситуации конструкцией *X ke kah-n-e (se)* (X GEN ‘сказать’-INF-OBL (ABL=INSTR)), ср.:

ХИНДИ

- (16) *Mer-e kah-n-e (se) yah gir*
 я.GEN-M.SG.OBL сказать-INF-OBL ABL этот падать
ga-yā.
 идти-PAST.M.SG
 ‘Я его уронил’.

При этом в калькированной конструкции появляется инфинитив вместо исходного пассивного причастия, потому что пассивные причастия в хинди ограниченно сочетаются с послелогоми. В существующих описаниях кумаони нет прямых указаний на функционирование пассивного причастия в качестве глагольного имени и его возможность употребляться с послелогоми, однако это подтверждается многочисленными примерами, в частности из фольклора, ср.:

- (17) *Gangā ju ko pāni*
 Ганг уважит.частица GEN.M.SG вода
hil-yo rumāl dho-y-ā le.
 колебаться-PAST.M.3.SG платок мыть-PARTPASS-OBL INSTR
 ‘Вода Ганга всколыхнулась оттого, что (в ней) постирали платок’.

В случае со следующими двумя рядами послелогов (разделы 4 и 5) утверждать то, что они произошли в результате грамматикализации глагольных форм, можно с меньшей степенью уверенности. Однако ряд факторов указывает на возможность такой этимологии.

4. Дативные послелогои ряда *lyākhā* в диалекте джохари

Дативные послелогои *lyākhā/lyākh/lēkhāl/lyāhal/lyāhali* в диалекте джохари предположительно восходят к пассивному причастию от глагола *lekhno* ‘писать’ в форме мужского рода косвенного падежа. Они так же, как и агентивные послелогои ряда *kayā*, имеют варианты с инструментальным послелогом — *lēkhāl/lyāhal/lyahal/lyāhali* и присоединяются к генитивной форме местоимений и косвенной форме существительных и инфинитивов.

- ДЖОХАРИ
- (18) *Taī-l wī-kō lēkhāl khawai-lhiwai*
ты-ERG он-GEN.M.SG DAT праздник
ka-yē.
делать-PAST.F.3.SG
‘Ты устроил для него праздник’.

[Grierson, 1916: 250]

- ДЖОХАРИ (Мунсьяри)
- (19) *U para-n lyahal Almoṛa gay.*
он учиться-INF DAT Алмора идти.PAST.3.SG
‘Он поехал учиться в Алмору’.

По формальным признакам возможно также возведение послелога к существительным *lyākh* ‘признание’ или *lyakh* ‘компенсация, расплата’, но те, в свою очередь, являются отглагольными существительными от *lekhno* и при этом обладают более сложной семантикой. Заметим также, что употребление существительных в косвенной форме без послелога для языка кумаони нехарактерно, тогда как пассивное причастие — как мы уже наблюдали в случае с послелогами ряда *kayā* — в такой форме грамматикализироваться может.

Интересен тот факт, что, если в других диалектах кумаони аккузативно-дативные и дативные послелогои четко разведены по функциям, в джохари аккузативно-дативные послелогои встречаются также в функции дативных, из-за чего создается вариативность при выборе послелога. Например, бенефактив по всем диалектам маркируется дативными послелогами, а в джохари в этой же функции могут быть употреблены аккузативно-дативные. Ниже приведены примеры, записанные от одного информанта:

- ДЖОХАРИ (Мунсьяри)
- (20) *wi-l mε he afun bhe he ciṭṭhī*
 он-ERG я ACC/DAT свой брат ACC/DAT письмо
dī.
 давать.PAST.F.3.SG
 ‘Он дал мне письмо для своего брата’.
- (21) *m-il tyer lyahal angūthī banε-i.*
 я-ERG ты.GEN DAT кольцо сделать-PAST.F.3.SG
 ‘Я сделал для тебя кольцо’.

5. Аблативные послелогои ряда *hE*

Аблативные послелогои *hε/heber/hebe/habe* дублируют по функциям аблативные послелогои ряда *baṭi*⁷. Предпочтительно послелогои ряда *hε* используются в сравнительных оборотах, однако во многих диалектах они перенимают на себя большинство аблативных функций (см. примеры ниже), оставляя послелогам ряда *baṭi* только элативную и временную. На факт совпадения по функциям послелогов рядов *baṭi* и *hε* указывал еще Дж. Грирсон в [Grierson 1916: 120], не делая однако попыток объяснить причины подобного функционального пересечения. При этом нужно отметить, что существуют диалекты, где в аблативной функции употребляются послелогои только одного из этих рядов, а послелогои другого ряда отсутствуют.

Варианты *hε* и *heber/hebe/habe* совпадают с краткой и полной формой деепричастия от глагола *huno* ‘быть’ соответственно. Таким образом, можно предположить, что послелогои данного ряда возникли в результате грамматикализации этой формы.

- ДЖОХАРИ (Квити)
- (22) *Merⁱ benⁱ u chyor heber bhel*
 мой.F.SG сестра тот девушка ABL красивый
cho.
 быть.PRS.3.SG
 ‘Моя сестра красивее той девушки’.

⁷ Полный ряд диалектных вариантов *baṭi / baṭī / baṭε / beṭi / baṭik / baṭhi / baṭhe / bhaṭi / bhaṭī / bhaṭī̄ / bhaṭin / bhaṭε / bhaṭε / be / be.*

- ЧАУГАРКХИЯ (Шитлакхет)
(23) *Tu u cyol hebe mer kitāb li-e.*
ты тот парень ABL мой книга брать-IMP. PL
'Возьми мою книгу у того парня'.

- СОРЬЯЛИ (Питхорагарх)
(24) *Tum mē he bhot dūr chā.*
вы я ABL очень далекий быть.PRS.2.PL
'Вы очень далеко от меня'.

С семантической точки зрения данное предположение не вполне оправдано, потому что неясно, как мог быть осуществлен подобный семантический переход. На данный момент на возможность грамматикализации указывают лишь формальные признаки. Заметим, что, как было показано в работе, для всех послелогов, которые предположительно образовались в результате грамматикализации глагольных форм, характерно функциональное дублирование другого ряда послелогов и подобное дублирование имеет место и в случае аблативных послелогов ряда *he*.

Ниже приведены примеры, где послелогов ряда *baṭi* употребляются в предпочтительных для них функциях — элативной и временной:

- ДЖОХАРИ (Квити)
(25) *Mi Bhārat be ā ryū.*
я Индия ABL прийти оставаться.PAST.1.SG
'Я приехал из Индии'.

- КХАСПАРДЖИЯ (Алмора)
(26) *Mē tumor intezār kab bhaṭe kara-na-yū.*
я ваш ожидание когда ABL делать-CONT-1.SG
'Как долго я тебя жду!'

6. Выводы

В языке кумаони источником грамматикализации послелогов, маркирующих основных участников ситуации, могут стать такие глагольные формы, как деепричастие и пассивное причастие (с факультативным присоединением инструментального послелога *le/le*). Особо нужно отметить, что послелогов, описанные в настоящей работе обычно заменяют или дублируют с тенденцией к замене —

езде или в определенных конструкциях — другие послелого, употребляющиеся в таких же функциях.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблативный послелог; ACC/DAT — аккумулятивно-дательный послелог; ADVPART — деепричастие; AGENT — агентивный послелог; COMIT — комитативный послелог; CONT — настоящее продолженное время; DAT — дательный послелог; DIR — прямой падеж; ERG — эргативный послелог; F — женский род; GEN — генитивный послелог; IMP — императив; INF — инфинитив; INSTR — инструментальный послелог; LOC — локативный послелог; M — мужской род; NEG — отрицательная форма глагола; NEGIMP — отрицательная частица; употребляющая с формами императива; OBL — косвенный падеж; PARTACT — активное причастие; PARTPASS — пассивное причастие; PARTPASSBASE — основа пассивного причастия; PASS — пассивный залог; PAST — простое прошедшее время; PRS — настоящее время; SG — единственное число; STIM — послелог стимула.

Литература

- Ренковская 2011 — Е. А. Ренковская. К вопросу о распределении аккумулятивно-дательных и дательных послелогов в диалектах языка кумаони // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. VII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2011. С. 417–423.
- Grierson, 1916 — G. A. Grierson. *Linguistic Survey of India*. Vol. IX. Part IV. Delhi — Varanasi — Patna: Motilal Banarsidass, 1906.
- Sharma 1987 — D. D. Sharma. *The Formation of Kumauni Language*. Part II. *Morphology and Syntax*. [Indian Languages and Linguistics XV]. New Delhi: Bahri publications, 1987.

Е. Ю. Шарихин

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НАРЕЧИЙ НА -СКИ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XIX ВЕКА¹

1. Вступительные замечания

Для русского языка XIX века с самого начала своего оформления как литературного языка на национальной основе были характерны поиски новых речевых средств, которые могли бы способствовать обновлению выразительности языка. Благодаря активной писательской деятельности литература данной эпохи, представленная разнообразными жанрами, стремительно развивается, тексты обогащаются средствами словесно-художественной изобразительности, экспрессивно окрашенная лексика получает особый стилистический статус в текстах русских писателей. Поиски новых выразительных средств в русском литературном языке идут различными путями. Так, устаревшие слова, бытовавшие в языке прошлых эпох, получают новую жизнь, зачастую изменяя свою семантику; писатели обращаются к национальной и диалектной лексике, к речевым средствам разных общественных сфер (например, профессиональной лексике), к украинизмам и жаргонизмам, создают кальки, занимаются новаторством в лексике, фразеологии, синтаксисе. В этот период художественная литература «была мощным средством распространения и закрепления новообразований, возникавших в публицистике, науке, живой речи» [Левин 1964: 242–243].

Неологические процессы, активно протекающие в лексической системе русского языка в целом, затрагивали и область наречий. В литературный язык входят новые наречия, для чего широко

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта: Лексико-семантические новации в русском языке XIX в., № 15-04-00032. Новации в области наречий выявлялись на базе картотеки исторического дифференциального «Словаря русского языка XIX века», а также представлены материалами собственной выборки из текстов XIX века.

используются продуктивные способы словообразования². Одним из основных факторов данного процесса является семантическая мотивированность [Толстая 2002: 112], которую важно учитывать при лексикографическом описании лексики.

В данной статье исследуются новообразования антропоцентрической направленности в области наречий на *-ски* (с приставкой *по-* и без неё), словообразовательно мотивированные существительными со значением лица (*вельможески*, *канальски*, *анафемски*, *идольски*, *гастрономически*³, *гурмански* и нек. др.), которые были выявлены в текстах русской художественной прозы XIX века. На материале выявленных наречий рассматриваются особенности лексической и семантической неологии в данной группе слов.

Важность рассмотрения подобной лексики обусловлена тем, что традиционно академические словари русского языка не уделяют наречию должного внимания⁴. Как отмечает А. Б. Пеньковский,

русская лексикография, отражая рисуемую грамматикой картину адвербиального мира, либо вообще лишает большинство русских наречий лексикографической обработки, либо сводит её к некоторому минимуму, пределом которого оказывается или чистая фиксация наречного слова (так в БАС и МАС), или голый пример его употребления в виде краткого предложения (так в Сл. Ушакова и Ожегова). Отсутствует здесь — за редчайшими исключениями — и какая-либо грамматическая информация о наречиях: чего не видит словарь, того не знает и грамматика [Пеньковский 2004: 165].

² Отграничение наречия от слов категории состояния, модальных слов, некоторых частиц, производится с опорой на концепцию В. В. Виноградова. См.: [Шарихин 2014: 889].

³ В настоящей статье наречие *гастрономически* занимает особое положение, поскольку лексема может быть мотивирована как существительным со значением лица *гастроном*, так и существительным *гастрономия* (см. раздел 4).

⁴ Между тем

по вкладу в номинативный фонд русского языка наречия занимают четвертое место среди частей речи, следуя сразу за именем существительным, глаголом и прилагательным и намного в этом отношении опережая остальные части речи, как знаменательные, так и незнаменательные [Евтюхин 1999: 3].

Между тем пласт новых наречий в русской художественной прозе XIX века значителен, поэтому существует необходимость более детального анализа такой лексики.

Уже в XVIII веке самой большой и продуктивной группой среди наречий на *-ски* были «наречия, образованные от прилагательных, имеющих в основе существительное со значением лица; здесь отмечаются как приставочные, так и бесприставочные образования» [Виноградов (отв. ред.) 1964: 188]. САР² приводит в качестве вариантов с одним значением наречия: *братски* — *по-братски*, *дворянски* — *по-дворянски*, *боярски* — *по-боярски*, *ребячески* — *по-ребячески*, *холопски* — *по-холопски*, *воровски* — *по-воровски* и мн. др. [САР²]. В том случае, когда вариантов не было, существовала только бесприставочная форма, поскольку, с одной стороны, при некоторых старых образованиях приставочный вариант так и не появился, а с другой стороны, наречия с приставкой *по-*⁵ были характерной чертой разговорной речи [Виноградов (отв. ред.) 1964: 188].

Вообще, как приставочные, так и бесприставочные наречия на *-ски* исторически имели следующее значение: ‘как прилично кому-н., свойственно кому-н.’, ‘подобно кому-н.’, ‘как кто-н.’. Однако уже в древнерусском языке многие бесприставочные наречия на *-ски* выражали не только относительное, но и переносное, качественное значение прилагательных [Виноградов (отв. ред.) 1964: 188–189]. Например, *мужски* — ‘подобно мужчине, как мужчина’, но также и ‘мужественно, доблестно’; *рабски* — ‘как раб’, но также и ‘преданно, униженно, покорно’. В языке XVIII века, особенно второй его половины, значительная часть бесприставочных наречий на *-ски* уже имела явно выраженное качественное значение [Виноградов (отв. ред.) 1964: 188–189].

В XIX веке бесприставочные наречия на *-ски* постепенно перестают образовываться от прилагательных с суффиксом *-ск*, не имеющих качественного значения, поэтому некоторая группа слов из числа наречий, которые уже были образованы, выходит

⁵ Н. В. Чурмаева отмечает, что наречия на *-ски* (*-ьски*) с приставкой *по-* известны с XV века. Процесс оформления в языке приставочных форм был длительным. Даже в памятниках XVII в. они редки, «за исключением наречий, обозначающих признак по названию народности: *по-латински*, *по-польски*, *по-словенски*» и т. п. [Чурмаева 1989: 107].

из употребления. Как отмечает В. В. Виноградов, в начале XIX века в языке не встречаются употребления, например, таких наречий: *иночески, вдовски, бунтовски, бездельнически, дьячковски, монаршески* и др., хотя соответствующие прилагательные употребляются до самого конца века и вплоть до середины XX века. Как отражение прежней тенденции в образовании бесприставочных наречий на *-ски* в первой половине XIX века

встречаются единичные, не отмеченные ранее формы со значением ‘как кто-нибудь’: *лазутчески, студенчески, бурлацки* и некот. др. <...> Из уже существовавших наречий значительная часть бесприставочных образований употребляется на протяжении всего XIX века с прежним значением ‘подобно кому-нибудь, как кто-нибудь’. Однако такое употребление постепенно идёт на убыль [Виноградов (отв. ред.) 1964: 189–190].

2. *Вельможески*

В связи с вышеизложенным интерес представляет наречие *вельможески*, которое содержит в себе указание на лицо и имеет в текстах XIX века две формы: приставочную и бесприставочную.

В ССРЛЯ толкование и иллюстративный материал для рассматриваемого наречия не приводится, указывается лишь первая фиксация новообразования в Словаре 1847 года. В данном словаре наречие сопровождается следующим толкованием: ‘прилично вельможамъ’ [Словарь 1847: 110]. По мнению лингвистов, работающих в области исторического словообразования [Улуханов 2005], решение вопросов лексической реализации конкретной словообразовательной модели невозможно без исследования всей словообразовательной цепочки, без учета контекстных условий появления того или иного слова, без встраивания истории конкретного слова в процесс осуществления общих закономерностей развития языка.

Слово *вельможа*, согласно данным ССРЛЯ, имеет значение ‘знатный и богатый сановник’ [ССРЛЯ, II: 153]. Обратимся к контекстам с рассматриваемым наречием. См.:

- (1) *Бывало, <Франсиско Гойя> пропируетъ, прокутить почти всю ночь, безъ отдыха въ гостяхъ, въ кругу придворной знати <...> — Когда же весь городъ пробуждался, Гойя*

оставлялъ свое роскошное жилище и забывалъ дворъ въ толпѣ простолюдиновъ.

Онъ жилъ въ прелестной виллѣ, по близости столицы, жилъ *по-художнически* и *по-вельможески*. Всѣ стѣны раскрашены имъ самимъ. Бывало, какія онъ дѣлалъ дурачества: навалить въ котель разныхъ красокъ, схватить ложку вмѣсто кисти; хляпъ, хляпъ ихъ въ стѣну, размажетъ все это по стѣнѣ, и изъ этого пачканья выходили сцены изъ современной исторіи... [Франсиско-Гойя и Лусиентесь. 1838⁶. С. 661–662]

(2) *Роскошный, великодушный богачъ этотъ* (М. С. Голиков) *содержалъ на откупъ Сибирь, Москву, Петербургъ, обладалъ миллионами, жилъ вельможески, изумлялъ своими пирами, весельемъ, и умеръ не оставивъ дѣтей. Послѣ него дѣла найдены въ разстройство, но и остатками обогатились всѣ его родственники.* [Н. А. Полевой. Сочинения Г. Р. Державина. 1839. С. 51]

(3) *Тогда онъ* (графъ) *признался, что за него* (Могилинский требникъ 1647 г.) *просилъ продавецъ только 10 (руб.), но что ему показалось это слишкомъ мало, а потому онъ далъ продавцу вмятеро. Это истинно по вельможески и притомъ честно вельможески, подумалъ я въ себѣ.* [О. М. Бодянский. Осипъ Максимовичъ Бодянский (въ его дневникѣ 1849–1850 гг.). 1888. С. 399]

На первый взгляд, семантика наречий в примерах (1) и (2) тождественна. Однако приставочная форма наречия в примере (1) в большей степени передаёт относительность, сравнение с вельможей (жил *по-вельможески*, т. е. жил ‘как подобает вельможе’), чем пример (2) с бесприставочной формой наречия, который выражает обобщенно-качественное, переносное значение наречия (жил *вельможески* — т. е. ‘очень богато, с размахом, на широкую ногу’ и т. п.). В то же время в примере (1), содержащем приставочное наречие *по-художнически*, жизнь Ф. Гойи уподобляется жизни придворного художника (т. е. жил ‘как подобает художнику’); и одновременно

⁶ В настоящей статье цитаты из литературных текстов датируются в большинстве случаев годом написания произведения, а номера страниц указываются в соответствии с изданиями, указанными в библиографии.

с этим пример содержит качественную характеристику (т. е. жил *‘богемно’*).

А. М. Пешковский указывал, что оттенок, вносимый в наречие префиксом *по-*, «сводится, по-видимому, к большему напоминанию о предмете, от которого образованы данные прилагательные и наречие, чем это имеет место в беспрефиксных словах⁷» [Пешковский 2001: 97]. По его мысли, между формами наречий на *-ски* с префиксом *по-* и без него наблюдается такое соотношение: чем реальнее и конкретнее предмет, от которого образованы прилагательное и наречие или с которым соотносятся эти слова, тем больше им соответствует префиксный тип наречного словообразования (с *по-*); чем отвлеченнее и качественнее предмет, тем больше подходит беспрефиксный тип [Пешковский 2001: 97].

Пример (3), объединяющий в себе обе формы наречия⁸, показывает, что в данном контексте первая приставочная форма имеет в себе больше относительности, а вторая бесприставочная форма — качественности (в первом случае *истинно по вельможески* — ‘так, как подобает настоящему, порядочному вельможе’, во втором случае *честно вельможески* — ‘щедро, без скупости’).

По мнению В. В. Виноградова, на всём протяжении XIX века приставочные и бесприставочные наречия на *-ски* адаптируются для выражения разных значений: приставочные формы используются при выражении значения уподобления (‘подобно кому-нибудь’): *по-барски* — чаще, чем *барски*, *по-детски* — чаще, чем *детски* и т. п.; бесприставочные формы употребляются в тех случаях, когда значение ближе к качественному [Виноградов (отв. ред.) 1964: 191].

⁷ В подтверждение своей мысли А. М. Пешковский говорит о неупотребительности наречий с префиксом *по-* от прилагательных на *-ический*:

не говорят *по-идеалистически*, *по-рационалистически*, *по-теоретически*, *по-практически* и т. п. Дело в том, что эти прилагательные либо дальше отошли от своих существительных из-за вставки суффикса *-ич* (ср. *идеалист* — *идеалистический*), либо образованы от существительных с отвлеченным значением (*логика* — *логически*, *практика* — *практически* и т. д.) [Пешковский 2001: 97].

См. также раздел 4 настоящей статьи о наречии *гастрономически*.

⁸ Поскольку орфографическая норма в XIX веке только устанавливалась, мы встречаем пример раздельного (бездефисного) написания наречия *по-вельможески*.

Между тем нижеследующий пример (4) показывает, что в определённом контексте приставочное наречие может обладать качественным значением. См.:

- (4) <...> *Въ воскресеньє свадьба. Надо покои поубрать, чѣмъ прилично; хочу фейерверкъ на Невѣ сжечь; хочу угостить по вельможески и, чаю, что мои благодѣтели, великіе сподвижники царскіе, домъ мой и праздникъ своимъ присутвіемъ осчастливятъ...* [Н. В. Кукольник. Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. 1852. С. 159]

Сочетание *угостить по вельможески* с приставочной формой наречия в данном случае может иметь два значения: 1) ‘угостить щедро, с размахом, без скупости’ и 2) ‘угостить достойно высокого положения гостя’.

Как отмечал В. В. Виноградов, лишь внутри узкого круга наречий «семантические различия, связанные с приставочной и бесприставочной моделью, оказываются полностью стёртыми: *дружески* — *по-дружески*, *товарищески* — *по-товарищески*, *братски* — *по-братски*, *матерински* — *по-матерински*» [Виноградов (отв. ред.) 1964: 191–192]. Это касается тех наречий, «в которых значение конкретного сравнения (‘как кто-либо, подобно кому-либо’) очень близко подходит к значению обобщенно-качественному» [Там же: 191–192].

Обращает на себя внимание также точка зрения Н. В. Чурмаевой, согласно которой в XVIII–XIX вв. появление приставки *по-* вовсе не меняло значение наречий⁹ [Чурмаева 1989: 108].

Вероятно, отсутствие абсолютного единства мнений в трудах исследователей говорит о том, что общий взгляд на проблему семантического различения бесприставочных и приставочных наречий

⁹ Исследователь также указывает, что в современном языке бесприставочными остаются только немногие наречия (напр., *всячески*, *чертовски*). Некоторые употребляются в обеих формах (*царски* — *по-царски*). Различие между ними, отмечаемое исследователями современного литературного языка, «объясняется возможностью их разного стилистического использования» [Чурмаева 1989: 108]. Подобное отмечал и В. В. Виноградов, когда писал, что приставочные наречия, закрепляясь в языке в своем значении, постепенно утрачивают свойственную им ранее разговорную окраску [Виноградов (отв. ред.) 1964: 192].

не сложился окончательно, что обусловлено сложностью процессов, происходивших внутри данной группы слов. По нашему мнению, в каждом отдельном случае необходим тщательный семантический анализ словообразовательной базы наречия и учёт лексического окружения, в котором функционирует слово. Так, Е. Р. Курилович выделял у слов главное значение, обычно не соотносимое с определённым контекстом, и частные значения, которые формируются добавлением «элементов контекста» к семантическим элементам основного значения слова [Курилович 1962: 246]. Таким образом, учёт контекста при семантическом анализе лексики является необходимым условием в лексикографической практике при разработке исторического словаря дифференциального типа.

Стоит отметить, что в Словаре 1847 года присутствует также и наречие *вельможно*, которое имеет следующее значение: ‘то же, что вельможески’ [Словарь 1847: 110]. Однако уже в САР¹ данное наречие было зафиксировано со значением ‘по примѣру вельможъ, свойственно вельможамъ’ [САР¹: 594]. Подобная вариантность (*вельможески* — *вельможно*) объясняется тем, что развитие наречий как класса слов в русском литературном языке происходило таким образом, что

с начала его становления и вплоть до конца XIX в. шёл затянувшийся процесс отбора адвербиальной лексики, отбора наречных слов как единиц плана выражения. Этот процесс осуществлялся в форме конкурентной борьбы разнокорневых (*наперерыв* — *наперебой*), разноприставочных (*назаперти* — *взаперти*, *снутри* — *изнутри*) и разносуффиксальных (*несомнительно* — *несомненно*, *вплоть* — *вплотную*) адвербиальных производных моделей... [Пеньковский 1988: 53–54].

Итак, приведённые примеры демонстрируют разные случаи, в которых наречие *вельможески* (*по-вельможески*) в каждом контексте выражает определенную семантическую градуальность (‘богато’ — ‘очень богато, на широкую ногу’ — ‘щедро’). Кроме того, примеры (1)–(3) отражают тенденцию, согласно которой приставочные формы в большей степени использовались при выражении значения уподобления (‘подобно кому-нибудь’), в то время как бесприставочные формы употребляются в тех случаях, когда значение тяготело к чисто качественному. С другой стороны, пример (4), в котором приставочная форма выражает в большей степени ка-

чественное значение, чем относительное, может свидетельствовать о существовании промежуточного типа наречий — качественно-относительного, который выделял ещё В. В. Виноградов [Виноградов 1947: 341].

3. Канальски

Рассмотрим наречие *канальски*, которое имеет как приставочную, так и бесприставочную формы. Поскольку в ССРЛЯ данное наречие зафиксировано, но при нем отсутствует толкование, целесообразно обратиться к прилагательному *канальский*. В ССРЛЯ данное прилагательное сопровождается следующим толкованием: *простореч.* ‘свойственный каналъе; плутовской’ [ССРЛЯ, V: 744]. Рассмотрим контексты с наречием *канальски*:

- (5) *И въ это самое время, поравнявшись съ капитанскою квартирой, я усматриваю въ одномъ изъ оконъ толстенькую фигуру, къ чему-то канальски прислушивающуюся. Замгътивъ меня, капитанъ нѣсколько краснѣетъ (въроятно оттого, что я увидѣлъ его въ утреннемъ неглиже), произноситъ: «гм!» и поспѣшно удаляется отъ окна.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Нашъ дружескій хламъ. 1858–1862. С. 430]
- (6) *Предсталъ этотъ духъ и, канальски улыбаясь и рабски переминаясь на мѣстѣ босыми ногами, доложилъ прапорицику:*
— *Я эфто дѣло-сь, ваше выск-благодіе, вамъ въ точности оборудую, потому какъ я служу-сь вашимъ благородьямъ върное-сь...* [А. И. Левитов. Московскія «комнаты снебилью». 1863. С. 28]

Как видно из примеров (5) и (6), наречие *канальски* семантически соотносится с приведённым выше значением прилагательного *канальский* и имеет следующее качественное значение: ‘плутовски, хитро’. Так, *канальски прислушиваться* → *плутовски, хитро прислушиваться*; *канальски улыбаться* → *плутовски, хитро улыбаться*.

В следующих примерах рассматриваемое нами наречие имеет более сложную семантику, отличающуюся от приведённой выше. См.:

- (7) *Вдовый, чадолубивый отецъ говорилъ о заботахъ, которыя прилагаетъ къ воспитанію дочери своей. <...> Потомъ повезу дочь в Парижъ, чтобъ она **каналъски** схватила Парижскій прононсъ, такъ чтобы не могли распознать ее отъ Парижанки. Потомъ привезу въ Петербургъ, начну давать балы и выдамъ ее замужъ за генерала.* [П. А. Вяземский. Старая записная книжка. 1830–1870. С. 216]
- (8) — *Ну и жаль будетъ молодого человѣка, если онъ врежется, какъ дуракъ, и надѣлаетъ глупостей... Пассажирка, въ самомъ дѣлѣ, **каналъски** хороша...* [К. М. Станюкович. Пассажирка. 1892. С. 482]
- (9) — *<...> Ты скажешь, что, закончивъ <драму>, остался ею недоволенъ и сжегъ три акта. Для публики это **каналъски** эффектно!* [А. Т. Аверченко. Золотой вѣк. 1910. С. 139]

Для прояснения семантики рассматриваемого наречия необходимо обратиться к существительному *каналья*. ССРЛЯ даёт следующее толкование слова *каналья*: *бранно* ‘плут, мошенник, пройдоха’, а также переносное употребление ‘шутливо-бранное восклицание, выражающее восхищение кем-нибудь, совершившим ловкий, хитрый поступок’ [ССРЛЯ, V: 744].

Если в примерах (5) и (6) наречие *каналъски* характеризует действие, процесс с точки зрения способа его осуществления, то в примерах (7)–(9) рассматриваемое наречие обладает коннотативным усилительным значением. В примере (8) наречие *каналъски* усиливает краткое прилагательное *хороша*, передавая ему субъектно-эмоциональную оценку (см.: *каналъски хороша*, т. е. *весьма, крайне, очень, чертовски хороша*). Во фрагменте (9) рассматриваемое нами наречие усиливает другое наречие (см.: *каналъски эффектно*, т. е. *весьма, крайне, очень, чертовски эффектно*). Вероятно, в данных случаях можно говорить о явлении интенсификации, которая имеет в качестве прагматической цели стремление сделать высказывание более убедительным, усилить через ассоциативный образ его воздействие на адресата¹⁰.

¹⁰ Вслед за И. И. Туранским под интенсивностью мы понимаем

семантическую категорию языка, в основе которой лежит понятие градации количества в широком смысле этого слова. Интенсивность есть

Обратимся теперь к примеру (7), который в некоторой степени отличается от контекстов (8) и (9). Можно предположить, что во фрагменте (7) рассматриваемое наречие имеет прямое значение ‘хитро, плутовски, ловко’. Косвенно это может быть подтверждено тем, что в Словаре Д. Н. Ушакова (1935) прилагательное *канальский* имеет следующее значение: *разг. фам. устар.* ‘свойственный каналье, плутовской, ловкий; чертовский’ [Ушаков (ред.) 1935: 1302]. Ср.: «...*чтобы она канальски схватила парижский прононс*» ↔ «...*чтобы она ловко схватила парижский прононс*». Кроме того, глагол *схватить* сочетается с существительным *прононс* и в данном случае имеет переносное значение ‘быстро воспринимать, понимать, усваивать’ [ССРЛЯ, XIV: 1268]. При этом актуализируется оттенок ‘ловко’. См.: *ловко схватить (прононс)*.

Нами обнаружен один пример (возможно, единственный), в котором наречие *канальски* является составной частью сложного наречия, состоящего из двух основ. См.:

(10) <...>

*Но и настѣкомыхъ балъ не обошелся
Безъ скандала: въ паркѣ, говорятъ, нашелся
Злой паукъ, который, съ вѣточки на вѣтку
Протянувши нити, невидимку-сѣтку
Сдѣлалъ такъ **канальски-ловко** и искусно,
Что тайкомъ, быть можетъ, и покушалъ вкусно.*
[Я. П. Полонский. Кузнечикъ-музыкантъ. 1886. С. 39]

В. В. Виноградов отмечал, что «бесприставочные наречия на *-ски*, не получившие чисто качественного значения, во второй половине XIX века обнаруживают тенденцию к слиянию с прилагательными: *детски-простодушный, старчески-равнодушный, отрочески-мужественный* и т. д. Они утрачивают способность относиться к глаголу и постепенно теряют качества отдельного слова» [Виноградов (отв. ред.) 1964: 191]. Пример (10) демонстрирует, что подобные слияния могли происходить не только с прилагательными, но также и с наречиями. В то же время объединение в одном

количественная мера оценки качества, мера экспликативности, показатель содержания коммуникации [Туранский 1990: 7].

слове двух наречий может являться индикатором общности их семантики. Наречие, т. е. первый компонент, актуализирует конкретную сему в структуре значения второго компонента.

Отметим также зафиксированное в Словаре В. И. Даля приставочное наречие *поканальски* со значением ‘как каналья’. Приведён также иллюстративный материал: *Поканальски онъ со мною обошелся!* [Даль III 1865: 217]. Данный случай показывает, что значение ‘подобно кому-н., как кто-н.’ полностью переходит именно к приставочным образованиям.

3.1. Анафемски

Следующее наречие *анафемски* функционально (интенсификация) коррелирует с наречием *канальски* (примеры 7–9). Несмотря на то что основное значение существительного *анафема* — ‘церковное проклятіе, отлученіе отъ церкви’ [Даль I 1863: 14], в просторечии оно употребляется в отношении кого-либо со значением ‘проклятый, негодяй’ [Ушаков (ред.) 1935: 43] и в этом смысле соотносится с бранным *каналья*. См.:

- (11) — *Ты какъ смѣешь, анафема, горшки на дворъ бросать?* [А. И. Левитов. Петербургскій случай. 1869. С. 174].

Новообразование *анафемски* зафиксировано в ССРЛЯ со значением ‘очень, слишком, чрезмерно’ [ССРЛЯ, I: 134]. Рассмотрим примеры:

- (12) <...> *И усталъ же я нынче анафемски, — околоточный весь потянулся: — передъ вечернями пожаръ былъ, только-что въ трактиръ зашелъ, подчасокъ бѣжитъ: мертвое тѣло!* [П. Д. Боборыкин. Китай-городъ. 1883. С. 118]
- (13) *Твое поздравительное письмо чертовски, анафемски, идольски художественно. Пойми, что если бы ты писал так рассказы, как пишешь письма, то давно бы уже был великим, большим человеком.* [А. П. Чехов. Переписка А. П. Чехова и Ал. П. Чехова. 3 февраля 1886. С. 172]

В примерах (12) и (13) рассматриваемое нами наречие обладает усилительным значением. Так, в примере (12) наречие *анафемски* усиливает глагол *устать*, передавая ему субъектно-эмоциональную оценку состояния (ср.: *устал анафемски*, т. е. *очень*,

слишком, чрезмерно устал). В контексте (13) исследуемое наречие, наряду с наречиями *чертовски* и *идольски*, усиливает другое наречие *художественно*, передавая ему субъектно-эмоциональную оценку признака признака (см., например: *анафемски много*, т. е. *очень, слишком, чрезмерно много*). Для сравнения: в подобной функции используется и наречие *ужасно*, ср.: *устал анафемски* ↔ *устал ужасно*. По данным ССРЛЯ, семантика наречия *ужасно* во втором значении — *разг.* ‘очень, в высшей степени, крайне сильно’ [ССРЛЯ XVI: 381].

Можно отметить, что в данных случаях наречие *анафемски* является интенсификатором, который усиливает глагольное действие или признак признака, как и в случае с наречием *каналъски*. Однако также стоит отметить, что если наречие *каналъски* в приведенных выше примерах может выражать качественное значение (например, фрагменты 5 и 6) или являться интенсификатором (например, фрагменты 7, 8 и 9), то наречие *анафемски* употребляется во всех выявленных примерах только в качестве интенсификатора, поскольку других случаев, в которых данное наречие употреблялось бы в другой функции или качестве, не выявлено. Это, вероятно, обусловлено тем, что, в отличие от наречия *анафемски*, в основе наречия *каналъски* лежит название лица (*каналъя* — плут, мошенник).

3.2. Идольски

Интенсификаторами являются и встретившиеся в однородном ряду (пример 13) наречия *идольски* и *чертовски*. Подобная «простая» лексика стала входить в литературный оборот в конце XVIII — начале XIX веков [Филин (отв. ред.) 1981: 72]. Главным образом, это было обусловлено необходимостью «расширения выразительных возможностей языка за счет экспрессивных средств разговорной речи» [Филин (отв. ред.) 1981: 72]. Данная лексика, закрепившись в литературном языке, составила

основу его бытовых, простых и непринужденных стилей выражения, основу литературного просторечия, не связанного в дальнейшем развитии нашей литературы с какими-либо отдельными и особыми ее жанрами, но зато привносящего в различные жанры и стили ее более или менее резкий и определенный отпечаток разговорной, часто грубоватой и фамильярной экспрессии [Сорокин 1965: 132].

Отдельный интерес, связанный с редкостью использования слова в языке XIX века, вызывает наречие *идольски*. ССРЛЯ фиксирует данное наречие [ССРЛЯ, V: 57–58], однако статья содержит только иллюстративный материал, толкование лексемы отсутствует. Значение прилагательного *идольский*, приведенное в словаре, также не проливает свет на семантику наречия. См.: *идольский* — ‘относящийся к идолу; языческий’ и *перен.* ‘свойственный идолу; бесчувственный’ [ССРЛЯ V: 57]. В Словаре Д. Н. Ушакова существительное *идол* (от греч. εἶδωλον — ‘изображение’) имеет следующие значения: 1) ‘статуя, истукан, которому поклоняются как божеству’ (*рел., этнол.*); 2) ‘лицо или вещь, служащие предметами обожания и преклонения’ (*устар.*); 3) ‘болван, дурак, чёрт’ (*прост. бран.*) [Ушаков (ред.) 1935: 1135].

Значение наречия *идольски*, использованное А. П. Чеховым в письме (пример 13), отчасти соотносится с третьим значением существительного *идол* через существительное *чёрт* (ср. *чертовски художественно*). Однако это соотношение лишь косвенное, основанное на экспрессии, порождаемой бранной, просторечной характеристикой лица. С этой точки зрения наречия *канальски*, *анафемски*, *чертовски*, *идольски* и др. равноположены. В таком случае наречие *идольски* имеет следующую семантику: ‘крайне, очень, чрезвычайно’. Оно усиливает признак и, соответственно, является интенсификатором. Ср.: *идольски художественно* — *очень, чрезвычайно художественно*.

Рассматриваемое нами наречие *идольски* зафиксировано в Словаре белорусского наречия (1870) со значением ‘по дьявольски, чертовски’ [СБН 1870: 224]. Представлен в данном словаре также иллюстративный материал: *идольски здэяно, нікуды не годно* [СБН 1870: 224]. В данном случае наречие не является интенсификатором, а обладает самостоятельным качественным значением: ‘плохо, грубо, неискусно’. Отметим второе значение прилагательного *чертовский*, которое служит словообразовательной и семантической базой наречию *чертовски*: *разг.* ‘очень плохой, неприятный, негодный’ [ССРЛЯ XVII: 961]. Следует также добавить, что, по данным ССРЛЯ, наречие *чертовски* имеет значение ‘очень, до крайности’ [ССРЛЯ XVII: 961], что позволяет нам относить его к интенсификаторам. Третье значение прилагательного *чертовский* — *разг.* ‘необычайно сильный, большой (по степени проявления)’ [ССРЛЯ XVII: 961].

Данный момент отчасти объясняет внутренний механизм становления наречия *чертовски* в качестве интенсификатора. Приставочная и бесприставочная формы наречия (*чертовски* — *по-чертовски*) зафиксированы в САР² со значением ‘дьявольски’ [САР²: 1277]. Это с одной стороны говорит о том, что в словаре семантически не различаются приставочная и бесприставочная формы наречия, с другой стороны, наречие *чертовски* в словаре не отмечается в функции интенсификатора, а имеет лишь качественное значение.

Между тем показателен случай, в котором наречие *идольски* является составной частью сложного прилагательного. См.:

- (14) <...> *встѣмъ раздаеть „записки“, „проекты“, „соображенія“, группируетъ сочувствующихъ политикановъ, настраиваетъ, направляетъ „общество“ — все съ необыкновенно значительнымъ, **идольски-надменнымъ** видомъ, какъ будто ему открыты встѣ судьбы...* [А. А. Дьяков. На отдыхѣ: деревенския письма Жителя. 1885. С. 315]

Подобный случай мы уже упоминали в настоящей статье в связи со сложным наречием *канальски-ловко* (см. пример 10). По всей видимости, пример со сложным прилагательным *идольски-надменный* представляет тот этап, когда наречие *идольски* находится на завершающем этапе утраты самостоятельного, качественного значения при переходе к состоянию интенсификатора¹¹. С другой стороны, в данном случае могут быть более сложные отношения — ассоциативного порядка: ‘надменный как идол’.

По утверждению М. С. Хмелевского, в каждом славянском языке существует группа наречий-интенсификаторов,

<...> восходящих к исконно относительным прилагательным с общим первичным значением ‘относящийся к потустороннему миру (ад, пекло), или его субъектам (черт, дьявол и др.)’, а также существам, вызывающим или внушающим чувство ужаса, страха [Хмелевский 2003: 16].

¹¹ В. Б. Евтюхин отмечает, что поскольку

качество очень часто предполагает возможность количественных градаций, качественные наречия могут получать квантитативный оттенок, что, в свою очередь, несколько размывает границу между двумя подразрядами определительных наречий [Евтюхин 1999: 15].

Данный лексико-семантический тип является универсальным. Во всех славянских языках сохраняется и исконно относительное значение соответствующих прилагательных. Семантическая структура подобных прилагательных испытала

общие семантические трансформации, в результате которых наречие наряду с качественным значением (русск. *чертовски страшен*, *дьявольски неприятен*) было развито абстрактное значение интенсификатора, т. е. наречие получило возможность интенсифицировать положительный признак либо действия без соотнесения с исконным значением: русск. *чертовски интересен*, *дьявольски красив* [Там же].

Формирование значения интенсификатора происходило по следующей модели:

относительное прилагательное → качественное значение производящего прилагательного ‘вызывающий чувство страха, ужаса’ → сочетание качественного и количественного значения прилагательного ‘значительный по степени проявления, интенсивный’ → развитие значения показателя высокой степени признака либо действия у производного наречия в сочетании с исконным качественным значением ‘*чертовски страшный*’ — т. е. ‘очень’ + ‘страшный, как сам черт’ → нейтрализация качественного значения; наречие выступает в функции экспрессивного интенсификатора: ‘*чертовски красив, умен, интересен*’ [Хмелевский 2003: 17].

Как отмечает исследователь, вышеизложенное представляет подобную тенденцию развития значения, что и у наречий типа *страшно*,

⟨...⟩ когда в качестве релевантного выступает семантический признак ‘приводящий в чувство ужаса, оцепенения’, а нерелевантным является противопоставление ‘положительный’ — ‘отрицательный’. Данный факт явился решающим при семантическом сдвиге наречия и формировании значения интенсификатора [Там же].

4. *Гастрономически*

Особый интерес вызывает зафиксированное в текстах XIX века новообразование *гастрономически*.

Исследователи отмечают, что во второй половине XIX века группа бесприставочных наречий на *-ски* пополняется образованиями от качественных прилагательных на *-ическ-* [Виноградов

(отв. ред.) 1964: 192]. В XVIII веке наречия, образованные от прилагательных данного типа, составляли лишь небольшую группу, представленную преимущественно в книжном языке. У большинства таких наречий в то время устанавливается значение: ‘по правилам чего-нибудь’, ‘в соответствии с чем-нибудь’ [Виноградов (отв. ред.) 1964: 192].

Очевидно, что данное наречие восходит к прилагательному *гастрономический*. Наречие *гастрономически* не отмечено в ССРЛЯ, но в словарной статье на слово *гастрономия* приведено прилагательное *гастрономический*. Толкование при данном прилагательном отсутствует, однако его можно восстановить исходя из существительного *гастрономия*, имеющего два значения: 1) ‘изысканность, тонкий вкус в еде; знание, понимание тонкостей кулинарии’; 2) ‘общее название пищевых товаров высококачественного приготовления’ [ССРЛЯ III: 47]. По данным историко-этимологического словаря П. Я. Черных, прилагательное *гастрономический* вошло в употребление с 60-х гг. XIX века [Черных I 1999: 183]. Впервые данное прилагательное было зафиксировано в Словаре В. И. Даля [Даль, I, 1863: 305]. Несмотря на то что в русский язык само прилагательное попало непосредственно из французского языка (ср. франц. *gastronomie* — с 1800 г.; *gastronome* — с 1803 г.; *gastronomique* — с 1835 г.) [Черных I 1999: 183], первоисточником является греч. *γαστρονομία* — ‘искусство приготовления пищи’ (от *γαστήρ*, *γαστήρ* — ‘желудок, пища’, ‘еда’ + *νόμος* ‘обычай, установление, закон’) [Дворецкий 1958: 315, 1138]. В Словаре В. И. Даля в статье на слово *гастрономъ* находим: *гастрономъ* (-мка) — ‘тонкий ъдокъ, сластоѣжка, сластникъ, сластѣна, солоща, солощавый, лакомый знатокъ, лакомка, лакомый обжора’; *гастрономія* — ‘поварское искусство, стряпное мастерство, приспѣшничество’; *гастрономическій* — ‘къ ней относящійся’ [Даль I 1863: 305]. Таким образом, можно толковать прилагательное *гастрономический* следующим образом: ‘относящийся к поварскому искусству, кулинарному мастерству; свойственный, характерный для них’.

Данные словаря В. И. Даля показывают, что прилагательное *гастрономический*, производящая основа которого служит словообразовательной базой наречия *гастрономически*, мотивировано существительными *гастрономия* и *гастроном*. Между тем наречие *гастрономически* в нижеследующих примерах (15)–(19) мотиви-

ровано словообразовательно и, прежде всего, семантически именно существительным *гастроном* со значением лица. См.:

- (15) *Во дни этого ⟨жалованья⟩ полученія онъ ⟨Левъ Силичъ Чубукевичъ⟩ хаживалъ въ кухмистерскую, гдѣ, за полтину мѣдью, обѣдалъ не только **гастрономически**, но даже съ бѣшенымъ восторгомъ. Послѣ такого обѣда, въ теченіе двухъ недѣль, ему снились супъ со свиноюю, жаркое изъ свинины и еще какое-то непостижимое блюдо, въ родѣ самаго животнаго съ начинкою.* [Бутков Я. П. Порядочный человекъ. 1845. С. 2]
- (16) *Разумѣется, для этого надобно имѣть нѣсколько искоръ воображенія; но дѣло въ томъ, что воображеніе явится къ услугамъ нашего автохтона не для чего иного, какъ для того, чтобъ перенести подъ неаполитанское небо собственную его особу, чтобъ самого его пожарить на сорока градусахъ тепла, чтобъ понѣжить его языкъ, привыкшій къ впечатлѣніямъ товара милютиныхъ лавокъ, невыразимо нѣжнымъ и **гастрономически** сложнымъ вкусомъ южнаго винограда.* [В. Н. Майков. Изящная словесность. Стихотворенія А. В. Кольцова. 1846. С. 28–29]
- (17) *Берется быть, изучается съ жадностью, гурмански, **гастрономически**; съ аппетитнымъ причмокиваніемъ обсасываются всѣ подробности, мелочи и черточки этого быта, а потомъ откуда-то берется человекъ, нарочито золотушный и нервический, и опускается въ самую бытовую гуцу... [К. И. Чуковский. О Куприне. 1908. С. 17]*

В приведённом выше фрагменте (15) наречие *гастрономически* имеет следующее значение: ‘с тонким вкусом в еде; наслаждаясь приемом пищи, получая удовольствие от этого процесса; зная толк в еде; понимая тонкости кулинарного искусства’, причём контекст, в котором используется исследуемое наречие, связан с блюдами «высококачественного приготовления» [ССРЛЯ III: 47], дорогими пищевыми продуктами. В примере (17), который относится к более позднему периоду времени (начало XX века), наречие *гастрономически* получает семантическое развитие за счет употребления его в образном контексте, который не относится непосредственно к изысканным блюдам, кулинарии. Во фрагменте (17)

исследование быта писателем метафорически уподобляется изучению тонкостей кулинарии.

Однако в примере (16) наречие *гастрономически* употребляется в другой функции. Являясь интенсификатором, оно усиливает признак прилагательного *сложный* и, соответственно, интенсифицирует всё словосочетание: *гастрономически сложный вкус*.

Интерес также представляет использованное во фрагменте (17) наречие *гурмански*, позиционно предшествующее рассматриваемому нами наречию *гастрономически*. В ССРЛЯ наречие *гурмански* не зафиксировано, приведено лишь прилагательное *гурманский*, при котором отсутствует толкование и иллюстративный материал. ССРЛЯ даёт следующее толкование существительного *гурман* (от франц. *gourmand* — лакомый, жадный) — ‘любитель и знаток тонких, изысканных блюд; лакомка’ [ССРЛЯ, III: 490]. Таким образом, наречие *гурмански* может иметь следующее значение — ‘с любовью к тонким, изысканным блюдам, с пониманием кулинарного искусства, с жадностью к изысканным блюдам’.

В расширительном (переносном) значении рассматриваемое нами наречие *гастрономически* предстаёт в нижеследующих примерах. См.:

- (18) *Представьте же, что о людяхъ онъ судилъ по себѣ, и вотъ онъ увѣрился, что нашелся мужчина, который, какъ онъ, бывало, на своихъ любовницъ, глядѣлъ на его дочь нагло, близко наклонялъ къ ея лицу свое лицо, разсматривалъ съ любопытствомъ знатока ея глаза, уши, губы, крутилъ ея ухо въ своихъ пальцахъ, цѣловалъ ее **гастрономически**, держалъ на шеѣ свою руку, пока она не нагрѣется, и во все это время глядѣлъ на нее съ едва замѣтной улыбкой, съ оттънкомъ презрѣнія, — представьте себѣ все это, и вы поймете, что онъ нравственно страдалъ за свою дочь, онъ защититъ ее хотѣлъ, покрыть своей отеческой любовью.* [Н. Г. Помяловский. Молотовъ. 1861. С. 236–237]
- (19) [*Иванъ Ивановичъ*] — ⟨...⟩ *Такого чувства я уважать не могу, и извините, приписываю его пустотѣ женскаго воспитанія. Любитъ за красоту, а Константина Александрыча, любитъ больше, повторяю, не за что; можно только **гастроно-***

мически, такъ и любить его ваша кузина... [X. Порядочные люди. Дневник пансионерки. 1864. С. 650]

Во фрагментах (18) и (19) наречие *гастрономически* употребляется в сочетании с глаголами чувств в переносном значении: ‘с физическим, плотским наслаждением; физически, плотски’; ‘не сознавая, инстинктивно, нутром (что-л. чувствовать)’. См.: *целовать <женщину> гастрономически и любить <мужчину> гастрономически*. Переносное значение у данных слов появилось в результате их перемещения в новое лексическое окружение, в необычный для них контекст. Если же обратиться к фрагментам (15), (16) и (17), то можно заметить, что в них речь прямо (15 и 16) или образно (17) идёт о приёме пищи, т. е. об утолении потребности в еде.

В связи с тем, что прилагательные на *-ический* взаимодействовали с прилагательными на *-ичный*, как следствие конкуренции словообразовательных моделей в языке XIX века, наречия на *-ски* от прилагательных на *-ический* во второй половине XIX века употребляются параллельно с соотносительными наречиями на *-о* от прилагательных на *-ичный* [Виноградов (отв. ред.) 1964: 193]. См.:

(20) *Поѣсть <Н. В. Гоголь> любилъ гастрономично, хотя бы и немного. Малороссійской кухнѣ отдавалъ предпочтеніе. Но, пристрастясь въ Италіи къ макаронамъ, любилъ ихъ кушать и даже приготовлялъ ихъ за столомъ собственноручно, по вывезенному имъ изъ Рима особенному способу.* [П. К. Мартыанов. Г.г. Погодины и газета «Жизнь». 1896. С. 119]

В примере (20) наречие *гастрономично* употребляется в том же значении, что и наречие *гастрономически*, т. е. ‘изысканно, с тонким вкусом в еде; со знанием, пониманием тонкостей кулинарии’. Таким образом, можно отметить, что наречия *гастрономически* и *гастрономично* семантически тождественны, однако первое наречие является более распространенным, поскольку в переносном употреблении (см. фрагменты 18 и 19) мы встречаем лишь наречие *гастрономически*, в то время как второе наречие в подобных значениях не встречается.

5. Заключение

Итак, в данной статье были рассмотрены лексические и семантические новообразования антропоцентрической направленности в области наречий на *-ски*, словообразовательно мотивированные существительными со значением лица. Их можно разделить на три группы: 1) наречия, образованные от наименований лица по социальной принадлежности (*вельможески* — *по-вельможески*); 2) наречия, выполняющие функции интенсификаторов (*каналъски, анафемски, идольски*); 3) наречия без приставки *по-*, т. е. сугубо качественные (*гастрономически, гурмански*).

Первая группа наречий (*вельможески* — *по-вельможески*), представленная лексическими новообразованиями, отражает тенденцию, согласно которой приставочные формы в большей степени использовались при выражении значения уподобления ('подобно кому-нибудь'), в то время как бесприставочные формы употреблялись в тех случаях, когда значение тяготело к чисто качественному. Однако анализ наречий в контексте показывает, что и приставочные формы могли выражать в большей степени качественное значение, чем относительное, поэтому можно говорить о существовании качественно-относительного типа наречий.

Вторая группа наречий (*каналъски, анафемски, идольски, чертовски* и др.) демонстрирует ситуацию, когда наряду с качественным значением у наречий было развито абстрактное значение интенсификатора (со значением 'крайне, очень, чрезвычайно'), т. е. наречие получило возможность интенсифицировать признак, признак признака, действие или состояние без соотнесения с исконным значением (лексическая и семантическая неология). Во всех случаях существительные, которые оказались мотивирующей базой для наречий-интенсификаторов, имели одно из значений бранное, просторечное, т. е. экспрессивное. Примеры со сложным наречием *каналъски-ловко* и сложным прилагательным *идольски-надменный* отражают тенденцию, при которой наречие находится на завершающем этапе утраты своего качественного значения при переходе к состоянию интенсификатора.

Третья группа новообразованных наречий представлена наречиями без приставки *по-*, т. е. исключительно качественными (*гастрономически* и *гурмански*). Контексты с наречием *гастрономически* показывают семантическую динамику в направлении

расширительного употребления наречий: прямое значение → образное значение → переносное значение (метафоризация).

Некоторые из рассмотренных наречий имеют вариантную пару, что вновь демонстрирует длительный процесс конкурентной борьбы между разносуффиксальными производными моделями (например, *вельможески* — *вельможно*; *гастрономически* — *гастрономично*).

Литература

- Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947.
- Виноградов (отв. ред.) 1964 — В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова (ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964.
- Даль 1863 — В. И. Даль. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Ч. I (А–З); Ч. III (П). М.: Издание Общества Любителей Російской Словесности, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1863–1865.
- Дворецкий 1958 — И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь. Т. I, II. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1958.
- Евтюхин 1999 — В. Б. Евтюхин. Наречие. СПб: Издательство СПбГУ, 1999.
- Курилович 1962 — Е. Р. Курилович. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. М.: Наука, 1962.
- Левин 1964 — В. Д. Левин. Краткий очерк истории русского литературного языка. М.: Просвещение, 1964.
- Пеньковский 1988 — А. Б. Пеньковский. Семантика наречия и её отражение в словаре // Ю. Н. Караулов (отв. ред.). Словарные категории (сборник статей). М.: Наука, 1988.
- Пеньковский 2004 — А. Б. Пеньковский. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Пешковский 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- САР¹ — Словарь Академіи Російской. Ч. I–VI. С.-Петербург: При Императорской Академіи Наукъ, 1789–1794.
- САР² — Словарь Академіи Російской по азбучному порядку расположенный. Часть VI. Отъ С до конца. С.-Петербург: При Императорской Російской Академіи, 1822.

- СБН — Словарь бѣлорускаго нарѣчія, составленный И. И. Носовичемъ. С.-Петербургъ: Изданіе Отдѣльнїя Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, 1870.
- Словарь 1847 — Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ. С.-Петербургъ: въ Типографіи Императорской Академіи наукъ, 1847.
- Сорокин 1965 — Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русскаго литературнаго языка. 30–90-е годы XIX в. М. — Л.: Наука, 1965.
- ССРЛЯ — Словарь современного русскаго литературнаго языка (в 17 т.). М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
- Толстая 2002 — С. М. Толстая. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 112–127.
- Туранский 1990 — И. И. Туранский. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990.
- Улуханов 2005 — И. С. Улуханов. Мотивация в словообразовательной системе русскаго языка. М.: Азбуковник, 2005.
- Ушаков (ред.) 1935 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русскаго языка: в 4 т. Т. 1. А — Кюрины. 2-е изд., испр. М.: ОГИЗ, 1935.
- Филин 1981 — Ф. П. Филин. (отв. ред.) Лексика русскаго литературнаго языка XIX — начала XX века. М.: Наука, 1981.
- Хмелевский 2003 — М. С. Хмелевский. Формирование разряда наречий-интенсификаторов в славянских языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб: Издательство СПбГУ, 2003.
- Черных 1999 — П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русскаго языка. Т. I. А–ПАНТОМИМА. М.: Издательство «Русский язык», 1999.
- Чурмаева 1989 — Н. В. Чурмаева. История наречий в русском языке. М.: Наука, 1989.
- Шарихин 2014 — Е. Ю. Шарихин. К истории становления наречий типа *впавалку* и *вразвалку* в русском литературном языке XIX века: лексико-грамматический аспект // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том X. Часть I. СПб: Наука, 2014. С. 889–901.

Источники

- А. Т. Аверченко. Золотой вѣкъ // Веселыя устрицы. Юмористическіе рассказы. С.-Петербургъ: Изданіе М. Г. Корнфельда, 1910.
- П. Д. Боборыкин. Китай-городъ. С.-Петербургъ: Изданіе товарищества М. О. Вольф, 1883. Т. II.

- О. М. Бодянский. Осипъ Максимовичъ Бодянской (въ его дневникъ 1849–1850 гг.) // Русская старина. Ежемѣсячное историческое изданіе Мих. Ив. Семевскаго. Т. 60. С.-Петербургъ: Въ типографіи В. С. Балашева, 1888.
- Я. П. Бутков. Порядочный человѣкъ // Петербургскія вершины, описанныя Я. Бутковымъ. Книга первая. С.-Петербургъ: въ типографіи Н. Греча, 1845.
- П. А. Вяземскій. Старая записная книжка // Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ VIII. С.-Петербургъ: Изданіе графа С. Д. Шереметева, 1883.
- Ю. А. Григорков. О Куприне (К. И. Чуковский, 1908 г.) // Александръ Ивановичъ Купринъ: к пятидесятилѣтію со дня рожденія. Гельсингфорс: Тип. Ф. Састамойнена, 1920.
- А. А. Дьяков. На отдыхѣ: деревенскія письма Жителя. С.-Петербургъ: Изданіе А. С. Суворина, 1885.
- Н. В. Кукольник. Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова // Сочиненія Нестора Кукольника. Т. III. С.-Петербургъ: въ типографіи И. Фишона, 1852.
- А. И. Левитов. Петербургскій случай // Дѣло, журналъ литературно-политическій. № 10. С.-Петербургъ: Типографія А. Моригеровскаго, 1869.
- А. И. Левитов. Московскія «комнаты снебилю» // Собраніе сочиненій А. И. Левитова. Томъ II. М.: Изданіе К. Т. Солдатенкова, 1884.
- А. И. Левитов. Счастливые люди // Собраніе сочиненій А. И. Левитова. Томъ II. М.: Изданіе К. Т. Солдатенкова, 1884.
- В. Н. Майков. Изящная словесность. Стихотворенія А. В. Кольцова // Критическіе опыты (1845–1847). С.-Петербургъ: Типографія Н. А. Лебедева, 1891.
- П. К. Мартянов. Г.г. Погодины и газета «Жизнь» // Дѣла и люди вѣка. Отрывки изъ старой записной книжки, статьи, замѣтки П. К. Мартянова. Т. III. С.-Петербургъ: Типографія Р. Р. Голибе, 1896.
- Х. Порядочные люди // Отечественныя записки, журналъ учено-литературный и политическій, издаваемый А. Краевскимъ и С. Дудышкинымъ. Томъ CLIV. С.-Петербургъ: Въ типографіи А. А. Краевскаго, 1864.
- Н. А. Полевой. Сочиненія Г. Р. Державина // Очерки русской литературы. Ч. I. С.-Петербургъ: Въ типографіи Сахарова, 1839.
- Я. П. Полонскій. Кузнечикъ-музыкантъ // Полное собраніе сочиненій Я. П. Полонскаго. Т. II. С.-Петербургъ: Изданіе Ж. А. Полонской, 1886.
- Н. Г. Помяловскій. Молотовъ // Полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго. Томъ I. С.-Петербургъ: Изданіе книгопродавца С. В. Звонарева, 1868.
- М. Е. Салтыков-Щедрин. Нашъ дружескій хламъ // Сочиненія М. Е. Салтыкова-Щедрина. Томъ I. С.-Петербургъ: Изданіе А. С. Суворина, 1889.

- К. М. Станюкович. Пассажирка // Полное собрание сочинений К. М. Станюковича. Т. I. С.-Петербургъ: Изданіе А. Ф. Маркса, 1906.
- Франсиско-Гойя и Лусіентесь (без автора) // Художественная газета, издаваемая Несторомъ Кукольникомъ. С.-Петербургъ: Въ типографіи Леонтя Снѣгирева и К., 1838.
- А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. Т. I (1875–1886). М.: Наука, 1974.

Сведения об авторах

Агранат Татьяна Борисовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: tagranat@yandex.ru.

Беляев Олег Игоревич — кандидат филологических наук, преподаватель филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; младший научный сотрудник Института современных лингвистических исследований Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, Москва. Электронная почта: belyaev@iling-ran.ru.

Булатова Надежда Яковлевна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: bultovany@gmail.com.

Володин Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

Выдрин Арсений Павлович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: senjacom@gmail.com.

Галямина Юлия Евгеньевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник научно-исследовательского вычислительного центра Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: jugaliamina@gmail.com.

Ганенков Дмитрий Сергеевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: d.ganenkov@gmail.com.

Головко Евгений Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заместитель директора Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: evggolovko@yandex.ru.

Груздева Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент отделения современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки. Электронная почта: ekaterina.gruzdeva@helsinki.fi.

Краснощёкова Софья Викторовна — аспирантка отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: ndhito@mail.ru.

Крюкова Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета, Томск. Электронная почта: elenakrjukova@tspu.edu.ru.

Кувшинская Юлия Михайловна — кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: kjulia@yandex.ru, ukuvshinskaya@hse.ru.

Кузнецова Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: nkuzn@yandex.ru.

Майсак Тимур Анатольевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН (Москва). Электронная почта: timur.maisak@gmail.com.

Мальцева Алла Александровна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирск. Электронная почта: alla.maltseva@mail.ru.

Муравьева Ирина Анатольевна (1949–2013) — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ, Москва.

Некрасова Галина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар. Электронная почта: komilang@gmail.com.

Овсянникова Мария Александровна — младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: masha.ovsjannikova@gmail.com.

Оскольская Софья Алексеевна — младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: sonupolik@mail.ru.

Певнов Александр Михайлович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: revnov@gmail.com.

Перехвальская Елена Всеволодовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: elenap96@gmail.com.

Плунгян Владимир Александрович — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: plungian@iling-ran.ru.

Пупынина Мария Юрьевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: pupynina@gmail.com.

Ренковская Евгения Алексеевна — аспирант Института высших гуманитарных исследований РГГУ, Москва. Электронная почта: jennyrenk@gmail.com.

Рожанский Федор Иванович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, научный сотрудник Тартуского университета, Москва/Тарту. Электронная почта: handarey@yandex.ru.

Рудницкая Елена Леонидовна — доктор филологических наук, старший сотрудник Института востоковедения РАН, Москва. Электронная почта: erudnitskaya@gmail.com.

Сердобольская Наталья Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики РГГУ, заведующий лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, Москва. Электронная почта: serdobolskaya@gmail.com.

Сорокина Ирина Петровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

Стенин Иван Андреевич — младший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: ystein88@gmail.com.

Сюрюн Аржаана Александровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: arzhaanas@yahoo.com.

Урманчиева Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: urmanna@yandex.ru.

Ханина Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: olesya.khanina@gmail.com.

Шарихин Евгений Юрьевич — аспирант словарного отдела Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: sharichan@yandex.ru.

Шлуинский Андрей Болеславович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: ashl@yandex.ru.

Matić Dejan — Ph. D., researcher, Max Planck Institute for Psycholinguistics, Nijmegen, The Netherlands. E-mail: dejan.matic@mpi.nl.

Odé Cecilia — Ph.D., researcher, Amsterdam Center for Language and Communication, University of Amsterdam, The Netherlands. E-mail: c.ode@uva.nl.

Аннотации и ключевые слова

Т. Б. Агранат. О трех раритетных явлениях в отрицательной парадигме в прибалтийско-финских языках

В статье речь идет о трех, насколько можно судить, раритетных явлениях, представленных в отрицательной парадигме прибалтийско-финских языков. Первое — довольно экзотическая форма имперфекта, присутствующая в большинстве прибалтийско-финских, а также и некоторых саамских идиомах, включающая в себя причастие перфекта; возможная причина — нейтрализация аспектуальных противопоставлений при отрицании. Второе, имеющееся в некоторых прибалтийско-финских языках, — использование в одной отрицательной парадигме для одних лиц одних залоговых форм, а для других лиц — других залоговых форм, что связано с употреблением имперсональных форм в функции ЗРЛ в утвердительном спряжении. Третье явление — «странная» парадигма прохибитива, присутствующая в настоящее время, видимо, только в сойкинском диалекте ижорского языка, возникшая исторически по фонетическим причинам.

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, отрицание, видо-временные формы, залог, прохибитив.

О. И. Беляев. Псевдосочинение в осетинском языке

В статье рассматриваются две т. н. псевдосочинительные конструкции в осетинском языке. В этих конструкциях союз *æмæ* 'и' вводит придаточные причины и сентенциальные актантаы, что не характерно для сочинительных союзов. Применение к данным конструкциям известных тестов на сочинение и подчинение показывает, что их нельзя однозначно характеризовать как относящиеся к одному из этих классов. Утверждается, что для адекватного объяснения свойств этих конструкций необходимо определить понятия «сочинение» и «подчинение» на трёх уровнях, выделяемых в теории Лексико-функциональной грамматики: на уровне структуры составляющих, на уровне функциональной структуры и на уровне семантики.

Ключевые слова: сочинение, подчинение, синтаксис, семантика, осетинский язык.

Н. Я. Булатова. Эмоционально-оценочные суффиксы именных и глагольных форм в эвенкийском языке

В статье рассматриваются эвенкийские словообразовательные суффиксы, которые могут присоединяться к именным и глагольным основам: *-к̄ān*, *-к̄āк̄ūn*, *-mī* и др. Прежде всего эти суффиксы выражают эмоционально-оценочные значения: уменьшительность, увеличительность, ласкательность, пренебрежительность и т. п. В статье описываются как семантические, так и морфологические свойства этих показателей, в т. ч. к каким типам основ они присоединяются, какое место занимают в словоформе. Впервые автор обращает внимание на то, что многие из показателей могут сочетаться с глагольными основами.

Ключевые слова: эвенкийский язык, словообразование, оценочная семантика, морфология.

А. П. Володин. «Морфонологические раритеты» в ительменском языке

В статье обсуждается чередования гласных *i/e*, *u/o*, наблюдаемые в корневых морфемах глаголов ительменского языка, а также «чередование» $!+s>Ø$. В статье показано, что данные чередования зависят от функциональной принадлежности словоформы и могут быть охарактеризованы как «чередования аблаутного типа». Такой тип чередований не характерен для других языков Сибири и таким образом является аргументом, доказывающим, что ительменский язык не является генетическим родственником чукотско-корякских языков.

Ключевые слова: ительменский язык, морфонология, аблаут, языковое родство.

А. П. Володин. О категории рода в языках Сибири

В статье на материале языков Сибири выводится типологическая импликация: если в языке нет категории рода, то он имеет линейную модель словоформы $R+(m)$, R — корень, m — какой-либо аффикс. Обратное также верно. Далее показано, что данная импликация не является универсальной: исключение составляют дравидийские языки, в которых развита префиксация и в то же время есть категория рода. Тем не менее, в языках Сибири, в которых есть префиксы, можно обнаружить и следы категории рода.

Ключевые слова: род, языки Сибири, префиксы, порядок морфем.

А. П. Выдрин. Легко и трудно осуществить действие. Осетинская модальная конструкция

В статье на материале осетинского языка рассматривается редкий случай грамматикализации значений 'трудно осуществить действие' и 'легко осуществить действие'. В осетинском языке существует специализированная конструкция, использующаяся только для выражения значений 'трудно осуществить действие' и 'легко осуществить действие'. Описываются морфологические, синтаксические и семантические особенности конструкции, затрагивается вопрос о ее происхождении и показывается уникальность конструкции внутри иранского и кавказского языковых ареалов.

Ключевые слова: модальность, конструкция, ареальная типология, осетинский язык, иранские языки, кавказские языки.

Ю. Е. Галямина. Инкорпорация в современном кетском языке

Статья посвящена наблюдаемому в кетском языке явлению, связанному с адаптацией русских слов к кетской грамматике. В статье показано, как новый механизм развился из некогда продуктивной модели именной инкорпорации.

Ключевые слова: кетский язык, кодовые переключения, инкорпорация, морфология.

Д. С. Ганенков. Эволюция падежного маркирования и синтаксический статус экспериенцера в даргинском языке

Согласно предложенным в литературе сценариям диахронического развития, утрата неканонически маркированных субъектов происходит в два этапа. Вначале такие аргументы уподобляются каноническим S/A субъектам в своем синтаксическом поведении, после чего происходит и унификация их морфологического маркирования. На материале даргинского языка в статье показано, что данный сценарий не является универсальным, поскольку приобретению канонического падежного маркирования дативными субъектами не сопутствует полная «канонизация» их синтаксического поведения.

Ключевые слова: субъект, агенс, экспериенцер, эргатив, датив, эволюция, даргинский язык.

Е. Ю. Груздева. Демонстративы в нивхском языке

В статье предлагается анализ нивхских демонстративов, которые представляют собой типологически редкий пример исключительно многообразной дейктической системы, центром которой является говорящий. Дейктические свойства нивхских демонстративов описываются как в рамках бинарной системы, для которой характерно противопоставление проксимальной и непроксимальной пространственных зон, так и в рамках множественной системы, которая имеет иерархическую структуру и подразделяется на первичную и вторичную системы, включающие от пяти до пятнадцати пространственных зон, расположенных на разном расстоянии от дейктического центра. Помимо пространственных отношений, демонстративы указывают на такие характеристики референта, как качество, размер, количество, определенность расположения в пространстве, видимость и др. В статье предлагается разбиение демонстративов на шесть морфосинтаксических классов и исследуются их референциальные, дейктические, характеризующие и другие семантические и прагматические свойства.

Ключевые слова: нивхский язык, демонстративы, дейктическая система, морфосинтаксис.

С. В. Краснощекова. Статус притяжательных местоимений 3 лица в речи ребенка

Притяжательные местоимения 3 лица появляются в речи русскоязычного ребенка на несколько месяцев позже, чем соответствующие местоимения 1 и 2 лица, и используются реже. Можно предположить, что освоение притяжательности проходит следующие стадии: сначала притяжательность 3 лица выражается только полными словами, затем возникают анафорические формы типа «у него», затем ребенок вычленяет из речи взрослых и начинает использовать формы типа *его*. Грамматическая омонимия — формы можно трактовать как особые притяжательные местоимения и как формы родительного падежа — несколько замедляет процесс встраивания этих форм в систему притяжательных единиц.

Ключевые слова: детская речь, местоимения, притяжательность, русский язык.

Е. А. Крюкова. Как изменяются традиционно неизменяемые части речи в енисейских языках

В статье на материале енисейских языков рассматривается группа слов-определителей, которые, в отличие от традиционно выделяемых неизменяемых наречий в индоевропейских языках, могут употребляться в предикативной функции и маркироваться при этом специальными аффиксами, указывающими на род/класс, лицо и число определяемого слова.

Ключевые слова: енисейские языки, слова-определители, приглагольные определители, предикативные суффиксы, предикативная функция слов-определителей.

Ю. М. Кувшинская. О коммуникативной обусловленности предикативного согласования с именными группами со значением неопределенного количества в русском языке

Статья посвящена вопросу о влиянии коммуникативной структуры высказывания на выбор формы сказуемого при согласовании с именными группами, включающими неопределенные числительные и наречия. Автор приходит к выводу о том, что как возможность реализации той или иной коммуникативной структуры, так и характер влияния коммуникативной структуры на выбор формы сказуемого неодинаковы в предложениях с разными количественными словами, и описывает коммуникативные условия выбора той или иной формы сказуемого в предложениях со словами *несколько*, *много* и *немало*.

Ключевые слова: предикативное согласование, русский язык, числительные, актуальное членение, вариативность грамматических форм, русский синтаксис.

Н. В. Кузнецова. Две фонологические редкости в диалектах ижорского языка

В статье подробно рассматриваются два типологически редких фонологических явления, связанных с редуцией и продлением звуков. Они представлены в двух диалектах исчезающего ижорского языка в Кингисеппском районе Ленинградской области. Первое — это фонологически значимый тернарный контраст согласных, который зафиксирован в сойкинском диалекте. Второе отмечено в нижнелужском диалекте и представляет из себя оппозицию полных гласных и глухих редуцированных гласных. Вначале дается краткая фонетическая, фонологическая и типологическая характеристика этих явлений. Затем приводится анализ

их исторического развития, подробное описание фонетической и фонологической структуры и предположения о наиболее вероятных путях дальнейшей эволюции. В заключение обсуждается вопрос об их стабильности и путях сохранения в языке, а также значение в свете общего просодического развития сойкинского и нижнелужского диалектов.

Ключевые слова: ижорский язык, фонологические редкости, тернарный контраст количества, глухие гласные, акустическая фонетика, фонология, просодика словоформы.

Т. А. Майсак. Дублирование субъектных местоимений в агульском языке: корпусные данные и попытки интерпретации

В статье на материале хпюкского говора агульского языка (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи) рассмотрена конструкция, в которой выраженный местоимением субъект присутствует дважды — перед финитным глаголом и сразу после него. За единичными исключениями, финитным глаголом в конструкции с дублированием является основной глагол речи, а наиболее частотным субъектом — свободное местоимение 1 л. ед. ч. (тем самым, чаще всего конструкция имеет вид «я сказал я» или «я говорю я»). Конструкция не засвидетельствована в письменных текстах, однако свойственна спонтанным нарративам. В работе представлены количественные данные о дистрибуции вариантов конструкции в корпусе устных текстов, записанных в 2000-е гг. Приводятся возможные ареально-генетические и типологические параллели данному типу дублирования, в т. ч. личное согласование в табасаранском, местоименный повтор дополнения в балканских языках и пр. В качестве одного из ключевых факторов, способствовавших появлению конструкции, предлагается рассматривать распространенность в нарративах порядка слов «глагол речи — субъект» после цитаты либо ее части: именно такой порядок является абсолютно преобладающим для местоименных субъектов несмотря на то, что базовым для агульского является порядок с препозицией субъекта.

Ключевые слова: личное местоимение, глагол речи, синтаксический повтор, местоименный повтор дополнения, личное согласование, порядок слов, агульский язык.

А. А. Мальцева. Рост синтетизма в системе таксисных конструкций аллоторского языка

В статье описывается смена преобладающего структурного типа таксисных полипредикативных конструкций аллоторского языка с аналитического на синтетический во второй половине XX века, что явилось следствием обусловленного влиянием номинативно-аккузативного русского языка разрушения механизмов кореферентности, свойственных эргативным языкам. Рост синтетизма в сфере полипредикативных конструкций под влиянием контактов с русским языком — уникальное для языков коренных народов Сибири явление.

Ключевые слова: аллоторский язык, синтаксис, таксис, полипредикативная конструкция, кореферентность, эргативность.

Д. Матич, С. Оде. О просодическом маркировании фокуса в тундренном юкагирском

В литературе, посвященной морфологическому маркированию фокуса, уделяется мало внимания взаимосвязи просодики с морфологией. Тундренный юкагирский (ТЮ) представляет собой отличное поле для изучения этой взаимосвязи. Данная статья посвящена вопросу о том, несет ли морфологически маркированный фокус просодическое выделение, реализованное с помощью изменения частоты основного тона. В статье также обсуждаются просодические различия между словами с и без эксплицитного морфологического маркирования фокуса. Чтобы ответить на поставленные вопросы, был проведен эксперимент. Во время экспедиции были записаны пары «вопрос-ответ», представляющие десять типов фокуса, пять пар с контрастом и пять пар без контраста: 1) на S, 2) на O, 3) на косвенных дополнениях, 4) на V, 5) на всем предложении. Таким образом мы записали по 33 пары «вопрос-ответ» у четырех носителей ТЮ, т. е. 132 пары, 264 предложения. Анализ этих предложений показал, что носители ТЮ произносят морфологически маркированный фокус с заметным понижением частоты основного тона; аналогичный интонационный контур оказывается основным показателем фокуса у тех слов, у которых отсутствует морфологический маркер. Таким образом, просодическое выделение свойственно всем типам фокуса в этом языке: как основной показатель фокуса в случае отсутствия морфологического маркирования или как дополнительный показатель при морфологическом маркере фокуса.

Ключевые слова: тундренный юкагирский, информационная структура, просодика, выделение основного тона.

И. А. Муравьева. Типологическое своеобразие прилагательных в алюторском языке

Статья посвящена специфическим особенностям адъективных слов в алюторском языке (чукотско-камчатская семья) — собственно прилагательных, местоименных прилагательных и числительных. В работе описываются морфологические и синтаксические свойства адъективов, обсуждается их участие в инкорпорации, приводятся правила, регулирующие инкорпорацию адъективных основ, сообщаются сведения о статистике употребления адъективов разных типов в составе именных композитов.

Ключевые слова: прилагательное, адъективное слово, инкорпорация, глагольный композит, именной композит.

Г. А. Некрасова. Некоторые особенности функционирования аккузатива в пермских языках

В статье рассматриваются контексты, допускающие конкуренцию аккузатива с другими косвенными падежами и послелогоми. Определены взаимоотношения конкурирующих средств, тенденции изменения их функционирования в близкородственных языках.

Ключевые слова: пермские языки, падеж, послелог, аккузатив, конкуренция грамматических единиц.

М. А. Овсянникова. Локативные существительные в лесном диалекте энецкого языка

В энецком языке пространственные послелогои в основном представляют собой серии грамматикализовавшихся форм пространственных падежей существительных. Большую часть серий послелогов можно соотнести с формально и семантически близким локативным существительным, которое на первый взгляд естественно считать источником послелогов соответствующей серии. Целый ряд фактов свидетельствует против такой трактовки. Формально не для всех серий можно восстановить развитие от существительного к послелогам. Семантически эти существительные способны обозначать не только часть объекта ('низ', 'поверхность'), но и область, примыкающую к этой части, что типологически свойственно послелогам, но не их источ-

никам. Для ряда серий обнаруживаются альтернативные источники. В результате делается вывод о том, что локативные существительные принадлежат к той же грамматической подсистеме, что и послелого, и обслуживают синтаксические позиции, в которых употребление послелога невозможно или затруднено.

Ключевые слова: послелого, грамматикализация, пространственные выражения, энецкий язык, локативные существительные.

С. А. Оскольская. Показатель «косвенных падежей» в нанайском языке

В статье обсуждается нанайский показатель косвенных падежей *-wa*, статус которого остается неясным до сих пор. Алломорфы этого суффикса употребляются во всех формах винительного падежа, а также в лично-притяжательных формах косвенных падежей. При этом он занимает разную позицию в словоформе в зависимости от лица обладателя. Рассматривается альтернативная гипотеза о возникновении такого необычного грамматического явления. Кроме того, на синхронном уровне предлагается трактовать этот суффикс не как один, а как три разных показателя: суффикс *-a* в ряде падежных форм 2 и 3 лица, показатель винительного падежа *-wa* и суффикс-частица *-wa* в косвенных формах 1 лица.

Ключевые слова: нанайский язык, морфология, косвенный падеж, посессивность.

А. М. Певнов. О необычной корреляции падежа с некоторыми глагольными категориями

В некоторых языках представлена странная зависимость падежного оформления имени от таких категорий глагола как время, аспект, модальность, эвиденциальность, транзитивность. Иначе говоря, определенные грамемы глагола обуславливают употребление определенных граммем имени — так обстоит дело, например, в якутском, долганском, тувинском, маньчжурском языках. Таким образом, имя может не только управляться глаголом, но одновременно и согласовываться с ним.

Ключевые слова: падеж, время, аспект, модальность, эвиденциальность, управление, согласование.

Е. В. Перехвальская. Ретроспективный сдвиг в удэгейском языке

В статье рассматриваются сложные глагольные формы удэгейского и других тунгусо-маньчжурских языков, определяется степень грамматикализации некоторых из этих форм. Рассматривается процесс грамматикализации и формирование показателя ретроспективного сдвига в хорском диалекте удэгейского языка.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, удэгейский язык, грамматикализация, сложные глагольные формы, ретроспективный сдвиг.

В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. Контрастивное прошедшее в энецком языке

В статье описывается показатель прошедшего времени энецкого языка. Он необычен с двух точек зрения: с одной стороны, он не является показателем «стандартного» прошедшего времени; в частности, он может передавать специфическое значение прекращенного прошлого. Однако он обладает более широким спектром употреблений, поэтому для его описания в статье был предложен термин «контрастивное прошедшее». С другой стороны, этот показатель функционирует как морфологический оператор, прибавляясь к различным финитным глагольным формам. В статье описывается семантика таких комбинаций, варьирующая от контрастивного прошедшего до ирреальных значений.

Ключевые слова: грамматическая семантика, глагольные категории, прошедшее время, самодийские языки, энецкий.

М. Ю. Пупынина. Асимметрия аффирмативных и негативных глагольных форм в чукотском языке

В статье рассматривается значение и употребление отрицательных глагольных форм и конструкций чукотского языка. Анализируемые формы очень разнообразны морфологически и образуются весьма нетривиальным для отрицательных форм способом. При классификации отрицательных форм существенным признается понятие симметрии/асимметрии негативных форм по отношению к аффирмативным. Основное внимание уделяется формальной симметрии/асимметрии, модель описания которой разобрана в работах финского лингвиста М. Миестамо. Система отрицания чукотского языка характеризуется несколькими типами асимметрии, в частности, для нее характерны несколько другие аспектуально-темпоральные противопоставления, чем те, которые существуют в системе утвердительных форм. Некоторые

отрицательные формы вообще не имеют адекватных соответствий в аффирмативной глагольной системе.

Ключевые слова: чукотский язык, отрицание, глагольная морфология, аналитические конструкции, финитность.

Е. А. Ренковская. «Тебя видя, не боюсь»: послелого языка кумаони, производные от глаголов

Даная работа посвящена отглагольным послелогам в языке кумаони, маркирующим основных участников ситуации. Рассматривается новый, не описанный ранее отглагольный послелог, маркирующий стимул при глаголах эмоционального состояния. Наряду с ним анализируются другие случаи грамматикализации глагольных форм в послелого. В работе показано, что источником грамматикализации послелогов, маркирующих основных участников ситуации, могут стать такие глагольные формы, как деепричастие и пассивное причастие (с факультативным присоединением инструментального послелога). Кроме того, отмечается тот факт, что послелого, производные от глаголов, обычно заменяют или дублируют с тенденцией к замене другие послелого с такой же функцией.

Ключевые слова: кумаони, отглагольные послелого, основные участники ситуации, стимул при глаголах эмоционального состояния.

Ф. И. Рожанский. О некоторых особенностях редуцированных идеофонов в коми языке

Статья посвящена редуцированным идеофонам в языке коми и написана на основе полевого материала, собранного автором в 2002–2003 годах в деревне Еремеево Троицко-Печерского района. Основное внимание уделено двум аспектам коми идеофонов: дивергентным процессам, различающим части редуцированного слова, и морфологии идеофонов. Анализ дивергентных процессов показывает, что в коми наблюдается типологически редкое явление: сосуществование прогрессивной и регрессивной дивергенции гласных, тогда как в большинстве идеофонических систем наблюдается лишь один из двух указанных типов дивергенции. Морфология коми идеофонов также представляет собой типологически редкое явление, поскольку коми идеофоны допускают оформление глагольными показателями лица-числа-времени, сохраняя при этом редуцированную форму. Исследуемый материал ставит целый ряд вопросов, касающихся интер-

претации морфологической структуры идеофонов и особенностей словообразовательных и словоизменительных механизмов коми языка.

Ключевые слова: коми язык, идеофоны, редупликация, словообразование, словоизменение.

Е. Л. Рудницкая. Типологические особенности сочинения в эвенкийском языке

В статье рассматриваются сочинительные конструкции в эвенкийском языке: именное и глагольное сочинение, конструкции с конвербами (алтайское сочинение), конструкции с союзами и соединительными/фокусными частицами. Обсуждается степень лингвистической обоснованности того, можно ли считать сочинительными различные конструкции, с учетом и формальных, и функциональных характеристик сочинения (изложенных во Введении). Особое внимание было уделено сочинительной конструкции с фокусной частицей *-dā*. Также эвенкийский материал был рассмотрен с точки зрения классификации структурных моделей сочинения.

Ключевые слова: сочинение, структурная, модель, частица, эвенкийский.

Н. В. Сердобольская. Оформление именных и сентенциальных актантов в адыгейском языке

Работа посвящена проблеме вариативности падежного оформления сентенциальных актантов в адыгейском языке (абхазо-адыгские языки). Указанная вариативность не объясняется ни одним из явлений, описывающих вариативность в маркировании именных актантов (разные модели управления при лабильных глаголах; дифференцированное маркирование аргумента; различие в семантических ролях, вызывающее различное падежное маркирование). Мы анализируем рассматриваемые конструкции как результат грамматикализации показателей обстоятельственного и инструментального падежей в функции комплементарных. Обстоятельственный падеж служит для введения СА со значением пропозиции, инструментальный падеж — для введения СА со значением события.

Ключевые слова: сентенциальные актанты, адыгейский язык, грамматикализация, падеж, событие, факт, пропозиция.

И. П. Сорокина. О зависимых предикатах в энецком языке

Данная статья посвящена специальным формам, которые употребляются в энецких полипредикативных конструкциях. Эти формы имеют падежные форманты или их эквиваленты, которые маркируют синтаксическую связь между зависимой и главной частями предложения. К ним относятся имена действия, причастия, деепричастия. С глагольными основами, употребляющимися в функции зависимого предиката, используются аффиксы косвенного, а не субъектно-объектного притяжания.

Ключевые слова: энецкий язык, полипредикативные конструкции, зависимые предикаты, косвенное притяжание.

И. А. Стенин. Некаузативные эффекты каузативной морфологии в северно-самодийских языках

В статье рассматриваются такие употребления каузативных показателей в северно-самодийских языках, которые не имеют собственно каузативной семантики. Обнаруженные вторичные эффекты каузативной морфологии включают аппликативизацию, агентивизацию, выражение неинтенциональной каузации и конверсивных отношений. В аппликативном значении каузативный показатель модифицирует только непереходные основы. Маркируя неинтенциональную каузацию, аффикс каузатива присоединяется прежде всего к амбитранзитивным основам и переводит их в разряд строго переходных. Данные северно-самодийских языков позволяют дополнить и уточнить существующую классификацию несобственных употреблений каузативных показателей.

Ключевые слова: каузатив, аппликатив, (де)агентивизация, конверсивные отношения, северно-самодийские языки.

А. А. Сюрюн. Полиаффиксы в тувинском языке

В данной статье представлены формы условного и предельного наклонений тувинского языка. В тувинском языке они были образованы при помощи комбинации «внешнего» и «внутреннего» суффиксов, обрамляющих показатели 1 и 2 л. ед. и мн. числа. В работе также приводятся данные исчезающего тофаларского языка, которые были собраны автором в 2011 году. Приведенные данные представляют изменения в тофаларском языке и показывают переходные шаги в формах условного наклонения от аналитических показателей к синтетическим.

Ключевые слова: полиаффикс, тувинский язык, тофаларский язык, тюркские языки Сибири, условное наклонение, предельное наклонение.

О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. Императивные формы в энецком языке

В статье рассматривается морфологическая структура императивных форм в энецком языке. Традиционно они описываются как состоящие из двух парадигм: единой парадигмы для 2–3 лиц и отдельной парадигмы для 1 лица. В статье предлагается морфологически обоснованное альтернативное описание, в рамках которого императивные формы образуют четыре автономных парадигмы. Гортативные формы 1 л. образуются стандартным для энецкого глагола способом: они имеют специализированный показатель, а для лично-числового согласования используют стандартные лично-числовые показатели. Серия форм императива 2 л. ед. ч. построением основ и используемыми показателями резко противопоставляется всем прочим императивным и каким-либо другим модально-временным формам. Юссивные формы 3 л. образуются при помощи особой серии лично-числовых показателей, что в целом нехарактерно для системы энецкого глагола. Наконец, для 2 л. дв. и мн. ч. специализированные императивные формы отсутствуют. Если крайне нерегулярное построение форм императива для 2 л. ед. ч. ожидаемо, то наличие специализированных форм для императива 3 и 1 лица при отсутствии таковых форм для всех чисел 2 лица не вписывается в известные типологические иерархии.

Ключевые слова: энецкий язык, императив, юссив, гортатив, структура парадигмы.

Е. Ю. Шарихин. Лексические и семантические новообразования в области наречий на *-ски* в русской художественной прозе XIX века

Статья посвящена исследованию новообразований в области наречий на *-ски* (с приставкой *по-* и без неё), словообразовательно мотивированных существительными со значением лица (*вельможески, канальски, анафемски, идольски, гастрономически, гурмански* и нек. др.). Рассматриваются особенности семантической динамики в данной группе слов, в частности, развитие у наречий с изначально качественным значением абстрактного значения интенсификатора, а также расширение семантики наречий в направлении от прямого к переносному значению.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология и словообразование, семантика, наречие.

Summaries and Keywords

T. B. Agranat. On Three Rare Phenomena in the Negative Paradigm in Baltic-Finnic Languages

Three rare phenomena in the Baltic-Finnic negative paradigm are discussed in the article. The first one is the quite exotic imperfective form with the perfective participle which is found in the majority of Baltic-Finnic and in some Saami idioms; the possible cause of its existence is the neutralization of the aspectual opposition with negation. The second one exists in several Baltic-Finnic languages — different voice forms for different persons in the same negative paradigm which is due to the usage of impersonal forms in the function of 3PL. The third phenomenon is a “strange” paradigm of prohibitive in the Soikola dialect of Ingrian that arose as a result of phonetic changes.

Keywords: Baltic-Finnic languages, negation, tense, aspect, prohibitive.

O. I. Belyaev. Pseudocoordination in Ossetic

In this paper I analyze two so-called pseudocoordinating constructions in Ossetic. In these constructions, the conjunction *æmæ* ‘and’ introduces causal and complement clauses, which is not typical of coordinating conjunctions. When known tests for coordination and subordination are applied to these constructions, it turns out that they cannot be adequately characterized in terms of a binary opposition between coordination and subordination. I claim that an adequate explanation of the observed properties consists in defining the notions of ‘coordination’ and ‘subordination’ at three levels distinguished in Lexical Functional Grammar: constituent structure, functional structure, and semantics.

Keywords: coordination, subordination, syntax, semantics, Ossetic.

N. Ya. Bulatova. Nominal and verbal evaluative suffixes in Evenki

This article deals with Evenki derivational suffixes that can be combined with nominal and verbal stems: *-kān*, *-kākūn*, *-mī* and so on. These suffixes express evaluative meanings — diminutiveness, augmentativity, disregard, and so on. The article describes semantic and morphological properties of these markers including their compatibility with different types of stems and their position in the word-form. It is for the first time

in the scholarly literature that the author points out to the fact that many of the suffixes can be used with verbal stems.

Keywords: Evenki, derivation, evaluative semantics, morphology.

Ju. Je. Galiamina. Incorporation in the modern Ket language

This article deals with the Ket phenomenon connected with the adaptation of Russian words to the Ket grammar. It is shown how a new pattern has developed from the model of nominal incorporation that was previously productive.

Keywords: Ket, code switching, incorporation, morphology.

D. S. Ganenkov. Evolution of case marking and syntactic status of experiencer in Dargwa

The diachronic scenarios proposed earlier in the literature claim that the loss of non-canonically marked subjects proceeds in two steps. In the first place, such arguments acquire behavioral subject properties identical to those found with canonical S/A subjects and, later, also can acquire canonical morphological marking. Dargwa data presented in the paper show that this scenario is not universally valid, since acquisition of canonical case marking by dative subjects found across Dargwa dialects is not accompanied by full canonization of their syntactic behavior.

Keywords: subject, agent, experiencer, ergative, dative, evolution, Dargwa.

E. Ju. Gruzdeva. Demonstratives in Nivkh

This paper offers an analysis of Nivkh demonstratives that represent a typologically rare example of an extremely elaborated speaker-anchored deictic system. The deictic properties of Nivkh demonstratives are described both within a binary system with the opposition between proximal and non-proximal areas around the deictic center, and within a multiple system that is organized hierarchically and is divided into primary and secondary systems, comprising five or fifteen spatial zones around the deictic center respectively. Beyond spatial proximity, the demonstratives also encode such properties of a referent, as quality, dimension, quantity, preciseness of location, visibility, etc. The study distinguishes six morphosyntactic classes of demonstratives and investigates their referential, deictic, characterizing and other semantic and pragmatic features.

Keywords: Nivkh, demonstratives, deictic system, morphosyntax.

O. V. Khanina, A. B. Shluinsky. Imperative forms in Enets

This paper discusses morphological structure of Enets imperative forms. So far they have been described as belonging to one of the two paradigms: a single paradigm for the 2nd and 3rd person forms and a separate paradigm for the 1st person forms. We propose an alternative description based on morphology, and postulate the existence of four autonomous imperative paradigms in Enets. The 1st person hortative forms are built in a standard way with a dedicated hortative marker and standard person-number markers. The 2nd person singular imperative forms represent a sharp contrast to all other Enets verbal forms in their stem formation and the markers used. The 3rd person jussive forms take a specialized series of person-number markers, and such specialization is otherwise untypical for the Enets verbal system. Finally, the 2nd person dual and plural have no specialized imperative forms. While extremely irregular imperative formation for the 2nd person singular is unsurprising, specialized 1st and 3rd person imperatives alongside the absence of dedicated imperative for all 2nd person numbers contradicts known typological hierarchies.

Keywords: Enets, imperative, jussive, hortative, paradigm structure.

S. V. Krasnoshchekova. 3rd person possessive pronouns in a child's language system

Third person possessive pronouns are acquired by a Russian-speaking child later than the corresponding 1st and 2nd person pronouns and are used less frequently. It is assumed that the 3rd person possessiveness is acquired in several stages: at first it is expressed only by 'full' (notional) words, then forms of anaphoric personal pronouns arise (lit. 'at him') and at the last stage children extract forms from the adults' input speech and start using them. The fact that Russian 3rd person possessive pronouns can be understood both as Genitive forms and as independent possessive pronouns possibly slows down the process of their integration into the possessive system.

Keywords: first language acquisition, possessiveness, pronouns, Russian.

E. A. Kryukova. How traditionally unmodified parts of speech can be modified in the Yeniseian languages

This paper discusses modifiers in Yeniseian languages. Unlike traditional adverbs in Indo-European languages, they can be used in the predicative function and take affixes marking gender/class, number and person.

Keywords: Yeniseian languages, modifying words, verb modifiers, predicative suffixes, predicative function of modifying words.

Ju. M. Kuvshinskaja. On influence of Theme-Rheme-structure on predicate agreement with quantifier phrases of an indefinite quantity in Russian

This paper is focused on the influence of Theme-Rheme-structure on predicate agreement with quantifier phrases which contain a mention of an indefinite quantity. The author considers the dependence of the predicate choice on theme or rheme position of the quantifier phrase and reveals that the possibility of implementing different Theme-Rheme structures and its influence on predicate choice are unequal in the sentences with different quantifiers. The communicative conditions for singular or plural predicate agreement with quantifier phrases which contain *neskolko*, *mnogo*, *nemalo*, are described. The author concludes that singular predicate corresponds to the focus on the quantifier phrase (rhematic position or thematic position in contrast), the plural choice is conditioned by the focus on the other part of the sentence. Some specific communicative strategies such as superposition of rheme are considered.

Keywords: predicate agreement, Russian, quantifiers, Theme-Rheme-structure, variety of grammatical forms, Russian syntax.

N. V. Kuznetsova. Two phonological rarities in the dialects of Ingrian

The paper considers two typologically rare phonological phenomena related to the development of sound lengthening and reduction that appear in two dialects of the severely endangered Ingrian language in North-Western Russia. The first is attested in the Soikkola dialect, and involves a phonological ternary quantity contrast of consonants. The second exists in the Lower Luga dialect, and involves a phonological opposition of full modal and reduced voiceless vowels. First, brief phonetic, phonological and typological profiles of these contrasts are given. Furthermore, I analyze their historical development, phonetic and phonological structure in detail and probable further evolution against the typological background of similar

phenomena in genetically related and unrelated languages. In the end, I discuss the question of stability and maintenance forces of these contrasts, as well as their significance in light of general prosodic development of the Soikkola and Lower Luga dialects.

Keywords: Ingrian, phonological rarities, ternary quantity contrast, voiceless vowels, acoustic phonetics, phonology, word prosody.

T. A. Maisak. Subject pronoun doubling in Aghul: corpus data and possible interpretations

The paper presents an account of free pronoun doubling in Aghul (Lezgian, East Caucasian). In the doubling construction, the pronominal subject is expressed twice, before and after the finite verb. Apart from very few isolated exceptions, the predicate head of the doubling construction is the general speech verb ‘say’, and the most frequent subject is the 1st singular pronoun (thus, in most of the attested cases the construction looks like “I said I” or “I say I”). Although the doubling construction is not found in written texts (which are quite few for Aghul), it occurs in spontaneous narratives. The study presents the quantitative data on the distribution of the construction in an oral corpus of the Huppuq’ dialect of Aghul recorded in 2000s. Some possible areal and genetic parallels of the pronominal doubling found in Aghul are considered (e. g. personal agreement in Tabassaran), as well as certain typologically related phenomena (e. g. clitic doubling on the Balkans). It is suggested that peculiarities of subject-verb word order should be regarded as one of the key factors in the origin of the doubling construction. In particular, it is shown that in the corpus, the order “speech verb — subject” is absolutely predominant after quotes or their parts, even given that the basic word order in Aghul is SOV.

Keywords: personal pronoun, speech verb, syntactic doubling, clitic doubling, personal agreement, word order, Aghul.

A. A. Maltseva. Synthesis growth in the system of Alutor complex taxis sentences

The paper describes the change of the dominant structural type of Alutor complex taxis sentences from analytic to synthetic, which took place in the second half of XX century. This is a result of the loss of mechanisms of ergative coreference under the influence of the Russian nominative-accusative system. Contact-induced synthesis growth in the

system of complex sentences in the Siberian aboriginal language influenced by the Russian language is a unique phenomenon.

Keywords: Alutor, syntax, taxis, complex sentence, coreference, ergativity.

D. Matić, C. Odé. On prosodic signalling of focus in Tundra Yukaghir

Literature on the morphological marking of focus pays little or no attention to the relationship between prosody and morphology. Tundra Yukaghir (TY) is an excellent testing field for this relationship. The main topic of this paper is the question whether the morphologically marked focus carries prosodic prominence realised with changes in pitch. It also deals with the prosodic relationship between words with and without explicit morphological focus marking. In order to answer these questions, an experiment was devised. During a fieldtrip we recorded question-answer pairs with ten types of focus, five without contrast and five with contrast: 1) on S, 2) on O, 3) on obliques, 4) on V, 5) on the whole sentence. In this way, we recorded 33 Q–A pairs with four speakers of TY, i. e. 132 pairs, 264 sentences. The analysis of these sentences shows that the speakers of TY pronounce morphologically marked foci with a prominent falling pitch movement; the same intonational contour is the main marker of focus with those words which do not carry morphological focus marking. Prosodic prominence is thus characteristic for all types of foci in this language, as the sole marker of focus when morphological marking is zero, and as the additional marker with morphologically marked foci.

Keywords: Tundra Yukaghir, information structure, focus, prosody, pitch prominence.

I. A. Muravyova. Specific typological features of adjectival words in Alutor

The paper deals with specific features of adjectival words in Alutor (Chukchi-Kamchatkan stock) — adjectives proper, pronominal and numerical adjectives. All these words have much in common with regard to both formal and syntactic properties. In Alutor adjectival words are often used as part of nominal compounds (or nominal incorporations), the process being regulated by obligatory or preferable rules. Statistical data shows that adjectival stems appear as part of compounds almost as often as they are used as separate words.

Keywords: adjective, adjectival word, incorporation, verbal compound, nominal compound.

G. A. Nekrasova. Some properties of the accusative in the Permian languages

This paper considers the contexts that allow variation between accusative and other oblique cases and postpositions. Interrelations between competing factors are identified, as are the developmental tendencies of the similar case and postposition uses in genetically related languages.

Keywords: Permian languages, case, postposition, accusative, competing grammatical units.

S. A. Oskolskaya. The marker of “oblique cases” in Nanai

The nature of the Nanai marker of oblique cases *-wa* still remains unclear. The morpheme alternants are used in all accusative forms, as well as the personal-possessive forms of oblique cases. In addition, it takes a different position in the word depending on the person. The author suggests an alternative hypothesis of the grammaticalization path of this unusual phenomenon. Synchronically, the article proposes to consider the marker as three different suffixes — the suffix *-a* in some case forms of 2nd and 3rd person, an accusative suffix *-wa* and a suffix-clitic *-wa* in oblique forms of 1st person.

Keywords: Nanai language, morphology, oblique case, possessiveness.

M. A. Ovsjannikova. Locative nouns in Forest Enets

The majority of spatial postpositions in Forest Enets belong to the so-called postposition series — groups of postpositions with a common stem and different residual “case” suffixes. Some postposition series are formally and semantically related to locative nouns, which at first glance seem to be the sources for the corresponding postpositions. However, the analysis of their relation refutes this hypothesis. Firstly, it is impossible to establish a natural path of phonological reduction from some of the locative nouns to the postpositions. Secondly, locative nouns denote not only object parts but also regions adjacent to that object parts, which is typical of spatial adpositions but not of their source nouns. Lastly, for a number of postposition series there can be found plausible alternative sources. The properties of the locative nouns in Forest Enets suggest that

they are members of the postposition series used in syntactic positions where the postpositional groups are not allowed.

Keywords: spatial adpositions, grammaticalization, Enets, locative nouns.

E. V. Perehval'skaya. Retrospective shift in Udihe

The article examines the complex verb forms in Udihe and other Tungus-Manchu languages; the degree of grammaticalization of certain of these forms is determined. The process of grammaticalization and the formation of the retrospective shift marker in the Khor dialect of Udihe is shown.

Keywords: Tungus-Manchu languages, Udihe, grammaticalization, retrospective shift, complex verb forms.

A. M. Pevnov. On an unusual correlation of case with some verb categories

Strangely enough, the case marking of nouns can depend on tense, aspect, mood, evidentiality, and transitivity. In other words, particular verb grammemes determine particular noun ones. From the syntactic point of view, a noun governed by a verb can, at the same time, agree with it. Such an unusual correlation is peculiar to Yakut, Dolgan, Tuvan, Manchu and some other languages.

Keywords: case, tense, aspect, mood, evidentiality, government, agreement.

V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva. Contrastive past in Enets

In this paper we describe a peculiar past tense marker in Enets. It can render the meaning of discontinuous past, but its semantics is much wider — thus, a broader term like “contrastive past”, proposed in the paper, seems to be more appropriate. Moreover, this marker functions as a kind of morphological operator: it can be added to several finite forms of verbal paradigm, modifying its semantics. Different semantic effects of such interaction (varying from contrastive past meaning to unreal meanings) are discussed in the paper.

Keywords: grammatical semantics, verb forms, past tense, Samoyedic languages, Enets.

M. Ju. Pupynina. Asymmetry of affirmative and negative verb forms in Chukchi

The paper examines the meaning and function of negative verb forms in the Chukchi language. Negative forms and constructions of Chukchi differ in form a lot from their affirmative counterparts. Classification of Chukchi negatives is based upon the notion of the symmetry/asymmetry of negation. Several types of the formal asymmetry of negation are elicited, according to the classification proposed by M. Miestamo. The TAM system shows a different design of oppositions in the negative, compared to the verbal system of affirmative forms. For some negative forms, no affirmative correspondences are found at all.

Keywords: Chukchi language, negation, verbal morphology, analytic constructions, finiteness.

E. A. Renkovskaja. “Seeing you I’m not afraid”: Kumaoni postpositions derived from verbs

This paper deals with Kumaoni, an Indo-Arian language, central Pahari group of languages. The focus is on postpositions that mark the core semantic roles and that are derived from verbs. I analyze an undescribed verbal postposition marking stimulus of emotional state, and the grammaticalization of verbs into some other postpositions. It is shown that postpositions marking the core participants may be derived from converbs and passive participles (with an optional instrumental postposition). It is noted that verbal postpositions tend to replace other postpositions with the same function.

Keywords: Kumaoni, verbal postpositions, grammaticalization, core semantic roles, stimulus of an emotional state.

F. I. Rozhanskiy. On the special features of reduplicated ideophones in Komi-Zyrian

This article describes reduplicated ideophones in the Komi language. The material was collected by the author in the village of Eremeevo (Troitsko-Pechorsky District) in 2002–2003. The research concentrates on two specific features of Komi ideophones: characteristics of inexact reduplication and the morphology of ideophones. The analysis shows that Komi displays a typologically rare combination of progressive and regressive reduplication. The morphology of Komi ideophones is rather unique, because Komi ideophones can attach person, number, and tense affixes while preserving the reduplicated form. The analysed material poses a number of questions on

the interpretation of the morphological structure of the ideophones and specific features of the Komi derivation and inflection.

Keywords: Komi-Zyrian, ideophones, reduplication, derivation, inflexion.

E. L. Rudnitskaya. Typological features of coordination in Evenki

In this paper, Evenki coordinate constructions of different types are considered: nominal and verbal coordination, converb constructions (Altaic coordination), coordinate conjunction constructions, and constructions with focus particles. We discuss the question of how linguistically well-based it is to regard all of these constructions as coordinate (taking formal as well as functional criteria into account). The conjunctive construction with *-dā* is given special consideration. Evenki data were also considered from the point of view of structural models of coordination.

Keywords: coordination, structural, model, particle, Evenki.

N. V. Serdobolskaya. The marking of nominal and sentential arguments in Adyghe: the semantic shift in the meaning of case markers

This paper is focused on variation in the case marking of complement clauses in Adyghe (Northwest Caucasian). The variation described here cannot be explained on the basis of the phenomena that are observed with nominal arguments (difference in case marking with labile verbs; differential subject/object marking; difference in semantic roles leading to different case marking). I claim that the constructions in consideration are a result of grammaticalization of the case markers as complementizers. The adverbial case marker denotes propositional complements, while the instrumental case introduces eventive complements.

Keywords: complementation, Adyghe, grammaticalization, case, event, fact, proposition.

Je. Ju. Sharikhin. Lexical and semantic innovations in the adverbs in *-ski* (based on the evidence from the 19th century Russian fiction)

This paper studies the innovations in adverbs in *-ski* (with the prefix *po-* and without it), which are motivated by nouns with the meaning of person (*vel'mozheski*, *kanal'ski*, *anafemski*, *idol'ski*, *gastro-nomicheski*, *gurmanski* and some others). The paper examines the features of semantic dynamics in this group of words, in particular the development of abstract meaning of intensifier in adverbs with originally qualitative

meaning as well as an expansion of the adverb semantics from the direct meaning to figurative one.

Keywords: Russian language, diachronic lexicology and word formation, semantics, adverb.

I. P. Sorokina. On dependent predicates in Enets

This article outlines special forms that are used in Enets complex sentences. These forms have case formants or their equivalents that mark syntactic relations between dependent and main clauses. These forms include nouns derived from verbs, participles and converbs. Special attention is paid to the fact that verbal stems used as dependent predicates combine with suffixes of oblique possession rather than of subject-object possession.

Keywords: Enets language, complex sentences, dependent predicates, oblique possession.

I. A. Stenin. Non-causative effects of causative morphology in the Northern Samoyedic languages

This paper concerns the uses of causative markers in Northern Samoyedic that do not have proper causative meanings. The secondary effects of causative morphology include applicativization, agentivization, unintentional causation and conversion. In the applicative meaning, a causative marker attaches only to intransitive verbs. Marking unintentional causation, the causative combines generally with ambitransitive verbs and converts them into strictly transitive. The data from the Northern Samoyedic languages let us supplement the existing classification of “causatives which do not cause” with new parameters and make it more precise.

Keywords: causative, applicative, (de)agentivization, conversion, Northern Samoyedic languages.

A. A. Syuryun. Polyaffixes in the Tyvan language

This article is devoted to the forms of conditional and terminative moods in the Tyvan language. These forms consist of “external” and “internal” suffixes, which embrace the markers of 1st and 2nd person singular and plural. The data in this paper include recent materials on endangered Tofa language collected by the author in 2011. The presented data show recent changes in the Tofa language and indicate transitional steps of conditional forms from analytical markers to compositive.

Keywords: polyaffix, Tyvan, Tofa, Siberian Turkic, conditional, terminative.

A. P. Volodin. “Morphonologic rarities” in Itelmen

The paper outlines the vowel alternations *i/e, u/o* which occur in Itelmen verbal roots as well as the “alternation” $/+s>\emptyset$. The author shows that these alternations depend on the functional word type and can be described as “ablaut alternations”. This type of alternation is not common in other Siberian languages. This fact proves that Itelmen is not genetically related to Chukchi-Koryak languages.

Keywords: Itelmen, morphonology, ablaut, genetic relationship of languages.

A. P. Volodin. On the category of gender in the languages of Siberia

Based on the material of Siberian languages, this article introduces the following typological implication: if the category of gender is missing from a language, the language has the linear word-form model $R+(m)$, where R is the root, m — an affix. The reverse is also true. The author claims that this implication is not universal. Dravidian languages are exceptions, as they have the grammatical category of gender and, at the same time, a rich set of prefixes. Still, those Siberian languages that have prefixes have certain relics of the gender category.

Keywords: gender, the Siberian languages, prefixes, morpheme order.

A. P. Vydrin. ‘Difficult’ and ‘easy’ mode of action: an Ossetic modal construction

The paper studies a rare case of the grammaticalization of the meanings ‘difficult’ and ‘easy’ mode of action on Ossetic. To convey these meanings, the Ossetic language has a specialized construction which is not mentioned in Ossetic standard grammars and is unique for Iranian and Caucasian languages. The construction is close to passive constructions and to a modal construction of possibility, but its origin and the time of appearance in Ossetic is not clear.

Keywords: Ossetic language, modality, construction, Iranian languages, Caucasian languages.

СОДЕРЖАНИЕ

Языковое разнообразие в Российской Федерации

Предисловие. Языковое разнообразие на территории России: проблемы документирования и интерпретации (<i>Е. В. Головки</i>).....	7
<i>Т. Б. Агранат (Москва)</i> О трех раритетных явлениях в отрицательной парадигме в прибалтийско-финских языках	22
<i>О. И. Беляев (Москва)</i> Псевдосочинение в осетинском языке	33
<i>Н. Я. Булатова (Санкт-Петербург)</i> Эмоционально-оценочные суффиксы именных и глагольных форм в эвенкийском языке	60
<i>А. П. Володин (Санкт-Петербург)</i> «Морфонологические раритеты» в ительменском языке.....	78
<i>А. П. Володин (Санкт-Петербург)</i> О категории рода в языках Сибири	94
<i>А. П. Выдрин (Санкт-Петербург)</i> Легко и трудно осуществить действие. Осетинская модальная конструкция	111
<i>Ю. Е. Галямина (Москва)</i> Инкорпорация в современном кетском языке.....	135
<i>Д. С. Ганенков (Москва)</i> Эволюция падежного маркирования и синтаксический статус экспериенцера в даргинском языке	155
<i>Е. Ю. Груздева (Хельсинки)</i> Демонстративы в нивхском языке.....	169
<i>Е. А. Крюкова (Томск)</i> Как изменяются традиционно неизменяемые части речи в енисейских языках	187

Содержание

<i>Н. В. Кузнецова (Санкт-Петербург)</i> Две фонологические редкости в диалектах ижорского языка	201
<i>Т. А. Майсак (Москва)</i> Дублирование субъектных местоимений в агульском языке: корпусные данные и попытки интерпретации	258
<i>А. А. Мальцева (Новосибирск)</i> Рост синтетизма в системе таксисных конструкций алюторского языка.....	286
<u>И. А. Муравьева</u> Типологическое своеобразие прилагательных в алюторском языке.....	304
<i>Г. А. Некрасова (Сыктывкар)</i> Некоторые особенности функционирования аккузатива в пермских языках.....	321
<i>М. А. Овсянникова (Санкт-Петербург)</i> Локативные существительные в лесном диалекте энецкого языка	337
<i>С. А. Оскольская (Санкт-Петербург)</i> Показатель «косвенных падежей» в нанайском языке.....	379
<i>А. М. Певнов (Санкт-Петербург)</i> О необычной корреляции падежа с некоторыми глагольными категориями	398
<i>Е. В. Перехвальская (Санкт-Петербург)</i> Ретроспективный сдвиг в удэгейском языке (к вопросу о сложных глагольных формах)	409
<i>В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (Москва, Санкт-Петербург)</i> Контрастивное прошедшее в энецком языке: уникальный «плюсquamперфект» и его экспансия в глагольной системе.....	431
<i>М. Ю. Пупынина (Санкт-Петербург)</i> Асимметрия аффирмативных и негативных глагольных форм в чукотском языке	469

<i>Ф. И. Рожанский (Москва/Тарту)</i> О некоторых особенностях редуплицированных идеофонов в коми языке.....	496
<i>Е. Л. Рудницкая (Москва)</i> Типологические особенности сочинения в эвенкийском языке.....	520
<i>Н. В. Сердобольская (Москва)</i> Оформление именных и сентенциальных актантов в адыгейском языке: семантический сдвиг в значении падежных показателей.....	535
<i>И. П. Сорокина (Санкт-Петербург)</i> О зависимых предикатах в энецком языке.....	571
<i>И. А. Стенин (Москва)</i> Некаузативные эффекты каузативной морфологии в северносамодийских языках.....	583
<i>А. А. Сюрюн (Санкт-Петербург)</i> Полиаффиксы в тувинском языке.....	598
<i>О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский (Москва)</i> Императивные формы в энецком языке.....	610
<i>Dejan Matić, Cecilia Odé (Nijmegen, Amsterdam)</i> On Prosodic Signalling of Focus in Tundra Yukaghir.....	627
Varia	
<i>С. В. Краснощекова (Санкт-Петербург)</i> Статус притяжательных местоимений 3 лица в речи ребенка.....	647
<i>Ю. М. Кувшинская (Москва)</i> О коммуникативной обусловленности предикативного согласования с именными группами со значением неопределенного количества в русском языке.....	659
<i>Е. А. Ренковская (Москва)</i> «Тебя видя не боюсь»: послелогои языка кумаони, производные от глаголов.....	688

Содержание

Е. Ю. Шарихин (Санкт-Петербург)

Лексические и семантические новообразования в области
наречий на *-ски* в русской художественной прозе XIX века698

Сведения об авторах723

Аннотации и ключевые слова.....727

Summaries and Keywords741

CONTENTS

Языковое разнообразие в Российской Федерации

Preface. Language diversity in Russia: problems of documentation and interpretation (<i>E. V. Golovko</i>)	7
<i>T. B. Agranat (Moscow)</i> On Three Rare Phenomena in the Negative Paradigm in Baltic-Finnic Languages	22
<i>O. I. Belyaev (Moscow)</i> Pseudocoordination in Ossetic	33
<i>N. Ya. Bulatova (St. Petersburg)</i> Nominal and verbal evaluative suffixes in Evenki	60
<i>A. P. Volodin (St. Petersburg)</i> “Morphonologic rarities” in Itelmen	78
<i>A. P. Volodin (St. Petersburg)</i> On the category of gender in the languages of Siberia	94
<i>A. P. Vydrin (St. Petersburg)</i> ‘Difficult’ and ‘easy’ mode of action: an Ossetic modal construction	111
<i>Ju. Je. Galiamina (Moscow)</i> Incorporation in the modern Ket language	135
<i>D. S. Ganenkov (Moscow)</i> Evolution of case marking and syntactic status of experiencer in Dargwa	155
<i>E. Ju. Gruzdeva (Helsinki)</i> Demonstratives in Nivkh	169
<i>E. A. Kryukova (Tomsk)</i> How traditionally unmodified parts of speech can be modified in the Yeniseian languages	187

Contents

<i>N. V. Kuznetsova (St. Petersburg)</i> Two phonological rarities in the dialects of Ingrian	201
<i>T. A. Maisak (Moscow)</i> Subject pronoun doubling in Aghul: corpus data and possible interpretations	258
<i>A. A. Maltseva (Novosibirsk)</i> Synthesis growth in the system of Alutor complex taxis sentences	286
I. A. Muravyova Specific typological features of adjectival words in Alutor	304
<i>G. A. Nekrasova (Syktyvkar)</i> Some properties of the accusative in the Permian languages	321
<i>M. A. Ovsjannikova (St. Petersburg)</i> Locative nouns in Forest Enets	337
<i>S. A. Oskolskaya (St. Petersburg)</i> The marker of “oblique cases” in Nanai	379
<i>A. M. Pevnov (St. Petersburg)</i> On an unusual correlation of case with some verb categories	398
<i>E. V. Perekhvalskaya (St. Petersburg)</i> Retrospective shift in Udihe	409
<i>V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva (Moscow, St. Petersburg)</i> Contrastive past in Enets	431
<i>M. Ju. Pupynina (St. Petersburg)</i> Asymmetry of affirmative and negative verb forms in Chukchi	469
<i>F. I. Rozhanskiy (Moscow/Tartu)</i> On the special features of reduplicated ideophones in Komi-Zyrian	496
<i>E. L. Rudnitskaya (Moscow)</i> Typological features of the coordination in Evenki	520
<i>N. V. Serdobolskaya (Moscow)</i> The marking of nominal and sentential arguments in Adyghe: the semantic shift in the meaning of case markers	535

<i>I. P. Sorokina (St. Petersburg)</i> On dependent predicates in Enets	571
<i>I. A. Stenin (Moscow)</i> Non-causative effects of causative morphology in the Northern Samoyedic languages	583
<i>A. A. Syuryun (St. Petersburg)</i> Polyaffixes in the Tyvan language.....	598
<i>O. V. Khanina, A. B. Shluinsky (Moscow)</i> Imperative forms in Enets.....	610
<i>D. Matić, C. Odé (Nijmegen, Amsterdam)</i> On prosodic signalling of focus in Tundra Yukaghir.....	627
Varia	
<i>S. V. Krasnoshchekova (St. Petersburg)</i> 3 rd person possessive pronouns in a child's language system	647
<i>Ju. M. Kuvshinskaja (Moscow)</i> On influence of Theme-Rheme-structure on predicate agreement with quantifier phrases of an indefinite quantity in Russian	659
<i>E. A. Renkovskaja (Moscow)</i> “Seeing you I’m not afraid”: Kumaoni postpositions derived from verbs	688
<i>Je. Ju. Sharikhin (St. Petersburg)</i> Lexical and semantic innovations in the adverbs in <i>-ski</i> (based on the evidence from the 19 th century Russian fiction)	698
Authors	723
Summaries and Keywords	727

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.

Т. XI. Ч. 2. Языковое разнообразие в Российской Федерации / Ред. Е. В. Головкин, М. З. Муслимов, С. А. Оскольская, А. М. Певнов. СПб.: Наука, 2015. — 760 с.

Утверждено к печати

Ученым советом Института лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 28.07.2015

Формат 60x90 1/16

Усл. печ. л. 47,6. Уч.-изд. л. 38,4. Тираж 500 экз.

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

main@nauka.nw.ru

www.naukaspb.com

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Оригинал-макет подготовила С. А. Оскольская

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21

тел./факс: (812)6220123

menager_nestor@list.ru

Подписка осуществляется по интернет-каталогу «Книга-сервис»

<http://www.akc.ru/goods/1558086950>

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН

<http://iling.spb.ru/alp/issues.html>